ДЕЛО
ПЕТРАШЕВЦЕВ

ТОМ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

EB_1941_AKS_130

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1941

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДЕЛО ПЕТРАШЕВЦЕВ

ТОМ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ответственный редактор В. А. Десницкий

976

ПРЕДИСЛОВИЕ

В выпускаемом II томе «Дела петрашевцев» сгруппированы следственные документы тех участников кружка Петрашевского, которые являлись постоянными посетителями, проявили себя выступлениями и докладами, — одним словом, активного ядра кружка. Сюда входят документы архивариуса А. П. Баласогло, энтузиаста науки, стремившегося к просветительной издательской деятельности; учителя русской словесности Ф. Г. Толя, читавшего доклад о религии; педагога И. Л. Ястржембского, прочитавшего у Петрашевского серию лекций по политической экономии; любознательного военного чиновника П. А. Кузьмина; ученого естествоведа Н. Я. Данилевского (впоследствии известного представителя неославянофильской школы), активно пропагандировавшего учение Фурье в кружке Петрашевского зимой и весной 1848 г.

Активистами кружка Петрашевского являлись также многие другие лица, связанные, кроме того, с кружками Кашкина и Дурова. Документы их войдут в III том настоящего издания.

Во II том входят также следственные документы петрашевцев А. П. Беклемишева и К. И. Тимковского, чиновников Министерства внутренних дел, постоянно живших в Ревеле и связывавшихся с кружком Петрашевского во время приездов в столицу. Здесь мы наблюдаем притяжение в сферу кружка Петрашевского прогрессивных элементов из провинции и влияние кружка за пределами Петербурга.

Часть публикуемых материалов была напечатана во II томе сборника «Петрашевцы» под ред. П. Е. Щеголева (ГИЗ, 1927) и в других изданиях: «Исповедь» Баласогло, изложение социально-экономических систем Ястржембского, изложение учения Фурье Данилевского, набросок речи о происхождении религии Толя, два письма из серии «Переписки двух помещиков» Беклемишева. В ряду с другими впервые публикуемыми документами процесса они приобретают интерес в связи с возможностью более полного их понимания и истолкования.

Из впервые публикуемых документов особый интерес представляют проект организации книгоиздательского товарище-

ства Баласогло, дневники Кузьмина, проект освобождения крестьян Беклемишева, а также ряд показаний петрашевцев на следствии, как, например, показания Баласогло, Тимковского, изложение Тимковским своей речи (т. II, док. № 84), дающее ценный материал для понимания письма к нему Петрашевского (черновик которого опубликован в I томе настоящего издания), показания Кузьмина об Антонелли (т. II, док. № 46) и др.

Что же дают документы публикуемого тома для раскрытия социального лица петрашевцев и для углубленного изучения эпохи? Содержание большей части этих документов насыщено общественными интересами петрашевцев и показывает их нам, как массовых представителей прогрессивной интеллигенции, хотя и связанных еще с дворянской средой, но являющихся уже по существу предшественниками революционных разночинцев 60-х годов, первым представителем которых был гениальный Белинский.

Прежде всего следует отметить (это касается также и вышедшего I тома) наличие большого количества документов автобиографического характера, дневников, записок, исповедей, в которых безыскусственно и ярко отражена повседневная жизнь рядовых людей 40-х годов, отражена та среда, которая формировала настроения и взгляды петрашевцев.

В дневнике Момбелли (т. I, док. № 43) мы встречаем богатейший материал, показывающий материальный быт офицеров и солдат, их взаимоотношения, интересы офицерской среды. Момбелли дает потрясающее описание наказания шпицрутенами, обычного в николаевской армии. В дневнике Кузьмина (т. II, док. № 43) выведены провинциальные помещики и чиновники, к которым он подходит с точки зрения «годности их к развитию новых идей общественности», описаны попы, семинарии, приюты, тюрьмы, ярмарка, дворянские выборы и т. д. В замечательной исповеди Баласогло (т. II, док. № 5) с художественной силой показана история мытарств талантливого бедняка, всю жизнь пробивавшегося к научной работе и не достигшего ее, полураздавленного бюрократической машиной николаевской монархии, чиновными аристократами-тунеядцами, заграждавшими доступ к науке. Недоступность науки для массы и недоступность для ученого применения своего труда на благо общества — вот что мучит Баласогло. «Мир стоит у дверей ученого и ждет, голодный, холодный и оборванный, конца его занятий», — восклицает он в своем проекте «Общества для помощи русским ученым и художникам».

В документах дела мы находим такой редкий и ценный материал, как подробное описание, сделанное Черносвитовым,

волнения государственных крестьян в Оренбургской и Пермской губерниях 1841—1842 гг., обстоятельства которого живо напоминают знаменитое волнение в Бездне 1861 г. (т. I, док. № 82, II).

В ряде документов I и II томов ярко отражена ненависть петрашевцев к крепостному строю, ненависть к отсталости России, к старой «Московии». Баласогло выражает горячее сочувствие европеизации России и любовь к русскому простому народу, который богатырски идет вперед, «не отставая, не унывая, не проклинаясь», неутомимо стремясь к просвещению. С патриотическим негодованием Баласогло отвергает мысль о том, что в России нет людей европейского склада, писателей, художников, «нет мысли и воли на просвещение». «В России есть и должно быть все», в ней рождаются европейские люди «что ни день, то горсть, что ни десяток лет, то поколение» (т. II, док. № 3).

Тяжесть и нестерпимость крепостничества в личных и общественных условиях жизни петрашевцев обостряла у многих из них чуткость к классовым противоречиям русского общества, порождала чувство близкой общественной катастрофы. Чрезвычайно интересны в этом отношении высказывания Баласогло и Беклемишева. Баласогло представляет себе эту катастрофу в виде революционного переворота, когда «чернь будет терзать дворян и чиновников», когда распадется Россия, потому что восстанут и отложатся от нее покоренные царизмом Польша, Украина, Кавказ и восточные народы (т. II, док. № 5). Беклемишев пишет в «Письме об обращении крестьян в свободных землевладельцев» о том, что настоящие отношения помещиков и крестьян не могут долго существовать. «Идея свободы, как электрическая искра, пробежала по деревням и селам, умы крестьян в брожении, страсти разгораются... Уже распускаются самые опасные слухи в народе, толкуют даже, будто вышел уже указ о свободе, который будто бы скрывается помещиками... Логическое следствие этой мысли, глубоко вкоренившейся в народе, может быть только рано или поздно — общее восстание крестьян против предполагаемых утеснителей своих; не нужно, я думаю, объяснять следствия такого восстания народа буйного, необразованного и к тому же большею частью действительно угнетаемого» (т. II, док. № 75, III).

Петрашевцы, стремясь к уничтожению крепостного строя, выставляя требования ряда политических и социальных реформ, остро сознавали необходимость политического действия. Они искали этого действия и находили его в пропаганде. Пропаганда являлась для петрашевцев сознательно поставленной организационной задачей. Самые «пятницы» Петрашевского были одной из форм пропаганды. В публикуемых документах

мы встречаем много соответствующих высказываний. Филиппов говорил: «Система нашей пропаганды есть наилучшая и отступать от нее — значит отступать от возможности исполнения наших идей» (т. II, док. № 20). Спешнев и Ханыков отвечали Тимковскому на вопрос, какая цель их кружка, что «цель их — осуществление реформ социальных, а для этого первое и важнейшее средство — пропаганда, которую они намерены устроить в большом размере» (т. II, док. № 84). Толь объяснял Антонелли, «что цель общества состоит в приготовлении способных людей на случай какой-нибудь революции, чтобы при избрании нового рода правления не было недоумения и различия мнений, но чтобы бо́льшая часть уже были согласны в общих началах, и, наконец, приготовлять массы к восприятию всяких перемен».

Толь же говорил Антонелли о желательности привлечения в собрания Петрашевского нескольких женщин, характеризуя женщин, как способных агитаторов, идеи которых «гораздо скорее расходятся и прививаются» (т. II, док. № 20).

Ястржембский и Белецкий пытались вести пропаганду в процессе своей педагогической работы. Тимковский вел устную пропаганду фурьеризма в знакомых домах в Ревеле. Беклемишев пытался распространять написанную им серию писем, посвященных пропаганде системы Фурье.

В большом ходу у петрашевцев были различные издательские проекты для осуществления целей пропаганды. Напомним проект книгоиздательского товарищества Баласогло. Петрашевский высказывал желание основать журнал на акциях (т. II, док. № 20). На его собраниях деятельно обсуждались всякие способы и ухищрения по борьбе с цензурой. У Плещеева обсуждали возможность издания литературы за границей, чем увлекся даже Данилевский, возгоревшись желанием напечатать популярное общедоступное изложение системы Фурье на русском языке (т. II, док. № 56). Большой успех рукописного письма Белинского к Гоголю вызвал стремление распространять его в копиях. В кружке Дурова собирались писать и распространять агитационные произведения, одно из которых — «Солдатская беседа» — и было составлено Григорьевым.

Логическим следствием этих стремлений явилась подготовка к устройству нелегальной литографии (Спешневым и Филипповым), осуществлению чего помешал только арест петрашевцев.

Вести политическую борьбу с крепостным государством путем пропаганды — к этому петрашевцы были готовы. Баласогло с особенным увлечением отмечал тот факт, что, когда «по случаю западных происшествий, ценсура всею своею массой обрушилась на русскую литературу» и весь литературно-

либеральный город прекратил по домам положенные дни Петрашевский не поколебался продолжать свои «пятницы», зная, что его могут во всякую минуту схватить и начать розыски (т. II, док. № 5).

Но что же пропагандировали петрашевцы, с чем они выступали перед обществом?

Документы I и II томов дают возможность проследить «роль и влияние западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения» [1] в России 40-х годов. В этом отношении заслуживают внимательного изучения обширные списки иностранных книг, составленные Петрашевским для нужд своей библиотеки (опубликованные в «Приложении» к I т.).

Петрашевцы пропагандировали материализм, выступали против попов, боролись с религией. В «Карманном словаре иностранных слов» Петрашевский основательно популяризировал Фейербаха. Очень интересен факт влияния кружка петрашевцев на верующего Тимковского, который в короткое время убедился, «что не верить, а знать должен человек; что все должно поверяться разумом и чего разум не может доказать, то недостойно занимать мышление» (т. II, док. № 84).

Нужно отметить две стороны пропагандистской деятельности петрашевцев. Когда они выступали с критикой крепостнического бюрократического строя России, восставали против самодержавно-полицейского произвола, требовали освобождения крестьян, введения гласного судопроизводства, свободы печати — в этом была их сильная сторона, этим они выражали интересы широких закрепощенных масс и являлись представителями революционно-демократического движения в России, подрывавшего крепостной порядок.

Но объективная слабость сил для активной борьбы с крепостническим государством, отсутствие организации, отсутствие связи с массами у их движения, все еще продолжавшего быть «страшно далеким от народа» — заставляли петрашевцев искать систем общественного переустройства, не связанных с революционной политической борьбой. Такой системой, горячо увлекавшей и покорявшей петрашевцев, и была система Фурье.

Документы «Дела петрашевцев» дают обильный и ценный материал для анализа русского фурьеризма. Изложение системы Фурье и замечания о ней оставлены нам Петрашевским, Данилевским, Беклемишевым, Тимковским, Ястржембским, Ахшарумовым и др. Особенно ясное и толковое изложение уче-

---

[1] Замечания И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова по поводу конспекта учебника по „Истории СССР“ („Борьба классов“, 1936, № 2, стр. 6)

ния Фурье, не потерявшее ценности и до сегодняшнего дня, сделано Данилевским.

Чем же привлекала петрашевцев система Фурье и что именно они брали из нее?

Великий мыслитель, беспощадно критиковавший язвы и противоречия капиталистического строя, создал гениальную мечту о будущем счастливом социалистическом обществе. Утопизм Фурье, соответствовавший идеологии еще незрелого нарождавшегося пролетариата, заключался в его иллюзии о возможности сотрудничества классов, о возможности реорганизации общества без уничтожения классов и экономического неравенства, без жестокой классовой борьбы. В 40-х годах, в то время, когда в Европе уже родился научный социализм Маркса и Энгельса, в крепостной отсталой России, в условиях неразвитых еще капиталистических противоречий, петрашевцы использовали и критику Фурье, и его положительную систему в применении к современным окружавшим их общественным отношениям.

Петрашевцы видели социализм, вслед за буржуазными демократами Запада 40-х годов, в том, чтобы, по определению Ястржембского (т. II, док. № 32), заменить конкуренцию ассоциацией — солидарностью интересов, т. е. в устранении классовых противоречий и в установлении классового мира.

Большинство петрашевцев (было, правда, несколько исключений) отвергали систему коммунизма (утопического, домарксовского коммунизма), который представлялся им в виде отрицания всякой собственности и в виде раздела богатств, не связанного с вопросом об увеличении общественного богатства, о развитии производительности труда. Петрашевцы признавали фурьеризм, оставлявший в неприкосновенности частную собственность и переносивший центр внимания на вопросы увеличения производительности труда.

«Вся задача общественная, — пишет Данилевский, — будет состоять в том, чтобы так устроить междучеловеческие отношения, чтобы страсти [в понимании Фурье — деятельные способности] одних людей не сталкивались враждебно со страстями других... заменить борьбу частных интересов между собою и интереса частного с интересом общим — всегдашним совпадением этих интересов» (т. II, док. № 56).

Вопрос об удовлетворении интересов всех упирался в вопрос увеличения количества материальных средств. Количество производства материальных богатств, писал Данилевский, зависит от наличия материала в природе, от средств науки и «от экономического устройства обществ, от чего зависит возможность пользоваться данными природы и средствами науки».

Согласно теориям буржуазной политической экономии, в которых отсутствовало понятие производственных отношений, открытое Марксом, — петрашевцы сводили экономическое устройство общества к «организации потребления».

Петрашевцы давали, вслед за Фурье, убедительную критику способа потребления при разделении хозяйств по семействам и делали вывод о необходимости ассоциации, потому что экономия увеличивается с увеличением числа соединяющихся хозяйств. «Ассоциация, — говорит Данилевский, — позволяя применение всех средств науки к производству и сохранению материальных богатств, позволяя более экономический способ потребления их», дает возможность обществу достигнуть богатства и роскоши.

Чрезвычайная простота, неоспоримость и кажущаяся легкость осуществления системы Фурье, для проведения в жизнь которой не нужно будто бы ничего, кроме убеждения и сговора группы людей соединиться в фалангу — все это было причиной успеха фурьеризма в России 40-х годов. Здесь капиталистические противоречия были еще слишком неразвиты, чтобы подорвать доверие к этой утопии. Система Фурье отвечала утопическому стремлению петрашевцев устранить классовые противоречия современного им общества. «Нынешние неимущие получали бы много, — заявляет Тимковский, — а имущие еще увеличили бы свое достояние. Не было бы недовольных, каждый дорожил бы спокойствием общественным, следовательно пресеклись бы все причины к смутам и революциям... Система Фурье достигает своих целей путем мира, без смут, без насильственных потрясений, при какой бы то ни было форме правления» (т. II, док. № 84). Еще более откровенно говорит об этом Беклемишев, который в своей «Переписке двух помещиков» всячески доказывает преимущества ассоциации — «собщения» над «дроблением по разным отраслям труда». «Опыт доказал и доказывает нам ежеминутно, что помещики, т. е. владельцы, лучшие и вернейшие защитники порядка и враги смут; собщите помещиков и крестьян, и тогда все без исключения будут враги беспорядков. Тогда помещики не будут более, как ныне, дрожать ежеминутно за жизнь свою, они будут спокойно ложиться спать. Отчего? Оттого, что не будет больше рабов, порою потрясающих самое твердое иго, не будет больше нищих, в вечной борьбе с обществом, отказывающим им в насущном хлебе, не будет пролетариев, не будет отверженцев» (т. II, док. № 64).

Значительную роль в интересе петрашевцев к системе Фурье играл вопрос о повышении производительности труда, связанный с кризисом крепостного способа производства. Фурье глубоко разработал этот вопрос. Он отстаивал крупное

коллективное производство. Петрашевцы популяризировали теорию Фурье о сериарной коллективной организации труда, построенной на превращении тяжелого труда в труд привлекательный, на разнообразии и непродолжительности его и на применении индивидуального и группового соревнования. Увлекательное описание производственного соревнования и трудового энтузиазма, охватывающего участников сериарной организации труда, дано Данилевским в известном изображении соревнования косцов на мировое первенство (т. II, док. № 56).

Кроме затронутых нами проблем, публикуемый материал дает ответ и на ряд других вопросов, могущих быть предметом детального исследования.

Принципы публикации документов настоящего издания изложены в «Предисловии» к I тому. Во II томе введены некоторые упрощения: удалены квадратные скобки при не вызывающих сомнения дополнениях сокращенных слов; правописание приближено к современной орфографии в тех случаях, когда это не нарушает особенностей подлинника. Настоящий том подготовлен к печати В. Р. Лейкиной; ею же составлено и предисловие. Археографическая редакция принадлежит Э. А. Корольчук. Общая редакция принадлежит В. А. Десницкому.

ДЕЛО

А. П. БАЛАСОГЛО

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ А. П. БАЛАСОГЛО

1. 1849 г. мая 12. — Препроводительное отношение за № 31 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных, кн. А. Ф. Голицына, к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 17, „Следственное дело о надворном советнике Баласогло". На 194 лл. Л. 45

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Честь имея препроводить при сем к вашему высокопр-ву, при описи, найденные у надворного советника Болосооглу бумаги подозрительного и преступного содержания, покорнейше прошу вас, м. г., принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

2. 1849 г. мая 12. — Опись бумаг А. П. Баласогло

Ч. 17, лл. 46, 46 об. К отношению № 31

Опись найденным у надворного советника Болосооглу бумагам подозрительного и преступного содержания.

1. Проект устава об учреждении в С. Петербурге обществом любителей просвещения складочного магазина для распродажи книг, с особенною при оном библиотекою для чтения и собственною типографиею и литографиею; также с заведением сношений и агентов за границею и в России для закупки иностранных книг, узнавания спросов публики и самоскорейшего их удовлетворения.

Весь проект этот написан в духе либеральной пропаганды, и отмеченные красным карандашом мысли доказывают

преступную политическую цель предположенного предприятия.

2. Статья без подписи на тему: «почему есть и есть везде рабство», смысл которой, по выражению неизвестного сочинителя, он полагал уместным написать кругом российского герба.

3. Письмо штабс-капитана Генерального штаба Кузьмина, от 23 августа 1848 г., в котором пишет о предположении купить на Васильевском острову отдельный дом, который называет: «убежищем для них»; также просит прислать экземпляр нового устава.

4. Его же, Кузьмина, письмо от 8 июля 1848 г., в котором, говоря об обществе тамбовском, как неознакомленном еще с социальностью, отзывается насчет оного и религиозных обрядов в неприличных, особенно в звании его, насмешливых выражениях.

5. Его же записка, от 29 декабря 1847 г., о встречаемой Милютиным надобности переговорить с Болосооглу, о чем же, тут не объяснено.

6. Письмо от Невельского, без числа, о необходимой надобности Кузьмина познакомиться с Болосооглу и переговорить с ним об известном ему предмете.

7. Письмо Б. Милютина от 25 февраля 1849 г., о том, что в тот день не может принять предложение Болосооглу свезти его к Петрашевскому.

8. Записка А. Майкова, без числа, о том, что нужно бы назначить общее собрание.

9. Шифр для переписки.

10. Визитная карта Толя, в конверте на имя Болосооглу, с написанным на оной приглашением прибыть к нему для отправления вместе к одному человеку по делу, не терпящему отлагательства.

Кн. А. Голицын.

3. 1849 г. мая 12. — Бумаги А. П. Баласогло, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных

I. Не позднее 1845 г. — А. П. Баласогло. Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией

Ч. 17. лл. 47—82. Копия. Поправки на копии, сделанные рукою Баласогло карандашом, не оговариваются. Датировано по показанию Баласогло, что он читал этот проект у Петрашевского в самом начале знакомства с ним, состоявшегося четыре года назад.

Общество нескольких ученых и любителей просвещения, желая содействовать, по мере своих понятий и сил, развитию отечественной литературы, предприняло основать заведение, которое бы имело целью доставлять способ русским ученым

и художникам издавать в свет свои произведения и публике — всевозможные удобства к их приобретению.

Руководствуясь этою целью, общество, по долгом соображении, остановилось наконец на совокупной необходимости следующих мер.

1. Учреждения в столице складочного магазина для распродажи книг, существующих или имеющих выходить в свет, на каких бы то ни было языках, и преимущественно на русском.

2. Открытия при этом магазине, для удобства лиц, не могущих или *не желающих, по каким бы то ни было причинам, покупать книги,[1] особенной библиотеки для чтения.

3. Издавания на свой счет сочинений, какие только будут доставляемы с этою целью их авторами в рукописях, по предварительном удостоверении общества в их существенном, безусловном достоинстве, или хотя относительной, по неизбежной в них необходимости для русской публики.

4. Издавания на счет авторов всех их произведений, без всякого разбора и исключения, соблюдая только то главное условие, чтоб книги обходились *покупателям сколько возможно дешевле.[2]

5. Заведения для всего этого при том же магазине собственной своей типографии с литографиею и другими принадлежностями,

и 6. заведения сношений и агентов как за границей, так и в самой России, для закупки иностранных книг, узнавания спросов публики и самоскорейшего удовлетворения этих спросов.[3]

Совместное существование всех этих отдельных статей в одних руках, по мнению общества, есть единственное средство достичь своей цели. Ничто так не гибельно во всех человеческих предприятиях, как расторжение одного и того же в сущности дела на множество отдельных производств, отрешенных или отрешившихся, бог знает как, от всякой взаимной зависимости и соподчинения главному — общей мысли самого дела. Вся современная торговля, промышленность и все общественное хозяйство представляет тому самые разительные доказательства в бесчисленных фактах ужасного, почти непостижимого распадения всего, к чему бы только ни прикоснулись в настоящее время человеческие руки. Раздельная и мнимая самобытность частей и частиц одного и того же дела влечет за собою во столько раз огромнейшие издержки, на сколько дробей безмолвно и бессозна-

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *подчеркнуто красным и пункт отмечен на полях* [3] *отмечено на полях красным карандашом, черным карандашом поставлен знак вопроса*

тельно, одним безотчетным ходом обстоятельств, раскромсан предмет. От этого двойная, тройная, десятерная дороговизна предметов, составляющих одно самостоятельное целое и прошедших в рождении на свет, так сказать, бесчисленный ряд мытарств. Блуждая из одного мытарства в другое, из пятых рук в десятые, предмет выходит всегда или уродом, или недоноском. В нем нет ни гармонии частей, ни единства мыслей, ни часто даже самой вещественной механической связи, необходимой хотя бы только для вида, что предмет совершался мыслью, а не слепым случаем. Между тем, как еще и пользование подобным предметом, по своей огромной стоимости, остается уделом немногих, могущих бросать большие деньги на риск, почти всегда верный, получить вместо обещанной горы — летучую мышь, т. е. пуф.

Беспрерывные, вечные и вечно те же жалобы, что у нас нечего читать, не по чем учиться, нигде ничего нельзя достать, повторяются всеми без исключения, с возрастающей для всех безотрадностью. Между тем, самые эти жалобы есть уже доказательство, что публика хочет читать, хочет учиться и ищет, где бы и как бы ей добыть, чего она жаждет. Приговоры знатоков и судей современного хода обстоятельств, обыкновенно, окончательно обрушиваются на писателей и художников: у нас, говорят, еще нет ученых, мы еще так молоды, наши писатели и художники так ленивы... вообще, у нас еще нет людей ни по какой части. Но этих людей никогда и не будет, если мы будем ограничиваться одними подобными рассуждениями и детски бессильными жалобами. Мысли, если она есть, предстоит труд и воля жить, а не плач, не вечное сомнение и равнодушие. Как! неужто у нас все еще нет людей?.. И после Петра, Екатерины, Александра, — и после Румянцевых и Строгановых, и после Плавильщиковых и Сопиковых, и после одного такого человека, как сын холмогорского рыбака, Ломоносова, и после Державина и Карамзина, и Батюшкова и Жуковского, и после самого Пушкина и всей его бесчисленной школы — юношества всей России, — все еще в этой России нет людей?.. Нет писателей, нет художников, нет мысли и воли на просвещение?.. Может ли это быть! В России есть и должно быть все, потому что Россия не Лапландия и не Кафрария, не Китай и не какая-нибудь Ирландия, а великая, средиземная, всеприморская, всенародная, всесовременная империя в мире, — естественная связь, природная посредница всего человечества, *величавейший и мудрейший из его современных членов,[1] существующих держав земного шара. В ней-то и должны быть люди, — нигде инде, как именно в ней. И они были, начиная с Петра до второго русского

[1] *подчеркнуто, на полях знак вопроса*

Ломоносова, поэта-философа, прасола — Кольцова, умершего в цвете лет на наших глазах. В России нет только веры в Россию, и скорее нет общежития, людскости, а не людей. Сравните русского Гоголя со всеевропейским Евгением Сю и спросите, как отозвались немцы об энциклопедии законоведения Неволина; полюбопытствуйте сличить все европейские приемы к общенародности в науке хоть с книгою народной медицины Чаруковского, или ученость французских и прочих романистов с эрудицией русского писателя повестей, кн. Одоевского. Прочитайте татищевские места в романе Башуцкого «Мещанин», письма из-за границы Анненкова, статьи о геологии Озерского, о Сибири Мордвинова и множество других. Взгляните на произведения Брюловых, Тона, Пименова, Ставассера... И потом посмотрите на то, что делается в Европе. А музыка Глинки, и, если верить европейским же отзывам, опыты Дорогомыжского... Увы! Когда во всей Европе нет в наше время ни одного настоящего поэта, поэта человечества и природы, созерцания и действия, — поэта жизни, как она есть во всем своем изящном разнообразии и дивноразумном единстве, — у нас, у нас русских, опять уже есть подобное чудо: пред вами развивается мысль начинающего Майкова!..

Сознав такое воззрение на русский мир всеми своими членами, отдельно, самобытно и независимо друг от друга, в совокупно-глубокое и полное убеждение, общество обратилось к созерцанию причин, от каких зависит настоящее положение дел отечественной литературы, и, нашед, что главная причина такого безнадежного состояния есть общая причина неразумного, ни на чем не основанного раздробления труда, остановилось, как сказано выше, на задаче — соединить весь литературный труд в одно общее целое, как оно должно быть по разуму природы.

Литература, — разумея под этим словом, за недостатком иного, более общего, и самые художества, — есть выражение мысли живого человеческого мира. Выражение есть явление или ряд явлений. Всякое явление обнаруживается живыми созданиями для созерцания и соображения другим созданиям, имеющим на это врожденные потребности и способности. В литературе эти создания суть авторы и их произведения, созерцаемые миром читателей. Произведения авторов являются в человеческом мире в виде книг, картин, изваяний... Умственное и вещественное производство каждого из этих видов выражения общественной мысли составляет особую задачу, для решения которой требуется в каждой ряд подраздельных производств. Это и есть, так называемый, раздел труда. Но так как всякое подразделение есть только часть известного или предполагаемого целого, — все они, не имея

в себе, сами по себе, ничего самобытно-необходимого, неизбежно должны подчиняться одному высшему, главному производству, которое обнимает их все в одно целое. Это главное производство есть совокупность произведения и свод всех частей в желаемую мысль — книгу, картину, статую...

Ограничиваясь, в силу избранной цели, собственно литературою или производством одних книг, с необходимыми при них чертежами и рисунками, пройдем мыслью по всем инстанциям этого производства, по всем мытарствам рождаемого существа — книги.

Во-первых, книга должна в ком-нибудь зародиться в виде новой мысли, как выражение его собственного взгляда на какой бы то ни было предмет или взаимное соотношение многих предметов в известной сфере. Мысль рождается мыслью или, по крайней мере, образуется, развивается, определяется многими совместно существующими мыслями. Эти мысли живут и в головах, и в книгах. В деле науки исследование какого бы то ни было предмета требует доступности для исследователя источников обоего рода — сообщения с мыслями в головах и с мыслями в книгах; но преимущественно с последними, так как книги суть крайнее и решительное выражение чьего бы то ни было воззрения, во всей его полноте и логической строгости изложения. Сообщение с мыслями в головах представляется исследователю непосредственно в самой сфере его жизни — гражданском мире. Этих мыслей приобрести нельзя: их нельзя ни купить, ни достать на прокат; надо с ними жить и действовать, и тут они сами добровольно открывают друг другу сокровища своего созерцания и опыта. Но книги, как предмет неодушевленный, как мысль, ставшая предметом, на который, следовательно, может простираться владение, должны быть или прямою, или заемною собственностью исследователя. Хорошо, если б каждому из нас было возможно располагать всеми необходимыми для нас книгами лично. Но число этих книг доходит до такой степени, что недостанет ничьего состояния все их скупить самому, на свою руку.[1] Следовательно — вот необходимость общественных книгохранилищ, вот потребность общенародных б и б л и о т е к д л я ч т е н и я.

Когда человек, надлежаще приготовленный предварительным образованием и сознающий в себе потребность и силы заниматься, во имя общей пользы, каким бы то ни было предметом научно, будет иметь доступ ежедневно к огромному запасу отборных сочинений по всем частям, есть тысяча вероятностей, что этот человек во сто раз скорее осмотрится в изучаемой им сфере мысленного мира, чем будучи лишен

---

[1] *отмечено на полях*

такого пособия; и, следовательно, собственная его мысль самоопределится свободнее, и цель его изысканий будет им достигнута без тех бесчисленных усилий, изможданющих тело и душу ученого, какие он подымает, домогаясь целую жизнь всеми путями только доступа к какой-нибудь заплесневелой библиотишке, вековому вороху всякого хлама, или положению в гражданском мире, дающему средство скупать подобные вороха самому на свою руку. Общедоступность всечеловеческих мыслей для каждого грамотного человека есть прямая задача и единственная заслуга содержателей общественных библиотек. Прямое следствие этой общедоступности — приволье уму изыскателя бродить от одной мысли к другой, переходить от книги к книге, и — скорее и легче достичь исхода своих брожений и блужданий в этом вековом лабиринте...[1] Мир стоит у дверей ученого и ждет, голодный, холодный и оборванный, конца его занятий. Чем скорее ответ оракула, чем он глубокомысленнее и правдивее, тем человечество ближе к идеалу своих стремлений.

Но вот автор, воспользовавшись общедоступными пособиями, составил себе в продолжение многих лет труда полное понятие о предмете своего изучения. Ему этот предмет уже ясен, как самая обыкновенная будничная вещь. Что же ему с этим делать? Конечно не оставлять про себя, как бесплодному скряге накопленную груду золота. Писатель принадлежит миру, потому что в то время, когда мир трудится около него в поте лица над обработкой всех отраслей общественного благосостояния, он, пользуясь всеми результатами этого многосложного труда, собственно ровно ничего не делает вещественно; и если общество безмолвно соглашается его кормить, поить и одевать, представляя ему пользоваться всеми удобствами гражданской жизни, — оно это делает в том предположении, что писатель даст, наконец, отчет в результате своих отвлеченных занятий, для дальнейшего соображения его выводов и применения их к общему благу. Следовательно, ученый обязан, если не хочет быть тунеядцем, положить свое созерцание на бумагу, для общего сведения.

Но вот он это и сделал. Тут уже его дело собственно и кончено. Остается только * обнародовать то, что он написал, и собрать с мира воздаяние за труд, которым писатель живет в этом мире. И что же? Это-то в своей сущности простое дело в обществе обращается в самое трудное, и весьма часто, а у нас и теперь — почти всегда и постоянно, ни мир не видит авторских сочинений, которые до него не доходят или не доводятся, ни автор не получает от посредников между им и миром ни денег, ни отзыва,[2] ни часто даже самых тех

1, 2 *отмечено на полях*

экземпляров, которые он им вручил для продажи. Отчего ж это? Оттого, что тут для мысли, уже, казалось бы, вполне рожденной миру, только что начинается новый ряд мытарств.

Во-первых, рукопись надо предать тиснению, т. е. напечатать. Это есть дело типографии. А кто не знает, какое многосложное дело само тиснение? Тут нужны известные машины и люди известных знаний, способностей и навыка — словолитчики, наборщики, печатники, батырщики, корректоры, и опять наборщики,—потом складывальщики и переплетчики... Все это требует добросовестности, аккуратности, терпения и— что важнее всего — уменья. Сверх того, тут еще нужен общий глаз, *который бы знал, ч т о у него в переделе, ч ь е оно, ч е г о кому стоило, и к о м у, и д л я ч е г о предназначается, и чего наконец будет стоить, если выйдет от него из передела так или сяк? Очевидно, что типографщик должен быть сам автор и сама публика.[1] Оттого-то первые печатальщики, по изобретении этого искусства в Европе, и были сами ученые, в полном смысле этого слова, а не бедные, часто вовсе безграмотные ремесленники, как теперь, и особенно у нас, в России!..

Следовательно — вот необходимость в связи с б и б л и о т е к о й и учеными еще и т и п о г р а ф и и. *Переписчиков, которые не менее важны, а по своей редкости и образцовой безграмотности даже мучительны, мы уж пропускаем; но и переписчики есть звено одной и той же цепи — звено между писателем и типографщиком.[2]

Во-вторых, кто издает сочинение? Конечно, сам его владелец. Но досуг ли ему этим заниматься? Ходить в ценсуру, покупать бумагу, торговаться с типографщиком, которого он не понимает, как тот не понимает его, потому что ни тот, ни другой не смыслят ни аза не в своем деле, — придумывать шрифты, обертки, виньетки, *доказывать грубому и жадному ремесленнику в ы г о д ы и з я щ н о г о, — изящного, которого он не знает даже и форм или словом сказать — и в глаза не видал!.. Потом принимать счетом или на веру — одно другого стоит — десятки тысяч листов или сотни и тысячи томов, чтоб везти их... куда? Разумеется к книгопродавцам! Но, если книгопродавцы не примут?..[3] значит к себе на дом, на квартиру, на край города, в 5-й этаж, откуда он к 1-му числу должен выехать...

Следовательно, нужно еще л и ц о и новое м е с т о. Это лицо называется издатель, это место есть книжная лавка или м а г а з и н.

В Европе обыкновенно издают книги либо сами типографщики, либо сами книгопродавцы. У нас ни того, да почти и

1, 2, 3 *отмечено на полях*

ни другого. У нас должен печатать сам автор, на свой счет, и увозить свое сочинение из типографии к себе на квартиру, если не хочет подарить рукопись бородатому или бритобородому плуту,[1] без смысла, без любопытства, без самых важных приемов к общежитию; говорим подарить, потому что нельзя же считать предлагаемые этим народом целковые — достоинство самого сочинения в сторону — возмездием за труд, часто десяти и пятнадцатилетний!.. Дело доходит до того, что в наше время лучшие книгопродавцы в С. Петербурге предлагают авторам за всякую рукопись просто целковый, 1, тогда как одна переписка, составляющая и сама уже по себе род каторги особенного сладострастия, стоит бедному автору по крайней мере, 10 целковых...

Следовательно, в России книги лежат по домам у писателей, или лучше сказать ездят с ними по квартирам, с чердака на чердак, из подвала в подвал, из-под кровати под кровать, из чулана в чулан; *а книгопродавцы — эти самые бородатые и бритобородые плуты — жалуются, таинственно вздыхая, что книги «совсем-с плохо идут-с!..» Но, как же им и нейдти плохо, когда эти же господа, не смысля ни в чем печатном ни зги, норовят только доводить авторов до того, чтоб те сбывали, наконец, им свои печатные сочинения[2] в лавки на вес бумаги, по 4 рубли с пуда!.. Выждав, часто в течение нескольких лет авторского терпения, такого благодатного случая, они уже сумеют спустить эти же самые печатные пуды с лихим барышком: чего не сбудут их мальцы в лавках, втирая попавшиеся к ним книги господам заезжим, иногородным-с, и торгуясь с ними с 10 руб. асс. до 10 копеек серебром за штуку, — то уж конечно их же бродячая братия, варяги, разнесут и развезут у ж о, с ярмонки на ярмонку, из захолустья в захолустье, по всем концам необозримой матушки-России.

Таким образом, цель книгописания достигается — нужда берет свое — просвещение разливается всюду... но по человечески ли все это делается?.. Природа берет не мытьем, так катаньем: какое ей дело до строптивых эгоизмов человека! Кто не хочет быть деятелем, лицом в ее божественной комедии, тот будет и есть игралищем ее всеобщей деятельности, — орудием, вещью, швыряемой обстоятельствами сцены, как корабль без рулевого волнами океана!..

У нас магазины есть, книгопродавцы существуют, даже книги более или менее раскупаются; но как и когда раскупаются? Спустя многие годы, после издания, как старь и хлам, разорив белоручку-писателя, не обогатив и хамов-варягов, которые столько же имеют от них выгоды, сколько без-

---

1, 2 *отмечено на полях*

носые бабы от гнилых яблоков и облупленных апельсинов, какими они торгуют по папертям церквей и около кабаков, или мелочные лавочки, которые выбрасывают в помойные ямы целые возы испорченных огурцов, сыра, масла, яиц и даже стручков и фиников, выдержав на все это с христианским терпением свои жидовские цены!..

Взгрустнув об этом, созерцатель чувствует, что тут выходит что-то больно не ладно, — чего-то недостает... но чего же?.. Как чего! Смысла, толку, знания дела, ученого общественного суда произведениям, посредничества между книгой и публикой, — словом, во-первых, тут недостает критики.

Но, ведь, критика тоже у нас есть. Да, есть. Но кто у нас критикует? Разумеется кто — журналисты; это их дело! Но почему же оно их? Да потому, что они — журналисты!.. Так, т. е. потому, почему безграмотные писцы — переписчики, безграмотные типографщики — типографщики, безграмотные алтынники — книгопродавцы, безсеребреные писатели — сами издатели, безграмотные статейщики — ученые, журналисты — критики!..

*Журнал значит дневник событий. Казалось бы, где же лучше, как не в дневнике литературных событий, и быть суду или, по крайней мере, мнению, отзыву о являющихся книгах? Конечно тут!.. Но увы! Сперва надо спросить, кому вести этот дневник? Кому судить и рядить, м н и т ь и отзываться о явлениях[1] литературы? Неужто первому встречному, кто только набьет руку в статьеписании? Но если так, не будут ли эти дневники подобны летописям средних веков, которые велись невежеством монастырских затворников, по слухам от захожих богомольцев и странников?.. Кто не читал наших журналов? Кто не разрезывал в них прежде всего отдела критики? И что же он тут находил? Суд ли? Знание ли дела? Любовь ли к предмету? Уважение ли к грамотному миру? Любовь ли к ближнему? Восторг ли, радость ли современным порывам человечества? Благоговение ли к самоотвержению ученого? Наконец, хоть бы простое объяснение, что за вещь разбираемая книга? Нет, — исключения суть исключения, — все находят тут только сарказмы над непонятой фразой! Только курьезные шуточки — по поводу опечаток и описок, только перешвыривание каких-то неловких паяцов грязью остроумничанья друг в друга, только безусловную брань или безусловное похваливание и присмакивание наемного невежды, который пытается расхвалить толкучему рынку пироги с яйцам, с капусткой, с творогом и с вареньем,

[1] *отмечено на полях*

т. е. вообще с вонючим бараньим салом вместо топленого масла... «самый жар!..»

Критика, т. е. суд, есть дело науки, а не ремесла, — труд созерцания, а не поденщины, — цель особого неторопкого занятия, а не поспешное оглашение от имени площадных сказочников, для наполнения обещанного числа листов. Если уж вести дневник событиям, так вести самим знатокам дела, наблюдателям, созерцателям природы и развития человечества. Не сиволапому же пастуху вести в наше время, лежа в степи на спине и поплевывая от скуки через зуб, летопись движению мировых тел, не площадному же писцу крючкотворных тяжб об украденной корове и подбитом носе записывать в скрижали истории видоизменения понятий человечества о правах человека и народов, не балаганному же шуту вразумлять образованную и необразованную публику в значение дум молодого поэта, в котором, может быть, рыдает о мире душа нового Байрона, порывается к неслыханным восторгам разум недострадавшего Шиллера, или рвутся вон из гармонии стиха ниагарские шумы идей, обуревающие голову несозрелого Державина!.. Картину Брюлова может судить только Брюлов или ему равные; самая полная биография Беэтховена, преусердно настроченная даже немецким критиком по ремеслу, для наполнения тысячу в 1-й раз тысяча и 2-го уездного журнальца, не дает ни малейшего понятия о Беэтховене, — если читатель не набредет случайно либо на «Последний квартет Беэтховена», либо на «Бал», либо на «Себастиян Бах», статьи кн. Одоевского, — о которых, слава богу, никто из критиков не сумел или не соблаговолил сказать ничего особенного, хотя разглагольствиям не было конца!.. Передать незнающему человеку картину, созерцаемую в природе умом какого-нибудь Гумбольдта, может только Гумбольдт, переведенный, за недоступностью подобного предмета Пушкину, каким-нибудь Марлинским. И только новый Пушкин, изучивший искусство, начиная со своего предшественника до Анакреона и Омира, может разжевать толпе, что такое был Пушкин!..

Сказать просто, критикой должен заниматься только тот, кто занимается историческим изучением науки или искусства, будучи при том сам ученый или художник в своем деле. Иначе критиков будет столько же, сколько бывает летом апельсинщиков, а все-таки почтеннейшая публика, зазываемая к лоткам в три горла, не узнает и до скончания века, что такое апельсин в какой бы то ни было науке!

Следовательно, к р и т и к есть тот человек, который заключает собою ряд лиц, занимающихся производством литературы, и этот человек так тесно связан со всеми прочими, что, так сказать, выходя из книгопродавца, издателя, типо-

графщика и писателя, опять совпадает с последним и есть уже сам писатель, сам ученый, сам художник!..

Вот полный круг литературных деятелей! Вне этого круга толпится уже публика — непосвященные в дело профаны... Ей-то, этой-то публике и должно служить совокупно это естественное литературное братство; их-то, этих-то профанов, оно и обязано вводить в созерцание мира.. Священный, великий многотрудный долг служителей просвещения!..

Обняв, таким образом, полный круг предстоящих ему обязанностей, общество, состоящее само из лиц, коротко знакомых со всеми разнообразными должностями библиотекаря, писателя, издателя, типографщика, книгопродавца и критика, приступает к исполнению своего созерцания на деле. Право, или не право его умозрение — покажет опыт; между тем, общество полагает начать и продолжить свое дело следующим порядком, т. е.

* Открыть совокупно и в д р у г книжный магазин, библиотеку для чтения, типографию и, словом, так сказать, издавальню книг. [1]

Ясно, что все это вместе требует больших издержек. Каким бы огромным капиталом ни располагало общество в настоящее или будущее время — тратить его без соображения на каждую отрасль или предмет порознь было бы верхом безумия. Природа обнаруживает во всех своих действиях экономию. Она сопрягает многоразличные орудия в одно орудие, совмещает их составные части в одно здание, давая каждой многоразличные значения, располагает действия этих орудий в одно действие, и от этого у ней выходит та изумительная хозяйственность средств, пространства и времени, — то единство совокупности, та жизнь, которая одна прочна и сбыточна. Это ее мудрость, ее разум, которым все существует, что есть, и без которого ничего не может быть. Этой мудрости должен держаться и человек, как существо, действующее сознательно по тому же разуму природы. Иначе он вечно будет жалкое, строптивое животное, зверь, потерявший такт инстинкта, — словом, олицетворенное бессмыслие... или он должен, как говорят французы, «inventer une nature», изобресть иную природу, т. е. быть вторым богом, чего и добиваются немцы в своей философии.

Руководствуясь началом экономии, общество и заводит все вдруг, а не порознь.

Во 1-х м а г а з и н.

*Скупив несколько сочинений, имеющих в публике постоянный и дознанный ход, особенно таких, которые, почему бы то ни было, не отдаются на комиссию, — таковы, напри-

---

[1] *отмечено на полях*

мер, все иностранные книги, — общество объявляет во всеобщее известие,[1] что оно принимает в свой магазин всевозможные и чьи бы то ни было сочинения на комиссию, на таких-то условиях. Эти условия должны быть следующие:

а) Автор или издатель волен сдать обществу для продажи все ли имеющиеся у него экземпляры сочинения или сочинений, или такое их количество, какое ему заблагорассудится.

б) Общество, приняв от автора его книги, отводит им в одной из своих комнат особое место, на виду, под надписью: «книги такого-то автора — такие-то», так, чтоб автор, справляясь о своих произведениях во всякое время общественного дня, мог без малейшего затруднения и отсрочки видеть их собственными глазами, что они целы, в чистоте и порядке, и даже хоть сам их пересчитать.

в) Автор, подержав свои книги в магазине какое ему угодно время, хотя бы только один день, имеет право, по мгновенной своей прихоти, тотчас же взять обратно все или часть наличных экземпляров, без всякого прекословия со стороны общества, но своими людьми и на свою подводу.

г) Всякое сочинение должно продаваться без малейшего торга, по той цене, какую определит сам автор, приняв или не приняв во внимание предварительный совет общества. Изменять цену по времени и обстоятельствам может также только сам автор. Но во всяком случае, общество считает своим долгом вразумлять и убеждать авторов в выгоде для них самих самых умеренных цен. Затем, цена каждого сочинения должна быть прописана в книге о распродаже этого сочинения, ведущейся в магазине, за подписью самого автора так, чтоб сиделец, в случае сомнения, мог в ту же минуту показать эти строки недоверчивому покупателю.

д) Общество, в возмездие за свои труды и издержки на устройство и содержание магазина, берет с каждого проданного им экземпляра один и тот же определенный процент, какого, по хозяйственному расчету общества, менее взять невозможно, а именно по 10 коп. с каждого рубля.

е) Общество, подвергаясь риску не продать иногда в течение весьма долгого времени ни одного экземпляра какого-нибудь сочинения, и, следовательно, бесполезно и даже с ущербом для себя занимать им место в своем помещении, берет с первого же раза, как только ему сдадут чьи-либо книги, по 10 экземпляров каждого издания в свое вечное и беспрекословное владение. В воле автора состоит отдать обществу на комиссию целое ли издание, или только 20 экземпляров, но менее этого числа оно ни от кого не принимает,

---

[1] *отмечено на полях*

а приняв, названных 10 экземпляров ни под каким предлогом обратно не выдает.

ж) Отделив таким образом 10 экз. в свое владение, общество всячески старается о наискорейшей распродаже остальных; и для этого

з) один экземпляр каждого сочинения должен быть непременно в первой со входа в магазин комнате, чтоб публика могла видеть все, что есть в магазине для продажи.

и) Деньги, вырученные в магазине со всяких первых пяти экземпляров каждого издания, общество обязывается, в посильную дань христианской благотворительности, официальным актом, объявленным во всенародное известие, вносить в «Комитет для призрения и разбора нищих», на содержание и воспитание исключительно малолетных сирот обоего пола, какие будут принимаемы в особое воспитательное заведение, состоящее при Комитете. В случае закрытия Комитета или упразднения при нем воспитательного заведения, общество располагает этою суммою само и обязывается основать, если сумма будет достаточна, взамен упраздненного подобное заведение. В случае недостаточности этой суммы, общество обращает эти деньги, по своему усмотрению, на благотворительные цели; но преимущественно на искоренение нищенства, попрошайства и праздношатания.

і) Выручаемые таким образом деньги всяких первых пяти экземпляров, проданных в магазине или магазинах общества, оно принимает на свой счет, в число следуемых ему от автора 10 процентов и 10 экземпляров.

к) Всякому сочинению или изданию, поступающему в магазин, общество обязывается вести книгу, в которой будет показываться, за исключением тут же, с первой страницы, условленных 10 экземпляров, в приходе, по числам — количество поступающих экземпляров, в расходе, также по числам, в 1-й графе — число проданных экземпляров, во 2-й — количество денег, взятых с публики, в 3-й — 10 процентов, удерживаемых обществом за комиссию, и в 4-й — остаток, следующий в немедленную выдачу автору. Так что в какое бы время ни пришел автор справиться о своих сочинениях, общество обязано ему показать книгу с запискою расхода экземпляров и прихода сумм по вчерашнее число месяца, отдать следующие ему по этому деньги и допустить к поверке, сколько затем остается в магазине экземпляров.

Этим круг действия собственно магазина и оканчивается. Публика, автор и магазин ведут дело начистоту и не могут иметь друг на друга никаких претензий.

Во 2-х библиотеку для чтения.

Собирая сказанным порядком по 10 экз. каждого сочинения, общество составляет себе таким образом библиотеку,

которую и располагает непосредственно подле комнаты для продажи или далее, но в одном помещении с магазином. Эта библиотека есть в то же время и кабинет для чтения.

Открывая кабинет для чтения одновременно с магазином, общество выписывает предварительно к тому времени возможно большее число отборных журналов и газет, иностранных и русских, и преимущественно ученых, по всем отраслям наук и искусств. Здесь прилагается полный список всем журналам, на каких на первый раз остановился выбор общества. Год — другой чтения покажет, те ли это журналы, каких требует ученая и учащаяся русская публика. Для[1] большей отчетливости в своих поступках и вернейшего узнания вкуса публики общество приглашает каждого посетителя, пожелавшего какую бы то ни было книгу или журнал, подписаться на особом листе в желании читать это издание. Если со временем наберется довольное число желателей, — это и значит, что общество должно выписывать этот журнал или книгу.

Сверх сочинений, поступающих из магазина, и журналов, которые по истечении каждого месяца или двух, т. е. по миновании в них первого любопытства публики, должны отдаваться в переплет и ставиться на свое место в шкафы библиотеки, общество заботится пополнять свою библиотеку всеми возможными отборными сочинениями по всем отраслям наук и искусств, на всех возможных языках, даже планами, эстампами, картами, рисунками и нотами, — смотря по сумме, какая будет оставаться за покрытием всех неотложимых издержек по всему заведению; так что эта библиотека составляется не иначе, как в течение времени, и будет возрастать постоянно, по мере средств и успехов общества.

Правила для кабинета для чтения.

а) Всякий из 10 экз., поступающих в библиотеку от авторов за комиссию, должен быть разрезан, переплетен и подвергается чтению.

б) Все журналы, по мере и времени их получения, должны быть раскладываемы в комнатах кабинета, по столам в систематическом порядке, и, по прибытии новых нумеров, ставиться, как сказано выше, на полки шкафов библиотеки.

в) Каждая книга библиотеки должна быть немедленно выдаваема желающему, если она уже не взята другим. Для этого ведется очередь спросам, на особых листах, вкладываемых в каталог, против самого заглавия книги.

г) Каждая новая книга, поступающая в магазин или в библиотеку, должна пролежать несколько времени в одном или

---

[1] для... публики *вставлено рукою Баласогло*

нескольких экземплярах на столах кабинета, для обращения на нее внимания публики.

д) Если покупатель, пришедший в магазин за какой бы то ни было книгой, пожелает сперва ее рассмотреть, — продавец нимало не должен ему в этом препятствовать и, напротив, сам должен предлагать это покупателю, приглашая его для этого в кабинет, где ему тотчас же дается один из разрезанных экземпляров. Купит ли после того посетитель эту книгу, или нет, — продавец не смеет ему ее навязывать и даже не должен спрашивать о том покупателя. Но если покупатель просидит над книгою долее 3-х часов, — дежурный в кабинете принимает от чтеца плату, определенную за день чтения. И в таком случае покупатель, обращаясь в случайного читателя, может пробыть хотя бы целый день в кабинете; но, выходя, должен расплатиться и уже не имеет права входить вновь, разве захочет записаться на чтение.

е) Для чтения впускается в кабинет всякий благопристойно одетый человек, по предварительной подписке, на год, на полгода, на 3 месяца, на месяц или, наконец, на неделю. Такие читатели называются п о д п и с н ы м и. Они вносят деньги вперед, без всякого иного залога, и получают контрмарку, на которой означено, с которого и по которое число владелец имеет право на вход. С л у ч а й н ы е читатели суть единственно те, которые захотят предварительно пред покупкой познакомиться со спрошенными сочинениями.

ж) Для раздела п о д п и с н ы х о т с л у ч а й н ы х читателей желательно, чтоб кабинет имел особые комнаты для случайных — даже совсем в другой стороне помещения.

з) Никто из входящих в какую бы то ни было из комнат для чтения не имеет права входить в нее, не сняв наперед с себя верхней одежды, шляпы или шапки и не оставив у входа калош, трости и зонтика. Для этого должна быть передняя, с вешелками по нумерам.

и) Плата за чтение книг и журналов, без различия, также рассматривание географических карт, архитектурных и других планов, рисунков и даже разыгрывание нот, — если общество со временем будет иметь для этого особую, отдаленную комнату, — полагается:

Д л я п о д п и с н ы х.	1. за неделю	1	руб. ассигнац.
	2. за месяц	1	„ серебром
	3. за 3 месяца . . .	3	„ серебром
	4. за 6 месяцев . .	6	„ серебром
	5. за 1 год	10	„ серебром

Д л я с л у ч а й н ы х. За 3 часа или целый день — 10 к. серебром.

i) В комнатах для чтения не дозволяется ни есть, ни пить, ни курить табаку или сигар, ни даже разговаривать. Кто не

в состоянии пробыть и малого времени без курева, тот может быть приглашен в особую, совершенно отдельную и отдаленную комнату, где и может накуриться, принесши сигару или табак с собою. Но спрашивать ничего и ни от кого он не может, кроме стакана воды, который нальет себе сам из стоящей тут машинки. Да и прислуги тут быть никакой не должно. Впрочем, за поведение в этой комнате он отвечает по законам нравственности и полиции и дозволение курить тут табак должен считать за особое снисхождение со стороны общества, а не за право, будто бы приобретенное платой за чтение книг.

В 3-х типографию.

Общество в то же время и, если возможно, и в том же здании, где все его помещение, заводит, наконец, и типографию со всеми ее принадлежностями.

Действия типографии должны быть двоякие.

А. Печатание всего того, что будет заказываемо публикой — и для этого должны быть составлены особыя печатные правила и, по возможности, одни определенные условия. Сюда должно войти основным условием то, чтоб от всякого издания владетель сочинения уступал обществу, тотчас же по отпечатании, по 10 экземпляров даром, так чтоб, иными словами, автор, имеющий с обществом дело, например, в 1000 экземпляров, не имел потом никакого притязания, что общество, напечатав их не 1000, а 1010, оставило сверхкомплектные 10 экз. у себя. Приложение.[1]

и Б. Печатание тех произведений, которых издание общество принимает на свой счет.

Для этих последних принимаются следующие меры.

а) Из членов же общества учреждается особый совет ученых, литераторов и художников, имеющий предметом своих занятий рассматривание сочинений, представляемых к изданию.

б) Всякая рукопись, чья бы она ни была, члена ли самого общества или постороннего лица, прежде всего поступает в этот совет. Совет, усмотрев ее содержание, передает ее тому или тем из своих членов, кто признан целым обществом в качестве критика сочинений по такой-то отрасли наук или искусств.

в) Взявший на себя критику сочинения обязан, прочитав его в возможно скорейшее время, дать обществу подробный и беспристрастный отчет о степени его достоинства, основываясь на требованиях самой науки.

г) Если сочинение окажется так слабо, что не заслуживает критики, а, следовательно, и издания в свет, рассматривавший его ограничивается тем, что представляет о нем на бумаге

---

[1] *так в тексте*

краткий отзыв, за своею подписью, в двух-трех словах, напр., в таких:

«Рассмотрев сочинение такое-то, я удостоверился, что оно не заслуживает издания, по таким-то и по таким-то причинам» (кратко, но основательно).

Тогда совет, наблюдая, чтоб ответственность в отзыве пред автором, обществом и публикой никоим образом не падала на одно лицо, предлагает рукопись другому, третьему и четвертому из своих членов. Отзывы этих могут быть или самобытны, или просто состоять из следующего выражения:

«Рассмотрев такую-то рукопись, соглашаюсь в заключении о ней с таким-то».

Собрав голоса, общество немедленно возвращает рукопись автору с отзывом на бумаге, но не за подписью критика или критиков, а от имени всего общества, за подписью одного письмоводителя.

д) Если же сочинение заслуживает издания, — в таком случае критик обязан написать ему сжатый, но полный разбор, как бы он давал о том отчет не одному своему обществу, которое все-таки есть частное лицо, но всему ученому свету, в ученом европейском журнале. И тут его разбор печатается одновременно с книгой, составляя впрочем литературную собственность писавшего, продается и вместе с книгой, как оправдание общества пред целым светом в причинах, побудивших его издать это сочинение, и отдельно, для желающих познакомиться с книгой посредством критики, или собирать статьи, относящиеся к летописям развития такой-то науки или искусства.

е) Имея ручательство в беспристрастии критика, потому что критик есть лицо, пользующееся его доверием, и потому что это лицо обнаруживает свое мнение всенародно, и, следовательно, рискует своим добрым именем, общество уже не имеет надобности отдавать сочинение на просмотр другим членам и основывается на одном отчете критика. Впрочем, в сомнительных случаях критик, приводя места, какие его остановили в решительном заключении о книге, может требовать прочтения их в совете и сбора голосов, или даже и передачи на полный разбор еще кому-либо из членов. В таком случае составляется журнал всему суждению о книге, и вся статья разбора, как сочинение, принадлежит все-таки главному или главным критикам, а не обществу.

Много ли, или мало общество издает таким образом сочинений, во всяком случае, оно составит себе таким поведением доброе имя и снищет разумное доверие публики. Всякое же произведение, почему-либо достойное быть в руках образованного читателя, есть уже такой предмет, о котором весь образованный мир должен иметь отчет, акт сознания, словом,

знать его достоинства и недостатки. Обществу нет дела, как примут и самую книгу, и мнение о ней общества в свете, что скажут о том и другом и другие издатели книг, и особенно журналисты, — важно то, что оно обнародывает свое мнение, само ведет летопись тем явлениям, какие рождаются на свет посредством его мысли, само дает отчет в своих действиях современникам и потомству. Кто будет правее — общество, или свет, критика издателей, или критика журналистов, — решит время и совесть человечества. Во всяком случае, добросовестность и разумность поведения может показаться новостью разве только для временных самозванных судей литературы, не имеющей читателей, а не для образованного мира: все благородное соврожденно душе человечества.

ж) Удостоверяясь таким образом в достоинстве предлагаемых ему сочинений, общество печатает их на свой счет, в своей типографии, выставляет на суд публики в своем кабинете для чтения, облегчая этот суд тут же лежащим разбором, и продает в своем магазине или магазинах.

Правила для сделок с авторами книг.

а) Сочинение, предлагаемое обществу для издания, должно быть переписано набело, четко и безошибочно так, чтоб общество могло представить в цензуру эту же самую рукопись.

б) Рукопись, не удостоенная к печати, возвращается автору или его поверенному в том самом виде, в каком она была получена, с отписью причин, по каким общество удержалось предпринять на себя ее издание.

в) Возвращаемая рукопись передается лично тому, кто ее представил, или его поверенному, по предъявлении им письменной воли автора, и в получении из типографии обратно берется от получившего росписка.

г) Общество не принимает на себя пересылки рукописей по почте, в другие города, если автор не пришлет на этот случай вперед денег, взимаемых почтамтом; и в таком случае автор или присылает эти деньги — и его рукопись немедленно ему высылается по адресу обратно, или он поручает взять ее кому-либо в городе лично — и она выдается этому лицу тотчас же по получении от автора письма, кому именно общество имеет ее возвратить, и по предъявлении поверенным другого вида такого же содержания. Вообще автор, для собственного своего удобства, посылая рукопись по почте или чрез доверенное лицо, должен обозначить подробно в том же письме, кому и как ее возвратить, если она не пойдет в печать.

д) Рукопись, бывшая в цензуре, но по каким бы то ни было обстоятельствам не напечатанная обществом, также может быть возвращена автору сказанным порядком; но рукопись, которая уже напечатана, не возвращается и должна находиться всегда при делах типографии.

е) Общество ни под каким видом и ни для каких авторитетов не покупает рукописей, не платит вперед денег за труды по изданию сочинений, предпринимаемых самим обществом, и вообще не входит ни с кем ни в какие обязательства, кроме следующих.

ж) Всякое сочинение, отданное автором при его собственноручном письме, будучи отпечатано на счет общества, не может быть взято автором из магазина по тех пор, пока общество не выберет из продажи экземпляров всех своих издержек и уговорного процента за риск труда и капитала. За выбором этих денег весь остальной прибыток составляет неотъемлемую собственность автора, и он волен оставить ли свободные ему экземпляры своего сочинения для распродажи и их в руках общества, — и тут оно поступает с ним точно так же, как бы он отдал свои книги на комиссию, — или взять их от общества для раздачи в продажу в другие руки. В последнем случае общество не отвечает перед публикой ни за возвышение цен, ни за исправность экземпляров, ни за своевременность доставки выпусков, — словом, ни за что. Сочинение становится ему чуждо, и в предупреждение публики общество тотчас же объявляет во всеобщее известие, что такого-то сочинения у него более не находится.

з) Общество покупает сочинения только классического достоинства, имеющие беспрерывный расход и могущие оставаться, по правилам ценсурного устава, в его исключительном владении еще довольное время.

и) В исключение из общего правила общество может заключать с автором, по взаимному соглашению, и иные условия, и это имеет место именно в таких случаях, если общество решится отваживаться изданием какого-либо сочинения, стоющего больших издержек и не могущего, по соображениям общества, разойтись в короткое время.

і) Всякое сочинение, напечатанное в типографии общества на его счет, поступает в числе 10 экз. в библиотеку общества; и эти 10 экз. не входят в расчет издания, о котором идет дело между автором и обществом.

В 4-х, сношения и агентства по иным городам России и за границей.

Эта статья приводится в исполнение по времени, когда общество войдет в силу распространять круг своих действий. На первый раз оно ограничивается приисканием корреспондентов для выписки сочинений из-за границы.

Теперь остается только постановить правила относительно устройства самого общества.

Оно состоит из неограниченного числа членов, которые делятся на три разряда.

I. На членов — основателей общества.

II. На членов — участников общества: либо 1 — капиталом, либо 2 — личным трудом

и III. На членов — временных сотрудников в предприятиях общества.

I. Члены-основатели.

а) Члены-основатели состоят из лиц, которые возымели мысль основания общества и привели ее совокупными усилиями в действие. Им должно держаться верой и правдой друг друга, избегая всяких двусмысленных действий и недоверчивости и разрешая всякое малейшее недоразумение прямым и немедленным взаимным объяснением в общем собрании без укоров и сарказмов подозрения.

б) Члены-основатели состоят из ученых, литераторов, художников, знатоков и капиталистов.

в) Каждый из этих членов имеет голос, равный голосу каждого. Всякое дело обсуждается вместе и решается не иначе, как согласием всех, хотя бы прения и требовали многого времени. Строптивому упрямству одного голоса, не могущему или не хотящему объяснить и доказать, во всей кротости, важности удерживающих его причин, «да будет стыдно»!.. Всякий член должен помнить, что в кругу образованных людей, уважающих друг друга, дело не в том, чтоб доказать свое превосходство ораторством, угрюмостью или крепким стоянием на своем только потому, что оно свое, а в том, чтоб терпеливее и деликатнее всех объяснить предмет, если другие понимают его не так, как мы. Во всяком случае, одному гораздо благороднее уступить, забыв тут же на месте, что не сумел доказать своего понятия, чем дуться на всех и кровожадно приносить их в душе в жертву своему фанатизму. Кто истинно любит истину и людей, тот выше мелкого тщеславия, выходит всегда победителем других, всегда непобежденным никем. Если я не могу чего-нибудь доказать другим, значит это истина только для меня, а не для других. Время обнаружит истину всем.

г) Всякий из членов-основателей участвует личным трудом, знанием дела и капиталом. Желательно, чтоб каждый из членов-основателей имел в общем капитале свою постоянную долю. Но на первый раз капитал может состоять из долей только нескольких лиц, с тем, что остальные члены внесут свои доли впоследствии, по мере приобретения денежных средств личным трудом.

д) Капиталисты без знания дела и готовности посвятить себя видам общества каким бы то ни было личным трудом ни под каким видом не допускаются в члены-основатели, — по той простой причине, что груда металла, хотя бы драгоценного, каковы серебро и золото, не может мыслить, а сле-

довательно, и не должна рассуждать, ни тем более иметь притязания на особый вес в своем мнении.

е) Общество открывается для публики, на основании законов, под фирмою одного из членов-основателей, и именно того, кто вносит до открытия общества наибольшую против других денежную сумму, имеет наибольшие познания в коммерческих делах и обнаруживает готовность посвятить себя делу в этом отношении, чем самым, следовательно, кладет основание капиталу общества, подвергаясь сам наибольшему риску в действиях по уставу и приговору всего общества, а не одного своего произвола.

ж) Таким образом, состав общества в торговом смысле подходит под правила [1] статей Свода законов, по которым главный член, принимающий на себя фирму, вносит свой капитал вместе с прочими в Коммерческий банк и уже не иначе может его оттуда вынимать и употреблять, как с согласия всей своей компании.

з) В члены-основатели вводятся новые лица не иначе, как с единодушного согласия всех наличных членов-основателей. До открытия и только в виде особого исключения после открытия, новое лицо может быть введено прямо в члены-основатели по единодушному согласию существующих членов; но после открытия общество должно принять за правило не вводить новых лиц прямо в члены-основатели, а принимать достойных того, по общему мнению, сперва на опыт в члены-участники или даже и в члены-сотрудники.

и) Собрание всех наличных членов-основателей составляет основной совет общества. Без воли этого совета не может состояться никакое и самое малейшее предприятие общества, и в недрах одного его только и может возникать мысль, достойная исполнения совокупными усилиями всех членов.

II. Члены-участники.

1. Капиталом, или вкладчики.

а) Капиталом может участвовать в действиях и оборотах общества всякий, желающий внести для этого какой ему угодно денежный вклад, по доверию ко всему ли обществу, или к некоторым, или только к одному из его членов-основателей, обеспечиваясь справкой в Коммерческом банке с наличным капиталом общества.

б) Степень значения таких участников или простых вкладчиков ограничивается правом на дивиденд от оборотов общества, на правилах товарищества, по существующим узаконениям правительства и обычаям европейской торговли. В совет общества к соображению его действий и предприятий простые вкладчики ни под каким видом не допускаются. Впро-

---

[1] *пропуск в тексте*

чем, члены-основатели обязываются давать им отчет в своих действиях и оборотах сумм в той мере, в какой сочтут это полезным и возможным, для поддержания доверия вкладчиков.

2. Личным трудом, или настоящие участники.

а) Эти последние могут быть приняты в общество и со вкладом и без вклада; но главное условие их приема есть искренняя готовность лица, оправдываемая в течение известного времени самими фактами, на содействие какому-либо предприятию общества своим знанием и личным трудом.

б) В основной совет общества члены-участники не допускаются, но приглашаются на временные совещания по какому-либо особому предмету, в качестве знатоков дела. Впрочем, и тут они решительного голоса не имеют, а только подают, развивают и доказывают свое мнение.

в) Вообще членами-участниками могут быть ученые, писатели, художники или знатоки, избранные и допущенные обществом к обработке какой-либо части или целого предмета, приводимого в исполнение по идее и средствам общества.

г) Сотрудники общества по изданию каких бы то ни было сочинений имеют волю рисковать с обществом своим трудом и временем, как оно рискует своим временем, трудом и капиталом, и ожидать вознаграждения от самой публики, а не от частных лиц, каковы члены общества; и, на основании этого естественного закона, общество только выбирает свой капитал и проценты, а затем все остальное принадлежит по праву тому, кто составлял какую статью или часть предпринятого труда. Почему сперва берет общество, а потом писатели, и почему писатели должны полагаться на честность общества, а не общество на дарование писателей? Потому, что отношение общества к писателю, по естеству вещей, есть отношение целого к дроби. Если писатель останется в накладе — тут еще нет большой беды для публики; но если писатели разберут капитал общества, — публика опять останется без книг, и все писатели — без издателей.

* Пора же вразумиться в естество дела и освободить мысль от рутин и преданий, не основанных ни на какой логике. Писатели обыкновенно ищут издателей; издатели ловят писателей. У тех и у других одна и та же задняя мысль — разжиться[1] или поживиться чужим трудом, нисколько не входя в положение друг друга и немало не соображая ни местности и времени, ни господствующих понятий самой публики. От этого отношения писателей к издателям или книгопродавцам суть просто, по какому-то обоюдному безмолвному соглашению, всегда враждебные, военно-дипломатические, спекулянтские, надувательные, зверские. Кто не хочет щадить

---

[1] *отмечено на полях*

средств и сил ближнего, тот не должен ждать пощады и себе. Автор, не желая вразумиться в положение издателя или книгопродавца и только подстрекая его на риск, рад тому, что сбыл этому гусю свое произведение за существенное — деньги, оставив гуся валандаться с своим детищем, как ему угодно, и умывая руки во всех его неудачах; а гусь, зная это хорошо и будучи еще пообтертее христианского писателя, поддается молодцу и вывертывается из силка, *оставив молодца с пустыми руками и с пустым карманом, да и ходит себе потом гоголем!.. Что понятно и разумно в животной природе, то отнюдь непонятно в природе чисто разумной и человечественной. Рисковать, так рисковать обеим сторонам; трудиться, так трудиться общими силами; ждать результатов, так ждать и тому, и другому; брать, так брать каждому свое,[1] по взаимному, не безмолвному, а гласному, искреннему и дружелюбному совпадению в мнениях, хотя б совещания продолжались до бесконечности и дело доходило до самых жарких прений.

д) Вследствие этого, ни один из членов-участников не может состоять у общества на жалованьи, а занимается своим предметом, на условленных правилах, добровольно, как бы сам для себя и имея в виду, что хотя его труды в том виде, в каком он сам поставил их обществу, и не будут принадлежать одному ему, однако ж весь прибыток или договорная из него часть, по выборе обществом своих издержек и процентов, будет прямою его собственностью, сколько бы разни издавалось обществом его сочинение, в том виде, в каком оно принято от автора.

е) Предпринимая 2-е издание, общество может просить автора исправить и дополнить свой труд по идее и указаниям общества; в воле автора будет согласиться на это, или отказать обществу в его просьбе. В первом случае, автор снова приобретает право на весь прибыток или уговорную его часть; в последнем — либо общество отказывается от улучшения, перепечатывает сочинение, как оно есть, и предоставляет автору те же права, какие он имел при первом издании; либо, не видя себе пользы от неизме[не]нного сочинения, отступается от него, отдавая в полное распоряжение автора издавать свой труд самому, отдельно, где и как угодно, и только оставаясь при своем праве издавать этот труд и себе, в целом сочинении, и как он есть, и с новыми дополнениями, исключениями и переменами, какие оно заблагорассудит сделать. В последнем случае, если эти перемены не уничтожают основного труда и только его видоизменяют, — общество постоянно дает автору такую часть прибытка, какая часть самого труда оста-

---

[1] *отмечено на полях*

лась неприкосновенною, или и тронутою, но слегка. Само собою разумеется, что общество только потому пользуется такими правами относительно автора, что оно было главный виновник произведения, по мысли целого, [по] указанию способа изложения, доставке автору всех средств и сотрудников и по самому риску издавать в свет труд неизвестного автора или еще не решенного достоинства. Автор, упорный в отказе, вознагражден уже одним тем, что обнаружен свету усилиями и пожертвованиями общества. Сверх того, ему представляется право издавать свой труд, где и как он хочет, без всякого отчета обществу, хотя это и может быть некоторым образом в подрыв изданиям общества. Наконец, общество все-таки доказывает автору свою благодарность за его риск и сотрудничество тем, что постоянно выплачивает ему известную часть выручки с его труда, сколько бы раз он ни переиздавался, до тех пор, пока этот труд, так сказать, не исчезнет в улучшительных видоизменениях.

Согласие с этими условиями есть самый верный признак и лучшее ручательство обществу в самобытности, основательности и душевной энергии автора, которого сочинение оно будет издавать; отказ писателя — верный признак малодушия лица, его корыстолюбия и[1] высокомерия, а от таких лиц — да избавят общество все святые...

ж) Члены-участники, избираясь преимущественно из лиц, разумеющих какую бы то ни было отрасль человеческих знаний в современно-научном ее развитии, могут по доброй воле принимать на себя и критику сочинений, представляемых обществу к изданию. В таком случае они, поступая по правилам, начертанным выше, представляют свои разборы совету общества и на этот раз приглашаются в него к совещанию, пользуясь правом одного голоса.

з) Члены-участники, по миновании в них надобности обществу или просто по внезапному своему желанию, отстают от участия в его действиях без всякого затруднения, оставаясь при тех правах, какие приобрели своими трудами, и ведаясь с обществом вперед, как посторонние люди, на основании коренных условий, объясненных выше.

III. Члены-сотрудники.

а) В члены-сотрудники общество принимает всякое лицо, разумеющее какое-либо дело, по первой потребности общества в подобном лице.

б) Они занимаются для целей и предприятий общества, по предъявлении образцов своего труда, на заказ, за уговорную плату наличными деньгами. По сдаче обществу своего труда или по желанию отстать от его занятий, они рассчитываются

---

[1] и высокомерия *вставлено рукою Баласогло*

с обществом и более не имеют с ним никаких сношений. Поставленный такими лицами труд есть исключительная собственность общества, приобретенная покупкой.

в) В этот разряд входят все переводчики, все художники, все мастера и вообще все агенты и корреспонденты общества, состоящие у него на жалованьи или подрядившиеся работать исключительно для него, за уговорную плату, в каких только может обществу встретиться надобность.

г) Единственный повод, по которому подобные лица могут называться некоторым образом членами общества, есть то соображение, что в числе этих лиц, вероятно, будут встречаться такие, которые, ознакомившись с обществом и приобрев его доверенность, войдут добровольно в разряд членов-участников; следовательно, вышед из сферы страдательной ремесленности, присоединятся к видам и рискам общества в качестве его разумных сочленов.

Всего более надо ожидать и желать этого от художников, так как изящные искусства более, чем что-либо, требуют от человека бессребренности и величия души. Покупные же и заказные шед'эвры по большей части бывают дюжинны и бездушны, как мебель, пожалуй, хоть и Гамбса.

Сверх всех этих лиц, общество может иметь еще IV-й разряд членов, именно п о ч е т н ы х.

В почетные члены избираются членами-основателями, с единодушного их согласия, всякие лица, не чуждые просвещению и оказавшие обществу чем бы то ни было свое содействие: покровительством, пожертвованием, доброй услугой и советом. Преимущественно общество избирает себе в почетные члены людей, известных своими заслугами на поприще наук и искусств или просвещенною службою правительству России.

Почетные члены, не имея никакого влияния на внутренние распоряжения общества, содействуют его членам частно, по доброй воле, и от времени до времени приглашаются обществом, если им будет угодно, на осмотр заведения и слушание публичных отчетов общества в своих действиях.

Они суть боги-хранители общества, его лары и пенаты.

Обозрев таким образом полный круг предстоящих ему действий, общество немедленно приступает к началу своего многотрудного подвига. Основная цель общества — доставить средства и способы всякому писателю и художнику к осуществлению его задушевных идей, в возможно совершеннейшем виде, *расположить публику постоянным и долголетним разумом своего общественного поведения к приобретению всех достойных литературных произведений, какие при существующем порядке, или лучше сказать беспорядке вещей, не

могут до нее доходить,[1] и сблизить таким образом служителей просвещения с теми, кому они служат, — цель, способная одушевить всякий ум, не боящийся затруднений и неудач, неизбежных в человеческих предприятиях!

*Высокое душевное призвание каждого члена к делу общего блага, по крайнему его разумению, совпадение мнений в одно совокупно-общее убеждение, — воля целого, поддерживающая свои члены в минуту их временного ослабления, — все это есть достаточное ручательство каждому из членов в успешном ходе действий общества.[2]

Основываясь самобытно и добровольно, по требованиям века и эпохи, постигнутым в долгом одиночном и всестороннем созерцании, оно должно питать себя не праздными надеждами европейских спекулянтов или доморощенных барышников, которых капиталы ежедневно разлетаются в прах, к великому пиру невежественной черни и ее литературных верховодов — мастеров балаганного дела; но страстным упованием душ, посвященных искусом общественной жизни в разумное созерцание природы, человечества в России. Оно имеет и за собою, и впереди себя непреложные и нетленные законы этой природы, бессребренные, мощные и неостановимые порывы этого человечества и все великое, все непройденное будущее этой России. Чуждое полубарского кощунства и косной строптивости современных глашатаев, влюбленных с сладострастием Фавна в собственное свое душевное неуклюжество и нравственное безобразие, оно обрекает себя на труд и терпение, без самохвальства, без зазывов, без бубен и труб поденщицкой торговли празднословием, поэтическим праздношатанием мысли или педантской...[3] одноглазых полифемов науки.

Пора России понять свое будущее, свое призвание в человечестве; пора являться в ней людям, а не одним степным лешим, привиллегированным старожилам Росской земли, или заезжим фокусникам просвещения, бродящим по ее захолустьям и трущобам, с улыбкою пьяного презрения к человечеству России! Презрения только потому, что это человечество не имело счастия кататься в крови древнего мира, сокрушать его бессмертные памятники, ругаться над святыней его нетленной мудрости и простосердечно свирепствовать на развалинах образованности, в потехах варварского молодечества готов, вандалов, франков, нордманнов и дайтшеров — этих готтентотов, ашантиев, безъеманов Европы! Россия есть сама другая Европа, Европа средняя между Европой и Азией, между Африкой и Америкой, — чудная, неведомо-новая страна

---

[1] *частью подчеркнуто и отмечено на полях* [2] *отмечено на полях* [3] *слово не разобрано, м. б.:* методой

соединения всех крайностей, борьбы всех противоречий, слияния всех характеров земли. Пора же остановить на этой стране взор ее же девственного любомудрия, взор человечественного сострадания, взор любви и жизни, и разума. В ней, и только в ней сосредоточены все нити всемирной истории — этого гордиева узла, который так храбро разрубают парижские александры, не зная ничего, кроме Европы, и то плохо, и так хитро запутывают, воображая, что распутали, терпеливые труженики Германии — это дик[о]образы европейской мысли, с пастушескими нравами мечтательных тюленей. Пора увидеть Россию,[1] пора прозреть на нее созерцанием не одной ее, как хотят ее литературные квасные медведи, угрюмо сосущие, в виду недающегося европейского меду, «ses lapas», а всего окружающего ее мира, который, наконец, ворвался в нее со всех сторон и отовсюду и бродит в ней хаосом нового общественного мироздания.

Кто уцелеет душою в этом столпотворении вавилонском, от которого некуда разбежаться, в естественном единстве необозримой, беспредельной средиземной равнины земного шара? Кто найдется умом в этой немой борьбе инстинктно-враждебных столкновений, нечаянных и негаданных за миг до роковой встречи! Борьбе тунеядством, наперекор друг другу — коснением взапуски, подсиживанием друг друга, не на живот, а насмерть!.. Борьбе татарской ярости с жесткоковарной флегмой немца, славянски-лукавого молодечества с норманд-ски-восторженною, глухою лютостью белых медведей Скандинавии, армянского плутовства с английским эгоизмом расчетов, французского самохвальства с чукотски-мрачным тупоумием, итальянской живости с китайским хладнокровием, греческого пронырства с казацкой остервененностью нравов!.. Кто проникнет вещим слухом в тайный смысл этого глухого, неминучего брожения понятий, присмотрится к жизни этих болотно-стоячих вод, к этому бесструйному лепету, бесплесному трепету этого страшного, безбрежного мертвого моря человечества... Кто постигнет всю важность этих прений не словами, а дубинными фактами, не угрозами, а уходами, не бурным торжеством права или силы, а тихим, почти бесстрастным, почти ангельским смирением отчаянной воли, привыкшей биться каждую минуту на жизнь и смерть, для порядка вещей, направо и налево, назад и вперед, кругом и вверх, и под ногами!.. Кто вразумится, как естествоиспытатель, что тут происходит, совершаясь воочию, химическое разложение всех стихий, всех пород человечества, пред слиянием их в одну породу — в одно человечество, человечество России!..* И увидев, наконец, то там, то сям побеги новой

[1] *на полях поставлен знак вопроса*

органической жизни, приветит с замиранием сердца свежеразумные, невинно-суровые, вдохновенные очи первенцев юного поколения России!..[1]

*Пора же их видеть! Они всюду, они рождаются сотнями, они ростут головою не по дням, а по часам! Они, едва прозрев на свет, уже погружаются в самобытную думу и, инстинктно отрешаясь старого грешного мира и всех дел его, мелеют в нем, бессильные, как молодые раки по морском отливе: они боязливо, но сурово поглядывают в нерешимости и на уходящие воды и на юный, как они сами, берег, еще столь свеже пустынный, столь девственно-влажный!.. Кто скажет им, этим бедным сиротам создания: «Вставайте, бедняжки! Шевелитесь, трогайтесь вперед, мои бедные, бесприютные! Ступайте, вам даны глаза и ноги! Вот юная земля, она создана для вас! Вот древний океан — вечный отец мира! Изучайте его мудрость, ловите, вяжите его,[2] этого скользкого, седосмехого Протея!.. Минувшее веков уходит пред вами в безотзывную даль, оставляя за собою, вокруг вас, новое — ту сферу, в которой вам суждено жить и подвизаться... Вникайте же скорее в это старое, пока оно не ушло! Вразумляйтесь, вживайтесь умом в плодотворное новое, пока оно не перегнало вас, сущих на влажной мели новоземья!..

Кто же приветит и приютит молодое поколение русских умов?..

*В России был человек, который предвидел ее значение в мире и который все предустроил для нашего времени. Это был Петр. Его-то надо изучать русским юношам,[3] его-то надо им слущать, если они хотят понять Россию и примириться с нею, — его, а не площадных балаганщиков с европейскими флюгерами на балаганах!..[4]

Мысль Петра жива и огромна: она развивается неуклонно, великолепно, торжественно... Напрасны все издевки мудрецов, хвативших в европейской премудрости шилом патоки! Напрасны и сиплые ревы, и величавый мык доморощенных топтыг просвещения... Напрасны, жалки все оказательства той и другой стороны русского лица! Русский должен примириться сам с собою и сам собою, иначе ему не жить; а в этом акте он естественным образом будет примирителем Востока с Западом. Славянство России есть только та разумная среда, которой предназначено природой поглотить в себя все и вся и пережевать мысли мира в мысль России. Славянская душа есть избранный сосуд слияния народов в человечество... Ни Ассирии, ни Египта, ни Индии, ни Китая, ни Греции, ни

[1, 2] *отмечено на полях красным карандашом* [3] *на полях поставлен* № [4] *отмечено на полях*

самого Рима, ни даже Европы нехватило и никогда нехватит на подобную форму. Россия есть 7-я часть всего земного шара; славян до 80 миллионов душ, которые — за немногими исключениями — все, как одна душа. Восток принадлежит России неизменно, естественно, исторически, добровольно... Он куплен кровью России еще в доисторических спорах славян с финнами и тюрками, он выстрадан у Азии монгольским игом, он спаян с Русью ее казаками, — он заслужен у Европы отстоянием ее от турков.. он приважен и приглажен мудростью Петра, Екатерины, Александра... Он уже русеет с краев...

О судьбе Европы надо читать Наполеона...

Петр приготовил нашему времени все. Он предвидел современную мысль Европы, потому что принадлежит ей разумом, как всякий гений равно принадлежит всему человечеству. Только боязнь русского варварства и преобладания азиатских начал в нравах России удерживает Европу в какой-то странной ненависти к тому единственному политическому существу, которое одно достойно обожания народов... Россия есть вечный Петр, — чего же тут бояться?.. Можно ли ненавидеть совершенство, которое беспрерывно совершенствуется!..

Петр, образуя Россию, прививая ее к Европе, как до него она привилась к Азии, только потому принужден был совершать все казни, терпеть все злоупотребления, оставить все в недоделе, что в России еще не было, кроме него, ни одного европейского человека. Теперь, когда вполне совершился весь период прививки, — Россия с Европой одно нераздельное, нерасторжимое целое, и поэтому в ней уже естественным ходом вещей стали рождаться сами собой европейские люди. Они рождаются, что ни день, то горсть, что ни десяток лет, то поколение... Но теперь, когда они есть, когда их так много, когда от них некуда деваться, — в России нет Петра!.. И они гибнут, не находя себе дела...

Так надо же, чтобы кто-нибудь увидел, что Петр еще есть и жив, что он не может же исчезнуть из мира и особенно из России, как какой-нибудь Лефорт или гайдук Петра, не оставив после себя ничего, кроме своего имени или чучелы!..

*Петр оставил себя в этой России, которой он был сыном, — в том правительстве, которого он был отцом и творцом. Это правительство есть для России ее истинный ангел-хранитель. Не будь его, — она давно бы была опять в кусках — Татарией, Казакией, Хохландией, Полякией, Немецией, Литовией,[1] и, — о, верх блаженства! — опять в середине Московией!.. Московией с колоколами, с кликушами, с пра-

[1] *отмечено на полях*

вежом, с словом и делом, с бородами, с застенками, с подьячеством, с теремами, с кафтанами, с портами, с курными избами, с кулачными боями, с ярыгами, с дремучими лесами, с голодами, с холодами, с кистенями, с пирогами, с медами, с коврыгами, с колоколами!.. Россия, как она есть теперь и уже не перестанет быть никогда, только и держится, только и дышет, что мудростью своего петровского правительства...* Какие бы ни были злоупотребления, бедствия, неудачи, правительство, одно правительство спасает, выручает связывает, образует, сживает Россию!..[1] Собственная лень, неповоротливость и косность лиц и пород виною всего дурного, — не цель правительства... Есть же люди, которые, стоя в челе народа, думают серьезно, что человек, пожалуй, может себе совершенствоваться, человечество может себе идти хоть вперед, хоть назад, а мы-ста, мы-ста устоим!.. Эти люди не понимают того, что устоим — значит отпятимся, оттоптыжимся назад, далеко, в леса первозданного, в глушь допотопного варварства! Что так как это совершенно невозможно, как невозможно то, чтоб река плыла вверх, а дерево росло вниз, следовательно, они собственно топтыжатся на одном месте, ни взад ни вперед, — между тем, как петрова дубинка то и дело, что ходит по их косматым — увы! уже поистертым — ребрам к великому смеху собственной черни и к презрительному негодованию европейских свидетелей операции!..

* Правительство России заводит и содержит войска, флоты, гавани, управления, сношения с иными державами, фабрики, мануфактуры, даже сельское хозяйство. Оно строит гимназии, училища, корпуса, университеты, открывает все новые и новые кафедры все новых и новых наук, выписывает профессоров, посылает за границу свое собственное ученое юношество, для занятия потом этих кафедр, открывает публичные лекции и в столице, и по городам, ограждает литературную собственность законами, трудится над соображением тысячи предметов несклеимой, допотопной враждебности — и не находит себе почти никакого сочувствия в массах общественной черни!.. Неужто ему же, наконец, заняться и книжной торговлей, как оно занимается всей остальной, взять на откуп все типографии и сажать в магазины своих чиновников...[2]

Книжная торговля, как и вся торговля в России, упорно стоит на точке замерзания, в руках безграмотных бород и бездушных маклаков, переодевшихся во фраки!..

* С другой стороны, русский народ служит правительству верой и правдой, идет с ним вперед богатырски, нигде, ни

---

[1] *отмечено на полях* [2] *отмечено на полях красным карандашом*

в чем, никогда не отставая, не унывая, не проклинаясь... Он берет и держит крепости, строит корабли, плавает и путешествует по всему свету, стекается в столицы, работает до изнеможения сил, отдает в училища своих детей, сам учится во всяком возрасте грамоте, жертвует имуществом, нажитым в кровавом поте, на учебные заведения, горожанеет в селах, произвольно бросает бороду и долгополый кафтан, переодевается из сермяги во фрак, курит сигары, носит часы и зонтики, танцует польку... раскупает книги... жаждет просвещения, науки, образованности, как араб, дотаскивающийся в степи до родника живой воды... и вот, вместо воды — воздушный обман — безотрадная степь! Вместо науки — пуф! Вместо книги — фиги! Вместо образованности — немецкое варварство!..[1]

Неужто сам же народ, т. е. простой народ, — один народ, который понимает свое правительство и живет уже * мыслью Петра, а не гулом колоколов или ревом кликуш, что, конечно, очень романтично слушать, лежа себе на европейском диване, с сигарой в зубах, — неужто этот же простой народ должен, наконец, сам писать себе книги и образовывать книжную торговлю?..[2]

* Но вот он уж и действительно сам пишет книги и образовывает книжную торговлю. Его ли вина, если он, как мужик, смешивает науку со сказкой и торговлю книгами с торговлею дегтем или гнилыми яблоками? Откуда ему знать, что и как писать! Он видит, что господа пишут романы, и уже ляпает эти романы сотнями!..

А критики, люди учении, розумнии, как говорят хохлы, только ругают эти невинные произведения грамотной черни, не узнавая в них неимоверных, неостановимых «прогрессов», т. е. просто успехов русского человечества, всею лавою, всею массою голов!..[3]

Следовательно, дело стоит не за правительством и не за русским народом. Оно стоит за средним сословием, которое не хочет или не может вразумиться ни в положение правительства, хотя это правительство само его образует, даруя права и привилегии всем и всякому, в наполнение этого сословия, ни в положение народа, на который оно смотрит свысока, лежа в грязном халате, с трубкою Жукова во рту!.. Тогда как правительство бьется над своим многотрудным делом образования народа по мысли Петра, когда этот народ погибает, выдираясь в люди, в тяжких работах, среднее сословие, ученые, чиновники, почетные граждане, купцы, офицерство бьется с утра до вечера, с вечера до утра в карты,

---

[1] *отмечено на полях* [2] *отмечено красным карандашом* [3] *отмечено на полях красным карандашом*

гордится тем, что огуряется от службы и собственного дела, * или лежит по своим берлогам, не веруя ни в просвещение, ни в Россию, ни в человечество и ровно ничего не смысля во всем том, что происходит в мире, вне его берлоги.[1] Оно бы хотело, чтоб правительство и народ написали ему все книги, образовали книжную торговлю, дали ему по боченку золота на брата, купили сами книги и принесли их к нему на золотом подносе, с низким поклоном старой няни.

«На, мое золото! Валяйся, сударик, на диванчике — бог с тобой!.. Сказки славные — читай, батюшка! Только не попорть ужо глазков, родимый! Ведь все это, господи прости, сущий заморский вздор!.. Не зачитайся!..»

То-то бы люли тому милому детищу!..

Убедившись во всем этом и пуще всего в ужасной силе последней причины — в силе лени, белоручества, малодушия, косной строптивости той среды, к которой принадлежат самые наши * писатели и которая где-то слышала, что куда как лакомо быть «аристократом ума», т. е. ровно ничего не делать и только обо всем судить и рядить по-своему, в небольшом кругу своих берложных поклонников, — общество предвидит все препоны, все помехи, все недоразумения, какие его ожидают.[2] Но, хотя бы его встретили все неудачи, хотя бы эти неудачи происходили именно со стороны самых тех ученых, которым оно вызывается служить до изнеможения сил, решившись на дело, оно не отступает ни от каких затруднений, не поддается * никакими натисками и идет к своей цели спокойно.[3] Если ему удастся совершить свой подвиг хотя вполовину и доказать, что в России есть люди, есть писатели, есть ученые, есть художники, что Россия не Кафрария и не Готтентотия; если оно спасет от загноя в застое хоть одно гениальное дарование, если оно издаст * хоть одно сочинение по спросу века и возрасту России,[4] — оно будет уже вознаграждено за все свои потери, за все думы, за все бессонницы, за все жертвы и траты!..

Совершить свой посильный подвиг безукоризненно пред лицом человечества есть все, что возможно для частных людей. Будущее закрыто от смертных завесою Изиды!.. Но, во всяком случае, верно только то, что пора и время выходить из долгой умственной дремоты и выводить из нее людей, созданных для созерцания и общественного действия; пора учить Россию, учась, пора * открывать книжный магазин, типографию и кабинет для чтения,[5] потому что библиотеки

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом и весь текст от слов:* вразумиться ни в положение *отмечен на полях* [2] *отмечено на полях красным карандашом* [3] *подчеркнуто красным, отмечено на полях* [4] *подчеркнуто красным, текст до конца абзаца отмечен на полях* [5] *подчеркнуто красным, отмечено на полях*

для чтения уже разыгрываются в лотерею, типографии печатают одни сонники, да визитные карточки, а * книжные магазины торгуют ножами! . .[1]

II. 1845—1846 гг.— Записка А. Н. Майкова к А. П. Баласогло

Ч. 17, л 94. Автограф. Датировано по показаниям Баласогло, связывающего эту записку с попытками организации общества по его проекту а)

Препровождаю вам список журналов с отметками брата. * Нужно бы было назначить общее собрание,[2] я имею кое-что предложить и полезное и выгодное для компании.

Ваш А. Майков

III. 1845—1846 гг.— Записка Ф. Г. Толя к А. П. Баласогло

Ч. 17, л. 98. Автограф. Датировано так же, как предыдущий документ б)

Сделайте милость, побывайте сегодня вечером часов в 7 у меня: вместе будем у одного человека. Дело не допускает отлагательства. Живу: в Басковом переулке, дом княгини Хованской, по парадной лестнице, в 3-м этаже, на правую руку.

IV. До 1848 г.— Статья неизвестного автора о рабстве

Ч. 17, лл. 84—85 об. Автограф, Датировано по упоминанию в тексте о Германии, относящемуся к периоду до революции 1848 г. в)

* Почему есть и есть везде рабство?[3] Почему ум человеческий столько веков, сперва темно и неясно, потом резко и со всепобеждающею помощию религии вооружившийся против него, до сих пор не успел и может быть никогда не успеет уничтожить его? Не потому ли, что всякой народ, какой бы он ни был, как и всякой человек отдельно, входящий в состав этого народа, не родился сам по себе и, родившись фи-

---

а) *На обороте второго листа:* Г. Баласогло. В архиве Министерства иностранных дел. (В главном штабе).

б) *На визитной карточке:* „Emmanuel Gustavovitsch Toll". *Впереди вставлено от руки:* Felix. *Надпись на конверте для визитной карточки:* Его высокородию г-ну Болосогло. В 14 линии, в доме Мазарова.

в) *На первой странице приписано неизвестной рукой:* Посылаю вам это маранье, потому только, что вы будете читать его в Департаменте, где пред вами есть глупости пошлее этой.[3] Жаль что автор этой статьи представил одни факты, а не сделал никакого вывода.

[1] *подчеркнуто красным, отмечено на полях* [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *в копии, находящейся в деле, подчеркнуто и отмечено на полях* [4] *подчеркнуто красным карандашом*

зически, не может независимо [1] от влияния других, утвердиться в силах своих, обеспечить свою безопасность. Ребенок учится ходить на помочах; юноша руководствуется наставлениями и надзором старших; муж подчиняется более и заботится более о матерьяльных, эгоистических потребностях, имея в виду старость, — бессилие, равняющееся бессилию детства, — а потому необходимо должен отказываться, жертвовать частию своей свободы условиям общества. Народ-ребенок, сокрушил ли он другой народ, уже отживший свой век, или под руководством гения, одушевившись мечтою о свободе, сверг на другова, не увернется от рабства; в 1-м случае, оно зародится в нем от естественной недоверчивости к побежденным; во 2-м, оно будет необходимая дань преимуществу ума или умов, его воздвигших; в 1-м и во 2-м случае оно благо или необходимость; но в обоих оно, испорченное человеческою слабостию, станет злом, зародышем гибели. В народе-юноше ум и страсти в полном разгаре, и страсти берут перевес над умом, из них сильнейшие две: славолюбие и властолюбие, ибо ум, потворствуя даже страстям, еще желает проявить свое [2] стремление, [3] подчинить себе все (это стремление тип вечной деятельности природы); поработив животных, ум не остался покойным, он окинул жадным взором всю природу и, найдя в ней равное и непреодолимое противоборство, остановил [4] взор свой на [5] человеке, в обществе которого он заметил различные силы и способности, т. е. равные ему или (и последнее преимущественно) слабейшие, и, нуждаясь в средствах для проявления своих действий, он употребил способности эти, как средства, вот опять рабство. Народ-муж, заботясь о покое своем, чувствуя надобность приготовить для себя тихий вечер, надобность трудиться для детей своих, нуждается в тишине — для тишины необходимо безусловное повиновение — и он смягчит рабство, возведет его почти на степень свободы, но не истребит совершенно, — посмотрите на современную Германию. Народ-старец впадет в пороки младенца.

Быть может еще, и эта мысль ужасна, рабство есть вечная реакция, не позволяющая человеку перейти черту, поставленную границею в его образовании всесильным перстом, — гиря, оттягивающая назад, уравнивающая ход всего человечества к известной цели, цели, которую мы постигнуть не можем, — дрожжи, дающие движение человечеству, недопускающие застой, — семя разрушения, как в организме человека семя разрушения есть именно движение органов, поддерживающих жизнь.

---

[1] *исправлено из:* независеть [2] *зач.:* веч [3] *зач.:* подчинить [4] *зач.:* взгляд [5] *зач.:* обществе.

Dieu est juste, et ses plus mysterieuses lois sont les plus terribles [1] — правда, но только для одного умонеделимого, а не для человечества вообще. Я думал и думаю, что есть промысл, но промысл общий, а не частный, а промысл этот справедлив и неукоризнен, как бог. Когда нужна буря для всего живущего, природа воздвигает ее, не заботясь о гибели нескольких детей своих, лишь бы устранить то, что вредно для всех, а не для немногих, и через то самое [2] не совратиться с вечного пути.

* Мысль, мною выписанную, можно написать кругом русского герба. [3]

V. 1847 г. — Записка Г. И. Невельского к А. П. Баласогло

Ч. 17, л, 92. Автограф. Датировано на том основании, что хлопоты Баласогло о посылке его в экспедицию на Восток и знакомство на этой почве с Кузьминым относятся к 1847 г. [а)]

Александр Пантелеевич! Ко мне в 10½ часов будет Кузьмин, офицер Генерального штаба, о котором я тебе говорил. Он вчера у меня был и хочет непременно с тобой познакомиться * переговорить о известном тебе предмете. [4] Сделай одолжение, приходи ко мне 10-го, я буду с ним ждать до 12 часов. Чем премного обяжете преданного тебе Невельского.

Очень, очень нужно. Воскресенье 8½ часов утра.

VI. 1847 г. декабря 22. — Записка П. А. Кузьмина к А. П. Баласогло

Ч. 17, лл. 91—91 об. Автограф

Милостивый государь, Александр Пантелеевич!

Я виделся вчера с Милютиным, и он просил меня передать Вам, что ему * нужно было бы переговорить с Вами: [5] вследствие чего не можете ли Вы на-днях побывать у него. Если Вы будете до праздников, то можете застать его от 9 до 11-ти часов утра, праздниками же он почти всегда будет дома.

Честь имею быть готовый к услугам П. Кузьмин.

29-е декабря 1847.

---

[1] Бог справедлив, и его наиболее таинственные законы наиболее ужасны [2] *зач.:* отри [3] *приписано на полях; подчеркнуто красным карандашом* [4] *подчеркнуто* [5] *подчеркнуто красным карандашом*

а) *На обороте 2-го листа:* Его высокоблагородию Александру Пантелеевичу Болосогло. В Кирпичном переулке на углу Малой Морской в доме Брунста в квартире Кашевского. Весьма нужное от Невельского.

VII. 1848 г. июля 8. — Письмо П. А. Кузьмина к А. П. Баласогло. Тамбов

Ч. 17, лл. 89—90 об. Автограф

Любезнейший Александр Пантелеевич!

Я к Вам с всепокорнейшей просьбой: будьте так добры, уведомьте цены некоторых из французских журналов: «Siecle», «Illustration», «La Semaine», вообще не из дорогих или, точнее, как можно дешевле. Я здесь в совершенном неведении европейских событий, а если по вашему уведомлению я увижу некоторые из журналов доступными для меня, то выпишу что-нибудь, начиная с января. * Что сказать вам про здешний край? Есть люди, но нет общества, социальность еще не введена в тамбовский словарь: эти люди, которые по средствам и по положению своему должны бы были сосредоточивать общество, или неспособны к тому, или действуют в кружке по их понятию избранном, но в сущности нелепом, а оттого и выходит дичь.[1] Я обещал делать для Вас замечания об обрядах и проч. Чаще всего в настоящее время можно видеть похороны (по случаю холеры) и так называемое поднятие образов: в обоих случаях дикие звуки человеческих голосов заставляют Вас подойти к окну, чтоб узнать причину звуков, раздирающих европейское[2] ухо: в случае поднятия образов, вы видите, что две женщины (мущины редко на это употребляются) несут довольно большой в металлическом окладе образ, в[3] отвесном положении, обратив[4] фронтон по направлению движения, несут довольно скоро, натягивая шаг и подгибая колени (вроде того,[5] если молоденькая горничная или старушка несет готовый огромный[6] самовар на стол, торопится, и как будто самовар тащит ее за собой). Негармонические звуки исходят из уст попа с дьячком, а иногда и нескольких монахинь, следующих за иконою. Народ встречает это шествие без шапок, часто останавливает ход для целования образа и подлезания под образ, что напоминает игру в пролазку. Когда же бывают похороны, то дикие звуки обращаются в неистовые вопли и рыдания, и те, и другие производятся женщинами разных возрастов, одетыми в белое платье, в белых же ночных чепчиках, из-под которых выпущены расплетенные косы; главнейших плакальщиц часто ведут женщины же под руки; иногда этих причитающих довольно много, и что заставляет меня подозревать, что они наемные, так это то, что они в причитании стараются соблю-

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] в отвесном положении *вставлено* [4] *зач.:* его [5] *зач.:* как [?] [6] *вставлено*

сти между собою согласие и при окончании куплетов приостанавливаются и потом вместе начинают следующий куплет; к этому присоединяется пение попа с причетом. Простите за многоглаголание, жду Вашего ответа, кланяйтесь тем, кто меня вспомнит.

Весь Ваш П. Кузьмин.

VIII. 1848 г. августа 23. — Письмо А. П. Кузьмина к А. П. Баласогло. Тамбов

Ч. 17, лл. 87—88. Автограф

Благодарю Вас, любезнейший Александр Пантелеевич, за письмо вообще и в особенности за то, что * Вы и в отсутствии моем вспомнили о предприятиях моих обзавестись домом,[1] но Вы объяснили выгоды и невыгоды дома в таких общих выражениях, что я не мог вывести никакого заключения. * Вы написали, каменный дом на В[асильевском] О[стро]ве стоит 30 тыс. сер., дает доходу 1300 руб. сер., а из того, что он по числу комнат велик для одной квартиры, можно подумать, что он невыгодно расположен — якобы для одного жильца. Далее 1300 руб. сер. на 30 000 сер. составляет 4.3%, что считают я[2] недостаточным, тем более, если из этого же дохода надобно будет и содержать и ремонтировать дом; пристройки же можно будет предпринять, имея капитал свободный. Тридцать тысяч серебром — сумма, которой я же располагаю. Если б Вы были так добры, что сообщили бы мне подробнейшие сведения об этом интересном предмете, именно: где, в какой линии, на каком проспекте этот дом, во сколько этажей, сколько квартир и по какой цене они ходят, сколько ежегодных издержек по дому, застрахован ли он, а, следовательно, сколько нужно будет доплатить? * Что же касается до убежища, то это не подлежит и сомнению, именно зажили бы мы на славу.[3]

Не пришлют ли мне экземпляра * нового устава.[4] Я, грешный человек, настрочил бы возражения на противуестественные параграфы. «Толцыте и отверзется вам», гласит спаситель, а молчание — знак согласия, говорит народ. Я нашел в одном из здешних монастырей довольно занимательную рукопись «Об основании города Тамбова и случившихся в нем достопамятных вещей»,[5] думал было[6] копию с этой рукописи послать в Географическое общество, но не знаю исполню ли, впрочем копию с ней

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *вымарано одно слово, отмечено красным карандашом на полях* [3] *подчеркнуто красным карандашом* [4] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* [5] *так в подлиннике* [6] *зач.:* послать

я снял. На-днях может быть поеду к одному из помещиков рыться в дедовской его библиотеке, надеюсь отрыть там кое-что занимательное. Я * бы гораздо круче повернул [1] делом, если б гг. исправники были исправнее, а то они с января и по сих пор не могут составить алфавитных списков селений, находящихся в их уездах. Вовсе не по шерсти дана им кличка. Впрочем, во всяком случае, надеюсь вернуться до нового года. Деньги на журнал послал я июля 20-го, но об газете еще ни слуху, ни духу. Кланяйтесь нашим, когда увидите Ваших.

Весь Ваш П. Кузьмин.

23-е августа 1848.

* Не лучше ли дом Шишкина в Коломне возле М[ихаила] В[асильевича]. [2]

IX. 1849 г. февраля 25. — Письмо Б. А. Милютина к А. П. Баласогло

Ч. 17, л. 93. Автограф а)

Милостивый государь!

Считаю долгом уведомить Вас и извиниться перед Вами, что я не могу воспользоваться Вашим благосклонным предложением... * свезти меня сегодня к г. Петрашевскому: [3] непредвиденное мною обстоятельство лишает меня этого удовольствия. * Я надеюсь, что Вы мне позволите впоследствии обратиться к Вашей благосклонности и просить Вас исполнить то намерение [4] Ваше, которое останавливается теперь по зависящим не от меня обстоятельствам.

Примите уверение в искреннем почтении, с которым имею честь быть Вашим.

Б. Милютин.

Пятница, 25 февр.

4. 1849 г. мая 12. — Отношение за № 32 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных, кн. А. Ф. Голицына, к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 17, л. 187

Секретно

М. г., Иван Александрович!

В дополнение к отношению моему, № 31, имею честь препроводить при сем найденные между бумагами надворного советника Болосооглу в большом числе копии с диплома-

---

[1], [2], [3], [4] *подчеркнуто красным карандашом*

а) *На обороте второго листа*: Его высокоблагородию г. Баласогло. По Галерной, в доме Румянцевского Музеума.

тических депеш, с тем, не изволите ли ваше высокопр-во признать нужным допросить его, Болосооглу, каким образом получены им эти бумаги, принадлежащие Архиву Министерства иностранных дел, и затем передать таковые, с объяснением Болосооглу, в означенное министерство.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

5. 1849 г. мая 14.— Показание А. П. Баласогло

Ч. 71, лл. 1—44 об. Автограф. а) *Напечатано в сб. „Петрашевцы", под редакцией П. Е. Щеголева, т. II. (ГИЗ, 1927, стр. 212—261)*

По приглашению Следственной комиссии, которою я имел честь быть допрашиван вечером 10-го мая текущего 1849 года, изложить на бумаге свое[1] оправдание во взводимых на меня неизвестными мне обвинителями государственных преступлениях, имею честь представить следующее объяснение.

Я обвиняюсь, в числе 36 человек других, отчасти мне названных лиц, в соучастии в так называемом тайном обществе г. Буташевича-Петрашевского, которого главною целью будто бы было ниспровержение существующего порядка вещей в государстве, пагубные намерения относительно самой особы нашего всемилостивейшего государя императора и заменение общественного устройства другим, на основании так называемых социальных идей, к чему, как средство, будто уже и принято нами было к исполнению приготовление умов распространением этих идей в России.

За всю свою жизнь никогда не воображая подойти, даже и случайно, под разряд столь тяжких обвинений, признаюсь, я был сильно потрясен и взволнован, так что едва сохранил присутствие духа, хотя до того, все время своего 18-дневного заключения, был совершенно спокоен, не зная и не постигая, за что бы я мог быть схвачен и посажен, и приписывая все это какому-либо недоразумению. Одно, что меня тяготило, — это неизвестность об участи моего семейства, которое, как я знал, оставалось на исходе месяца без гроша, и которому

а) *Пометы на первом листе: 1.* Болосоглу. *2. Рукою Набокова* 14 мая заслуживает особого внимания.

Показание Баласогло вызвало большое внимание следователей. 1 сентября, рассматривая проекты обвинительных статей, Следственная комиссия признала, что показание его „по содержанию своему столь замечательно, что может обратить на себя внимание государя императора", и постановила послать копию с него, при представлении всего дела, военному министру (журнал Следственной комиссии).

[1] *вставлено.*

я не мог оставить единственных бывших у меня 20 или 25 рублей серебром, потому что эти деньги я непременно должен был отдать разным лицам, в числе моих им долгов, и не отдал гораздо ранее только[1] потому, что в течение почти целого месяца заболевал и не мог оправиться. Но теперь, будучи столь милостиво одобрен и заверен, как г. председателем, так и всеми прочими гг. членами комиссии, что правительство * вовсе не так против меня предубеждено, чтоб искало только моего осуждения, что напротив оно желает только моего искреннего и полного признания[2] во всех моих действиях и намерениях в сообществе с г. Петрашевским и другими, даруя мне тем возможность самому облегчить меру могущего мне воспоследовать наказания, а в особенности будучи нескazанно обрадован словами г. председателя, что государь император, узнав о крайнем и беспомощном положении моего семейства, соизволил пожаловать ему сумму на пропитание, я в полном благоговении и умилении к столь неожиданной и незаслуженной мною высочайшей милости, прихожу вновь в себя и начинаю свое оправдание.

Прежде, нежели я приступлю к изложению, я должен объявить комиссии, что я всепокорнейше прошу меня простить во всех длиннотах, отступлениях, и даже резкостях суждений или выражений, если они случатся. Я позволяю себе все это единственно потому, что * не хочу скрыть никаких движений своей души,[3] никаких тайн ума. Если б я был принужден писать формальное оправдание, я бы решился это сделать никак не иначе, как только отвечая категорически на предложенные мне вопросы, по пунктам; скажу более, я бы не счел надобностью не только входить в какие-либо подробности, но даже и вовсе не обременил бы внимания моих судей повестью главных черт моей жизни и изложением сущности моих понятий о предметах и лицах. Теперь я делаю это, единственно потому, что пишу не судебный акт, а, если можно так выразиться, полную духовную исповедь всех своих дел и помышлений. Я делаю это не для того, чтобы выслужить себе[4] облегчение в могущем мне[5] быть наказании, нет, * чувствуя себя совершенно невинным[6] как в помышлениях, так и в действиях, а если и * виновным, так в самых обыкновенных человеческих грехах и слабостях,[7] я хочу этим изложением своей души доказать ту глубокую признательность и доверие, * какие мне внушены обязательною для моего сердца кротостию обращения со мною моих судей[8], и принести в жертву все, что могу в настоящую минуту своей жизни, его величеству, всемилостивейшему государю императору, на-

---

[1] *вставлено* [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто* [4], [5] *вставлено* [6] *подчеркнуто* [7], [8] *отмечено на полях*

шему общему отцу и покровителю, за столь необыкновенную внимательность к судьбе семьи одного ничтожного лица из миллионов его поданных, может быть даже негодяя.

Я понимаю, что общество может судить человека только либо 1) за его действия, либо 2) за его мнения; последние только в таком случае, если * они были выражаемы, следовательно, как бы уже превращались в действия, и в таком случае — в той мере, в какой могла в них явно обнаруживаться какая-либо общественная цель.[1]

Поэтому я бы должен был для логического порядка сперва изложить и объяснить свои действия, а потом и мнения; но так как между одними и другими существует, по самой природе вещей, самая тесная, неуловимая органическая связь, одни бывают причинами других, одни как бы рождают другие, а[2] потому, для ясности дела и сколь возможной краткости изложения, я не нахожу ничего удобнее, как прибегнуть к системе принятой современною наукою, именно, к историческому изложению тех и других, держась в главных основаниях рассказа все-таки естественного разделения предметов и только для экономии объяснения прибегая к переходам или к забеганиям мысли вперед.

1) Нахожу необходимым начать историей своей жизни, чтоб показать, если возможно, самое, так сказать, зарождение и потом последовательное развитие своих стремлений и понятий; потом

2) перейду к изложению своих действий, по мере их подхода под обвинительные пункты; и, наконец,

3) изложу, в их основных чертах, самые[3] свои понятия и убеждения.

При всем этом я буду ссылаться на факты и лица, прибегая к этому, как к единственному средству соблюсти колорит жизни и действительности, а, следовательно, передать[4] самую строгую, самую полную истину.

[1]

Я родился в Херсоне, 23 октября 1813 года, от лейтенанта флота, теперь генерал-майора, члена Черноморского интендантства, Пантелеймона Ивановича Баласогло и его жены, а моей матери Ольги Григорьевны, урожденной Селяниновой. Мое происхождение с той и с другой стороны дворянское и почти с обеих русское. Я знаю, что отец моей матери был надворный советник и умер, оставив двух малолетных сирот, или даже только одну, мою мать; помню свою бабушку и да-

---

[1] *отмечено на полях* [2] а потому *исправлено из:* следовательно [3], [4] *вставлено*

же прабабушку, вдову полковника, командира Бутырского или Ахтырского пехотного полка, Синицына, который умер в 1812 году в Севастополе. Со стороны отца я знаю, что он был вывезен из Константинополя 8 лет отроду и прямо отдан в С.-Петербургский морской корпус; потом не помню где, ребенком, я видел и моего деда, приезжавшего в Россию, уже не в первый, но в последний раз, по своим делам; так как он, сколько я помню из рассказов родни, потерял все свое состояние в 1812 году, занимаясь, как все греческие дворяне, стенавшие целые веки под игом турков, торговыми делами для поддержания своего существования. Сверх того, с обеих сторон я отчасти видывал, отчасти знаю по слухам весьма много лиц близкой и дальней родни, все потомственных дворян русских или совершенно обруселых и имевших довольно почетные звания в русской службе и значительные имущества в России.

С детских лет я получил непреодолимое отвращение к духовным лицам. Да не покажется это моим судьям слишком странным: это были самые первые мои впечатления, которые играют весьма важную роль в моей умственной и нравственной жизни. Все наше семейство, исповедуя православие, всегда всеми своими членами отличалось глубокою религиозностью; я один был с первого так сказать, *открытия на свет глаз то, что называется вольнодумом.[1] Первое, что я помню и никогда не забуду, это[2] то, как я, будучи, не знаю 3-х или 4-х лет, но не более отроду, поднесенный на руках к причастию св. тайн, испугался бороды священника и никакими силами, ни убеждениями, ни обещаниями, ни угрозами, не мог быть доведен до того, чтоб принять причастие. Принесши домой, меня тотчас же высекли и оставили целый день без пищи, на коленях. Внимая дальнейшим внушениям и боясь неминуемого нового наказания, я в скорости опять был принесен к причастию и с содроганием, будучи держим за обе руки, принял: но едва-едва не выбросил изо рта, почувствовав внезапный порыв тошноты, смешанной с чувством испуга все-таки от[3] бороды и приемов священника и холода ложки. С тех пор этот обряд был для меня, пока я совершенно не вырос, всякий раз настоящею казнью... Я приготовлялся к нему по целым месяцам, само собою, в уме и детской молитве. Другая причина — когда я был уже лет семи и, обнаруживая вообще во всем большую любознательность, стал было расспрашивать одного ходившего иногда к родителям священника, как помню, отца Герасима, которого я одного изо всех лиц его звания не боялся, потому что он был чрезвычайно добр и ласков, о значении различных обрядов церкви и,

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2] это то *вставлено* [3] *вставлено*

между прочим, все-таки св. причастия, он на второй же мой вопрос так на меня вскрикнул и так долго, вместе с моей бабушкой, называл меня еретиком и окаянным мальчишкой, что я не знал, чем и как доказать всю невинность своего любопытства, и скорбел об этом в стыде и слезах почти целую неделю. «Молчи!» Мне повторяли: «Не смей рассуждать! Это тайна!» С той поры я стал бояться и этого священника, как всех других. Хотя мне и стыдно теперь признаваться, но узнав от слуг, что при виде священника надо отплевываться, всякий раз лет до 30 своего возраста я сохранил эту привычку, кроме которой я никогда не знал и не держался никакого предрассудка. Одежда священника, завиденная издали, приводила меня невольно целую жизнь в род испуга и беспокойства, и я никогда не мог выдержать ни одного разговора с лицами этого звания, опасаясь, чтоб не попасться обмолвкой в вину, как пред отцом Герасимом. Здесь я прибавляю, что в последние годы своей жизни, когда я уже совершенно остыл от детских предубеждений, я был так несчастлив, что при всем желании беседовать о духовных предметах с самими учителями религии, я не встречал ни разу ни одного лица, с которым бы смог пуститься в серьезный разговор: на первых же своих доказательствах они оказывались решительно самыми грубыми невеждами в истории церкви, в том, что для краткости называется философией религии, и вообще во всем общечеловеческом образовании. По уму, обширности и прочности познаний, так же, как и по достоинствам общежития, я доселе знаю только четыре лица, по предметам, ближайшим к моему изучению, да еще такое же число по общедоступным; это именно: в первом разряде отцов Иакинфа, Павского, Сидонского и Макария, а во втором Наумова, Малова, Кочетова и Иннокентия: но и всех этих лиц я знаю, кроме одного Иакинфа, только по науке и общей их доброй славе в городе. Я не сомневаюсь, чтоб в России не было[1] гораздо больше подобных утешительных явлений в самой высшей области человеческого знания; но удаление, в каком они большею частию живут, от общества и невозможность приобретать частному человеку многие сочинения вдруг не дают вообще средств к сближению лиц, жаждущих истины, с лицами, могущими ее передать кротко и любовно, как творил сам наш божественный учитель и как он[2] завещал всем своим ученикам и апостолам.

Учился я весьма прилежно; с 4 лет возраста выучившись читать, уже бросил все игрушки, даже указку, и все время жизни доселе, при малейшем досуге и возможности проводил в чтении. Но не взирая и на это на мое необыкновенное

---

[1] *зач.:* и [2] *вставлено*

в детях поведение, за которое я был прозван в доме, как водится, философом, я все-таки не избег многократных наказаний и розгами, и всячески, за мое будто бы упрямство и экзамены учителям, тогда как я, будучи только растравляем их неясным изложением, сгорал желанием уразуметь недающийся мне толк и смысл дела. Отца я боялся более всего в мире. Он пугал меня не столько своею строгостью, сколько запрещениями читать книги собственно литературного содержания и беспрерывными принуждениями «заниматься», т. е. учить уроки из наук, а особенно из математики, которую я от души ненавидел, не умея ничего понять из преподавания учителей. Эти запрещения, которые я, разумеется, не находил никакой силы исполнять буквально, ставили меня почти ежедневно в отношении к отцу в положение виноватого, не могущего найти никаких средств к оправданию; а потому я все более и более предавался страху его гнева. Мать, напротив, не только не запрещала, но даже сама сообщала мне тайком романы и стихотворения, до которых я был жаден, и защищала меня всячески, если попадался отцу не с математикой в руках. Я не забуду по гроб благодарить ее в душе за то, что она первая ввела меня в мир поэзии, заставляя меня декламировать стихи или читать книги и не скучая по целым дням и вечерам, вместе с бабушкой, останавливать меня на каждом слове, требовать, чтобы я объяснял все свои недоразумения, и толковать мне всякую мелочь со всеми подробностями, пока я не пойму. Если б также поступали и все мои наставники в науках, я никогда не испытал бы стольких мучений в жизни, происходящих преимущественно от неудовлетворенного любознания. Одна поэзия всегда была мне ясна и понятна; одна она составляла единственное утешение в моей горестной жизни, и за это я обязан своей матери.

Впрочем ни отец, ни мать, и никто в доме меня не баловали. Я был старший, вечно с книгами, никогда не вертевшийся на глазах, с вопросами, на которые редко мне могли дать удовлетворительный ответ, и с боязнью проговориться — следственно, скрытный; другие дети резвились, ласкались и забавно проказили... Видя, что их предпочитают, они смело, напроказив весьма незабавно сами,[1] бежали на меня жаловаться, доносить, что это сделал я или они, по моему наущению... Мне не верили и наказывали без всякого помилования. Я же, ожесточаясь все более и более, дошел до того в своих одиноких размышлениях, что стал презирать и детей, своих братьев и сестер, и больших, никогда не позволял себе даже жаловаться большим, когда меня обидят маленькие, потому что это, по моему мнению, не стоило труда: во-первых

---

[1] *вставлено*

— низко, во-вторых — не поверят, и кончится тем, что они отоврутся, а меня же и накажут!..

Вот причины, которые с самых ранних лет, так сказать, выживали меня из родительского дома и делали мне его несносным. К этому присоединились и другие, еще важнее: именно, самою первою книгою, какая мне попалась в руки, была география, в которой довольно подробно описывались жизнь, занятия, наряды, нравы и обычаи разных народов, особенно Востока, Восточного океана и Америки. * Эта книга решила направление всей моей жизни.[1] Я до того был пленен природою этих стран[2] и всеми чудесами образа жизни этих народов, что только и думал всю свою последующую жизнь, как бы мне побывать в этих волшебных местах и описать их еще полнее и ярче, чем как я читал. От этого я бросался на путешествия, кораблекрушения и описания народов; от этого я задумал изучить все восточные языки; от этого я загорел желанием вступить на службу во флот, добраться до Петербурга и оттуда на первом кругосветном корабле отправиться в дальние вояжи. Два года я не переставал надоедать и отцу, и матери, и всем домашним и знакомым, чтобы меня скорее записывали в гардемарины. Наконец, отец сдался, и я на 13 году отроду в 1826 году поступил на службу во флоте гардемарином.

На флоте, я разумею Черноморский, я застал в тогдашнем гардемаринстве и молодом офицерстве нравы, если не буйные, — по крайней мере, еще полудикие. Родители, большею частью сами флотские офицеры или окрестные помещики, не имея средств или не желая расставаться с детьми, не отправляли их никуда далее Николаева и Севастополя, где их учили большею частию штурмана математике и морским наукам; впрочем, решительно ничему более: ни языкам, ни истории и географии, ни словесности, ни даже закону божию, и уж нечего и говорить, что никаким правилам нравственности и общежития. Кто что мог захватить дома или в людях, тем и должен был оставаться доволен на всю жизнь. Присмотра не было почти никакого — корпуса не было, — у приезжих часто ни родни, ни знакомых, словом, молодежь жила у учителей из низшего сословия или сама по себе по квартирам... Нравы были довольно свирепые, и я с первого же шага на флот встретил с неописанным изумлением и горестию это непостижимое для меня буйство, невежество и праздношатание. Впрочем, на службе они были, что называется молодцы; и потому начальство вовсе не обращало на них внимания: лишь бы были исправны и послушны; а там хоть что хочешь!..

Эта молодежь, будучи по большей части от 15 и до 25 лет

---

[1] *отмечено на полях* [2] этих стран *вставлено*

отроду, не находя меня своим, приняли, что называется, в точку. Меня терзали самым неимоверным образом... Жаловаться было некому, да и опасно: мичмана и почти все лейтенанты были совершенно одних понятий с гардемаринами... Я сделался дик и угрюм и решительно возненавидел людей...

К счастию, на следующий 1827 и потом на 1828 годы мне досталось служить на корабле «Париже», который оба эти года был флагманским, т. е. тем, на котором сидел адмирал, сам покойный и незабвенный А. С. Грейг. Тут мне было уже в тысячу раз легче, потому что и мальчиков было менее и мальчики скромные, да и самое присутствие этого редкого, доселе обожаемого всеми черноморцами Грейга невольно налагало на всех отпечаток его кротости и строгости в исполнении обязанностей. Я имел честь через каждые два дня, по заведенной очереди, в числе всех офицеров корабля, бывать у него за столом, наслышаться его суждений и насмотреться его обращения с подчиненными и деятельности в служебных и научных занятиях и потому считаю долгом отдать справедливость его памяти тем сознанием, что, если уцелел в нравственности и получил серьезное направление в службе, — всем этим обязан единственно его примеру, пользуясь им совершенно извне, потому что не имел к покойному адмиралу решительно никаких ни рекомендаций, ни протекций, ни особых случаев и ничем в особенности не был им отличаем.

1828 год вечно мне памятен тем, что я имел счастие, столь необыкновенное в отдаленном краю России и особенно тогда, видеть особу государя императора и служить на том самом корабле, который он соизволил удостоить своим личным присутствием в течение всего времени осады крепости Варны. Это было, можно сказать, самое лучшее и самое восторженное время во всей моей жизни. Будучи отпускаем моим отцом на войну, я получил от него только обыкновенное родительское благословение и эти три слова: «Добудь себе такой же знак!» Он указал на висевший у него на груди солдатский орден св. Георгия, который он получил за храбрость вместе с чином мичмана, будучи ранен в звании гардемарина при острове Тенедосе, в незабвенную для всей России кампанию адмирала Сенявина в 1806—1808 годах в Средиземном море, — в ту самую кампанию, где убит в сражении двоюродный мой дядя, генерал Попандопуло, командовавший отрядом сухопутных войск при Сенявине. «Да помни, — присовокупил мне отец, — что твой и дядя не пощадил своей жизни для отечества!» Я давно все это знал и сам из бесчисленных семейных[1] рассказов и только тем и горел, чтобы доказать всему свету, что я ничем не хуже ни отца, ни дяди, когда дело

---

[1] *вставлено*

идет об отечестве. Я бросался во все опасности, не знал ни сна, ни отдыха... Государь император поселился у нас на корабле со всею свитою, и потому все офицеры уступили свои каюты лицам первых классов, бывшим тогда при его величестве, и удалились «под сукно». Мы же, два гардемарина — нас только и было, что двое, я и мой бывший товарищ Игорь Васильев, родной брат Васильеву, бывшему в это время адъютантом у Грейга, а потом у князя Меньшикова и теперь находящемуся начальником штаба при главном командире в Кронштадте, — мы двое не имели целый месяц никакого пристанища; он, имея брата, в его отсутствие, иногда пользовался его каютой: но я, не имея никогда никакого родства, ни покровительства на службе, спал решительно на голой палубе, завернувшись в шинель и фуражку под голову. Но и это было редко, потому что по сходе почти всех офицеров на берег в траншеи, мы, два 15-летние мальчика, исправляли должность офицеров и почти не сходили с катеров и барказов, где и высыпались, и обедали, и ужинали, грызя в буквальном смысле одни матросские сухари; и на берегу, что касается до меня, не имея никогда ни гроша в кармане ни от родителей, ни в виде жалования, которого гардемаринам не полагается ни копейки, я, по невозможности воспользоваться услугами маркитантов, при случае прибегал к виноградным садам, опустошаемым тогда матросами, либо пользовался радушием первого попавшегося матроса, хотя бы и с чужого корабля, если только он шел с фуражировки не с пустыми руками, а с виноградом или же медовыми сотами. Ни время, ни обстоятельства не дозволяли начальству нас щадить: мы возили провизию для стола его величества и его свиты, по целым дням пеклись на солнце, наливаясь для корабля водой, возили иногда по нескольку раз в сутки бесчисленные конверты с самонужнейшими повелениями или донесениями по всем военным судам, бывшим на рейде, и весьма часто на дежурные корабли и бомбардирские суда, под градом прыгавших около шлюпки ядер, издававших, подобно китам, фонтаны, что меня весьма забавляло, и в особенности донесения с южной стороны Варнского залива от находившегося там с корпусом генерала Бистрома к главнокомандующему, в его лагерь на противоположном, собственно варнском берегу залива, с надписями «весьма нужное», «в собственные руки» такого-то. Так я имел честь и счастие неоднократно вручать подобные пакеты, шедшие [1] и из других мест, к графу Воронцову, Дибичу, Бенкендорфу и самому его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, отвозя их с корабля на шлюпке на берег, а оттуда на казацкой лошади вер-

---

[1] *вставлено*

хом в то место, где бы ни находилось лицо, которому следовало доставить пакет; и тут почти всегда доставалось делать объезд по 3 и по 7 верст в один конец, ища один одинешенек в пустой и незнакомой горной местности нужной особы, между тремя пунктами: пристанью, лагерем великого князя и лагерем гр. Воронцова. Тут я не могу удержаться, чтобы не упомянуть хотя мимоходом, что я в один из таких разъездов имел счастие попасться навстречу самому государю императору, ехавшему из лагеря гр. Воронцова обратно на корабль. Его величество, изволив заметить на южной стороне большой дым — признак значительной перестрелки, — послал вперед себя флигель-адъютанта Римского-Корсакова, который, летя во весь опор, открыл, что ожидание его величества было справедливо: я уже вез донесение об этой перестрелке на казацкой лошади, без седельной подушки,[1] так как стремена были весьма длинны, едва-едва мог с нею справиться, когда она, чувствуя на себе не того ездока, пошла меня носить по оглоданным тычкам виноградников... Корсаков заметил меня далеко в стороне с дороги, доскакал ко мне и поворотил навстречу к государю. Его величество весьма милостливо, думая, что я смешался и робею подъехать, поднялся сам ко мне на возвышение и, ободряя словами, взял из моих рук донесение Бистрома к графу Воронцову и прочитал его. Я же робел вовсе не его присутствия, а того, чтоб лошадь не вздумала меня понести опять куда-нибудь в сторону... По прочтении его величеством донесения, я имел счастие принять его обратно с приказанием государя императора к графу и доставил то и другое исправно.

Всех случаев исчислить невозможно; но я могу насчитать их множество. Я два раза тонул; раз чуть было не был раздавлен барказом у борта корабля, на сильном волнении, раз, единственно, как выражались тогда же все свои и чужие штаб- и обер-офицеры, «по фантазии» командира корабля Критского, я был послан им с барказом и 18 бочками на южную сторону сыскать фонтан, находившийся как раз насупротив крепости, под ее выстрелами, и во чтобы то ни стало доставить из него воды для стола его величества, так как Критский полагал, что эта вода лучше обыкновенной, с угрозой, что, если не привезу воду или вызову на себя хоть один выстрел из крепости, он заморит меня на салинге. Я отправился под вечер и, достигнув крайних пределов занятой нашими командами местности, стал разведывать у начальников, как бы пробраться к фонтану. Все изумлялись и советовали не искать вчерашнего дня и не подвергаться, по их мнению, неминуемой опасности или[2] попасться в плен, или быть

---

[1] *исправлено из*: без седла [2] *зач.*: быть

разбиту вдребезги и остаться на мели до утра, или, во всяком случае, взбудоражить и крепость и всю турецкую силу, где бы она ни находилась, а с нею вместе и оба наши лагеря... Но я, зная очень хорошо характер Критского, с другой же стороны, ища случая отличиться, не послушал ничьих советов и, видя, что надо искать всего самому, спросил своих людей, которые, как я заметил, стали унывать от опасений и увещаний штаб-офицера и других: «Ну, что, ребята! Хотите ли вы со мною пуститься на авось? ..» — «Да, как вам угодно, сударь: известно, мы вас не оставим!» — «А мне так и очень угодно и даже просто смертельно хочется попытать с вами счастия!» — «Ну, и мы рады стараться. Не оставим вас ни в жизнь!» — «Ну, так с богом, марш!» Я велел им обернуть весла их же онучами или чем они хотят, чтоб не было слышно ни малейшего стука от гребли, и в самые глубокие сумерки подгреб сколько было можно ближе к берегу насупротив крепости против самых ее стен. Барказ весьма далеко стал на мель. Я велел матросам раздеваться и катить бочки, крадучись, к берегу и начал было раздеваться и сам; но они не допустили меня это сделать и в один миг перетащили на плечах на берег. Но тут только что было ступить ногой на сушу, как из-за куста выскочил солдат: «Кто идет?» Мы остановились: пустились в объяснения... Наконец, я урезонил солдата, что мы русские, с корабля, лозунга не знаем, потому что он нам не отдан, а отправлены за водой к фонтану для государя императора: «Есть ли тут фонтан!» — «Есть! мы у него и поставлены в секретном пикете; там есть и офицер». — «Ну, так вызови сюда офицера, унтер-офицера, ефрейтора, кого хочешь»... Пока являлся унтер-офицер, потом сам офицер, пока длились все эти переговоры, я сидел на спине матроса. Наконец, офицер, удостоверившись, что мы свои, а не турки, решился нас пропустить, и мы едва-едва успели за ночь налить все бочки, так как фонтан едва цедил воду, а катать было довольно далеко, и все надо было делать с величайшей осторожностью, потому что, как удостоверял офицер и все рядовые, днем турки то и дело, что посылают сюда ядра, и пикету под великим страхом запрещено не показать даже искры, не только какого-либо огня. Уже почти рассветало, когда мы выбрались из-под амбразуры крепости на простор, и совсем утро, когда мы пристали к борту корабля. Критский был уже на верху и первый меня встретил. — «Что, привез?» — «Привез-с!» — «Ну то-то же! Все бочки налил?» — «Все-с!» Тут я было начал ему объяснять как и что было; он не выслушал и трех слов и крикнул. «Ну, ну! не рассказывай, не хвастай! Если б хоть одну бочку не налил, просидел бы у меня целый день на салинге, а к вечеру отправился бы ее наливать!» Тем все и кончилось.

При другом случае, где я был совершенно прав, он таки засадил меня на целые три часа на фор-салинг, приказав хорошенько спрятаться за стеньгу, чтоб как-нибудь не заметил государь император, «иначе просидишь целую ночь». Я исполнил все это безропотно, распевая себе потихоньку песни, потому что другого решительно нечего было делать.

В то время, единственное во все стояние флота под Варной, когда дня полтора не было никакой возможности от сильного ветра и ужасного волнения пристать к берегу ни одной шлюпке с целого флота, случилась самая крайняя необходимость отправить пакет, дошедший с южной стороны из затиши, по ветру на корабль, к Дибичу, который находился вместе с государем императором и всей его свитой на берегу и долго бы не мог его получить без риска со стороны корабля. Вызвали, разумеется, меня, сделав на этот раз мне еще то удовольствие, что спросили: «Решишься ли ты теперь ехать и доставить во что бы то ни стало вот этот пакет к Дибичу?» Я взглянул на море, — волны были ужасные... «Что ж! давайте! Коли вы позволите рисковать и найдется охотников на шлюпку — я сейчас же еду!» Меня снабдили на двои сутки сухарями, дали дрек (маленький якорь) и отправили, дав совет, если не удастся выскочить на берег, и не думать попасть обратно на корабль, а спускаться по ветру до первого закрытого места, хотя бы верст на 20, на 30 от пристани. Мы долетели до пристани живо, бросили в воду дрек и попробовали спуститься на кабельтове (тонкий канат) к пристани. Только что было мы поддержались к пристани, как налетевший вал поднял нас по крайней мере вдвое выше пристани и потом, спадая, так хватил оземь и отчасти об угол пристани, что мы в один инстинкт закричали: «Прочь, прочь, оттягивайся!» и весьма счастливо оттянулись до благородного расстояния от сокрушения вдребезги. Тут я разделся, вызвав двух матрос, которые умели плавать, последовать моему примеру; закутал сколько мог прочнее конверт в свое платье и, приказав им во что бы то ни стало доставить мне этот конверт неподмоченным, швырнув его на берег, бросился в воду. В одну минуту я был уже на прибрежном песке и уже радовался, что так легко исполняется моя мысль, как — увы! — тот же вал, который меня донес и хватил оземь, потащил меня вместе с целым слоем песку и каменьев назад, с такою силою, что я, признаюсь, едва сохранил присутствие духа. Я пробился тут таким образом по крайней мере четверть, если не добрые полчаса, то налетая на берег, то уносясь от него в море. Наконец, последним и отчаянным усилием я запустил руки как можно дальше в песок, который мне показался поплотнее и суше, и — не веря сам себе — очутился на берегу. Первое, что я сделал — пустился бежать, как

можно подальше от мокрого песка; потом закричал матросам, которые все еще бились с своим тюком, перемочив его весь и ни на волос не подаваясь на берег, чтоб они швырнули его мне как можно сильнее и дальше, а сами садились поскорее на барказ и старались или попасть на корабль, или, если нельзя, куда сказано. Платье долетело до меня и развалилось... все было мокрешенько, но конверт цел и едва-едва тронут с одной стороны водою. Я оделся, выбежал, весь дрожа, на гору, изумил своим появлением штаб-офицера, у которого были в распоряжении казацкие лошади, и не успел показать ему надписи на конверте, как он, не слушая меня долее ни секунды, закричал: «лошадь! лошадь!» Мне подали лошадь... «Ступай, ступай, ради бога! Вези скорее, после поговорим!»... Я пустился по указанию отыскивать Дибича в лагерь великого князя; добрался до лагеря уже к сумеркам и, блуждая с конем в поводу между палаток, наткнулся на какого-то незнакомого мне адъютанта. Спрашиваю его, где мне найдти Дибича? — «Я к нему с пакетом, с „Парижа"!» — «Как! да ведь ни одна шлюпка не может пристать? Государь император не может попасть на корабль и, вероятно, заночует на берегу; как вы попали сюда?» — «Я переплыл...» — «Вот и видно, что моряк! Переплыл...» И он рассмеялся, оглядывая меня с ног до головы... «Да вы все мокрехоньки! Ветр ужасный, вас продуло насквозь, пока вы найдете Дибича, он только что со всею свитой спустился с горы, вон, по той дороге, и поехал в лагерь гр. Воронцова, — вы его догоните, а пока, чтобы вы не захворали, выпейте хоть рюмку вина, хоть сколько-нибудь согреетесь...» Сколько я ни отговаривался, что я вина не пью, что уж смеркается, что боюсь опоздать и не застать Дибича, — добрый офицер почти насильно влил мне целую большую рюмку, я думаю, мадеры. Первая рюмка подобного, т. е. крепкого вина отроду! Поблагодарив его сколько мог лучше, я пустился по его указаниям под гору и благополучно доставил пакет, уже впотьмах, Дибичу. Он только спросил меня: «Как вы сюда попали?» — «Переплыл-с». — «Очень хорошо-с, покорно вас благодарю». И больше ничего. Возвратившись к пристани, я сдал лошадь, сыскал знакомых офицеров, которые уже ложились спать, не застал у них ни крошки хлеба, все уже было съедено. Надо было ложиться спать, но все на мне было еще мокро, ветр продувал меня из-под пол палатки насквозь, я вскочил как оглашенный и пошел бродить, чтоб согреться. Так я грелся до утра и потом, видя, что нет никакой надежды попасть до вечера на корабль, проблуждал целый день в опустошенных виноградниках, будучи сыт целые двои сутки кой-какими жалкими ягодками, собранными мною за день на пространстве по крайней мере верст 15-ти. К вечеру ветер стих, наехали

шлюпки, я очутился на корабле. Тут не было меры похвалам моему подвигу от всех офицеров, но только от офицеров!..

Другой раз меня отправили в подобный же ветр ночью развезти к утру циркуляр на полфлота. Моего товарища Васильева пустили, по ветру, на одну половину эскадры, а меня, как не имевшего братьев при адмирале, на другую — против ветра. Он преспокойно развез свои пакеты, собственно говоря несомый ветром, и к утру, когда ветр стих, вернулся на корабль; а я все это время, спустившись по шторм-трапу на катер, пробился до изнеможения всей команды и не сделал ни одного вершка вперед, не только за корабль, но даже и до того же шторм-трапа, от которого нас отнесло ветром. Когда он поутих, я добрался до корабля, с объяснением и просьбою новых гребцов. Гребцов мне не дали, послали пакеты с другим офицером, а меня посадили на салинг, нимало не желая понять, что я столько же виноват в недоставлении своих пакетов, как и мой товарищ в доставлении своих!.. Сила солому ломит!..

Но я боюсь употребить во зло терпение моих судей. Если будет угодно, я могу дополнить еще большими подробностями после. Теперь надо сказать заключение.

Варна была взята, все ликовало, все было в восторге... Все офицеры получили награды, чины, ордена, подарки, только мы двое, я и мой товарищ, не получили ничего... Каждому офицеру досталось за весь поход этого года по крайней мере по две и по три награды; а нам — ни нуля. По окончании кампании Грейг с великими усилиями, но таки выхлопотал офицерам и жалованье по заграничному положению; хотя и тут князь Меншиков, уже начавший тогда же действовать во мнении государя императора против адмирала, какого лучше не бывало для Черного моря, урезал это жалованье с четверного на двойное, в явную обиду всему флоту против сухопутных войск; а нам, несчастным детям, служившим три года на собственном иждивении и не получавшим, кроме стола в походе, ни копейки от казны, не могло быть дано и тут никакого поощрения... По крайней мере, я знаю, что это сделал не Грейг. Все командиры кораблей, кроме нашего, представили к солдатским георгиям и к офицерским чинам всех своих гардемарин, и когда, не дождавшись результата, стали напоминать Грейгу, в хлопотах каждый о своих родных детях или племянниках, Грейг был так тверд, что сказал им наотрез: «Я единственно потому не исполнил вашего желания, что оба м о и гардемарина, которых службу и усердие я видел весь поход лично, до сих пор не представлены от командира корабля ни к чему. Когда будут представлены и они, тогда я с ними представлю и всех остальных». Но ни Грейг, ни

мы, два великие грешника, не дождались этого представления от злого и жестокого Критского.

Это смутило меня на целый месяц, я бродил, как шальной... Наконец, передумав и перечувствовав на целые годы вперед, очнулся от своей меланхолии человеком, совершенно и вполне освободившимся от всякого честолюбия и веры в справедливость раздаваемых отличий и наград.

На следующий год мы, уже проэкзаменованные и удостоенные в офицеры, вместо того, чтоб получить из Петербурга ожидаемые чины, вдруг получили известие, что государь император, будучи сам свидетелем, как плохо знают черноморские гардемарины фронтовую службу, высочайше повелеть соизволил отправить всех представленных в Петербург и не производить их в офицеры, пока не узнают фронтовой службы. Это нас поразило, как громом. Кто мог ожидать, чтобы его величество так поступил с своими варнскими героями!.. Нечего было делать, надо было ехать в Петербург... Все плакали; но мне, которому, как я уже сказал, было совершенно все равно, если бы меня вместо производства даже разжаловали в рядовые, это известие было лучом живейшей радости. Я и не воображал думать о восторге носить эполеты; все мои мысли были направлены на Восточный океан, к Сандвичевым и Маркизским островам, к Перу и Мехико, к Китаю и Японии. В Петербург, значит, хоть матросом, хоть на палубе, завернувшись в шинель и фуражку под голову, да в дальний вояж, в кругосветное путешествие!.. И я торопился, как сумасшедший; обманул родителей, что я выздоровел, когда был совершенно болен, в опасении, чтобы [1] не быть оставленным в Черном море, не поспев к сроку на сборное место, и так приехал в Петербург, проболев всю дорогу в лихорадке и горячке, до того, что меня два раза чуть-чуть было не сдали в городскую больницу!..

В морском корпусе мы учились семь месяцев фронтовой службе, потом месяц или два занимались приготовлением к экзамену — ко вторичному, что было и для нас, да я думаю и для Грейга весьма прискорбно — потом экзаменовались и, наконец, произведены в мичмана и отправлены в Кронштадт. Никто из нас ни на волос не был рад ни эполетам, ни Кронштадту, ни фронтовой службе...

Я прослужил почти семь лет в Балтийском флоте, был во всех тяжких на службе, лез из кожи — надо заметить, нисколько не из честолюбия, а единственно из того, чтобы выйти из рядов дюжины и отправиться в дальний вояж. Но дальние вояжи совершенно прекратились; наука была подавлена, убита, рассеяна... В офицерстве во всю мою бытность на

---

[1] *вставлено*

флоте только и было слухов и толков, что государь император не терпит ни наук, ни ученых, называя последних, после 14 декабря, тунеядцами и мерзавцами, и что князь Меншиков не смеет и думать доложить государю о чем бы то ни было дельном и серьезном вообще, а тем более научном!.. После всего этого, — я могу привести миллион фактов в доказательство и сослаться на сотню лиц, оставивших флот в эти 20 лет, — признаюсь, я был постепенно до того запуган фронтовыми строгостями, казарменным обращением почти всех моих начальников, кроме одного и единственного, тогда капитана 1 ранга, а теперь вице-адмирала, Ивана Петровича Епанчина, да уже перед концом на самое короткое время почтенного и доброго адмирала Петра Ивановича Рикарда, и особенно этими слухами и толками о постоянно разъяренном состоянии государя императора, что решился оставить море и поискать счастья на суше.

В Петербурге, еще будучи во флоте, в 1834 году, я было начал посещать университет, с тем, чтобы пройти в нем курс восточных языков и других предметов,—надо же было когда-нибудь да приняться за дело радикально! Но не успел я проходить и 5 месяцев, как меня, как нарочно, стали гонять на службу через день и, наконец, каждый день... Учиться было невозможно; к тому же я не был в состоянии добыть себе ни лексикона, ни грамматики ни одного из восточных языков. Эти книги чрезвычайно дороги, даже и до сих пор. Я вздумал было[1] еще ранее, с 1831 года обратиться к Гречу. Он меня чрезвычайно обласкал, все его[2] домашние меня полюбили и, я должен отдать им всем полную справедливость, кажется принимали во мне самое неподдельное и внимательное участие, за что я навсегда останусь им благодарен; но сам Греч, от которого все зависело, в три года моей ходьбы в его дом и искренней дружбы с его сыновьями решительно ничего не умел или не хотел мне сделать. А я только и добивался 10 лет сряду, чтоб найти в Петербурге место хоть в 400 рублей ассигнациями, но с достаточным досугом для пройдения курса восточных языков, или службу на Востоке, или хоть поблизости, на Кавказе, в Сибири, но все-таки с досугом и книгами. Куда я ни бросался, все было, как заговоренное. «Нет вакансии!» или «Странные у вас желания» — вот все, что я слышал от немногих знакомых, каких имел. В Министерство иностранных дел нельзя было и думать попасть; надо было или именное высочайшее повеление, или не письмо, но настояния какой-нибудь сильной особы, необходимой или опасной для графа Нессельроде, или подкуп, начиная с его камердинера или швейцара, не помню, — по 25 руб. асс. за

---

[1] было... года *вставлено* [2] *вставлено*

каждый впуск только в переднюю графа, а там выше и выше, как водится. Куда мне было деваться? Я узнал, что есть вакансия в Ставрополе адъютанта при штаб-офицере корпуса жандармов и опрометью бросился к одному чиновнику, служившему в III отделении и отчасти мне знакомому, именно к Лермантову. Он был так добр, что сию же минуту стал хлопотать обо мне, как бы сам о себе, и весьма скоро исходатайствовал обещание Леонтия Васильевича Дубельта, что я буду принят тотчас же, как получу увольнение от настоящей службы, чего я уже и просил с месяц или не помню как назад, в чаянии, в течение 4 месяцев, пока будут тянуться справки по флоту, нет ли на мне начетов, приискать себе место. Но пока я ожидал этого увольнения, вдруг открылась вакансия в Институт восточных языков. Я пришел в восторг: бросился сам к Аделунгу — отказ, к Чиколини, который был с ним знаком — обещание, что выхлопочет, к М. А. Балугьянскому — письмо к Аделунгу и обещание, что если не подействует, даст письмо к самому графу Нессельроде. Аделунг обещал... Я на радостях, чтоб не держать от других вакансии в Ставрополе, тотчас же бросился к Вердеревскому, заменившему место Лермантова, и, принося благодарность и объяснения причины, извинился, что не могу уже воспользоваться милостью Леонтия Васильевича.[1] Но пока я ожидал отставки, Аделунг изменил — отдал вакансию другому; а я остался, как рак на мели, не смея уже и думать беспокоить начальство корпуса жандармов, чтоб оно не сочло меня за самого бестолкового человека в мире, который играет и службой и благосклонностью занятых ею лиц.

В таком положении я решился обратиться прямо к Сергею Семеновичу Уварову, как к министру народного просвещения, обдумав объяснить ему что я уже начал посещать лекции, ходил около 5 месяцев, чему свидетели все факультеты, кроме математического, не только восточный; но по невозможности соединить морскую службу с хождением в университет, тем более, что меня уже два раза гнали из Петербурга в Кронштадт, я решился прибегнуть к нему, как к министру и как к человеку, известному своими попечениями о восточных языках в России в особенности, не будет ли он так милостив, не даст ли мне места, где ему угодно, в своем ведомстве, только с тем, чтобы я имел возможность уделять время от службы на посещение лекций. Я ходил три недели сряду, еще будучи в мундире, просиживал по три часа в его передней и только в последний раз дождался, что обо мне ему доложили, хотя я и преважно каждый раз расписывался в книге, заведенной[2] для того, чтобы просители

---

[1] *энергичная отметка на полях* [2] заведенной для того *вставлено*

вступали по очереди. Уваров на меня не хотел даже и взглянуть и выслал того же директора канцелярии Новосильского, который и отобрал, после многих моих настояний видеть самого министра, мою изустную просьбу, был так добр, что доложил министру, и, получив его ответ, дал мне письмо к князю Ширинскому-Шихматову, потому что другой возможности не было, как дождаться вакансии в департаменте. Словом, я был определен на 750 руб. асс. в Счетное отделение в Хозяйственный стол и забыт. Сколько я ни напоминал о себе и князю, и Новосильскому, пользуясь всеми ласками и хлобом-солью последнего, и через знакомых, и лично, и письменно, и изустно, — все кончилось одними обещаниями и решительным отказом князя дать мне, по крайней мере, позволение посещать только два раза в неделю от департамента университет. Я ручался, что все дела, какие у меня ведутся, будут идти решительно тем же ходом, как и всегда. Нет! А между тем начальник отделения, некто Тетерин, отвратительный взяточник и тиран подчиненных, державший в ежевых рукавицах весь Щукин двор, ел и грыз меня каждый божий день, вообразив, что я посажен к нему князем для наблюдения над его поборами с купцов, чего я и во сне не видел и что я открыл уже после, когда сам князь признался мне, что Тетерин всякий раз, как только князь его спрашивал обо мне, отзывался обо мне, что я нерадив к службе, — нерадив! Когда я, сверх обыкновенных своих занятий, сдал все запущенные ими в 20 лет дела в архив, приведя их в самый строгий порядок, один одинешенек; а их было до 300 дел! .. Как бы то ни было, я нечаянным случаем, при открывшейся вакансии, перешел от Тетерина и его привязок в канцелярию департамента, на высший оклад. Тут было мне гораздо легче, что касается до обращения, и я никогда не забуду благодеяний и дружеских попечений о моей судьбе моего тогдашнего начальника, правителя канцелярии Романова: он выхлопотал мне годовой оклад, который я сейчас же и убил на издание своих стихотворений, известных под именем Веронова, и на покупку лексиконов, грамматик и других книг. Но в сущности дело не подвигалось ни на волос: служба меня убивала, годы проходили — досуга не было!

В это время, в течение лет пяти всего-навсего, я уже был влюблен в сироту, дочь титулярного советника Яновского, воспитанную с сестрами в довольстве, даже в избытке при жизни отца, но после его смерти, по болезненному состоянию матери, ни во что не могшей в доме вмешиваться, зависевшую, в полном смысле как крепостная девчонка, от прихоти и капризов своих старших сестер и тех братьев, вдобавок еще не родных, но сводных, которые помогали семейству. Одну зиму я провел в этом доме, как в раю, пока не обнаружилась

наша взаимная склонность друг к другу; но потом меня рядом клевет и самых грубых уничижений заставили оставить дом. Я не казал туда глаз ровно три года и в течение их, живучи в одном городе, ни единого раза не видел предмета своей страсти, который между прочим уже раз пять насильно спихивали замуж за разных пьяниц, картежников и взяточников, лишь бы сбыть с рук за богача. Она не поддавалась, решившись не выходить ни за кого, кроме меня. Я все это знал,— и не мог даже ее видеть!

В эти три года я только и в состоянии был, что ходить в департамент и машинально там вести весьма не хитрые дела, которые кто-то весьма верно и знатоцки изобразил в этих словах, что все чиновники всех возможных департаментов в России только и делают, что расписывают потолки по трафарету. Общество мне опротивело, да и жить было решительно не на что: стола, при расплате с долгами за платье, и то плохое, хуже лакейского, держать было невозможно; прислуги, чаю — тоже. Я года полтора, живя на казенной квартире — одна темная комната, окнами на коридор — в Чернышевом переулке, и будучи не в состоянии пожирать, как другие подобные мне мученики, вонючих трех блюд пятиалтынного обеда, питался только пирожками и сайками Гостиного двора, которые до того мне омерзели, что, когда я мог их бросить, получив лучшее место, я уже не в состоянии был лет 6 на них глядеть! Целый день с 3 часов после департамента я лежал дома один одинешенек и глядел в потолок или в перегородку. Даже когда дали мне и высший оклад, так[1] и тут присвоенной этому месту квартиры мне не дали, отдав ее без всякой застенчивости другому; следовательно, принять у себя я никого не мог. А таскаться по чужим обедам — не умел во всю мою жизнь. И так, надо было считать себя в своем отечестве, в столице, там, где живет и действует правосуднейший монарх в мире, как бы пленником в Хиве, в черной работе у какого-нибудь зверя — хивинского мудреца и умудрителя из[2] татар Средней Азии!.. В эти три года я не прочитал ни одной книги; а если и прочитал, так решительно ничего не понял или скоро все забыл... Бывая изредка в людях, я не понимал их разговоров и не видел, из чего они бьются: * все мне казалось одним домом лишенных ума, может быть именно потому, что я сам почти уже был помешан...[3]

Но в эти-то три года я и передумал весь общественный порядок: тут * начало моих утопических понятий и стремлений.[4] Тут родилась и выработалась во мне самом, без моей воли, капля по капле, целая система[5] общественного устрой-

---

1, 2 *вставлено* [3] *отмечено на полях* [4] *подчеркнуто* [5] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен* NB

ства, которую впоследствии я жадно сравнивал со всеми известными в науке, но мне до сих пор еще совершенно неизвестными, и приходил в восторг, когда находил, что мои выводы сходятся во многом с выводами, например, Платона и Фурье!..

При открывшейся вакансии и ходатайстве Романова, я получил место секретаря в Комитете иностранной цензуры. Тут предполагалось, что я достигаю берега: служба не трафаретная, а умственная и чисто литературная; книг бездна, в том числе все запрещенные; квартира, по крайней мере, сносная; и свободного [1] времени, повидимому, довольно. Я не знал, как благодарить Романова. Но не успел я определиться, как председатель комитета, д. с. с., теперь тайный советник * Красовский, человек непостижимого малоумия и самой педантской, самой женской злости, [2] начал меня есть, как буравчик твердое дерево. Не проходило дня, чтобы он не мучил меня своими полуторачасовыми рацеями, по случаю самых пустейших, неподозреваемо никакому смыслу ничтожных мелочей. Я терпел и работал вдвое против департаментского и сверх того пересмотрел, перечитал, перешил и совершенно привел в порядок все дела, накопившиеся до меня с основания комитета, числом до 500, думая, что хоть этим ему угожу и избавлюсь от его привязок. Не тут-то было!.. Он меня грыз и заваливал работой до того, что я, наконец, едва не избив его, как только можно злее, — я удержался только пожалев его старости и, едва не расхохотавшись от его трусости, — вышел в отставку.

Между тем, я уже женился, в том воображении, что это место окончательно избавило и избавит меня [3] впредь от всех треволнений, что я буду со временем или цензором, или еще лучше, доучившись восточным языкам, скорее попаду в Министерство иностранных дел и на Восток; а между тем буду переводить, писать и что-нибудь заработаю и этим. Кажется, я поступил не совсем опрометчиво?.. Но, во всяком случае, не жениться я не мог, как честный человек, видящий гибель существа, которое терпит от своей к нему преданности, и существа совершенно беззащитного. Страсть довершила остальное.

Тут я должен с благодарностью упомянуть о своих родителях, которые, сами только что перетерпев крушение, сбились и помогли мне, прислав к свадьбе 500 руб. асс. — единственные деньги, какие я у них попросил сам, не пользуясь уже несколько лет до того и никогда после ничем, кроме небольших подарков моей жене. Их крушение состояло в том, что отец, распоряжаясь всеми суммами, какие были перетрачены во время турецкой войны на транспортную Дунайскую фло-

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто, до конца фразы отмечено на полях* [3] *вставлено*

тилию, которой он был начальником и которой дело было доставлять провиант к действующей армии, не мог в течение семи лет освободиться от притязаний казны на 40 тыс. рублей асс., которые на него начитывали, не принимая никаких резонов, за то, что он не хотел дать «на очистку книг», как водится, 9000 рублей. Его, который был так прост, что даже не заметил, как один из подчиненных ему офицеров сумел наскрести себе целую сотню тысчонок и сейчас же вышел в отставку и обзавелся чудесным имением, его, который всех расспрашивал, откуда тот мог столько набрать, его отдали под суд и держали на половинном жалованьи года два, при чем он остался бы и еще бог знает, сколько лет, если бы не соперничество тогда князя Меншикова с Лазаревым и не ходатайство, по моему с ним знакомству, служившего в контроле покойного добродетельного человека, д. с. с. Астафьева, от которого я при этом случае узнал, что к счастию моего отца в контроле только-только что оставили бывшее тогда правило — всякого судимого по начету обвинять, чтоб казна была в выигрыше хоть от тех, которые попались под суд: значит, кто попадается под суд, тот уже, известное дело, — набил себе порядком карман!

Во все пять лет моей службы по ведомству Министерства народного просвещения, я не оставлял при малейшей возможности или случае обращаться ко всем лицам, имевшим хотя какое-либо прочное сношение с Уваровым; но ни знакомство с Новосильским, ни дружба с братом Комовского, Гавриилом Комовским, ни короткость с многими молодыми людьми из немцев и их отношения к профессорам и академикам, ни самые знакомства с профессорами и прибеги к академикам не послужили мне ровно ни к чему. Немцы как-то не любят, когда русские берутся не за свое дело,[1] а по понятию петербургских немцев, филология — дело совершенно не русское. Дорн, например, вызвавшись давать мне книги и уроки, по рекомендации одного его бывшего слушателя, кончил или, лучше сказать, приступил к делу тем, что урока не дал ни разу, книги ни одной, а объявил мне напрямик, что мне бы надо было с п е р в а что-нибудь перевести с арабского, персидского или турецкого, и тогда бы-де он мог показать другим что-нибудь удостоверительное, что я способен в восточной филологии. Как будто, если б я знал уже языки так, что мог бы уже что-нибудь перевесть, я бы искал рекомендаций или уроков Дорна!.. А Френ, не взирая на рекомендацию своего адъюнкта Волкова, у которого я было начал слушать арабский язык в университете, а там познакомился и ближе, спросил меня только: «С какою целью вы хотите изучать эти

[1] *отмечено на полях*

языки? С научною или дипломатическою?» И когда я ответил, что чисто с научною, возразил: «Ну, так мы имеем здесь институт и кафедры в университете, вам стоит только посещать лекции». Когда же я и Волков стали разжевывать ему, что не в том дело, что эти богоугодные заведения здесь есть, а в том, как в них попасть,—он сказал: «Просите министров; а я ничего не могу для вас сделать», и тем[1] вся аудиенция и кончилась. Эти и тому подобные столкновения с петербургскими немцами довели было меня до того, что я в ярости не находил выражений, как описать мою к ним ненависть. Время и добрые люди из немцев изгладили эту резкую черту из моего сердца.

Так я расстался с Министерством народного просвещения.

Но надобно же было чем-нибудь жить и уже с женой. До самого замужества она давала было уроки музыки в Патриотическом институте, где имела большую силу родная ее сестра, музыкальная же дама, бывшая у покойной директрисы этого института, г-жи Вистенгаузен, домашним секретарем и державшая чрез это весь институт в страхе к себе и своей злости. Как только ее сестра вышла за меня замуж, так и потеряла свои уроки, несмотря на то, что покойница по своей необыкновенной доброте, известной всему городу, в течение трех месяцев три раза сама напоминала любезной сестрице, что ж ее сестра гордится, вышед замуж, и не йдет к своему занятию. Злое существо отвечало старушке тем, что ее сестра сделала карьер, вышла за хорошего, понимается в денежном отношении, человека, и что ей уже не нужны уроки, есть-де гораздо более ее нуждающиеся в этом средстве пропитания (она сама и никто больше), — а моей жене целым кагалом было толковано и приказываемо отнюдь не сметь докучать «maman» своим попрошайством, потому что замужней женщине, даме, уже неприлично заниматься таким нищенством, как давание уроков. После этого пропуска со стороны моей жены, которую я, как молодой и страстно, до восторга в нее влюбленный человек, не мог же гнать насильно на работу, она и я, в течение 9 лет, ни какими силами и средствами не могли уже успеть в поправке дела: чужие люди, считая десятками, хлопотали у директрисы, но та всегда портила дело тем, что сейчас же спрашивала мнение родной сестры; а сама моя жена, по скромности, никогда не решалась идти и рассказать все эти штуки своей родной сестры ее начальнице и благодетельнице, которая почтила ее своим полным доверием, сохраняя его в течение лет 20, до самой смерти прекрасной старушки.

Все хлопоты об определении моей жены в то же звание

---

[1] тем вся *вставлено*

в какое-либо другое женское учебное заведение остались доселе также бесплодными: все начинали и кончали тем, — да ей бы всего лучше обратиться в тот же институт, где она уже известна!.. Можно было обратиться!

Пока я искал себе и жене места, я существовал целые 7 месяцев единственно на 100 рублей асс. жалованья, которое мне положил в месяц некто Фишер, начавший было тогда по своей и других известных художников затее издание, под названием «Памятник искусств». Основателями этого издания, по мысли и плану, собственно говоря, были мы двое: молодой архитектор Норев, которому принадлежит первая и лучшая половина «Стихотворений Веронова», и я, его тогдашний единственный друг. Мы хотели воспользоваться этим редким случаем, где нашелся и редактор, и типография, и словом все видимости на успех, чтоб[1] учредить род текущей энциклопедии искусств, в применении их, со включением и ремесл, ко всей жизни, ко всем народам, ко всем климатам и векам, и в особенности к России, на пользу русских художников и всего образующегося молодого русского общества. Политической цели тут не было ни с которой стороны решительно ни какой: это, можно сказать, была затея утопически-чисто художественная. Мы доказали это тем, что в два почти года существования этого издания на наших плечах цензура не имела радости вычеркнуть ни единого слова. Мы утопали в работе, трудясь сначала оба по целому году совершенно даром, для заготовления материалов, а потом получая[2] только по 100 руб. в месяц — и я, и Норев, так как и его Тетерин же и братия выжили-таки в отставку, за то, что он, не принимая их подарков, не хотел подписывать на свою голову смет, составляемых этой благородной компанией для[3] разрабатывания Чернышева переулка и Щукина двора. Но что ж! И тут как везде и всю мою жизнь, я не долго был в очаровании: Фишер был круглый невежда в науках и теории искусств; но в практике удивительный, тонкий и мелочный знаток.[4] В последнем точка соприкосновения была прочная, ненарушимая; но в первом — никакой; и мы должны были его оставить, убив — я почти два, а Норев около трех лет, лучших в нашей жизни, совершенно бесплодно.

После семимесячного состояния на жалованьи у Фишера я до того привык к занятиям одною наукою, до того вошел первый раз отроду в свою настоящую сферу — кабинетную жизнь, что не мог без ужаса подумать, неужто мне идти убивать последние драгоценные остатки моей молодости опять в каком-нибудь департаменте, и решился во что бы то ни

---

[1] чтоб учредить *вставлено* [2] получая... месяц *вставлено* [3] *вставлено* [4] *отмечено на полях*

стало, хоть умру с женой на улице, не брать никакого места иначе, как на условиях, что мне будет хоть полнедели очищаться для себя. * Тут я сделал горькую ошибку; но я был доведен до фанатизма беспрерывными обманами судьбы и тупоумием ближних. Сколько мне ни предлагали добрые люди мест от 2 до 4 тысяч рублей в год, а иные даже и хлебных,[1] я, бедствуя невообразимо, упорно и наотрез отказывался, рассчитывая, что, по своим правилам и характеру, я не могу быть тунеядцем ни на каком месте, следовательно, тем более на большом; а потому и не буду иметь ни капли досуга для своих наук, тогда как мне он нужен был в колоссальных размерах. Свидетели — вся моя родня, все знакомые, все те, кто желал мне добра. Я решительно вообразил себе, что меня провидение избрало в мученики за науку,[2] истребляемую с земли новым наплывом варварства, равным переселению народов, и с изуверским наслаждением приготовлялся духом к голодной, холодной и какой угодно смерти. «А ребенок?» возражали мне друзья и родные. — «Ну, что ж, я его разобью об печь и не допущу страдать более себя!».[3]

В таком состоянии духа я таскался кой к кому из здешних литераторов или их знакомых, ища себе литературных занятий. Но все эти таскания и поиски оставались совершенно бесплодны. Мои статьи или возвращали, или затеривали, только всегда с одной и той же песней, что не соответствуют плану, цели, тону журнала; переводов не давали, отзываясь тем, что переводчиков, как собак, да и плата тогда была каких-нибудь 25 руб. асс. за печатный — и премелко-печатный листище: одно, что иногда, и то уже гораздо позже, мне предлагалось — писать разборы книгам, но на это у меня не поднимались руки: тут надо было, отрекшись всех своих задушевных убеждений, в угоду редакции, по большей части не имеющей на дне своей души на малейшего смысла, что такое за куропатка, что за лимбургский сыр — убеждение? — резать и бить напропалую всякого встречного и поперечного, благо подвернулся под руку с своей книжонкой; а эта книжонка есть может быть исслед десяти, пятнадцатилетней науки и борьбы с жизнью!.. Мои же мнения никогда не сходились ни в чем с мнениями и тогда, и ныне, и присно торжествующей или, лучше сказать, свирепствующей литературной партии, и потому разобрать книгу на основании своих собственных понятий значило убить себя сразу и навеки в шуме и гаме всей этой почтенной компании, которая торгует человеческим смыслом[4] не хуже того, как другие компании торгуют салом, пенькой и устрицами. Но сверх всего этого — иные даже заказывали мне статьи сами, упрашивая и улелеи-

---

1, 2, 3, 4 *отмечено на полях*

вая меня всячески, и, когда я приносил, например, переводы, стоившие мне целых месяцев усидчивой работы, у меня брали их с пожиманиями рук, чуть-чуть не с лобызаниями, расхваливая при свидетелях до небес и обещая при тех же свидетелях деньги — когда? — завтра! Это завтра не наступало еще и поныне... Так у меня, сверх урезок от уговорной цены, пропадает доселе за разными предпринимателями литературной промышленности до 500 руб. асс.

В это-то время мне свалилось, как с неба, настоящее мое место служения в Архиве Министерства иностранных дел. Мой добрый товарищ еще с Черного моря, некто Завойко, помогавший мне всегда и прежде всем, даже и деньгами, сжалился надо мной и тут и употребил все средства, какие имел, чтобы добыть мне место в этом министерстве, как в[1] единственном, в какое я еще[2] решился вступить, все в тех видах, что оно выкинет же, наконец, меня на Восток. Завойко женился тогда на дочери барона Врангеля, покойного добрейшего и благороднейшего инспектора Училища правоведения; а в этом училище был тогда — это было в конце 1840 года — воспитанником сын директора Департамента внутренних сношений, Поленова. Директор училища, покойный Пошман, по просьбе всего семейства Врангелей и моего товарища Завойко, да и по действительной своей доброте, взялся просить Поленова, чтоб тот исходатайствовал мне место в Азиатском департаменте, куда я преимущественно желал, как в пре[д]дверие на Восток. Директор Азиатского департамента Сенявин, пришед, по словам Поленова, в восторг от моей о себе записки, пожелал меня видеть с уверениями, что сделает все, что может. Я, в неистовой радости, что нашелся же, наконец, государственный человек, который меня понял, бросился к нему, как к спасителю. Но он, поговоря со мною с час, выразил самым прискорбным для меня образом, в каких-то язвительных блистаниях глаз и своих белых зубов и злорадных шуточках, достойных души О. И. Сенковского, что-де вам у нас нечего будет делать: «Для вашего ума нет у нас поприща; а ступайте-ка вы в Министерство народного просвещения, вот, например, хоть в Казанский университет, да кончите там курс, да тогда оно вас и пошлет путешествовать; или — если не то — я попрошу Василия Алексеевича Перовского, может быть, он возьмет вас к себе в Оренбургскую пограничную комиссию?» Ясно было, что он не хочет понять, что я, беспокоя его, просил его или дать мне место в Азиатском департаменте с тем, чтоб я мог доучиться восточным языкам, пользуясь только досугом и книгами Института восточных языков, потому что в профессорах этого похвального странноприимного

1, 2 *вставлено*

дома мне не было решительно никакой надобности, или прямо, если будет возможность и его великодушие, отправить меня в любую миссию на самый Восток; а не в глушь, в Оренбург, где меня, как чиновника, могут затереть в порошинку, не Василий Алексеевич Перовский, человек образованный и благонамеренный, но его же чиновники, о которых я, к моему несчастию и вечному сокрушению, имел тогда понятие единственно по известному всей России, а нам черноморцам в особенности, наезднику-шарлатану в литературе, в науке, в медицине и в службе, казаку луганскому, Далю, которого неопровержимые, но зато и единственные достоинства заключаются в его неограниченном практическом знании России вдоль и поперег. Я отказался и от Казани, и от Оренбурга; а великодушный херувим — директор на отрез отказал мне и от своего департамента, и от своих дверей, и от всего Востока, которыми он распоряжался, как своим задним двором. Кончалось тем, что я, впрочем, как бог свят, не сделав ему ни самомалейшей невежливости, ни даже миной или тоном голоса, должен был принять, как последнюю нить спасения, от Поленова мизерное местишко в архиве, в 1200 руб. асс. в год, с торжественным впрочем обещанием немедленно дать мне в дополнение еще место у себя переводчика с английского языка и с рекомендацией управляющему архивом Лашкареву, во всеуслышание, на весь архив, с частыми биениями себя в грудь, что он, Поленов, просил его, Лашкарева, за меня, «как за своего собственного родного сына». Покуда его действительный собственный родной сын был в руках у Пошмана, он не оставлял раз десять и изустно, и письменно уверять, что — вот, вот, только что откроется вакансия, так он меня на нее и посадит. Но как только его сын, занимающий ныне уже генеральское место, вышел из-под попечений Пошмана, так я и канул в вечность, потому, что архив и всегда в России, а в Министерстве иностранных дел и весьма в особенности, есть та область духа, в которую нисходят только души, обреченные еще до своего рождения пройдти навеки чрез реку забвения, в жилище уже ненужных миру теней...

Как бы то ни было, я не испугался и этого нисхождения. Скрепив сердце, я рассудил, что если примусь за эту почву, совершенно девственную, непочатую, за архивные дела Министерства иностранных дел, не как чиновник, которого вся утопия состоит в том, чтоб только скорее ударило 3 часа, а вся деятельность в чтении «Пчелы» или «С. Петербургских Ведомостей» и поглядывании через час по ложке, то на директора, то на часы; но как человек любознательный и логический,—авось, может быть, что-нибудь и удастся сделать такого, за что уже нельзя будет не послать на Восток!.. А рассудив,

и принялся за работу. Видя мое усердие и усидчивость, смело могу сказать, небывалые в этом архиве, начальство мало-помалу сделалось ко мне, хотя и не слишком жарко, однако ж не в пример прочим благосклонно и доверчиво. Так как я во всю свою жизнь не играл ничьим доверием, и я тут старался быть добросовестен и скромен, не для виду, а на деле, и, читая и перечитывая дела, был в обществе, что [1] касается до них, безгласен, как могила, имея предосторожность не уносить домой ни клочка писаной бумаги, имеющей хотя какую-либо политическую важность. Мало-помалу я вошел в толк и до того вник в содержание и взаимное отношение дел, что к концу года мог представить своему начальнику отделения, покойному ст. сов. Дубовику, план, как, по моему мнению, основанному на годовом изучении сущности дела, должно бы было разбирать архив, представляя вместе с тем и опись и несколько дел, разобранных мною на опыте. Этот план был основан отчасти на старом или, лучше сказать, собственно и был старый, только выясненный во всех пределах до возможной строгости и экономии главных черт. Дубовик, человек старого румянцевского времени министерства, до того нашел этот план основательным, что не изменив в нем ни одной черты, поднес его Лашкареву. Лашкарев брал его к себе на дом, читал, как он был, в листке и в нескольких тетрадках описей, и, подозвав меня к себе, при Дубовике спрашивал: я ли это сделал? — «Я!» — «И идеи ваши?» — «Мои-с!» — «Ну, я чрезвычайно рад, благословляю вас и даже покорнейше вас прошу, продолжайте — разбирать таким же порядком и все дела: вам сдадутся все азиатские дела. Хотя мы разбираем свои и по другому плану; однако ж, так как это как бы совершенно отдельная от прочих часть и уже начата прежде вас в таком же виде, как и у вас, — мы можем, не испрашивая особого разрешения, продолжать дело попрежнему. Это как бы особый архив; вы его разберете, составите ему [2] особый алфавит и свои особые описи; а я, только что вы успеете окончить хотя какую-нибудь часть, не премину представить ее на усмотрение канцлера, как образчик ваших похвальных трудов, и уверен, что канцлер удивится, что у нас в архиве есть такие чиновники, и наградит вас примерно». Эти и тысячи других комплиментов и обнадеживаний до того меня воспламенили, что я и спал и бредил разбором азиатских дел: оставался почти каждый день, правда только летом, по часу и по два после присутствия, приходил почти каждое воскресенье на целое утро, особенно пользуясь годовыми праздниками, и на просторе, один одинешенек рылся и зачитывался; а потом, часто целые ночи напролет дома со-

[1] что... до них *вставлено* [2] *вставлено*

ображал, в бессонницах, куда следует то, куда другое, как согласить это с тем, другое с другим; словом, я не разбирал, а воссоздавал дела, как художник какую-нибудь древнюю статую или здание, разбросанное в мельчайших обломках. И сказать правду, как художник, я высоко награжден за свой нерукотворный труд: я восстановлял целые ряды событий, сводил их лицом к лицу, они узнавали друг друга и как будто были мною довольны, что я воссоединил их так удачно и угадливо, как только им самим хотелось быть, потому что они так были, так происходили в минуту своего совершения. Я странствовал по всему Востоку со всеми посольствами и агентами, со всеми кораблями и караванами, со всеми армиями, отрядами и учеными экспедициями. Я проверил тут на государственных актах, мнениях и отчетах всех бывших деятелей государства всю свою начитанность о Востоке и сношениях с ним России, почерпнутую из тысячи других источников. Что всего важнее и неоценимее, я, сверх всякого чаяния, нашел смысл, толк, движение вперед, словом разум и жизнь там, где никто из молодых русских писателей, и я до того менее, чем кто-либо другой, не предполагал ничего, кроме застоя или хаоса. С неописанным восхищением, с замиранием сердца я читал и угадывал мысли и чувства графов Воронцовых, Чарторыских, Цициановых, Глазенапов, Румянцевых, Шелеховых, Резановых, Барановых, Добеллов, Ермоловых, Сенявиных, Скасси, Каподистриев, Остерманов, Потемкиных, и, наконец, самих великих и ничем невыразимых для русского сердца Петра, Екатерины и Александра. Я в несколько лет прозрел и увидел Россию совершенно в ином колорите и свете, чем покуда многие и весьма многие доселе ее воображают, не умея сделать пока ничего лучше, как только ее хаять, ее же пожирая и растлевая, подобно слепым и мелко-незримым животным...

Так, в шесть лет неусыпной и восторженной работы, я успел разобрать и восстановить самую разбитую, пренебреженную и нетроганную часть дел, а именно дел о Кавказе, татарах, калмыках, всей Средней Азии, Персии, Китая, Индии, Сибири, Русской Америки, Японии и вообще Восточного океана; а, с другой стороны, почти всех дел о славянах, с 1801 по 1820-тые годы: первые же, т. е. о Средней Азии и пр., мне удалось поныне довести почти до 1840-х годов, некоторые совершенно исчерпать; так что, например, трудно бы было найти в тех делах, которые только были в м о е м распоряжении, хоть один листок не на своем месте из дел Хивы, Бухары, Китая, Японии и других в эту сторону.

И что ж? Правда, со мной обходились, пока я так д е ш е в о корпел с д у р у над старою гнилью, весьма благородно, нисколько не смешивая меня ни в чем с другими; прав-

да, что мне давали ежегодно, хотя и не одному, но в самой неприятной парал[л]ели с некоторыми господами еще, из остаточных сумм более прочих; правда, что мне дали, как только открывались вакансии, и 1.750, и наконец 2.500 р. жалованья; но этим все и оканчивается. Надо было быть мною, чтоб высидеть о-сю-пору 8 лет на подобных окладах с целым семейством. И когда я, не дождавшись обещанного представления к канцлеру целые шесть—семь лет, потерял всякую надежду, да почти и охоту быть на Востоке, а потому в заботах о своем пропитании перестал себя мучить и начал служить, как другие, т. е. приходить попозже, уходить пораньше и т. д., — на меня набросились, как на ленивую и упорную лошадь, и началась история.

Надо знать, что во время оно, когда еще не было ни архива, ни дорогих его шкафов и полов, как они есть, по преданию, принятому мною от Дубовика, дела в министерстве велись собственно в канцелярии министра или коллегии, и по мере схождения с министерского стола докладов со всеми к ним приложениями, по миновании, так сказать, их настольности, сваливались всею кашей в один железный сундук, который запирался и запечатывался. Как только наполнится этот сундук донельзя, его стаскивали в чулан, называвшийся тогда архивом, вываливали все бумаги из него на пол и уносили на прежнее место в канцелярию или коллегию. Архивное существо или существа, которых было весьма немного, поднимали эти свалы глыбами, как кто сколько в раз захватит, и ставили по полкам разбитых шкафов, которые я видел сам своими глазами на чердаке, делая только над всем свалом такую краткую и ясную надпись: «сдача такого-то 18... и пр. года, месяца и дня». По мере накопления в архиве дел, они смешались до такой степени, что уже недоставало никакой возможности их отыскивать по ежечасным справкам. Тогда-то поручили разобрать это дело Дивову: он призвал казенных переплетчиков, дал им форму переплетов в лист и велел — переплесть все дела к такому-то числу, что ли, или празднику. Переплетчики наляпали бесчисленное количество форменно толстых и огромных фолиантов, с золотыми задками, насовали туда сряду, как дела стояли в шкафах, по указной мере, этой амальгамы и сказали: «Все готово-с! извольте посмотреть-с!» Пришла смотреть вся коллегия: что ни отворят шкаф — золото, да и только! Все были чрезвычайно довольны, а Дивов более всех, потому что ему дали за эту операцию переплетных существ ни более, ни менее, как 60 тысяч асс. единовременно! Но время все идет да идет: требуется знать, что, и как, и где, и когда случилось, произошло, было сделано или предположено к сделанию по такому-то, по другому, по десятому случаю; хвать за фолиант:

кажись бы, надо было быть китайским делам, ан тут кроме надписи, нет ничего китайского: тут вот киргизы, тут вверх ногами сербы, тут чеченцы, тут о каком-то Абуль-Хасан-хане, а здесь и не узнаешь, потому что целая десть писаной бумаги вплетена обрезом внутрь, в корешок, а ребром наружу!.. Только тут иные хватились, что можно бы было и подождать насчет 60 тыс. рублей асс.; но нечего делать: надо приняться за дело снова, радикально. И вот тогда-то составился и штат, и новые шкафы, и штучные полы, и словом все, что есть теперь; тогда-то назначен главнокомандующим на одоление всей этой несметной силы непокорных дел государственный муж, Сергей Сергеевич Лашкарев; оно было и кстати; он уж до того переслужил в министерстве все возможные инстанции, что, кроме архива, его некуда было девать. Но главнокомандующего не отправляют никогда без инструкций. Кто ж составит эти инструкции? Комиссия! Ну, а в комиссии-то кто? Господи, кто ж другой, как не Василий Алексеевич Поленов! Василий Алексеевич Поленов, душа самая работящая и любящая рыться в тайнах истории, не задумался нимало и родил, как Юпитер Минерву, всю целиком и без приготовления, свою знаменитую инструкцию. Эта инструкция есть не что иное, как список 160 или 260 — никак не вспомню — р о д о в дел, разделенный на четыре р а з р я д а дел. Если б кто спросил, откуда взялось это таинственное число 160? Аристотель в глубокой древности нашел в исслед всей своей многолетней жизни, проведенной в думах и наблюдениях, только 10 категорий; никто доселе не дерзал, в течение 2000 лет, пускаться на это поприще после его открытия, непостижимо великого и важного, кроме Канта, да и тот — лучше бы не путал дела, наделав их для симметрии 12, тоже в четырех разрядах; а В. А. Поленов, не попробовав разобрать ни малой частицы архива, нашел, что он д о л ж е н быть разобран на 160 родов. Канцлер подписал — чиновники набраны, и пошла работа!.. Да так, что люди, большею частию — теперь уже меньше — не знающие ни единого от иностранных языков, хотя бог знает по какому поводу или стечению непредвидимых обстоятельств' завалившиеся в архив на всю свою жизнь, ленивые и часто несмысленные, как младенцы, не понимающие ни дипломации, ни военных, ни торговых, ни промышленных, ни судебных, ни научных и никаких отношений, часто неумеющие скопировать со старых отношений «честь имею уведомить, что получил то-то и тогда-то», — начали обдирать золотые переплеты и распихивать бумаги, по листу, по два, по десять, по целым тетрадям, куда им вздумается, в любой из 160 родов; потому что, еслиб кто-нибудь из них задумался серьезно раз в жизни, да в к а к о й же, в самом деле, именно род с л е д у е т положить это дело

или бумагу, так он мог бы продумать и до второго пришествия, а уж ровно бы ничего не придумал. Сравнение тут проще всего покажет дело: еслиб кому-нибудь в мире пришло в голову наделать 160 шкафиков и потом пойдти по ним и написать по порядку: 1 — носы, 2 — волосы, 3 — зубы, 4 — ногти, 5 — усы, 6 — бороды, 7 — уши, и т. д. до 160; сделал свое дело, написал и ушел; потом пришла бы куча сторожей и завалила весь анбар мелко мелко изрезанными, истолченными и опять скатавшимися в комки кусочками и кусками от несметной массы живых людей, всех полов и возрастов, и всех животных; вывалила — и ушла; наконец, пришла бы благородная компания, кто в белых перчатках, кто в разодранном виц-мундире, кто с волосами à la moujik, расселась по стульям и ну подбирать с полу из кучи что кому попадется, пошучивая друг с другом: куда положить, например, бороды? В волосы или в бороды? А волос, похожий и на усной, и на бородной, и на головной, куда девать? В волоса или в усы? и т. д. А обрывки носов с кусками губ, не то щек, куда девать? В губы, или в щеки, или в носы? и т. д.; если б, я говорю, это могло случиться где-нибудь, когда-нибудь, в какой-нибудь стране земного шара, что бы должен был подумать случившийся тут мимоездом странник и об этой стране, и об этих людях, и обо всей этой горе истолченного органического мира, и о вкусе или[1] надобности этого странного препровождения времени для[2] стольких человек, впрочем, кажется, не сумасшедших? ..

А этот странник был тут не мимоездом, а закабален навеки и еще должен был заняться преважно тем же самым гранпасьянсом, что и все свои, да еще и верить, что этим он приносит пользу человечеству! ..

И вот, когда Лашкарев разобрал все свои дела — те, впрочем, так называемые собственно политические, бог знает почему, таки[3] поусомнились раскладывать в гранпасьянс, и они разложены, не в пример прочим, просто по годам и числам, нумер к нумеру, — ему не оставалось ничего более делать, как отрапортовать, что архив разобран, и получить или еще аренду, или 20 тыс. серебром за 50-летнюю беспорочную службу, чего он добивался еще недавно. Хвать за 2-е неполитическое отделение,—ан там дым коромыслом! .. Нечего было ему делать, поругав-поругав всех и каждого, и меня в особенности, недели две, он поуходился и затянулся сам в работу — пересмотреть и переразобрать один[4] все 2-ое отделение. Я думал, что он хочет этим[5] доказать, что намерен прожить Мафусаиловы веки: не тут то

---

[1] или надобности *вставлено* [2], [3], [4] *вставлено* [5] этим... намерен *вставлено*

было! В год — в полтора он отрапортовал сам себе и канцлеру, что все поверено и разобрано, как следует. А если бы кто заглянул в перемаранный алфавит или в любой картон с делами, тот бы сам, без всяких комментаторов и чичеронов, догадался, что тут вся[1] переверка дел состояла в том, что например, где лежали носы, туда положили волоса, а где были волоса с губами, там очутились ноздри; губы же с волосами втиснули в одни губы, потому, что тут губ оказалось более, чем волос, следовательно, в усы положить было нельзя, и так далее.

Когда он и это кончил, ему решительно не оставалось более ничего делать, и он принялся за меня. Увидев, что у меня не в порядке, стал меня есть и грызть всякий день, как я смел не следовать общему плану: сколько я ему ни доказывал — памяти у него нет и на два часа — он отрекся, как всегда и ото всего в мире, с криком и изгониванием вон из службы, уверяя, что никогда не говорил мне этого, а велел сделать так же, как и в остальном архиве, т. е. политические дела положить по годам и как я хочу, а неполитические, коллежские — по плану Поленова, как во 2-м отделении. Я бы должен был его спросить, как бы, например, разделить политические дела от неполитических там, где все одна и та же дипломатическая переписка, с немногими естественными отделами и видами, — но это бы значило то же, что взорвать на себя весь архив и все министерство, т. е. целую половину здания Главного штаба!

Может быть мне скажут, что я бы должен был, по долгу присяги, донести о подобных безобразиях прежде, нежели восставать, как я будто бы делал, и вопиять против всех начальственных лиц? На это я, с глубочайшею скорбью и против моей воли, должен вместо всякого ответа рассказать вот какое происшествие.

Моя жена, не помню в 1844 или 1845 году или еще позже, терпя со мною и детьми такую нужду, что мы часто питались с ней по целым неделям или одними макаронами, сваренными ею же дни на два, или одним куском окорока, или яйцами в смятку и более ничем и проживали сплошь и рядом по целому месяцу и более безо всякой прислуги,—об остальном нечего и говорить, — решилась меня не слушать и перезаложила все и свои и мои вещи, без моего ведома, так как я ей решительно этого не дозволял, зная, что заложено, то уже и просрочено, а следовательно и пропало. Оставались одни заветные: гранаты рублей во 100 — подарок моей матери, перстень с бриллиантом — рублей в 350 асс., да еще какая-то мелочь, которой я решительно не помню; по ее же

---

[1] *вставлено*

словам, всего рублей на 500—700 асс. Мы жили тогда в Знаменской улице, в доме помещицы Суляковой. Жена, надоедая ей беспрерывными просьбами найдти ей уроки, встретилась у ней с какой-то молодой дамой, полковницей, которая вызвалась ей доставить уроки и приглашала к себе. В разговорах полковница полюбовалась ее гранатами и попросила их себе надеть куда-то на вечер, только до завтрего. Жена, с простоты и боясь ее раздражить отказом, отдала ей гранаты; полковница [1] невозвратила их ни завтра, ни послезавтра. Жена отправилась к ней, и уж тут я забыл, каким образом, только и перстень попал вместе с гранатами в залог к какому-то ростовщику, пребывающему в великой тайне от всего мира. Прошло время надобности: жена приносит деньги на выкуп, вещей не отдают... Словом, какая-то подобная запутанная и скучная история, которая скрывалась от меня до последней возможности. Не зная, что ей делать, и боясь мне открыться, она обратилась к моему сослуживцу, тогда тит. сов. Войцеховскому, который будучи ко мне расположен, часто ей и мне говаривал, что везде имеет связи и всегда готов на услуги друзьям, что он весьма часто и оправдывал на деле. Войцеховский, уверяя, что это дело пустое, стоит только обратиться к его приятелю, полковнику корпуса жандармов Станкевичу, и тот так благороден и так ревностен к истреблению всяких подобных мерзостей, что сию же минуту сделает суд и расправу, увлек ее к полковнику Станкевичу, к нему на квартиру. Полковник рассыпался в любезностях, обещаниях; но ничего не делал. Войцеховский отговорился недосугом и снарядил жену одну к полковнику Станкевичу, по известной ей уже дороге. Тот попрежнему рассыпался в любезностях и извинениях и, наконец, в шутку, начал рассказывать, что эти вещи вздор, стоит об них хлопотать! «Вы, сударыня, так молоды, так прекрасны, вам ли заниматься такими прозаическими вещами, * вы можете иметь независимое содержание, на всю жизнь», и т. д., и т. д., до того, что уже совершенно ясно и ясно стал доказывать [2] и словами и движениями, чтоб жена согласилась на его скотские предложения; та, пока дело шло мягко, было оторопела, но видя уже явную наглость соблазнителя, вскочила и хотела было бежать. Он, как ни в чем не бывал, стал отыгрываться, удвоил почтительность и, наконец, уверил всеми клятвами, что он постарается, чтоб она только удостоила, через день, что ли, к нему наведаться, и вещи будут налицо. Во второй и в третий раз та же самая проделка повторилась паки и паки, но возрастая все более и более в дерзостях, так что жена наконец прибежала ко мне, вся в слезах и, винясь во всем, рассказала мне всю историю.

---

[1] *исправлено из:* но [2] *отмечено на полях*

Я требовал от Войцеховского, чтоб он доказал мне, что он мне приятель, сослуживец, честный человек и пр., и спросил Станкевича,[1] чего он от меня хочет, чтоб я дал ему публично пощечину, или чтоб проколол[2] ему брюхо ножом? Но Войцеховский сказал мне на всю мою белую горячку: «Что ж делать, mon frère, я сам уже заметил, что он подлец! Полно горячиться! Ведь мы не в Италии, и не в Испании, и не на Востоке!..» Вещи, разумеется, пропали; Станкевич, к счастию, нигде мне не попадался, хотя я и хотел учинить над ним славный шкандал посреди самого дворянского собрания; но так как таскаться по собраниям — довольно накладно; а в церкви — было бы уже слишком неистово; — я мало-помалу остыл и потом совершенно пренебрег и человеком, и его поступком...

Кому ж тут жаловаться?.. Неужто еще пуститься в дальний вояж по судам?..

Надо было все терпеть, все сносить безмолвно и ждать разве что страшного суда...

Остывая мало-по-малу и к архиву, и даже к его делам, я стал кидаться во все стороны, чтоб сыскать себе место хоть сколько-нибудь способное для занятия науками, и нигде не мог успеть доселе. Определившись в члены Географического общества, я думал, что тут-то кончатся, наконец, мои страдания, и я встречусь с людьми, которые дадут мне исход. Куда! Всех людей тут оказалось всего-на-всего один Литке да Струве, которые и хотят одни описать всю Россию: им бы действительно все это и удалось сполна, и их имена гремели бы в истории мира, как достославные имена Нимродов и Навуходоносоров, если б не случился тут же им навстречу некто Надеждин, который с своей стороны добивается весь век того же. Они встретились, * как два духа в стихотворении Шиллера, спросили друг у друга: «Что, есть конец там, откуда ты? — Нет! — А там, откуда вы? — Тоже нет!.. — Ну, так мир необъятен, Россия есть целый, особенный, самобытный и, следовательно, необъятный же мир;[3] а потому свернемте-ка крылья, да и успокоимся от наших суетных желаний — обозреть необозримое!..»

Узнав, что открылась вакансия библиотекаря в Академии художеств, я бегал, как угорелый, четыре месяца сряду, отбил себе все ноги, перетревожил до 50 человек, нашел необыкновенную готовность мне помочь в целом ряде до того вовсе незнакомых мне людей, за меня ходатайствовали и флигель-адъютант барон Фредерикс, и граф Алопеус, и князь Багратион, и Мюссар, и Рикорд, и Крутов, и генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, и Остроградский, и Панаев,

---

[1] *вставлено* [2], [3] *отмечено на полях*

и Маслов, и Языков, и Тютчев, и я не знаю сколько других и других; его высочество герцог Лейхтенбергский удостоил меня своей аудиенции, читал мои статьи в «Памятнике Искусств», принял из собственных моих рук мою книжонку о букве Ѣ, [1] выслушал мои моления с п а с т и меня для науки, обещал сделать все, что может, — и место получил не я, а непременно какой-то немец, который, дай бог, чтоб что-нибудь сделал для какой-нибудь науки!.. В утешение мне было сказано от имени его высочества, что он будет иметь меня в виду. Не знаю, изволит ли он помнить, кто у него был когда-то, в числе миллиона тех посетителей и попрошаек, которые ежедневно осаждают дворец его высочества!..

Муравьев, который было привел меня в восторг, пока я был ему нужен, как переслушал от меня все, что я ни знал о Сибири, Китае, Японии, Восточном океане, Америке и пр. и пр., и взял две статьи, над одной из которых я бился, как в опьянении, целые две недели, с утра до глубокой ночи, не вставая с места, чтоб успеть ее кончить, так и уехал, не удостоив меня даже впуском к себе в числе 10-кратных моих попыток, когда я хотел только поблагодарить его за то, что он просил за меня и его высочество герцога Лейхтенбергского, и то гнусное животное, которое истребило и гноит доселе всю Академию художеств, пользуясь деликатностью герцога, именно — Григоровича!.. По крайней мере мне приятно вспоминать в своей душе то, что Муравьев от первой статьи пришел в такую радость, что даже хотел прочесть ее самому государю императору, если бы его величество удостоил пожелать выслушать; но не нашел удобной минуты; а после всего остального, что я ему наговорил и написал, отозвался моим знакомым так, что ему теперь уже не нужны никакие сведения; того, что он узнал от Баласогло, никакие разбывалые там люди ему не доставят!.. Впрочем Муравьев — человек единственный для того края, и я благословляю судьбу, что она мне доставила случай и видеть в России такого человека в сане генерал-губернатора, и передать ему всю мою душу относительно этого драгоценного для России края!..

Так я достиг до настоящей поры своей жизни, и тут, чтоб быть верным плану, должен уже начать второй отдел своего повествования — изобразить свои действия в отношении к обвинительным пунктам.

2

Изо всех фактов, приведенных мною выше, и еще миллиона подобных и изо всех тех, какие удавалось мне слышать

---

[1] *в подлиннике ѣ подчеркнуто*

от всех и каждого без исключения, словом, изо всего меня окружающего *я уж года четыре тому назад сознал ясно, что в России пошло все вверх[1] дном, что в ней готовится какая-то катастрофа, и что это уже ни для кого не тайна. Как птица чует приближение бури, так и человек имеет свои приметы: отсутствие всякого понятия о своих обязанностях, пренебрежение разума религии и законов, с одним насмешливым или[2] тупым сохранением обрядов и пустых приличий, всеобщее недоверие друг к другу, исчезновение капиталов, которые как бы ушли в землю, вера в одни деньги, наконец, выражусь сильно — * бессилие власти к одолению бесчисленных беспорядков и злоупотреблений, — все это, поставляя каждого в безнадежное положение насчет будущего,[3] стало приводить в совершенное уныние и меня. Я постигал, что подходит время переворота, но какого? — этого я никак не мог ни разгадать, ни выспросить, ни разведать. Собственное самохранение, любовь к ближнему и всегдашняя моя преданность к России внушили мне идею, за которую я и ухватился, как за единственное средство, какое мне оставалось. Не зная, что и как будет, но видя ясно, что * быть худу, я задал себе вопрос: что должен делать во всеобщей безурядице писатель? Воины будут сражаться, ораторы возбуждать народ к резне, чернь — разбивать кабаки, насиловать женщин, терзать дворян и чиновников; немцы будут изрезаны в клочки,[4] Польша изобьет всех солдат до единого или сама погибнет до последнего человека под их штыками; Малороссия, вероятно, отложится; казаки загуляют по-своему, по-прежнему, по-старинному; Кавказ забушует, как котел, и, может быть, растечется в зверских набегах в Крым, до Москвы, до Оренбурга, подымет всех татар, калмыков, чуваш, черемис, мордву, башкир; киргизы и монголы, только того и ожидая, станут врываться из степей Средней Азии до Волги и далее, внутрь России; Сибирь встанет и заварит кашу с Китаем; а тут-то, когда по всей России будут бродить шайки новых Разиных и Пугачевых, которые сами себя будут производить в генералы, англичане отхватят под шумок и наши американские колонии, и Камчатку, завладеют Амуром, чего доброго, опрокинут на Россию весь сброд целой Восточной Азии. * Все это может быть и будет непременно если только [будут] лица, злоупотребляющие десятки лет во всей безнаказанности и власть, даруемую им законами, и доверие государя, и пот и кровь народа, и все священные преимущества заслуг, седин, имен, выражающих народную славу, и—что всего ужаснее—

---

[1] *подчеркнуто, весь абзац до слов:* имеет свои приметы *отмечен на полях* [2] или тупым *вставлено* [3] *подчеркнуто, энергично отмечено на полях* [4] *отмечено на полях*

преимущества образования и познаний! Но, если оно будет, — что тут будет делать писатель? Тут не возьмет ни крест, ни штык, ни кнут, ни миллион, ни ум, ни слеза, ни красота, ни возраст, ни самое высшее самоотвержение!..[1] Тут будут свирепствовать одни демагоги, которых в свою очередь каждый день будут стаскивать с бочек и расшибать о камень; о писателях тут уже не будет и помину, потому что все они гуртом будут перерезаны заблаговременно в виде бар и чиновников...

Это меня пронимало ужасом до мозга костей.

Чем же помочь этой страшной беде, которая у всех висит на носу, о которой все чуют и от которой никто и не думает брать мер? Кричать о ней? — посадят в крепость; писать? — ценсура, гауптвахта и опять-таки крепость; доносить? — в том-то и беда, что некому: зашлют туда, куда Макар телят не гонял!.. Остается только плакать и посыпать главу пеплом, и то не на улице!..

Нет! — я думал — мужчина не должен плакать, а должен действовать, пока не ушло время. Дело идет о спасении всего святого, высокого, прекрасного: * тут-то и действовать тому, кто видит,[2] а не сидеть в яме, пока ее совсем не завалило; видит, может все это видеть только писатель;[3] он гражданин, как и все; он на своем поприще должен быть тот же воин и идти напролом, на приступ, в рукопашную схватку!.. Умирать все равно, что сегодня, что завтра; но сегодня еще можно попробовать, авось удастся спасти и себя, и других: завтра будет уже поздно...

* Так я решил, что мне надо выступать на поприще во что бы то ни стало, забыть и о Востоке, и о филологии, и о стихах; презреть всеми опасностями; откинуть все предрассудки;[4] подвергнуться всем нареканиям; решиться быть даже, повидимому, тунеядцем и искателем приключений, лизоблюдом, льстецом, всем, чем кому угодно, будет меня[5] видеть,— только идти и идти вперед...

Но что же делать? что творить, идучи вперед?..

* Смягчать нравы, образумливать, упрашивать, чтоб полюбили истину; найдти себе точку опоры и действовать с нее на все стороны, имея в виду уже не классы или звания, не лица или титулы, а одного человека, — ум, душу, инстинкт самохранения...[6]

Итак, я стал бродить из дому в дом, ища себе путей и средств к основанию издания, в котором бы ни какая ценсура не могла ни к чему привязаться, а между тем всякая живая душа нашла себе отрадную мысль, приятную черту, пример

---

[1] *отмечено на полях* [2] *подчеркнуто, отмечено на полях* [3] *отмечено на полях от слов*: о писателях [4] *отмечено на полях черным и красным карандашами; красным подчеркнуто*: выступать на поприще, *поставлен* № [5] *вставлено* [6] *отмечено на полях, подчеркнуто*: действовать

доблести, отечественное воспоминание, бриллиант из науки, картину, смягчающую ожесточенное сердце... Потом, если б мне это удалось — читатели втянулись в направление, явились писатели, художники, ученые — можно * начать издание и посолиднее, можно мало-помалу пустить в общество целый всемирный круг идей, дать ему в руки целый[1] свод учебников по всем предметам, составленных не на живую нитку, но созданных органически, по одной общечеловеческой логике...[2]

Но — ведь это все утопия! Где ж эти люди? Где капиталы? Где такие ученые?.. Надо искать! Все есть где-нибудь; стоит только найдти!..

* В этой мысли я странствовал даже до сегодня, никому и никогда ее не высказывая вполне и прямо, как первый раз в жизни сделал теперь:[3] в этих-то странствиях я переглядел и пересортировал в своем уме всех насущных литераторов и удостоверился, что все это либералы,[4] т. е. люди, для которых * все равно, что бог, что сапог; что мир, что жареный рябчик; что чувство, что шалевый жилет; что всемирная идея, что статейка Булгарина!..[5] Надо было с великим, разумеется, сокрушением сердца, бросить этих «порядочных людей» с их белыми перчатками и спокойными сюртуками, с их обедами и попойками, с их криками и карточными остротами, и поискать других людей, помоложе, попроще, посвежее и покрепче душой...

И я, к неописанному своему восторгу, нашел целую кучу таких людей, где одного, где пару, где еще одного; людей, совершенно простых и благородных,[6] не только толкующих, но и верующих в идеи и занимающихся каждый своим предметом не из поденщины, как все литературное мещанство, а по органической необходимости для всего своего существа. Всего приятнее была для меня встреча с одним из таких людей,[7] с тем, который довольно долго, на моих глазах, пока я с ним постепенно не сблизился, слыл человеком беспокойным, пустым, безграмотным, таким, для которого нет ничего святого, — и это был Петрашевский. * Зная, сколько клеветали всю жизнь и на меня, я не поддавался внушениям и достиг того, что убедился в его уме, благородстве правил и высокости души, которая только по избытку чувства, предаваясь порывам негодования на все окружающее, иногда переступала границы обыкновенных светских, не скажу приличий,[8] потому что Петрашевский слишком хорошо воспитан, а одних церемоний. Но и над этими невольными своими по-

---

[1] *отмечено на полях; весь текст, начиная от слов:* забыть и о Востоке *отмечен по полю красным карандашом* [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнута красным карандашом* [4] *энергично отмечено на полях* [5] *большая часть подчеркнута* [6] *отмечено красным карандашом и* NB *на полях* [7], [8] *отмечено на полях*

рывами он, на моих же глазах, постепенно восторжествовал вполне, за что я и стал его ценить в душе. А то обстоятельство, что, когда, по случаю западных происшествий, цензура всею своей массой обрушилась на русскую литературу, и, так сказать, весь литературно-либеральный город прекратил по домам положенные дни, один Петрашевский нимало не поколебался принимать у себя своих друзей и коротких знакомых, — это обстоятельство, признаюсь, привязало меня к человеку навеки. Он, как и все его гости, очень хорошо знал, что правительство, внимая чьим бы то ни было ябедам, может быть, для одного своего удостоверения лично в сущности дела, во всякую минуту могло схватить, так сказать, весь его вечер и начать розыски, — и не смутился духом; следовательно, его совесть была спокойна; следовательно, он готов был дать отчет во всех своих действиях во всякую минуту; следовательно, * он веровал в то, что исповедовал.[1] Я, который до того, признаюсь, хотя и в весьма незначительной степени, но все-таки, не доверяя одним своим наблюдениям, иногда беспокоился насчет его основных задушевных понятий, был восхищен этим решительным признаком души благородной, * не способной к злодеяниям.[2]

Я дошел до вечеров Петрашевского, главной причины нашего несчастия, — потому что, не сходись мы у Петрашевского, а где-нибудь у либеральных мещан в писательстве, да между болтовней поигрывай в картишки, и мы могли бы преспокойно * распространять в всеуслышание все лжи, все клеветы, все бессмыслицы и о боге, и о государе, и о правительстве, и о России, и о человечестве, и о людях, и о науке, и об искусстве! Но мы не хотели этого делать, потому что любим истину нагую, не прикрытую никакими грязными лоскутками опасений.[3] Правительства нам нечего было бояться, потому что мы под ним и в нем живем и без того; пристрастия лиц — тоже, потому что * хуже того, что каждый из нас испытал от разных лиц, злоупотребляющих над нами свою власть, нельзя было ничего более придумать,[4] кроме телесной пытки и казни; но и этих, какими нас пугал всеобщий говор во всей публике и во всем народе, мы также боялись бы напрасно, потому что, * если уж допускать роковое торжество произвола лиц,[5] так правительство могло бы точно так же схватить нас всех и переистязать до единого, если б мы были даже так гнилы и безвредны, как либералы!..

* Мы сходились — действительно; но с какою целью? Безо всякой политической, тем менее непосредственной. Что касается до меня лично — я уже сказал свою личную, заду-

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2] *подчеркнуто* [3, 4] *отмечено на полях* [5] *подчеркнуто*

шевную цель, о которой я никому, никогда, ничего не говорил[1] и не старался выразить, скрывая ее всячески ото всех и каждого, сколько можно скрыть, домогаясь целые годы, везде, на каждом шагу, одного и того же. Целей, подобных моей, в других лицах — я не замечал, по крайней мере, в полном сознательном виде, как у меня; в инстинкте же — охотно допускаю, потому что все лица, с которыми я тут имел дело, были решительно души молодые, благородные, серьезные, и поэтому, как мне кажется, не могут не иметь подобного инстинкта. Единственная явная и неопровержимо общая нам всем цель — была: * во-первых — убежище от карт и либеральной болтовни, наводящей на душу грусть до изнеможения ума и воли; во-вторых — обмен понятий и кровных убеждений, посредством разговора, чтения статей и прения, которое иногда вызывало целые связные речи одного лица к многим; в-третьих — сообщение, как и везде, друг другу городских и[2] других новостей и своих частных сведений.[3]

Кто именно были самые сходившиеся лица? Все они правительству уже известны: из названных мне Толя, Дурова, Пальма, Ястржембского, Бернардского, Берестова и Барша, я отвергаю одного последнего, как человека, о котором я в первый раз в жизни слышу, что он существует, хотя не берусь присягать, чтоб даже где-нибудь его и не встречал; но, не зная фамилии, не упомню. Постоянно, по крайней мере, так постоянно, как я, посещало Петрашевского весьма немного: каждую пятницу сходилось обыкновенно человек от 7 до 10; часто бывало до 15; а раз в год, когда он праздновал день своих именин или рождения — до 20 и до 30.

О чем были суждения, речи, прения. Решительно обо всем: каждый сообщал свои личные сведения и взгляды на ту науку, которою он непосредственно занимался: перевес брали, без всякого сомнения, науки общественные; идеи были в самом * огромном большинстве случаев, идеи, например, не одних фурьеристов, коммунистов, утопистов или конституционистов, а вообще всех социалистов,[4] рассматриваемые каждым лицом сравнительно и со своей личной точки зрения: кто в что веровал, тот то и доказывал. Большого согласия — никогда не было; общая точка соприкосновения — одна короткость, или дружба, или удовольствие нового приятного знакомства.

Какие наше общество имело уставы, внешние формы и т. п.? Никаких, так как оно никогда не бывало и никогда не думало быть обществом, а было только простое собрание

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено на полях, поставлены два* № [2] и других *вставлено* [3] *отмечено на полях, надпись:* цель [4] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено на полях, поставлен* №

знакомых, тесно связанных взаимными чувствами и отношениями, — у него и не могло быть никаких уставов и внешних форм, кроме обыкновенных светских, общих всему образованному миру. Скорее всего, чтоб определить дело одним словом, это было * одно семейство, только семейство не кровное, а чисто духовное и светское,[1] семейство по узам наук и общежития.

У нас был, говорят, колокольчик и председатель? Об этом колокольчике прозвенели уши целому городу те невинные, но жалкие существа либеральной породы, которых я называю: мальчики-перебежчики, ребятишки-переносчики. Может быть, так как колокольчик, действительно, почти всегда лежал на столе, кто-нибудь прежде моего знакомства с Петрашевским и потрясал этим перуном, как председатель, грома и молнии своих[2] дум,—может быть даже и при мне кто-нибудь звонил в него, чтоб позвать прислугу или просто так, из шалости,— может быть, допускаю и это, кто-нибудь в шуме, какой часто возникал в прениях, не докричавшись, чтоб его выслушали, и прибегал к звону, сам ли собою[3], благо колокольчик * лежал у него под рукою, или прося соседа и называя его при этом, в шутку, председателем, — все это может быть; только я, во-первых, не всякую же пятницу без исключения бывал у Петрашевского, во-вторых — не всякий раз являлся в начале вечера, а часто и в половине, и в конце, и в-третьих — в жару разговора, часто бывая притом[4] в другой комнате, многое[5] мог и проглядеть; а потому я, повторяю, ничего не слышал;[6] а если и слышалось мне, так я, не обратив во-время внимания, не берусь утверждать. Одно справедливо, что я не раз просил Петрашевского удалить со стола, во избежание впредь всяких толков в городе, колокольчик в другую комнату; но он мне отвечал: — «Собака лает — ветер носит! Если уж толкуют, значит, будут толковать и о том, что у Петрашевского уже нет на столе колокольчика, а поэтому и не видно, кто председатель!» И он был совершенно прав.

Какие речи говорились о правительстве, о государе императоре и о прочих членах августейшей фамилии? Всегда благопристойные. Выражения, приписываемые Толю, совершенная клевета; по крайней мере я ни сам, ни от других не слыхал никогда подобных. Все, что было действительно резкого, и это уж в высочайшей степени, так * это перечет и аттестация всех лиц, [зло]употребляющих торжественно, на всю Россию, и свою власть,[7] и неограниченное к ним доверие государя императора. В этом более и яростнее всех отличался,

---

[1] *подчеркнуто* [2, 3, 4] *вставлено* [5] многое... проглядеть *вставлено* [6] *отмечено на полях, рукою Гагарина:* не согласно с показаниями прочих лиц [7] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях*

конечно, я первый.[1] За это, признаюсь с глубоким сокрушением, не раз, не только у Петрашевского, * но и всюду, где только считал, что говорю как бы сам с собою,[2] в своем собственном уме, * я дерзал осуждать и беспредельное добродушие самого государя императора,[3] изумляясь, как * он не видит, что под ним и вокруг него делается, и почему он никогда не удостоил спросить лично управляемых, каково им жить и существовать под своими управляющими, и не в публике, а наедине, каждое любое * человеческое существо порознь,[4] на что его величество имеет тысячи возможностей.

В этом я грешен — и каюсь,[5] но в этом грешна против его величества решительно вся обожающая его, как монарха и отца, но не * менее того, невообразимо страдающая Россия.[6]

Но тут, истощив все, что знаю похожего на действия, я уж должен перейдти к третьему и последнему отделу своего показания, именно, к своим мнениям.

3

Мнений своих я не стыжусь, никогда от них не отрекался, считаю их в глубине своей души, всем своим смыслом, человечески,—возможно близкими к истине и потому безопасными и дозволительными во всяком благоустроенном обществе, а и тем более в России, где основным камнем государства положена христианская веротерпимость,[7] столь пышно и беспримерно в истории развернувшаяся в блистательные эпохи русской славы,— в царствования Петра, Екатерины и Александра.

Прежде всего — я действительно христианин, в обширнейшем значении этого слова, не формалист, не гордец, не ханжа и не изувер. Я верую, как могу только понимать, всем своим разумом, во все члены символа православной веры и считаю себя беспредельно счастливее всех тех, которые глумятся над тем, чего они не могут смыслить, потому что не имели столько жизни в своей плотоядной душе, чтоб изучить то, чего никакая человеческая[8] душа, более или менее, не может не изучать.

Во-вторых, на точном смысле и полном разуме того же православия, выражаемом вполне божественным изречением спасителя: «люби ближнего, как самого себя», я * самый радикальный утопист,[9] т. е. я верю в то, что * все человечество некогда будет одним семейством на всем объеме земного шара,[10] что тогда все будут только братья и сестры, имеющие

1, 2, 3, 4 *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* 5 *от слов:* он не видит *большая часть подчеркнута* 6 *подчеркнуто* 7 *отмечено на полях* 8 *вставлено* 9 *подчеркнуто, весь абзац энергично отмечен на полях* 10 *подчеркнуто красным карандашом*

отцом одного бога, а общим и нераздельным имуществом — всю природу, так что все, чем только может пользоваться человеческая душа, будет общедоступно всем, как воздух атмосферы, как вода рек и морей, как земля столбовой дороги.

В-третьих, нисходя по мере ближайшей возможности, постигаемой моим смыслом, * я — коммунист, т. е. думаю,[1] что некогда, может быть через сотни и более лет всякое образованное государство, не исключая и России, будет жить не случайными и * несчастными аггрегациями, столплениями людей, грызущихся друг с другом[2] за кусочки золота и зернышки хлеба, а полными и круглыми общинами, где все будет общее, как обща всем и каждому разумная цель их соединения, как общ им всем всесвязующий их разум.

В-четвертых, допуская[3] возможность * еще ближе, как образчик даже и ныне,[4] а вообще также на сотню или сотни лет вперед, я — фурьерист, т. е. думаю, что система общежития, придуманная Фурье, в которой допускается и собственность, и деньги, и брак на каких угодно основаниях,[5] и все религии, каждая со своими обрядами, и с начала всевозможные * образы правления, — всего скорее, всего естественнее, всего, так сказать, роковее может и должна рано или поздно примениться к делу, не потрясая ни на волос ни чьих бы то ни было интересов, привычек или привилегий, а и тем всего менее основных законов государства, с[6] опасностью для жизни государей или каких[7] бы то ни было лиц.[8]

*В-пятых, не считая ни во что конституций в их чисто юридической, скелетной и бездушной форме, я однако ж * признаю необходимость, для всякого мало-мальски развившегося народонаселения, в известных,[9] для меня совершенно все равно каких бы то ни было, ручательствах и обеспечениях между правительством и обществом. Эти ручательства, по моему крайнему разумению, должны бы были состоять в праве каждому в государстве лицу возвышать свой голос,[10] — разумеется, под верховным надзором и непреложным деятельным распорядком власти, — в открытом на весь мир судопроизводстве и в участии в делах правления выборных * людей от народа, как свидетелей и соисполнителей с законною и природною верховною властью всех мер и действий правительства.[11]

В-шестых, положив руку на сердце, я полагаю, что для

1, 2 *подчеркнуто. весь абзац отмечен на полях* 3 допуская возможность *вставлено* 4 *подчеркнуто* 5 *отмечено на полях* 6 с опасностью для *вставлено* 7 каких бы то *вставлено вместо зачеркнутого:* опасности 8 *от:* образы правления *отмечено на полях* 9 *подчеркнуто красным карандашом, на полях:* № 177 *и одно неразборчивое слово* 10 *отмечено на полях* 11 *подчеркнуто и отмечено на полях: черным и красным карандашами поставлен* №

* России давным-давно настало время для перехода,[1] по неизбежному и всемирному верному природе вещей закону истории, в последний из первых четырех образов существования. Доказать это здесь мне негде; но я не отступлюсь написать об этом хоть целую книгу. При том это есть всеобщее мнение, не скажу целого народа, потому что * простой народ, да и многие темные люди, которые, по своей бедности, только по платью не считаются безграмотными, в России ничего не значит: это бедная, жалкая, но все-таки в существе добрая и готовая на все лучшее о с н о в а общества, материал, тесто, из которого все делается, что ни делается, и для которого, впрочем, все существует. Это мнение всего того, что только можно назвать в России смыслом, р а з у м о м общества, мнение всего в ней образованного и потребность всего образующегося. А так как ни разум вне основы, ни основа вне разума существовать не могут, — их связывает нерасторжимо одна и та же общая им дума,[2] — поэтому, если что образованная часть, разум, смыслит, так тоже самое и всенепременно вся остальная часть, масса, основа — чует и хочет, только не умея выразить, чего именно. О мнении на этот счет самого правительства я никогда не дерзал делать опрометчиво каклибо заключений, так как никогда не имел чести и счастия бывать в какой-либо доверенности у какого бы то ни было государственного лица, а потому и не включаю в свое определение только лиц, в строгом смысле, представляющих верховную думу правительства.

В-седьмых: я коренным и опытным образом, во всю полноту своей совести, убежден, что * Россия без монарха не может просуществовать[3] и[4] ныне, и весьма-весьма надолго вперед ни единого часа. Это ключ свода; вырвать его, значит обрушить все здание, которое тогда, распадаясь, и не замедлит представить ту безобразную и неисходимую громаду разрушения, какой слабый очерк я изобразил выше.

Наконец, в-осьмых, я искренно убежден, не скажу со всеми образованными, потому что между ними есть и либералы, а со всею массою народа и небольшим числом лиц из[5] круга образованных, имевших редкое счастие видеть и слышать государя императора вблизи и долго, если позволят так выразиться, так сказать, следить за его душою, во всех ее проявлениях, * что душа его величества есть душа света, блага и разума,[6] * которая только омрачается временем от тех бесчисленных злоупотреблений и противоречий, какие и меня, если только[7] могу поставить себя в этом случае в пример

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто* [4] и ныне *вставлено* [5] из... образованных *вставлено* [6] *подчеркнуто* [7] *вставлено*

живой человеческой души вообще, * приводили всю мою жизнь в исступление.[1] Я помню и никогда не забуду, как радостно и неподдельно,[2] с каким увлечением, с какой восторгающей простотой обращения, его величество изволил обнимать всякое лицо, отличавшееся в делах против турков, в 1828 году под Варной, когда это лицо представлялось его величеству: это потому приводило меня всегда в умиление, что тут государь император обнимал не лесть, не свою привычку, не выслугу, а действительную заслугу пред ним, подвиг на пользу отечества. Потом, не имея более всю жизнь никакой возможности быть так близко к государю императору, как тогда, я однако ж, не взирая на всю мою ярость и раздражение против моей горькой участи, невольно прослезился, прочитав в «С. П. Б. Ведомостях» выражение тех чувств какими дышет всякая строка в собственноручном рескрипте его величества к народу, по случаю провожания им тела в бозе почивающей великой княгини Александры Николаевны. Эти два факта могут служить, по крайней мере для меня, за миллион других, подобных...

Таким образом, я исчерпал всю свою душу и может быть истощил длинностой изложения терпение моих судей; но иначе я не умел сделать. Мне не остается ничего более, как только вторично преклоняя повинную голову, просить их великодушия и ходатайства пред отцом отечества за все то, впрочем неумышленное, что они найдут в моих действиях или мнениях хотя сколько-нибудь преступным.

Надворный советник А. Баласогло.

14 мая 1849 года.

6. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу А. П. Баласогло

Ч. 17, лл. 103—128. Датировано на основании того, что Следственная комиссия начала с 31 мая рассматривать заготовленные ее канцелярией выборки, как материал для составления формальных письменных допросов

Баласоглу

надворный советник

Донесение Антонелли

Баласогло, по донесениям Антонелли, был на собраниях у Петрашевского 11, 18, 25 марта, 1, 15 и 22 апреля и у Кузьмина 16 апреля.

---

[1] *подчеркнуто* [2] *от слов:* которая только... *отмечено красным карандашом на полях*

В собрании 11 марта (131)[1] Толь говорил речь о происхождении религии и, развивая вопрос, существует ли в людях религиозное чувство, доказывал, что религия убивает нравственность и не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что подавляет развитие ума. Речь Толя произвела всеобщее одобрение.

В собрании 18 марта (147) Ястржембский говорил речь о науках, объясняя, что все науки, в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее, и, сравнивая разные правительства, сказал, что наше государство имеет целию подчинить достоинство всех людей выгоде и пользе одного.

В речи своей Ястржембский часто ссылался на Прудона, и вообще восставал на сановников и на государя.

В собрании 25 марта (175) говорено о том, каким образом должно восстановлять подведомственные лица противу властей. Дуров утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т. е. в законе и государе, и вооружать подчиненных не противу начальников, которые в свою очередь также подчинены и, следовательно, только невольные проводники зла, но противу самого корня, начала зла. Баласогло с Берестовым, Филиповым, Кайдановым и еще с кем-то, возражали, что, напротив, должно вооружать подчиненных противу ближайшей власти и тогда уже показать, что зло происходит не от этой ближайшей власти, а от высшей и, восходя таким образом постепенно от низших к высшим,— невольно, как бы ощупью, довести и до самого начала зла. После долгих и жарких прений, Филипов прибавил: «Система нашей пропаганды есть наилучшая, и отступать от нее, значит отступать от возможности исполнения наших идей».

В том же собрании (25 марта) читали: Толь статью о началах религий, написанную им в том же духе, как и прежде, а Баласогло — предисловие к сочинениям Хмельницкого, написанное Дуровым и заключающее в себе много либеральных идей. Чтение это находило много одобрений, и Петрашевский, благодаря сочинителя, сказал, что все должны стараться писать в подобном духе, потому что хотя цензура вымарает 10—20 мыслей и идей, но 5 все-таки останутся.

В собрании 1 апреля (215) говорено о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении помещичьих крестьян. Прения были шумные о первенстве вопроса. Головинский утверждал, что освобождение крестьян

---

[1] *цифры в скобках обозначают листы части 2-й дела № 55— „Предварительные сведения по донесениям агентов“*

должно занимать первое место, а Петрашевский доказывал, что гораздо безопаснее и ближе достижение улучшений судопроизводства. Момбелли говорил, что если нельзя думать в эту минуту об освобождении крестьян, то, по крайней мере, священною обязанностью каждого помещика должна быть заботливость об образовании крестьян, заведении у них школ и внушении им о собственном их достоинстве. С мнением Момбелли согласилось и все собрание, кроме Григорьева 1-го. После говорил опять Головинский и между прочим сказал, что перемена правительства не может произойти вдруг и что (11) сперва должно утвердить диктатуру. Петрашевский сильно восставал против этого и в заключение сказал, что он первый подымет руку на диктатора. Вообще это заседание было бурное и продолжительное.

В пятом собрании 15 апреля (291) Достоевский читал письмо Белинского к Гоголю, исполненное самых зловредных идей. Это письмо вызвало множество восторженных одобрений общества, в особенности у Баласоглу и Ястржембского, преимущественно там, где Белинский говорит, что у русского народа нет религии. Положено было распустить это письмо в нескольких экземплярах. Засим говорили о трех главных вопросах 1 апреля Петрашевский, Ахшарумов, Головинский и Ястржембский, причем Петрашевский между прочим сказал, что нельзя предпринимать никакого восстания без уверенности в совершенном успехе и предлагал поэтому свое мнение к достижению цели.

В собрании 22 апреля (335) Петрашевский говорил о том, как должны поступать их литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике. Речь свою Петрашевский заключил тем, что должно непременно составить журнал на акциях. Дуров утверждал, что журнал на акциях есть химера и что на цензоров[1] должно действовать не убеждением, а обманом, воровски, так чтобы из множества идей хотя одна проскочила. После ужина Баласогло просил позволения, в кругу 5 или 6 оставшихся человек, излить свою желчь и, говоря о литераторах, сказал, что Достоевские и Дуров, посещающие собрания Петрашевского уже 3 года, могли бы пользоваться книгами и хотя наслышкой образоваться; но они не читали ни одной порядочной книги — ни Фурье, ни Прудона, ни даже Гельвециуса.

Примечание. В списке № 1 о Баласогло сказано, что он на всех собраниях у Петрашевского не только принимал участие в прениях, но и при вторичном чтении речи Толя о религии сам говорил речь, которой общая черта заключается в том, что религия не нужна для благосостояния человечества.

---

[1] *в тексте описка:* литераторов

16 апреля в собрании у Кузьмина, на котором находился и Баласогло, (303) Белецкий, учитель истории в 1-м кадетском корпусе, говорил, что у него есть класс, который приготовлен по программе ген.-адъютанта Ростовцева и по собственным его убеждениям, и что он надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут Россию вперед.

Показания свидетелей

Ястржембский говорит, что Баласогло на одном из вечеров у Петрашевского читал о семейном и домашнем счастии и что мысли его в этом чтении были фурьеристские.

Барановский объяснил, что зимою 1846 и 1847 г. Баласогло, бывая у Петрашевского на вечерах по пятницам, ополчался иногда против семейственности и всех ее условий и поддерживал суждения Дурова о том, что родственные связи опутывают личность человека. На этих же вечерах Петрашевский выставлял преимущества публичного судопроизводства.

Кропотов обьясняет, что Баласогло говорил у Петрашевского о браке, который разделял на три рода: 1) на брак по расчету; 2) брак по любви и какой-то третий, которого он, Кропотов, не помнит.

Кайданов словестно объяснил, что, когда Ястржембский, разбирая сочинения Прудона, Фурье и Мальтуса, касался суждений о государе, и когда многие возражали, что русский народ боготворит его, то Баласогло говорил против государя.

Стас-секретарь кн. Голицын препроводил найденные у Баласогло следующие бумаги подозрительного и преступного содержания.

1. Проект устава об учреждении в С. Петербурге, обществом любителей просвещения, складочного магазина для распродажи книг, с особенною при оном библиотекою для чтения и собственною типографиею и литографиею; также с развитием сношений и агентов за границею и в России для закупки иностранных книг, узнавания спросов[1] публики и самоскорейшего удовлетворения их.

Весь этот проект, как уведомил кн. Голицын, написан в духе либеральной пропаганды, и некоторые мысли в нем доказывают преступную политическую цель предположенного предприятия.

Между прочим мерами, которые в уставе признаны обществом необходимыми к достижению своей цели, замечательны следующие:

---

[1] *в тексте описка*: способов

а) Открытие при магазине, для удобства лиц, не могущих или не желающих по каким бы то ни было причинам покупать книги, особенной библиотеки для чтения.

б) Издание на счет авторов всех их произведений, без всякого разбора и исключения, соблюдая только главное условие, чтобы книги обходились покупателям сколько возможно дешевле.

В заключение проекта сказано:

«Убедившись во всем этом и пуще всего в ужасной силе последней причины — в силе лени, белоручества, малодушия, косной строптивости той среды, к которой принадлежат самые наши писатели, которые где-то слышали, что куда как лакомо быть «аристократом ума», т. е. ровно ничего не делать и только во всем судить и рядить по-своему, в небольшом кругу своих берложных поклонников, — общество предвидит все препоны, все помехи, все недоразумения, какие его ожидают. Но, хотя бы его встретили все неудачи, хотя бы эти неудачи происходили именно со стороны самых тех ученых, которым оно вызывается служить до изнеможения сил, — решившись на дело, оно не отступает ни от каких затруднений, не поддается никаким натискам и идет к своей цели спокойно. Если ему удастся совершить свой подвиг, хотя в половину и доказать, что в России есть люди, есть писатели, есть ученые, художники, что Россия не Кафрария и не Готтентотия, если оно спасет от загноя в застое хоть одно гениальное дарование, если оно издаст хоть одно сочинение по спросу века и возрасту России, оно будет уже вознаграждено за все свои потери, за все думы, за все бессонницы, за все жертвы и траты!..

Совершить свой посильный подвиг безукоризненно пред лицом человечества есть все, что возможно для частных людей... Будущее закрыто от смертных завесою Изиды!.. Но, во всяком случае, верно только то, что пора и время выходить из долгой умственной дремоты и выводить из нее людей, созданных для созерцания и общественного действия, пора учить Россию, учась, пора открывать книжный магазин, типографию и кабинет для чтения, потому что библиотеки для чтения уже разыгрываются в лотерею, типографии печатают одни сонники, да визитные карточки, а книжные магазины торгуют ножами».

2. Статья без подписи, на тему: «почему есть и есть везде рабство», смысл которой, по выражению неизвестного сочинителя, он полагал уместным написать кругом российского герба.

3. Письмо штабс-капитана Генерального штаба Кузьмина, от 23 августа 1848 г., в котором Кузьмин пишет о предположении купить отдельный дом и, называя его убежищем,

говорит: «что же касается до убежища, то это и не подлежит и сомнению, именно зажили бы мы на славу». При этом Кузьмин просит прислать ему экземпляр нового устава и в конце письма спрашивает: «Не лучше ли дом Шишкина в Коломне возле М. В.».

4. Другое письмо от Кузьмина, из г. Тамбова, от 8 июня 1848 г., в котором он, отзываясь о тамошнем обществе и религиозных обрядах в неприличных и насмешливых выражениях, пишет: «Что сказать вам про здешний край? Есть люди, но нет общества, социальность еще не введена в тамбовский словарь: эти люди, которые по средствам и по положению своему должны бы были сосредоточить общество, или неспособны к тому, или действуют в кружке, по их понятию избранном, но в сущности нелепом, а от того и выходит дичь. Я обещал делать для вас замечания об обрядах и проч. Чаще всего в настоящее время можно видеть похороны (по случаю холеры) и так называемое поднятие образов. В обоих случаях дикие звуки человеческих голосов заставляют вас подойти к окну, чтоб узнать причину звуков, раздирающих европейское ухо. В случае поднятия образов, — продолжает Кузьмин, — народ встречает это шествие без шапок, часто останавливает ход для целования образа и подлезания под образ, что напоминает игру в пролазку».

5. Записка его же, Кузьмина, от 29 декабря 1847 г., с уведомлением, что он виделся накануне с Милютиным, который просил передать ему, Баласогло, что ему нужно бы с ним переговорить и чтобы он на-днях побывал у него.

6. Письмо от Невельского, без числа, которым просит Баласогло к себе, уведомляя, что у него будет офицер Кузьмин, который непременно хочет познакомиться с ним, Баласогло, и переговорить об известном ему предмете.

7. Письмо Б. Милютина от 25 февраля о том, что в этот день он не может принять предложение Баласогло — свезти его, Милютина, к Петрашевскому и просит исполнить это в другое время.

8. Записка А. Майкова, без числа, следующего содержания: «Препровождаю вам список журналов с отметками брата. Нужно бы было назначить общее собрание, я имею кое-что предложить и полезное, и выгодное для компании».

9. Шифр для переписки.

10. Визитная карта Толя, в конверте, на обороте которой написано приглашение приехать к нему в тот же день для того, чтобы быть у одного человека по делу, не терпящему отлагательства.

Сверх того у Баласогло найдены в большом числе копии с дипломатических депеш, принадлежащие Архиву Министерства иностранных дел.

Показание обвиняемого

Баласогло показал, что он с детских своих лет получил непреодолимое отвращение к духовным лицам. Во всем семействе он один был с первого открытия на свет глаз то, что называют вольнодумом, и, по отвращению к священнику, обряд причащения был для него, пока он совершенно не вырос, всякий раз настоящею казнию.

Потом Баласогло, описав весьма подробно все неприятности и неудачи, которые он испытал на разных путях службы по эгоизму и недоброжелательству начальников, изложил, что [из] всех фактов, им приведенных и еще миллиона подобных и изо всех тех, какие удавалось ему слышать от всех и каждого без исключения, словом — изо всего, что окружало его, Баласогло, он уж года 4 тому назад сознал ясно, что в России пошло все вверх дном, что в ней готовится какая-то катастрофа, и что это уже ни для кого не тайна. Как птица чует приближение бури, так и человек имеет свои приметы: отсутствие всякого понятия о своих обязанностях, пренебрежение разума религии и законов, с одним насмешливым или тупым сохранением обрядов и пустых приличий, всеобщее недоверие друг к другу, исчезновение капиталов, которые как бы ушли в землю, вера в одни деньги, бессилие власти к одолению бесчисленных беспорядков и злоупотреблений, — все это, поставляя каждого в безнадежное положение насчет будущего, стало приводить в совершенное уныние и его, Баласогло. Он постигал, что подходит время переворота, но какого? Этого он никак не мог ни разгадать, ни выспросить, ни разведать. Собственное самосохранение, любовь к ближнему и всегдашняя преданность его, Баласогло, к России внушали ему идею, за которую он ухватился, как за единственное средство, какое ему оставалось. Не зная, что и как будет, но, видя ясно, что быть худу, он задал себе вопрос: что должен делать во всеобщей безурядице писатель? Воины будут сражаться, ораторы возбуждать народ к резне, чернь разбивать кабаки, насиловать женщин, терзать дворян и чиновников; немцы будут изрезаны на клочки. Польша изобьет всех солдат до единого, или сама погибнет до последнего человека под штыками, Малороссия, вероятно, отложится; казаки загуляют по-своему, попрежнему, по-старинному; Кавказ забушует, как котел, и, может быть, растечется в зверских набегах в Крым, до Москвы, до Оренбурга, подымет всех татар, калмыков, чуваш, черемис, мордву, башкир; киргизы и монголы, только того и ожидая, станут врываться из степей Средней Азии до Волги и далее внутрь России; Сибирь встанет и заварит кашу с Китаем, а тут-то, когда по всей России будут бродить шайки новых Разиных

и Пугачевых, которые сами себя будут производить в генералы, англичане отхватят под шумок и наши американские колонии и Камчатку, завладеют Амуром—чего доброго, опрокинут на Россию весь сброд целой Восточной Азии... Все это может быть и будет непременно, если только [будут] лица, злоупотребляющие десятки лет, во всей безнаказанности, и власть, даруемую им законами, и доверие государя, и пот и кровь народа, и все священные преимущества заслуг, седин, имен, выражающих народную славу, и преимущество образования и познаний! Но если оно будет, что тут будет делать писатель? Тут не возьмет ни крест, ни штык, ни кнут, ни миллион, ни ум, ни слеза, ни красота, ни возраст, ни самое высшее самоотвержение. Тут будут свирепствовать одни демагоги, которых в свою очередь каждый день будут стаскивать с бочек и расшибать о камень; а о писателях тут уже не будет и помину, потому что все они гуртом будут перерезаны заблаговременно, в виде бар и чиновников.

Чем же помочь, — продолжает Баласогло, — этой страшной беде, которая у всех висит на носу, о которой все чуют и от которой никто и не думает брать мер? Кричать о ней?— посадят в крепость; писать? — цензура, гауптвахта и опять-таки крепость; доносить? — в том-то и беда, что некому: зашлют туда, куда Макар телят не гонял!.. остается только плакать и посыпать голову пеплом, и то не на улице!..

Нет! — думал он, Баласогло, — мужчина не должен плакать, а должен действовать, пока не ушло время. Дело идет о спасении всего святого, высокого, прекрасного: тут-то действовать тому, кто видит, а не сидеть в яме, пока ее совсем не завалило; видит и может все это видеть только писатель; он гражданин, как и все; он на своем поприще должен быть тот же воин и идти напролом, на приступ, в рукопашную схватку!.. Умирать все равно, что сегодня, что завтра; но сегодня еще можно попробовать, авось удастся спасти и себя, и других, — завтра будет уже поздно... Так он, Баласогло, решает, что надо вступить на поприще во что бы то ни стало, забыть и о Востоке, и о философии, и о стихах; презреть всеми опасностями; откинуть все предрассудки; подвергнуться всем нареканиям; решиться быть даже, повидимому, тунеядцем и искателем приключений, лизоблюдом, льстецом, всем, чем кому угодно будет его, Баласогло, видеть, — только идти и идти вперед... Но что же делать? Что творить, идучи вперед?.. Смягчать нравы, образумливать, упрашивать, чтоб полюбили истину; найдти себе точку опоры и действовать с нее на все стороны, и имея в виду уже не классы или звания, не лица или титулы, а одного человека — ум, душу,

инстинкт самохранения... Итак, он, Баласогло, стал бродить из дома в дом, ища себе путей и средств к основанию издания, в котором бы никакая цензура не могла ни к чему привязаться, а между тем всякая живая душа нашла себе отрадную мысль, приятную черту, пример доблести, отечественное воспоминание, брил[л]иант из науки, картину, смягчающую ожесточенное сердце... Потом, если б ему, Баласогло, это удалось, — читатели втянулись бы в направление, явились бы писатели, художники, ученые — можно начать издание и посолиднее, можно мало-помалу пустить в общество целый всемирный круг идей, дать ему целый свод учебников по всем предметам, составленных не на живую нитку, но созданных органически, по одной общечеловеческой логике...

Но ведь, это все утопия. Где-ж эти люди? где капиталы? где такие ученые?.. Надо искать! Все это где-нибудь; стоит только найти!.. В этой мысли он, Баласогло, странствовал, даже до сего дня, никому и никогда ее не высказывая вполне и прямо, как и первый раз в жизни сделал теперь; в этих странствованиях он переглядел и пересортировал в своем уме всех литераторов и удостоверился, что все это либералы, т. е. люди, для которых все равно, что бог, что сапог; что мир, что жареный рябчик; что чувство, что шалевый жилет; что всемирная идея, что статейка Булгарина... Надо было, с великим сокрушением сердца, бросить этих «порядочных людей» с их белыми перчатками и спокойными сюртуками, с их обедами, и попойками, с их криками и карточными остротами, и поискать других людей, помоложе, попроще, посвежее и покрепче душой... И он, Баласогло, к неописанному своему восторгу, нашел целую кучу таких людей, где одного, где пару, где еще одного, — людей совершенно простых и благородных, не только толкующих, но и верующих в идеи и занимающихся каждый своим предметом не из поденщины, как все литературное мещанство, а по органической необходимости для всего своего существа. Всего приятнее были для него, Баласогло, встречи с одним из таких людей, с тем, который довольно долго, на его глазах, пока он, Баласогло, с ним постепенно сблизился, слыл человеком беспокойным, пустым, безграмотным, таким, для которого нет ничего святого, — и это был Петрашевский.

Обстоятельство, что когда, по случаю западных происшествий, цензура всею своею массой обрушилась на русскую литературу, и, так сказать, весь литературно-либеральный город прекратил по домам положенные дни, один Петрашевский нимало не поколебался принимать у себя своих друзей и коротких знакомых, это обстоятельство в особенности привязало его к Петрашевскому, он — как и все его гости —

очень хорошо знал, что правительство, внимая чьим бы то ни было ябедам, может быть для одного своего удостоверения лично в сущности дела, во всякую минуту могло схватить, так сказать, весь его вечер и начать розыски, — и не смутился духом; следовательно, его совесть была спокойна; следовательно, он готов был дать отчет во всех своих действиях во всякую минуту; следовательно, он веровал в то, что исповедывал. Он, Баласогло, хотя и в весьма незначительной степени, но все-таки, не доверяя одним своим наблюдениям, иногда беспокоился насчет его основных, задушевных понятий, был восхищен этим решительным признаком души благородной, не способной к злодеяниям.

Он, Баласогло, дошел до вечеров Петрашевского, потому что, не сходись они у Петрашевского, а где-нибудь у либеральных мещан в писательстве, да между болтовней поигрывай в картишки, и мы, — говорит Баласогло, — могли бы преспокойно распространять во всеуслышание все лжи, все клеветы, все бессмыслицы о боге, и о государе, и о правительстве, и о России, и о человечестве, и о людях, и о науке, и об искусстве! Но они не хотели этого делать, потому что любят истину нагую, не прикрытую никакими грязными лоскутками опасений. Правительства им нечего было бояться, потому что они под ним и в нем живут; пристрастия лиц — тоже, потому что хуже того, что каждый из них испытал от разных лиц, злоупотребляющих над ними свою власть, нельзя было ничего более придумать, кроме телесной пытки и казни; но и этих, какими их пугал всеобщий говор во всей публике и во всем народе, они также боялись бы напрасно, потому что, если уж допускать роковое торжество произвола лиц, так правительство могло бы точно так же схватить их всех и переистязать до единого, если б они были даже так гнилы, и безвредны, как либералы! . .

Они сходились — действительно; но с какою целью? Безо всякой политической, тем менее непосредственной! Что касается до него, Баласогло, лично — он уже сказал свою личную, задушевную цель, о которой он никому, никогда ничего не говорил и не старался выражать, скрывая ее всячески от всех и каждого, сколько можно скрыть [1], домогаясь целые годы, везде, на каждом шагу, одного и того же. Целей, подобных тем, какие имел он, Баласогло, в других лицах он не замечал, по крайней мере, в полном сознательном виде, как у него; в инстинкте же — охотно допускает, [2] потому что все лица, с которыми он тут имел дело, были решительно души молодые, благородные, серьезные, и пого-

---

[1] *в тексте*: сказать [2] *в тексте*: доказывает

му, как ему, Баласогло, кажется, не могут не иметь подобного инстинкта. Единственная, явная и неопровержимо общая их всех цель была: во-первых — убежище от карт и либеральной болтовни, наводящей на душу грусть... до изнеможения ума и воли; во-вторых — обмен понятий и кровных убеждений, посредством разговора, чтения статей и прения, которое иногда вызывало целые связные речи одного лица ко многим; в-третьих — сообщение, как и везде, друг другу городских и других новостей и своих частных сведений.

Собирались к Петрашевскому каждую пятницу обыкновенно человек от 7 до 10, часто бывало до 15; а раз в год, когда он праздновал день своих именин или рождения — до 20 и до 30.

На вечерах этих были суждения, речи, прения решительно обо всем: каждый сообщал свои личные сведения и взгляды на ту науку, которою он непосредственно занимался: перевес брали науки общественные; идеи были, в самом огромном большинстве случаев, идеи, например, не одних фурьеристов, коммунистов, утопистов, или конституционистов, а вообще всех социалистов, рассматриваемые каждым лицом сравнительно и со своей личной точки зрения: кто во что веровал, тот то и доказывал. Большого согласия никогда не было; общая точка соприкосновения — одна короткость, или дружба, или удовольствие нового приятного знакомства.

Общество их никаких уставов, внешних форм и т. п. не имело, так как оно никогда не бывало и никогда не думало быть обществом; а было только простое собрание знакомых, тесно связанных взаимными чувствами и отношениями, одним словом, это было одно семейство, только семейство не кровное, а чисто духовное и светское, семейство по узам науки и общежития.

Колокольчик на вечерах этих, может быть, иногда употреблялся при прениях теми, которые хотели, чтоб их выслушали, или по просьбе их другими, подле сидевшими, которых при этом в шутку называли председателем. Там он, Баласогло, этого не видел, но как в городе о колокольчике этом были толки, то он, Баласогло, не раз просил Петрашевского, чтобы во избежание толков удалил колокольчик в другую комнату.

Речи о правительстве, о государе императоре и о прочих членах августейшей фамилии говорились всегда благопристойные. Выражения, приписываемые Толю, совершенная клевета; по крайней мере он, Баласогло, ни сам, ни от других не слыхал никогда подобных. Все, что было действительно резкого и это уж в высочайшей степени, так это перечет и ат-

тестация всех лиц, [зло] употребляющих торжественно на всю Россию и свою власть, и неограниченное к ним доверие государя императора. В этом более и яростнее всех отличался конечно он, Баласогло, первый. Зато признается с глубоким сокрушением, не раз, не только у Петрашевского, но всюду, где только считал, что говорит как бы сам с собою, в своем собственном уме он, Баласогло, дерзал осуждать и беспредельное добродушие самого государя императора, изумляясь, как он не видит, что под ним и вокруг него делается, и почему он никогда не удостоил спросить лично управляемых, каково им жить и существовать под своими управляющими, и не в публике, а наедине, каждое любое человеческое существо порознь, на что его величество имеет тысячи возможностей. В этом он, Баласогло, сознается, что грешен — и кается; но в этом грешна против его величества решительно вся обожающая его, как монарха и отца, но не менее того невообразимо страждущая Россия.

Далее Баласогло, объясняя, что он христианин в обширнейшем значении этого слова, не формалист, не гордец, не ханжа и не изувер, — пишет, что на точном смысле и полном разуме православия, выражаемом вполне божественным изречением спасителя: «люби ближнего, как самого себя», он, Баласогло, самый радикальный утопист, т. е. он верит в то, что все человечество некогда будет одним семейством на всем объеме земного шара, что тогда все будут только братья и сестры, имеющие отцом одного бога, — а общим и нераздельным имуществом всю природу, так что все, чем только может пользоваться человеческая душа, будет общедоступно всем, как воздух атмосферы, как вода рек и морей, как земля столбовой дороги. Нисходя по мере ближайшей возможности, постигаемой своим смыслом, он, Баласогло,— коммунист, т. е. думает, что некогда, может быть, через сотни и более лет, всякое образованное государство, не исключая и России, будет жить не случайными и несчастными аггрегациями, столплениями людей, грызущихся друг с другом за кусочки золота и зернышки хлеба, а полными и круглыми общинами, где все будет общее, как обща всем и каждому разумная цель их соединения, как общ им всем всесвязующий их разум. Допуская возможность еще ближе, как образчик даже и ныне, а вообще также и на сотню или сотни лет вперед, он, Баласогло, — фурьерист, т. е. думает, что система общежития, придуманная Фурье, в которой допускается и собственность, и деньги, и брак, на каких угодно основаниях, и все религии, каждая со всеми обрядами, и с начала все возможные образы правления, — всего скорее, всего естественнее, всего, так сказать, роковее может и должна рано или поздно примениться к делу, не потрясая ни на волос ни

чьих бы то ни было интересов, привычек или привилегий, тем менее основных законов государства с опасностью для жизни государей, или каких бы то ни было лиц.

Он, Баласогло, не считает ни во что конституций в их чисто юридической, скелетной и бездушной форме, однако ж признает необходимость ее, для всякого мало-мальски развившегося народонаселения, в известных, каких бы то ни было, ручательствах и обеспечениях между правительством и обществом. Эти ручательства, по крайнему его, Баласогло, разумению, должны бы были состоять в праве каждому в государстве лицу возвышать свой голос, под верховным надзором и непреложным деятельным распорядком власти, — в открытом на весь мир судопроизводстве и в участии в делах правления выборных людей от народа, как свидетелей и исполнителей с законною и природною верховною властью всех мер и действий правительства.

В заключение Баласогло объяснил, что, по мнению его, для России давным-давно настало время для перехода, по неизбежному и всемирно верному природе вещей закону истории, в последний из первых четырех образов существования. Это есть всеобщее мнение, продолжает Баласогло, — не утверждает, чтоб целого народа, потому что простой народ, да и многие темные люди, которые, по своей бедности, только по платью не считаются безграмотными, в России ничего не значат: эта бедная, жалкая, но все-таки в существе добрая и готовая на все лучшее основа общества, материал, тесто, из которого все делается, что ни делается, и для которого, впрочем, все существует. Это можно назвать в России смыслом, разумом общества, мнение всего в ней образованного и потребность всего образующегося. А так как ни разум вне основы, ни основа вне разума существовать не могут, — их связывает нерасторжимо одна и та же, общая им душа, — поэтому, если что образованная часть, разум, смыслит, так то же самое и всенепременно вся остальная часть, масса, основа, чует и хочет, только не умея выразить, чего именно. О мнении на этот счет самого правительства он, Баласогло, никогда не дерзал делать опрометчиво каких-либо заключений, так как никогда не имел чести и счастия бывать в какой-либо доверенности у какого бы то ни было государственного лица; а потому и не включал в свое определение только лиц, в строгом смысле представляющих верховную думу правительства.

Впрочем, он, Баласогло, коренным и опытным образом, во всю полноту своей совести, убежден, что Россия без монарха не может просуществовать и ныне, и весьма, весьма надолго вперед ни единого часа.

7. 1849 г. июня 10. — Отношение за № 124 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 17, лл. 102—102 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

I. управляющий III отделением собственной его и. вел. канцелярии уведомил меня, что жена арестованного надворного советника Болосооглу обратилась с просьбою насчет возвращения ей взятых у мужа ее книг и бумаг, которые не относятся до производимого о нем дела и между коими есть принадлежащие другим лицам.

О таковой просьбе г-жи Болосооглу имею честь сообщить вашему высокопр-ву с тем, что не изволите ли вы, м. г., приказать возвратить бумаги и книги надворного советника Болосооглу к жене его, так как в оных, кроме препровожденных при отношении моем к вам от 12 мая, № 31, ничего подозрительного не найдено.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

8. 1849 г. июня 22 и 23. — Допрос А. П. Баласогло по вопросным пунктам

Ч. 17, лл. 129—186. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссией предварительные вопросные пункты имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отечество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Александр Пантелеевич Баласогло; 35 лет; православного; всегда и в свое время все до одного.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Член интендантства Черноморского флота, генерал-майор Пантелеймон Иванович Баласогло и его законная жена Ольга Григорьевна, урожденная Селянинова, живущие в Николаеве.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет, и когда окончили воспитание?

[О.] В доме родителей, на их счет, в разных городах около Черного моря, как то: Таганроге, Измаиле, Килии, Николаеве и Севастополе; по окончании же курса морских наук и удостоении, по экзамену, из гардемаринов в мичмана, в 1829 году, в начале, по особо состоявшейся высочайшей воле, вытребован вместе с своими сверстниками в С. Петербург, в Морской кадетский корпус, для обучения фронтовой службе, где, будучи проэкзаменован как в ней, так и вторично во всех морских науках, произведен с выпуском, в конце или средине декабря 1829 года, в мичманы Балтийского флота, со старшинством со времени первого представления.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

[О.] Состою; вступил в 1826 году гардемарином на Черноморский флот; потом, вышед в отставку, служил по Министерству народного просвещения и, наконец, определился в Главный с. петербургский архив Министерства иностранных дел, где последняя моя должность была старшего архивариуса, а чин — надворного советника. Ни под следствием, ни под судом никогда не бывал.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Ни имения, ни капиталов никаких не имел и не имею; содержал себя почти единственно жалованьем по службе; да иногда, с великим трудом и весьма редко, или уроками в русском языке и словесности, или литературными занятиями; в последние два года моей женитьбы, при увеличившемся семействе, был вспомоществуем в этом отношении моею женою, которая, хотя и весьма немного, однако и поныне зарабатывает для семейства уроками в музыке, в частных домах.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] Всего ближе и короче был принят в домах: генерал-лейтенанта Примо, двух баронесс Вревских, Бурцова, Волкова, Меркушева, Минаева, Фермора, Языкова, Тютчева, Майковых, Кошкаровых, двух братьев Годениусов, доктора Кирилова, Лешковского и родных моей жены, Яновских; состоял на дружеской ноге или пользовался расположением, смотря по разности лет и положения в обществе, с Рейнеке, Романовым,[1] Булгаковым, Люджером, Соколовым, Веселаго, Кузнецовым, Комовским, Дегалетом, Дуровым, Пальмом, Пет-

[1] Романовым, Булгаковым *вставлено*

рашевским, Кропотовым, Кузьминым, Толем, Кашевским, Бернардским, Спешневым, Берестовым, Бейдеманом, Лагорио, Трутовским, младш. Бруни, Кайдановым, Невельским, Астафьевым, Вечесловым, Сахаровыми, Норевым, Андрузским, Войцеховским, Дудышкиным, Солоницыным, Завойко [1] и многими другими, в разное время жизни, которых вдруг не припомню. Особенно часто и даже сколько-нибудь постоянно не видался ни с кем, кроме Бернардского, Петрашевского, Майковых и Бурцовых и у них с общими знакомыми.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границею?

[О.] Ни внутри, ни за границею никогда никаких сношений не имел, кроме переписки с родителями, и то в последние годы, при увеличивающихся заботах в жизни, весьма не частой, да разве еще каких-нибудь чрезвычайно редких обменов двумя-тремя письмами с товарищами и друзьями, вскоре после случившихся разлук или в случае особых надобностей, по обыкновенным делам в жизни. Надворный советник Александр Баласогло.

[В.] Давно ли вы знакомы с Петрашевским, и часто ли вы посещали вечера его?

[О.] Года четыре, если не более, так как познакомился с ним не вдруг, а в течение долгого времени. Вечера его посещал довольно постоянно; впрочем, иногда с значительными перерывами, по месяцу и по два, по причине болезни или другим обстоятельствам. Такой перерыв был, например, в прошлое лето, по случаю холеры в моем семействе, и не далее, как перед самым взятием меня под арест, где я в течение месяца — полтора едва ли был у него два раза, и то не надолго, по болезни. А. Баласогло.

[В.] Сколько бывало людей на вечерах этих, и кто из них постоянно посещал вечера эти?

[О.] Примерно говоря, вообще, обыкновенно собиралось человек семь—восемь и до десяти; часто мы сиживали всего-навсего человека в четыре — в пять; но довольно же часто бывало и до 15. А в именины Петрашевского собиралось до 20 и до 30 человек. Из постоянных посетителей пятниц Петрашевского я знаю со времени моего с ним знакомства, разумея с самого начала до последнего случая, только одного Кайданова, с которым мы, впрочем, также довольно часто расходились и не видывались по месяцу и более, да еще Мадерского, который, кажется, впрочем, одно время куда-то уезжал, а иногда, вероятно, и жил у Петрашевского в доме. Все остальные, кого я тут ни видывал, бывали тут, так сказать, полосами: иное время одни лица, другое — другие. В самое

---

[1] *вставлено*

последнее время или полосу я встречал чаще других, сверх обоих названных, Чирикова, Дурова, Пальма, Толя, Ястржембского, Момбелли, Львова и братьев Дебу; реже — двух братьев Достоевских, Антонелли, Берестова, Ахшарумова; и весьма не часто Бернардского, Кашевского, Кропотова, Спешнева и Ломанского. Кузмин был, кажется, всего два раза, так как только что вернулся из командировки. Все же эти лица, меняясь с каждым разом, то одни, то другие в один вечер, никогда не бывали все в сборе, а, как я сказал, по семи — по восьми и до десяти человек в раз. А. Баласогло.

Виноват! я пропустил еще Филипова, которого надо поместить в число бывавших реже. А. Баласогло.

[В.] Известно, что в собрании у Петрашевского 11-го марта Толь говорил речь о происхождении религии, доказывая, между прочим, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я спорил с Толем в вопросе о происхождении религии вообще. Толь *выводил происхождение религии из чувства страха; я же из совокупности всех чувств человека.[1] О надобности или ненадобности религии в общественном смысле не было и речи. Если б это было, я бы не утерпел, чтоб не[2] спорить с кем угодно, что религия есть высочайшая необходимость всякого человеческого общества;[3] опровергать же это безумно. Надворный советник А. Баласогло.

[В.] На собрании у Петрашевского 18-го марта Ястржембский говорил речь о науках и между прочим объяснял, что статистика, по-настоящему, должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою; но как великий князь велел называть ее статистикою, то нечего делать, надобно ее так и называть. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Подтверждаю, кроме слов о великом князе. Баласогло.

[В.] На том же собрании Ястржембский говорил о богословии, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я этих выражений не слыхал, и не знаю, был ли тот вечер у Петрашевского, так как последнее время месяца полтора был болен. Сколько же я разумею Ястржембского, он мог так отозваться разве только о злоупотреблениях богословия — о бесплодных и гибельных прениях, во имя богословия, в течение грубого времени средних веков, когда толковали о словах, часто без всякого познания в самой науке и, не понимая святой истины ни на волос, в увлечении диких страстей, сжигали живых на кострах.[4] Ястржембский во всех

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено на полях* [2] *вставлено* [3] *отмечено на полях, поставлен* №3 [4] *отмечено на полях*

случаях, где мне удавалось его слышать по этому предмету, всегда обнаруживал основательные познания о богословии и даже в самом богословии и с глубоким, хотя и не ханжевским[1] уважением отзывался о самом предмете науки — религии. А. Баласогло.

[В.] На том же собрании Ястржембский, развивая вопрос, имеет ли государство цель, говорил, что Российское государство имеет целью подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Вероятно, тут меня не было вовсе, потому что я не помню даже, по какому поводу был вопрос об этом предмете. Не верю, чтоб Ястржембский где-нибудь мог так выразиться! А. Баласогло.

[В.] Ястржембский на том же собрании говорил, что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло весь род человеческий. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Точно, значит, меня тут не было, потому что я бы помнил предмет разговора, если не самые фразы. В прежние свои беседы Ястржембский не обнаружил предо мною ни в чем, как именно он смотрит на основные пункты вопроса о человечестве, другими словами, к какой именно системе социализма он более склонен; и, судя по всему, он мог сказать что-нибудь в этом роде, в виде ли привода основных понятий науки, или просто в том смысле, что человечество есть одна семья, которая когда-нибудь сольется в одно целое. А. Баласогло.

[В.] В тех же разговорах Ястржембский восставал на здешнюю чиноманию и на чины возвышенных классов, причем, если желал назвать кого дураком, говорил: «действительный статский советник». Вообще он восставал на все административное, а государя называл богдыханом. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Ничего этого я не слышал. В течение всего времени, сколько я встречался с Ястржембским, он действительно, как и все ученые и литераторы, в том числе и я, *не жаловал чиновников и их нравы.[2] Но шутки его никогда не доходили до такой злости и дерзости. А. Баласогло.

[В.] Известно, что в собрании у Петрашевского 25-го марта говорено о том, каким образом должно восстановлять подведомственные лица противу властей. Дуров утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т. е. в законе и государе. Напротив, Берестов, Филипов, Кайданов и вы говорили, что должно вооружать подчиненных противу

---

[1] *так в подлиннике* [2] *подчеркнуто*

ближайшей власти и, переходя таким образом от низших к высшим, невольно, как бы ощупью, довести до начала зла. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Если я был тут в этот день, * так ничего подобного не припомню.[1] Одно, что мне мерещется, хотя и смутно, это то, что я где-то и когда-то, может быть и у Петрашевского, только помню, что за закуской, слышал восклицание и как будто голосом * Львова: «Законы святы, да исполнители лихие супостаты!»[2] и вслед за этим сам продолжал доказывать каким-то другим лицам, решительно не знаю, кому именно, что писатель собственно должен оставлять закон в стороне и в покое, как не свое дело, а налегать * на одни нравы чиновников,[3] увещевая всячески в своих писаниях оставить праздность, картеж и поползновение к маленьким грешкам, вроде взяточек и прижимочек. Далее решительно ничего не могу уловить памятью. Надеюсь, что все это или сущая ложь, или вещь, адски вывороченная наизнанку. А. Баласогло.

[В.] При тех же разговорах Филипов сказал: «Наша система пропаганды есть наилучшая, и отступать от нее — значит отступать от возможности исполнения наших идей». Объясните эти слова.

[О.] Не слышал ни этих слов, ни разговора, в каком бы они могли иметь место. А. Баласогло.

[В.] В собрании у Петрашевского 1-го апреля Петрашевский, говоря о цензуре, объяснял, что хотя она и стесняет возможность большего развития, но приносит и ту пользу, что, вычеркивая все нелепости из какого-нибудь сочинения, она дает этому сочинению вид дельный и порядочный; напротив, если бы цензура была уничтожена, то явилось бы множество людей, влекомых личными побуждениями и страстями, которые хотя своими талантами заслужат место в истории литературы, но за всем тем будут служить препоною к развитию человечества и к достижению цели, им всем любезной. Объясните об этой цели.

[О.] Кажется, я был этот вечер у Петрашевского, только помню, что не надолго, и то, пришед через силу, почти все время пролежал на диване в другой комнате; кажется же мне потому, что я помню, как Петрашевский говорил что-то о цензуре и о писателях. Общий смысл, как сохранилось у меня в голове, был тот, что сколько ни справедливы в сущности жалобы писателей на цензуру, все-таки они сами на себя накликают ее излишние стеснения и строгости, именно тем, что, не зная ничего научным образом, не изучив ничего предварительно, систематически и основательно, сами не умеют

---

[1] *подчеркнуто* [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *подчеркнуто*

дать себе отчета, о чем вопиют; а между тем вопиют рьяно и самоуверенно, как будто они только одни и весь толк в мире. Эту речь я помню так живо, хотя и не в выражениях, а в идее, именно потому, что она мне пришлась по сердцу. Надо знать, что между людьми науки и просто так называемыми литераторами или еще ближе беллетристами и фельетонистами такая же вечная дружба, как у кошки с собакой. Все речи Петрашевского, которых, впрочем, было немного, почти до единой, имели в себе главною, прозрачною только для немногих целью — погладить против шерсти литераторов, которые в свою очередь ославили его в городе чуть не разбойником, который днем режет людей на улице. В таком смысле допускаю все возможные уловки мысли в этой речи Петрашевского, кроме слов о какой-то непонятной для меня ни с которой стороны цели; да и всего этого маневра, как он ни хорош, поистине не помню и наслаждаюсь им здесь впервые отроду. А. Баласогло.

[В.] На том же собрании, при разговоре об освобождении крестьян, говорено было что идеею каждого должно быть освободить этих угнетенных страдальцев, но что правительство не может освободить их, ибо без земель освободить нельзя, освободив же с землями, должно будет вознаградить помещиков, а на это средств нет. Освободив крестьян без земель, или не заплатив за землю помещикам, правительство должно будет поступить революционным образом; но каким образом приступить к освобождению крестьян без воли правительства, — в этих словах не объясняется. Объясните о мерах, к тому предполагаемых.

[О.] О крестьянах ровно ничего не слышал. Может быть, разговор был по моем уходе или когда я находился в другой комнате, с другими людьми. А. Баласогло.

[В.] На том же собрании Петрашевский, говоря о судопроизводстве, объяснял, «что в нашем запутанном, многосложном и с предубеждениями судопроизводстве справедливость не может быть достигнута, и если из тысячи примеров и явится один, где она достигается, то это происходит как-то не нарочно, случайно, что одно судопроизводство возможно, в котором достигалась бы цель его, т. е. справедливость, это судопроизводство публичное — jury. Сделайте о сем объяснение.

[О.] Ничего не знаю. А. Баласогло.

[В.] В опровержение сказанного Головинским, Петрашевский говорил, что при освобождении крестьян должно непременно произойти столкновение сословий, которое, будучи бедственно уже само по себе, может быть еще бедственнее, породив военный деспотизм, или — что еще хуже — деспотизм

духовный. Объясните, что подразумевалось под военным деспотизмом и деспотизмом духовным?

[О.] Не знаю. Меня, вероятно, уже не было. А. Баласогло.

[В.]В том же разговоре Петрашевский объяснял, что в отношении перемены в судопроизводстве следует не требовать, а всеподданнейше просить об этом, потому что правительство, и отказавши, и удовлетворивши в просьбе, поставит себя в худшее положение. Отказавши в просьбе сословию, оно вооружит его противу себя, и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит [1] и себя и даст возможность требовать большего, и все-таки идея наша идет вперед. Объясните об этом.

[О.]Ничего не знаю. А. Баласогло.

[В.] В этом же собрании Головинский говорил, что перемена правительства не может произойти вдруг, но что прежде надо утвердить диктатуру. Дайте об этом объяснение.

[О·] Не слыхал ничего подобного и самого Головинского видал всего только раза два у Петрашевского; хотя и знаю его, впрочем поверхностно, года четыре или более. А. Баласогло.

[В.] Известно, что на собрании у Петрашевского 15 апреля Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве и между прочим говорил, что переменою судопроизводства откроются и все прочие недостатки, и что восстания нельзя предпринимать без уверенности в совершенном успехе, что перемены судопроизводства можно достигнуть законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, и что, достигнувши перемены в судопроизводстве, можно будет требовать у правительства и других перемен. Дайте о сем объяснение и покажите, было ли читано на этом собрании письмо Белинского к Гоголю.

[О.] Я в это время был болен и не выходил из дому, разве что для краткой прогулки днем, по солнцу. А. Баласогло.

[В.] Известно, что на собрании у Петрашевского 22-го апреля Петрашевский говорил о том, каким образом должны поступать литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике. Дуров возражал Петрашевскому и, между прочим, объяснял, как должно действовать на цензоров, чтобы из множества идей хотя одна проскочила. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Тут я, кажется, был, потому что разговор о писателях и цензорах, ведомый Дуровым, мне очень памятен, — по крайней мере, я где-нибудь да слышал беседу Дурова об этом предмете. Но его мнение, развиваемое им с его всегдашним жаром, состояло только в том, что напрасно лите-

---

[1] *в тексте:* снабдит

раторы всю вину слагают на цензоров. Цензора также люди, как и все прочие, и люди, поставленные в самое щекотливое положение. Почему писатели только вопиют на цензоров, а ни один не придет объясниться с цензором по-человечески, вежливо и добросовестно, и, коль уверен в логике своей статьи и ее невинности, не разовьет и не докажет цензору, что он за эту статью решительно ничем не рискует? Участвовал ли Петрашевский в этом разговоре Дурова с другими, где был и я, впрочем, безмолвным слушателем, — не помню, и как его мысли по этому случаю — не знаю. А. Баласогло.

[В.] Объясните, что и в каком духе читал Тимковский на собрании у Петрашевского?

[О.] Тимковский как-то уже давно, быв в Петербурге наездом, читал при мне раз какую-то французскую книгу и то для двух или трех человек, которые около него сидели. Вероятно, это была какая-нибудь из книг Петрашевского, подвернувшаяся тут же на столе. Я это помню только потому, что как теперь гляжу на стол, закуривая сам у свечи трубку. В другой раз он что-то читал или говорил, но его беспрерывно перерывали, и пока я удосужился отвернуться из другой комнаты от разговора — везде уже был только один раздельный говор по кучкам. Больше ничего не помню. Впрочем, еще раз и, кажется, чуть или не в тот же вечер, я о чем-то с другими вел с ним спор — и тут все, что я о нем знаю. Он намеревался приехать вскоре из Ревеля и не бывал. А. Баласогло.

[В.] Объясните, какие статьи вы читали на собраниях у Петрашевского?

[О.] Сперва, с самого начала моего знакомства с Петрашевским, известный проект о книжном магазине, в той надежде, не найдется ли кто-нибудь из новых мне тогда тут лиц в сотрудники к осуществлению моего плана, которых не нашлось.[1] Потом, в разное время — отрывки из большого и доселе еще неконченного мною сочинения об изложении наук. А. Баласогло.

[В.] Есть показания, что на тех же собраниях зимою 1846 и 1847 года вы в разговорах вооружались иногда против семейственности и всех ее условий и поддерживали суждение Дурова о том, что родственные связи опутывают личность человека. Объясните об этом.

[О.] Это правда. Я, признаюсь, всегда старался доказать, что брак по одной любви, без состояния — вещь нелепая.[2] Испытав всю тяжесть такой ошибки на себе, я считал долгом отклонять, особенно молодых людей, если в ком принимал участие, от женитьбы по страсти. В этом смысле

[1, 2] *подчеркнуто красным карандашом*

я описывал, сколько умел ярче, все ужасы человека в семействе, без верного куска хлеба.[1] Впрочем, я почти всегда оговаривал, что для обыкновенного гражданина — это еще, пожалуй, хоть сносно; но для ученого или художника — просто смерть. Что касается до Дурова, он со мной соглашался, как повидимому и многие другие; но никаких его суждений по этому предмету хорошенько не упомню, потому что всегда сам бывал в жару, если заходил разговор об этом деле. А. Баласогло.

[В.] В ответах ваших вы, объясняя, что, стремясь выступить на поприще для предполагаемых вами усовершенствований общества и желая найти себе точку опоры, дабы действовать с нею на все стороны, вы искали людей имеющих с вами одинаковые идеи, и нашли их, как говорите, целую кучу, где одного, где пару, где еще одного, но людей сих, кроме одного Петрашевского, вы не поименовали. Объясните, кто именно эти люди, когда и где вы с ними встретились и в каких были сношениях с ними?

[О.] Я стремился целую жизнь быть полезным государству и обществу наукой, не имея никакого призвания к политической деятельности. Усовершенствование общества, по крайнему моему разумению, как я старался развить в своем показании, должно совершаться и совершается беспрерывно, ежедневно, во всех человеческих обществах, постепенно, с разных сторон вдруг, неприметными долями. Так как это есть основный закон всего живущего в природе — никакая сила ни ускорить, ни замедлить этого совершенствования не может. Людям остается только, разумея пути промысла, щадить себя и друг друга беспрерывным взаимным уразумеванием и содействием. Одним из главных средств к достижению этой вожделенной цели есть наука и искусство, которые всего более действуют на смягчение нравов и образование понятий. Избрав с детских лет своим поприщем этнографию, филологию и поэзию, я целую жизнь, сколько позволяли мои нужды, учился и искал истины. Входя в возраст и соображаясь с своими, может быть, и мнимыми познаниями и способностями, я не нашел, особенно в последние три — четыре года, ничего лучше и возможнее для себя к исполнению, как сосредоточить всю свою задушевную деятельность: на изыскании средств к изданию учебников и художественно-этнографических листков,[2] тем более, что, по всему мною видимому и испытанному, я, сохраняю выражение своего показания, уже чуял, как птица, какую-то бурю в гражданском быту России, решительно не зная, как и когда и чем она выразится, и только, в ужасе последствий, если

[1, 2] *отмечено на полях*

это будет то, что называется переворот, желая, сколько достанет сил, стараться содействовать, по своей одинокой совести, к ее предотклонению развитием тех понятий, какие считаю за единственно истинные и спасительные. По своим предметам я имел необходимость в большом числе сотрудников и потому стал их искать; но ища находил людей редкого ума, благородных правил и величайшей любознательности и по другим предметам, для меня известным только относительно. От * этого у меня возродилась мысль не пренебрегать никем[1] и ничем, потому что каждый мог доставить хоть что-нибудь для общей пользы, и я стал уже искать осуществления целого круга учебников; а потому и занялся составлением планов и проектов. Как я понимал дело в техническом смысле собственно — видно из моих бумаг, и если угодно, могу развить еще более. Люди, каких я встретил, сверх своего чаяния, в значительном количестве, способные меня понимать и мне содействовать, суть большею частию все те, которых я назвал в двух своих показаниях, особенно в последнем. Это — по наукам политическим — Петрашевский, Спешнев и может быть еще несколько, вдруг не могу сообразить, так как, имея в виду двух столь сведущих по этой не моей части — уже мало заботился о новых: по естественным — Кайданова, Ходнева, в последнее время — Филипова, с которым, впрочем, еще не успел вполне познакомиться, и других, более или менее для меня еще неопределенных в степени знания; по филологии и философии — начиная с себя, Толя, Спешнева и мало кого еще из полузнакомых; по литературе и искусствам, вообще и в совокупности — Пальма, Дурова, Кашевского, Норева, Бернардского, Берестова, Бруни младшего, отца и сына Майковых, Дудышкина, Солоницына, Бейдемана, Лагорио, Трутовского, Федотова и многих других, не столь близко мне известных; по военным — Кропотова и Кузмина; по морским — Соколова, Веселаго, Кузнецова, князя Голицына, Ивашинцева и немного кого еще из не столь мне известных; по медицине — почти никого, если не Миронича, которого, по долгой с ним разлуке, почти уже не знаю склонностей. Когда и где я встретился со всеми этими людьми — я никак не могу припомнить тем более, что знакомился никогда не вдруг, а постепенно, встречаясь иногда по целым годам в разных местах; прежде всех я познакомился, как помню, с Норевым, который уже года два на Кавказе, сперва, кажется, у Пименова, а потом в Департаменте народного просвещения; потом с Дуровым и Пальмом, с которыми меня познакомил Гавриил Комовский; все остальные — не умею определить; иных, как то: Кайданова, Фили-

---

[1] *подчеркнуто*

пова и Спешнева, я узнал у Петрашевского; а с этим—долго встречался в разных местах, между прочим, у братьев Майковых и потом в Дворянском собрании; с Майковым же я сошелся где-то у художников, которые все знакомы друг с другом, по товариществу, и с которыми я всегда водился с самого своего приезда в Петербург, по моей страсти к искусствам. Сношения, в каких я находился со всеми этими людьми, весьма трудно определить до точности; но разумея вообще, более или менее с каждым я был дружен и довольно короток, хотя и в весьма неравной степени и не в одинаких отношениях. С каждым меня сводил его предмет или предметы, сколько я мог их понимать; а потом более или менее долгое знакомство. Так как у меня не было никогда на уме ничего политического, я весьма редко даже и важивал или участвовал в клонящихся к тому разговорах. Большая же часть из них, особенно художники, совершенно далеки от всяких политических идей. А. Баласогло.

[В.] В тех же ответах вы объяснили, что на собраниях у Петрашевского делались резкие перечеты и аттестации всех лиц, употребляющих торжественно на всю Россию и свою власть и неограниченное к ним доверие государя императора; но при этом вы не сделали никакого указания, в каких выражениях и кого именно вы осуждали, равно по каким именно предметам вы находили злоупотребление власти со стороны лиц, облеченных высочайшим доверием. Имеете дать об этом положительное объяснение.

[О.] Все *мое показание писано от полноты души единственно по вызову[1] г.г. моих судей, в совершенной доверенности к их великодушному обещанию принять от меня это неоффициальное, но, если могу так выразиться, чисто духовное излияние чувств. Я доносчиком никогда не бывал, боясь более смерти попасть даже невольно в тяжкий грех осуждения своего ближнего, особенно в таких случаях, где дело могло идти о самых важных государственных злоупотреблениях; и теперь всепокорнейше прошу их превосходительства, моих благородных судей, дозволить мне оставаться в убеждении, что я сделал и делаю все свои добровольные показания нисколько не в виде доноса, которого я бы никак не мог доказать юридическим порядком, а в виде свободного и полного излияния чувств как бы в задушевной беседе сына с родным отцом и совести с ее богом, и то, как единственную, хотя и весьма для меня тяжкую необходимость, для оправдания в столь ужасных обвинениях. На вечерах у Петрашевского, как и везде, где я мог сходиться, что называется вдвоем — втроем в круге тесных друзей, я и все мои

[1] *подчеркнуто красным карандашом*

ближайшие собеседники позволяли себе, выражая личные жалобы и неудовольствия на лица, от которых непосредственно зависело все счастие жизни каждого отдельно,[1] по месту его[2] служения или иным отношениям, делать этот перечет и аттестацию, каждый по мере своих чувств и характеру. О других я ничего не помню обстоятельно, потому что более всех жаловался и * горячился я сам.[3] Что касается до меня, я охотно повторю слова своего показания: относительно выражений, я нарочно понудил себя исписать целую десть бумаги, чтоб г.г моим судьям было ясно, как день, каковы могли быть мои выражения, судя по тону и характеру всех выражений самого показания; относительно лиц, кого именно я упрекал и осуждал в беседах, я назвал по нескольку раз едва ли не всех, кого я когда-либо осуждал в жизни; а именно * более всего, тех, под чьим главным начальством я имел несчастие[4] прослужить 20 лет без всякой надежды: по флоту — князя Меншикова, по Министерству народного просвещения — графа Уварова и тайного советника Красовского, по Министерству иностранных дел — графа Нессельроде и тайных советников Сенявина и Лашкарева; да еще по Академии художеств, хотя я в ней и не служил, но целую жизнь добивался к ней доступу, ее конференц-секретаря Григоровича;[5] относительно предметов — я также ссылаюсь на свое показание, где я нарочно описывал, сколько мог подробнее, все, что со мной или предо мной делалось. Здесь я могу прибавить только то, что, как я убежден сам и как могу, может быть и горько ошибаясь, быть в этом случае отголоском мнения целого флота, — * кн. Меншиков уничтожил всю нравственную силу флота,[6] повыживав из него таких людей, каков был покойный адмирал Грейг, адмирал Рикорд и * целые сотни других лучших[7] в свое время офицеров; забросив совершенно столь драгоценный для России Восточный океан, не делая описей даже и в Балтийском море, кроме как одним суденышком в год, и то со всеми прижимками; гр. Уваров не издал ни одного учебника, сколько-нибудь удовлетворяющего современным требованиям науки, и, будучи сам филологом и ориенталистом, эти-то именно отрасли * и убил до последней степени;[8] гр. Нессельроде целые 35 лет своего управления министерством не видел или * не хотел видеть[9] целого Востока и столь тесно соприкосновенной с ним огромнейшей поло-

---

1, 2 *вставлено* 3 *подчеркнуто красным карандашом* 4 *подчеркнуто красным карандашом, отмечено карандашом на полях* 5 *все фамилии подчеркнуты* 6 *подчеркнуто красным карандашом и отмечено им же на полях* 7 *подчеркнуто* 8 *подчеркнуто и отмечено на полях красным карандашом* 9 *подчеркнуто*

вины России и сверх того, сколько я знаю по общим слухам в городе, славится тем, что держал, если не держит доселе, все * места на откупу [1] и то наиболее для немцев, на всем земном шаре, о торговле же государства никогда и не думал заботиться и даже — это опять только слухи — по нескольку раз, если не всегда, * продавал свои услуги Англии и Австрии, в явный вред России; [2] Сенявин составил себе неистребимую славу в министерстве своим примерным * жестокосердием и произволом, совершенно азиатским, [3] в своих действиях относительно лиц, попадавших под его влияние. Что касается до Красовского и Лашкарева — они слишком незначительны для того, чтобы их обвинять: надо в этом случае только удивляться, что нашли в этих людях для их постов гр. Уваров и гр. Нессельроде. Все же эти лица известны своею недоступностью и совершенным * равнодушием к судьбе своих подчиненных, [4] разумея всю массу несчастных, а не нескольких приближенных или данников. Наконец, Григорович помогал покойному Оленину и Заурвейду * уничтожить Академию в прах [5] и доселе имеет неслыханную дерзость действовать всячески против благодетельных видов и стараний его высочества герцога Лейхтенбергского, разумеется, в тайне от его высочества. Григоровичу все художники, начиная с Брюлова и до последнего маляра, волею или неволею, должны * нести дань; [6] молчали же о нем единственно потому, что он умел всех уверить, будто в тайне служит в III отделении собственной канцелярии его величества и сейчас же может, по крайней мере, наделать тревог тому, кто бы осмелился сказать о нем что-либо для него неприятное.

А. Баласогло.

[В.] В тех же ответах вы объяснили, что на собраниях у Петрашевского обслуживались идеи в самом огромном большинстве случаев не одних фурьеристов, коммунистов, конституционистов, а вообще всех социалистов, рассматриваемые каждым лицом сравнительно и со своей личной точки зрения. Объясните, что сказано было замечательного по каждому из этих подразделений и кем именно?

[О.] Что именно, кем и по каким подразделениям было сказано замечательного, я решительно не могу припомнить. Моя память такого свойства, что сохраняет только общую идею виденного или слышанного, и то, если предмет ее сильно поразил своею новостью или странностью. С другой стороны, я никогда не интересовался ни речами, ни спорами, посещая вечера Петрашевского, как место свидания вдруг со

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено на полях* 2, 3, 4, 5, 6 *подчеркнуто красным карандашом*

многими из людей, которым я имел что-нибудь сообщить или узнать от них по своим делам. Ни одного чистого фурьериста, коммуниста и так далее я, по своим понятиям, сколько усиливался иногда составить себе общую идею о человеке, не нашел. Мнения, как мне всегда казалось, да кажется и теперь, более всего возникали по поводу свеже-прочитанных газет или вообще узнанных новостей, и в общем говоре, по разным углам и часто на ходу по комнате, я никогда не мог добиться большего толку; да мало тем и интересовался. Будучи сам, как, я надеюсь, явствует из моего показания, почти неопределенного одним[1] словом, если не чисто охранительного мнения, я радовался только тому, что находил, понимая вообще, во всех своих лучших знакомых те же охранительные признаки задушевного убеждения. Даже и тогда, когда, например, произносились целые связные речи, я находил в общем тоне и связи идей человека одну и ту же теплоту и миротворность современного строго[2] научного начала воззрений. Так, например, во всех речах Ястржембского, с которым я всего менее был знаком и почти никогда не беседовал один на один ни о чем, я находил только критику систем политической экономии, в строгой научной форме, безо всяких возгласов или наведений, и только иногда, весьма-весьма редко какую-нибудь шутку самого невинного значения; так что мне, как я признавался иным, кто ближе, тогда же бывало довольно скучно выслушивать ряд изложений дела, для меня уже известного и впрочем, в собственном смысле, чуждого. Так, например, и сам Петрашевский, с которым я не раз имел случай беседовать один на один, остался доселе в моих понятиях человеком мирных стремлений, совершенно подобных моим, хотя его и называли в кругу литераторов прежде, нежели я его узнал ближе, отчаянным фурьеристом; а это значило у этих людей, впрочем либеральных, что-то ужасное и дикое. Те же самые смешанно-социальные и вполне мирные стремления я находил при всех возможных случаях, где невольно открывается внутренний человек, и в Пальме, и в Дурове, и в Кузмине, и в Кропотове, и в Кайданове, и в Спешневе — людях, которыми я всего более интересовался по их обширным знаниям и деятельности в избранных отраслях науки, — и в Толе, и в Филипове, и словом во всех, на кого мог рассчитывать, как на надежного сотрудника в своем известном предприятии, о котором, впрочем, мало кто из них знал во всей той подробности и полноте, в каких я исповедался моим судьям. О Спешневе могу прибавить еще то, что с необыкновенною радостью нашел в нем при ближайших беседах ум, вполне фило-

---

[1] одним словом — *вставлено* [2] *вставлено*

софский, и самые разнообразные познания, что весьма редко встречал в жизни; а о Дурове — что он, будучи такого же горячего темперамента, как я, иногда в жару спора, чтоб поставить на своем, вдавался в крайности и противоречие самому себе; но зато я в нем же нашел ту прекрасную черту, что он тотчас же по отходе сердца до того искренно раскаивался в своих[1] резких выражениях, что просил извинения в невольной обиде лица, которое с ним спорило, и сознавался в своей ошибке. Выражаясь вообще, я смотрел на всех этих людей со своей издательски-ученой точки зрения, и мне никогда не приходило в голову заподозрить их в каких бы то ни было преступных замыслах. Все другие лица, если я не ошибаюсь, почти всегда противоречили сами себе, чем и доказывали в моих глазах то, что не имели случая или охоты сколько-нибудь систематически изучить для себя самих круг общественных или, что одно и то же, политических наук и знают только каждый свою специальность. Тут, если угодно, я разумею всех флотских и всех художников. Во всех же них, само собою разумеется, я находил полную преданность к охранению существующего порядка вещей, с одним желанием добиться средств к осуществлению своих, могу так выразиться, технических предприятий. А. Баласогло.

[В.] Вы объяснили, что при резких суждениях о правительственных лицах более и яростнее всех отличались вы. Из этого следует, что были и другие лица, которые принимали в том участие, хотя и в меньшей степени. Поименуйте их.

[О.] Лица, которые меня слушали, когда я дурно отзывался о своем начальстве, располагали меня не столько своими собственным горячими отзывами о своих или о нам общих притеснителях, сколько тем, что это бывало единственно или с глазу на глаз, или вдвоем — втроем, *не как хула злонамерения, а как невольная и горькая жалоба безысходного страдания,[2] как стон одного члена семейства в услышание других. Наименовать я никого не могу, чтоб не впасть в грех и ошибку, тем более, что, говоря искренно, действительно не помню, кто именно чаще меня слышал или кто более других жаловался. Жаловались, как и жалуются всюду, решительно все. Одно, в чем, если мне не изменяет память, я могу дать сколько-нибудь удовлетворительное показание, есть то, что мне примелькались в голове жалобы Дурова на министра Вронченко, Толя на гр. Уварова и Миддендорфа и всех вообще на такие[3] распоряжения или, по крайней мере, по случаю слухов о таких распоряжениях, как неумеренное наложение пошлины на спички, на падение недостроенных домов

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *вставлено*

в городе и на тому подобные случаи. В какой же[1] мере или в[2] каких именно выражениях жаловались Дуров, Толь или кто бы то ни было другие — я решительно не могу припомнить. А. Баласогло.

[В.] Вы сказали, что дерзали осуждать и беспредельное добродушие самого государя императора, изумляясь, как он не видит, что под ним и что вокруг его делается. Объясните, что такое, по вашему мнению, ускользало от внимания его величества и могло побудить вас к дерзновенному суждению о священной особе его величества.

[О.] Раскаиваясь, как и в самом моем показании и как[3] всегда после невольных увлечений чувствами, в том, что я дерзал не осуждать,[4] а делать замечания о беспредельной благости и доверии его величества к людям, которые употребляли и то и другое во зло, я изумлялся тому, как его величество, столь чадолюбивый отец своих подданных, не слышит тех ужасных раздирающих душу стонов, которыми преисполнен весь город, и в особенности в сословии бедных, притесняемых отовсюду чиновников, к которым я сам принадлежу, по воле моей жестокой участи и нисколько не по призванию. О других злоупотреблениях власти, даруемой его величеством, я объясняюсь в вопросе № 14.[5] А. Баласогло.

[В.] Объясните, в чем наиболее состояли те злоупотребления правительственных [лиц], о которых, по вашему мнению, следовало бы государю императору спросить не в публике, а наедине, каждое любое человеческое существо порознь?

[О.] Кажется, я уже достаточно выразился на этот счет в двух прежних подобных вопросах; впрочем, не отказываюсь повторить и присовокупить, что наибольшая часть злоупотреблений правительственных лиц, сколько я умею составить себе общую идею, состоит в равнодушии известных мне лиц к самому делу, при соблюдении одной только мертвой и ни к чему не ведущей формы делопроизводства и, что мне кажется всего важнее, в убийственном невнимании к нуждам, неудобствам жизни и заслугам большинства вверенных им в попечение подчиненных. Если я выразился, не помню по какому порядку идей, в своем показании, что государь император мог бы во всякое время собственною своею особою удостовериться в существующих беспорядках, только обратившись, но не публично, а наедине, с вопросом к любому человеку из младших подчиненных этим лицам, я выразился так в том предположении, что его величеству нет иного кратчайшего пути к узнанию правды. Нисколько не сомне-

---

1, 2, 3 *вставлено* [4] *подчеркнуто красным карандашом* [5] *надпись*: см. л. 165 [*в нашем издании стр. 122—124*]

ваясь в том, чтоб при его августейшей особе не было и весьма много лиц, вполне преданных душою как ему, так и истине, что, кажется, и доказываю всеми своими откровениями пред теми лицами, какими имею счастие быть судим, я руковожусь тут чисто наведением своего[1] собственного ума, по внушению своей собственной совести. Так, например, если б это могло случиться даже со мной, если б я был так необыкновенно счастлив в жизни, что удостоился личного вопроса или вопросов от его величества о ходе дел в известных мне ведомствах или о быте и нуждах служащих,— при всем желании и полном чувстве долга присяги, которую никогда не считал одною формою, я был бы — признаюсь — так малодушен, что ни за что в мире не решился бы сказать настоящей правды, которая столь ужасно многосложна и запутана, если б его величество изволил меня спрашивать не только в присутствии, во время своего посещения, но даже и сколько-нибудь при свидетелях где бы то ни было инде. Я поступил бы так, понимаю, что беззаконно, единственно из одного опасения, что государю императору по бесчисленному множеству дел, вероятно, не достало бы никакой возможности заняться долго таким ничтожным и, может быть, бестолковым или вредным существом, как я; а мое начальство, которое, конечно, было бы озлоблено моими показаниями, имея в руках страшную силу, * мало-мало, что стерло бы меня с лица земли, поставив в адское положение — искать куска хлеба хоть в последнем из средств — хищении себе дневного пропитания в первой съестной лавке. Но удостойся я же столь необыкновенной милости[2] и счастия, чтоб его величество соизволил меня выслушать один на один, так чтоб никто, кроме меня и его, не знал о предмете разговора, конечно, я бы излил всю свою душу пред его священной особой точно так же доверчиво, как делаю это теперь, впрочем, вынужденный всею крайностью своего положения. А. Баласогло.

[В.] Вы пишете, что дерзали осуждать государя императора не только у Петрашевского, но и всюду, где только вы считали, что говорите как бы сами с собою. Объясните, где и с кем именно вы имели эти суждения?

[О.] Не осуждать, а, как я уже раз объяснился, делать невольное замечание я решался в[3] разговоре то с тем, то с другим из своих * коротких знакомых,[4] которых, кажется, я поименовал всех, даже и отсутствующих; где и в каких случаях — я никак не могу вспомнить, потому что это бывало в жару разговора, в беспрерывных переходах, как водится,

---

[1] своего собственного *вставлено* [2] *отмечено на полях* [3] в разговоре *вставлено* [4] *подчеркнуто красным карандашом*

с предмета на предмет и *без всякого чаяния,[1] с чьей бы то ни было стороны, сделать что-либо злонамеренное или новое. Я миллион раз, даже из уст нижних чинов и[2] простонародья, в разных случаях, которые трудно определить, идучи по улице, за городом, стоя в карауле, словом сказать всюду и всегда, слыхивал от всех сословий одно выражение, в более или менее разнообразных вариациях: «А как его-то, нашего батюшку, министры-то обманывают,[3] и бога они не боятся! Ну, уж когда же нибудь они дождутся, что их господь покарает! Отольются волку да овечьи слезки!..» Я этих откровений не вызывал, не искал, не выпытывал: они сами пролетали мимо моих ушей, как рокот волн текущей реки, как пролет облака мимо солнца, как стон и вой вдали нещадно колотимой собаки. Как я сам[4] понимал такие невольные восклицания в своей собственной совести, так судил их и во всех ближних; и не помня лиц, как вещь совершенно мне ненужную, не мог не помнить одной и той же общей и везде проявляющейся идеи... А. Баласогло.

[В.] Вы пишете, что признаете необходимость конституции для всякого мало-мальски развившегося народонаселения в известных, каких бы то ни было ручательствах и обеспечениях между правительством и обществом, которые, по вашему разумению, должны бы состоять в праве каждому в государстве лицу возвышать свой голос, в открытом судопроизводстве и в участии в делах правления выборных людей от народа. Укажите лица, которые разделяли с вами это мнение, и объясните, на одних ли вечерах Петрашевского, или и в других и каких именно местах вы распространяли подобные мнения?

[О.] Ни на вечерах Петрашевского и ни в каких других местах я не распространял никогда подобных мнений. Я, кажется, выразился, сколько помню, совершенно так, как здесь написано, не в отделе своих действий, а единственно в отделе своих мнений[5] или, лучше сказать, задушевных убеждений.[6] Поэтому я невольно должен здесь повторить мою всепокорнейшую и усердную просьбу — разграничить мои поступки, как факты действительности, с моими мнениями, как с фактами, известными доселе в такой полноте и подробности одной моей бедной душе. Пока я не сошел с ума, я всегда понимал и понимаю, что не только распространение, но даже и неосторожное выражение подобных понятий при существующих учреждениях было бы преступно. Если я выразился так, что все в России, сколько я смыслю, имеет те же мнения, что и я, — это единственно вывод, может

---

[1] *подчеркнуто* [2] и простонародья *вставлено* [3] *отмечено на полях* [4] *вставлено* [5, 6] *подчеркнуто красным карандашом*

быть, самый неосновательный, моей собственной одной головы из бесчисленного множества тех мелких и, так сказать, невесомых, но тем не менее существующих данных, которые доступны всякому наблюдательному взору. Никто из моих знакомых никогда не выпытывал в этом отношении меня; да и я был бы слишком неделикатен, если б стал выпытывать их; *а признания в таких щекотливых предметах [1] не бывает. Если я сколько-нибудь замечал, что хотят меня испытывать с этой стороны, я немедленно уклонялся и даже получал невольное отвращение к человеку. Может быть, кому-нибудь и удалось меня, что называется, подцепить — бог ему судья! Что же до меня, я более разумел о вещах из соображения частных и отдельных проявлений в одну их [2] общую, невидимую, несуществующую связь — словом, в порождающую их идею. Боже меня сохрани подозревать кого-либо из моих добрых знакомых в распространении или даже неосторожном выражении таких неуместных понятий! По крайней мере, я никогда не находил случая или повода в этом отношении в них усомниться. Сам же я создал себе уверенность, что я мыслю так не один, не из обмолвок или промолвок тех или других лиц именно, а изо всего, что видел и слышал во всю свою жизнь говорящего и действующего в России. Если к этому вопросу подал повод какой-нибудь неверный оборот речи в моем показании, покорнейше * прошу моих великодушных судей быть снисходительными и принять в соображение, что я писал это показание — 22 листа — целые четверо суток, почти без сна и не вставая со стула, в желании скорее, кончить, как меня просили, и не распложаться в особенных обстоятельностях фразы: [3] я с первого же раза увидел, что имею дело с людьми высокого ума и благороднейшей души; а потому мало думал о казуистике выражений: как лилось из сердца, так и писалось! . . А. Баласогло.

[В.] Бывали ли вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Кузьмина, Дурова, Данилевского, не было ли подобных собраний и у других лиц?

[О.] Ни у кого из этих лиц, сколько мне было известно, никаких собраний не было. Спешнева я видывал более у Петрашевского и весьма не часто у него самого в доме, но не на собраниях, а так просто, почти всегда или один на один, или вдвоем — втроем, да и то я более часа или двух у него не засиживался, потому что и мне, и ему время было дорого. Я знал, что он прилежно занимается науками. Так я поступал и со всеми другими своими знакомыми, которых знал занятия. Кашкина я даже и не видал в глаза, хотя и слы-

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *вставлено* [3] *отмечено на полях красным карандашом*

шал вскользь, в Министерстве, что в Азиятском департаменте есть Кашкин: тот ли это? — не знаю. У Кузьмина, вскоре затем, как я с ним познакомился, я бывал раза три или четыре, в компании трех — четырех человек его товарищей, и потом почти всегда до его отъезда виделся с ним большею частью только[1] то у себя, то у Петрашевского. Вечеров же у него, кажется, вовсе не бывало. У Дурова я бывал точно так же, как и у всех других, на часок — на два, и то в кои годы раз. Давно-давно прежде, в самом начале нашего знакомства, я бывал у него и чаще и дольше, засиживаясь иногда вдвоем или втроем с Пальмом, в дружеской беседе, большею частью исключительно о словесности, до бела утра. Но и тут не примечал, чтоб у них бывали какие-нибудь собрания. *Данилевского я видывал у Петрашевского в первые разы[2] своего знакомства с последним; потом он был, если[3] не ошибаюсь, более года где-то в отлучке; потом еще раз помелькал у Петрашевского — и совершенно скрылся с моих глаз, хотя я им и интересовался издалека, как знатоком естественных наук и человеком, повидимому, изучавшим основательно все социальные системы, особенно Фурье, о котором он говаривал всегда с жаром и знанием дела. Бывают ли у него вечера, и где он вращается сам — я решительно уже давно ничего не знал и только еще[4] раз читал его статью в «Отеч. Записках» о космосе Гумбольдта, да слышал, что он бросил совершенно социальные науки, занялся исключительно естественными и готовится в известную в городе экспедицию от Вольного экономического общества, при содействии Географического, для обзора черноземной полосы в средней части России. Никаких других собраний ни у каких других лиц еще я не знаю; разве назвать собраниями сходки художников и некоторых литераторов у Бернардского, по делам и беседам чисто литературным и художественным.[5] А. Баласогло.

[В.] Кто еще посещал эти собрания, и чем там занимались?

[О.] Не зная самих собраний, не могу отвечать на вопрос. А. Баласогло.

[В.] Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне обозначенных собраний, то обязываетесь все то показать с полною откровенностью.

[О.] Ни о каком злоумышлении я ничего никогда не знал и не слыхивал. Кроме вечеров Петрашевского, я не бывал ни на каких собраниях. *Вечера же Петрашевского всегда счи-

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто* [3] *отсюда до конца ответа весь текст отмечен на полях* [4] *вставлено* [5] *отмечено на полях*

тал, как они, надеюсь, и были, чисто дружеские литературные беседы.[1] Баласогло.

[В.] Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Черносвитовым?

[О.] Видывал его у Петрашевского. А. Баласогло.

[В.] Какое впечатление произвел на вас Черносвитов?

[О.] Как человек чрезвычайно живой, веселый, умный и что называется бывалый. Сколько я мог заметить, несколько раз у Петрашевского и потом, в другой его приезд у Латкина, товарища Черносвитову по золотопромышленности, с которым я только что тогда познакомился, Черносвитов был весьма хорошо образован и многосторонне начитан и умел соединять так называемую положительность взгляда на вещи с высшим, если не философским, так с поэтическим созерцанием. В политических мнениях, как ни мало я имел возможности его видеть, особенно с этой стороны, он был самый благоразумный консерватор и восхищал меня своими насмешками над либералами, которые не знают ни географии, ни народа, ни инородцев России. Больше ничего о нем не знаю, потому что он скоро уехал в Сибирь. А. Баласогло.

[В.] Какие были ваши отношения к штабс-капитану Кузьмину?

[О.] Самые дружеские и приятные. Первое время нашего знакомства и пока был в Петербурге Муравьев, уехавший генерал-губернатором в Восточную Сибирь, мы провели с Кузьминым и Невельским время в мечтах и толках о своем путешествии по Востоку России; потом, когда Муравьев уехал и вся надежда на Географическое общество лопнула, он вошел в круг всех остальных моих друзей. Все, что было между нами сколько-нибудь подающего повод к этому вопросу, уже вполне мною высказано ранее, по случаю других вопросов. Мне бы оставалось только разве вдаваться в повторения. А. Баласогло.

[В.] Известно, что 16 апреля на собраниях у штабс-капитана Кузьмина учитель Белецкий говорил, что в 1-м кадетском корпусе, где он преподает историю, есть у него класс, который приготовлен по программе ген.-адъютанта Ростовцева и по собственным его убеждениям, и что он надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут, наконец, Россию вперед. Сделайте об этом объяснение.

[О.] В этот день, как теперь помню, по усильным просьбам Кузмина, который еще ручался моей жене, что доставит меня к ней здрава и невредима, я через силу, все еще хворая, был у него на Острове. Что окончательно меня убедило решиться выехать вечером из дому, это обещание Кузмина

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом*

познакомить меня с своим братом, на которого я, судя по отзывам Кузмина, мог надеяться, что авось найду в нем, вместе с самим Кузминым,[1] того благодетеля, который рискнет дать мне средства к изданию «Листков Искусств». Вот обстоятельство, по которому я весь вечер просидел в разговоре с братом Кузьмина и решительно не слыхал, что вокруг меня говорилось в двух комнатах. В то же время, когда я был в общем разговоре, я ничего подобного не слыхал. А. Баласогло.

[В.] Белецкий при том же разговоре хвастал еще, что он любим начальником 1-го корпуса Лихониным, который хотя и глуп, но по бахвальству или по чему другому желает казаться поборником новейших идей, и что он присутствием своим на либеральных лекциях его, Белецкого, помогает ему легче и ловче достигать своей цели. Дайте об этом объяснение.

[О] Ничего этого не слыхал А. Баласогло.

[В.] Белецкий при тех же разговорах доказывал привязанность к нему Лихонина примером, что когда однажды диакон, преподающий закон божий в 1 кадетском корпусе, спросил одного маленького кадета, кто был Авраам? и кадет, будучи сперва уже научен Белецким, отвечал, что Авраам есть миф, представляющий образ пастушеской жизни древних евреев, то диакон побежал к Лихонину, говоря, что это ересь, которую вводит Белецкий между кадетами, но Лихонин вступился за Белецкого и тем все покончил. Сделайте об этом объяснение.

[О] Тоже не слыхал. А. Баласогло.

[В.] В бумагах ваших найден проект устава об учреждении в С. Петербурге обществом любителей просвещения складочного магазина для распродажи книг, с особенным при оном кабинетом для чтения и с особенною типографиею и литографиею. Весь проект этот написан в духе либеральной пропаганды и доказывает преступную политическую цель. Дайте об этом объяснение.

[О.] Этот проект писан мною отнюдь *не с политическою, а единственно с литературной целью.[2] Может статься, некоторые горячие и неуместные выражения подали повод думать о проекте и его авторе иначе, нежели сам автор. Я же, этот автор, охотно допуская возможность всяких неосновательностей в частности, повторительно всепокорнейше прошу г.г. моих судей смотреть на весь проект с моей *истинной точки зрения, которая весьма далека от того, что обыкновенно называют либеральной пропагандой, и состоит един-

---

[1] *вымарано одно слово* [2] *подчеркнуто черным и красным карандашами*

ственно в стремлении к просвещению себя и других средствами науки и искусства в пределах, освящаемых законами[1] и добрыми нравами. А. Баласогло.

[В.] Из письма к вам штабс-капитана Кузьмина, между прочим, видно, что он просил вас прислать ему экземпляр нового устава. Объясните, какой этот устав и был ли он доставлен Кузьмину?

[О.] Дело шло об уставе Географического общества, в которое Кузмин только что перед тем поступил в члены. Это было чуть ли не прошлым летом перед холерой или в самую холеру, от которой я не мог отделаться, почти с целым своим семейством и всеми служанками, в течение двух с половиною месяцев; а поэтому не мог не только доставить Кузмину экземпляра, но, если не изменяет мне память, даже и отвечать ему; тем более, что он, уехав по службе в Тамбов месяца на два — на три, уже должен был по моему расчету на днях сам вернуться в Петербург. А. Баласогло.

[В.] Объясните, с какою целию и на какие средства предполагалась между вами и штабс-капитаном Кузьминым покупка дома, предпочтительно в Коломне возле М. В.?

[О.] Имея несколько лет сряду постоянное желание быть издателем учебников, предполагаемого мною «Листка Искусств» и вообще всего, что сочту полезным в области наук и художества, я обрадовался словам Кузмина, что он, имея в виду наследство, хочет купить себе дом. Так как я считал за счастие в жизни знакомство с таким человеком, каков Кузмин, по его благородным правилам, уму и любознательности, я смело предполагал, что он, владея домом, охотно даст в нем за[2] умеренные цены помещение и мне лично, и типографии, и граверам, и другим художникам, которых необходимо иметь под руками в таком предприятии. Что касается до местности, я решительно не помню, чтоб Кузмин располагал определительно, где именно купить себе дом. Мне собственно желательно было, чтобы дом отыскался на Васильевском Острове, так как там Академия художеств и все художники по большей части живут около нее; а для моих целей это было весьма важно. В этих видах я даже и искал ему дом на Острове сам; но, к несчастию, не находил дешевого по средствам Кузмина, которые, судя по его отзывам, приблизительно могли простираться до 10 т[ыс.] серебром или несколько более. А. Баласогло.

[В.] Из записки к вам его же, Кузьмина, от 29 декабря 1847 года видно, что он вызывал вас для переговоров с Ми-

---

[1] *большая часть подчеркнута красным карандашом* [2] за... цены *вставлено*

лютиным. Объясните, были ли вы у Милютина, в чем состояли ваши с ним переговоры, и покажите, кто такой Милютин.

[О.] Если не ошибаюсь, вероятно, это та записка, которою Кузмин извещал меня о вызове великодушного ко мне и расположенного к Кузмину полковника генерального штаба, Дмитрия Алексеевича Милютина, похлопотать о доставлении мне, по моим крайним недостаткам, где-нибудь уроков. Если та, так дело и кончилось тем, что вскоре же при личном свидании с Кузминым, попросил его поблагодарить от моего имени Милютина и объяснить ему, что я, давно уже отстав от преподавания уроков, не надеюсь на свои силы; тем более что я тогда кажется имел некоторую надежду попасть в библиотекари Академии художеств, или в экспедицию в Сибирь от Географического общества. Если ж не та, так, может статься, другая, в которой Кузмин, помнится, извещал меня на счет желания Милютина прочесть мой проект об экспедициях для описания Сибири и потом переговорить со мной лично, как и что найдет в этом проекте сообразного с делом или удобоисполнимого. В этом случае — свидание не состоялось, не помню, по моей ли, или Милютиновой болезни, или по каким другим причинам. Конец же был тот, что мой проект был у Милютина и, кажется, довольно долго; потом я получил его просто в конверте, без всякой записки или приглашения; а потому и не решился идти беспокоить Милютина своим посещением. Кузмина уже не было в Петербурге. А. Баласогло.

[В.] В тех же бумагах наших найдена статья без подписи на тему: «почему есть и есть везде рабство», смысл которой, по выражению неизвестного сочинителя, он полагал уместным написать кругом российского герба. Объясните, кто писал эту статью и как она к вам досталась?

[О.] Не зная, о какой статье идет дело, не могу приложить ума, каким бы[1] образом могла попасть ко мне такая * дикая фантазия?[2] До моей женитьбы я часто живал вдвоем, втроем и даже более на квартире. * Не запало ли это как-нибудь в мои бумаги, при разных переборках и тому подобных обстоятельствах, от какого-либо проказника товарища?[3] Не мой ли это какой-нибудь старый грех, о котором я теперь и понятия не имею? Не злостный ли это подвох от какого-либо неизвестного мне врага из тех людей, которым был открыт мой бедный угол?.. Скорблю и досадую,[4] но решительно ничего не могу припомнить. Во всяком случае, *отрекаюсь и от статьи,[5] и от надписи, как от ве-

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *большая часть подчеркнута красным карандашом* [4] *подчеркнуто красным карандашом* [5] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено черным карандашом на полях*

щей, судя по последней, безумных и совершенно несообразных ни с настоящим, ни с бывшим в какой бы то ни было период моей жизни[1] характером моих размышлений и фантазий. А. Баласогло.

[В.] В записке к вам Невельского, без числа, сказано, что Кузмин хочет непременно познакомиться с вами, чтобы переговорить об известных вам предметах. Объясните, в чем состояли эти предметы?

[О.] Я думал — последняя моя попытка на Восток, что Географическое общество снизойдет на мои мечты об описании восточных пределов России и потом, по мере возможности, и самого прилежащего к ней Востока, так как это был бред целой моей жизни. В этих предположениях я вступил в его члены и, написав проект экспедициям, занялся отыскиванием средств к осуществлению предприятия. Самое, по моему мнению, важное в этом, как и во всех других человеческих делах, было — выбор главных членов экспедиции. Так как я готовил себя, в качестве этнографа, в одну из них — именно в южную, я думал, что мне не откажут в единственном условии, без какого я ни за что в мире не пустился бы в столь трудное и долгое странствие, именно в разрешении мне самому предложить на общее усмотрение всех тех лиц, какие были мне нужны в товарищи. И потому я обращался ко всем своим знакомым, за какими только знавал географические стремления, в соединении с полным разумением своего дела. Едва ли не первый был Невельской, которого я знал еще из Морского корпуса за человека, вполне и во всех отношениях готового на подобные вояжи: он весьма был рад, одобрил весь проект и стал со мной вместе хлопотать. Первое, что он мне предложил, было то, чтоб о ком другом, а об офицере Генерального штаба, который был нужен в число членов экспедиции, я не беспокоился: он знает человека, совершенно к этому способного и готового. Это был Кузмин. Содержание записки теперь ясно. А. Баласогло.

[В.] Из письма к вам Б. Милютина от 25 февраля видно, что вы обещали в этот день свести его к Петрашевскому. Объясните для чего хотели вы быть тогда у Петрашевского вместе с Милютиным?

[О.] По просьбе Бориса Милютина, младшего из четырех братьев Милютиных, с которыми я со всеми, хотя и не близко, был знаком, я должен был его отрекомендовать в этот день — это вероятно была пятница — Петрашевскому, которого он уже отчасти знал и без меня по брату или братьям — не знаю, и который ему понравился своим умом и

[1] *вымарано одно слово*

обращением. Это письмо заключает в себе извинение Бориса Милютина, что он не может воспользоваться моею готовностью сделать ему приятное. Так как он при следовавших за тем встречах со мною не возобновлял своей просьбы — я не имел никакой надобности ему напоминать о бывшем его желании. А. Баласогло.

[В.] Из записки к вам А. Майкова, без числа, видно, что он, препровождая к вам список журналов с отметками его брата, писал, что нужно бы назначить общее собрание и что он имеет кое-что предложить и полезное, и выгодное для компании. Объясните, кто такой А. Майков и его брат, какая была между вами компания, что предлагал Майков на общем собрании и где были эти собрания?

[О.] А. Майков — Аполлон Майков, известный поэт и сотрудник «Отечественных записок»; его брат — покойный Валериан Майков, доселе оплакиваемый всеми, кто его ни знал, и мною особенно, так как он был совершенный философ и эстетик в душе и человек, готовый служить всякому, чем только мог, от всего ума и сердца. Наша компания была именно та, какую разумеет проект писанного мною устава, известный г.г. судьям, о складочном книжном магазине, типографии и кабинете для чтения. Что предлагал Майков — решительно не могу припомнить без ближайших наведений; думаю, что что-нибудь невыходящее из круга мер, изложенных в уставе. Это было очень давно, и я с тех пор не имел возможности возвращаться к делу, не состоявшемуся единственно по раздумью, какое нагнали неизвестные мне отсоветчики главному члену предполагавшейся компании, в денежном и хозяйственном отношении, вильманстрандскому 1-й гильдии купцу Татаринову, с которым я хотя доселе и знаком, но уже весьма редко видался. Собрания бывали то у него, то у моего нынешнего начальника отделения, ст. сов. Булгакова, который так же было показывал желание быть вкладчиком, но за Татариновым отстал, как и все остальные, и, до удобнейшего времени, я сам. А. Баласогло.

[В.] В бумагах ваших найдены шифры для тайной переписки. Объясните, кто составлял эти шифры и какое употребление вы из них делали?

[О.] Эти шифры составлял, сколько помню и если это те, какие я знаю, — я сам. Лет семь — восемь тому назад, когда я еще мечтал быть полезным Министерству иностранных дел или на Востоке,[1] или если уж и здесь, так не в архиве, а где-нибудь повыше и благодарнее средствами содержания, я изыскивал все пути, чтоб заслужить себе дорогу ко вниманию графа ли Нессельрода, или его приближенных по

---

[1] *подчеркнуто*

службе. Я * знал, что шифровщики пользуются в Министерстве иностранных дел особенным почетом,[1] и вздумал попробовать, авось до чего-нибудь добьюсь нового и тем вдруг составлю себе карьеру. К этому подавали мне мысль два почти современные обстоятельства: именно 1-е, что мне как-то попалась в руки целая книга на французском языке об этом предмете, которую я даже сбирался себе выписать, но не сбился во время с деньгами; и 2-ое, что я около этого же времени довольно прилежно занимался урывками от других занятий разбором египетских иероглифов, ассирийской и персидской гвоздеобразной грамоты и прочим, в сродстве с этими предметами. Почерпнув из той книги весьма ясные для меня понятия о том, как следует приниматься за дело тому, кто пожелает разобрать чужие шифры, я попробовал так разобрать кое-что и сам и действительно успел, чему, кажется, и должны у меня оставаться образчики. Это мне дало смелость — нельзя ли так же попытаться разобрать и клинообразные надписи и иероглифы? Потом, отчего бы, например, не предположить себе возможность читать по знакам, не зная языка, на каком они суть, буквы, а принимая прямо каждую букву, если она стоит отдельно, или каждую отдельную группу букв — за идею, как, напр., в китайском? Наконец, если б мне удалось напасть на толк, почему тогда не предложить своего искусства министерству.

Я сделал несколько подходов к делу и с этой стороны, чему тоже должны существовать у меня образчики; но моя вечная нищета, не позволявшая мне покупать дорогие книги с рисунками, недоступность книг в общественных библиотеках на дом и, что всего главнее, недостаток времени от житейских хлопот и забот отбили меня и от этой попытки, как и от тысячи других. Из листков, какие у меня должны оставаться, я не делал с тех пор ровно никакого употребления, оставив их день за день до более благоприятных обстоятельств, потому что во мне все-таки не угасла жажда дознания древней премудрости, хотя это в наше положительное время может быть и смешно. А. Баласогло.

[В.] В тех же бумагах ваших найдена визитная карточка Толя в конверте, на обороте которой написано приглашение приехать к нему в тот же день для того, что бы быть у одного человека по делу, не терпящему отлагательства. Объясните об этом.

[О.] Помнится, что у меня долго валялась на столе еще на прежней моей в квартире визитная карточка с надписью, и точно, как припоминаю, карточка Толя; но куда я ее сунул с переездом, и по какому случаю звал меня к себе Толь — никак не могу себе объяснить без других наведений. Впро-

чем, стараясь собрать в памяти все случаи, когда бы я мог быть зван Толем для свидания с третьим лицом по делу, сколько-нибудь замечательному в моих с ним сношениях, — останавливаюсь только на одном предположении: не было ли это приглашение на визит к одному из его товарищей, именно учителю Зуеву, который, наслышавшись до того во Пскове от третьего их товарища, Лукина, об отыскивании мною человека с капиталом и образованностью, для осуществления известного уже проекта о книжном магазине, возжелал принять в этом деле участие? Если так, — так у нас действительно было с Зуевым свидание у него, Зуева, на квартире и точно, как помню, так, что я сперва явился к Толю, а от него уже вместе и пошел к Зуеву. Тут все дело и кончилось одним этим свиданием: он читал мой проект, долго продержав его у себя, но не дал никакого дальнейшего о себе сведения, и я только раз его во всю свою жизнь и видел — в тот вечер. Проект я получил уже гораздо позже от Толя, не припомню, с каким безнадежным отзывом. Лукин же, как мне известно из его писем, был совершенно уверен в Зуеве, а знал о проекте потому, что был мною приглашен, в качестве будущего сочлена компании, на все [1] ее немногочисленные собрания. А. Баласогло.

[В.] Между бумагами вашими найдены в большом числе копии с дипломатических депешей, принадлежащих Министерству иностранных дел. Объясните, каким образом получены вами эти бумаги и почему они у вас сохранялись?

[О.] Едва ли в большом. Это те дупликаты, сверху надорванные рукою управляющего архивом, т. е. Лашкарева, которые, как ненужные, назначены им были, в числе других, на сожжение и для этой цели переданы им покойному начальнику отделения Дубовику. Пришед к последнему [2] за чем-то в его комнату в [3] архиве, я увидел у него на столе кипу бумаг. Шутя и улыбаясь, он мне сказал: «А вот эти мы будем жечь!.. Впрочем, надо еще дать господам (чиновникам) посмотреть, не найдут ли они чего недостающего в своих делах, чтоб приложить, вместо того, чтоб снимать самим копии с оригиналов. Посмотрите и вы, может что-нибудь найдется в ваши дела». Я перевертел, как помню, почти всю кипку и, остановившись только на донесениях Дашкова, бывшего генерального консула в Северной Америке, так как в моих делах о Восточном океане именно и недоставало почти ни одного ответа Дашкова на те многочисленные вопросы, которые ему посылались от министерства по разным, но более торговым делам России в тех водах, [4] взял сряду, второпях, что показалось мне его донесениями или, может

---

[1] *вставлено* [2] *исправлено из:* нему [3] в архиве *вставлено* [4] *зач.:* и

быть, черновыми отписями к нему министерства. Разобрав, сколько мог успеть, поверхностно у себя на столе в архиве, до конца присутствия, я помню, что отложил донесения Дашкова в одну обертку, а остальные, в которых только мне и помнится, что увлекло мое любопытство имя известной писательницы m-me Сталь, в другую, с тем чтоб, прочитав их на досуге, приложить, если что найдется нужно, к моим делам, возвратить остальное Дубовику. Не знаю, забыл ли я свою мысль, пока успел окончить разбор одного ряда однородных дел, или при уборке, перед уходом из присутствия, как обыкновенно, весьма большого числа бумаг в разные картоны и в разные шкафы, как-нибудь обложился, только я совершенно потерял из виду эти листки и нашел их вдруг, по какому-то случаю, уже не так давно в числе других подобных же бумаг, отложенных к просмотру в свою очередь, в картоне, в котором им, кажется, вовсе не следовало лежать, именно в запасе еще неопределенных бумаг, относящихся до разных стран Средней Азии. * Чтоб ускорить их просмотр, я[1] взял их к себе на дом, именно потому, что в это время уже более года мне не давал покоя Лашкарев своими привязками и отымал решительно все время от настоящего моего занятия для совершенно ненужных справок, причем он имел беспрерывную возможность перерывать у меня на столе все, что ни лежало, и значит непременно бы придрался и отнял бумаги; а я бы не успел их даже и прочесть, как бывало не раз, к крайнему прискорбию моей любознательности. Но принесши домой, я их, помнится, уложил подальше в шкап, чтоб не попалось кому-либо из чужих или домашних, да в разных делах и заботах так и не успел еще о-сю-пору их перечитать. Думаю, что, если б не случилось со мною настоящего моего несчастия, при первой возможности или если б забыл опять, так[2] при выходе моем из архива, я бы непременно их прочел и разложил, что нужно, по местам; а остальное бы сжег, как во всяком случае и должен был сделать, по точным словам покойного Дубовика, т. е. изорвал бы их в клочки и бросил в ларец, стоящий для этого под столом в каждой комнате присутствия, который, по уходе чиновников, сторожа опоражнивают, бросая в печь черную и равную бумагу, какая в нем найдется.

А. Баласогло.

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *вставлено*

9. 1849 г. до 20 июля.— Допросы А. П. Баласогло о равных лицах

Дело № 55, 1849 г. Ч. 119, „Высочайшие повеления и другие бумаги, относящиеся до лиц, прикосновенных к делу, а также до лиц, освобожденных от допросов". На 459 лл. Ответы — автограф. Датировано на основании того, что 20 июля Следственная комиссия рассматривала уже готовый список из 158 имен лиц, упоминавшихся содержащимися в крепости, выбирая тех, кого нужно подвергнуть допросу

I

Л. 68

[В.] Часто ли г. Бурнашев посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Никакого Бурнашева никогда у Петрашевского не бывало. Говорю так утвердительно потому, что во всем городе известен только один Бурнашев, писатель-агроном, которого и я в лицо знаю весьма давно, хотя с ним и не знаком, и следовательно, если дело идет о нем, я никак бы не мог его не заметить, если б он хоть раз и на минуту явился у Петрашевского. Баласогло.

II

Л. 72

[В.] Известно, что на собраниях у Петрашевского бывал в числе других Вернацкий. Объясните, не известно ли вам: имя, отчество и звание его, где служит и имеет жительство, а также с которого времени он начал посещать собрания Петрашевского и когда прекратил посещения оных?

[О.] Имени и отчества не знаю; а видел у Петрашевского одного Вернацкого, который, как тогда говорили, был здесь в Петербурге наездом из Казани, куда вскоре он и уехал, едва ли не в качестве профессора тамошнего университета; но какого предмета не знаю. Этому, я думаю, будет уже года с два. А. Баласогло.

III

Л. 83

[В.] Как имя и отчество Витковского, посещавшего собрания Петрашевского, какого звания, где служит и имеет жительство, а также не известно ли вам, с которых пор он начал посещать эти собрания и когда прекратил посещения?

[О.] В первый раз слышу эту фамилию. А. Баласогло.

IV

Л. 90

[В.] Известно, что на собраниях у Петрашевского бывал в числе других Григорьев. Объясните, не известно ли вам: имя, отчество и звание его, где служит и имеет жительство, а также с которого времени он начал посещать собрания Петрашевского и когда прекратил посещение оных?

[О.] Во все мое знакомство с Петрашевским я не видывал у него ни разу никакого Григорьева и даже не могу догадаться, о котором Григорьеве тут идет дело: об ориенталисте ли, который служит в Министерстве внутренних дел, или о молодом поэте Григорьеве, который года два—три как уехал в Москву, откуда он и приезжал сюда заниматься литературой. Ни тот, ни другой, сколько могу припомнить отзывов, не бывал у Петрашевского и до моего с ним знакомства. Других же Григорьевых я даже и не знаю. А. Баласогло.

V

Л. 66

[В.] Часто Л. Г. Дершау посещал собрания Петрашевского и какое он принимал в них участие?

[О.] Дершау являлся у Петрашевского весьма редко и с такими большими промежутками, что я не могу даже припомнить, когда он бывал или не бывал. Все, что мне удалось слышать из уст этого вообще, как мне показалось, неговорливого человека — это его защищение, в качестве журналиста, своей братии журналистов от нападков на последних со стороны писателей, в том числе, грешен, и от меня. А. Баласогло.

VI

Л. 100

[В.] Часто ли Владимир Кайданов посещал собрания Петрашевского и какое он принимал в них участие?

[О.] Кроме одного Кайданова, Николая Ивановича, я не знаю ни в лицо, ни по имени никаких других Кайдановых; правда, что слыхивал иногда от своего знакомого, что у него есть еще несколько братьев, но никого из них никогда не видал. У Петрашевского во все время моего с ним знакомства я никогда не встречал иного Кайданова, кроме Николая; и потому думаю, что, кроме этого, он ни с каким другим не знаком. А. Баласогло.

VII

Л. 108

[В.] Объясните, что известно вам о знакомстве писателя Лажечникова с Петрашевским и о сношениях их между собою?

[О.] В первый отроду раз слышу, что Петрашевский был знаком с Лажечниковым. А. Баласогло.

VIII

Л. 115

[В.] Часто ли Милютин посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Один из Милютиных, именно Владимир, третий по возрасту, бывал у Петрашевского, года два или еще более тому назад; но весьма не часто. Разговоров с ним там мне не случилось иметь, и я не помню, чтоб он чем-либо сделался там заметен. После нескольких посещений в ту пору, он, кажется, решительно уже ни разу не был у Петрашевского; по крайней мере я его не видел и не слышал, чтоб он ходил, от других. А. Баласогло.

IX

Л. 119

[В.] Часто ли г. Михелин посещал собрания Петрашевского и какое он принимал в них участие.

[О.] Михелин бывал у Петрашевского, сколько я знаю и помню, всего-навсего раза три, и это было в самом начале моего знакомства с Петрашевским, следовательно, года четыре тому назад; может быть, впрочем, и несколько ближе,— не ручаюсь. С тех пор я его никогда более у Петрашевского не видел и не слыхал от других, чтоб он ходил. В те же разы, когда он бывал, разговор крутился, как и большею частию и всегда, почти решительно об одной литературе и ее деятелях. А. Баласогло.

X

Л. 136

[В.] Не известны ли вам имена и отчества братьев Назаровых, посещавших Петрашевского, а также какого они звания, где служат и имеют жительство?

[О.] В первый раз слышу, что такие лица бывали у Петрашевского, и ни одного человека, носящего эту фамилию, не знаю. А. Баласогло.

XI

Л. 139

[В.] В бумагах ваших найдена записка к вам от г. Невельского. Объясните имя, отчество и звание Невельского, а также где он служит и имеет жительство, посещал ли он собрания Петрашевского и когда прекратил посещения?

[О.] Геннадий Иванович Невельский, капитан-лейтенант флота, командир военного транспорта «Байкал», отправился около года тому назад вокруг света к Охотским берегам, в непосредственное распоряжение г. генерал-губернатора Восточной Сибири, Муравьева. Он, состоя почти всю свою службу при его высочестве великом князе Константине Николаевиче и потому постоянно бывая в походах или проживая по службе в Кронштадте, не только никогда не бывал у Петрашевского, но смело могу в этом случае поручиться, даже едва ли и знает это имя. А. Баласогло.

XII

Лл. 140—140 об.

[В.] В бумагах ваших найдена записка от Невельского, который приглашал вас к себе, уведомляя при том, что у него будет Кузьмин, который непременно желает познакомиться с вами и переговорить об известном вам предмете. Имеете дать на сие объяснение. Причем поясните: кто именно этот Кузьмин?

[О.] Я кажется уже объяснился подробно по этому предмету. Я искал себе спутников в экспедицию для описания Сибири и Восточного океана, в том предположении, что Русское географическое общество, если решится на такое предприятие, предоставит мне же приискать себе и товарищей. В число семи главных членов этой ученой экспедиции, по моему проекту, который непременно должен быть в моих бумагах, предполагался и один офицер Генерального штаба. Когда Невельский, прочитав мой проект, согласился быть моим товарищем в этой экспедиции, в качестве морского офицера, он тут же вызвался мне представить офицера Генерального штаба, какого я бы не нашел лучше во всех отношениях. Будучи с Невельским лет 15 в дружбе и зная его, как самого себя, я вполне положился на его выбор. Это был Кузьмин, Павел Алексеевич, ныне штабс-капитан Генерального штаба. Дня через два или три после нашего свидания с Невельским, я получил от него эту записку. По ней я немедленно отправился к Невельскому и там сождав Кузьмина, с ним познакомился, получил его восторженное согласие на путешествие и в течение двух или более лет всякий раз на-

ходил, что выбор Невельского был как нельзя удачнее. Наши планы развеялись, как дым, Русским географическим обществом, которое решило, что эта мечта молодых фантазеров, и я не осмелился искать далее осуществления этой мечты. А. Баласогло.

XIII

Л. 152

[В.] Часто ли г. Петров посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Никакого Петрова я вообще не знаю и у Петрашевского в особенности не видывал. А. Баласогло.

XIV

Лл. 171—171 об.

[В.] Объясните: с которого времени и часто ли посещал собрания Петрашевского Петр Петрович Семенов и г. Ратовский, как имя и отчество сего последнего, а также какого они звания, где служат и имеют жительство?

[О.] Семенов, которого я заметил на вечерах у Петрашевского, был у него при мне всего-навсе раза три или четыре; но держал себя так скромно и так скоро исчез у меня из виду, что мне почти невозможно определить, когда я его видывал? Кажется, года полтора тому назад; впрочем, может быть и ближе — не ручаюсь. Более о нем я ничего не знаю. Что касается до г. Ратовского, такого лица я решительно никогда у Петрашевского не видал и здесь в первый раз в жизни слышу это имя. А. Баласогло.

[В.] То же объясните и об учителе Василии Васильевиче Лукине.

[О.] Василий Васильевич Лукин, учитель словесности в Псковской гимназии, живет во Пскове и с Петрашевским, сколько мне известно, вовсе не знаком. Ни до своего отъезда из Петербурга сначала в Вологду, а потом в Псков, ни в немногие и краткие свои приезды оттуда в Петербург для свидания с родными, он, как я знаю достоверно, у Петрашевского никогда не бывал и со мной о нем никогда не говорил: из этого я заключаю, что Лукин едва ли даже знает Петрашевского и по имени; впрочем — слухом земля полнится — может быть он и слышал это имя или даже и видел самого Петрашевского где-нибудь у других — в этом не могу ручаться. Только я все-таки опять возвращаюсь к своему: единственный человек, у которого, кроме меня, мог бы Лукин получить какое-нибудь сведение о Петрашевском, сколько мне известно, есть товарищ Лукин по воспитанию —

Толь, но и Толь никогда мне не отзывался, чтоб Лукин и Петрашевский сколько-нибудь знали друг друга... Иначе мне совершенно изменяет память. А. Баласогло.

XV

Л. 172

[В.] Известно, что на собраниях у Петрашевского бывал в числе других Петр Петрович Семенов 2-й. Объясните, не известно ли вам: где он служит, в каком чине и где имеет жительство? Когда зачал посещать собрания Петрашевского и когда прекратил посещения?

[О.] Одного Семенова я точно видывал у Петрашевского, раза три—четыре, если не ошибаюсь, в начале прошлой зимы, может быть и еще ранее, но более ничего о нем не знаю. А. Баласогло.

XVI

Л. 177

[В.] Как имя и отчество Семенéва, а не Семенова, бывавшего на собраниях Петрашевского, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Семенéва я не знаю: первый раз слышу эту фамилию. А. Баласогло.

XVII

Л. 194

[В.] Кто именно составил тот проект об освобождении крестьян, который был читан на собрании у Петрашевского, какого звания составитель этого проекта, где он служит и имеет жительство, а также посещал он эти собрания, когда и с которого времени прекратил посещения?

[О.] Ни о таком проекте, ни о его составителе ничего доселе не слыхивал: и даже не могу придумать, когда бы он мог быть читан? По крайней мере мне никто не говорил, что есть об этом предмете проект. А. Баласогло.

XVIII

Лл. 201—201 об.

[В.] Часто ли г. Ховрин посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие? Кавалергардского ее величества полка поручик.

[О.] Ховрина я помню, что видал у Петрашевского в самом начале моего с последним знакомства. Куда он делся с тех пор, я после не слыхивал. Держал он себя вообще

скромно и ни в какие суждения или прения не пускался. Видел я его всего раза четыре. А. Баласогло.

[В.] Это же сведение нужно об аудиторе Александрове.

[О.] Александров мелькал у Петрашевского в разное время, но так редко, что я не могу определить, когда именно; однако ж я думаю, в пределах между тремя и одним годом тому назад. Он вообще был весьма скромен. А. Баласогло.

[В.] О Николае Петровиче Семенове. О Петре Петровиче Семенове.

[О.] Я помню только одного Семенова, о котором я уже два раза отзывался, что видел его раза три у Петрашевского, года полтора или несколько менее тому назад. А. Баласогло.

[В.] Об учителе Ратовском. О г. Вернацком.

[О.] Фамилии Ратовского я доселе никогда не слыхивал и не могу придумать, кто бы это был. А. Баласогло.

Вернацкого, приезжавшего на короткое время в Петербург из Казани, я видел тогда, т. е. года два тому назад, всего раза два. Разговоров его не помню: знаю, что уехал в Казань для занятия там какой-то кафедры. А. Баласогло.

XIX

Лл. 227—232 об.

[В.] Сделайте объяснение о нижепоименованных лицах, бывавших у Петрашевского.

О Владимире Аристовиче Энгельсоне. Какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Прежде он служил в Министерстве иностранных дел в отделении у графа Лаваля и, как слышал, уже с год или более вышел в отставку. Более ничего не знаю.

[В.] О Петре Александровиче Мальте. Какого он звания и где служит?

[О.] Кажется, он кончил курс в Училище правоведения и нигде не служил; а занимался, сколько мне известно, на Невском у Беггрова, сниманием портретов.

[В.] О Владимире Геслере. Как его отчество, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Антонович; учитель словесности во 2-м кадетском корпусе; жил, не упомню улицу, за Владимирской, в доме, если не ошибаюсь, Тулубьева.

[В.] О коллежском секретаре Сидорове. Как его имя и отчество, где он служит и имеет жительство?

[О.] Кажется, Аполон Андреевич, остального не знаю.

[В.] О титулярном советнике Петре Владимировиче Веревкине. Где он служил и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Понятовском. Как имя и отчество его, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Нагурном. Как имя и отчество его, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Антон, отчество забыл; кажется, кончил курс юридических наук в СПб. университете и чуть ли не занимается ходатайством по делам; живет, если не ошибаюсь, в 5 роте Измайловского полка, дома не помню.

[В.] Об Александрове. Как имя и отчество его, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Имени и отчества не знаю; знаю только, что он, по выпуске в аудиторы, куда-то командирован.

[В.] О Стальницком. Как имя и отчество его, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Степанове. Как имя и отчество его, какого звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] Об Аслане. Как имя и отчество его, какого звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Яновском. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Назарове. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Петрове. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Взметневе. Как имя и отчество его, какого звания, где служит и имеет жительство.

[О.] Не знаю.

[В.] О Бурнашеве. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Войцеховском. Объясните то же.

[О.] Виктор Осипович, титулярный советник, служащий в СПб. главном архиве Министерства иностранных дел, живет в доме Дворянского собрания.

[В.] О Кошкареве 1-м. Объясните то же.

[О.] Владимир Сергеевич, дворянин, кажется еще продолжающий посещать лекции СПб. университета, живет на Большой Садовой в доме Аничкова. Впрочем, его фамилия Кошкаров, а Кошкаревых я не знаю.

[В.] О Кашкареве 2-м. Объясните то же.

[О.] Сергей Сергеевич, брат 1-го, еще ходит в 1-ую СПб. гимназию, живет там же с братом, в семействе, и у Петрашевского вряд ли когда-либо бывал. То же замечание, что и о 1-м.

[В.] О Макееве. Как имя и отчество его, какого чина, где служит и где имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Сипко. Объясните то же.

[О.] Я видывал несколько раз у Петрашевского какого-то Сипко, кончившего, как мне говорили, курс в СПб. университете; но тот еще в прошлом 1848 году в холеру умер.

[В.] О служащем в Министерстве иностранных дел Романовиче. Как имя и отчество, какого чина и где имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Литвинове. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Михелине. Объясните то же.

[О.] Одного Михелина я только и видел раза два у Петрашевского и то весьма давно: это цензора и переводчика в Министерстве иностранных дел. Больше не знаю.

[В.] О Дершау. Объясните то же.

[О.] То же и о Дершау, известном издателе бывшего «Финского Вестника», а потом «Северного Обозрения».

[В.] О братьях Стасовых. Как имена и отчества, какого они звания, где служат и имеют жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Рачинском. Как имя и отчество, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Гренкове. Как его имя и отчество, а также какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю.

[В.] О Полянском. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Михайлове. Как его имя и отчество, какого он звания, где служит и имеет жительство?

[О.] Михайловых, бывавших у Петрашевского, я знаю три брата; но ни имен, ничего остального о них не знаю, хотя со всеми несколько знаком; самый младший, кажется впрочем, еще студент СПб. университета.

[Б.] О Матрошенкове. Как его имя и отчество, какого он звания, где служит и где живет?

[О.] Не знаю.

[В.] О Сундукове 1-м. Объясните то же.

[О.] Не знаю.

[В.] О Сундукове 2-м. Как его имя и отчество его, какого звания, где он служит и имеет жительство?

[О.] Не знаю. Надворный советник Александр Баласогло.

[В.] Не известно ли вам, с которого времени каждый из

вышеупомянутых лиц начал посещать собрания Петрашевского и когда прекратил посещения этих собраний?

[О.] Энгельсона, Гесслера,[1] Веревкина и Михелина я видывал только в самом начале моего знакомства с Петрашевским т. е. года четыре тому назад; с тех пор, сколько мне известно, никто из них у Петрашевского не бывал; кроме Веревкина, который еще как-то раза два, года полтора или более тому назад было снова появился на моих глазах, но тут же опять и исчез, уехав, как я слышал, за границу. Мальте я видывал около того же времени и потом еще несколько раз вместе с Сипко, по возвращении Мальте из-за границы, куда он ездил лечиться; с начала холеры я уже ни того, ни другого у Петрашевского не встречал. Сидоров бывал у Петрашевского на моей памяти только раза три — не более, если не ошибаюсь, в начале прошлой зимы. Нагурный, Александров, Дершау и три брата Михайловы мелькали на моих глазах у Петрашевского; но так редко и с такими большими промежутками, что я о них ничего обстоятельного сказать не могу. Войцеховский, если не ошибаюсь, бывал у Петрашевского всего-навсе раза два — три, не больше, и то уже года три тому назад. Кошкаров 1-й, мой знакомый, сколько мне помнится, бывал у Петрашевского также всего раза два или три; а в какое время — не припомню; но, кажется, уже года два или около тому назад. Остальные двадцать лиц или вовсе никогда не бывали при мне у Петрашевского, или я не знал их фамилии и не заметил их присутствия. Большую часть этих имен я узнаю теперь впервые отроду. А. Баласогло.

10. 1849 г. августа 8. — Отношение за № 53 управляющего Министерством иностранных дел Л. Г. Сенявина к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 17, л. 188

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Присланные ко мне, при отношении вашего высокопр-ва от 3 сего августа за № 77, несколько копий с дипломатических депеш, принадлежащих министерству иностранных дел, найденных в бумагах взятого по распоряжению правительства и содержащегося в С. Петербургской крепости старше-

---

[1] *все фамилии подчеркнуты, Энгельсон и Гесслер выписаны на полях*

го архивариуса С. Петербургского главного архива, надворного советника Баласогло, мною получены.

О чем поставляя долгом уведомить вас, м. г., покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Лев Сенявин.

11. 1849 г. октября 21. — Подписка А. П. Баласогло, данная Военно-судной комиссии

Дело № 55, ч. 120, „Дело произведенное выс. учрежд. Военно-судной комиссиею над злоумышленниками". На 619 лл. Л. 478. Ответ—автограф

Г. надворному советнику Баласогло.

[В.] Высочайше учрежденная для суждения вас по полевым военным законам Военно-судная комиссия предлагает вам объяснить, не имеете ли вы, в дополнение данных уже вами при следствии показаний, еще чего-либо к оправданию своей вины представить?

[О.] Подтверждая все то, что было мною показано по чистой совести, прошу всепокорнейше только оказать мне милость и судить меня в моих душевных заблуждениях, так как я надеюсь, что в моих действиях нет ничего злонамеренного или преступного.

Надворный советник А. Баласогло

21 октября 1849 г.

12. 1849 г. ноября 3. — Протокол за № 12 Военно-судной комиссии[a)]

Ч. 120, лл. 554—555 об.

1849 года ноября 3 дня. Высочайше учрежденная Военно-судная комиссия над злоумышленниками, при окончательном обсуждении степени виновности каждого из подсудимых, рассмотрев во всей подробности относящиеся до них обстоятельства, находит, что подсудимые надворный советник Баласогло и коллежский секретарь Данилевский подвергнуты аресту по поводу посещения ими собраний подсудимого

---

a) *Помета:* По сему журналу писано г. военному министру от 4 ноября 1849 г.

Петрашевского. Но чтобы они это делали с особою целью, по следствию не оказалось, а обнаружено только то, что Баласогло, угнетаемый бедностью и неудачами по службе и относя все это к послаблению власти высших правительственных лиц, несправедливо порицал их действия и даже доверие к ним государя императора. Все это Баласогло показал не вследствие улик, но добровольно при первом допросе и изложил, так сказать, в виде исповеди все подробности его мыслей и действий, стараясь объяснить свое, как он выражается, «безысходное страдание». Действия подсудимого Данилевского, следствием доказанные, ограничиваются тем, что он, признавая первоначально систему Фурье удобоприменимою, желал ее распространения в России и потому в собраниях Петрашевского излагал основания той системы; потом, вследствие бывшего при нем у подсудимого Плещеева разговора о возможности печатать за границею, предполагал напечатать там подробное изложение упомянутой системы на русском языке; но впоследствии, убедившись в невозможности применения той системы в России, оставил свое намерение. Убеждением в добросовестности отзыва Данилевского служит то, что он, быв 7 апреля сего года приглашен на обед, бывший в квартире подсудимого Европеуса, уклонился от оного, в опасении, что при этом могли выразиться идеи социальные и политические. Принимая в уважение, что вышеизъясненные поступки подсудимых Баласогло и Данилевского не имели преступной политической цели и произошли не вследствие злоумышления, а по заблуждению, и имея в виду, что некоторые из арестованных вместе с ними и не менее виновные, по особой монаршей милости, уже освобождены из-под ареста, комиссия определила: повергнуть участь подсудимых Баласогло и Данилевского на всемилостивейшее государя императора благоусмотрение и всеподданнейше ходатайствовать об освобождении их из-под ареста с тем, чтоб во уважение чистосердечного их раскаяния и продолжительного заключения в крепости в каземате, прикосновенность их к настоящему делу не имела никакого влияния на их службу; но чтоб они, по примеру прежде освобожденных обвиняемых, подвергнуты были только одному секретному надзору.

При сем принимая в соображение, относительно надворного советника Баласогло, что гласное порицание главного начальства подчиненным лицом не может быть допущено ни в каком случае; а касательно коллежского секретаря Данилевского, что и самое добросовестное увлечение, противное законам, хотя бы и не имело вредных последствий, не может служить оправданием, Военно-судная комиссия полагает, если на представление об освобождении подсудимых Баласогло и Данилевского последует высочайшее соизволение, то

объявить им, что долговременное содержание в крепости вменяется им в заслуженное наказание.

Ген.-адъютант Перовский
Ген.-адъютант граф Строганов
Ген.-адъютант Анненков 2
Ген.-адъютант Толстой
Кн. Иван Лобанов-Ростовский
Сенатор т. с. Федор Дурасов
Сенатор Александр Веймарн
Обер-аудитор Востинский.

13. 1849 г. ноября 8. — Отношение за № 748 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому

Ч. 120, лл. 581—581 об.

Секретно

М. г., Василий Алексеевич!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему отношения вашего высокопр-ва, от 4 ноября, высочайше повелеть соизволил:

1. Освободить надворного советника Баласогло из-под ареста, согласно мнению Военно-судной комиссии, под председательством вашим высочайше учрежденной.

2. По освобождении из крепости определить его на службу в Олонецкую губернию, как за дерзость против своих начальников он, во всяком случае, подлежит ответственности и здесь оставаться не может.

О сей монаршей воле сообщая вашему высокопр-ву, а также уведомив гг. шефа жандармов, коменданта С. Петербургской крепости и министра внутренних дел для надлежащих распоряжений, честь имею присовокупить, что относительно коллежского секретаря Данилевского последует особое за сим высочайшее разрешение.

Примите, ваше высокопр-во, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. А. Чернышев.

14. 1849 г. ноября 9. — Отношение за № 442 коменданта С. Петербургской крепости И. А. Набокова к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому

Ч. 120, л. 585

Секретно

М. г., Василий Алексеевич!

Во исполнение высочайшего повеления, объявленного мне в предписании г. военного министра от 8 ноября № 750, со-

державшийся в С. Петербургской крепости надворный советник Баласогло сего числа от ареста освобожден и из списков об арестантах исключен.

Уведомляя о сем ваше высокопр-во, имею честь препроводить отобранную от г. Баласогло установленную подписку.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Иван Набоков

15. 1849 г. ноября 9. — Подписка А. П. Баласогло при освобождении из-под ареста

Ч. 120, л. 586. Подпись — автограф

1849 года ноября 9 дня, я нижеподписавшийся, при освобождении меня от ареста из С.-Петербургской крепости, дал сию подписку в том, что все расспросы, сделанные мне в высочайше учрежденных: Секретной следственной и Военно-судной комиссиях буду содержать в строжайшей тайне и обязуюсь впредь ни к какому тайному обществу не принадлежать; в противном же случае подвергаю себя ответственности по всей строгости законов.

К сей подписке надворный советник Александр Пантелеймонович Баласогло руку приложил.

ДЕЛО

Ф. Г. ТОЛЯ

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ Ф. Г. ТОЛЯ

16. 1849 г. мая 4. — Препроводительное отношение председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных, кн. А. Ф. Голицына, к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 22. „Следственное дело об учителе Главного инженерного училища Толе". На 98 лл. Л. 7. Копия

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Честь имею препроводить при сем к вашему высокопр-ву, при особых описях, бумаги: Петрашевского, Ястржембского и Толя, по содержанию их обратившие особенное внимание. К сему долгом считаю присовокупить, что за окончанием ныне разбора бумаг означенных лиц, приступлено будет к таковому же бумаг Чирикова.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал кн. Александр Голицын.

№ 12. 4 мая 1849 года.

17. 1849 г. мая 4. — Опись бумаг Ф. Г. Толя

Ч. 22, л. 9

Опись бумагам Толя, препровожденным при отношении № 12.

1. Русский перевод лекций Карла Бидермана в Лейпциге о социализме, с отметкою: конспект, сделанный в сентябре 1848 года.
2. Исторические рассуждения о начале и развитии народов.
3. Выписки из сочинений Фурье.

Д. с. с. Гедерштерн.

18. 1849 г. мая 4. — Бумаги Ф. Г. Толя, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных

1. 1849 г. не позднее 11 марта. — Ф. Г. Толь. Набросок речи о происхождении религии

Ч. 22, лл. 14—15 об. Автограф. Датирована речь на основании того, что произнесена Толем на собрании у Петрашевского 11 марта. Напечатано в сб. „Петрашевцы" под ред. П. Е. Щеголева, т. II, ГИЗ, 1927, стр. 163—166

Народ есть сумма неделимых, поэтому явления в народе имеют свое основание в природе неделимых. Так как религии рождаются на всех степенях[1] развития народов, что видно из того, что и самоеды и чукчи имеют свою религию и что христианская и магометанская религии родились у народов уже весьма образованных, то мы и должны определить их происхождение на различных ступенях общественного развития. Из этого увидим мы, что как, с одной стороны, религии народов неразвитых проистекают единственно[2] из чувства подавленности человека грубыми, но гигантскими силами природы, так, с другой, религии народов образованных имеют источник свой единственно в желании их основателей скрепить свои нравственные и гражданские кодексы внешним авторитетом. Вечно[3] чувствуя [себя] под влиянием внешней физической природы, человек до тех пор, пока еще не научился сам порабощать ее, поражен ею, как чем-то громадным, великим и грозным. Он невольно[4] противополагает себя ей, как бессильное, жалкое,[5] ничтожное существо, могущее быть уничтоженным малейшим переворотом в ней. Это непосредственное чувство своего ничтожества перед величием природы не связано ни с каким иным чувством или рассуждением. Только цивилизованный человек единовременно чувствует и мыслит и чувствуя не может не мыслить. Оттого он и не может представить себе чувства раздельно от мысли и даже предполагает, как все[6] психологи, что в основании каждого чувства лежит суждение. Суждение — разъяснение чувства; прежде существует чувство, а потом уже ум является для проверки его[7] и для показания, что оно имеет твердое основание. Так как человек дикий — то же, что дитя, потому что так же, как и оно, не испытывал еще своих сил, то, я думаю, лучше всего будет взять дитя и посмотреть, как в нем происходит процесс религиозный. Если[8] какой-нибудь предмет поразил дитя, то оно чувствует к нему боязнь, смешанную с уважением, напр., молния, розга, и во-

---

[1] *зач.:* образов [2] *вставлено* [3] *исправлено из:* всегда [4] *вставлено* [5] *исправлено из:* слабое [6] *вставлено* [7] *исправлено из:* чувств [8] *зач.:* на

все не старается [дойти?] до причины, по которой этот предмет так или иначе подействовал на него. Показывайте ему этот предмет со всех сторон, во всех его явлениях,[1] полезных и дурных, и дитя будет чувствовать к нему чувство религиозное, т. е. вместе и любить, и бояться его, т. е. поклоняться ему. Каким образом? внутренно[2] или внешне — в этом нет важности. Оставьте это дитя неразвитым,[3] и оно никогда не будет стараться искать какого-нибудь основания этому явлению и, следовательно, до самой гробовой доски будет[4] поклоняться самому явлению. Это[5] поклонение природе и ее частным явлениям у американских дикарей. Но самая жизнь развивает человека, на каждом шагу упражняя его[6] ум и беспрестанно вызывая его к деятельности. Видя, что всегда одно и то же явление следует за одним и тем же, человек свыкается с этим и когда видит одно — начинает непременно предполагать и другое. Так рождается в нем категория причинности, которую он мало-помалу начинает переносить и в те явления, которые[7] представляются ему непосредственно без предшествующих. Здесь является уже у него любознательность, которая[8] не довольствуется привычкою, а ищет оснований и источника. Но и теперь[9] еще он поклоняется только явлениям с тою разницею, что эти явления выше прежних. Сначала он поклонялся непосредственно тому, которое поражало его; теперь он нашел причину его в другом явлении[10] и[11] поклоняется этому, таким образом мало-помалу переходя от ближайшей к высшей причине, он на пути своем поклоняется каждой высшей ступени явлений, пока наконец[12] находит связь между всеми и[13] предполагает всем им один источник. Так родилась первая[14] индийская вера в Индру, так родилась первая египетская в...,[15] еврейская в Егову, которому предшествовали...[16]

Прежде народ не имел надобности в этом, потому что без[17] него тепло верил в своего бога, братски[18] любил своих ближних, был равен *им и свободен, значит обладал тем,[19] чего как[20] прекрасной, но отдаленной мечты добивается в на-

---

[1] *зач.:* хор [2] внутренно... внешне *вставлено* [3] неразвитым и оно *исправлено из:* необразованным, что [4] *зач.:* искать [5] это... дикарей *вставлено* [6] *исправлено из* в нем [7] *зач.:* явл [8] *зач.:* создает [9] *исправлено из:* здесь [10] *вставлено* [11] *зач.:* стал [12], [13] *зач.:* не [14] *вставлено* [15] *пропуск в подлиннике* [16] *пропуск в подлиннике*; *зач.:* Но параллельно с религиею, или лучше сказать, впереди ее развивается / в народе в своей / гражданская жизнь народа /. Становятся нужны законы, чтобы сдерживать [*зач.:* эту] необузданную массу народа, нужен нравственный и политический кодекс, предписывающий ей пределы. *Дальнейший текст:* Но логика бессильна... государственной жизни *перенесен* после следующего за ним: Прежде народ не имел... нравственных и политических [17] без него *вставлено* [18] *вставлено* [19] *исправлено из:* имел то [20] *зач.:* люб

стоящую минуту вся Европа, благосостоянием. Но вот это благосостояние нарушено вторжением чуждого народа, побеждающего его и полагающего начало [1] неравенству: [2] является сильный и слабый, из братьев люди [3] делаются членами каст, побежденный [4] становится рабом, а следовательно льстецом, человеком без убеждений. Рабство физическое [5] начинает вредно действовать на дух: теряется прежняя наивность, заставлявшая действовать всегда под влиянием одного побуждения природы, прежнюю энергию заменяет расслабление нравов. Народ гибнет — нужен избавитель. Нужен человек, который снова скрепил бы связь между человеком и природою, который нашел бы скрепляющую цепь между прежним наивным, натуральным [6] действованием и сознательным действованием под влиянием законов нравственных и политических. Но логика бессильна относительно большинства, авторитет [7] законодателя может пережить его только несколькими годами, а, между тем, по его убеждению законы его так совершенны, что должны завещать [8] невозмутимое благосостояние [9] народу. И так законодатель решается, из любви к своему народу [10] и чтобы укрепить за ним это благосостояние навсегда, на обман. Он видит, что авторитет должен иметь свое основание в самых верованиях народа, иначе народ не примет его, не примет, следовательно, и законодательства, связанного с ним. Религия, выработавшаяся из жизни самого этого народа, представляет ему такой авторитет в лице бога, Гома, [11] Ормузда, Еговы, Озириса; он низводит бога на землю, заставляет его из [12] любви к одному народу принять человеческий образ, говорить языком, доступным этому [13] народу, создать [14] для него кодекс морали и государственной жизни. Таким образом явились в критическую минуту Ману, Будда, Зороастр, неизвестный основатель египетской религии, Моисей, [15] Орфей, Гомер, [16] Христос. Все они старались подслушать таинственный голос минувшего, повествовавшего о философии природы, все старались отыскать [17] ключ к морали, которой главными задачами было установление равенства, братства и свободы между людьми, главною целью — благополучие людей. С тою разницею, [18] что один решал эту задачу и [19] думал достигнуть этой цели более духовным, другой — более материальным путем, один

---

[1] *исправлено из:* основание [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *вставлено* [4] *исправлено из:* покоренный [5] *исправлено из:* порабощение [6] *вставлено* [7] *зач.:* властителя [8] *исправлено из:* дать [9] *исправлено из:* счастье [10] *вставлено и зач.:* для [11] Гома, Ормузда *вставлено вместо зачеркнутого:* Бра / Парабрасны [12] из любви *вставлено вместо:* принять [13] *исправлено из:* одному [14] *зач.:* ему [15], [16] *вставлено* [17] *исправлено из:* втиснуть [18] *от слов:* Но логика бессильна *отмечено на полях красным карандашом* [19] *исправлено из:* этот вопрос

был решительнее, менее боялся разрушать старое,[1] другой хотел примирить свою мораль с существующим порядком вещей, найти точку соприкосновения рабства с свободою, братства с господством, равенства с кастами. Оттого, первый находил мало отголосков на своей родине, в стране,[2] где[3] начал проповедывать, второй,[4] заменяя зло злом, или лучше сказать, ничего не заменяя и не изменяя, только утверждал прежнее,[5] давал ему более прочное основание. Так Ману, явившийся тогда, когда Индия была уже порабощена неизвестными покорителями, и[6] из этого порабощения развилось как необходимое следствие различие каст.

19. 1849 г. не ранее 6 мая. — Показание Ф. Г. Толя

Ч. 22, лл. 1—6 об. Автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии, допрашивавшей Толя 6 мая

Я начну с знакомства своего с М. В. Петрашевским. Прежде еще отъезда моего в Астрахань, куда я был назначен по окончании курса в Главном педагогическом институте в[7] 1844 г., я видел однажды г. Болосогло у товарища моего, В. В. Лукина, и с первого раза[8] полюбил его как за ясный, отчетливый взгляд на вещи, так и за сердечность (cordialité), с которою он взялся хлопотать о том, чтобы начальство[9] оставило меня в Петербурге. Встретив его после этого однажды на улице, я пригласил его к себе. Таким образом началось наше знакомство без всякой задней мысли, без ясной цели, кроме разве удовольствия говорить с образованным человеком. А. П. Болосогло занимала в это время мысль о заведении, при содействии какого-нибудь капиталиста, типографии, книжного магазина и cabinet de lecture,[10] и NN[11] подавал ему надежду на осуществление этой мысли: видя, как А. П. Болосогло хлопочет об этом деле, притом и сам понимая сколько-нибудь полезность его,[12] я радовался от души успеху доброго начинания,[13] неудача, в котором подала повод к письму А. Пантелевича ко мне в Астрахань. По приезде из Астрахани и[14] по определении в Финляндский кадетский корпус, я снова увиделся[15] с г. Болосогло только на рождестве или в новый год (не помню!) 1846 г.[16] у него на квартире, куда я приехал с визитом. Я, все попрежнему,

---

[1] *вставлено* [2] *исправлено из:* отчизне [3] *зач.:* он [4] *исправлено из:* другой [5] *исправлено из:* старое [6] и... развилось *вставлено вместо зачеркнутого:* когда различие сословий [7] в 1844 г. *вставлено* [8] с первого раза *исправлено из* тотчас [9] *зач.:* меня [10] библиотека для чтения [11] Капиталист: фамилии не знаю, подробности не интересовали меня. *Примеч. подлинника* [12] *исправлено из:* этого [13] *исправлено из:* дела. В [14] *исправлено из:* я [15] *исправлено из:* встретился [16] 1846 г. *вставлено*

стремился в Петербург как для того, чтобы совершенно посвятить себя науке и воспитанию молодых людей, чего[1] не мог сделать в Фридрихсгаме, маленьком городке, так и для того, чтобы быть ближе к своим[2] родным, которые нуждаются в опоре и помощи моей. Вместе с тем и одною из главных причин[3] желания моего перейти в Петербург было и то, что я[4] не мог и так хорошо приноровиться к финляндскому юношеству и не знал общеупотребительного в Финляндии шведского языка и наконец желал читать словесность, которая в Ф[инлядском] корпусе читалась уже наставником — наблюдателем по этому предмету, так что я не мог надеяться на это. А. П. Болосогло согласился со всеми моими доводами на этот счет и, вероятно, желая, поскорее отделаться от меня, потому что хотел ехать куда-то, пригласил меня с собою в следующую пятницу к г. Петрашевскому, сказав, что зайдет за мною. В[5] пятницу, придя к Петрашевскому часов в семь вечера, я застал у него весьма немного (человек 5) гостей, а в нем самом[6] радушного хозяина. После того я успел еще однажды быть у него в каникулы того же года;[7] но потом потерял его из виду и снова зашел к нему уже в прошедшем году. Что касается до внешнего и[8] внутреннего состава собраний у г. Петрашевского, то я никак не могу назвать их обществом, понимая под обществом целое,[9] органически-связанное одною предпоставленною, лежащею в основании его[10] идеею,[11] и члены которого имеют каждый свои определенные отправления — обязанности, функции; потому что 1) почти никогда[12] не встречал у[13] него одних и тех же лиц два[14] раза сряду, за[15] исключением двоих или троих постоянных гостей, 2) никогда не слыхал о том, чтобы была какая-нибудь определенная цель собраний г. Петрашевского, напротив замечал совершенное отсутствие идеи связующей, потому что часто в[16] комнате было три, четыре разговора, из которых[17] ни один не становился[18] общим, и 3) никто не обязывался брать на себя никаких отправлений.[19] Так мне, по крайней мере, казалось, может быть потому, что я бывал у г. Петрашевского только раз (8) восемь или[20] (10) десять, и то обыкновенно приезжал весьма поздно, часов около 11 или даже около полуночи, и иногда просиживал по целым часам в другой комнате, если нужно было поговорить о чем-нибудь с одним из гостей. Так, напр.,

---

[1] чего... городке *вставлено* [2] *вставлено* [3] *зач.:* к [4] *зач.:* же [5] В пятницу *вставлено вместо*: Мы [6] *зач.:* весь [7] *отмечено на полях* [8] и внутреннего *вставлено* [9], [10] *вставлено* [11] *зач.:* це [12] *исправлено из:* ни однажды [13] у него *вставлено* [14] *вставлено вместо вымаранного слова* [15] за... гостей *вставлено* [16] в комнате *вставлено* [17] *исправлено из*: так что [18] *исправлено из*: был [19] *исправлено из:* обязанностей [20] или (10) десять *вставлено*

однажды, когда я желал поступить в Павловский институт учителем истории и старался открыть себе дорогу к г. директрисе института, я провел в боковой комнате часа два в разговорах об[1] этом с хозяином дома и с отдельными гостями, так что вовсе не слыхал, о чем шла речь, потому что за этими разговорами последовал ужин, а по субботам я должен был рано вставать и потому должен был торопиться домой. Кажется и многие другие приезжали к[2] г. Петрашевскому с целию увидаться с кем-нибудь для какого-нибудь частного дела,[3] лично только[4] до них самих касавшегося. Наконец, я имел в виду только одно — провести время, свободное от занятий, в разговорах с образованными людьми, а потому и не искал здесь ничего, кроме отдохновения и легкой умственной гимнастики,[5] заменяющей карты, что, впрочем, не исключает[6] и того, чтобы я с радостью принимал все полезные неизвестные еще дотоле мне вещи. Так, с большим вниманием слушал я вечера[7] два чтения г. Ястржембского, излагавшего историю политической экономии и при этом делавшего разбор политико-экономическим системам. *Не имея сам времени читать постоянно газеты и следить за событиями на Западе, с удовольствием прислушивался я к разговорам[8] о них, которые,[9] впрочем, бывали только раза три и всегда рождались случайно и скоро прекращались, потому что ограничивались только передачею новостей; да и никогда не становились общими. Весьма жалел я, что *не мог слышать[10] определения статистики г-ном Ястржембским, но я приехал так поздно, что застал только окончание его речи и[11] чтение, кажется, статьи г-на Дурова: биография Хмельницкого. Что касается до меня, то, занимаясь[12] в течение всего этого времени по 18 и 19 часов в сутки, в особенности в феврале и марте месяцах, когда[13] я переводил: о подражании Христу Фомы Кемп[ийского], я утомлялся до такой степени, что часто засыпал на диване и, следовательно, не мог выдерживать продолжительных диспутов, для которых нужна свежая голова и напряженное внимание. Помню только, что, вскоре по приезде моем из Фридрихсгама, т. е. *в прошедшем 1848 г., поспорил я с г-м Дуровым о Лермонтове и Белинском, а в последнюю пятницу, в которую я застал г-на Петрашевского говорящим о том, что наши писатели недостаточно глубоко изучают окружающую их действительность[14] и потому затрогивают в своих сочинениях вопросы, о которых у нас вовсе не может

---

[1] об этом *вставлено* [2] к г. Петрашевскому *вставлено* [3, 4] *вставлено* [5] *первоначально было:* гимнастики для ума [6] *исправлено из:* никогда [7] *исправлено из:* раза [8] *подчеркнуто* [9] *исправлено из:* что [10] *подчеркнуто, дальше отмечено на полях* [11] и... Хмельницкого *вставлено* [12] *исправлено из:* занятый [13] когда... Кемп. *вставлено* [14] *частью подчеркнуто, отмечено на полях*

быть речи,[1] к тому же наши[2] бельлетристы большею частию мало образованы, а потому *недостаточно[3] отличают существенное от несущественного и тем подают повод цензуре становиться строже,[4] чему[5] он привел в доказательство, кажется, повести г-на Достоевского в противоположность повести Занда и Сю, — я довольно жарко вступился за Сю, против которого стал говорить г-н Дуров. Однажды также *спорил я[6] с г-н Дуровым и Достоевским о том, должна ли изящная[7] литература иметь цель свою в одном осуществлении идеи прекрасного, или[8] может иметь ее и вне этого заколдованного круга,[9] отвлеченного германскими эстетиками, при чем я держался мнения, что литература должна идти об руку с действительностью и что поэт должен быть прежде всего сыном своего отечества, ко благу которого должен клонить всю свою деятельность, между[10] тем мои противники говорили, что она должна возводить[11] действительность к сознанию. Ниже осмелюсь я высказать свой взгляд на благо моего[12] отечества. Вопросы же чисто социальные, как напр., о равенстве прав всех на пользование благами и др., при мне никогда, никем не затрагивались. Когда же, не помню по какому поводу и в которую пятницу, разговор коснулся Фурье, то принимали в нем участие только двое или трое, а прочие молчали, и говорившие, из которых был и г. Петрашевский, вовсе, повидимому, не имели в виду вербовать последователей этой системе или применять ее к России. В том же тоне было однажды говорено и о банках[13] работников для освобождения их от влияния фабрикантов. Однако этот[14] последний разговор заставил меня полюбопытствовать прочесть «Sur l'organisation de la liberté et du bien-être général». Прочив эту книжку, я сказал, однажды утром заехав к г. Петрашевскому: «А что, если бы завести у нас такие банки? Только в России необходимо, чтобы за это взялось правительство: тогда мы опередили бы в несколько лет Европу образованностью и промышленностью». Г. Петрашевский отвечал мне на это: «Да, я думаю, если бы правительство захотело взяться и за постройку фаланстерии, то и это принялось бы у нас скорее, нежели где-нибудь». Из этих слов г. Петрашевского и из обыкновенного тона речей его я заключил, что он[15] имеет вовсе не возмутительные идеи; потому что в противном случае никогда не ходил бы к нему.[16]

---

[1] Напр., эманципация женщин. *Примеч. подлинника* [2] наши... частию *вставлено вместо зач.:* еще [3] *вставлено* [4] *подчеркнуто* [5] чему он *вставлено вместо зач.:* о / и [6], [7] *вставлено* [8] *зач.:* во внешней действительности [9] *отмечено на полях* [10] между... сознанию *вставлено* [11] *зач.:* только [12], [13], [14] *вставлено* [15] *зач.:* вовсе не [16] Впрочем, такого рода идеи и не высказываются, по моему мнению, человеку, в убеждениях которого

* Что касается до религиозного вопроса,[1] о котором я однажды имел неосторожность проговориться у г. Петрашевского, как о вопросе, *весьма занимавшем[2] меня, то вот как дело было.

Давно, уже с 1842 г., меня занимал этот вопрос, к изучению которого научным образом привела меня история философии. Не нашед во всех метафизических системах германских, английских и французских философов того решения этого[3] вопроса, которого я ожидал, решения живого, жизненного, я, по окончании курса, стал довольно прилежно заниматься историею[4] и в особенности историею просвещения у различных народов; целью же моею было все-таки разрешение религиозного вопроса. Что эти занятия мои, однако, не отрывали[5] меня от исполнения[6] обязанностей, это доказывается тем, что я, будучи еще студентом, перевел юридическую пропэдевтику профессора Штекгардта, служа в Финляндии, прочитал все, что было издано по части моего предмета преподавания, постоянно следил за русскими[7] журналами, делая из лучших статей выписки, написал сам несколько статей, с переезда же в Петербург составлял записки словесности, грамматики, перевел четыре части Фомы Кемпийского и помогал сестре в переводе «Récreations morales» г-жи Гизо. Таким образом, для решения[8] религиозного вопроса отрывал я часы от сна, почти никуда не ходил, что доказывается тем, что в Финляндии я имел только один, а в Петербурге два знакомые дома. Но как этот вопрос весьма широк и обнимает всю первоначальную жизнь народов, то я не предвидел еще скорого окончания своего труда, да и не торопился, потому что находил в нем истинное наслаждение; тем[9] менее мог, следовательно, взять на себя решение этого вопроса[10] для других. Но однажды, когда М. В. Петрашевский спросил меня, чем я занимаюсь,[11] я отвечал, что читаю теперь *историю иезуитов[12] Quinet, он стал уговаривать меня поговорить об этом вопросе у него в пятницу. Пришед домой, я набросал несколько мыслей *без связи и не справляясь ни с какими книгами, а как пришли мне в голову отрывки из учения Фейербаха и Бауера,[13] которых вдобавок я еще и не счел нужным читать вполне, почему и прочел одного в извлечении в «Revue indépendante», а о другом только[14] критическую статью, кажется, в том же журнале. *Я предполагал переде-

---

еще не вполне уверен. По крайней мере, таких близких сношений не имел я с М. В. Петрашевским, а еще того менее с кем-либо из его гостей. *Примеч. подлинника*

[1] *подчеркнуто* [2] *исправлено из:* который весьма занимал [3] *вставлено* [4] *отмечено на полях* [5] не отрывали *исправлено из:* были [6], [7], [8] *вставлено* [9] тем... следовательно *исправлено из:* не мог также [10] *зач.:* при [11] *зач.:* и [12] *подчеркнуто* [13] *отмечено на полях* [14] *вставлено*

лать эти отрывки[1] т. е. сделать из *них что-нибудь вроде разбора трех главных современных[2] систем феологических,[3] но, по недостатку времени и потому, что чувствовал себя еще довольно слабо подготовленным к тому, и, наконец, из опасения: *вместо добра не сделать бы зло,[4] т. е. — вместо того, *чтобы лишить эти системы влияния, не возбудить бы[5] любопытство и не увеличить круг их читателей, которые, если не будут основательно подготовлены к такому чтению, легко сделаются последователями, я оставил дело.[6] А когда пришла следующая пятница, то зная, что г. Петрашевский ожидает от меня исполнения моего обещания, слегка поговорил об[7] этом, взяв за канву ту бумагу, но высказывая все это отнюдь не за свои мнения, а за мнения названных философов. Поэтому, как я не высказал окончательно своего мнения, обещаясь его позже, когда изложу историю[8] религий, то слова мои и не послужили поводом к спору, а приступлено было, кажется, к чтению какой-то русской статьи. С этого вечера я стал избегать и намеков на свое обещание и стал ездить еще позже[9] прежнего и чаще манкировать вовсе, так что после этого был у г. Петрашевского всего раза два или три. Из бывавших у г. Петрашевского я почти никого не знаю и не встречал вне его дома, — да и там видал многих только по два и по одному разу. Поэтому не могу ничего *сказать о их образе мыслей, а с другой стороны не находил нужным поверять и им своего.[10] Между ними заметил я людей с большими дарованиями, но в большей части недозрелость понятий, желая выставиться вперед, во всех же — пламенную любовь к отчизне, к истине, ко всему благородному, высокому. Иначе это не могло и быть, потому что хозяин дома человек весьма образованный и благородный, сколько я мог судить в короткое время нашего знакомства.[11] Говоря что-нибудь таким людям, я мог следовательно, с одной стороны, скорее сам ожидать от *них чего-нибудь нового, нежели надеяться сказать им новое,[12] с другой стороны, был вполне вправе требовать от[13] них благоразумия и твердого желания дойти до корня истины, а не полагаться на мои слова, следовательно, без опасения большого соблазна, высказать свое мнение. Но *я побоялся и тени соблазна, а что начал решать религиозный вопрос, то это была опрометчивость в даче слова и ложная совестливость в исполнении его. Тем более боязлив был я в

---

[1] *подчеркнуто* [2] *вставлено* [3] *подчеркнуто* [4] *подчеркнуто;* не сделать бы зло *исправлено из:* сделать зло [5] *исправлено из:* возбудить [6] *отмечено на полях* [7] об этом *вставлено* [8] *зач.:* всех [9] позже прежнего *вставлено вместо зачеркнутого:* реже обыкновенного [10] *подчеркнуто* [11] *отмечено на полях* [12] *подчеркнуто* [13] от них *вставлено*

высказывании каких-нибудь [1] мнений там, где мог опасаться, [2] большого соблазна. [3]

Итак, по моему мнению, при котором я остаюсь еще и до этой минуты, общества г. Петрашевского [4] не было; а были вечера, на которых обсуживались хладнокровно и беспристрастно различные современные вопросы. *Что между ними встречались и социальные вопросы, [5] что эти социальные вопросы решались по [6] социальным системам, это я сказал; но чтобы общество собиралось только с целию решать т а к и е вопросы и решать их и з в е с т н ы м образом, следовательно, чтобы эти вечера имели целью распространение социальных идей — этого я не могу подтвердить, потому что не знаю. Могу только с чистою совестью и положа руку на сердце *сказать, что, если, изучая социальные системы [7] по Lärmann'y из одной [8] любознательности, и я иногда вздумывал [9] сделать применение какой [10]-нибудь части их к России, то самым прямым путем всегда являлось мне — предоставить заботу об этом правительству. [11] Что же касается до моих личных убеждений религиозных, политических и нравственных, то да будет дозволено мне высказать их здесь. Всевидящий да будет [12] свидетелем [13] истинности моих слов! Хотя в жизни моей бывали минуты, в которые молодой, кичливый ум требовал нераздельной власти над моим духовным миром и *отвергал все, непосредственно данное, все откровенное, [14] однако это были только минуты, [15] которые едва ли не всякий имел. Даже Губер, который и по званию отца [16] пастора в Москве, должен был воспользоваться самым глубоко религиозным воспитанием и сам был весьма религиозен по убеждению и [17] по характеру; и Губер признается в одном из своих писем (напечатанных в «С.П[етер]бургских Ведомостях») в этих минутах колебания и безверия. Но если и у меня бывали эти минуты, то я надеюсь и верую, что они заглажены другими, *в которые я проливал горькие слезы раскаяния, в которые я молился и внутренно чувствовал, что молитва моя услышана всеблагим отцом моим на небесах. Вероятно, [18] и в бумагах моих найдутся отрывки моих «религиозных размышлений», которые я думал со временем издать, но которые потом растерял; также должно быть несколько плохих стихотворений, свидетельствующих о глубине моей

---

[1] каких-нибудь *исправлено из:* своих [2] *исправлено из:* бояться [3] *частью подчеркнуто и отмечено на полях* [4] *вставлено* [5] *подчеркнуто* [6] *зач.:* каким-нибудь [7] *подчеркнуто; до слов:* моих личных убеждений *отмечено на полях* [8] *исправлено из:* чистой [9] *исправлено из:* приходило мне на ум [10] какой... части *вставлено* [11] *подчеркнуто* [12] *зач.:* мне [13] *зач.:* в [14] *подчеркнуто, вся фраза отмечена на полях* [15] *зач.:* от [16] *зач.:* который был [17] и по характеру *вставлено* [18] *исправлено из:* я думаю

веры. Одно из них—помню—начинается словами: бог всемогущий[1] наслал на тебя гоненье. Смею напомнить также еще раз о «Подражании Христу», которое я перевел и к которому написал предисловие: оно, я думаю, теперь в цензурном комитете. Наконец, вера, одна вера поддерживала меня это последнее время, когда несчастия обрушились на меня, когда совершенная безвестность о судьбе моих родных, а в особенности родителей и старшей сестры, беспредельно любящей меня, и может быть умерших по получении нечаянной вести о моем заключении, ежеминутно ввергает меня в состояние, близкое к отчаянию. Я верую, что всеведающий покажет судьям моим чистоту моих намерений и желаний и чистосердечие моего признания. Не принадлежа ни к *одной из так называемых школ, образовавшихся у нас в последнее время,[2] я составил себе особенное, свое собственное политическое[3] мнение и, думая написать со временем историю просвещения в[4] России, хотел провести через нее свою мысль.[5] Мне кажется, что ни у одного народа на Западе (не говоря уже о древних) просвещение не истекало так прямо от верховной власти, как на Руси; не буду распространяться об этом, потому что это очевидно и давно сказано и доказано. Но из этого[6] убеждения выходит у меня другое: что если просвещение должно идти вперед в России, то источником прогресса[7] и впоследствии будет самодержавная власть, которая источник его в настоящую минуту. Я смотрел, следовательно, на верховную власть в России, как на залог будущего ее полного развития, и думая о каком-нибудь шаге в развитии России, всегда считал[8] его связанным с нею и обусловленным ею. Заимствовать добро, по моему мнению, надобно, не взирая на источник его, тем более, если источник не грязен; а *социализм, если может быть осужден, то никак не со стороны благородства его[9] целей, а разве со стороны логичности его.[10] Итак, я желал заимствовать из социальных систем все, что *они имеют в себе осуществимого для России, с восторгом услышал бы, что в России, есть банки для рабочего класса, что пролетариату совершенно заграждена путь в наше отечество и т. д., но никак не мог бы думать и никогда не думал, чтобы это могло быть осуществлено частными лицами, а всегда желал и с терпением намерен был ждать, чтобы этим занялось правительство. Все доброе, сделанное в последнее время царствования нашего августейшего монарха, подавало мне надежду и на осуществление[11] того, что остается еще сделать, и заставляло меня молить провидение, да продлит оно дни на-

---

[1] *отмечено на полях* [2] *зач.:* потому что [3, 4] *вставлено* [5] *подчеркнуто* [6] *зач.:* же [7] *исправлено из:* его [8] *исправлено из:* соединял [9] его целей *вставлено* [10] *подчеркнуто и отмечено на полях* [11] *вставлено*

шего надежи-государя и да руководит им к той цели, к которой и до сих пор вел он Русь — к счастию и славе. Я же сам имел только одно пламенное желание доказать мою непоколебимую преданность к престолу, посвящая все мои часы на то, чтобы воспитать новое поколение верных слуг ему. И если бы, несмотря на предубеждение против меня моих высоких судей, невинность моя была доказана, то я надеюсь, что я стер бы и тень подозрения меня в недоброжелательстве или[1] неполной преданности к благоверному государю нашему, Николаю Павловичу, и что через какой-нибудь год с помощию божиею моя[2] «История просвещения[3] России» доказала бы совершенно противное тому, в чем меня обвиняют. Да, если бы кто-нибудь мог заглянуть в мою душу, то он убедился бы, что не сродно голове[4] моей думать чтобы кто-нибудь мог более сделать для просвещения[5] России, нежели тот, кто начал строить первые железные дороги в России, кто так украсил Петербург, кто был источником стольких сочинений, имеющих в виду наше народное развитие, кто так умел поощрять таланты, так выбирать министров, наконец, так поддерживать и направлять воспитание молодого поколения, при ком явилось столько обществ с научными и благотворительными целями. Я всегда считал людей, желающих внезапного и насильственного переворота, честолюбцами, надеющимися таким путем легче достигнуть своих личных целей; но сам, как по характеру более склонному к уединенной жизни и даже несколько боязливому в обществе, так и по искренности своих убеждений и по любви к моему отечеству, никогда не был и не мог быть честолюбцем такого[6] рода. Мое единственное желание было всегда — поставить себя на такую точку, чтобы я мог беспрепятственно трудиться на поприще, избранном мною.

Учитель Ф. Толль.[7]

20. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу Ф. Г. Толя

Ч. 22, лл. 17—37 об. Основание для датировки указано в легенде к документу 6

Толь

учитель

Донесение Антонелли

Толь, по донесению Антонелли, был у Петрашевского на собраниях 11, 18, 25 марта, 1, 8, 22 апреля и у Кузьмина 16

---

[1] или... к *вставлено* [2] *вставлено* [3] *зач.:* в [4] *исправлено из:* логике [5] *зач.:* в [6] такого рода *вставлено* [7] *на 1-й странице приписано:* Я не мог переписать, потому что недостало бумаги и времени. Ф. Толль.

апреля.[1] В собрании 11 марта (стр. 131)[2] Толь говорил речь о происхождении религии и доказывал, что религия не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна потому, что подавляет развитие ума и проч. Речь Толя произвела всеобщее одобрение.

В собрании 18 марта (стр. 147) Ястржембский говорил речь о науках, объясняя, что наука и в особенности статистика показывают прямо на социальное правление, как наилучшее; далее, сравнивая разные правительства, сказал: «наше государство имеет целью подчинить достоинство всех людей выгоде и пользе одного». Вообще он восставал на сановников и даже на государя.

В собрании 25 марта (стр. 175) говорено о том: каким образом должно восстановлять вообще подведомственные лица противу властей. Дуров утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т. е. в законе и государе, и делал доводы. Филипов, Кайданов, Баласогло, Берестов и еще кто-то говорили, что, напротив, должно вооружать подчиненных противу ближайших властей и, восходя постепенно, внушить им и показать, что самое-то зло происходит не от ближайшей власти, но от высшей, и таким образом, как бы ощупью, довести их до самого начала зла. При этом Филипов прибавил: «система нашей пропаганды есть наилучшая и отступать от нее, значит отступать от возможности исполнения наших идей».

В этом же заседании, после чтения «предисловия к сочинениям Хмельницкого», написанного Дуровым, Петрашевский, благодаря сочинителя, прибавил, что «все должны стараться писать в подобном духе, потому что цензура вымарает десять — двадцать мыслей и идей, но пять все-таки да останутся». В собрании 1 апреля (стр. 215) Петрашевский разбирал три вопроса: о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и об освобождении крестьян. Он говорил, что вопрос о свободе книгопечатания не есть вопрос первой важности, что если свобода мышления и книгопечатания и может принести много пользы как для образованности, так и для лучшего всеми желаемого правления, но, вместе с тем, оно может принести много и вреда. Что так как перемена судопроизводства есть желание почти 60 милл. людей, т. е. всех обитателей России, то он и поставлял его вопросом первой важности и приглашал всех и каждого, по мере возможности, к осуществлению сего вопроса. Причем он полагал, что требовать сего от правительства не надо, а, напротив, некоторым представителям какого-нибудь сословия — просить, имея при

---

[1] *в тексте ошибочно:* марта [2] *цифры обозначают страницы части дела 2-й «Предварительные сведения по донесениям агентов"*

этом в виду ту важность, что правительство, и отказавши, и удовлетворивши просьбе, поставит себя в худшее положение: отказавши в просьбе сословию, оно вооружит его противу себя, и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит и себя и даст возможность требовать большого, — и все-таки идея наша идет вперед.

Вопрос об освобождении крестьян он поставлял вопросом второй важности и доказывал, что от первого страдают все, а от последнего только 12 милл. человек, и что, достигши цели улучшения судопроизводства, последние два вопроса необходимо уже выльются сами по себе.

В это же собрание Головинский говорил, что «перемена правительства не может произойти вдруг и что сперва должно утвердить диктатуру».

Петрашевский сильно возражал против этого и в заключение сказал, «что он первый подымет руку на диктатора».

В собрании 8 апреля (стр. 267) разбирали сочинения Фурье, Прудона и говорили о Ламартине; после сего Ястржембский говорил, что как он ни патриот Польши, но готов пожертвовать и ею, если[б] знал, что она может служить преградою к развитию общечеловеческих идей. Потом Ястржембский старался убедить присутствующих в том, что «простой народ принципом зла непременно понимает государя», и приводил в пример разговор свой с извощиком, которого старался возбудить к неповиновению и восстановить против помещиков и властей. После сего говорил Кузьмин и другие об этом же предмете, но говорили, что русский народ боготворит государя.

В собрании 22 апреля Петрашевский говорил о том, каким образом должны поступать их литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике. Речь сию Петрашевский заключил тем, что должно непременно составить журнал на акциях. Дуров возражал, что журнал на акциях есть химера и что на цензоров должно действовать не убеждением, а обманом, воровски, так, чтобы из множества идей хотя одна проскочила и проч.

В собрании у Кузьмина 16 апреля (стр. 303) Белецкий говорил, что он преподает историю в 1-м кадетском корпусе, что у него есть класс, который приготовлен по программе ген.-адъютанта Ростовцева и по собственным его убеждениям, и что он надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут, наконец, Россию вперед.

Сверх этого, из донесений Антонелли видно: Толь (стр. 183) около двух лет тому назад, при выезде его из Астрахани (прежняго места служения его) получил от учителя Колесникова, с которым он был в дружбе, — человека с идеями и характером, но ипохондрика и вместе с тем большого пьяницы, — письмо к брату его, находящемуся игуменом в ка-

ком-то монастыре г. Воронежа. Представившись к этому Колесникову, Толь нашел человека с идеями чисто либеральными, хитрого и двуличного, который сперва служил в каком-то кирасирском полку и был известен своими шалостями.

Колесников принял Толя, как друга своего брата, и после обеда рекомендовал его своему служке из военных, которого Колесников обратил на свой образец с обещанием дать ему ход, чтобы он впоследствии обращал ему подобных.

На вопрос Антонелли (стр. 185) о славянофилах, Толь объяснил, что это общество основано на глупейших началах, потому что отвергает заслуги Петра Великого; что оно стремится к соединению всех славянских племен и, будучи рассеяно по всем уголкам Европы, представителем своим имеет Мицкевича и что правительство преследует это общество (стр. 186). О Черносвитове Толь говорил, что он состоит в их обществе и теперь проживает в Сибири. (Стр. 187). Толь жаловался, что, читая историю у военных кантонистов, он ничего не мог сделать в пользу общества, потому что для этого предмета назначено мало времени; что он просил барона Зедделера о дозволении проходить историю в нижнем и высшем классе по частям, и барон обещал устроить все по его желанию; что он, Толь, будет читать историю по самой ортодоксальной книге, а рассказывать ее — сообразно с планом общества. (Стр. 188) Толь нападает почти на всех тех, коим вверена власть присмотра над воспитанием, говоря, что они по большей части дураки и поступками своими приносят пользу не правительству, а нашим идеям, вооружая молодых людей противу себя и глупых уставов, ими же составленных. Особенно Толь нападал на ген.-адъютанта Я. И. Ростовцева. (Стр. 189) Толю чрезвычайно хотелось поступить в Павловский институт. Он говорил, что идеи женщин гораздо скорее расходятся и прививаются и что, если бы он мог обратить хотя двух умных и с характером женщин на свою сторону, то они бы отвечали за 500 мужчин. К этому Толь прибавил, что общество их много хлопотало, чтобы ввести в собрания Петрашевского несколько женщин. (Стр. 227) Толь рассказывал Антонелли, что однажды Кропотов привез на собрание к Петрашевскому Толстого, у которого с Толем завязался спор.[1] Толстой говорил, что наше правительство поступает в Остзейских губерниях очень слабо, а Толь напротив возражал, что оно поступает там варварски и что он очень бы рад был видеть там даже какое-нибудь волнение, потому что оно было бы полезно и для России, дав ей в некотором смысле толчок. По оконча-

---

[1] Толстой (губернский секретарь) в донесении Антонелли назван ошибкою Толем 2-м, эта ошибка оговорена на странице 312 донесений. *Примеч. подлинника*

нии собрания Толь и Толстой вышли вместе и, продолжая спор, дошли до ругательств. Наконец, Толстой вызвал Толя на поединок. Толь прежде на это не соглашался, говоря, что желает, дабы общество его решило, должен ли принять вызов, или нет; но потом просил Петрашевского быть его секундантом и устроить это дело так, чтобы оно не наделало шуму. Однако же эта дуэль не состоялась, потому что когда Петрашевский приехал к Толстому, то не застал его дома; а Толстой при встрече после того с Толем всегда старался отвертываться и показывал вид, как будто его не замечает.

(Стр. 271) Толь рассказывал, что профессор С.Петербургского университета Порошин однажды на лекции, разбирая характеристику памятников, сказал про Александровскую колонну, что это: столб столба столбу.

(Стр. 300) Толь хотел пригласить на новоселье к Антонелли, 17 апреля, несколько человек от себя и в том числе одного поляка Кимпинского, который, по словам его, предан своему отечеству до невозможности.

(Стр. 135) Толь, будучи несколько разгорячен напитками, рассказывал о себе, что он много жил, кутил, играл, одним словом много делал глупостей, которые не обходились ему даром, и потому много страдал и перенес ударов судьбы; что силы его истощились, свет и люди надоели; что он ни во что не верует, готов на все и с нетерпением ожидает, чтобы скорее прервалась, нить, привязывающая его к жизни (это его отец и мать), а потом пулю в лоб и все кончено.

(Стр. 147) Толь говорил о Петрашевском, что он человек, который для того только живет, чтобы осуществить свои идеи.

(Стр. 227) На вопрос Антонелли о цели общества Петрашевского, Толь объяснил, что цель общества состоит в приготовлении способных людей на случай какой-нибудь революции, чтобы при избрании нового рода правления не было недоумения и различия мнений, но чтобы большая часть уже были согласны в общих началах, и, наконец, приготовлять массы к восприятию всяких перемен.

Показания свидетелей

Из обвиняемых лиц Ястрежембский, Момбелли, Ахшарумов и Ламанский показали, что Толь читал у Петрашевского рассуждение о религии, производя ее от чувства боязни, а Филипов удостоверяет, что он с Толем спорил. Толь говорил, что народы дикого состояния бывают подавлены внешней природой; что чувство их основывается на страхе перед мощными силами природы и что основатели различных религий (Зороастр, Магомет и проч., кроме божественного основателя христианской религии) сами не веровали в те божества, поклонение которым проповедывали, но что в этих вы-

мышленных божествах они искали только какого-то внешнего авторитета, для поддержания своих нравственных правил, которые они старались вселять в умы народа, присовокупив, что народы никогда не могли дойти до того, чтобы создать себе богов или постичь истинного бога, если бы понятие о божестве не сообщали народам основатели религий.

Но Филипов противу сего возражал, доказывая, что в порождении религиозного чувства участвует и чувство величия природы; что эти идеи зарождаются в уме массы народа и развиваются исторически подобно другим понятиям и что основатели религий только яснее сознают те же самые идеи, глубоко веруют в их истинность и, соединяя таким образом ясность понятий с твердостию убеждений, приобретают влияние на умы народа.

Г. статс-секретарь кн. Голицын доставил найденные между бумагами у Толя:

1) Русский перевод лекций Карла Бидермана, в Лейпциге, о социализме, с отметкою: конспект, сделанный в сентябре 1848 года, в заключение которого сказано: «и так социализм не химера: в его основании глубокие истины, благородные, высокие цели. Социальное движение не может пройти без следов, оно открыло новые пути, новые цели идеям прогресса и реформы и показало многое в новом свете. Но мы не должны слишком увлечься этим движением и по причине его бросить наши стремления по прогрессу в области политики, ремесл и народного хозяйства; ибо я думаю, что народ должен быть приготовлен политическим устройством к социальному перевороту. При том надобно дозволить свободное обсуждение этих вопросов как изустно, так и письменно.

2) Историческое рассуждение о начале и развитии народов, в котором, между прочим, изъяснено: «Так родилась первая индейская вера в Индру; так родилась первая египетская в...[1] еврейская в Егову, которому предшествовали...[2] Но логика бессильна, относительно большинства, авторитет законодателя может пережить его только несколькими годами, а между тем, по его убеждению, законы его так совершенны, что должны завещать невозмутимое благосостояние народу. Итак, законодатель решается, из любви к своему народу и чтобы укрепить за ним это благосостояние навсегда, на обман. Он видит, что авторитет должен иметь свое основание в самых верованиях народа, иначе народ не примет его, не примет, следовательно, и законодательства, связанного с ним. Религия, выработавшаяся из жизни самого этого народа, представляет ему такой авторитет в лице бога, Гома, Ормузда, Еговы, Озириса; он низводит бога на землю, за-

---

[1], [2] *пропуск в тексте*

ставляет его из любви к одному народу принять человеческий образ, говорить языком, доступным этому народу, создать для него кодекс морали и государственной жизни. Прежде народ не имел надобности в этом потому, что без него тепло верил в своего бога, братски любил своих ближних, был равен им и свободен, значит обладал тем, чего как прекрасной, но отдаленной мечты добивается в настоящую минуту вся Европа, — благосостоянием. Но вот, это благосостояние нарушено вторжением чуждого народа, побеждающего его и полагающего начало неравенству: является сильный и слабый из братьев, люди делаются членами каст, побежденный становится рабом, а следовательно льстецом, человеком без убеждений. Рабство физическое начинает вредно действовать на дух: теряется прежняя наивность, заставлявшая действовать всегда под влиянием одного побуждения природы, прежнюю энергию заменяет расслабление нравов. Народ гибнет — нужен избавитель. Нужен человек, который снова скрепил бы связь между человеком и природою, который нашел бы скрепляющую цепь между прежним наивным действованием и сознательным действованием под влиянием законов нравственных и политических. Таким образом явились в критическую минуту Ману, Будда, Зороастр, неизвестный основатель египетской религии, Моисей, Орфей, Гомер, Христос. Все они старались подслушать таинственный голос минувшего, повествовавшего о философии природы, все старались отыскать ключ к морали, которой главными задачами было установление равенства, братства и свободы между людьми, главною целью благополучие людей. С тою разницею, что один решал эту задачу и думал достигнуть этой цели более духовным, другой более литературным путем, один был решительнее, менее боялся разрушать старое, другой хотел примирить свою мораль с существующим порядком вещей, найти точку соприкосновения рабства с свободою, братства с господством, равенства с кастами. Оттого первый находил мало отголосков на своей родине, в стране, где начал проповедывать, второй, заменяя зло злом или лучше сказать ничего не заменяя и не изменяя, только утверждал прежнее, давал ему более прочное основание. Так, Ману, явившийся тогда, когда Индия была уже порабощена неизвестными покорителями, и из этого порабощения развилось, как необходимое следствие, различие каст».

и 3) Выписку из сочинений Фурье.

Показание обвиняемого.

С Петрашевским познакомился он, Толь, чрез Баласогло, которого в первый раз увидел у товарища своего, В. В. Лукина, в 1844 г., еще до отъезда в Астрахань.

По возвращении в С. Петербург, он, Толь, быв приглашен Баласогло, в первый раз приехал к Петрашевскому в 1846 г. и застал человек пять гостей, а в нем самом увидел радушного хозяина. После того он, Толь, был у Петрашевского еще однажды в каникулы того же года, но потом потерял его из виду и снова зашел к нему уже в прошлом году, по возвращении из Финляндии.

Что касается до видимого и внутреннего состава собраний у Петрашевского, то он, Толь, никак не может назвать их обществом, потому, что всегда бывали у Петрашевского люди почти друг другу незнакомые и, как казалось, без всякой определенной цели, а только увидеться с кем-нибудь для какого-нибудь частного дела, лично до них самих касавшегося. Тут, говорит Толь, заметил он людей с большими дарованиями, но в большей части была заметна недозрелость понятий, желание выставиться вперед и во всех пламенная любовь к отчизне, к истине, ко всему благородному, высокому; сам же он, Толь, посещая Петрашевского, имел в виду одно — провести время, свободное от занятий, в разговорах с образованными людьми. И действительно, здесь с большим вниманием слушал он, Толь, вечера два чтение Ястржембского о политической экономии и разбор политико-экономических систем; иногда разговоры о событиях на Западе, которые, впрочем, бывали только раза три и ограничивались передачею новостей, и в один вечер также Ястржембский читал о статистике, но он, Толь, к сожалению, чтения этого не застал, приехав к Петрашевскому тогда уже, когда Дуров оканчивал чтение статьи: «Биография Хмельницкого». По возвращении из Фридрихсгама в 1848 г. он, Толь, на вечере у Петрашевского спорил один раз с Дуровым о Лермонтове и Белинском и другой раз с Дуровым же и Достоевским о том: должна ли изящная литература иметь цель свою в одном осуществлении идеи прекрасного, или может иметь ее и вне этого заколдованного круга, отвлеченного германскими эстетиками. В последнюю пятницу сам Петрашевский говорил, что наши писатели недостаточно изучают окружающую их действительность и потому затрагивают в своих сочинениях вопросы, о которых у нас вовсе не может быть речи, напр. эманципация женщин, чем самым и подают повод становиться цензуре строже.

Вопросы же чисто социальные, как напр., о равенстве прав всех на пользование благами и др., при нем, Толе, никогда никем не затрагивались. Но когда-то, говорит Толь, по какому-то поводу и не помнит в которую пятницу разговор коснулся Фурье, но говорившие, в том числе и Петрашевский, вовсе, повидимому, не имели в виду вербовать последователей этой системы или применять ее к России.

В этом же тоне было однажды говорено и о банках работников для освобождения их от влияния фабрикантов. Этот разговор заставил его, Толя, прочесть из любопытства «Sur l'organisation de la liberté et du bien-étre général», и, по прочтении, однажды утром заехав к Петрашевскому, сказал: «А что, если бы завести у нас такие банки? Только в России необходимо, чтобы за это взялось правительство, тогда мы опередили бы в несколько лет Европу образованностию и промышленностию». На это Петрашевский отозвался: «Да, я думаю, если бы правительство захотело взяться и за постройку фаланстерии, то и это принялось бы у нас скорее, нежели [1] где-нибудь».

Давно, уже с 1842 г., говорит Толь, занимал его вопрос о религии, к изучению которого научным образом привела его история философии. Не найдя во всех метафизических системах германских, английских и французских философов того решения этого вопроса, которого ожидал, он начал прилежно заниматься историею, и в особенности историею просвещения у различных народов, имея целью все-таки разрешение религиозного вопроса. Однажды, Петрашевский, узнав, что он, Толь, читал историю иезуитов, упросил его поговорить о сем вопросе. Для этого он, Толь, набросал несколько мыслей без связи, не справляясь ни с какими книгами, а так, как они пришли в голову, из учения Фейербаха и Бауера, [и] в следующую пятницу он точно говорил об этом предмете, выдавая все сказанное отнюдь не за свои мнения, а за мнения названных философов. Причем обещался дать свое мнение позже, когда изложит историю религий.

С этого вечера, говорит толь, он стал избегать и намеков на свое обещание и был у Петрашевского только раза два или три. Но если он и начал решать религиозный вопрос, то это была опрометчивость в даче обещания и ложная совестливость, а не соблазн, которого он боится и всегда опасается. Далее Толь пишет, что на вечерах у Петрашевского между разговорами о современных вопросах встречались и социальные вопросы, которые решались по социальным же системам. Эти системы изучал и сам он, Толь, из любознательности и, если иногда думал сделать применение какой-нибудь части их к России, то прямым путем, — предоставя заботу об этом правительству. Не принадлежа ни к одной из так называемых школ, образовавшихся у нас в последнее время, он составил себе особенное, свое собственное политическое мнение и, думая написать со временем историю просвещения в России, хотел провести чрез нее свою мысль в том убеждении, что, если просвещение должно

---

[1] *в тексте:* как

идти вперед в России, то источником прогресса и впоследствии будет самодержавная власть. Заимствовать добро, говорит Толь, надобно, не взирая на источник его, а социализм, если может быть осужден, то никак не со стороны благородства его целей, а разве со стороны логичности его.

Что же касается до его личных убеждений религиозных, политических и нравственных, то хотя в жизни его бывали минуты, в которые молодой, кичливый ум требовал нераздельной власти над его духовным миром и отвергал все, непосредственно данное, все откровенное, однако это были минуты, которые едва ли не всякий имел и которые он заглядил раскаянием и слезами.

Кроме сего, при словесных расспросах Толь упоминал, что речью, которую он читал у Петрашевского, действительно доказывалось, что религия подавляет развитие ума и заставляет человека быть добрым и полезным своему ближнему не по собственному его убеждению, а по чувству страха наказания.

21. 1849 г. июня 21 и 23. — Допрос Ф. Г. Толя по вопросным пунктам

Ч. 22, лл. 41—90 об. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросные пункты, имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отчество и прозвание, сколько отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Феликс Густав сын Толль. Отроду мне 26 лет, 4 месяца и 4 дня; исповедания евангелически-лютеранского; предписанные религиею обряды исполнял в надлежащее время.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Отец мой служит при типографии Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии смотрителем домов и команды; мать находится при нем. Живут они близ Казанского моста, в доме, принадлежащем типографии, в С. Петербурге.

[Б.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет, и когда окончили воспитание?

[О.] Окончил курс в Главном педагогическом институте, на казенный счет, в декабре 1844 года.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную,

какую занимали должность и какой имеете чин, также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

[О.] На службе состою с 1845-го года, когда был назначен учителем русского языка и географии в Астраханскую гимназию; в 1846 году переведен, по высочайшему его императорского высочества, государя наследника, повелению, учителем русской словесности в Финляндский кадетский корпус, а в 1848 перемещен в Главное инженерное училище; в чине еще не утвержден; под следствием и судом не был.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Ни недвижимого имения, ни собственных капиталов не имею; пока находился вне Петербурга, довольствовался жалованьем с одного места своего служения; с тех пор, как переведен в С. Петербург, давал уроки, кроме Главного инженерного училища, где состоял на службе, в баталионе кантонистов и в пенсионах гг. Болдырева и Руммеля; кроме того, перевел «Подражание Иисусу Христу», за которое получил полтораста рублей.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] Близкого и короткого знакомства ни с кем не имел; в частых сношениях, кроме родных, бывал с инженер-капитаном А. К. Руммелем, у которого несколько месяцев жил и с которым, равно как и с его сестрою и зятем виделся по нескольку раз в неделю за обедом и чаем, да в последнее время жил неделю с П. Д. Антонелли; несколько раз бывал у М. В. Петрашевского, и раза четыре у его превосходительства И. П. Липранди; у М. В. Петрашевского встречал А. П. Болосогло, у которого также бывал несколько раз и до знакомства с г. Петрашевским.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границею?

[О.] Переписки в последнее время ни с кем не вел; впрочем, недавно получил письмо от капитана Толля из Фридрихсгама, на которое отвечал через г. Рикенберга. Учитель Ф. Толль.

[В.] Давно ли вы знакомы с Петрашевским?

[О.] Около трех лет. Толль.

[В.] Что вас побудило познакомиться с Петрашевским?

[О.] Посредством Болосогло, который полагал удобным встречаться нам у Петрашевского для переговоров о переводе моем из Финляндского корпуса в Петербургский. Толль.

[В.] Часто ли вы посещали вечера его?

[О.] Будучи занят службой в Финляндии, только редко приезжал в Петербург и не мог часто бывать на вечерах его. С тех пор, как переведен в Петербург, бывал сначала чаще, потом реже. Толь.

Реже стал ездить потому, что эти вечера стали принимать вид *отчасти политический.[1] Толль.

Но, кроме того, и нежелание продолжать решение религиозного вопроса и заботы о моих расстроенных делах, отнимавшие у меня возможность думать или слушать о чем-нибудь с напряженным вниманием, и занятия, сильно утомлявшие меня, заставляли меня уклоняться от вечеров Петрашевского. Ф. Толль.

[В.] Сколько бывало людей на вечерах этих, и кто из них постоянно посещал эти вечера?

[О.] Человек по пятнадцати; но несколько раз не более пяти человек. Постоянно бывали: Дуров, Болосогло и другие. Толль.

[В.] Известно, что в собрании у Петрашевского 11 марта вы говорили речь о происхождении религии, доказывая, между прочим, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна. Сделайте об этом объяснение.

[О.] *Я говорил о происхождении религии, выводя ее из чувства страха.[2] Если кто-нибудь слышал, что мною произнесено было, что религия вредна, то никак не от себя, а только как мнение одного из германских философов, а именно, кажется, Фейербаха. Толль.

Это мнение неизвестного автора брошюрки, имеющей, кажется, такое заглавие: «Die Religion und die Fichtesche Philosophie.» Таков, сколько упомню, довод его: «Если человеку необходимо уже, для поддержания его на пути нравственности, обещание какой-нибудь награды за страдание земной жизни, то не выиграет ли нравственность его в отношении непоколебимости и устойчивости против соблазнов и не увереннее ли будет он, если примет это обетование из уст философии, которая, путем строго логического отрицания земного бытия, приведет его к такому же положению небесного существования, как делает то философема Фихте, нежели из уст религии, которая, не давая человеку ни одного из двух единственно убедительных ручательств в исполнении своего обетования: ни *чувственного, ни умственного, вредна,[3] как усыпляющая ум и шаткая опора нравственности».

Кажется, между моими бумагами есть довольно подробная выписка из этой брошюрки.

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2] *подчеркнуто красным и черным карандашами* [3] *подчеркнуто*

Но никак не могу вспомнить, по какому случаю я привел бы это мнение у Петрашевского, потому что моя тема не требовала указаний на полезность или вредность религии. При том же я вовсе *и не согласен с этим мнением[1] и не нахожу его столь остроумным, чтобы неуместно и без причины приводить его, оставляя неопровергнутым. О значении же и пользе религии в социальном смысле я не говорил. Толль.

[В.] На собрании у Петрашевского 18 марта Ястржембский говорил речь о науках и, между прочим, объяснял, что статистика по настоящему должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою, но как великий князь велел называть ее статистикою, то нечего делать, надобно ее так и называть. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я тот вечер весь спал на диване у Петрашевского в другой комнате. Толль.

Помню, что Ястржембский сказал вроде введения в свою речь, что хочет говорить именно об определении статистики; но меня так клонило ко сну, что я не усидел на диване, где перед тем пил чай, а вошел в кабинет Петрашевского, где застал его разговаривающим, кажется, с Кайдановым. Извинившись перед Петрашевским, я прилег на диван и заснул. Разбудил же меня стук тарелок, да, помнится, и сам хозяин вошел и пригласил меня ужинать. Но привычка Ястржембского вплетать в свои разговоры высшие чины администрации заставляет меня думать, что он мог позволить себе сказать и еще более. Ф. Толль.

[В.] На том же собрании Ястржембский говорил о богословии, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я уже показал, что спал. Толль.

Помню из прежних разговоров *Ястржембского, что он весьма нападал на иконы и монашество,[2] которое называл анахронизмом в наше время, когда уже нет гонений на религию и когда уклоняться от общественного труда значит желать даром есть хлеб. На этот же вопрос не могу отвечать утвердительно, по причине, которую имел честь привести выше. Ф. Толль.

[В.] На том же собрании Ястржембский, развивая вопрос, имеет ли государство цель, говорил, что российское государство имеет целью подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я уже показал, что спал. Толль.

[В.] Известно, что в собрании у Петрашевского, 25 мар-

---

[1], [2] *подчеркнуто*

та, говорено о том, каким образом должно восстановлять подведомственные лица против властей. Дуров утверждал, что всякому должно показывать зло в самом его начале, т. е. в законе и государе. Напротив, Берестов, Филипов, Кайданов и Баласогло говорили, что должно вооружать подчиненных противу ближайшей власти и, переходя таким образом от низших к высшим, невольно, как бы ощупью, довести до начала зла. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Не слыхал. Толль.

Антонелли, кажется около этого времени, говорил мне, что он спорил о чем-то с Дуровым и что последний весьма грубо отвечал ему; не знаю — об этом ли предмете. * О распространении социальных идей говорили прежде Тимковский и Ястржембский.[1] А спора Дурова с показанными в вопросном пункте лицами не могу подтвердить, потому что не слыхал или забыл.

[В.] При тех же разговорах Филипов сказал: «наша система пропаганды есть наилучшая и отступать от нее, значит отступать от возможности исполнения наших идей». Сделайте об этом объяснение.

[О.] Не слыхал. Ф. Толль.

[В.] На том же собрании Ястржембский говорил, что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое соединяло бы весь род человеческий. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Не слыхал. Толль.

Не могу утвердительно сказать, что он сказал это 25 марта, но помню * что разговоры его заставляли предполагать, что он приверженец системы Фурье,[2] который высказывает мысль об уничтожении народностей и отдельных государств и соединения всего человечества в одну семью.

[В.] В тех же разговорах Ястржембский восставал на здешнюю чиноманию и на чины возвышенных классов, причем, если желал назвать кого дураком, говорил: «действительный статский советник». Вообще он восставал на все административное, а государя называл богдыханом. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Эту привычку *имел Ястржембский.[3] Толль.

[В.] В собрании у Петрашевского 1 апреля Петрашевский, говоря о цензуре, объяснял, что она хотя и стесняет возможность большего развития, но приносит и ту пользу, что вычеркивая все нелепости из какого-нибудь сочинения, она дает этому сочинению вид дельный и порядочный; напротив, если бы цензура была уничтожена, то явилось бы

---

[1] *подчеркнуто черным и красным карандашами* [2] *подчеркнуто* [3] *подчеркнуто красным карандашом*

множество людей, влекомых личными побуждениями и страстями, которые хотя своими талантами заслужат место в истории литературы, но за всем тем будут служить препоною к развитию человечества и к достижению цели всем любезной. Объясните об этом.

[О.] Это, кажется, согласно с понятиями Петрашевского. Толль.

[В.] На том же собрании, при разговоре об освобождении крестьян, говорено было, что идеею каждого должно быть освободить этих угнетенных страдальцев, но что правительство не может освободить их, ибо без земель освободить нельзя; освободив же с землями, должно будет вознаградить помещиков, а на это средств нет, освободив же крестьян без земель, или не заплатив за землю помещикам, правительство должно будет поступить революционным образом, но каким образом приступить к освобождению крестьян без воли правительства, в этих словах не объясняется. Объясните о мерах, к тому предполагаемых.

[О.] Не слыхал. Толль.

Антонелли говорил мне, что Головинский собирается говорить как об этом, так и о свободе книгопечатания и публичном судопроизводстве, о котором он, по словам первого, уже и говорил; но я старался всячески вспомнить какое-нибудь обстоятельство, могущее навести меня на вопрос о крестьянах, и не мог. Ф. Толль.

[В.] В опровержение сказанного Головинским, Петрашевский говорил, что при освобождении крестьян должно непременно произойти столкновение сословий, которое, будучи бедственно уже само по себе, может быть еще бедственнее, породив военный деспотизм, или, что еще хуже, — деспотизм духовный. Объясните, что подразумевалось под военным деспотизмом и деспотизмом духовным?

[О.] * Петрашевский мог это сказать, но я не могу положительно подтвердить эти слова. Толль.

Что-то в этом роде сказал Петрашевский, говоря о нелепости разглагольствий Тимковского о необходимости какого-то переворота, и разумея под военным деспотизмом, кажется, то же, что было в древнем Риме. Но о духовном деспотизме он тогда не говорил.[1] Ф. Толль.

[В.] На том же собрании Петрашевский, говоря о судопроизводстве, объяснял: «что в нашем запутанном, многосложном и с предубеждениями судопроизводстве, справедливость не может быть достигнута, и если из тысячи примеров явится один, где она достигается, то это происходит как-то не нарочно, случайно, что одно судопроизводство

---

[1] *отмечено на полях*

возможно, в котором достигалась бы цель его, т. е. справедливость это судопроизводство публичное jury. Сделайте о сем объяснение.

[О.] * Это согласно[1] с понятиями Петрашевского. Толль.

[В.] В том же разговоре Петрашевский объяснял, что не следует требовать перемены в судопроизводстве, а всеподданнейше просить об этом, потому, что правительство, и отказавши, и удовлетворивши просьбе, поставит себя в худшее положение. Отказавши в просьбе сословию, оно вооружит его противу себя, и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит и себя и даст возможность требовать большего, и все-таки идея наша идет вперед. Объясните об этом.

[О.] Не слыхал, * но полагаю, что он мог это сказать.[2] Толль.

Он говорил однажды, что в нашем судопроизводстве даны льготы тяжущимся, которыми, однако, никто не пользуется по незнанию, а чаще по подобострастию; итак, прежде нежели требовать лучшего, надобно, чтобы все согласились пользоваться и тем хорошим, которое имеем. Кроме того, он не раз говорил, что наилучшее средство для достижения улучшений в нашем общественном быту, есть, пользуясь правами сословия, всеподданнейше просить о них. Но софизма, начиная от слов «потому что» до конца вопроса, не могу подтвердить, потому что не слыхал от него. Ф. Толль.

[В.] В этом же собрании Головинский говорил, что перемена правительства не может произойти вдруг, но что прежде надо утвердить диктатуру. Дайте об этом объяснение.

[О.] Не слыхал. Толль.

[В.] Известно, что в собрании у Петрашевского 8 апреля, за ужином Ястржембский говорил, что за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле, но если бы он был уверен, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то он первый одним взмахом топора отрубил бы ей голову. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Не слыхал. Толль.

За ужином общий разговор обыкновенно прерывался и завязывались частные — за каждым из трех столов особенный. Вероятнейшею, по взгляду Ястржембского на национальности, которых логичность он, повидимому, отвергал, считаю вторую половину этого, тем более, что никогда не слыхал от него подобных восторженных выходок в пользу Польши. Только в отношении логичности осмеливаюсь сомневаться

---

[1], [2] *подчеркнуто красным карандашом*

верности показания[1] и второй половины этого вопроса. Ф. Толль.

[В.] При том же разговоре за ужином Ястржембский старался уверить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает государя, и доказывал это разговором своим с извощиком об оброке. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Не слыхал и считал Ястржембского противного мнения, именно, что народ считает во всем виновными *ближайших к себе людей.[2] Толль.

Если не ошибаюсь, то он говорил в один из предшествовавших вечеров, что казенный крестьянин обвиняет во всех тягостях своего быта чиновников, которым подчинен, и видит своего защитника в государе императоре, которому если б мог только рассказать свое горе, то верно получил бы облегчение. О помещичьих же крестьянах не знаю его мнения, а, может быть, и слышал, но забыл. Ф. Толль.

[В.] Ястржембский говорил также, что быв в Польше, Малороссии и Белоруссии, он убедился, что у всех тамошних мужиков один и тот же взгляд, т. е. что принцип зла они видят в царе. Объясните об этом.

[О.] Не слыхал. Толль.

[В.] Ястржембский говорил еще, что в России нет народной любви к государю императору. Объясните об этом.

[О.] Отвечал уже в предыдущем вопросе. Ф. Толль.

[В.] Известно, что на собрании у Петрашевского 22 апреля Петрашевский говорил о том, каким образом должны поступать литераторы, чтобы поселять свои идеи в публике. Дуров возражал Петрашевскому и, между прочим, объяснял, как должно действовать на цензоров, чтобы из множества идей хотя одна проскочила. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Было говорено. Ф. Толль.

Петрашевский говорил, что цензура стала оттого строже, что литераторы хотят своими сочинениями заставить публику сделать скачок из понятий теперешнего русского общества в понятия современного европейского, что проистекает из незнания их истории и физиологии, в которой он, кажется, видел пополнение или пояснение первой, и вообще из совершенного небрежения их к научному образованию себя. В противоположность им указал он на Сю и Занда, которые берут содержание для своих романов из идей, волнующих окружающее их общество, и потому находят в нем отголосок. На это Дуров сказал, что удивляется, зачем Петрашевский поставил в паралель Сю и Занда, тогда как первый не

---

[1] верности показания *и вставлено вместо зачеркнутого:* подлинности *и* [2] *подчеркнуто*

стоит и подошвы последнего, а я вступился за Сю, но наш спор был вскоре[1] прерван Петрашевским, который продолжал: но и при нынешней строгости цензуры можно было бы печатать гораздо более дельного, если бы литераторы считали себя в государстве деятелями, а не чем-то лишним, какою-то роскошью, тогда цензоры не могли бы своевольно вымарывать, но писатель вступался бы за вымаранные места и аппеллировал бы в цензурный комитет.

Из слов Дурова на это помню только, что он обвинял наших журналистов в спекулянтстве и совершенном отсутствии сознания важности своего призвания, что на них возлагал всю вину[2] бесцветности и невлиятельности нашей литературы на общество. Далее он говорил, что литераторы должны писать так, как будто бы не было никакой цензуры: тогда, если многое будет вымарано, то и останется еще кое-что из идей автора. Ф. Толль.

[В.] Кроме указанных вам разговоров, происходивших на собраниях у Петрашевского, не было ли там говорено еще чего-нибудь особенного в отношении правительства и кто именно говорил?

[О.] Тимковский говорил о «легчайшем способе * распространения социальных идей и уничтожения закоренелых предрассудков семейства и родства».[3] Черновитов или Ястржембский, не помню кто из обоих, привел при это несколько случаев своего образа поступания. На одном из последних вечеров Головинский, — как сказал мне Антонелли, приехав домой от Петрашевского, — должен был говорить об освобождении крестьян и о свободе книгопечатания, а также о публичном судопроизводстве, о котором он, по словам Антонелли, говорил уже и прежде, в один из вечеров, но я не слыхал. Ф. Толль.

[В.] Объясните, что и в каком духе читал Тимковский на собрании у Петрашевского?

[О.] Тимковский говорил в самом нелепом духе * о необходимости какого-то переворота.[4] Ф. Толль.

[В.] Бывали ли вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Дурова, Данилевского и не было ли подобных собраний и у других лиц?

[О.] Не бывал. Ф. Толль.

[В.] Кто еще посещал эти собрания и чем там занимались?

[О.] Не знаю, потому что не бывал. Толль.

[В.] Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне обозначенных

---

[1] *в подлиннике вторично стоит:* был [2] *зач.:* за [3], [4] *подчеркнуто красным карандашом*

собраний, то обязываетесь все то показать с полною откровенностью.

[О.] Перед моим заключением за неделю или две слышал от Петрашевского, что он собирается где-то говорить речь о Фурье; но он не сказал у кого именно. Из этого я заключил, что есть либеральные собрания и вне собраний Петрашевского. Тоже заставили меня думать и некоторые выражения Тимковского вроде следующих: «Нас теперь немного *и те рассеяны и раздроблены на много кружков.[1] Соединимтесь».[2] Ф. Толль.

[В.] Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Черносвитовым?

[О.] Я с ним не знаком, но встречал у Петрашевского. Толль.

[В.] Есть показания, что разговоры Черносвитова на вечерах у Петрашевского внушали мысль, что он шпион. Произвел ли Черносвитов и над вами такое впечатление?

[О.] На меня не произвел этого впечатления; я даже замечал, что он отчасти слишком открыто высказывал свой образ мыслей. Толль.

[В.] В ответах ваших вы, между прочим, показали, что реже стали ездить к Петрашевскому потому, что вечера его отчасти начали принимать вид политический; между тем как из других ответов ваших видно, что обо всем, что происходило на вечерах у Петрашевского, вам неизвестно, потому что вы или ничего не слыхали, или спали. Объясните, из чего же вы заключили, что вечера Петрашевского приняли вид политический?

[О.] На вечерах Петрашевского в особенности испугали[3] меня две речи Тимковского,[4] в которых *он высказал желание возмущения;[5] также выходки Ястржембского против правительственных лиц, а именно: даваемые им имена; кроме того, меня побуждало уклоняться от вечеров Петрашевского и нежелание продолжать решение религиозного вопроса, который я взял на себя. Ф. Толль.

[В.] В бумагах Баласогло найдена визитная ваша карточка, на обороте которой написано приглашение приехать к вам в тот же день для того, чтобы быть у одного человека по делу, не терпящему отлагательства. Объясните об этом.

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2] Не знаю, разумел ли он тут кружки в Петербурге, или в Ревеле, где, как сказал мне кто-то, живет и куда вскоре после этого должен был уехать. Толль. *Примеч. подлинника* [3] *подчеркнуто* [4] Из которых одну, что-то вроде воззвания, он читал уже во второй раз, как я мог заключить из введения, сделанного им в начале. Ф. Толль. *Примеч. подлинника* [5] *подчеркнуто черным и красным карандашами*

[О.] Если память не изменяет мне, то я приглашал к себе Болосогло с целью идти вместе с ним к институтскому товарищу моему, Зуеву, которого незадолго перед тем я встретил и который сказал мне, что намеревается завести книжную лавку. А Болосогло уже прежде говорил мне, что его любимая мечта — найти капиталиста, который согласился бы пожертвовать своими деньгами для заведения книжной лавки и при ней cabinet de lecture на таких началах, которые внушили бы доверенность публике и литераторам и подняли бы книжное дело. По получении моего приглашения, Болосогло был у меня и принес с собою план для осуществления своей мысли, который я и читал в присутствии моего товарища и Болосогло на квартире первого. План этот возвращен мною Болосогло и должен находиться у него. Но дело это не состоялось, потому что оказалось, что Зуев и не имеет достаточного для первого обзаведения капитала и не очень желает завести книжную лавку.

Более ни у кого не был я вместе с Болосогло по моему приглашению. Ф. Толль.

[В.] Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление?

[О.] Дух сомнения был пробужден у меня еще в бытность мою в Институте изучением немецкой философии, но всегда ограничивался только сферою науки, которой исключительно посвятить себя было до сих пор моим пламеннейшим желанием. Первое ясное понятие о социализме получил я в прошедшем году, из Бидермана,[1] которого взял для прочтения у Петрашевского и из которого сделал выписки; до тех же пор хотя и слышал о нем, однако не мог дать себе определенного отчета. Но и узнав социальные системы, не сделался социалистом, а считал их утопиями, не принимающими в соображение эгоистической человеческой природы, попытками соединить людей в ангельское общество; впрочем, считал некоторые меры, предлагаемые ими, удобоприменимыми к настоящему общественному быту. Ф. Толль.

[В.] Какие были ваши отношения к штабс-капитану Кузьмину?

[О.] Я познакомился с штабс-капитаном Кузьминым у Петрашевского, когда он собирался оставить Петербург по поручению своего начальства, потом встретил его однажды на улице и был им приглашен пить чай. После того, по приезде уже его из командировки, встретил его в маскераде Дворянского собрания; за неделю же перед моим арестованием был им неожиданно приглашен через Антонелли. Ф. Толль.

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях*

[В.] Известно, что 16-го апреля на собрании у штабс-капитана Кузьмина учитель Белецкий говорил, что в 1-м кадетском корпусе, где он преподает историю, есть у него класс, который приготовлен по программе ген.-адъютанта Ростовцева и по собственным его убеждениям, и что он надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут, наконец, Россию вперед. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Помню, что он хвастал одним из своих классов, говорил, что возбудил в кадетах любознательность своим методом преподавания, по программе господина ген.-адъютанта Ростовцева, в той мере, что они уже начинают сами доходить до подробностей событий; но выражения, что «из этого класса выйдут люди, которые двинут, наконец, Россию вперед» — не помню или не слыхал, хотя восторг, с которым он говорил об успехах молодых людей, мог быть истолкован подобными надеждами. Об убеждениях же Белецкого я не мог составить себе ясного понятия, потому что видел его в первый раз в тот вечер. Ф. Толль.

[В.] Белецкий при том же разговоре хвастал еще, что он любим начальником 1-го корпуса Лихониным, который хотя и глуп, но по бахвальству или по чему другому желает казаться поборником новейших идей, и что он присутствием своим на либеральных лекциях его, Белецкого, помогает ему легче и ловче достигать своей цели. Дайте об этом объяснение.

[О.] На привязанность к себе г. начальника 1-го корпуса он, кажется, только намекал, а прямо не говорил о ней. Выражений «глуп» и «по бахвальству» не помню или не слыхал. Что господин начальник 1-го корпуса покровительствует новейшим идеям, Белецкий говорил, доказывая это, кажется, тем, что господин Липонин, будучи заинтересован преподаванием его, Белецкого, иногда засиживался на его лекциях перед фронтовым учением и давал ему время, с ущербом фронту, в большей подробности развить свой предмет. Но источники, из которых, по его словам, он брал содержание для своих лекций (напр., Нибур), кажется, не в либеральном духе. Ф. Толль.

[В.] Белецкий при тех же разговорах доказывал привязанность к нему Лихонина примером, что когда однажды диакон, преподающий закон божий в 1-м кадетском корпусе, спросил одного маленького кадета, кто был Авраам? и кадет, будучи сперва уже научен Белецким, отвечал, что Авраам есть миф, представляющий образ пастушеской жизни древних евреев, то диакон побежал к Лихонину, говоря, что это ересь, которую вводит Белецкий между кадетами, но Лихонин вступился за Белецкого и тем все покончил. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Помню только в общих чертах о подобном столкно-

вении Белецкого с законоучителем 1-го кадетского корпуса Ф. Толль.

[В.] В бумагах ваших оказался русский перевод лекций Карла Бидермана о социализме, с отметкою: «конспект, сделанный в сентябре 1848 года», в заключении которого сказано: «итак, социализм не химера; в его основании глубокие истины, благородные, высокие цели. Социальное движение не может пройти без следов; оно открыло новые пути, новые цели идеям прогресса и реформы и показало многое в новом свете» и проч. Имеете дать об этом объяснение.

[О.] Это заключение Бидермана, а не мое. А что я имел привычку переводить подобные заключения для того, чтобы иметь в нескольких словах сжатый результат автора, это видно из выписок моих из Say'a и др. Ф. Толль.

[В.] Антонелли показал, что вы на вопрос его о цели собраний у Петрашевского сказали, что цель этих собраний состоит в приготовлении способных людей на случай какой-нибудь революции, чтобы при избрании нового рода правления не было недоумения и различия мнений, но чтобы большая часть уже были согласны в общих началах, и, наконец, приготовлять массы к восприятию всяких перемен. Дайте по этому объяснение.

[О.] Антонелли, сколько могу припомнить, не спросил меня, а сказал, что намерен спросить у самого Петрашевского о цели этих собраний. На что я сказал, что Петрашевский, вероятно, ответит ему, что цели никакой нет; но что, как мне кажется, некоторые из посещавших эти собрания старались поставить им такую цель (за изъятием «приготовления масс к восприятию перемен», чего я, кажется, не говорил). К этому я еще присовокупил, что большая же часть собирается у Петрашевского для того, чтобы поболтать и что, кажется, сам хозяин имеет ту же цель провести время в кругу образованных людей. Поводом же к тому, чтобы предположить у некоторых из гостей Петрашевского подобную цель, послужила мне речь Тимковского и некоторые слова Ястржембского. Ф. Толль.

22. 1849 г. июля 15. — Допрос Ф. Г. Толя о разных лицах

Ч. 119. „Выс. повеления и другие бумаги, относящиеся до лиц, прикосновенных к делу, а также до лиц, освобожденных от допросов". На 459 лл. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

I

Лл. 237—238 об.

[В.] Объясните, часто ли посещали собрания Петрашевского и с которого времени нижепоименованные лица, а так-

же их имена, отчества, звания, где служат и имеют жительство? Вернацкий, Авдеев, Стальницкий, Григорьев, Ратовский, Степанов, Аслан, Гренков, Полянский, Матрашенко.

[О.] За исключением Степанова и Михайлова, которые кажутся мне знакомыми, но в которых я также сомневаюсь и имен и проч. не знаю, — все остальные фамилии мне не известны, хотя между носящими их могут быть и лица, которые я встречал у Петрашевского, но о фамилиях которых не справлялся. В пенсионе Ейнерлинга, где я обучался до поступления моего в Институт, были у меня товарищи Гренков и Матрашенко, которых я с тех пор потерял из виду.

[В.] Спасов 1-й, Спасов 2-й, Макеев.

[О.] В первый раз слышу эти две фамилии.

[В.] Сипко.

[О.] О Сипко, кажется, было говорено у Петрашевского, как об отсутствующем или ожидаемом в Петербург.

[В.] Михайлов.

[О.] Если я не ошибаюсь в лице, носящем эту фамилию (Михайлов), то я встречал его всего раза три или четыре, но ни имени, ни звания, ни квартиры не знаю.

[В.] Сундуков 1-й, Сундуков 2-й, Назаров, Петров, Взметнев, Бурнашев.

[О.] Вообще совершенная дикость для моего слуха всех остальных фамилий заставляет меня думать, что лица, носящие их, не бывали у Петрашевского в те вечера, в которые я бывал. Ф. Толль.

Не излишним считаю еще присовокупить к этому, что из лиц, которых я встречал у Петрашевскго, я знаю имя, отчество и место служения одного только Болосогло, да еще Антонелли. Ф. Толль.

II

Л. 111

[В.] Как имя и отчество г. Лукина, который познакомил вас с Петрашевским, а также какого он звания, где служит и где живет?

[О.] С Петрашевским, как я имел уже честь показать, познакомил меня Боласогло; с Боласогло же в первый раз встретился я, еще до отъезда моего в Астрахань, у моего товарища по Институту, Василья Васильевича Лукина, который, сколько мне известно, не знает Петрашевского. Служит Лукин в Псковской гимназии, кажется учителем русской словесности, живет во Пскове. Ф. Толль.

III

Л. 117

[В.] Известно, что девка Милютина сказала Петрашевскому, что его скоро возьмут в полицию, и Петрашевский, рассказывая об этом, присовокупил, что он поручил Пальму сказать Милютину от лица его, Петрашевского, что подобная болтовня есть подлость и что он, Милютин, становится косвенным образом доносчиком. Сделайте же об этом объяснение и прибавьте имя, отчество, звание и место служения и жительство Милюкова.

[О.] Помню только, что Петрашевский сказал мне, что у Милютина говорят при его девке различные вещи, которых не следовало бы говорить; но ни этих слов милютиновой девки, ни поручения Пальму до этой минуты я не знал. Также не знаю и никогда не видал этого Милютина, но думаю, что это тот, который поместил в 1847 году в Современнике статью: «Мальтус и его теория». Не могу также сказать имени, отчества, звания, места служения и жительства Милюкова, которого знаю только по его сочинению «Опыт истории русской словесности», но которого лично никогда не видал. Ф. Толль.

IV

Л. 131—131 об.

[В.] Вы отзывались, что г. Мицкевич есть представитель общества славянофилов. Объясните, где это общество существует, какую имеет цель и из кого именно оное состоит, а также имя, отчество и звание г. Мицкевича, где он служит, имеет жительство и не родственник ли он известному поэту?

[О.] Вероятно я разумел тут самого поэта Мицкевича, потому что не знаю никого, носящего эту фамилию. О поэте же Мицкевиче слышал я (кажется, от Ястржембского), что, читая в Париже славянские наречия, он высказал между прочим мысль, что второе пришествие Иисуса Христа должно совершиться в славянском мире, как наследовавшем наименее против остальной Европы элементов от древности, которой живым отрицанием был спаситель. Почти эту же мысль высказал и Шевырев в своих «Чтениях об истории древней русской словесности» в примечании к одному из первых чтений, где он говорит, что славяне должны совокупить в себе все разнородные элементы европейской жизни и закончить дело Европы; дух «Маяка» также намекал на подобные надежды; в таком же духе писал и Погодин и Савельев. Вот все, что я знаю о славянофилах: об обще-

стве же славянофилов не слыхал, а следовательно и не мог говорить. Не помню, когда я говорил о Мицкевиче; понятие же составил себе о нем из вышеприведенных слов, как о ревностном поборнике идей славянофилизма и исключительности судеб славянского мира перед Западом. Ф. Толль.

23. 1849 г. между 20 августа и 7 сентября. — Допрос Ф. Г. Толя по вопросным пунктам [а)]

Ч. 119. Ответы — автограф. Датировано на основании того, что 20 августа Следственная комиссия спрашивала Толя об игумене Колесникове, а 7 сентября читала его показания относительно Колесникова и о словах об Александровской колонне (журнал Следственной комиссии)

I

Л. 157

[В.] Известно по рассказу вашему, что профессор С.-Петербургского Университета Порошин, разбирая характеристику памятников, сказал с университетской кафедры про Александровскую колонну, что это столб столба столбу. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Смутно помню, что когда-то слышал эти слова, кажется у Петрашевского, но едва ли я повторил их кому-нибудь, потому что оставил их без внимания и не дал себе даже труда размыслить о них. Ф. Толль.

II

Лл. 158—159 об.

Вопрос, предложенный мне высокою комиссиею, при всем старании моем вызвать из моей памяти соответствующий ему факт, решается ею только весьма неясно и только с некоторою степенью вероятия. А именно: с воспоминанием об этом рассказе связано у меня воспоминание о личности Ханыкова, [1] с которым я встречался у Петрашевского, но как обстоятельства, при которых эти слова были рассказаны, так и роль, которую играл при них Ханыков, при всех усилиях моих не даются мне. Посему, боясь обвинить невинного, осмеливаюсь всепокорнейше просить высокую комиссию видеть в этом только предположение, к которому я прибегаю с целью может быть способствовать тем к отысканию расскащика. Одно осмеливаюсь утверждать с положитель-

---

а) *помета:* Порош[ина] не призывать

[1] *отмечено рукою Гагарина:* спросить

ностью: что * если Антонелли устверждает[1] не гипотетически, что я рассказывал ему об этом, то не только я не прибавил к рассказу, слышанному мною, ни одного слова, но и не иначе мог повторить эти слова, как поставляя их Порошину в упрек, как потому, что они относились к молодым людям, принимающим все сказанное профессором или наставником почти безусловно, так и в особенности по противоречию их с предписаниями присяги государю. Но да будет дозволено мне обратить высокое внимание комиссии на следующие пункты в показании Антонелли, подающие повод сомневаться в том, что именно я[2] рассказывал ему это, или, по крайней мере, оправдывающие мою память в упорстве, с которым она отказывается служить мне здесь до этой минуты, если я рассказывал: 1) Если Антонелли так положительно помнит, что я[2] рассказал ему этот случай, то путем сочетания идей необходимо должен быть в состоянии припомнить и обстоятельства, при которых было это сказано. 2) Слова Антонелли, будто я говорил это в подтверждение славянофильства Порошина, несправедливы: а) потому что я ни из чего не мог составить[3] себе такого мнения о Порошине, которого знал только по немногим статьям его в журналах, вовсе не свидетельствующим о таком направлении его, и б) потому что понятие о славянофилизме, сколько я знаю, вовсе не исключает понятия о любви к своему государю, и наконец, с) потому что всякий, кто меня знает, знает также мое мнение о бездоказательности и невыгодности для самого автора подобных выходок, которыми можно пятнать самые священные предметы, не обнаруживая тем в себе ровно никакого, или лучше сказать обнаруживая только отсутствие всякого положительного убеждения. Кроме того, 3) эти слова Антонелли обнаруживают также легкость, с которою он путает понятия о лицах, потому что, как я вспомнил теперь, разговор мой с ним о славянофилизме, проистекший из вопроса Антонелли о том, что за люди славянофилы, который я решил вполне исторически, как необходимую[4] реакцию реформе Петра на поле науки, то как одного из поборников этого направления я назвал Погодина, с которым Антонелли, вероятно, смешал Порошина. 4) Слова, сказанные с кафедры, могли донестись до Антонелли и иным путем, исключая меня, а запутанность в фамилиях[5] повлечь за собою ошибку в ис-

---

[1] *подчеркнуто, рукою Гагарина:* спросить [2] я *подчеркнуто в подлиннике* [3] *исправлено из:* заключить [4] Необходимую, потому что она побудила нас ближе всматриваться [в] элементы нашей народности, но иногда вдающуюся в крайности, от которых сама теряет в общем мнении. Ф. Толль. *Примеч. подлинника* [5] *вставлено вместо зачеркнутого:* предшествующем сему

точнике для него этих слов. Я не имел обыкновения разносить подобные плоскости и не имею для них даже памяти. Но, с другой стороны, зная аномалии, которым доступна память и безотчетность (abandon), с которою я иногда болтал с Антонелли, я не смею положительно отрицать этого факта: отвергая действительность его, потому что не помню его и вижу большую вероятность для Ант[онелли] ошибаться, я однако ж не смею отвергнуть его возможности, вникая в его показание с беспристрастностью, со всею добросовестностью. Ф. Толль.

Осмеливаюсь обеспокоить моих высоких судей всепокорнейшею просьбою дозволить мне пополнить вопрос о Колесникове, который я теперь успел разъяснить себе. Ф. Толль.

24. 1849 г. октября 20. — Подписка Ф. Г. Толя, данная Военно-судной комиссии

Ч. 120. „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссиею над злоумышленниками". На 619 л. Л. 408. Ответ — автограф

[В.] Высочайше учрежденная для суждения вас по полевым военным законам Военно-судная комиссия предлагает вам объяснить, не имеете ли вы, в дополнение данных уже вами при следствии показаний, еще чего-либо к оправданию своей вины представить?

[О.] В опровержение приписываемого мне атеизма, осмеливаюсь показать, что в один из вечеров я утверждал у Петрашевского прямо противное против Филиппова, говорившего за систему Прудона.

Впрочем, я остаюсь при прежних показаниях и более в оправдание свое прибавить ничего не имею. Феликс Густавов Толль. 20 октября 1849 г.

25. 1849 г. октября 28. — Показание Ф. Г. Толя

Ч. 120, лл. 542—542 об. Автограф. Датировано по журналу Военно-судной комиссии

Предложенный мне вчера высокою комиссиею вопрос: «определил ли Тимковский время и средства для произведения необходимого, по его мнению, переворота?» вызвал из моей памяти, по долгом размышлении, факт, степень важности которого я не могу определить, но который, как мне кажется, способен сколько-нибудь поколебать сомнение моих высоких судей в искренности моего желания — говорить все, что знаю и помню. А именно: Тимковский высказал, кажется, в течение своей речи, что все старания истинных поборников

прогресса должны быть обращены на ускорение возмущения, что ранее или позже оно должно произойти, но что он желал бы видеть осуществление этого еще до отъезда своего в Ревель, что он готов первый выйти на площадь и, если нужно будет, принесет себя в очистительную жертву святому делу свободы, которого первое условие успеха заключается в единодушии его поборников и прекращении всех споров о системах, а также в установлении прочных правил пропаганды». В конце своей речи он делал род воззвания к соединению в одно общество всех согласных с его образом мыслей.

В этом заключается сущность обеих речей его, сколько память моя в состоянии воспроизвести их. Слова же, которые я осмелился, для краткости, подчеркнуть, содержат посильный ответ мой на вопрос, предложенный мне высокою комиссиею. Ф. Толль.

ДЕЛО

И.Л.ЯСТРЖЕМБСКОГО

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ И. Л. ЯСТРЖЕМБСКОГО

26. 1849 г. мая 2.—Отношение за № 843 начальника III отделения гр. А. Ф. Орлова к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 23. „Следственное дело о титулярном советнике Ястржембском". На 73 лл. Лл. 13—13 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Вследствие отношения вашего высокопр-ва от 30 апреля № 5, имею честь уведомить, что при арестовании тит. с. Ястржембского взяты были все бумаги как собственно ему принадлежащие, так и жительствующего в его квартире двоюродного брата его, отставного поручика Ястржембского, и все сии бумаги находятся в препровожденном к вам, при отношении от 24 апреля № 721, тюке с бумагами Ястржембского.

Примите уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности.

Гр. Орлов.

27. 1849 г. мая 4.—Отношение за № 12 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 23, л. 14. Копия

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Честь имею препроводить при сем к вашему высокопр-ву, при особых описях, бумаги Петрашевского, Ястржембского и Толя, по содержанию их обратившие особенное внимание. К сему долгом считаю присовокупить, что за окончанием

ныне разбора бумаг означенных лиц приступлено будет к таковому же бумаг Чирикова.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал кн. Александр Голицын.

28. 1849 г. мая 4. — Опись бумаг И. Л. Ястржембского

Ч. 23, л. 15

Опись бумагам Ястржембского,
препровожденным при отношении № 12

1. Письмо Петрашевского, о присылке к нему книг.
2. Письмо Пальма.

Д. с. с. Гедерштерн.

29. 1849 г. мая 4. — Бумаги И. Л. Ястржембского, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных

I. 1849 г. марта 16. — Записка М. В. Петрашевского И. Л. Ястржембскому

Ч. 23, л. 16. Автограф

Сделайте одолжение, пришлите с сим посланным список книг, мною Вам данный. Быть может посланный Вас мой дома не застанет, почему для Вас исполнить au pied de la lettre[1] мою просьбу будет невозможно; и как дело не в том, чтоб иметь этот список мне теперь, но в пятницу, почему и потрудитесь его тогда к 6½ часам принесть. Этим Вы весьма обяжете

имеющего быть etc. Вашим etc.
М. Буташевич Петрашевский.

1849 года, 16 марта.

II. Около 1847—1848 гг. Записка А. И. Пальма к И. Л. Ястржембскому

Ч. 23, л. 17. — Автограф. Судя по упоминанию о Доргобужинове и Артемовском, не бывавших у Петрашевского, записка относится к раннему периоду знакомства Ястржембского с Пальмом, Дуровым и Щелковым, которые жили вместе уже в 1847 г.

[2] А вы опять надели ваш халат и дуете чай в вашей бане, неправильно названной фатеройучителя! Долго ли Вам париться дома!? Здесь многочисленное и благовоспитанное общество желает Вас принять в общие объятия... а Вы! О,

[1] буквально [2] *обращение не разобрано*

злокачественный Пан! Вы отговариваетесь и продолжаете лежать дома, как байбак. Если Вы нас любите хоть на золотник, то натягивайте штаны — или, пожалуй, и не натягивайте, а приходите сюда. Здесь Ламанский, Доргобужинов, Артемовский, Толбин и, наконец, наша грешная троица.

Пожалоста приходите скорее. А. Пальм. [1]

Ламанский имеет передать Вам что-то от Катерины Ивановны. Приходи, ад! Доргобужинов.

30. 1849 г. мая 9. — Показание И. Л. Ястржембского

Ч. 23, л. 1. Автограф. Написано при допросе. Датировано по журналу Следственной комиссии

Ястржембский при расспросе в комиссии объяснил, между прочим, что он [2] * полагает, что бывавшие в обществе Петрашевского желали конституционного правления. [3]

Разговор с извощиком об оброке он рассказывал в обществе Петрашевского, но разговор этот был им выдуман.

И. Ястржембский.

Далее в то же заседание он объяснил, что, бывая в Малороссии и в [4] западных губерниях, он убедился, что вообще простой народ не имеет понятия о [5] высшем правительстве и далее станового пристава не знает.

И. Ястржембский.

31. 1849 г. не ранее 9 мая. — Показание И. Л. Ястржембского

Ч. 23, лл. 2—6. Автограф. Написано после допроса 9 мая (журнал Следственной комиссии)

При допросе моем в комиссии, я заметил, что господа члены имеют некоторое убеждение, будто бы я непременно знаю о тайных и виновных намерениях лиц, собиравшихся по пятницам у г. Петрашевского, но что не хочу в этом сознаться. Знаю, что следствие покажет мою в этом отношении невинность, но если бы господа члены знали, каким камнем ложится на душе подсудимого такое подозрение! Какую я ночь провел после допроса! На допросе я показал обо всем, о чем был спрашиван, самую искренную истину; теперь с дозволения господ членов комиссии, * обливаясь слезами раскаяния и отчаяния, описываю искренно, чистосердечно и подробно [6] не только историю моего знакомства с г. Петрашев-

---

[1] *дальше писано другой рукой* [2] *зач.:* убежден [3] *подчеркнуто* [4] *исправлено из:* во всех [5] *зач.:* верховной власти [6] *подчеркнуто*

ским, но все мои задушевные мысли и даже мечты, и молю бога, да ниспошлет он в сердца моих судей луч своей истины, чтобы они были убеждены в настоящей и неподдельной искренности слов моих.

Первый раз я видел г. Петрашевского у Щелкова, в 1848 г., не помню хорошо, в январе, феврале или марте, но кажется, что в этом последнем месяце. Второй раз мы с ним сошлись 1-го майя того же года по предложению Дурова, Щелкова и Пальма, пили у него чай и отправились вместе в Екатерингоф. Там же г. Петрашевский предложил мне приходить к нему.

По пятницам я начал у него бывать с сентября или конца августа того же 1848 года. Прежде мне Дуров, Щелков и Пальм сказали, что у Петрашевского в карты не играют, но разговаривают, а иногда и читают свои литературные произведения, чему я тем более поверил, что знал Дурова и Пальма как писателей повестей.

До времени моего ареста я был у г. Петрашевского раз десять или пятнадцать, приходил всегда в ½ девятого и уходил немедлен[н]о после закуски, между 12 и 1.

Вот самый верный рассказ о произведениях, которые там были читаны в моем присутствии.

В первый раз когда я пришел, какой-то молодой человек, фамилии которого я не знаю и, которого после никогда уже не видел, говорил наизусть о распределении богатства или дохода по методе Фурье (Fourier).[1]

Второй раз какой-то господин, Александр Пантелеич, кажется армянин и чиновник Министерства иностранных дел, но фамилия которого вышла теперь у меня из памяти, читал тоже наизусть о семейном и домашнем счастьи, мысли его в этом чтении были тоже фурьеровские.

Третьий раз, когда я был, я читал о любви, статью полусерьезную, полушуточную. После я предложил объяснить первые начала политической экономии и в пять или шесть заседаний я читал:

Определение промышленности, богатства, ценности, источников богатства: природы, труда и капитала; потребности — определил различие человека от животного на основании различия и разнообразия потребностей.

Теорию населения по Мальтусу и Сею, теорию первоначального распределения богатства или распределения дохода между предпринимателем промышленности, землевладельцем, капиталистом и работником; тут же

---

[1] *отмечено на полях*

опроверг нелепое мнение Прудона о поземельной собственности. О торговле, определение ее, различие от спекуляции, определение цены первоначальной и меновой.

О кредите и кредитных учреждениях — разбор сочинения об этом предмете графа Цешковского, доказательство, что кредит не может принести настоящего облегчения для пауперизма.

После некто г. Толь читал о религиозном чувстве в человеке, речи этой его я не слышал почти и не понял.

В последний раз когда я был, именно 16-го апреля, сам г. Петрашевский объявил, что по поводу предыдущего прения[1] (на котором я не был) *он будет излагать несколько мыслей о том, что полезнее для России, введение ли гласного судопроизводства, или освобождение крестьян?[2] Изложения его я хорошо не понял, потому что он довольно трудно объясняется, но заключение помню, именно, что *важнее судопроизводство гласное.[3]

В тот же самый вечер какой-то господин, фамилии которого я не знаю, читал *переписку Белинского с Гоголем.[4]

Было несколько вечеров, на которых никто ничего не читал, а был разговор между группами посетителей. Да еще позабыл, в самом начале моих посещений какой-то господин, фамилии которого тоже не знаю и которого видел у Петрашевского раз или два, читал писанную речь, выспренним слогом, из которой я мог понять только, что *не нужно подражать заговорщикам Западной Европы, а стараться мирным изучением системы Фурье содействовать счастью человечества.[5]

С самого начала моих посещений у г. Петрашевского я заметил, что у него беседы по большей части бывают о предметах политической экономии и что великая часть его посетителей, если не все, придерживаются системы и учения Fourrier.

Я сам изучал статистику и политическую экономию, сверх того в этих предметах я не видел ничего опасного для разговоров и бесед, потому что пауперизм, этот бич Запада, еще слава богу не проник в Россию, и следовательно, предметов этих никак нельзя применить к России, да, сверх того, и учение Фурье я не считал опасным, потому что он именно говорит, что ни один образ правления преимущественно перед

---

[1] *отмечено на полях* [2], [3], [4] *подчеркнуто красным карандашом* [5] *отмечено на полях, надпись:* Тимк[овский]

другим не может дать счастья людям,[1] и все однако ж отдает преимущество монархическому, счастье же людей, по его мнению, состоит в гармоническом производстве промышленности и гармоническом развитии естественных влечений, которые он называет страстьями.

Мог ли я думать, что в таком доме, где всякую пятницу появляются новые лица, может скрываться какой-нибудь тайный замысел?

Во все течение моих посещений ни рассуждений об образах правления не было, и тем более не было рассуждаемо о каких-либо предметах, относящихся до России. Это я объявляю за положительную истину и уверен, что следствие то же окажет.

Только 16 апреля были читаны приведенные уже мною статьи, из которых я и заключил, что или сам Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о * либеральных установлениях в России[2] — но имели ли они сумазбродную мысль сделать что-нибудь для устройства таких учреждений, положительно не знаю.

Я должен здесь еще заметить, что ни с самим г. Петрашевским, ни с кем-либо из посещавших его я особенно не только не подружился, ни познакомился, но даже не сошелся — Щелкова же, Дурова и Пальма я знал прежде, когда о Петрашевском даже и не слышал.

Еще я скажу, что от разговора о предметах, касающихся России, я не только у г. Петрашевского, но и везде избегал, как по той причине, чтобы не быть поставленным в неприятное положение, так, с другой, еще и потому, что изучив некоторые из этих предметов, как то: подати, таможенный тариф, я хотел о них представить проект государю императору и потому не хотел открывать об этом своих мыслей никому, чтобы самому получить милость и награду, которой я надеялся непременно, потому что мысли мои об этих предметах и некоторых других практические и удо[бо]исполнимы и польза их очевидна; но впоследствии меня удержала от этого мысль о моей незначительности, и я не осмелился предстать с моими проектами перед лицом такого монарха.

[3] Я позабыл, еще два раза читали: некто г. Львов, учитель химии в Павловском корпусе, о специальном образовании, и я — определение статистики и ее различие от других наук политических.

Вот искреннее изложение всех моих сношений с г. Петрашевским — истину этого моего показания откроет несомненно следствие. На допросе я отвечал искренно и, если найдена

отмечено на полях [2] *подчеркнуто, весь абзац отмечен на полях* [3] № [1] *в подлиннике*

будет в моих словах какая-нибудь вина, то я в ней сознаюсь и искренно и чистосердечно раскаиваюсь, прибегая к высочайшему милосердию, тем с большим упованием, что присягу верноподданства я сохранил в сердце и на делах ненарушимо.

Таковое мое показание подписываю И. Ястржембский.

Я получил разрешение при допросе иметь книги, а также необходимые некоторые удобства на свой счет — я должен заметить, что вероятно деньги, присланные на мое имя, принадлежат моему двоюродному брату, который, приехав недавно из Волынской губернии, жил у меня некоторое время, поэтому всепокорнейше прошу обратиться в Технологический институт, где мне следует жалованье, а также в Дворянский полк и Институт корпуса инженеров путей сообщения, где мне следуют деньги за уроки.

32. 1849 г. не позже (?) 11 июня. — Изложение социалистических систем, сделанное Ястржембским по требованию Следственной комиссии

Ч. 23, лл. 7—12 об. Ответ — автограф. Датировано на том основании, что написано, повидимому, вслед за показанием, до формального допроса, происходившего 11 июня. Напечатано в сб. „Петрашевцы" под ред. П. Е. Щеголева, т. II, ГИЗ, 1927, стр. 111—117

[В.] Изложите в кратких, но резких чертах системы главных коммунистов и социалистов (каждого отдельно).

[О.] С одной стороны, распространявшаяся бедность именно в самых промышленных государствах, как то: в Великобритании и Франции, и распространявшаяся именно сообразно развитию промышленности, с другой стороны, успехи политической экономии побудили многих мыслителей доискиваться причины такого факта и придумывать различные средства, если не совершенно его уничтожить, то по крайней мере смягчить.

Необходимо для пояснения того, что будет следовать о системах социальных и коммунистских, изложить вкратце результаты исследований об этом предмете политико-экономов: Sismondi, Bavet и главнейшим образом Malthus'a. Вот они.

Нищета есть самая высшая степень бедности — она может существовать только в государствах довольно развитых, где, с одной стороны, промышленность достигла той степени, что может производить в изобилии все предметы, служащие для удовлетворения человеческих потребностей, с другой стороны, где необходимо есть целый многочисленный класс людей, который не может достигнуть до обладания этими предметами и тем более страдает, что чувствует всю их не-

обходимость, будучи и довольно развит и видя других, обладающих этими предметами; в горде[1] диких американцев нищих в строгом смысле нет, потому что все равно бедны...

Что пауперизм есть следствие развития промышленности таким образом, как оно случилось в нынешней цивилизации, и что поэтому при обширном развитии промышленности не только что всякая бедность более выказывается от противоположности, но что необходимо развитие промышленности рождает класс бедный, — это видно из следующего обстоятельства.

Все предметы, удовлетворяющие человеческим потребностям, которые составляют богатство, производятся посредством участия следующих лиц: 1) предпринимателя промышленности, 2) землевладельца, 3) капиталиста, 4) работников. Предприниматель промышленности покупает участье всех прочих производителей и таким образом становится единственным хозяином произведенного предмета, — он поэтому т о р г у е т с я с прочими сопроизводителями. Его прямой интерес: произвесть как можно больше возможно лучших вещей и чтобы это обошлось ему как можно дешевле, потому что в таком только случае он продаст своих произведений потребителям как можно больше и получит возможно больше барыша. * Следовательно, предприниматель промышленности имеет интерес прямо противоположный с прочими производителями он находится с ними в к о н к у р е н ц и и (техническое слово).[2] Тем не менее, однако, должно заметить, что чем больше в государстве дельных предпринимателей промышленности и чем они больше получают барыша, тем промышленность больше развивается, больше образуется капиталов и больше вещей, удовлетворяющих человеческим потребностям, государство, как говорят, п р о ц в е т а е т. Но неизбежное следствие этого есть увеличение[3] класса нищих, который тем более страдает, чем промышленность более развита — это бывает вот почему.

Предприниматель промышленности т о р г у е т с я с другими производителями. Если землевладелец не получит от предпринимателя промышленности за свою землю такой цены, как хочет? он ее будет експлоатировать сам — то же можно сказать и о капиталисте. Да притом предприниматель промышленности знает, что лучшие покупщики его произведений суть землевладельцы и капиталисты и что чем больше они будут иметь дохода сами, тем больше у него купят, по этим причинам он их бережет. Но с работниками другое дело; если работник не п р о д а с т предпринимателю своей работы, никто у него ее не купит, если же не захочет ее продать

[1] *т. е. в орде* [2] *отмечено на полях* [3] *зач.:* нищего

по цене сходной для предпринимателя, тот прибегнет к машинам; отсюда то первое следствие, что предприниматели промышленности обыкновенно дают работникам такое содержание, которое достаточно для их физического только поддержания — это доказано еще в пол[итической] эк[ономии] Say'a.

Дальше доказано ясно Malthus'ом, что люди имеют стремление к размножению и обыкновенно умножаются сообразно средствам своего содержания, что чем меньше человек требует средств для своего содержания и, если сообразно [1] этим уменьшенным средством умножается, тем больше подвержен бедствиям. Пример: Индия, Китай, где люди, если имеют горсть рису и хижину, размножаются, также Ирландия, но в этих странах при малейшем неурожае бедствия бывают ужасны. Далее доказано теориею и опытом, что бедняки больше всего размножаются.

Итак, работники в промышленных государствах, с одной стороны, принуждены довольствоваться очень скудными средствами содержания, с другой, по самой природе человеческой размножаются быстро, и потому предложение их работы бывает больше, и она становится дешевле, отчего происходят неисчислимые бедствия.

Нечего говорить, что опыт и теория доказали совершенную невозможность победить пауперизм различными мерами, которые предлагали политико-экономы, как то: общественная благотворительность (в Англии poor aw), кассы сбережения, техническое образование.

При этаких результатах теории и практики появилось много предположений и исследований о лучшем пособии пауперизму — о пересечении его в корне. [2]

Все мыслители, которые более добросовестно занимались этим предметом и старались решить вопрос общественный (социяльный, названный так в противоположность политическому, в последнем исследуется решение о лучшем образе правления, в социяльном об устройстве счастья общества, Societé, и преимущественно частных лиц, посредством хорошего образа производства промышленности), — все эти мыслители называются социялистами. Из них первый и важнейший St Simon. Другие более практики, нежели мыслители, по большей части без всякого знания дела, видя что есть бедные и богатые, старались обобрать последних и для своего оправдания приводили различные софизмы. Из них важнейший есть Прудон, он может быть почитан их представителем.

---

[1] *зач.*: им [2] *дальше зачеркнут абзац:* 1) Simon de Sismondi первый видел

Еще одно важное различие между социялистами и коммунистами состоит в том, что первые почитают причиною бедствий работников начало конкурренции, на котором основана теперь промышленность, противоположность интересов между производителями и стараются заменить его другим началом, именно ассоциящиею, солидарностью интересов. Другие, наоборот, проповедуют раздел имущества под различными видами и отвергают всякую собственность.

Прежде их появившийся Fourrier, но развивший свою систему почти в одно с ними время, должен быть от них отделен совершенно; краткое изложение, хотя очень недостаточно, но укажет существенное это различие.

1) Simon de Sismondi в своей политической экономии заметил уже, что, несмотря на пользу от введения машин, с этим введением много работников теряют работу, а следственно и барыш, и [1] средства содержания. Он предлагает ограничить возможность вводить машины и предлагает род организации труда под наблюдением правительства, следовательно, должен быть отнесен к социялистам.

2) St Simon. Начало St Simon'a есть то, что он отдает преимущество труду работников перед производительностью капиталов и земли и поэтому требует подчинения капиталистов влиянию работников и постепенного уничтожения частного владения землею; по его мнению, землею должно владеть все общество под наблюдением правительства. Промышленность он советует устроить так, чтобы всякий мог заниматься сообразно своим способностям и получал вознаграждение по мере того, что произвел. A chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres [2] — вот его девиз. Судьею в распределении этого возмездия и определителем или учредителем работ, по его мнению, должно быть правительство или власть, autorité.

3) Louis Blanc, Leroux и прочие этой школы желают, во-первых, организации труда, то-есть вмешательства власти в дело промышленности для того, чтобы оградить работников от притеснения предпринимателей, и главное желают, чтобы работники кроме задельной платы участвовали в барышах предприятия. Далее они говорят, что капитал сам по себе не производит ничего, если к нему не будет приложена работа, а следовательно желают подчинения интереса капиталистов интересу работников. Они провозглашают, что всякий член общества, лишь бы имел желание трудиться, имеет право на содержание от общества — droit autravail, на безвозмездное воспитание детей и т. д.

---

[1] *зач.:* следствие [2] Каждому по способностям, каждой способности по ее делам

4) Proudhon идет еще далее, он и его последователи отвергают вовсе поземельную собственность. Далее Proudhon нападает на излишние барыши предпринимателей промышленности, капиталистов, землевладельцев, высших чиновников, артистов с большим талантом и т. д., вообще вся его система одушевлена завистью к богатым, он предлагает нелепый способ мерять цену всех предметов посредством труда и ценить, напр., как труд первостатейного живописца, так и работу землекопа числом рабочих дней. Далее, чтобы уравнять имения и[1] распределить общественные тяжести равномерно, он и его последователи предлагают, чтобы общество приносило пособия бедным посредством обеспечения им права на труд и minimum содержания и умеривало бы великие фортуны или имения посредством уничтожения частной поземельной собственности и введения так названного impôt progressif, т. е. платежа податей, соразмерно увеличивающегося с доходом. Напр., кто имеет 1000 р. дохода платит по 3%, кто 10 000, тот по 30% и т. д.

Все эти системы более или менее ложны и могут вести ко вредным последствиям, должно, однако, заметить, что один[2] Proudhon отличается особенною резкостью выражений, незнанием первых начал политической экономии и софизмами. Его опровергал Thier, но недостаточно, Thier обнаружил, по моему мнению, тоже много незнания в этом деле. Должно еще заметить, что для России все эти системы совершенно посторонни. Сельское население, хотя в крепостном состоянии, но не нищенствует, потому что крепостное состояние есть вид, хотя грубый, ассоцияции — в строгом смысле интересы барина тождественны с интересами крестьянина, чем последний богаче, тем лучше первому, да и закон обязывает помещиков наделить крестьянина землею. Относительно работников на фабриках, в случае чрезвычайного уменьшения платы за работу, они все обращаются к земледелию — так что в России, собственно говоря, нет пролетариев, ни пауперизма. Это явление повторяется и в других европейских государствах, напр., в Голландии и Пруссии, и везде заметно сравнительное отсутствие нищеты от одних и тех же причин, напр., в Пруссии сельское население наделено землею.

Систему ассоцияции в ближайшем ее применении к мануфактурной промышленности старался ввести практически в Северо-Американских Соединенных Штатах Owen, он даже в 1818 г. на этот предмет получил от покойного прусского короля значительное денежное вспомоществование — но система его рушилась.

---

[1] *зач.:* сделать [2] *исправлено из:* одна система

Вот, сколько мне известно, главнейшие черты социялистических и коммунистических учений. Но учение Fourrier существенно от них отличается, никаким образом нельзя его изложить вкратце, поэтому высказанные здесь черты могут обозначить характер его учения, но никак не его сущность. Лучше всех сократил его учение, по моему мнению, Briancourt в краткой брошюрке «Organisation de travail».

Fourrier, сознавая верховный творческий разум и его единство, заключает, что всякое существо создано богом с запасом средств, совершенно приличным для совершения его судьбы, по его афоризму: l'attraction est[1] proportionnée à la destinée[2], и поэтому, рассматривая судьбу человека на земле, он видит, что ему должно здесь жить, т. е. удовлетворять своим потребностям, влечениям, или как он называет страстям, посредством своей деятельности. Fourrier спрашивает себя, может ли быть, чтобы эта деятельность могла составлять несчастье человека, как это обыкновенно думают, и отвечает, что нет, но что наоборот деятельность эта должна составить его счастье, если же видим противное, т. е. что промышленность производится с тяжелым трудом, то это происходит оттого, что человек не умеет взяться за дело, и поэтому предлагает способы сделать промышленность привлекательною — travail attrayant.

Не стану оправдывать здесь слова страсти, употребленного Fourrier, в теперешнем моем положении на это у меня нет довольно сил; скажу только, что оно употреблено вовсе не в дурном смысле. Fourrier говорит, что природные человеческие влечения, называемые им страстьями, тогда только производят зло, когда дурно направлены, если же они развиваются гармонически, тогда от них происходит добро. Отсюда и его система называется harmonie, на гармонии она вся устроена.

Далее Fourrier говорит, что если по его системе производить промышленность, то она принесет возможно большее количество богатства и будет иметь следствием вместе предупреждение чрезмерного умножения населения. Здесь упрекают его в безнравственности, потому что он ввел в свое учение l'amour libre.[3] Не стану опровергать этого упрека, он опровергается сам при малейшем исследовании учения Fourrier, скажу только, что он вовсе не принуждает к бессемейной и развратной жизни, а только свободу развода в супружестве доводит до крайних пределов, и что при его системе нет проституции и быть не может.

Fourrier не только допускает собственность поземельную,

---

[1] *зач.:* passion [2] l'attraction est proportionelle à la destinée стремление пропорционально предназначению [3] свободную любовь

пользование капиталом, но вообще оставляет неприкосновенными все теперь приобретенные права — он не проповедывает равенства, напротив, выводит счастье человечества из гармонического сочетания этих неравенств.

Далее он не только не советует восставать противу правительства, но даже воспрещает думать о перемене образа правления, порицает везде либералов и упрекает их за их покушения, отдаляющие только эпоху введения повсеместно его системы, и отдает преимущество монархическому образу правления перед другими.

Наконец, средств для этого введения он ищет преимущественно у особ владетельных.

Далее еще говорит, что религиозное чувство есть естественное в человеке, и не только допускает бессмертие души, но, по моему мнению, лучше всех его доказывает.

33. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу И. Л. Ястржембского

Ч. 23, лл. 19—29 об. Основание для датировки указано в легенде к документу 6

Ястржембский
титулярный советник

Донесение Антонелли

Ястржембский, по донесениям Антонелли, был на собраниях у Петрашевского 11, 18 марта, 8 и 15 апреля.

В собрании 11 марта (131)[1] Толь говорил речь о происхождении религии и развивал вопрос, существует ли в людях религиозное чувство, доказывая, что религия убивает нравственность и не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что подавляет развитие ума. На речь Толя многие делали возражения, которые он в свою очередь опровергал. Особенно много и красноречиво говорили Ястржембский и какой-то молодой человек. Чтение началось в 12 часу ночи; а разошлись в 5 утра. Каждый из бывших на собрании имел у себя книгу или бумаги.

В собрании 18 марта (147) Ястржембский говорил речь о науках. Сперва он определял, что есть наука, и разделял все науки на три класса: естественные, философские и политические, и к этим последним относил статистику, говоря, что по-настоящему она должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою; но как великий князь

---

[1] *цифры в скобках обозначают ссылку на страницы части дела 2-й „Предварительные сведения по донесениям агентов".*

в приказе велел называть ее статистикою, то нечего делать, надобно ее так и называть. О богословии он говорил, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков. Потом он предложил себе вопрос: что такое идея и понятие? И объяснил, что понятия и идеи об истине общие всем людям; например, что прекрасное во всяком народе будет называться прекрасным: мы понимаем прекрасное в музыке — гармонию, а турки понимают прекрасное в треске и громе их цинбалов и барабанов; но если этих же турок образовать, тогда без сомнения они будут понимать прекрасное в музыке — и гармонию. После того определял, что такое государство? И говорил, что оно есть собрание людей обоего пола, стремящееся достигнуть развития ума и достоинства человека; что государством может назваться только соединение людей обоего пола. Наконец, Ястржембский на вопрос: имеет ли государство цель? заметил, что Российское государство имеет целию подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного. Он говорил также, что все науки, и в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее. В речи своей Ястржембский часто ссылался на Прудона, но не соглашался с ним в понятии об обществе, говоря, что понятие Прудона об обществе очень ограниченно и что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло в себе весь род человеческий.

Речь Ястржембского, говорит Антонелли, была усеяна солью на здешнюю чиноманию, на чины возвышенных классов, на государя (по словам Ястржембского) — богдыхана, и вообще на все административное.

В собрании 8 апреля (267) Ястржембский с Петрашевским разбирали сочинения Фуррие и Прудона. О сочинениях Фуррие оба они выражались с громкою похвалою, а Прудона и хвалили, и бранили, находя в нем недостатки. Говоря о Ламартине, они относились об нем с самой дурной стороны. Наконец, они нападали на рассуждения в журнале «Des Debats», говоря, что эти рассуждения до чрезвычайности пошлы и даже подлы. За ужином Ястржембский говорил, что он поляк душою и телом; что за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле; но если бы он был уверен, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то он первый бы одним взмахом топора отрубил ей голову. Потом Ястржембский старался убедить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает государя. Доказать это он усиливался разговором своим с извозчиком: Ястржембский начал расспрашивать извозчика о барышах, а этот последний отвечал:

«что барыши твои, бог дал такую дорожку, что горе да и только». На это Ястржембский сказал, что богу до дорожки нет дела, и он, вероятно, теперь лежит где-нибудь на печке, да спит. Переходя от предмета к предмету, Ястржембский спросил извозчика: господский ли он и платит ли оброк? Извозчик отвечал: «не только плачу оброк, да вот еще недавно мне закатили 50 лозонов за то, что не было денег заплатить». Тогда Ястржембский сказал: «зачем же ты платишь оброк? Сколько вас у барина?» Извозчик отвечал — 800. Ястржембский сказал: «вот как бы каждый из вас дал по колотушке барину, так вот и не надо было бы платить оброк, да и лозонов-то нечего было бы вам бояться — так ли?» Извозчик отвечал: «так батюшка». При этом Ястржембский сказал ему: «вот видишь, немцы нехристи, да не берут оброка, как же православные-то дерут с вас мужичков». Извозчик сказал: «да вот батюшка, говорят, что нас хотели сделать вольными, да царю это не выгодно, так он и оставил нас в кабале». Доказав, по мнению Ястржембского, последними словами извозчика то, что он предпринимал, и желая еще более усилить свои доказательства, прибавил, что он был в сношении с польскими, малороссийскими и белорусскими мужиками, что у всех их один и тот же взгляд, т. е. что принцип зла они видят в царе.

В собрании 15 апреля (291) читано письмо Белинского к Гоголю. В этом письме Белинский, разбирая положение России и народа, говорил в неприличных и ругательных выражениях — о православной религии, судопроизводстве, законах и властях. Это письмо произвело всеобщий восторг, и Ястржембский при всех местах, его поражавших, вскрикивал: «отто-так, отто-так».

Потом Петрашевский говорил речь по поводу отдания первенства одному из трех главных вопросов, разбиравшихся 1-го апреля, именно вопросу о перемене судопроизводства. Доказательства его были метафизические и недостойные замечания. Практическое же доказательство его было то, что нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи впредь уверенным в совершенном успехе, что в нынешнее время и невозможно. Между тем, перемены судопроизводства можно достигнуть самым законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, что требуя одну за другою вещью, можно дойти, наконец, и до всего; с достижением же до возможного судопроизводства, откроются глаза всех и на другие вопросы; что главная наша забота состоять должна в том, чтобы внушать всем и каждому требовать различных перемен у правительства совершенно справедливых и совершенно законным образом.

Ястржембский защищал мнение Петрашевского и просил дозволения впоследствии развернуть эту идею еще обширнейшим образом.

Показания свидетелей

Кайданов показал, что Ястржембский на вечерах у Петрашевского говорил о политической экономии четыре или пять раз, приводя примеры для подтверждения своих мыслей преимущественно из статистики Франции и Англии и касаясь о нашем правительстве тогда только, когда решение важных политических вопросов находилось в непосредственной зависимости от мер, принимаемых правительством. Рассуждения эти встречали много возражений от слушателей или [были] поводом продолжительных споров.

Он же, Кайданов, при словесных расспросах упоминал, что когда разбирали сочинения Прудона, Фурье и в особенности Мальтуса, то этим преимущественно занимался Ястржембский, который, между прочим, говорил о социализме; что он касался суждений о государе и что при этом многие возражали, что государя русский народ боготворит.

Михайлов показал, что Ястржембский у Петрашевского говорил: два раза о кредите и один раз о статистике, начав с изложения разных мнений об этой науке; но когда в заключение изложил свое мнение о том, что все науки, которые были до сих пор называемы: статистикой, наукою древностей, политическою экономией и проч., должны составлять одну науку— статистику, то он, Михайлов, опровергал это мнение тем, что такая наука будет заключать в себе столько разнородного, что в ней будет совершенно невозможно сохранить систему и методу.

Ахшарумов показал, что Ястржембский на вечерах у Петрашевского читал лекции в духе социальном.

Ламанский показал, что Ястржембский в две пятницы у Петрашевского излагал историю политической экономии и социализма, а именно: доказывал необходимость свободной торговли и вред запретительной системы насильственным развитием мануфактурной деятельности, следствием которой необходимо должен быть пролетариат, а потом об отношении Прудона к капиталу и мнения об этом экономистов-социалистов и фурьеристов.

Штабс-капитан Львов показал, что Ястржембский на нескольких вечерах у Петрашевского, говоря о политико-экономии, сказал, что при движении народонаселения предположения Мальтуса справедливы, но указания его о преградах к увеличению народонаселения сильно бесчеловечны; по мнению Фурье, этому пособят свободные браки, но что теперь

кроме проституции, он не знает другого средства. О вознаграждении за труд работникам от предпринимателей промышленности он говорил, что в тех странах, где промышленность развита, плата за труд значительнее, но что это имеет некоторый предел, и когда появляется сильная конкуренция, то плата эта уменьшается и, наконец, доходит до того, что работники работают за самую малую плату, недостаточную для их содержания; из этого он выводил соображение пролетариев.

Кашкин показывает, что за ужином у Петрашевского 8 апреля Ястржембский рассказал анекдот об извозчике, с которым он ехал и расспрашивал его дорогою, отчего он платит оброк, а немцы нехристи не платят; и когда кто-то спросил его, питает ли он особую ненависть к немцам, что он их привел в пример, то он отвечал, что ни к какому народу ненависти не питает, а что напротив, хотя он и любит Польшу, как отечество свое, всею душою, но если бы гибель Польши была необходима для счастия всех других народов, то он готов первый принесть топор на отсечение главы ее. После того Ястржембский, между прочим, к какому-то случаю сказал, что в России нет народной любви к государю императору, но он, Кашкин, возражал противу этого.

О Ястржембском упоминается еще в показаниях: Плещеева, Дурова, Тимковского, Филиппова, Деева, Десбута, Толя и Кропотова, но все они ничего особенного к обвинению его не объяснили.

В бумагах Ястржембского, как уведомил г. статс-секретарь кн. Голицын, найдены:

1) письмо Петрашевского от 16 марта о присылке взятого у него списка книг в следующую пятницу,

и 2) письмо Пальма, которым он приглашал Ястржембского к себе, предваряя, что его ожидает многочисленное и благовоспитанное общество, желающее принять его в общие объятия; причем поименованы бывшие уже в то время у него, Пальма, гости, именно Ламанский, Доргобужинов, Артемовский, Толбин и, наконец, как выражено в письме: «наша грешная троица».

Показания обвиняемого

Ястржембский объяснил, что по пятницам начал бывать у Петрашевского с сентября и[ли] конца августа 1848 г. и до времени ареста был там раз 10 или 15.

В первый раз когда он, Ястржембский, пришел к Петрашевскому, какой-то незнакомый ему молодой человек говорил о распределении богатства или дохода по методе Фурье.

Во второй раз какой-то Александр Пантелеич (Баласогло) читал о семейном и домашнем счастии.

При третьем посещении сам он, Ястржембский, читал лекции о любви и потом в 5 или 6 заседаний читал:

1) О распределении промышленности, богатства, ценности, источников богатства: природы, труда, и капитала, потребности, определил различие человека от животного на основании различия и разнообразия потребностей.

2) Теорию населения по Мальтусу и Сею; теорию первоначального распределения богатства или распределения дохода между предпринимателем промышленности, землевладельцем, капиталистом и работником, тут же опроверг нелепое мнение Прудона о поземельной собственности.

3) О торговле: определение ее, различие от спекуляции, определение цены первоначальной и меновой.

4) О кредите и кредитных учреждениях — разбор сочинения об этом предмете графа Цешковского; доказательство, что кредит не может принести настоящего облегчения для пауперизма.

5) Определение статистики и ее различие от других наук политических.

В одну из пятниц Толь читал о религиозном чувстве в человеке, но речи этой он, Ястржембский, не помнит.

15 апреля Петрашевский объявил, что по поводу предыдущего прения, на котором он, Ястржембский, не был, он будет излагать несколько мыслей о том, что полезнее для России: введение ли гласного судопроизводства, или освобождение крестьян? Полного изложения его он, Ястржембский, не помнит, но заключено было, что важнее судопроизводство гласное. В тот же вечер какой-то господин (это Достоевский) читал переписку Белинского с Гоголем.

В самом начале посещений его, Ястржембского, кто-то незнакомый ему говорил речь, из которой он, Ястржембский, понял, что не нужно подражать заговорщикам Западной Европы, а стараться мирным изучением системы Фурье содействовать счастию человечества.

Штабс-капитан Львов читал о специальном образовании.

Несколько вечеров было и таких, на которых никто ничего не читал, а был разговор между группами посетителей.

На тех вечерах, на которых бывал он, Ястржембский, никаких рассуждений об образах правлений и в особенности о предметах, относящихся до России, не было.

Только 15 апреля были читаны приведенные уже им, Ястржембским, статьи, из которых он заключил, что или сам

Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о либеральных установлениях в России, но имели ли они сумасбродную мысль сделать что-нибудь для устройства таких учреждений, он, Ястржембский, положительно не знает.

Сверх сего, при словесном расспросе, Ястржембский объяснил:

а) что разговор с извозчиком об оброке он точно рассказывал, но разговор этот был им выдуман.

б) Говорил также, что, бывая в Малороссии и в западных губерниях, он убедился, что вообще простой народ не имеет понятия о высшем правительстве и далее станового пристава не знает.

Это он утвердил письменно.

Кроме сего, при тех же словесных расспросах Ястржембский говорил:

1) что на вечерах у Петрашевского он иногда смеялся над чиноманией

и 2) что также сказал однажды, что если бы он видел, что бедные классы страдают, то отказался бы от своей задушевной мысли: восстановления Польши.

О сих обстоятельствах Ястржембский в письменном своем отзыве ничего не упомянул.

34. 1849 г. июня 11. — Допрос И. Л. Ястржембского по вопросным пунктам

Ч. 23, лл. 30—57. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросные пункты имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отчество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Иван Львов сын Ястржембский, 35 лет отроду, вероисповедания римско-католического, все религиозные обряды своевременно исполнял.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Жив у меня отец, дворянин, находится Минской губернии в Речицком уезде.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет, и когда окончили воспитание?

[О.] Первоначально воспитывался в Овручском базилианском монастыре, в Виленской гимназии и начал курс в бывшем Виленском университете на свой счет; был принят на

казенный кошт в Киевском университете и кончил курс в Харьковском университете в 1841 году, но диплом получил в 1842 году.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом, и, если были, то за что именно?

[О.] Состою на службе в Санкт-Петербургском технологическом институте с 1-го майя 1843-го года, помощником инспектора классов, получил там чин титулярного советника. Под следствием и судом прежде сего никогда не был.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Ни недвижимого имения, ни капиталов не имею, содержал себя жалованьем, на службе получаемым, и уроками, которые давал в Дворянском полку и в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Семейства не имею.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] С следующими лицами: подполковником путей сообщения Мрочковским, дворянином Минской губернии Гаусманом, занимающимся здесь хождением по делам; чиновником Инспекторского департамента Военного министерства Францом Козловским, который служил прежде в сенате, они мои земляки, и с помощником столоначальника в почтовом департаменте Ивановым.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границею?

[О.] Внутри государства я писал письма и получал обратно от моего отца, сестры и других родственников, живущих в Минской и Волынской губернии, также от помещика Минской губернии Михайлы Быковского; и переписывался иногда с помещиком Тамбовской губернии Усманского уезда, князем Юрьем Николаевичем Голицыным, с которым познакомился в Харькове. Раз получил письмо от родственника моего, служащего по таможне в царстве Польском, за границу никогда писем не писал и оттуда не получал.

[В.] 8. Давно ли вы знакомы с Петрашевским?

[О.] Знаком я с Петрашевским с 1848-го г. 1-го майя, когда первый раз у него был, а видел его первый раз того же года в марте. И. Ястржембский.

[В.] 9. Что вас побудило познакомиться с Петрашевским?

[О.] Быв 1-го майя 1848-го г. в Екатерингофе, Дуров и Щелков уговорили меня зайти к Петрашевскому по дороге, что я и сделал. И. Ястржембский.

[В.] 10. Часто ли вы посещали вечера его?

[О.] Я у Петрашевского был раз 10 до 15. И. Ястржембский.

[В.] 11. Сколько бывало людей на вечерах этих и кто из них постоянно посещал эти вечера?

[О.] На этих вечерах бывало от 15 до 20 человек. Чаще всего видывал я у Петрашевского следующие лица: Чирикова, Баласоглу, Толля, Монбелля, Щелкова, Дурова, Пальма, видывал часто и других, но их фамилий не знаю. И. Ястржембский.

[В.] 12. Известно, что в собрании у Петрашевского 11 марта Толь говорил речь о происхождении религии, доказывая между прочим, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я помню, что Толль * говорил о происхождении религии от страха [1] перед внешнею природою и ее силами, но по самой чистой совести не могу сказать, говорил ли он или нет, что религия вредна. И. Ястржембский.

[В.] 13. На собрании у Петрашевского 18 марта вы говорили речь о науках и, между прочим, объясняли, что статистика по-настоящему должна называться не статистикою, а общественною социальною наукою, но как великий князь велел называть ее статистикою, то нечего делать, надобно ее так и называть. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я говорил точно о статистике и, желая определить, что такое есть статистика, привел различные мнения авторов и сказал, что придерживаюсь мнения Нимана, по которому: статистика есть теория государства или общества, [2] что другие авторы называют науку такую политическою экономиею, но что совершенно все равно, как не называть ее и что так она называется у нас в военно-учебных заведениях с утверждения великого князя. И. Ястржембский.

В доказательство этого прошу покорнейше сыскать между моими бумагами писанную лекцию мою об этом предмете — именно, о п р е д е л е н и е с т а т и с т и к и — и т. д.

[В.] 14. Вместе с тем вы говорили, что все науки, в особенности статистика, показывают прямо на социальное правление, как наилучшее. Объясните смысл этих слов.

[О.] Этих слов я не говорил и даже вовсе их не понимаю. И. Ястржембский.

[В.] 15. На том же собрании вы говорили о богословии, что это не наука, а какие-то бредни, вышедшие из монашеских клобуков. Объясните слова эти.

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *отмечено на полях*

[О.] Я говорил, что богословие не составляет вовсе науки, но занятие особого рода людей. И. Ястржембский.

[В.] 16. На том же собрании вы, развивая вопрос — имеет ли государство цель, говорили, что Российское государство имеет целию подчинить достоинство всех людей, его составляющих, выгоде и пользе одного. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Я говорил действительно, что государство вообще не имеет никакой цели,[1] потому что существует по воле провидения, и что, следовательно, из этого вытекает, что никто не может отложиться от государственной жизни произвольно, но о Российском государстве вовсе не говорил, *относительно же развития человечества я говорил, что действительно со временем должно предполагать, что признаки отдельных народностей соединятся в одно, будет общий язык, общие меры и т. д. — по учению Фурье.[2] И. Ястржембский.

К этому показанию я почитаю нужным добавить, что слова: Российское государство имеет целью подчинить достоинство людей выгоде одного, были сказаны кем-то другим, не хочу ни закрывать никого, ни показывать на невинного, а мне показалось, будьто слова эти сказал Балас-оглу, или Дуров. Титулярный советник И. Ястржембский.

[В.] 17. Вы на том же собрании говорили, что человек должен стремиться составлять не какие-нибудь отдельные общества, но одно целое, которое бы соединяло весь род человеческий. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Об этом уж я показал. И. Ястржембский.

[В.] 18. В тех же разговорах вы восставали на здешнюю чиноманию и на чины возвышенных классов, причем, если желали назвать кого дураком, говорили: «действительный статский советник». Вообще вы восставали на все административное, а государя называли богдыханом. Сделайте об этом объяснение.

[О.] *Над чиноманиею я смеялся действительно,[3] но об остальном я не говорил. И. Ястржембский.

[В.] 19. Известно, что в собрании у Петрашевского 8 апреля — за ужином вы, между прочим, говорили, что за свободу Польши готовы позволить выпустить себе всю кровь по капле, но если бы вы были уверены, что самостоятельность Польши вредна развитию общечеловеческой идеи, то вы первый одним взмахом топора отрубили бы ей голову. Сделайте об этом объяснение.

---

[1], [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *отмечено на полях и вторично подчеркнуто красным карандашом*

[О.] Это было гораздо прежде, нежели 8 апреля, речь была о том, что в Европе поляки теперь своими возмущениями мешают развиться системе Фурье, которая может только водвориться при совершенном спокойствии и твердости правительств. Я сказал, что я в душе поляк и *готов жизнь свою дать за восстановление[1] польской народности, но если этого требует счастье человечества, то я жертвую совершенно польскою народностью. И. Ястржембский.

[В.] 20. При том же разговоре за ужином вы старались уверить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает государя, и доказывали это разговором своим с извощиком об оброке. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Г. Головинский рассказывал, что простой народ русский надеется на царя в своем освобождении от крепостного состояния, я же говорил наоборот, что простой народ говорит в пословице: бог высоко, царь далеко, *и что он вовсе не имеет точного понятия о высочайшей власти, старался подтвердить это анекдотом об извощике, который сказал эту же пословицу и после добавил, что если бы царь хотел, то мог бы и освободить, да бог весть захочет ли. Разговор с извощиком об оброке[2] я точно рассказывал. И. Ястржембский.

Здесь я должен тоже добавить, что * слова: «простой народ принципом зла почитает государя» сказал тоже кто-то другой,[3] но кто именно, я в общем разговоре не заметил. И. Ястржембский.

[В.] 21. Вы говорили также, что быв в Польше, Малороссии и Белоруссии, вы убедились, что у всех тамошних мужиков один и тот же взгляд, т. е. что принцип зла они видят в царе. Объясните и этот разговор.

[О.] Я[4] должен заметить, что в Польше я не был, а о[5] Белоруссии и Малороссии я говорил, что простой народ не понимает сущности верховной власти, а о том, что видит принцип зла в государе, я вовсе не говорил. И. Ястржембский.

[В.] 22. Вы говорили еще, что в России нет народной любви к государю императору. Объясните слова эти.

[О.] Этого я вовсе не говорил. И. Ястржембский.

[В.] 23. Известно, что на собрании у Петрашевского 15 апреля Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве и, между прочим, говорил, что переменою судопроизводства откроются и все прочие недостатки и что восстания нельзя предпринимать без

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях. Вся фраза подчеркнута красным карандашом* [2], [3] *подчеркнуто красным карандашом* [4] *зач.:* говорил [5] *в подлиннике:* в

уверенности в совершенном успехе, что перемены судопроизводства можно достигнуть законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, и что, достигнувши перемены в судопроизводстве, можно будет требовать у правительства и других перемен. Дайте о сем объяснение и покажите, было ли читано на этом собрании письмо Белинского к Гоголю?

[О.] *Петрашевский действительно говорил в этом смысле.[1] И. Ястржембский.

[В.] 24. Кроме указанных вам разговоров, происходивших на собраниях у Петрашевского, не было ли там говорено еще чего-нибудь особенно замечательного в отношении правительства и кто именно говорил?

[О.] Я ничего не слышал. И. Ястржембский.

[В.] 25. Объясните подробнее, почему вы вывели заключение из того, что было читано в собрании у Петрашевского 15 апреля, что или сам Петрашевский, или некоторые из его посетителей могут мечтать о либеральных установлениях в России?

[О.] Я это думал и заключил это из речи Петрашевского о публичном судопроизводстве и из того, *что Кузьмин говорил[2] о свободе печати. И. Ястржембский.

[В.] 26. Объясните, какие статьи читали вы на вечерах Петрашевского, кроме тех, которые вам уже указаны?

[О.] Кроме тех статей, которые я поименовал, никаких более не читал. И. Ястржембский.

[В.] 27. Бывали ли вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Кузьмина, Дурова, Данилевского, и не было ли подобных собраний и у других лиц?

[О.] У Дурова я бывал, но вовсе не на собраниях, а у прочих лиц я вовсе не был и о других подобных собраниях не знаю. И. Ястржембский.

[В.] 28. Кто еще посещал эти собрания и чем там занимались?

[О.] Отвечал на предыдущем вопросе. И. Ястржембский.

[В.] 29. Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне обозначенных собраний, то обязываетесь все то показать с полною откровенностию.

[О.] Теперь не помню, а если вспомню, то непременно представлю. И. Ястржембский.

[В.] Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное направление.[3]

---

[1] *отмечено на полях и подчеркнуто красным карандашом* [2] *подчеркнуто* [3] *приписано карандашом:* или социальное

[О.] Либеральным себя я не сознаю, а * держусь системы Фурье,[1] который придерживается монархического образа правления и советует употреблять * правильно страсти человеческие в деле производства богатства.[2] И. Ястржембский.

[В.] Что вы знаете об учителе Белецком?

[О.] Я с этим лицом не знаком.

Во всех сих ответах моих на предложенные мне вопросные пункты написал я сущую истину и ничего более прибавить не имею, в чем и подписуюсь.

Титулярный советник Иван Ястржембский.

[В.] Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Черносвитовым?

[О.] Фамилия Черносвитова мне вовсе не знакома. Не знаю, знакомо ли лицо, потому что я нескольких из бывавших у Петрашевского знаю в лицо, потому что видел их, но их фамилий не знаю. Впрочем, я должен добавить, что ни с кем из посещавших[3] Петрашевского я близко не познакомился. И. Ястржембский.

[В.] Есть показания, что разговоры Черносвитова на вечерах у Петрашевского внушали мысль, что он шпион. Произвел ли Черносвитов и над вами такое впечатление?

[О.] Таких разговоров, которые бы могли мне внушить мысль, что лицо их произносящее есть шпион, я не слышал на вечерах у Петрашевского ни от кого. И Ястржембский.

35. 1849 г. до 20 июля.— Допросы И. Л. Ястржембского о разных лицах

Ч. 119, „Выс. повеления и другие бумаги. относящиеся до лиц, прикосновенных к делу, а также до лиц, свободенных от допросов", на 459 лл. Ответы — автограф. Основание для датировки см. в легенде к документу 9

I

Л. 67

[В.] Часто ли г. Бурнашев посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Этого лица я вовсе не знаю. И. Ястржембский.

II

Лл. 73—74

[В.] Объясните, часто ли посещали собрания Петрашевского и с которого времени нижепоименованные лица, а также имена, отчества и звания их, где служат и имеют жи-

---

[1] *подчеркнуто* [2] *отмечено на полях* [3] *исправлено из:* посещающих

тельство: Вернацкий, Авдеев, Стальницкий, Григорьев, Ратовский, Степанов, Аслан, Гренков, Полянский, Матрашенко, Стасов 1, Стасов 2, Макеев, Сипко, Михайлов, Сундуков 1, Сундуков 2, Назаров, Петров, Взметнев, Бурнашев.

[О.] Я знаю одного Вернацкого, Ивана, профессора политической экономии в Киеве, видел его в Петербурге, но у Петрашевского не видал. Да и видел Вернацкого в Петербурге, когда Петрашевского вовсе еще не знал.

Остальных лиц фамилии вовсе мне не известны. И. Ястржембский.

Должен добавить, что один раз видел я там у Петрашевского лицо, которое называли Бернардский, и что знакомый мой и бывший товарищ Киевского университета имеет фамилию Вернадский — был в Петербурге проездом из-за границы в Киев. И. Ястржембский.

III

Л. 85

[В.] Как имя и отчество г. Витковского, посещавшего собрания Петрашевского, какого звания, где служит и имеет жительство, а также не известно ли вам, с которых пор он начал посещать эти собрания и когда прекратил посещения.

[О.] Фамилия г. Витковского мне вовсе не известна. Может быть я у Петрашевского и видел его, но никаких подробностей сообщить не могу о том, кто он таков, где живет и т. д. Вообще я по фамилии знаю только из посещавших Петрашевского тех лиц, которых поименовал в прежних моих ответах. И. Ястржембский.

Считаю необходимо нужным добавить, что я искренно желаю дать комиссии все возможные сведения, которые могу сообщить, поэтому всепокорнейше прошу, если можно, сообщить мне какие-нибудь физические или нравственные признаки г. Витковского, тогда я может быть, если не фамилию (которой по совести не знаю), но лицо его вспомню. И. Ястржембский.

IV

Л. 123

[В.] Часто ли г. Михелин посещал собрания Петрашевского и какое он принимал в них участие?

[О.] Этого лица я вовсе не знаю. Ястржембский.

V

Л. 151

[В.] Часто ли г. Петров посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие?

[О.] Этого лица я вовсе не знаю. Ястржембский.

Л. 202

[В.] Часто ли г. Ховрин посещал собрания Петрашевского и какое принимал в них участие? Кавалергардского ее величества полка поручик. Это же объяснение нужно: об аудиторе Александрове, о Николае Петровиче Семенове, о Петре Петровиче Семенове, об учителе Ратовском, о г. Вернацком.

[О.] Об этих лицах я тоже могу только сказать, что я их вовсе не знаю — за исключением фамилии Вернацкого, фамилию эту и лицо я знаю, но лицо, которое так[1] зовут, я никогда не видал у Петрашевского. Тоже должен сказать, что никакого кавалергардского офицера там не видал. И. Ястржембский.

36. 1849 г. октября 20. — Подписка И. Л. Ястржембского, данная Военно-судной комиссии

Ч. 120. „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссиею над злоумышленниками". На 619 лл. Л. 402. Ответ — автограф

Г. титулярному советнику Ястржембскому.

[В.] Высочайше учрежденная для суждения вас по полевым военным законам Военно-судная комиссия предлагает вам объяснить: не имеете ли вы, в дополнение данных уже вами при следствии показаний еще чего-либо к оправданию своей вины представить?

[О.] На этот запрос честь имею отвечать, что ничего нового добавить к прежним моим показаниям не имею, а только повторяю то, что в Следственной комиссии сказал словесно, что никакого злого умысла не имел. Титулярный советник И. Ястржембский.

20 октября 1849 г.

37. 1849 г. ноября 10. — Показание И. Л. Ястржембского

Ч. 120, лл. 593—594. Автограф

В высочайше учрежденную Военно-судную комиссию
титулярного советника Ястржембского

Дополнение к показаниям

В бытность мою в Военно-судной комиссии я совершенно позабыл тех запросов, которые мне были сделаны в След-

[1] так зовут *исправлено из:* ее имеет

ственной комиссии, теперь я их несколько вспомнил и всепокорнейше прошу принять в мое оправдание то, что следует.

1) Меня обвинили, будьто я называл государя императора богдыханом, — это обвинение я отвергаю со всею силою невинности — я полагал, что мне дадут по этому случаю очную ставку с моими обвинителями, и не знаю, имею ли право сам просить о ее назначении, — это я узнал едва сегодня от господина коменданта. Если это мне поставляется в вину, то всепокорнейше прошу дать мне очную ставку для обличения обвинивших меня в лживом показании.

2) На меня показывали, что я в одной из моих бесед сказал, что «цель Российского государства состоит в подчинении всего одному лицу». Это я равномерно не говорил и в доказательство прошу очной ставки. Мысль эту или что-то подобное сказал кто-то другой, и если мне поставить в вину, что я слыша не донес, то в мое оправдание могу сказать, что когда эти слова были произнесены, я был занят разговором о другом предмете и даже их хорошо не расслышал и вспомнил даже гораздо позже сделанного мне о них допроса и добавил мое показание после.

3) Равномерно прошу очной ставки насчет обвинения меня в произнесении будьто бы слов: что статистика в военно-учебных заведениях называется так потому, что так приказал великий князь; этого я никогда не говорил.

4) Еще меня в комиссии спрашивали, что значат слова, произнесенные мною: «я — поляк и за восстановление польской народности готов пожертвовать жизнью, но если нужно для счастия человечества, то сам готов изрубить эту народность». Таких резких слов я не употребил, а как некоторые из присутствующих охуждали поляков за то, что они производят мятежи в Европе и тем препятствуют спокойному водворению народного благосостояния и богатства, то я сказал только, что хотя бы и желал восстановления польской народности, но если оно должно быть сопряжено с мятежом и войною, то от него отказываюсь.

5) В последний раз только моей бытности у Петрашевского я услышал чтение переписки Белинского с Гоголем и беседу Петрашевского о пользе введения в России гласного судопроизводства. Если я могу быть обвинен в том, что не донес о том, что слышал, то в оправдание скажу, что я незадолго[1] после того был арестован и не имел времени обсуждать важности слышанного мною.

6) Также показано на меня, будьто бы я сказал, что русские крестьяне почитают государя принцыпом зла — этого

---

[1] *зач.:* перед те

я не говорил и равномерно в доказательство прошу очной ставки. Также относительно анекдота, который я рассказывал в последний раз моей бытности у Петрашевского, то он заключался в следующем: что один извощик жаловался на дороговизну оброка и сказал, что если бы царь хотел, то может быть и были бы мы свободны, но бог высоко, царь далеко. Вот единственно слова, которые я сказал, если что больше показано, то это выдумка.

В заключение еще раз призываю в свидетели бога, что не только сам не имел никакого злого замысла, но и в других не мог его подозревать и всегда был верноподанным и спокойным гражданином. Если же я сознался в том, что в политической экономии следую учению Фурье, то этого не почитаю преступлением, так как Фурье повелевает почитать учрежденные власти, отдает преимущество монархическому образу правления, почитает право собственности, и все его учение ознаменовано отвращением от либерализма, демагогии, мятежей и возмущений.

Титулярный советник И. Ястржембский.

10 ноября 1849 г.

ДЕЛО

П. А. КУЗЬМИНА

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ П. А. КУЗЬМИНА

38. 1849 г. мая 2. — Сообщение И. П. Липранди Следственной комиссии

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 32. „Следственное дело о штабс-капитане Генерального штаба Кузьмине". На 176 лл. Л. 15

Д. с. с. Липранди объясняет, что арестованный Генерального штаба штабс-капитан Кузьмин прежде квартировал на углу Вознесенского проспекта и Большой Садовой улицы, в доме отставного офицера Шабашева (где помещается часть управы благочиния), и что Кузьмин за 9 месяцев перед сим, отъезжая в отпуск, оставил бумаги свои у самого домохозяина Шабашева, а возвратившись в С. Петербург, не взял от него этих бумаг. Г. Липранди полагает необходимым взять все находящиеся в дома Шабашева бумаги Кузьмина.

39. 1849 г. мая 6. — Отношение за № 17 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных, кн. А. Ф. Голицына, к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 32, л. 13

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Честь имею уведомить ваше высокопр-во, что при рассмотрении уложенных вместе в одном тюке бумаг штабс-капитана Генерального штаба Кузьмина и отставного капитан-лейтенанта Кузьмина не оказалось в них ничего подозрительного; и так как между бумагами первого встречается довольно значительное число служебных, то не благоугодно ли будет вам, м. г., сделать распоряжение о возвращении их по принадлежности.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

40. 1849 г. мая 7. — Показание П. А. Кузьмина

Ч. 32, лл. 1—4 об. Автограф. Содержание показаний 7 и 19 мая изложено с большой точностью в записках П. А. Кузьмина (Русск. Старина, 1895, март); они перепечатаны в сб. „Петрашевцы" под редакцией П. Е. Щеголева, т. I, ГИЗ, 1926, стр. 176—181[а])

Господа почтенные члены комиссии, в заседание свое 6-го мая 1849-го года, изволили объявить мне, Генерального штаба штабс-капитану Кузмину, что сделалось известным правительству либеральное направление моих мнений; и в виде улики было сказано, что я по приезде своем в С. Петербург был у г. Петрашевского 1-го, 8-го и 15-го прошедшего апреля, а 16-го апреля был вечер же у меня, и на этом вечере были в числе прочих гг. Петрашевский и Баласогло. После многих вопросов о взгляде моем на системы Фурье и других систематиков, после вопросов насчет характера[1] и предметов разговора на вечерах у г. Петрашевского и на вечере, бывшем у меня, — приказано мне изложить на бумаге все, что найду сказать об этих предметах.

* Мнение мое насчет социальных систем было, есть и будет таково, что все они могут существовать только на бумаге,[2] в применении же никогда, потому что основание всех их ложно. Все гг. систематики воображают человека добродетельным, без всяких дурных наклонностей и проч. Очевидно, что основание это ложно, человек далеко не таков и устраивать целые общества из собрания таких идеальных господ несбыточно, не только теперь, но и никогда, потому что каждое общество с последовательным развитием проявляет новые потребности, получает новые убеждения, новые понятия об истине, открывает дары природы и законы природы, доселе незамеченные. Мне скажут — разве истина не одна и вечна? Так, но понятия об ней различны сообразно развитию века, например: мы принимаем за неопровержимую истину, что земля обращается около своей оси и обходит вокруг солнца; несколько же веков тому,[3] Галилей был приговорен за высказание этой идеи к сожжению на костре, как еретик.

То, что я имел честь высказать о взгляде моем на все системы, заключает в себе и мнение мое, возможно ли приготовить человечество к принятию хотя со временем какой-либо системы утопической для своего устройства. Положим, что такая-то система и удовлетворила бы во всех подроб-

---

а) *Там же (стр. 172—190) Кузьмин подробно рассказывает и о других обстоятельствах следствия. В. И. Семевский предполагает, что при составлении своих записок, в 70-х гг., Кузьмин имел возможность пользоваться подлинным следственным делом.*

[1] *зач.:* вечеров [2] *подчеркнуто и отмечено на полях* [3] *вымарано одно слово*

ностях понятиям нескольких человек о лучшем устройстве общества, но где же средства к применению ее для всех? Скажут, проповедание ее и приготовление постепенное. Но могут ли нескольких убедить всех? Не найдутся разве люди, которые подметят слабые стороны и опрокинут этот карточный домик? Спаситель был сын божий, имел двенадцать апостолов и семьдесят учеников, поучал народ проповедью и притчами, творил чудеса! Но из 900 000 000 населения земного шара едва ли половина приняла слово божие, но и принявшие не все согласны во многих пунктах, а от рождества христова прошло без года восемнадцать с половиною веков.

* Характер вечеров у г. Петрашевского и вечера, бывшего у меня, отличался [1] от вечеров, обыкновенно бывающих, только тем, что на них не было карточной игры: [2] действительно это редко, чтоб молодые люди собравшись могли провести несколько часов без карт, когда видим на каждом шагу, что юноши, едва покинувшие школьную лавку, преважно берут предлагаемую карточку и заседают за зеленым столиком, теряя деньги, здоровье, время, но, что важнее всего, привыкают к этому занятию, которое потом [3] делается для них потребностью. Мало ли людей, расстроивших свое состояние картами; мало ли людей, составивших себе огромное состояние картами, на счет других, пущенных через то по миру; сколько преступлений совершилось от карт; наконец, время, проведенное за картами, человек добровольно отрекается от великого дара, данного ему всевышним — дара слова, потому что карточные, так называемые, переговоры можно кажется заменить условными знаками или марками и тогда дар слова была бы способность излишняя; что может быть оскорбительнее для гостя, ежели хозяин думает, что его нельзя занять иначе, как составить для него партию, то есть обратив хотя на время в бессловесные! Ежели нет карт, то время может быть проведено * в чтении или в беседе, и человек, у которого совесть чиста, выскажет прямо, при всех взгляд свой на вещи, верен [4] ли этот взгляд или ошибочен: если он будет [5] верен, то явятся подтверждения, если же нет, то опровержения, — произойдет соударение мнений, а соударение мнений может дать истину. Живая беседа развивает человека, * нет предмета, который бы не мог быть предметом беседы того или другого круга, сообразно развитию, понятиям и интересам людей; но разграфить и распределить общество по [6] графам, назначив такая-то графа может говорить только о том, такая о том и так далее, невозможно, потому что хотя каждое общество состоит из известных слоев, но

---

[1] *зач.:* тем [2] *подчеркнуто и отмечено на полях* [3] *вставлено* [4] *подчеркнуто* [5] *вымарано:* пра [?] [6] *вымарано одно слово*

слои эти так плотно сливаются, что, касаясь одного, нельзя не тронуть остальных. Кроме того, способность мышления, данная нам всевышним, так неуловима, что оковать ее невозможно,[1] — разум дан ей в руководство. Даром слова выражается отличительная способность человека — свобода мышления и мера руковождения ее разумом. Для внешних же действий — существуют положительные законы, основанные на истине и справедливости: история законодательства показывает постепенное развитие понятий народов об истине и справедливости, выражаемое в законах, всегда сообразных с современною потребностию. Но, возразят мне, как же уловить потребность той или другой меры своевременно? Вот для этого всевышний * дал человеку способность выражать свои мысли словами.[2] Но необходимо внимательно заметить, что * говорить и действовать[3] — суть вещи весьма различные: действовать может только власть, а «нет власти не от бога и существующие * власти от бога[4] учреждены», говорит святой закон наш: * в нашем благословенном отечестве она[5] вручена свыше государю императору; и можно ли беседу частных лиц считать яко действие и действие преступное,[6] когда вероятно почти все эти лица[7] служили и служили добросовестно отечеству и священной особе государя; оказали ли они на службе своей какие-либо действия, противные указаниям благополучно царствующего монарха?

Переходя к * предметам разговоров на этих вечерах, имею честь предупредить, что не все выражения произнесенные могу припомнить, за свои же отвечаю потому, что ежели не припомню слов, то смысл вероятно не будет изменен, потому что я во всех разговорах, которые когда-либо вел, не говорил против совести и убеждений,[8] правда, случалось мне и терпеть за это, может быть и [9] впредь потерплю, может быть наживал я себе и недоброжелателей, этому же может быть я обязан и теперешним заключением своим; но никто не упрекнет меня в каком-либо недобросовестном поступке, в домогательстве чего-либо кривыми путями. Этими словами я никак не хочу доказать или даже сказать, чтоб вся жизнь моя была безгрешна и безукоризненна, и в солнце есть пятна, кто богу не грешен, царю не виноват, * кто не делал в жизни ошибок;[10] но человеку дан разум, чтоб оценить ошибки, и воля — исправить их.[11]

Господам почтенным членам комиссии известно, что предметом разговора в вечере 1-го апреля было: * улучшение су-

---

[1] *подчеркнуто*; потому что хотя... остальных *отмечено на полях* [2, 3, 4] *подчеркнуто* [5] *вставлено* [6] *подчеркнуто* [7] *вставлено* [8] *подчеркнуто и отмечено на полях* [9] *вставлено* [10] *подчеркнуто* [11] *от слов:* правда, случалось *отмечено на полях*

допроизводства и судоустройства, свобода книгопечатания и уничтожение крепостного состояния.[1]

* Но толк об этих предметах нарушил ли хотя на один атом благополучное спокойствие нашего отечества? Да и мог ли нарушить?[2]

Судопроизводство и судоустройство мне мало знакомы, потому что ни сам я не служил в судебных местах,[3] ни дел в судах не имел, но знаю, что * закон не отвергает, что могут быть неправильные решения, несмотря, что законом сделан подробный свод и ежегодно издаются прибавления к этому своду, а потому допускается перенесение дел на аппеляцию,[4] и * ежели решения различных инстанций бывают не[5] только не сходны, но иногда и прямо противоположны, то очевидно, что одна из инстанций применила законы правильно, а другая неправильно.[6] Без сомнения, в судебных местах высших и высших инстанций заседают лица с большею и большею опытностию, то неправильное применение законов нижними инстанциями не всегда может * произойти от неблагонамеренности, а часто от неопытности. Но всегда ли проигравший дело может воспользоваться правом перенесения дела на аппеляцию? Очень редко, часто средства его так ограничены, что он не только не в состоянии[7] доехать до столицы, т. е. довести дело до Правительствующего сената, но[8] даже до губернских присутственных мест. * Неужели же сочувствие к этому может быть вредно для государства,[9] и тем более сочувствие, высказанное в небольшом круге знакомых! ? . . .

* Совершенной свободы книгопечатания не существует нигде: даже во Франции, где ныне республика,[10] закрывают иногда конторы журналов и останавливают на почте нумера, вышедшие из печати и почти отправленные; следовательно, возможно ли совершенно свободное книгопечатание в государстве самодержавном? * Но излишнее стеснение его может быть иногда не безвредно. Перехожу к уничтожению крепостного состояния. Некоторые меры правительства вели к этому, именно: указ об обязанных крестьянах; право, данное крестьянам имений, продаваемых с публичного торга, выкупаться,[11] внося сумму равную той, которую предложил покупщик перед последним ударом молотка, и даже дан на это кажется месячный срок; * право, данное крепостным людям,

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено карандашом на полях* [2] *отмечено на полях* [3] *отмечено красным карандашом на полях* [4] *подчеркнуто и отмечено на полях* [5] не только *вставлено вместо зачеркнутого*: иногда [6] *отмечено на полях* [7] *отмечено на полях, поставлен* № [8] *вставлено* [9] *подчеркнуто, весь конец абзаца отмечен на полях* [10] *подчеркнуто, отмечено на полях черным и красным карандашами* [11] *подчеркнуто и отмечено на полях, слова о мерах правительства отмечены красным карандашом*

приобретать недвижимую собственность,[1] в этом указе даже сказано — если принадлежали крепостным такого рода собственности, приобретенные[2] на имя помещиков, то предоставляется помещикам передавать купчими крепостями на бумаге[3] низшей ценности такие собственности крестьянам, в течение десяти лет. Ужели кто станет опровергать благодетельность этих узаконений, ведущих к цели высокой, путем постепенным; мер безобидных для всех и для каждого? * Разве было говорено что-нибудь вопреки этих мер?[4]

На вечере, бывшем 8-го апреля, приписывают мне, что я говорил, что народ считает царя земным богом, а ежели и бывает недоволен, то местными властями, * непосредственно на него действующими. Не припомню, на чьи и на какие слова говорил я это, даже не припомню в каких словах выразился, но не отрекаюсь, что мог говорить это,[5] потому что убежден и теперь в справедливости приписываемой русскому народу преданности своему государю.

* На вечере 15-го апреля чтение письма Белинского к Гоголю произвело на меня грустное впечатление, видно, что писано было в раздраженном, болезненном состоянии,[6] но «не суди, да не осужден будешь» или лучше, вспомня евангельскую притчу о блуднице, приговоренной, по тогдашнему обычаю, к побитию каменьем, и Христос спас ее, сказав: «Пусть первый камень бросит тот, кто себя считает невинным», и первого камня никто не бросил.

На вечере, бывшем 16-го апреля у меня, говорят, * что Белецкий сказал будто приготовил своих учеников к принятию новых идей.[7] Я слов этих не слышал.

А почему * Петрашевский и Баласогло были мною приглашены, — скажу, что видел в них людей умных, образованных и хорошо ко мне расположенных;[8] то я не видел причин избегать их общества.

Штабс-капитан Кузьмин.

7-е мая 1849-го года.

41. 1849 г. мая 19. — Показание П. А. Кузьмина

Ч. 32, лл. 9—11. Автограф. См. легенду к документу 40[а])

Высочайше учрежденная Следственная комиссия в заседание 17-го мая 1849-го года приказала, чтоб я пополнил показания мои от 7-го мая — объяснением разговора моего с

---

[1] *подчеркнуто* [2] *вставлено* [3] *вставлено* [4], [5], [6] *подчеркнуто и отмечено на полях* [7] *подчеркнуто, весь абзац отмечен на полях* [8] *подчеркнуто*

[а]) *Разговор с Антонелли передан довольно точно и в другом месте записок П. А. Кузьмина (Русск. Старина 1895, февраль), перепечатанных в сб. „Петрашевцы", т. I, на стр. 66—77.*

г. Антонелли в вечер 15-го апреля на счет г. Шрамченки и согласен, или не согласен я со взглядом того же Антонелли на состав общества, бывшего у меня на квартире, вечером 16-го апреля.

В ответ на первое, я припомню по возможности сущность всего разговора моего с Антонелли.

* На приглашение г. Толя быть 16-го вечером у него, переданное мне через Антонелли, я отвечаю, что завтра у меня самого будут гости. [1]

— Так милости просим с гостями вашими.

Мне так странен показался этот способ составлять у себя вечера, что я взглянул на Антонелли и, не встретив его взора, отвечал: «Я не думаю, чтоб я мог предложить моим гостям подобное переселение».

— Так не можете ли вы отложить ваш вечер до после завтра?

Теперь лед плох на Неве, отложивши на день, мост могут развести, а я скоро уезжаю совсем.

— Нельзя ли вам отложить, вероятно большая часть ваших гостей теперь здесь, вы можете предупредить их.

— Из тех, которые здесь, я просил только г. Петрашевского, г. Баласогло, а теперь прошу вас, сделайте моему вечеру честь вашим посещением, и прошу вас передать мое приглашение г. Толю; а в воскресенье или в другой день, какой назначите, я с удовольствием буду к вам.

— Кто же еще будет у вас, кого вы не можете привести к нам?

— Будет брат мой, будут гости моих товарищей по квартире, потому что я живу не один.

— Кто же будет?

Из гостей моих товарищей будет один господин, хотя и светский, но служащий в духовном ведомстве, занимающий хорошее место, и как человек умный и кончивший курс в университете, следовательно образованный, то пользуется уважением и имеет вес по месту, занимаемому им.

— Ах, не такой-то ли? — спросил меня Антонелли, назвал не помню какую-то фамилию, говоря, что он адъютант.

Нет, это статский, * некто Шрамченко, кажется секретарь консистории, он еще в гимназии желал занимать подобное место. [2]

Вот, почти от слова до слова мой разговор с г. Антонелли.

* Вывести же из этого разговора, что такой-то держит в руках всю иерархию, [3] все перевернул вверх дном и проч., —

---

[1] отмечено на полях [2] *подчеркнуто, отмечено на полях* [3] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен* № *надпись:* выписано

всего написанного г. Антонелли не припомню, — необходимо: слишком пылкое воображение, неопытность, неведение наших учреждений и незнание совершенное, что делается в России.

Пылкость воображения свойственна ему, господину Антонелли, как итальянцу.

Неопытен он по юности.

Каждый русский знает, что * консисторий у нас столько, сколько епископств, то есть епархий, что каждая консистория имеет свой отдельный круг действий, не подчиненный другим консисториям, и что все[1] это сосредоточивается в святейшем Правительствующем синоде: * г. Антонелли, как иностранец, мог этого не знать. Что в последнее время не выходило никаких постановлений, изменяющих начала, на которых существует наше духовенство, он мог также не знать, — не интересуясь следить за ходом учреждений в России, как иноверец и чужестранец, направляющий деятельность свою на предметы, лично для него более выгодные.

Итак, г. Антонелли и г. Толь были у меня в субботу; в воскресенье же утром развели Исакиевский мост, и я, несмотря на желание мое быть у вышереченных господ вечером, не попал[2] на Адмиралтейскую сторону. Через несколько дней после того, я встретился с Антонелли на улице, изъявил мое сожаление, что не мог быть в воскресенье у него, заходил к нему, и он в разговорах о своем вечере говорил, что разведение моста причиною, что «вечер его не вполне удался». Я никак не полагал, чтоб отсутствие некоторых, живущих на Василиевском острове, могло расстроить вечер: верно готовился действительно какой-нибудь бенефис для гостей г. Антонелли, расстроенный предварительно отложением вечера от субботы до воскресенья и окончательным разведением моста. * Этим только я объясняю себе теперь все неудовольствие, излитое им на меня не непосредственно, но через головы всех бывших в моей квартире. Он, как человек еще весьма молодой, увлекся своим негодованием и разразился в выражениях: «разбой и водка, водка и разбой, антиподы, выходцы с того света и проч.», — где припомнить все эпитеты, которыми так щедро наделил г. Антонелли всех, бывших в квартире моей 16-го апреля![3] Но все это слова, порожденные досадою, где же доказательства? Правда, темные краски легче ложатся на светлые ткани, а не на оборот, сущность же ткани — от краски не всегда изменяется; химия дает нам способы уничтожать краски на тканях: на руках же красильщика всегда остаются следы его ремесла.

Вот г. Антонелли и принялся чернить направо и налево, с некоторыми лестными исключениями; но не подвергшиеся

---

[1], [2], [3] *подчеркнуто*

его громоносным эпитетам что же тем выиграли?!! а некоторые из них, может быть, в душе своей сожалеют, что судьба не привела их быть действительно антиподами вышереченного господина.

* Но, чтобы действительно подтвердить эпитеты господина Антонелли, пусть он укажет, какие выражения или другое что оправдывало слова его. Он, такой внимательный, верно не пропустил бы этого вскользь и мог бы узнать тут же и фамилию выказавшего стремления к «разбою и водке, водке и разбою». Я же с своей стороны скажу, что все были люди, как люди, одеты хорошо, никто не выказал даже тени какого-нибудь неприличия.[1] А если по глазам одного какого-то господина (что я и сам заметил) видно было, что лишняя рюмка хереса была им выпита, то при всем том он ни сказал, ни сделал ничего неприличного; а выпить лишнюю рюмку с кем не случалось? Заключать же из этого, что все общество, бывшее тут, «дышит разбоем и водкой, водкой и разбоем», не следует.

* Остальные два эпитета: «антиподы» и «выходцы с того света» очевидно поставлены... очевидно поставлены... право не знаю для чего, необходимо спросить самого автора, — для красоты ли слога, или для силы выражения: но я, по совести признаюсь, не вижу ни того, ни другого; может быть потому, что я не занимаюсь подобного рода изящною словестностью.

Вспомнил еще один из отзывов г. Антонелли, «что все о т л и ч а л и с ь отсутствием здравого смысла». Этот отзыв не может быть высказан опрометчиво, и вероятно г. Антонелли припомнит, какие и чьи суждения вызвали этот приговор; сделать такой приговор нельзя не побеседуя, или по крайней мере не прислушаясь внимательно к беседе.[2]

Сколько я припомню, то г. Антонелли почти не сходил с места, на которое сел по приезде, а гости были в нескольких комнатах, как же он проник не только черепы, но и стены?! Вследствие сказанного мною ясно, что нет никаких данных, подтверждающих последний приговор г. Антонелли, * чтоб я мог признать и этот отзыв сколько-нибудь похожим на справедливый.[3]

* Мои гости были: г. Петрашевский, г. Баласогло, г. Монбели, г. Толь, г. Антонелли, мой брат капитан-лейтенант Кузьмин, из гостей моих товарищей знаю г. Шрамченко.[4]

Штабс-капитан Кузьмин.

19-е мая 1849-го года.

---

[1] *подчеркнуто* [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто* [4] *отмечено на полях*

42. 1849 г. мая 26. — Отношение за № 95 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных, кн. А. Ф. Голицына, к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 32, лл. 19—20[а)]

Секретно

М. г., Иван Александрович!

В дополнение к сообщенным мною вашему высокопр-ву письмам штабс-капитана Кузьмина, обратившим внимание, имею честь препроводить при сем найденные при вторичном осмотре квартиры учителя Белецкого, с которым он жил вместе, следующие бумаги: 1) дневные записки Кузьмина во время нахождения его в Тамбове, с описанием лиц более замечательных, о которых он судит с своей точки зрения, т. е. насчет годности их к развитию новых идей общественности. Отмеченные в сих записках статьи красным карандашом указывают не только на наблюдательность Кузьмина в сем отношении, но на стремление его к нравственному влиянию на образ мыслей с ним сближающихся. 2) Письмо к Кузьмину от Петрашевского, в котором [1] сообщает о предполагаемом преобразовании городского управления внутри России по примеру С. Петербурга и Москвы, присовокупляя, что участие в заведывании городским хозяйством удаленного ныне от сего участия известного класса людей, как то: учителей, докторов, аптекарей, отставных чиновников и других, которых можно называть умственною аристократиею, будет весьма благодетельно для общественного развития; что этому не мешает дать ход и что выборы представляют к тому удобство. Далее в том же письме посылает французский журнал «Эстафету», называет его весьма полезным и просит оставить из него хорошее в общем употреблении, разделив между многими. 3) Письмо к Кузьмину от Михайлова (находившегося в Тамбовской же губернии), который вызывает его к себе, выражаясь словами: жаждем видеть нашего адского зажигателя. 4) Записка Кузьмина, [2] о дворянских выборах, доказывающая наклонность его к охуждению установленного порядка.

Кроме означенных четырех бумаг, найдена еще у Кузьмина составленная в самом неприязненном для России духе книга под заглавием «Russie, Allemagne et France par

---

а) *Упоминаемые в тексте письма Кузьмина находятся при следственном деле о Баласогло.*

[1] *вставлено карандашом:* он [2] *вставлено карандашом:* из того же дневника

Marc Fournier», которую равномерно при сем имею честь препроводить.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

43. 1849 г. мая 26. — Бумаги П. А. Кузьмина, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных

I. 1848 г. июля 8 — сентября 10. — Дневник П. А. Кузьмина. Тамбов—Лебедянь

Ч. 32. лл. 30—45 об. Большая часть автограф; частично написано другими почерками [а)]

8-е июля. *Я. И. С[абуров]. Сознание его в необходимости изменений, убеждение в том, что оно[1] воспоследует, но путем не последовательным, а кризисом. Недостаток централизации, по причине неразлития образования на дворянство,[2] те же из дворян, которые образованы, стараются по возможности не о пользе своей братии и им подчиненных, но об угодливости[3] высшим для получения ордена или официального назначения по службе; *если же кто решится восстать против злоупотреблений, делается жертвою силы всесокрушающей[4] (Полторацкий).

Дикость мелкопоместных дворян, домашнее воспитание детей их, поступление в гимназию. Помещиком делается тот, кто должен не служить.

*У нас нет заведений для образования дворян или граждан: делают чиновников, офицеров, и проч. (не столько[5] обучением, сколько необходимостью, предписанною законом).[6]

Мнения о Петербурге И. П. Д[убецкого] (переворот), получившего образование в Collège Royal, занимавшего и занимающего значительные должности, *но в сущности, это человек допотопный.[7] Я. И. С[абуров] человек образованный весьма, отличается если не всегда верным, то почти всегда метким взглядом, в связи с русскою аристократией (проповедует в пользу необходимости аристократии в государстве, якобы составляющей силу его). Но человек с характером сильным и одаренный смелостию. При голоде, вслед-

---

а) *В июне 1848 г. Кузьмин был командирован в Тамбов для составления военно-статистического описания губернии.*

[1] *так в подлиннике* [2] *подчеркнуто красным карандашом и отмечен на полях весь абзац* [3] *исправлено из:* угождении [4] *подчеркнуто красным карандашом* [5] *зач.:* восп [6] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено на полях* [7] *подчеркнуто красным карандашом, фраза отмечена на полях, поставлены вопросительный и восклицательный знаки*

ствие неурожая 1839, он, вопреки отчета тогдашнего губернатора Корнилова, составил секретный комитет из вице-губернатора, губернского предводителя, жандармского полковника... и донес министру внутренних дел гр. Строганову о бедственном положении губернии, но когда тот дал ответ, несоответствовавший ожиданиям, то С[абуров] на основании письма, полученного Полтор[ацким] от Строганова, писал к гр. Стр[оганову], выставил бедственное положение губернии, необходимые гибельные следствия и *тем вызвал министра (по решению Госуд. совета).[1]

Давыдов ведет la vie du chateau.[2]

*Н. П. Гр[иненко] подает надежды (отец Иероним).[3]

Н. Е. Евс. добродетельный человек, хороший упр[авитель], расчетливый[4] хозяин.

А. Я. М[ейснер] образованный *человек, объявляет себя космополитом.[5]

Попы везде попы.[6] (Попы[7] везде предложили простому народу говеть вследствие циркуляра архиерейского). Пишут из Шацкого уезда, что поп С. предлагает всему народу говеть, что смерть близка, *мертвых же не хоронит без разрешения земской полиции, трупы лежат несколько дней в жилых избах и заражают воздух. Проезжая Калужскую губ., я узнал про действия попов еще лучшее; они также предложили всем говеть, но объявили, что к больным не пойдут и мертвых отпевать не станут, а пусть без церемонии зарывают.[8]

16-е [июля] Я. И. С[абуров]. Когда гр. Строганов был в Тамбове по случаю голода, то на обеде у Корнилова спрашивает он Сабур[ова], что бы он мог сделать для дворян? Сабуров отвечает, что он сделал уже слишком много для дворян. Как, что? Издание закона о принятии под залог в приказы незаселенную землю есть великая помощь для дворян, но жаль, что этот закон не действует. Что же я должен сделать для приведения закона в действие? Дать инструкцию приказам, губернским правлениям и губернаторам о приведении этого закона в действие. Корнилов стал возражать,[9] но после опровержения С[а]б[у]р[ова] граф Строганов сказал, что ему хотелось бы видеть при себе процесс этого залога, то С[абуров] через несколько часов предоставил ему трех желающих совершить подобный залог, а потом в течение управления министерством гр. Строг[ановым] по Тамбовской губ. совершено залогов на 3 милл. рублей. Со вступлением

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* [2] жизнь владельца замка [3] *подчеркнуто красным карандашом, на полях восклицательный знак* [4] *исправлено из:* хороший [5] *подчеркнуто красным карандашом, на полях восклицательный знак* [6] *вымарано слово* [7] *фраза в скобках вставлена на полях* [8] *отмечено на полях красным карандашом* [9] *вымарано одно-два слова*

на этот пост Перовского эти залоги прекратились циркуляром министерским об ответственности оценщиков. Началась полемика.

О соляных магазинах при Елтонском озере. От Елтона до Камышина 120 верст, дорога для провоза соли сделана шириною в 40 верст, предположено заселить ее малороссами; сказано, сделано. Хохлы занимают один кончик дороги, распахали дорогу (за что платят беззаконный оброк местным властям). Магазины устроены на обеих сторонах Волги, а соли везде можно достать, кроме магазинов: потому что каждый хохол, везя казенную соль, скидывает с воза сколько ему надобно на свой двор; в магазинах же соли всегда недостает вследствие злоупотреблений.[1] Когда же ждут ревизора, то объявляется о потребности перевести соль из магазинов одного берега в магазины другого берега; при этом допускается 10% усыпки и высушки: потом при ожидании другого ревизора делается перевоз обратный. Кроме того, ревизоры получают известную плату. Если ж заберется туда такой ревизор, который захочет добраться до самой сути, то гг. смотрители магазинов обваляют комки глины в соли, и пусть он весит все сотни тысяч и миллионы пудов. И вероятно казна не получает 30-й доли того, что у нее воруют. Один инженер предложил следующее средство. Так как путь один для возки соли, то сделать его[2] не в 40, а по большей мере в 5 верст и на Елтоне устроить мост с канторными[3] весами, которые под мостом будут показывать вес проезжающей порожней повозки и потом покажут вес повозки с кладью, разность выразит вес соли. Эта мера обращена была в Саратовскую казенную палату для рассмотрения удобоприменимости ее; казенная палата разругала ее, как меру, весьма уменьшающую воровство, однако же она принята на испытание.

Из всех уездов пишут ужасы об холере, в Кирсановском уезде в имении Баратынского из 1000 человек умерло 300, пропасть больных, и сам он медик — болен; Я. И. Саб[уров] в своем имении по случаю холеры прекратил полевые работы; письма женщин исполнены отчаяния.

В Кирсановском уезде умолот самый дурной: холера, пожары, голод.

В Тамбовской губ. многие купцы владеют землями, которые обрабатывают наймом. О кадастре государственных имуществ и следствия того.

Историческое развитие секты молокан и учение их, написано Орестом Новицким,[4] в Ки-

---

[1] *зач.: (не разобрано одно слово)* что соль везде можно найти, кроме магазинов [2] *вставлено* [3] *так в подлиннике* [4] *отмечено красным карандашом на полях.*

еве, по источникам митрополита Евгения, бывшего членом комиссии, исследовавшей ереси.

Женские общины: Кирсановская община в Кирсанове, Знаменская община — Сухотиной.

* Молоканы города Тамбова ходят в церковь, приобщаются святых тайн и вообще исполняют все предписания православной церкви, но верят в истины, в которых убеждены по своему учению, которым[1] и следуют; весьма скрытны и[2] тогда лишь решаются открыть положение о своем учении, когда надеются приобрести нового члена в свое общество, но и в подобных случаях посвящают постепенно в истины своего учения и вероятно открывают новику столько, сколько необходимо на первый раз, чтобы увлечь и указать будущность лучшую той, какая была бы при прежних убеждениях вновь вступающего.

Молоканы не дают клятв, не несут государственной службы, отданные в солдаты — убегают из службы.[3]

Варвара Александровна Сухотина. Старушка лет по крайней мере восьмидесяти, родина ее Москва, переселились в Тамбов, выйдя за муж за Сухотина.[4] Сухотин передал ей свое имение, и ближайшие родственники ее мужа[5] начали с ней тяжбу; наконец, тяжба перешла с наследников на руки Попова, купившего у наследников имение.

Еще при муже ее заложена каменная церковь (вроде домовой) на их дворе (по[6] словам П. А. Б[улгакова], эта каменная церковь должна была заменить деревянную приходскую — пришедшую в ветхость). Варвара Александровна ее достроила, а приходскую деревянную церковь, стоящую на обсыпавшемся берегу реки, она перенесла на кладбище. Сухотина, желая (по словам ее сделать не мертвый, как церковь, но живой памятник своему покойному мужу и фамилии его, подала просьбу о разрешении основать[7] монастырь на своем имении при[8] каменной выстроенной уже церкви; переводя же на язык общественный: лишить наследников всякого права на это имение и увековечить память об этом. Наследники и соседи восстали (кн. Кугушев), дело тянется с 1823 года, нет ни разрешения на это, ни формального[9] запрещения.[10] Она просит, до разреше-

---

[1] *вставлено* [2] *зач.:* даже [3] *оба абзаца отмечены на полях красным карандашом* [4] *зач.:* он [5] *вставлено* [6] *фраза в скобках вставлена на полях* [7] *исправлено из:* построить [8] при... церкви *вставлено* [9] формального запрещения *вставлено вместо зачеркнутого:* позволения [10] Сухотина говорит, что князь Кугушев не желает иметь в соседстве своем женского монастыря, но все другие говорят, что ей не препятствуют учреждать и основывать не только монастырь, но что ей угодно в своем имении, но лишать приход церкви она не имеет права.

Близ имения Сухотиной у бывшей мельницы открывались серные источники, а в лесах отыскивалась слюда. *Примеч. подлинника*

ния правительства учредить монастырь, устроить богадельню— это разрешено. Итак,[1] в с. Знаменском существует община в виде богадельни на монастырских уставах.

19-го июля. Семинария состоит из нескольких каменных корпусов: самый большой, трехэтажный, занят спальнями и проч. семинаристов, меня оттоворили итти туда, чтоб не набрать там беспокоящих человечество насекомых; в другом большом же корпусе помещается[2] церковь, классы, библиотека и семинарское правление, везде грязь, неприятный вид и запах. Церковь недавно устроена, а потому весьма бедна, библиотека наполнена преимущественно оборванными учебниками, Российскою вивлиофикою, но я спрашивал два сочинения: одно Новицкого, а другое «Историю Иерархии», но ни одного не нашлось в библиотеке. Секретарь обещал мне сделать выписки, по мнению его весьма занимательные, — посмотрим! Из светских книг я видел: Русских авторов, издание Смирдина.

Потом был я в духовном училище, оно, как кажется, более удушливое, нежели духовное. Бурсаки живут в деревянном доме с несколькими флигелями. Я отыскал инспектора, застал его за семейным обедом, он оделся, никак не хотел докончить своей трапезы и начал показывать заведение. Классов девять отделений, из[3] них пять помещается в одном из этих деревянных флигелей. Классы тесны сами по себе, но вообразите, что в некоторых из них обучается единовременно по 185 мальчиков! Я уже не говорю об удобстве преподавания и восприятия оного; но решение задачи помещения на каких-нибудь 20 или менее квадратных саженях 185-ти мальчиков сделает честь хорошему геометру; не забудьте, что все сидят на скамейках с косыми столиками, которые также занимают некоторое пространство; прибавьте к этому удушающую вонь (происходящую по объяснению инспектора от близости ретирадных мест)... Когда начнутся там классы, я побываю снова. Остальные отделения классов помещаются в особом каменном корпусе. Был я и в комнатах, где бурсаки проводят время вне классов:[4] комнаты спальные и для занятий. Тут нашел я только тех, которые по сиротству остались в бурсе на каникулы: в этих комнатах воздух был чище, нежели в классах, несмотря, что классы были совершенно пусты, а в комнатах я нашел бурсаков. Некоторые были в рубищах, постели гадки. Одним словом, посещение семинарии и духовного училища производит самое неприятное впечатление, а как подумаешь, что в этих-то вместилищах образуются наши законоучители, иногда выходят люди ученые...

---

[1] *зач.:* тут [2] *первоначально было:* другой большой же корпус занят [3] из них пять *вставлено* [4] *зач.:* тут

может[1] быть под этими лохмотьями таятся,[2] этою вонючею атмосферою[3] дышат мальчики с способностями гениальными; кто поручится, что такое положение не убивает способностей, тем более, что и преподаватели не имеют никаких данных для развития способностей, не только чужих, но даже своих.[4]

Что же причиною всему этому злу?

1. Ограниченность средств (почему).

2. Образование из духовенства касты (впрочем, при нескольких других условиях тут можно найти хорошую сторону).

Сегодня, 22-го июля, я имел честь представиться madame Булгаковой. Не знаю, кто она урожденная (Кисарова),[5] но не дурна собой, хорошо сложена, но неестественно бледный цвет лица, волосы густоты необыкновенной, и если длина их соответствует густоте, то подобных волос я не видал ни у кого. Глаза, форма рта, сложение и волосы ее много говорят в пользу ее. Счастливец Петр Алексеевич, не смею сказать, чтобы он был счастливый супруг, в том смысле, как это принято в ныне устроенном обществе, но счастливец хотя тем, что имеет права на пользование ее особою.

В[6] супружеском же отношении П. А. Б[улгаков] несчастнейший человек, и совершить такой брак не всякому удается: пишет к нему сестра, старая девка из Владимира, что нашла ему невесту красавицу, с придачею тысячи душ. Булгаков, ехавши с Чернышевым на Кавказ, заезжает в Владимир, поспевает прямо на бал, настоящая его супруга была девочка лет 16-ти, нравится ему, он в танцах делает предложение; та отвечает шепелявым голосом, что это зависит от ее родителей, родители, не будь дураки, благословляют обеими руками. Он на другой же день уезжает на Кавказ обрученный. Возвратясь в Петербург, он пишет, что в такой день будет утром и чтоб вечером была свадьба: действительно, в назначенный день приезжает в 6-ть часов утра, а в 9-ть вечера сочетался законным браком и приобрел в жены дурочку с 1000-ю душами.[7] Действительно жаль этого человека, он должен пойти далеко, а жена связывает его по рукам и по ногам. Сынок их милый мальчик. Но что в ней мне не понравилось, о чем я был уже предупрежден В. И. Ч., это страсть французить, ни слова по-русски, и говорит так, как будто бы у нее полон рот каши. У Булгаковых я нашел княгиню Гагарину

---

[1] может быть *вставлено* [2] *вставлено* [3] *первоначально было:* в этой вонючей атмосфере может быть [4] *зач.:* О [5] *вставлено позже* [6] в супружеском... милый мальчик *вставлено на полях* [7] По дальнейшим справкам оказалось, что родитель ее купил ей в приданое 400 душ за 25 тысяч, а сам женился на бывшей компаньонке своей дочери и имеет уже от нее детей. *Примеч. подлинника*

с племянницей,— княгиня извинялась предо мной за князя ее мужа; m-me Трофимова, с которой я несколько минут говорил; была еще какая-то m-lle Natalie, княгиня Голицына и приезжавшая с ней хромая comtesse или princesse. Вся эта почтенная компания показалась мне пустяками наипустейшими, некоторые хотят разыгрывать роли des grandes dames, на что не достает уменья; а главное не понимают того, что действительные grandes dames весьма не равны, — лучшие и высокоценимые те, которые, родясь в высшем кругу, получили соответственное образование и, обладая высокими качествами, стараются быть естественны; имея над другими преимущества по своим данным, не показывают своей preponderance.[1] Но подобные сюжеты не копируются, такие явления возбуждают зависть, но величие их непоколебимо. Большинство же особ, называемых grandes dames, только по положению своему в обществе, часто случайному, имеют право носить этот титул; сознавая свое ничтожество, поднимаются на ходули, но сколь шатка приобретенная таким образом вышина, но должно согласиться, что этот способ легче испытывать; но если смешон всякий путешествующий на ходулях, то еще смешнее учащийся этому искусству, и надобно иметь много природной ловкости, чтоб в зрелых летах ему выучиться.

Как все это бабье работает около Ф. А. Д. Куш.! Кстати об нем. Полковник, флигель-адъютант 26-ти лет. «Je n'aime pas des parquet[s] glissant[s], c'est pour celá que je suis presque toujours absent de Pétersbourg»,[2] говорит он; эти несколько слов рекомендуют его, comme un très brave garçon.[3] И действительно, кажется, это весьма достойный молодой человек в человеческом отношении; здешние же дамы видят в нем едва не полубога, присылают к нему букеты, просто лезут на него. В какой мере пользуется он этим поползновением на него женского пола, не знаю. Некоторым кажется странно расположение к нему Сабурова (échappement a cylindre quatre trous en rubis).[4]

Скажу еще несколько слов о П. А. Булгакове. Прежде он служил в контроле, потом, попав в руки Позена, был отправлен с Чернышовым на Кавказ; служа в Военном министерстве, он как бывший контрольный чиновник кого-то усчитал; потом переведен в Министерство внутренних дел и записан кандидатом в губернаторы, командирован в Астрахань для утопления Тимирязева, что удалось ему способом усчитывания. Эти подвиги были причиною скорого его губернаторства. Его некоторые зовут Пугачевым: он быстр в исполнении, но опрометчив в соображении, напр., свадьба его;

[1] превосходство [2] я не люблю вощеных паркетов и поэтому я почти всегда отсутствую из Петербурга [3] как честного молодого человека [4] часы цилиндрического хода на четырех рубинах

бунт мужиков, где он был спасен охотниками Хвощинского.

Захар Иванович Трояновский. Директор[1] училищ Тамбовской губернии. Глуп, как сало, знаний никаких, но претензии имеет и на ум, и на знания. Лучше всего он, я думаю, знает катихизис и, как выражаются в школах, «с текстами, но без толкования». * Несмотря на всю его глупость, я надеюсь извлечь из него некоторую пользу.[2] Не худо заметить, что здесь почва как-то благоприятствует произрастанию дураков. Напр., губернский предводитель дворянства кн. Гагарин олицетворенная глупость, притом дела его совершенно расстроены, так что векселя его продаются по 5%, и сегодня утром слети он с предводительских кресел, то к вечеру будет в тюрьме.[3] Недавно он еще наделал глупостей по случаю бессрочного воинства. Хотя они не ландверы, но государю угодно было, чтобы мирные граждане, по пословице «с миру по нитке, — голому рубашка», помогли поднять их на военную ногу. Вследствие того, на обеде, который давали купцы губернатору, губернатор подбил купцов пожертвовать в пользу бессрочных 3000 руб. сер., Гагарин говорит от имени дворян, что они жертвуют 4000 р. с., но у князя денег нет, выбран он не единодушно, но Сабуровскою партиею, шумными выборами, два раза начинавшимися, но обещанные им от имени дворянства деньги надобно внести. Итак, с убеждением, что дворяне не[4] все согласятся на эту жертву, он принужден занять 4000 на свое имя, тут опять вышел скандал: он выпросил 2000 у гарнизонного батальонного командира (эти люди всегда бывают с деньгами) под вексель, но с тем, чтоб были поручителями денежные помещики: князь прислал ему вексель без подписи поручителей, тот отказал, явилась комическая депутация, но без успеха...

В этой депутации был некто Дмитрий Болсовской, тоже дурачок и любит выпить. Но maestro глупости — это граф Кутайсов, его имение куплено принцем Лейхтенбергским, — и ему досталось до 200 000 серебром, которые он старается прожить; пребывает постоянно в Одес[с]е, теперь он в Тамбове кормит и поит всех, кому захочется поесть и выпить, — сии ядущие и пиющие в тысячу раз умнее его, беседуют между собою, не обращая почти внимания на присутствие хозяина,

---

[1] Директор училищ *исправлено из:* попечитель учебных заведений по [2] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* [3] Но что можно сказать в пользу Гагарина, что это человек кажется с весьма благородными наклонностями; это доказывает даже последний его заем в пользу бессрочно отпускных; многие из дворян не хотят принять на себя соответствующей части уплаты долга, и он вероятно не будет протестовать. *Примеч. подлинника* [4] *зач.:* дадут

и чуть не в глаза называют его дураком. Преимущественно собирается тут народ пьющий.

Интересно знать, что прежде иссякнет, 200 ли тысяч серебром или безмятежная жизнь графа? Но довольно о дураках. Здесь есть люди не только не глупые, но весьма и умные, так Яков Иванов[ич] Сабуров, добирающийся до губернского предводительства. Хорошо образован, весьма начитан, много видел, был за границею, в хорошем знакомстве с аристократами русскими, ласкаем бывал и министрами, имеет здесь сильную партию, которою свергнул Арапова и посадил кн. Гагарина. Его le savoir faire[1] и знание местных обстоятельств, средств и людей могли бы быть полезны для губернии, если б он был выбран в губернские предводители, и вероятно он не увлечется тленными, скоропроходящими выгодами личными, а захочет сделать себе памятник более прочный в памяти общей. Кажется, я дождусь выборов, — они должны быть интересны.

Тамбовская публичная библиотека.[2]

26-е июля. Н. Н. Муравьев говорит, что египетские войска в боевом отношении прекрасны: состоят из прекрасного народа, неутомимы, терпеливы, способны переносить не только лишения, но вещи, которые европейцу показались бы пыткой, — сносит в походе обувь — он идет несколько переходов босиком по каленому песку; артиллерию на руках втащат в гору, на руках спустят с горы, недостаток в корме переносит с терпением. Офицеры в египетских войсках преимущественно албанцы, служаки в полном смысле слова, устава не выпускают из рук. В деле эти войска обладают храбростью не сумасшедшею, как турки после дозы опиума, но хладнокровною решимостию и стойкостию: под ядрами стоят, как стены. Регулярные пехота и кавалерия одинаковых достоинств. Иррегулярная кавалерия — бедуины вроде наших казаков (уральских) с прибавлением дикой свирепости.

27 [июля]. * Гр. Толь прав в своих записках о польской кампании, тысячу раз прав.[3]

В польской кампании Паскевич хвастался, что в Персии он сам занимался продовольствием и что эта часть была у него в удивительном порядке. В самом же деле, он не то чтобы занимался этой частию, но беспокоился об ней, занимался же этим ген. Мур[авьев], а Паскевич часто пакостил, напр.,[4] собран транспорт для какого-либо назначения, Паскевич по просьбе кого-либо из корпусных или отрядных ко-

---

[1] опытность в делах [2] *дальше страница не заполнена* [3] *отмечено на полях* [4] *зач.:* при

мандиров, собственною своею властию, распорядится транспортом вопреки назначению, а отчетность! Это не его дело: вдруг в каком-либо транспорте сожгут арбы, провиант уничтожат, волов поедят. Так что со стороны Паскевича были беспрестанные хлопоты о продовольствии, и он же мешал исправности этой части; однако войска никогда не были без хлеба.

Во время польской кампании обозы отягчали войско, — обоз этот состоял из фурманок в огромном числе, так что при отдельных отрядах бывало по 5000 народу в обозе. И это растягивалось на многое число верст: передовые войска, покинув свои обозы под прикрытие арриергарда, набирают вновь фурманок и так далее. Это не должно быть терпимо при хорошо организованном войске, хотя, с другой стороны, обоз, надлежащим образом устроенный, дает силу войскам.

Приют. 29-е июля. Помещение довольно хорошее; на день [1] собирается до 100 человек детей, на ночь же остаются 34 человека.

Я [2] застал детей приюта в саду, на поклон мой последовал общий дикий возглас, и я насилу догадался, что это было: здравствуйте; уход мой напутствуем был подобным же диким вскриком: прощайте.

Спальные комнаты довольно тесны, особенно комната для мальчиков: кровати поставлены совершенно сплошь в два ряда — это нехорошо. Большая часть детей имеет вид болезненный, так что некоторые здоровенькие личики бросаются в глаза. Надзирательница — дева лет около 30-ти, некрасива собой, но, говорят, имеет претензии; помощница по наружности гораздо лучше. Некоторые из прописей очень хорошо писаны. Детей обучают до 10-ти лет.

Тюремный замок. Здание каменное довольно большое, но, по огромному числу арестантов, помещения в [3] некоторых отделениях тесны; несмотря на то, чистота везде по возможности соблюдена, что делает честь смотрителю замка, отставному улану Беляку. Хлеб очень хорош. Теснота помещения и бездействие причиною, что многие, совершившие только проступки, могут сделаться преступниками, заразясь от товарищей преступников. В числе заключенных есть несовершеннолетние, даже почти дети: в этом возрасте весьма важно не столько наказание за преступление, сколько возвращение на добрый путь совратившихся по неопытности, недостатку твердости; но некоторые и в этих уже возрастах могут иметь глубоко пущенные корни порочности. То, если вообще важно распределение преступников и содержание их менее в совокупности, то [4] молодых летами преступников

---

[1] *зач.:* при [2] Я ... прощайте *вставлено на полях* [3] *зач.:* иных [4] *зач.* в (*не разобрано одно слово*)

тем более[1] необходимо удалять от опасного для нравственности сообщества.

В день моего посещения тюрьмы приведены были два мужика, укравшие у своего помещика 6 четвертей пшеницы: они приговорены за это к 80 ударам розог, 6-летнему заключению в тюрьму[2] и к помещению в арестантские роты. Эти люди, сколько можно судить по наружности, не преступники совершенные, но многие[3] из товарищей их, которых несколько десятков, одним взглядом своим показывают совершенную испорченность — без всякой надежды на исправление.

[4] Сабуров, несмотря на образованность и начитанность современную, имеет довольно дикий и допотопный взгляд на поместное право. * Зная неправильность порядка, в котором люди имеют право на личность подобных себе,[5] старается доказать, что допущение[6] к владению населенными[7] землями с тем, чтоб делать крестьян обязанными, кроме * дворян, других классов, имеющих на то и средства и досуг заниматься лично, — будет несправедливо и даже вредно потому, что расстроит существующий порядок — организацию работ[8] — вопрос, занимающий Запад Европы, но у нас окончательно решенный. Вопрос об улучшении быта рабочего класса имеет в виду две человеческие цели: 1) обеспечение существования трудящегося и 2) возможность путем[9] труда улучшить свое положение и совершенствоваться.

Близорукие помещики — эгоисты скажут, у нас возможно достижение и той и другой цели: работящий мужик не умрет с голода и даже может разбогатеть и потом выкупить на волю себя с семейством, а потом уже вести детей своих, как пожелает. Не проникнувши глубже в этот вопрос, оно кажется и действительно так, на самом же деле нет: чем прилежнее мужик, тем более достанется и работы на его долю; у мужика есть хлеб в голодный год, хлеб, собранный крохами в лучшие годы, политый потом, и такой мужик естественно не получит помощи во время голода; лентяй же и пьяница обеспечивается помещиком в случае неурожая, у лентяя нет лошади — помещик или дает ему лошадь, чтоб тот работал на барщине и в доме, или дает ему другое[10] назначение с обеспечением содержания; прилежный мужик собрал деньжонок и хочет выкупиться на волю, помещик требует за это сумму, превосходящую собранный мужиком ка-

---

[1] *вымарано одно слово* [2] *отмечено* NB *на полях красным карандашом* [3] многие из *вставлено* [4] *от этого абзаца до:* Липецкие минеральные воды *все сплошь отмечено красным карандашом на полях* [5] *подчеркнуто* [6] *вставлено и зачеркнуто:* купцов [7] населенными... обязанными *вставлено* [8] *подчеркнуто красным карандашом* [9] *исправлено из:* посредством [10] *вставлено*

питал, но воля так заманчива, что мужик входит в долг и выкупается, а раз объявив себя не бедняком — он подвергается всем притеснениям, которые во власти помещика, чтоб заставить мужика предпочесть свободу в рубище — достатку с притеснениями.[1] Возражайте на это—я опровергну примерами.

Сабуров сам говорит, что его мнение потому против изменения настоящего порядка, что капитальные выгоды его страдают: не нравится ему имение, — он распродает его по рознице — крестьян на своз, лес на сруб, землю особо, и получает гораздо более, нежели бы получил, продав имение целое, как было; мало того, купил он землю в многоземельной губернии, например, в Саратовской, мужики охотой не идут туда (что весьма естественно), он назвал ее Сибирью, выселяет туда негодяев, и саратовское имение, населенное негодяями, дает ему доходу более при 40 негодных[2] душах, нежели тамбовское при 150 хороших крестьянах. Этот взгляд положителен, но он не есть взгляд человеческий современный и даже недалек.

Тамбовское общество разделено на тысячи кругов и партий: говорят, что у старожилов тамбовских нет вовсе социальности, русского радушия; знакомства ведут только из видов; но я не везде встретил это. Мне кажется, что они люди как люди: я принят везде хорошо, где только бываю и с кем ни знакомлюсь; несмотря, что не играю в карты, а здесь[3] это главное отличие порядочного человека: верю, что без игры в карты и обладая способностью наскучать, сделаешься всем и каждому в[4] тягость. Мущины часто собираются для игры, и игра ведется порядочная; дамы же почти всегда гнездятся по своим уголкам. Что-то скажет зима?

Большинство здешних помещиков штаб-ротмистры или поручики в отставке — без достаточного образования, но с порядочным запасом долгов — продолжают зорить свои имения, собачничают и проч. Чего ожидать от таких господчиков? В состоянии ли[5] они постигнуть важность дворянских выборов и службы по выборам? Могут ли быть хотя орудиями к общему улучшению? Есть из стариков и дельные люди, но с допотопными, закорузлыми понятиями об вещах. Это «жалости подобно», как говорят малороссы, особенно в России — государстве без столицы, где необходимо развитие провинциальных голов. Но сколько времени надобно ждать этого? Слова нет, если провинции развились в духе национальном и человеческом, то государство способнее к принятию лучших форм, но развитие провинций самих собою, без

---

[1] *поставлен №3 красным карандашом* [2], [3] *вставлено* [4] в тягость *вставлено* [5] *вставлено*

руковождения их[1] столицею, похоже на изучение какой-либо науки или ремесла — самоучкою: тяжело идет оно, * успех не верен и может отчаять в возможности когда-либо достигнуть результатов.[2]

[3]Липецкие минеральные воды. Минеральные воды приходят в упадок с каждым годом, потому что директоры этих вод не поддерживают их последовательно; несмотря, что имеют на то достаточные средства, состоящие[4] в сборе с больных, доходов, получаемых с земли высочайше пожалованной, процентов с капитала, положенного в одно из кредитных установлений. Галлерея минеральных вод была перестроена в 1776 году, и с тех пор вероятно не положено ни копейки на ремонт этого здания; потолки провисли, стены склонились на бок, во время дождя на дворе дождь идет и в галлерее, и идет гораздо долее, нежели вне ее. Одним словом, внутренний вид галлереи наигнуснейший. При галлерее есть маленький театр и бил[л]иардная.

Здание для ванн разделяется на две половины, мужскую и женскую, в каждой по 10 нумеров. Наружный вид этого здания порядочен, потому что он каменный и недавно выбелен; внутренность же нумеров отвратительна: в каждом из нумеров камин, полусгнившая деревянная ванна, железная кровать со скверным матрасом и столик со стулом.

Возле галлереи находятся четыре чугунные доски, положенные крестом в наклонном положении. В средине этого креста на пьедестале в ½ аршина стоит чугунный колокол, отлитый при Петре, на двух из чугунных досок вылиты слова «Перестроены в 1776 году», на третьей доске «1707», а на четвертой кисть человеческой руки и топор; предания говорят различно о причинах изображения сказанных фигур на четвертой доске: одно из преданий говорит, что когда Петр Великий приехал на учрежденный здесь чугуннoплавильный завод, то увидя представленную ему форму из песка, сделав на ней оттиск своей руки и топора, который с ним был, приказал эту доску отлить; другое же предание говорит, что Петр же Великий приказал отсечь кисть руки уличенного взяточника и, сделав оттиск отсеченной кисти и топора, которым сделана эта операция, приказал отлить на страх взяточникам.

В прежнем дворце Петра Великого помещается доктор, состоящий при водах; каменный домик этот приходит в совершенное разрушение. Гошпиталь, устроенный во времена

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто красным карандашом* [3] *дальнейший текст до:* Конный завод *переписан другой рукой с поправками карандашом* [4] *исправлено из:* в настоящей

оны для больных, за неимением больных, обращен в директорский дом.

[1]Конный завод гг. Жихаревых. Этот завод ведется от верховой и рысистой пород завода Орловского, принадлежит братьям Льву и Василию Александровичам Жихаревым. В настоящее время лучшие припускные жеребцы, серый Шишкинского завода рысистой породы и два верховых, серый и гнедой Орловские. Из молодых жеребцов большая часть серые, некоторые из них хороши, но цена огромная. Сбыт лошадей преимущественно в гвардейский ремонт, — продаются двухлетками, кругом по 600 руб. ассигн. Лошади содержаны в большом порядке, как и должно быть у знатоков и охотников. Из сосунов многие очень хороши.

Крендельное и пряничное заведение купца Милушкина издерживает до 800 пятипудовых мешков пшеничной подрукавной муки на кренделя, которые расходятся на месте и в окрестностях, и от 150 до 200 мешков крупичетой муки на так называемые сладкие закуски. Этот последний товар идет в Ростов, Таганрог, Пятигорск и Ставрополь. В последнее время у этого купца заведена пекарня и в Таганроге. В его мастерской работают от 15 до 20 и редко до 25 человек. На сладкие закуски употребляется, кроме муки, сахарный песок, картофельная патока и мед, последний нынче выходит из моды, несмотря на то, что приготовления с медом гораздо прочнее, но зато не так чисты.

Кроме того, этот купец отправляет в Таганрог холсты и полотна, скупаемые в окрестностях у мелочных торговцев.

Чугунно-плавильный завод Милунова выделывает ежегодно до 15 т[ыс.] пудов чугуна. На нем устраивается теперь рижским немцем паровая машина для действия мехами. Руда, получаемая от окрестных крестьян, содержит 50% чистого чугуну. Но завод этот далек от того, чтоб удовлетворял понятию, составленному об этого рода заведениях по образцам, устроенным на манер европейский; недавно еще он был плетеный, а теперь хотя и каменный, но далек от того, чтоб можно было его ставить на ряду с чугуноплавильными заводами не только петербургскими, но даже порядочными, учрежденными в других губерниях. Mais, allez toujours à force de forger on devient forgeron.[2]

Тюрьма и больница таковы, каковы должны и быть в уездном городе. Здешний тюремный комитет предлагал устроить особое помещение для пересыльных, но когда это представление пошло по мытарствам, то, как всегда бы-

---

[1] *дальнейший текст до:* Лебедянь 19 сент. *переписан третьей рукою, с поправками карандашом* [2] но как никак, если нужно ковать, то становятся кузнецом

вает в подобных случаях, высшие власти предложили привести подобную меру в исполнение способом, не соответствующим местным средствам.

В здешней тюрьме в женском отделении шестеро из них заключены, по выражению их самих, за незаконное сожитие с помещиком Пушкиным, человеком весьма достаточным, имеющим коверную фабрику и, по показанию заключенных, обходившегося весьма жестоко с теми из коверниц, которые не соглашались на удовлетворение его похоти. Еще 5 женщин из имения Рындина заключены за то, что имели намерение задушить подушками его жену.

[1] Лебедянь. 16-е сент. Весь Лебедянский beaumonde постоянно заседает в гостинице — карты, цыгане, арфистки разделяют между собою внимание и деньги публики. Кроме того, здесь существует театр, посещаемый публикою с большим удовольствием — созерцаемый с наслаждением и увлечением, некая Азбукина приводит всех в восторг. Азбукина действительно не без способностей, но остальные актеры и актрисы — холопы холопами. Обыкновенно — заседание в гостинице продолжается и после театра, иногда до самого утра, но в этот вечер расшикал всю публику какой-то юнкер Бородинского пехотного полка, прежде служивший на Кавказе, нализавшийся, как сапожник, и пристававший ко всем. Зато, вместо публики и цыган, я встретился с неким Кошкиным, великим прожектером, разорившимся от своих прожектов. Сей великий прожектер находится в Лебедяни по делам моршанского откупщика Посникова. Восторг Кошкина от бывшего предводителя Тамбовской губернии — Айгустова не имеет пределов. Айгустов также прожектер и также неудачный и также неизлечившийся от неудач.

[2] Крепостца, находящаяся близ Рязанской границы, была устроена до [3] Петра I для охранения дороги, называвшейся впоследствии [4] Посольскою и пролегавшую через леса для обеспечения от татарских набегов.

По реке Воронежу жители получили в свое владение лес, называемый Добринский въезжий, для того чтоб скрываться в оной во время набегов; кроме того, по реке Воронежу набивались в меженное время сваи и насаживались на них надолбы. Татары, производившие набеги с нагайской стороны в августе месяце, по уборке хлеба, когда вода шла уже на прибыль, то переправа их вплавь через Воронеж задерживалась надолбами, а жители скрывались в Добринский въезжий лес по сигналам маяков, зажигаемых на сторожевом валу.

---

[1] *дальше писано снова рукою Кузьмина* [2] *дальше два абзаца переписаны прежнею „третьею" рукой* [3] *исправлено из:* при [4] *вставлено*

[1]Кирсановская Тихвинская община. Женская община отличается от монастыря тем, что здесь нет постриженных монахинь, но все называются сестрами и разделяются на старших, младших и новоначальных. Одна из них выбирается в начальницы, другая в казначеи и одна в благочинные. Ни одна из состоящих в общине сестер не может иметь собственности, все у них общее: трапеза, работы, [2] доходы и расходы.

Эта община существует около семидесяти лет, основана сестрами Апоринымы сперва в самом городе Кирсанове, потом в 1825-м году переведена на место, где находится и теперь, на выезде из города. По указу из консистории, живут до 170 сестер и значительное число приготовляющихся к вступлению в звание сестер. Содержится монастырь работами сестер, приношениями доброхотных дателей, вкладами вновь поступающих и проч. Работы вышивания и отделывания образов очень хороши, несмотря на молодость, так сказать, общины. Порядок в ней превосходный, согласие и покорность царствуют там.

Лебедянская ярмарка. *(В смысле качества и количества посетителей дворянской гостиницы). [3] Прежде дворянская гостиница в Лебедяни содержалась, [4] но на троицкую ярмарку накинул цену моршанский откупщик Посников, но на покровскую — не расчел для себя выгодным возобновить содержание ее, и дворяне были в необходимости занять верхний этаж гостиницы простонародной.

При * вступлении моем в сей, так называемый, капернаум, я встретил Г. Б. П[охвиснева]. Зная его в [5] Петербурге, я хотел видеть манеру его действий и усмотрел некоторую мелочность в его манерах. Григорий забрал себе в команду пару Новиковых, [6] Дмитрия Наумова, еще кое-кого и только: эта компания протежировала хор цыган, ранее приехавший в Лебедянь, хор ничтожный, в котором не было ни голосов, ни хора. * В гостинице я был знаком с Григорием шапочно, но хотел ехать в деревню, чтоб потолковать дельно. Но он увлекся своею ярморочною ролею, вздумал подчинить меня своему влиянию но [7]... — «Je suis mecontent de vorte conduite d'hier» [8] — сказал он мне в одно прекрасное утро; — «Moi de même, et j'en ai plus de raison d'être mecontent de vous», [9] отвечал я. — * «Peut être que vous êtes plus fort en phisique et

---

[1] *дальше писано вновь рукою Кузьмина* [2] *зач.:* и собст [3] *подчеркнуто красным карандашом и энергично отмечено на полях* [4] *не разобр. слово:* палатами [?] [5] в Петербурге *вставлено* [6] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* [7] *подчеркнуто красным карандашом, отмечено на полях* [8] я недоволен вашим вчерашним поведением
Я тоже, и у меня больше оснований быть недовольным вами

en moral que moi»,[1] — сказал он мне. Nous n'avons pas eu d'assaut et sans celà la chose reste improuvée.[2] Мы разошлись, но к вечеру он сам подошел ко мне. Уехал он без меня, но прислал нарочного просить к себе в деревню; я с сожалением должен был отказаться от этого приглашения в надежде, что он приедет в Тамбов на Казанскую ярмарку.

* Он меня испытал, он увидел, что моя метода действий вернее: я не насиловал, как он, но успех венчает дело, и его партия сбита с поля.[3]

В лебедянском театре — скучно, холодно, грязно, но публика, в особенности женская, восхищается. Только дочь антрепренера, М. Азбукина, имеет способность, остальные — холопы, однажды был за актера мальчик из цирюльни.

II. 1848 г. Заметка П. А. Кузьмина „Дворянские выборы"

Ч. 32, лл. 27—27 об. Автограф. Датировано по упоминанию о выборах в дневнике (л. 37)

Дворянские выборы[4]

Много деятельности оказали все партии для своего успеха, но выиграла[5] без сомнения та,[6] на стороне которой была власть. Выиграла эта партия потому, что все[7] другие были хотя[8] оп[п]озиционные этой, но, кроме этого общего, во многом были различных убеждений et ne pouvaient pas ce concerter[9], и второе потому, что партия, на стороне которой правительство, может сделать много для усиления своей партии и для ослабления и разъединения противников. Честные ли и законные ли будут средства, на то употребленные,— это вопрос другой, но успех вероятен. Напр., людей ненадежных[10] по мнениям можно устранить отданием под суд (положим, что правый оправдается, но когда выборы кончены), устранением от права избирания за недостатком каких-либо бумаг; или можно раздать дамские шары или[11] отсутствующих верным, хотя[12] ничтожным людям; привлечением в свою партию, действуя страхом на мелочь, а убеждением на самостоятельных и имеющих влияние.

Все эти маневры были употреблены: на стороне побежденных оставалась только возможность делать выходки якобы и решительные, но безуспешные. Главою губернатор-

---

[1] возможно, что вы сильнее меня физически и морально [2] у нас не было схватки, а без этого дело остается недоказанным [3] *подчеркнуто красным карандашом, начиная от:* Peut être *отмечено красным карандашом* [4] *надпись красным карандашом:* Кузьмина; *весь текст отчеркнут красным карандашом на полях* [5] *вставлено вместо вымаранного слова* [6] *зач.:* партия [7], [8] *вставлено* [9] и не могли согласиться между собою, *дальше вымарано одно слово* [10] *зач.:* во [11] или отсутствующих *вставлено* [12] хотя ничтожным *вставлено*

ской партии был Сабуров, с миллионом родни и приверженцев: противников было много, но каждый из них имел свои причины быть недовольным губернатором и губернским предводителем, но связи между ними не было, мало того, что они были недовольны, многие были ожесточены и имели на то полное право: лица, принадлежащие к противной партии, были: Петрово-Солово́во, кн. Вяземский, Аблов, Савастианов, Карачинский, отчасти Хрущев и кн. Кугушев.

III. 1848 г. ноября 27. — Письмо М. В. Петрашевского к П. А. Кузьмину

Ч. 32, лл. 23—24 об. Автограф

Мне было весьма приятно получить Ваше письмо, — и как хорошее эхо, хотел вполне исполнить Ваше требование, т. е. не пожалеть бумаги и чернил. Но поспешность в отъезде г. Олтанского заставляет меня[1] не исполнить вполне моего желания — исполнить Ваше желание и довольствоваться краткой писулькою.

Александр Пантелеевичу показывал Ваше письмо, он осудил его крутость и то, что там много было простовиху и чистона, что это не может быть общим правилом. В ответ на Ваше желание сообщить новости, скажу, что Карл Ивановича здоровье, говорят, поправилось вследствие удачи его оборотов с Европою, но эти успехи временные и кредит к его лицу и конторе[2] падает все боле и более.

* Как петербургскую административную новость, слух: говорят, что СПб военный ген.-губернатор Шульгин — за глупостью — сдается в архив, т. е. делается членом Государственного совета.[3] Бибиков, киевский губернатор, делается министром торговли.[4] Важнее сего мне кажутся известия, мне принесенные, что будто в смежных с Галицией губерниях крестьяне весьма расположены вырезать помещиков; и что эти известия имели свое влияние на возобновление внимания общего мнения об эмансипации крестьян. Мне кажется, этот вопрос не может быть разрешен без предварительного преобразования [и] улучшения судоустройства и судопроизводства, т. е. без введения de la publicité de procedure avec le jury.[5]

Еще говорят, это почти официальное известие, что преобразования, сделанные в городском устройстве в последнее время[6] в С.П-бурге и Москве, нашли[7] сочувствие в разных местах России, и что для преобразования по сему образцу

---

[1] *зач.:* изме [2] *зач.:* пу [?] [3] *отмечено на полях* [4] *весь дальнейший текст на этом листе отмечен на полях красным карандашом* [5] гласности судопроизводства и суда присяжных [6] *вставлено* [7] *зач.:* некот

управления губернских и уездных городов поступило много прошений из разных городов, что на сей предмет обращено внимание Министерства внутренних дел, которое не прочь помочь развитию муниципальности в России, как благонадежнейшего способа улучшить администрацию и внушить к законам и справедливости должное уважение. Это содействие Министерства внутренних дел весьма достойно похвалы, но оно не считает себя вправе делать подобные полезные изменения, пока на сей конец не будет ясно таковая местная потребность выражена в форме прошений от городских обывателей, особенно же от тех классов городских обывателей, которые, будучи ими, несут повинности, а не принимают участие в заведывании городским хозяйством чрез избранных ими гласных. Особенно же это важно в губернских и уездных городах, как мне кажется, ибо в них, кроме купцов, владеют домами — учители училищ, доктора, аптекаря, попы,[1] отставные небогатые чиновники, которые почему-нибудь не могли служить и не были слишком большими хапалами, чтоб пролезть в столицу, — * одним словом, чрез это в заведывании городского хозяйства должны принять участие те лица в уездных и губернских городах, которые сравнительно с другими (т. е. с массою населения) могут быть названы умственной аристократиею, и их участие весьма благодетельно должно быть для общественного развития.[2]

Этому не мешало дать ход, тем более,[3] что пословица русская во всякой администрации имеет свое значение — «пока дитя не заплачет, мать не разумеет». Надо, чтоб Министерство внутренних дел было вразумлено и в этой потребности.[4] Выборы предоставляют удобства, к тому же просить можно обо всем, и прошения не обозначены предметы в законодательстве.[5] Посылаю при сем «Estaffette», которую давно думал Вам послать, но как [то] это, сам не знаю отчего, не состоялось.[6] Эта газета из лучших. В ней много хорошего и наставительных статей, которые весьма могут хорошо служить для просветления местного неразумия, почему и можете ее подарить кому хотите.

Ваш М. В. П.

1848. 27 ноября.

Коли ежели в сем писании толку не сыщете, простите, торопился.

---

[1] *зач.:* и т. п. [2] *отмечено на полях красным карандашом* [3] *дальнейший текст до конца письма отмечен на полях красным карандашом* [4] *зач.:* Гор [5] *зач.:* Если взду [6] *зач.:* Вы можете

* Газету это все просмотрите сами и только хорошее оставьте в общем употреблении, разделите между многими.[1]

IV. 1849 г. марта 12. Письмо А. Михайлова к П. А. Кузьмину. С. Марьино

Ч. 32, л. 25. Автограф.

С. Марьино. 12 марта 1849.

Любезный Павел Алексеевич!

Извините меня, что я во зло употребляю Вашу дружбу и доброе к нам расположение, обращаюсь к Вам с просьбами даже в то время, когда Вам некогда и дохнуть от служебных занятий. Что ж мне делать? Вы сами знаете, что кроме Вас мне обращаться не к кому. Посылая при сем письмо и деньги восемьсот рублей серебром, с мужиком нашим Михайлом Тамахиным, снова прошу Вас покорнейше отправить их в Петербург к нашим все сполна, употребив следующие на отправку деньги из собственных. Вместе с тем прошу еще об одном: у нас недостало в детскую каймы для обклейки прилагаемого при сем узора, которого и нужно один только кусок; да нужно еще взять в аптеке 1 фунт сушеных сосновых верхушек и кроме того купить 10 фунтов манных круп. Сделайте одолжение, купите две первые вещи сами, а последнюю поручите Петру Никитичу. Сколь же на все это издержите, возвращу Вам лично при первом, давно ожидаемом свидании, вместе с прежним долгом, о котором записка Ваша хранится весьма бережно. Мне хочется запасаться все более и более причинами, которые понудили бы Вас поскорее к нам приехать, хоть я и знаю, что * Вы редко на чем ловитесь. Но как бы то ни было, не сердитесь на меня, исполните мою просьбу и приезжайте к нам непременно прежде объезда северных уездов; ну просто жаждем видеть нашего адского зажигателя.[2] О получении Вами денег уведомьте меня с тем же самым мужиком.

Душою преданный вам А. Михайлов.

Несмотря на ваши занятия, я все-таки не теряю надежды видеться с вами в непродолжительном времени в с. Марьино.

Многолюбящий и уважающий вас[3]

---

[1] *отмечено на полях красным карандашом* [2] *большая часть подчеркнута красным карандашом, отмечено на полях* [3] *подпись неразборчива;* Даниел — Вок [?]

44. 1849 г. начало июня.— Выборки из показаний по делу П. А. Кузьмина

Ч. 32, лл. 72—81. Основание для датировки см. в легенде к документу 6

Кузьмин 1-й
штабс-капитан Генерального штаба

Донесение Антонелли

Кузьмин 1-й был на собраниях у Петрашевского 1, 8 и 15 апреля.

В собрании 1 апреля Петрашевский говорил о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян. Кузьмин заметил, что вопрос об освобождении крестьян даже опасно и трогать, потому что правительство имеет в нем опору против дворянства, т. е. когда дворянство откажется поддерживать правительство, то это последнее объявит крестьянам свободу и таким образом найдет в них самих защиту себе и противопоставит их дворянам.

В собрании 8 апреля Ястржембский с Петрашевским разбирали сочинения Фурье и Прудона, говорили о Ламартине и нападали на рассуждения в журнале «Des Debats», говоря, что эти рассуждения до чрезвычайности пошлы и даже подлы. За ужином Ястржембский говорил, что он поляк и телом, и душою, и за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле, но пожертвовал бы и ею для осуществления общечеловеческих идей. Потом Ястржембский, стараясь убедить присутствовавших в том, что простой народ принципом зла непременно понимает государя, усиливался доказать это разговором своим с извозчиком, говорил еще, что он был в сношениях с польскими, малороссийскими и белорусскими мужиками и что у всех их один и тот же взгляд, т. е. что принцип зла они видят в царе. Кузьмин и другие говорили, что это может быть в Польше, Малороссии, Белоруссии и в Остзейских губерниях, как странах покоренных, но что собственно в Российской империи простой народ вооружен противу власти, а в царе видит второго бога, перед которым и благоговеет.

В собрании 15 апреля читано письмо Белинского к Гоголю, исполненное зловредных идей. Это письмо произвело всеобщий восторг, и положено было распустить его в нескольких экземплярах. Потом говорено: о перемене судопроизводства и освобождении крестьян, и Петрашевский, между прочим, сказал, что нельзя предпринимать никакого восстания без уверенности в совершенном успехе.

В этом же собрании Антонелли приглашал всех присутствовавших к себе на новоселье в субботу, но Кузьмин просил отложить до воскресенья, говоря, что у него соберутся люди либеральные, которых он уже сперва приглашал, и между прочими один молодой человек, который держит всю нашу иерархию в своих руках, который, будучи еще в гимназии, говорил, что с нетерпением ждет минуты, когда получит какую-нибудь власть, чтобы все перевернуть на свой лад.

16 апреля было собрание у Кузьмина; в этом собрании находилось человек 20, в том числе: Петрашевский, Толь, Баласогло, Толбин, Момбелли, Белецкий, Шрамченко (тот знаменитый человек, который, по словам Кузьмина, управляет целою иерархиею и служит в консистории), какой-то молодой человек Родер, два офицера генерального штаба: Усавский и Языков, один офицер Финляндского полка, один студент и один малороссиянин, а прочие (в том числе какой-то Шабишев) были все художники или подобные им. Ожидали в общество еще каких-то Куприяновых, Александра Ивановича Никитина и Зарембу, бывшего студента здешнего университета. Белецкий говорил, что он преподает историю в 1-м кадетском корпусе и что у него есть класс, который приготовлен по программе ген.-адъютанта Ростовцева и по собственным его убеждениям, и что он надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут, наконец, Россию вперед. Сверх того, Белецкий хвастал, что любим начальником 1 корпуса, Лихониным, который хотя и глуп, но по бахвальству или по чему угодно желает казаться поборником новейших идей; что Лихонин присутствием своим на либеральных лекциях его помогает ему легче и ловчее достигать своей цели. Привязанность Лихонина Белецкий доказывал примером, что когда однажды диакон, преподающий закон божий в 1-м корпусе, спросил одного маленького кадета, кто был Авраам? и кадет, будучи сперва уже научен Белецким, отвечал, что Авраам есть миф, представляющий образ пастушеской жизни древних евреев, то диакон побежал к Лихонину, говоря, что это ересь, которую вводит Белецкий между кадетами, но Лихонин вступился за Белецкого и тем все покончил.

Антонелли говорит, что в этом обществе, за исключением Кузьмина, Белецкого — хозяина квартиры, и лиц, с которыми он встречался у Петрашевского, все были какой-то сброд, гадость, грязь; люди необразованные и отличающиеся от мужиков только фраками и отсутствием здравого смысла; люди, которые видели свет чрез рюмку, наполненную водкою; люди, которые видят перед собой разбой и водку, водку и разбой и проч.

Показания свидетелей

Из допрошенных лиц о штабс-капитане Кузьмине упоминает только штабс-капитан Кропотов, что на вечере у Петрашевского перед окончанием Головинским рассказа о несообразностях статей в своде законов, он, Кузьмин, сказал Кропотову; «вот то-то и есть; молодо — зелено, пускаются говорить о том, чего сами не знают». Также насчет крестьян «поверьте, — обращаясь к нему же, Кропотову, — свобода повредит им, их понятия слишком грубы, и государь желал бы их освободить, да нет... видно рано».

По уведомлению статс-секретаря князя Голицына, из бумаг штабс-капитана Кузьмина обращают внимание следующие:

1. Дневные записки Кузьмина, во время нахождения его в Тамбове, с описанием лиц более замечательных, о которых он судит с своей точки зрения, т. е. насчет годности их к развитию новых идей общественности. Отмеченные в сих записках статьи красным карандашом указывают не только на наблюдательность Кузьмина в сем отношении, но на стремление его к нравственному влиянию на образ мыслей с ним сближающихся.

2. Письмо к Кузьмину от Петрашевского, в котором сообщает о предполагаемом преобразовании городского управления внутри России по примеру С. Петербурга и Москвы, присовокупляя, что участие в заведывании городским хозяйством — удаленного ныне от сего участия известного класса людей, как то: учителей, докторов, аптекарей, отставных чиновников и других, которых можно назвать умственною аристократиею, будет весьма благодетельно для общественного развития; что этому не мешает дать ход и что выборы представляют к тому удобство. Далее в том же письме посылает французский журнал «Эстафету», называет его весьма полезным и просит оставить из него хорошее в общем употреблении, разделив между многими.

3. Письмо к Кузьмину от Михайлова (находившегося в Тамбовской же губернии), который вызывает его к себе, выражаясь словами: «жаждем видеть нашего адского зажигателя».

4. Записка Кузьмина о дворянских выборах, доказывающая наклонность его к охуждению установленного порядка.

Кроме означенных четырех бумаг, найдена еще у Кузьмина составленная в самом неприязненном для России духе книга под заглавием «Russie, Allemagne et France, par Marc Fournier».

Показание обвиняемого

Будучи знаком с Петрашевским, он, Кузьмин, по возвращении в С. Петербург из командировки, бывал у него на вечерах, которые отличались от вечеров обыкновенных тем только, что вместо карт проводили время в чтении и беседе.

Живая беседа, как объясняет Кузьмин, развивает человека, и нет предмета, который бы не мог быть идеею беседы того или другого круга, сообразно развитию, понятиям и интересам людей, но разграфить и распределить общество по графам, назначив: такая-то графа может говорить только о том, такая о том и т. д., — невозможно потому, что хотя каждое общество состоит из известных слоев, но слои эти так плотно сливаются, что, касаясь одного, нельзя не тронуть остальных, и, кроме того, способность мышления так неуловима, что оказать [1] ее невозможно.

Посему он, Кузьмин, во всех разговорах, которые когда-либо вел, не говорил противу совести и убеждений и никто не упрекнет его в каком-либо недобросовестном поступке и в домогательстве чего-либо кривыми путями, однако же он не может сказать, чтобы вся жизнь его была безукоризненна. Но кто, — говорит Кузьмин, — не делал в жизни ошибок?

Так и у Петрашевского на вечерах разговаривали: 1 апреля — об улучшении судопроизводства и судоустройства, о свободе книгопечатания и об уничтожении крепостного состояния.

Судопроизводство и судоустройство ему, Кузьмину, малознакомы, однако же знает, что закон не отвергает, что могут быть неправильные решения, и потому допускает перенесение дел на аппеляцию; что решения различных инстанций бывают не только не сходны, но иногда и прямо противоположны, и что часто средства проигравшего дело так ограничены, что он не в состоянии доехать не только до столицы, т. е. довести дело до Правительствующего сената, но даже до губернских присутственных мест.

Неужели же сочувствие к этому может быть вредно для государства, и тем более сочувствие, высказанное в небольшом круге знакомых?

Совершенной свободы книгопечатания не существует нигде, даже во Франции, где ныне республика, следовательно, возможно ли это в государстве самодержавном? Но излишнее стеснение может быть иногда небезвредно.

К разговору об уничтожении крепостного состояния вели некоторые меры правительства, именно: указ об обязанных

---

[1] *в тексте:* основать

крестьянах; право, данное крестьянам имений, продаваемых с публичного торга, выкупаться и право, данное крепостным людям приобретать недвижимую собственность, а помещикам передавать крестьянам в течение 10 лет такого рода собственности, сим последним принадлежащие, которые приобретены были на имя помещиков.

Разве было сказано что-нибудь вопреки этих мер?

На вечере 8 апреля он, Кузьмин, не помнит, говорил ли, что народ считает царя земным богом, а ежели и бывает недоволен, то местными властями, непосредственно на него действующими; но не отрекается, что мог говорить это, будучи убежден и теперь в справедливости приписываемой русскому народу преданности своему государю.

На вечере 15 апреля чтение письма Белинского к Гоголю произвело на его, Кузьмина, грустное впечатление; видно было, что оно писано в раздраженном, болезненном состоянии.

В этот вечер Антонелли приглашал его, Кузьмина, быть 16 апреля у Толя, но он отказался, сказав, что у него самого будут гости, в том числе один статский, занимающий в духовном ведомстве хорошее место, некто Шрамченко, кажется, секретарь консистории, который подобное место желал занимать еще в гимназии.

На другой день, 16 апреля, был у него, Кузьмина, вечер, на котором находились: Петрашевский, Баласоглу, Момбелли, Толь, Антонелли, Шрамченко, капитан-лейтенант Кузьмин и занимались разговорами об науках и литературе, но говорил ли Белецкий, что он приготовил своих учеников к принятию новых идей, он, Кузьмин, не слышал. Вообще он утверждает, что все эпитеты, которые Антонелли придал всем гостям, бывшим у него, Кузьмина, на вечере, порождены одною досадою Антонелли за то, что он, Кузьмин, не был у него пред тем на вечере.

Относительно же социальных систем он, Кузьмин, отозвался, что мнение его об этих системах было, есть и будет такое, что все они могут существовать только на бумаге.

Кроме сего, он, Кузьмин, при словестных расспросах объяснял:

1) что на вечере 1 апреля у Петрашевского особенно спорил с Петрашевским Головинский;

2) что 8 апреля он, Кузьмин, приехал к Петрашевскому с желанием, чтобы умерять порывы участвовавших на вечере, не имея, впрочем, на это никаких поручений, так как тут были развиваемы такие идеи, которые могли быть очень вредны для молодых людей.

45. 1849 г. начало июня. — Выписки из бумаг П. А. Кузьмина

Ч. 32, лл. 82—95 об. Датировано, как документ 44, продолжением которого является

По уведомлению статс-секретаря князя Голицына, в бумагах штабс-капитана Кузьмина обратили на себя особенное внимание следующие:

1. Дневные записки Кузьмина во время нахождения его в Тамбове с описанием лиц более замечательных, о которых он судит с своей точки зрения, т. е. насчет годности их к развитию новых идей общественности.

Отмеченные в сих записях красным карандашом статьи указывают не только на наблюдательность Кузьмина в сем отношении, но и на стремления его к нравственному влиянию на образ мыслей с ним сближающихся. Так, наприм.:

«Я. И. С. сознание его в необходимости изменений, убеждение в том, что оно воспоследует, но путем не последовательным, а кризисом. Недостаток централизации, по причине неразлития[1] образования на дворянство, те же из дворян, которые образованы, стараются по возможности не о пользе своей братии и им подчиненных, но об угодливости высшим, для получения ордена или официального назначения по службе; если же кто решится восстать против злоупотреблений, делается жертвою силы всесокрушающей — (Полторацкий)».

«У нас нет заведений для образования дворян или граждан: делают чиновников, офицеров и проч. (не столько обучением, сколько необходимостью, предписанною законом)».

«Мнения о Петербурге Г. П. Д. (переворот), получившего образование в Collège Royal, занимавшего и занимающего значительные должности, но в сущности это человек допотопный».

«При голоде вследствие неурожая 1839 г. он, (Я. И. С.) вопреки отчета тогдашнего губернатора Корнилова, составил секретный комитет из вице-губернатора, губернского предводителя, жандармского полковника и донес м. в. д. гр. Строганову о бедственнном положении губернии, но когда тот дал ответ, не соответствоваший ожиданиям, то С. на основании письма, полученного Полтор. от Строганова, писал к гр. Строганову, выставил бедственное положение губернии, необходимые гибельные следствия и тем вызвал министра (по решению Государственного совета)».

«Давыдов ведет la vie du chateau».

---

[1] *в тексте:* неразвития

«Н. П. Гр. подает надежды (отец Иероним)».

«А. Я. М., образованный человек, объявляет себя космополитом».

«Попы везде попы, пишут из Шацкого уезда, что поп С. предлагает всему народу говеть, что смерть близка, мертвых же не хоронит без разрешения земской полиции, трупы лежат несколько дней в жилых[1] избах и заражают воздух. Проезжая Калужскую губернию, я узнал про действия попов еще лучше: они также предложили всем говеть, но объявили, что к больным не пойдут и мертвых отпевать не станут, а пусть их без церемонии зарывают».

«Историческое развитие секты молокан и учение их написано Орестом Новицким — в Киеве по источникам митрополита Евгения, бывшего чином комиссии, исследовавшей ереси».

«Молоканы города Тамбова ходят в церковь, приобщаются св. таин и вообще исполняют все предписания православной церкви, но верят в истины, в которых убеждены по своему учению, которым и следуют; весьма скрытны и тогда лишь решаются открыть положения о своем учении, когда надеются[2] приобрести нового члена в свое общество, но и в подобных случаях посвящают постепенно в истины своего учения и вероятно открывают новику столько, сколько необходимо на первый раз, чтобы увлечь и указать будущность, лучшую той, какая была бы при прежних убеждениях вновь вступающего».

«Молоканы не дают клятв, не несут государственной службы; отданные в солдаты убегают из службы».

«Захар Иванович Трояновский. Директор училищ Тамбовской губернии, глуп, как сало, знаний никаких, но претензии имеет и на ум, и на знания. Лучше всего, я думаю, он знает катихизис и, как выражаются в школах, „с текстами, но без толкования". Несмотря на всю его глупость, я надеюсь извлечь из него некоторую пользу».

«Сабуров, несмотря на образованность и начитанность современную, имеет довольно дикий и допотопный взгляд на поместное право. Зная неправильность порядка, в котором люди имеют право на личность подобных себе, — старается доказать, что допущение ко владению населенными землями, с тем чтоб делать крестьян обязанными, кроме дворян, других классов, имеющих на то и средства и досуг заниматься лично, будет несправедливо и даже вредно потому, что расстроит существующий порядок организации работ; вопрос, занимающий Запад Европы, но у нас окончательно решенный. Вопрос об улучшении быта рабочего класса имеет в

---

[1] *зач.:* покоях [2] *в тексте:* находятся

виду две человеческие цели: 1) обеспечение существования трудящегося и 2) возможность путем[1] труда улучшить свое положение и совершенствоваться».

«Близорукие помещики эгоисты скажут, у нас возможно достижение и той и другой цели: работящий мужик не умрет с голода и даже может разбогатеть и потом выкупить на волю себя с семейством, а потом уже вести детей своих, как пожелает. Не проникнувши глубже в этот вопрос, оно кажется и действительно так, на самом же деле нет: чем прилежнее мужик, тем более достанется и работы на его долю; у мужика есть хлеб в голодный год, хлеб, собранный крохами в лучшие годы, политый потом, и такой мужик естественно не получит помощи во время голода; лентяй и пьяница обеспечивается помещиком в случае неурожая; у лентяя нет лошади — помещик или дает ему лошадь, чтоб тот работал на барщине и в доме, или дает ему другое назначение с обеспечением содержания; прилежный мужик собрал деньжонок и хочет выкупиться на волю; помещик требует за это сумму, превосходящую собранный мужиком капитал, но воля так заманчива, что мужик входит в долг и выкупается, и раз объявив себя не бедняком, он подвергается всем притеснениям, которые во власти помещика, чтоб заставить мужика предпочесть свободу в рубище достатку с притеснением. Возражайте на это: я опровергну примерами».

«Сабуров сам говорит, что его мненье потому против изменения настоящего порядка, что капитальные выгоды его страдают: не нравится ему имение, он распродает его по рознице, крестьян на своз, лес на сруб, землю особо, и получает гораздо более, нежели бы получил, продав имение целое как было; мало того, купил он землю в многоземельной губернии, например в Саратовской, мужики охотой нейдут туда (что весьма естественно), он назвал ее Сибирью, выселяет туда негодяев, и саратовское имение, населенное негодяями, даст ему доходу более при 40 негодных душах, нежели тамбовское при 150 хороших крестьян. Этот взгляд положителен, но не есть взгляд человеческий современный и даже недалек».

«Тамбовское общество разделено на тысячи кругов и партий; говорят у старожилов тамбовских, что нет вовсе социальности, русского радушия, знакомство ведут только из видов, но я не везде встретил это, мне кажется, что они люди как люди: я принят везде хорошо, где только бываю и с кем ни знакомлюсь; несмотря, что не играю в карты, а здесь это главное отличие порядочного человека: верю, что без игры в карты и обладая способностью наскучать, сде-

[1] *в тексте:* потом

лаешься всем и каждому в тягость. Мужчины часто собираются для игры, и игра ведется порядочная, дамы же почти всегда гнездятся по своим уголкам. Что-то скажет зима?»

«Большинство здешних помещиков штабс-ротмистры или поручики в отставке, без достаточного образования, но с порядочным запасом долгов; продолжают зорить свои имения, собачничают и проч. Чего ожидать от таких господчиков? В состоянии ли они постигнуть важность дворянских выборов и службы по выборам? Могут ли быть хотя орудиями к общему улучшению? Есть из стариков и дельные люди, но с допотопными закорузлыми понятиями об вещах. Это «жалости подобно», как говорят малороссы, особенно в России — государстве без столицы, где необходимо развитие провинциальных голов. Но сколько времени надобно ждать этого? Слова нет, если провинции развились в духе национальном и человеческом, то государство способнее к принятию лучших форм,[1] но развитие провинций самих собою без руководжения их столицею похоже на изучение какой-либо науки или ремесла — самоучкою: тяжело идет оно, успех неверен и может отчаять в возможности когда-либо достигнуть результатов».

«Лебедянская ярмарка (в смысле качества и количества посетителей дворянской гостиницы)».

«При вступлении моем в сей, так называемый капернаум я встретил Г. Б. П. Зная его в Петербурге, я хотел видеть манеру его действий и усмотрел некоторую мелочность в его маневрах. Гр. забрал себе в команду пару Новиковых, Дмитрия Наумова, еще кое-кого и только: эта компания протежировала хор цыган, ранее приехавший в Лебедянь, хор ничтожный, в котором не было ни голосов, ни хора. В гостинице я был знаком с Григорием шапочно, но хотел ехать в деревню, чтоб потолковать дельно, но он увлекся своею ярморочною ролею, вздумал подчинить меня своему влиянию, но... — «Je suis mecontent de votre conduite d'hier», — сказал он мне в одно прекрасное утро. — «Moi de même et j'en ai plus de raison d'être mécontent de vous», — отвечал я. — «Peut être que vous êtes plus fort en physique et en moral que moi», — сказал он мне. — «Nous n'avons pas eu d'assaut et sans celà la chose reste improuvée».

«Мы разошлись, но к вечеру он сам подошел ко мне. Уехал он без меня, но прислал нарочного просить к себе в деревню; я с сожалением должен был отказаться от этого приглашения,[2] в надежде, что он приедет в Тамбов на Казанскую ярмарку».

---

[1] *на полях рукою Гагарина:* вопрос [2] *на полях рукою Гагарина:* вопрос

«Он меня испытал, он увидел, что моя метода действий вернее; я не насиловал, как он, но успех венчает дело, и его партия сбита с поля».

2. Записка Кузьмина о дворянских выборах, доказывающая наклонность его к охуждению установленного порядка. В записке этой, между прочим, он писал:

«Дворянские выборы. Много деятельности оказали все партии для своего успеха, но выиграла без сомнения та, на стороне которой была власть. Выиграла эта партия потому, что все другие были, хотя оппозиционные этой, но кроме общего, во многом были различных убеждений et ne pouvaient pas se concerter, и, второе, потому что партия, на стороне которой правительство, может сделать много для усиления своей партии и для ослабления и разъединения противников. Честны ли и законны ли будут средства, на то употребленные, — это вопрос другой, но успех вероятен; напр., людей ненадежных по мнениям можно устранить отданием под суд (положим, что правый оправдается, но когда выборы кончены) устранением от права избирания за недостатком каких-либо бумаг, или можно раздать дамские шары или отсутствующих верным, хотя ничтожным людям; привлечением в свою партию, действуя страхом на мелочь, а убеждением на самостоятельных и имеющих влияние».

«Все эти маневры были употреблены; на стороне побежденных оставалась только возможность делать выходки, якобы и решительные, но безуспешные. Главою губернаторской партии был Сабуров с миллионом родни и приверженцев; противников было много, но каждый из них имел свои причины быть недовольным губернатором и губернским предводителем, но связи между ими не было; мало того, что они были недовольны, многие были ожесточены и имели на то полное право: лица, принадлежащие к противной партии, были: Петрово-Соловово, кн. Вяземский, Аблов, Савастианов, Карачинский, отчасти Хрущев и кн. Кугушев».

3. Письмо к Кузьмину от Петрашевского, в котором сообщает о предполагаемом преобразовании городского управления внутри России по примеру С. Петербурга и Москвы, присовокупляя, что участие в заведывании городским хозяйством удаленного ныне от сего участия известного класса людей, как то: учителей, докторов, аптекарей, отставных чиновников и других, которых можно назвать умственною аристократиею, будет весьма благодетельно для общественного развития, что этому не мешает дать ход и что выборы представляют к тому удобство. Далее в том же письме посылает французский журнал «Эстафету», называет его весьма полезным и просит оставить из него хорошее в общем употреблении, разделив между многими.

4. Письмо к Кузьмину от Михайлова (находившегося в Тамбовской же губернии), который вызывает его к себе, выражаясь словами: «жаждем видеть нашего адского зажигателя».

У него же, Кузьмина, найдена книга, под заглавием: «Russie, Allemagne et France par Marc Fournier», написанная в самом неприязненном для России духе и наполненная дерзкими отзывами на счет государя императора и всей императорской фамилии.

Сверх того, в бумагах учителя Белецкого найдено письмо его, Белецкого, к Кузьмину, в котором, изъясняя о намерении своем оставить учительскую службу, обнаруживает образ мыслей его насчет состояния образования в кадетских корпусах и также пишет, что чтение известного рода книг в библиотеке сопряжено с неимоверными неудобствами.

Кроме того, в бумагах Баласогло найдены два письма к нему и записка от Кузьмина.

В одном письме, от 23 августа 1848 г., Кузьмин пишет к Баласогло о предположении купить отдельный дом и называя его убежищем, говорит: «что же касается до убежища, то это не подлежит и сомнению, именно зажили бы на славу». При этом Кузьмин просил прислать ему экземпляр нового устава и в конце письма спрашивает: «Не лучше ли дом Шишкина в Коломне, возле М. В.?»

В другом письме, из г. Тамбова, от 8 июля 1848 г., Кузьмин, отзываясь о тамбовском обществе и тамошних религиозных обрядах в неприличных и насмешливых выражениях, пишет: «что сказать вам про здешний край? Есть люди, но нет общества, социальность еще не введена в тамбовский словарь. Эти люди, которые, по средствам и по положению своему, должны бы были сосредоточивать общество, или не способны к тому, или действуют в кружке, по их понятию избранном, но в сущности нелепом, а от того и выходит дичь. Я обещал делать для вас замечания об обрядах и проч. Чаще всего в настоящее время можно видеть похороны (по случаю холеры) и так называемое поднятие образов. В обоих случаях дикие звуки человеческих голосов заставляют вас подойти к окну, чтобы узнать причину звуков, раздирающих европейское ухо. В случае поднятия образов, продолжает Кузьмин, народ встречает это шествие без шапок, часто останавливает ход для целования образа и подлезания под образ, что напоминает игру в пролазку».

В записке от 29 декабря 1847 г. Кузьмин уведомляет Баласогло, что он виделся накануне с Милютиным, который просил передать ему, Баласогло, что ему нужно бы переговорить с ним и чтобы он на-днях побывал у него.

Сверх того в бумагах Баласогло найдено еще письмо к нему от Невельского, без числа, в котором Невельский про-

сит Баласогло к себе, уведомляя, что у него будет офицер Кузьмин, который непременно хочет познакомиться с ним, Баласогло, и переговорить об известном ему предмете.

46. 1849 г. июня 20, 21 и 22. — Допрос П. А. Кузьмина по вопросным пунктам

Ч. 32, лл. 98—167. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною следственною комиссиею предварительные вопросные пункты, имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отечество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Павел Алексеев сын Кузьмин, тридцати лет, православного исповедания, таинства покаяния и причащения исполнял ежегодно, почти всегда на страстной неделе великого поста.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Имею мать маиоршу Хиону Ивановну дочь, вдову Кузьмину, проживающую теперь в городе Вологде.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет, и когда окончили воспитание?

[О.] Был воспитан в Павловском кадетском корпусе, где находился с августа 1830-го года по февраль 1838-го года, на казенный счет; потом был в императорской Военной академии с осени 1845-го года по осень 1847-го года.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

[О.] Состою штабс-капитаном Генерального штаба, был причислен к департаменту, но уже предназначен к отправлению в Гренадерский корпус, — исполнение же предупреждено нынешним заключением. Произведен в конную артиллерию прапорщиком высочайшим приказом от 16-го ноября 1838-го года со старшинством от 26-го февраля. Ни под следствием, ни под судом никогда не был.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Недвижимой собственности не имею, но имею некоторые деньги, составляющие часть мою по разделе роди-

тельского имения; прежде же содержал себя жалованьем и тем, что присылалось из родительского дома.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] Особенно близких и коротких знакомств ни с кем не имел, а также и частых сношений.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границею?

[О.] Писем за границу не писал, писем из-за границы не получал; внутри же государства, кроме писем к родным, был в сношениях с некоторыми присутственными местами Тамбовской губернии, составляя по поручению начальства военно-статистическое описание и военно-маршрутную карту этой губернии; в то же время я два раза в месяц доносил о ходе работ моих господину генерал-квартирмейстеру Главного штаба его императорского величества. Штабс-капитан Павел Кузмин.

[В.] Давно ли вы знакомы с Петрашевским?

[О.] В 1848-м году пред отъездом. П. Кузмин.

[В.] Что вас побудило познакомиться с Петрашевским?

[О.] Познакомился чрез г. Баласогло и, увидев человека умного и образованного, продолжал знакомство. Кузмин.

[В.] Часто ли вы посещали вечера его?

[О.] До отъезда несколько раз и по возвращении три раза. Кузмин.

[В.] Сколько бывало людей на вечерах этих, и кто из них постоянно посещал эти вечера?

[О.] От пяти до двадцати, может быть и более; чаще встречал г. Баласогло, г. Толя, г. Кайданова, по возвращении встречал Антонелли и других, которых не вспомнил или фамилий не знаю. Кузмин.

[В.] В собрании у Петрашевского 1-го апреля Петрашевский, говоря о цензуре, объяснял, что она хотя и стесняет возможность большего развития, но приносит и ту пользу, что, вычеркивая все нелепости из какого-нибудь сочинения, она дает этому сочинению вид дельный и порядочный; напротив, если бы цензура была уничтожена, то явилось бы множество людей, влекомых личными побуждениями и страстями, которые хотя своими талантами заслужат место в истории литературы, но за всем тем будут служить препоною к развитию человечества и к достижению цели всем любезной. Объясните об этом.

[О.] Как согласное с его духом это могло быть говорено г. Петрашевским. Кузмин.

[В.] На том же собрании, при разговоре об освобождении крестьян говорено было, что идеею каждого должно быть освободить этих угнетенных страдальцев, но что пра-

вительство не может освободить их, ибо без земель освободить нельзя, освободив же с землями, должно будет вознаградить помещиков, а на это средств нет, освободив же крестьян без земель или ж не заплатив за землю помещикам, правительство должно будет поступить революционным образом, но каким образом приступить к освобождению крестьян без воли правительства, в этих словах не объясняется. Объясните о мерах, к тому предполагаемых.

[О.] Если принять за меру немедленное освобождение крестьян потому, что они будто уже к тому готовы, я считаю с моей стороны неправильною. Кузмин.

[В.] В опровержение сказанного Головинским, Петрашевский говорил, что при освобождении крестьян должно непременно произойти столкновение сословий, которое, будучи бедственно уже само по себе, может быть еще бедственнее, породив военный деспотизм, или, что еще хуже, — деспотизм духовный. Объясните, что подразумевалось под военным деспотизмом и деспотизмом духовным?

[О.] Не припомню, каким образом объяснялось значение упомянутых двух деспотизмов. Кузмин.

[В.] На том же собрании Петрашевский, говоря о судопроизводстве, объяснял: «что в нашем запутанном многосложном и с предубеждениями судопроизводстве справедливость не может быть достигнута, и, если из тысячи приме́ров и явится один, где она достигается, то это происходит как-то не нарочно, случайно, что одно судопроизводство возможно, в котором достигалась бы цель его, т. е. справедливость, это судопроизводство публичное, jury.» Сделайте о сем объяснение.

[О.] Было представляемо преимущество j u r y пред существующим судопроизводством. Кузмин.

[В.] В том же разговоре Петрашевский объяснял, что не следует требовать перемены в судопроизводстве, а всеподданнейше просить об этом, потому, что правительство и отказавши, и удовлетворивши просьбе, поставит себя в худшее положение. Отказавши в просьбе сословию, оно вооружит его противу себя, и идея наша идет вперед. Исполнивши просьбу, оно ослабит и себя, и даст возможность требовать большего, и все-таки идея наша идет вперед. Объясните об этом.

[О.] Было говорено г. Петрашевским о всеподданнейшем прошении к изменению судопроизводства. Кузмин.

[В.] В этом же собрании Головинский говорил, что перемена правительства не может произойти вдруг, но что прежде надо утвердить диктатуру. Дайте об этом объяснение.

[О.] Разговора об этом не помню. Кузмин.

[В.] Известно, что в собрании у Петрашевского 8-го апреля, за ужином Ястржембский говорил, что за свободу Польши готов позволить выпустить себе всю кровь по капле, но если бы он был уверен, что самостоятельность Польщи вредна развитию общечеловеческой идеи, то он первый одним взмахом топора отрубил бы ей голову. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Разговора об этом не помню. Кузмин.

[В.] При том же разговоре за ужином Ястржембский старался уверить присутствовавших, что простой народ принципом зла непременно понимает государя, и доказывал это разговором своим с извощиком об оброке. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Мнение это находил и нахожу ошибочным. Кузмин.

[В.] Ястржембский говорил также, что быв в Польше, Малороссии и Белоруссии, он убедился, что у всех тамошних мужиков один и тот же взгляд, т. е., что принцип зла они видят в царе. Объясните об этом.

[О.] Это мнение также считаю ошибочным. Кузмин.

[В.] Ястржембский говорил еще, что в России нет народной любви к государю императору. Объясните об этом.

[О.] Как следствие двух предыдущих, нахожу и это мнение несправедливым. Кузмин.

[В.] Известно, что на собрании у Петрашевского 15 апреля Петрашевский читал речь по поводу отдания первенства вопросу о судопроизводстве и, между прочим, говорил, что переменою судопроизводства откроются и все прочие недостатки и что восстания нельзя предпринимать без уверенности в совершенном успехе, что перемены судопроизводства можно достигнуть законным образом, требуя от правительства таких вещей, в которых оно не может отказать, сознавая их справедливость, и что, достигнувши перемены в судопроизводстве, можно будет требовать у правительства и других перемен. Дайте о сем объяснение и покажите, было ли читано на этом собрании письмо Белинского к Гоголю?

[О.] Это было говорено, а письмо Белинского читано. Кузмин.

[В.] Кроме указанных вам разговоров, происходивших на собраниях у Петрашевского, не было ли там говорено еще чего-нибудь особенного в отношении правительства и кто именно говорил?

[О.] Кроме показанного мною, не припомню. Кузмин.

[В.] Объясните, что и в каком духе читал Тимковский на собрании у Петрашевского?

[О.] Тимковского совсем не знаю и речи его не слышал. Кузмин.

[В.] Бывали ли вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Дурова, Данилевского, и не было ли подобных собраний и у других лиц?

[О.] Не бывал и не знаю. Кузмин.

[В.] Кто еще посещал эти собрания и чем там занимались?

[О.] Предыдущий ответ служит и сюда. Кузмин.

[В.] Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне обозначенных собраний, то обязываетесь все то показать с полною откровенностию.

[О.] Никаких злоумышлений не знаю.

[В.] Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Черносвитовым?

[О.] Г. Черносвитова не знаю. Кузмин.

[В.] Есть показания, что разговоры Черносвитова на вечерах у Петрашевского внушали мысль, что он шпион. Произвел ли Черносвитов и над вами такое впечатление?

[О.] Г. Черносвитова не видал. Кузмин.

[В.] Объясните, кто именно был у вас на собрании 16 апреля, о чем говорилось на оном и с какою целию вы делали это собрание?

[О.] Цель этого вечера было желание мое проститься с знакомыми пред отъездом, а гости, которых припомнил, означены в показаниях от 19-го мая. Кузмин.

Во всех сих ответах моих на предложенные мне вопросные пункты написал я сущую истину и ничего более прибавить не имею. Генерального штаба штабс-капитан Павел Алексеев сын Кузмин.

[В.] Известно, что вы квартировали вместе с учителем Белецким. Объясните все, что вы знаете о нем.

[О.] Белецкий, по моему мнению, воспользовался учением, но не имел случая приобрести образованности светской; живой, энергический характер и резкость выражений часто заставляют делать невыгодное об нем заключение. Особо примечательного социального направления не нахожу в нем. Кузмин.

[В.] Известно, что на том же собрании у вас учитель Белецкий говорил, что в 1 кадетском корпусе, где он преподает историю, есть у него класс, который приготовлен по программе ген.-адъютанта Ростовцева и по собственным его убеждениям, и что он надеется, что из этого класса выйдут люди, которые двинут, наконец, Россию вперед. Сделайте об этом объяснение.

[О.] Как хозяин, я не слышал разговора об этом предмете но, зная г. Белецкого, полагаю, что он преподавал по программе, но в духе своих убеждений. Кузмин.

[В.] Белецкий при том же разговоре хвастал еще, что он любим начальником 1-го корпуса Лихониным, который хотя и глуп, но по бахвальству, или по чему другому желает казаться поборником новейших идей, и что он присутствием своим на либеральных лекциях его, Белецкого, помогает ему легче и ловче достигать своей цели. Дайте об этом объяснение.

[О.] Как уже сказано, я этого разговора не слышал. Кузмин.

[В.] Белецкий, при тех же разговорах доказывал привязанность к нему Лихонина примером, что когда однажды диакон, преподающий закон божий в 1-м кадетском корпусе, спросил одного маленького кадета, кто был Авраам? и кадет, будучи сперва уже научен Белецким, отвечал, что Авраам есть миф, представляющий образ пастушеской жизни древних евреев, то диакон побежал к Лихонину, говоря, что это ересь, которую вводит Белецкий между кадетами, но Лихонин вступился за Белецкого и тем все покончил. Сделайте об этом объяснение.

[О]. Самого разговора я не слыхал, но изложенное согласно с прежними показаниями о Белецком. Кузмин.

[В.] В дневнике вашем, говоря о лице, обозначенном под буквами Я. И. С. (которое, как вы объяснили словесно, есть Яков Иванович Сабуров), вы написали: «сознание его в необходимости изменений, — убеждение в том, что оно воспоследует, но путем не последовательным, а кризисом». Такой вывод не может иметь другого основания, как ваши с ним конфиденциальные разговоры. Объясните их начало и цель.

[О.] В дневнике моем сделан только вывод разговора, которого сущность, если могу припомнить, было рассуждение о причинах воспоследовавшей на Западе революции; ее приписывали бывшим там злоупотреблениям и заключили, что как злоупотребления бывают везде, следовательно и у нас, то и выведено убеждение, прописанное в вопросе. А кризис предполагали долженствующим произойти от крайности. Положительной же цели в разговоре не было. Кузмин.

[В.] В том же дневнике, вы, упоминая о Трояновском, директоре училищ, говорите, что он глуп, как сало, и думаете, что он знает катихизис с текстами, но без толкования; но несмотря на всю его глупость, надеетесь извлечь из него некоторую пользу. Слова эти к тому, что он снабжал вас книгами из библиотеки, как это вы объявили словесно в комиссии, относиться не могут, не было бы причины рассуждать о его незнании и о его глупости, которая не имеет никакого соотношения к снабжению вас книгами. И потому объясните положительно, в чем состояла надежда ваша извлечь из него пользу.

[О.] Глупость его поразила меня потому, что он занимал место, на котором необходимо иметь ум, и ум просвещенный. Но при данных, которыми обладал г. Трояновский, я не мог ожидать от него важного содействия в своих трудах, но выдачею мне книг и других материалов надеялся извлечь некоторую пользу. Кузмин.

[В.] В том же дневнике значится: «А. Я. М. образованный человек объявляет себя космополитом». Назовите его.

[О.] Алексей Яковлевич Мейснер. Кузмин.

[В.] В том же дневнике сказано: «Н. П. Гр. подает надежды». Объясните, о ком вы это говорили, на чем основаны надежды и в чем они состоят?

[О.] Это, вероятно, Николай Петрович Гриненко, указанием на иеромонаха Иеронима подал мне надежду к возможности обработать статью о расколах, на которую должен был, по утвержденной для военно-статистических описаний программе, обратить особенное внимание. Что доказывается и в самом журнале моем статьею о молоканах. Кузмин.

[В.] В том же дневнике написано: И. П. Д. (переворот), получивший образование, занимающий значительные должности, но в сущности человек допотопный». Назовите лицо, о котором вы изложили это суждение.

[О.] Иосиф Петрович Дубецкий. Кузмин.

[В.] Объясните слова того же дневника вашего: «в России — государстве без столицы, где необходимо развитие провинциальных голов; но сколько времени надобно ждать этого», и последующие, которые вам оказаны. Словестное ваше показание, что слова эти относятся к действию правительства на провинции, трудно согласить с необходимостию развития провинциальных голов и отсутствием столицы.

[О.] Слова: «в России — государстве без столицы» — я понимал то, что столица должна выражать жизнь государства. Петербург же не вполне выражает это; не мог же я не заметить, что большинство дворян не сознают ни прав, ни обязанностей, получив же образование большею частию от правительства, не содействуют развитию в той мере, в какой по моему мнению они обязаны. Кузмин.

[В.] В том же дневнике вы, описывая Лебедянскую ярмарку, между прочим, выразились так: «я встретил Г. Б. П., зная его в Петербурге, я хотел видеть манеру его действий». Далее же говорите: «он меня испытал, он увидал, что мои действия вернее: я не насиловал, как он, но успех венчает дело, и его партия сбита с поля». Объясните все это и назовите лицо, обозначенное под буквами Г. Б. П.?

[О.] Это обстоятельство относилось к самой ярмарке, именно к покровительству двум хорам цыган, одному покровительствовал Григорий Борисович Похвиснев, а я в числе

прочих поддерживал другой хор. Но как первый хор не выдержал соперничества, то я и написал партия «сбита с поля». Кузмин.

[В.] Объясните статью вашу под названием «Дворянские выборы».

[О.] Эти заметки об выборах сделаны были мною собственно для себя, я никак не полагал, чтоб они могли попасться в чьи-либо руки; в противном случае, без сомнения, удержался бы от * многих выражений, резко высказанных.[1] Кузмин.

[В.] В записке Невельского к Баласогло сказано, что вы хотите непременно познакомиться с Баласогло, чтобы переговорить об известных вам предметах. Объясните, в чем состояли эти предметы?

[О.] Это было по тому случаю, что г. военный генерал-губернатор Восточной Сибири, Николай Николаевич Муравьев, искал исполнителей для исполнения некоторых частей проэкта г. Баласогло, и г. Невельский хотел рекомендовать меня посредством г. Баласогло. Кузмин.

[В.] В письме вашем из Тамбова к Баласогло вы, описывая тамошние религиозные обряды, между прочим неприлично отзываетесь насчет хода с образами, останавливаемого для целования и подлезания под образ, напоминающего, по вашему выражению, «игру в пролазку». Такие выражения доказывают ваше неуважение к религиозным обычаям и обрядам, существующим в народе. Объясните, давно ли в вас вкоренились подобные чувства?

[О.] *Чувствую неосторожность выражения и сравнения с игрою в пролазки, вызванное у меня[2] при виде неохоты, с какою исполняли это встречающиеся с образами, но чувства эти не вкоренились во мне. Кузмин.

[В.] В письме вашем к Баласогло из Тамбова вы, между прочим, просили, чтобы он прислал вам экземпляр нового устава. Объясните, какой этот устав и был ли он доставлен к вам?

[О.] Устав Географического общества, который не был доставлен. Кузмин.

[В.] Объясните, с какою целию и на какие средства предполагалась между вами и Баласогло покупка дома, предпочтительно возле М. В.

[О.] Я предполагал купить дом собственно для себя, из имеющегося у [меня] капитала 10 000 рублей серебром. Кузмин.

[В.] В записке вашей от 29 декабря 1847 г. видно, что вы вызывали Баласогло для переговоров с Милютиным, —

1, 2 *подчеркнуто*

объясните, в чем они должны были состоять, и покажите, кто такой Милютин?

[О.] Обстоятельство это касается до проэкта об исследовании Сибири, о чем говорил я и полковнику Милютину. Кузмин.

[В.] Петрашевский в письме своем к вам, говоря о желании распространить муниципальное правление в России, писал к вам, что не худо дать этому ход. Объясните эти слова.

[О.] Г. Петрашевскому случалось говорить со мной о городовом положении, потому что я хотел купить дом в Петербурге, другой причины я не нахожу. Но письмо оставлено без всяких последствий. Кузмин.

[В.] Михайлов в письме своем к вам, между прочим, называет вас адским зажигателем. Объясните, в чем состояли ваши сношения с Михайловым и кто такой сам Михайлов?

[О.] Михайлов приговорен судом к проживанию в имении жены в Тамбовской губернии, встретился я с ним в Тамбове, но с семейством его был знаком еще в Петербурге. Слова же «адский зажигатель» ни что иное, как то, что управляющий его, почтенный старичок, дал мне шутя это название, подвергаясь моим шуткам, которыми мы коротали длинные вечера, и видя живость моего характера. Кузмин.

[В.] У вас найдена книга, под заглавием: «Russie, Allemagne et France, par Marc Fournier», написанная в самом неприязненном для России духе и наполненная дерзкими отзывами насчет государя императора и всей императорской фамилии. Объясните от кого и каким образом вы получили эту книгу?

[О.] Эта книга приобретена мною покупкою у букиниста. Кузмин.

[В.] Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось у вас вредное направление образа мыслей?

[О.] Настоящий образ моих мыслей развивался постепенно в течение последних четырех или пяти лет, со времени как я начал приготовляться к поступлению в императорскую Военную академию. Я был тогда в отставке, имел более двадцати пяти лет; знания, приобретенные в корпусе, были изглажены из моей памяти; следовательно, не вспоминать, а приобретать познания должен был я. В эти годы я не мог довольствоваться учебниками, я должен был читать, читать много, сравнивать писателей и проч., одним словом заниматься серьезно. Это сделалось для меня потребностию, я не увлекался авторитетами,[1] подводящими факты к заблаговременно принятым убеждениям, но, наоборот, старался

---

[1] *подчеркнуто*

идеи выводить из фактов. Чтению и беседе с людьми, серьезно же занимающимися, посвящал я большую часть своих досугов. При таком стремлении к приобретению познаний (но поздно проявившемся), я не мог заняться какою-либо отраслию знаний, далекою от моего назначения по службе или требующею значительного специального приуготовления; и так главный род моих * занятий был рассмотрение человека, как члена благоустроенного общества [1] — и чтение книг исторических, военных, статистических и т. п.

Вот источник нынешнего образа моих мнений; содействовало еще то, что и практическая жизнь была мне не безызвестна; я знал немного Россию от Петербурга до Екатеринослава и от Вологды до Слонима; кроме того, почти два года занимался, не без успеха, хозяйством в Ярославской губернии. Кузмин.

47. 1849 г. до 20 июля. — Допрос П. А. Кузьмина о разных лицах

Ч. 119. „Выс. повеления и другие бумаги, относящиеся до лиц, прикосновенных к делу, а также до лиц, освобожденных от допросов". На 459 листах. Л. 9. Ответ — автограф. Основание для датировки см. в легенде к документу 9

[В.] Известно, что Невельский, когда вы были однажды у него, приглашал к себе Болосооглу, говоря, что вы непременно желаете познакомиться с ним и переговорить об известном ему предмете. Имеете дать об этом объяснение.

[О.] Дело шло о проэкте, составленном г. Баласогло, для исследования Сибири, и как я не читал еще тогда этого проэкта и не был знаком с г. Баласогло, то г. Невельской, говоривший обо мне с господином генерал-майором Муравьевым и предлагавший мне участвовать в экспедиции для исследования Сибири, приглашал г. Баласогло, чтоб я мог предварительно узнать, в чем состоит проэкт и познакомиться с г. Баласогло, как составителем этого проэкта. П. Кузмин.

48. 1849 г. августа 8. — Отношение за № 144 члена Комиссии по разбору бумаг арестованных А. Саглынского к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 32, л. 16

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Комиссия, высочайше учрежденная под председательством г. статс-секретаря князя Голицына, рассмотрев бумаги

[1] *подчеркнуто*

штабс-капитана Кузьмина (взятые ныне в квартире г. Шебашева), нашла в них одни только записки и книги, касающиеся до военных наук, но ничего относящегося к известному делу.

За отсутствием кн. Александра Федоровича Голицына, я имею честь донести о сем вашему высокопр-ву, препровождая у сего запечатанную связку с бумагами Кузьмина.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Сагтынский

49. 1849 г. сентября 26. — Подписка П. А. Кузьмина при его освобождении из-под ареста

Ч. 120. „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссиею над злоумышленниками". На 619 листах. Л. 319. Подпись — автограф

1849 года сентября 26-го дня, я нижеподписавшийся, при освобождении меня из-под ареста из С. Петербургской крепости, дал сию подписку в том, что все расспросы, сделанные мне в Секретной следственной комиссии, буду содержать в строгой тайне и обязуюсь впредь ни к какому тайному обществу не принадлежать; в противном же случае подвергаю себя ответственности по всей строгости законов.

К сей подписке Генерального штаба штабс-капитан Павел Алексеев сын Кузмин руку приложил.

ДЕЛО

Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

50. 1849 г. мая 25. — Отношение за № 472 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 15. „Следственное дело о коллежском секретаре Данилевском". На 70 лл. Л. 4

Весьма секретно

Согласно с представлением Секретной следственной комиссии, под председательством вашего высокопр-ва учрежденной, высочайше повелено немедленно арестовать воспитанника лицея, Николая Данилевского, и доставить со всеми бумагами, какие у него найдены будут, по опечатании оных, в С. Петербургскую крепость.

Сообщив о сем, для надлежащего исполнения, начальнику штаба корпуса жандармов, честь имею уведомить ваше высокопр-во.

Военный министр ген.-адъютант кн. Чернышев.
Директор свиты его вел. ген.-майор барон Вревский.

51. 1849 г. мая 27. — Отношение за № 1120 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову [а]

Ч. 15, лл. 6—7

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Из отношения моего от 25 мая № 1100 вашему высокопр-ву известно высочайшее повеление, по которому следует арестовать воспитанника Александровского лицея, Николая Данилевского.

а) *Помета:* Узнать не осталась ли здесь его квартира и если есть, то опечатать оставшиеся бумаги.

Между тем, при исполнении упомянутого повеления, оказалось, что Данилевский еще в 1843 г. вышел из лицея с чином 10-го класса, после того проходил курс наук в С. Петербургском университете, где получил степень кандидата, и ныне, быв членом-корреспондентом императорского Вольного экономического общества, послан от этого общества в Москву и другие губернии для ученых наблюдений.

Вследствие сего, по приказанию г. военного министра, полковник корпуса жандармов Назимов уже отправился для арестования Данилевского, со всеми бумагами, в Москве или где будет он отыскан, с тем чтобы упомянутый штаб-офицер по доставлении Данилевского в С. Петербург представил его, согласно прежнему распоряжению, в ведение вашего высокопр-ва.

Уведомляя о сем ваше высокопр-во, имею честь удостоверить вас, м. г., в истинном моем уважении и преданности.

Л. Дубельт.

52. 1849 г. июня 4. — Отношение за № 1205 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 15, лл. 9—9 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Вследствие полученной мною выписки из журнала Секретной следственной комиссии от 31 мая 1849 г., имею честь уведомить ваше высокопр-во, что еще 25 мая назначенный для арестования бывшего воспитанника лицея Николая Данилевского полковник корпуса жандармов Назимов осматривал бывшую квартиру сего молодого человека, в Кабинетской улице в доме Петровой, но оказалось, что квартира совершенно очищена от постоя, и Данилевский, выезжая из С. Петербурга, взял с собою все свое имущество.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Л. Дубельт.

53. 1849 г. июня 6. — Отношение за № 1228 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 15, лл. 10—10 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Г. московский военный ген.-губернатор, вследствие известного вашему высокопр-ву распоряжения об арестовании

корреспондента Вольно-экономического общества, Николая Данилевского, уведомил, что сей последний выехал из Москвы в Тульскую, Орловскую и Рязанскую губернии, и что полковник корпуса жандармов Назимов, для исполнения означенного распоряжения, отправился в упомянутые губернии, получив от него, гр. Закревского, открытое предписание о содействии ему со стороны местных начальств.

Сообщая о сем вашему высокопр-ву, имею честь удостоверить вас, м. г., в истинном моем почтении и преданности.

Л. Дубельт.

54. 1849 г. не позднее 24 июня. — Выборка из показаний по делу Н. Я. Данилевского

Ч. 15, лл. 1—3 об. Составлена перед допросом Данилевского. Данилевский арестован 22 июня, допрашивался 24 июня (журнал Следственной комиссии)

Справка о вновь арестованном Данилевском

Из обвиняемых лиц о Данилевском показали:

Акшарумов, что он встречался с Данилевским у Петрашевского, с которым, однако ж, Данилевский год тому назад прекратил знакомство.

Беклемишев, что, быв один раз у Петрашевского пред отъездом своим в Ревель, он видел тогда у него Данилевского.

Ламанский, что он очень хорошо помнит, что Данилевский излагал у Петрашевского из учения Фурье законы о группах и сериях.

Ващенко, что Данилевского ждали на обед, данный в честь Фурье у Европеуса, но он не был.

В бумагах Спешнева, между прочим, найдено письмо к нему на французском языке от титулярного советника Тимковского из Ревеля, в котором Тимковский упоминает о Данилевском, спрашивая, приехал ли он?

Сам Тимковский показал, что пред отъездом своим в Ревель, быв у Спешнева, они постановили, чтоб вместе с Данилевским, по возвращении его из деревни, составить втроем особый круг и действовать к распространению учения Фурье на тех началах, как предлагал он, Тимковский, у Петрашевского.

Спешнев сначала показал, что Данилевский, о котором упоминается в письме Тимковского, воспитывался в лицее, потом в университете и ныне занимается естественными науками, придерживаясь взгляда фурьеристов.

Потом, в другом допросе, Спешнев показал, что, разгова-

ривая с Тимковским о социальных теориях, он изъявлял сожаление, что не может познакомить с ним Данилевского, который, по мнению его, Спешнева, основательнее всех знает фурьеризм. В это время Данилевского не было в Петербурге, а обещался он приехать зимою, а так как и Тимковский надеялся перейти сюда на службу, то он и сговаривался с ним, Тимковским, что будут собираться втроем для рассуждений о социальных теориях. Вообще Тимковский думал, что в России только они трое, т. е. он, Спешнев, Тимковский и Данилевский знают несколько социализм. Данилевского он, Спешнев, помнит еще в лицее, а знаком был и видался с ним собственно зимою с 1847 на 1848-й год. С Данилевским собирался он издать энциклопедию естественных и исторических наук, но все дело осталось на предположениях.

В марте месяце 1848 г., в один вечер пришел к нему, Спешневу, Петрашевский, и не помнит, застал ли тогда у него Данилевского, или оба они пришли вместе, только Петрашевский бранил тогда собирающееся у него общество, называл его мертвечиной и говорил, что они ничего не знают и учиться не хотят, и что споры у него ни к чему не ведут, потому что у них всех основные понятия неясны, а потом, обратясь к Данилевскому, уговаривал его сделать словесно краткое изложение системы Фурье, на что Данилевский согласился, а ему, Спешневу, Петрашевский предложил взяться излагать религиозный вопрос. Потом опять говорили об обществе Петрашевского, смеялись над ним, и Петрашевский при этом выводил опять свою тему об открытом судопроизводстве, а он, Спешнев, спорил и говорил, что самая полезная реформа была бы изменение крепостного состояния; Данилевский же, который чистый и добросовестный фурьерист, собственно не принимал участия в этом разговоре. После того он, Спешнев, быв у Плещеева, говорил при Данилевском о возможности печатать за границею и брал это на себя, говоря, что запрещенных книг много приходило и приходит в Россию и чтобы только писали и присылали прямо к нему, Спешневу. Между тем Данилевский стал излагать систему Фурье на вечерах у Петрашевского. К этому Спешнев присовокупил, что он, впрочем, не был с Данилевским в коротких отношениях, никакого тайного общества с ним не составлял и никогда не показывал ему обязательства, найденного в бумагах его, Спешнева. Кроме того, Спешнев упоминает еще, что Данилевского ждали на обед к Европеусу, но он не поехал туда.

Плещеев объяснил, что Данилевский бывал у него на литературных собраниях.

Момбелли показал, что видел Данилевского один только раз у Плещеева.

55. 1849 г. июня 23. — Отношение за № 1393 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 15, лл. 11—11 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Полковник корпуса жандармов Назимов, представив к вашему высокопр-ву арестованного им в Тульской губернии корреспондента Вольно-экономического общества, Николая Данилевского, донес мне, что сей последний, как видно из его объяснений, все вещи свои, какие он имел до отъезда в путешествие, оставил в С. Петербурге, в квартире служащего в Министерстве внутренних дел, чиновника Гирса.

Вследствие сего я предписал полковнику Назимову немедленно осмотреть, при полицейском чиновнике, в квартире г. Гирса все вещи, принадлежащие Данилевскому, обратив особенное внимание на его бумаги и книги, и все, что найдено будет подозрительного, представить прямо к вашему высокопр-ву.

Уведомляя о сем ваше высокопр-во, имею честь удостоверить вас, м. г., в истинном моем уважении и совершенной преданности.

Л. Дубельт.

56. 1849 г. не ранее 24 июня. — Показание Н. Я. Данилевского

Ч. 15, лл. 17—36 об. Автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии, допрашивавшей Данилевского 24 июня. Часть показания под названием „Учение Фурье" напечатана в кн. В. Лейкиной „Петрашевцы" М., Изд-во политкаторжан, 1924, стр. 87—111 и в сб. „Петрашевцы" под редакцией П. Е. Щеголева, т. II, ГИЗ, 1927, стр. 118—149

Так как главное обвинение, падающее[1] на меня, состоит в том, что я придерживался учения Фурье и говорил в разных местах и разным лицам в пользу ее,[2] то я полагаю целесообразным изложить сначала понятия мои об том учении, дабы с одной стороны показать, почему *не считал я действий моих выходящими из пределов законности,[3] когда с различными целями *изъяснял ее разным лицам;[4] с другой — можно было видеть, что именно я говорил. Сделав это, перейду я к истории моих действий, в которые вовлекло меня желание самому глубже узнать это * учение и передать его другим.[5]

---

[1] *в подлиннике:* падующее [2] *так в подлиннике* [3] *подчеркнуто и отмечено на полях* [4, 5] *подчеркнуто*

Учение Фурье

Передавая другим[1] учение, в двух случаях был бы я совершенно виновен; во-первых, если учение это запрещенное. В таком случае, не входя в разбор сущности этого учения, я был бы уже виноват тем, что говорил о том, о чем не имел права, и ничто не могло бы мне послужить оправданием. Во-вторых, я также был бы виновен, хотя бы и в меньшей степени, если бы учение это, не будучи запрещенным, заключало в себе какие-нибудь начала, противные тем, которые служат основою государственной жизни моего отечества. В этом случае, будучи, так сказать, прав юридически, я был бы виновен нравственно.

Но сочинения, в которых излагается учение Фурье, не были запрещены нашею цензурою, ибо были в продаже в книжных лавках и значились в каталогах, куда не допускаются названия книг запрещенных. Так, основное сочинение Фурье «Théorie de l'association domestique agricole», где содержится все его учение, так что как прочие сочинения Фурье, так и сочинения его последователей содержат в себе лишь сокращение из него. Сочинения о системе Фурье Gabet и Jules le Chevalier также допущены в продажу.

Чтобы оправдать себя и нравственно, я должен доказать, что учение Фурье не содержит в себе ничего противного началам государственной и частной жизни в России.

Для этого я не стану делать полного изложения его учения, ни доказывать его истинность; но представлю только те основания, на которых оно построено, и рассмотрю те из его положений, которые касаются[2] начал, отвергаемых коммунистами, с[ен]-симонистами, с учениями которых учение Фурье не имеет ничего общего.

Основная мысль Фурье, служащая краеугольным камнем всем его выводам, есть следующая. Всякое существо, одаренное силами, приводящими его в движение, подчинено неизменным законам, по которым эти силы должны проявляться. Так как эти законы как неотъемлемая принадлежность, так сказать, внутреннее требование самих этих сил — вытекающее из самой природы их, то, находясь в подчинении этим законам, всякое существо должно находиться в гармоническом состоянии. Если существо это есть сознательное, то такое гармоническое состояние будет составлять для него счастье, т. е. всегдашнее довольство собою и всем окружающим. Это выражает Фурье в следующей афористической форме: Внутренние влечения каждого суще-

---

[1] *зач.:* это [2] *зач.:* тех

ства соответственны с его назначением (les attractions sont proportionnelles aux destinées).

Но в такое состояние гармонического равновесия каждый разряд существ не может придти разом, а только, так сказать, после известного числа колебаний; так что во всем цикле существования каждого разряда существ можно отличить два периода, период хаотический, когда посторонние влияния нарушают правильный ход законов, которому должен быть подчинен этот разряд существ, и период гармонический, когда эти законы, получив перевес над посторонними возмущающими влияниями (influences perturbatrices), дают стройный, ненарушимый порядок всем проявлениям существ, которыми они управляют. Чем совершеннее разряд существ, чем следовательно обширнее и многостороннее сфера его соприкосновений с внешним миром, тем продолжительнее для него хаотический период, — подобно тому как, чем чувствительнее устроены весы, тем долее не могут они установиться. Ежели это существо есть сознательное, одаренное столь разнообразными душевными и телесными потребностями и находящееся в соотношении[1] со всеми явлениями внешнего мира — как человек, то едва ли может оно придти в состояние гармонического равновесия путем бессознательным, так сказать, само по себе; а должно для этого прежде сознать, открыть путем науки, в чем состоит для него это гармоническое состояние, и тогда уже сознательно поставить себя в это положение. Если бы даже стечением каких-нибудь счастливых обстоятельств человек само собою, случайно пришел к такому состоянию гармонии, то, не зная законов, на которых она основана, — малейшее враждебное влияние снова вывело бы его из этого положения — и он не знал бы, как его возвратить, потому что не знал, на чем оно основывалось. Он находился бы, если можно так выразиться, в состоянии неустойчивого равновесия.

Итак, если наука должна открыть законы гармонического устройства междучеловеческих отношений, говоря другими словами, законы человеческого счастья, в чем же и где искать этих законов?

Как при всех изысканиях ума человеческого, так и тут лежат перед ним два пути: путь априористический и путь апостериористический. При первом берется какая-нибудь идея, почитаемая аксиоматическою, за исходную точку, и из нее выводят как следствие всю систему науки. Доселе метода эта удалась только в применении к математике, ибо основные идеи ее суть действительные, неоспоримые аксиомы, и средства, ею употребляемые при ее выводах, не допускают оши-

---

[1] *зач.:* почти

бок. В применении ко всем прочим отраслям человеческих знаний метода a priori дала ложные результаты, — не посчасливилось ей и в применении к наукам социальным.

Различные принципы принимаемы были за основы общественного устройства. Таким априористическим[1] принципом было, например, равенство, принимаемое философами XVIII века и доведенное до крайних результатов новейшими коммунистами. Но почему равенство есть основной закон — коренный догмат, на котором должны быть основаны отношения людей, — никто и не думал этого доказывать, — между тем как это требовало бы очень сильных доказательств, ибо видимость и опытное знание наше этому догмату[2] противуречит. Не только между людьми, но и во всей природе видим мы только ряд неравенств во всех отношениях. Положим даже, что[3] порядок вещей, при котором отношения людские были бы основаны на равенстве, что толку в этом? * Человек жаждет не равенства, не свободы, а счастья,[4] а между тем никто из приверженцев теории равенства не доказывал и не думал доказывать, чтоб оно необходимо влекло за собою счастье — да трудно бы и было это сделать. Равенство, по их мнению, есть необходимое требованье человеческого разума[5] — и во что бы то ни стало надо его достигнуть, принося таким образом отвлеченной идее в жертву и жизнь, и счастье людей — подобно тому как языческие народы приносили человеческие жертвы богам своим, которые также были олицетворенными отвлечениями их разума.

Сколь неудачно было применение априористической методы ко всем отраслям человеческих знаний, за исключением математики, так напротив оказалась богата драгоценными результатами метода апостериористическая или опытная — в руках естествоиспытателей, которым удалось уже при помощи ее разоблачить много тайн природы, постигнуть многие из законов, управляющих мирозданием.

Думая применить эту методу к отысканию законов, управляющих междучеловеческими отношениями, некоторые ученые, как например Аристотель и новейшие политико-экономы, стали анализировать устройство настоящих и прошедших обществ, дабы таким образом вывести общие законы. Эта метода, не имея вредных влияний умозрительной методы, не довела, однако же, ни до каких важных результатов — и понятно отчего.

Естествоиспытатели, наблюдая природу, могли открыть законы ее, ибо в ней все по этим законам происходит, в ней все уже пришло в гармоническое состояние, которого чело-

---

[1], [2], [3] *вставлено* [4] *подчеркнуто* [5] *зач.:* и все тут

вечеству обществу предстоит еще достигнуть.[1] Метода,[2] избранная этими учеными, была верна, но ложно избран предмет анализа. Сверх сего она была неполна. Самое общество рассматривалось учеными, державшимися этой методы, с ограниченной точки зрения, со стороны его политического устройства и общих экономических начал, им управляющих; те же ежедневные,[3] домашние, так сказать, будничные отношения людей между собою, которые только для поверхностных наблюдателей могут казаться ничтожными, а которые в сущности играют самую важную роль в вопросе человеческого счастья, всеми были оставлены без внимания. Такое[4] исключительное обращение внимания на политическую сторону жизни имело неисчислимые вредные влияния на ход человечества, было причиною стольких кровавых событий. Объяснения такого заблуждения в развитии человеческой мысли должно искать в образе жизни древних греков, у[5] которых жизнь политическая сливалась с жизнью частною, — от них получили новейшие народы преемственно[6] свое образование. Пока Бакон не освободил положительные науки от римско-греческой ферулы, они не делали никаких успехов. В науках же общественных, несмотря на изменение обстоятельств, греческий взгляд оставался до сих пор, и потому они, идя ложным путем, не сделали никаких успехов — пока Фурье не вывел их на истинную[7] дорогу. Метода, употребленная им для этого, была следующая.

Для определения законов междучеловеческих отношений имеем мы два источника наблюдений: самого человека и те формы общежития, в которых находим мы его теперь и в которых показывает нам его история. Формы общежития доселе всегда изменялись и по сущности своей могут изменяться еще; природа же человека всегда оставалась постоянною и в своей сущности никак измениться не может. Имея два данных, которые должно привести во взаимную соответственность, так сказать, приладить друг к другу — очевидно должно прилаживать то из них, которое изменить есть возможность, к тому, которое переменить не в нашей власти. Следовательно, дабы определить законы гармонического устройства междучеловеческих отношений, должно анализировать природу человека и по требованиям ее устроить ту средину, в которой она должна проявляться.

Предмет, на который должен быть направлен анализ человека, можно еще точнее определить. Так как все междучеловеческие отношения суть проявления деятельных способ-

---

[1] *зач.:* Сверх этого [2] Метода... неполна *вставлено на полях* [3] *зач.:* будничные [4] Такое исключительное *вставлено вместо:* То [5] у... частною *вставлено* [6] *первоначально было:* от которых новейшие народы преемственно получили [7] *зач.:* метод

ностей человека, то для узнания законов, управляющих этими отношениями, и нужно анализировать только эти деятельные способности, не входя в рассмотрение прочих, как например умственных, которые показывают человеку, каким путем достигать [1] своих целей, но сами не заставляют его стремиться к этим целям. Так для открытия законов устройства паровых машин нужно анализировать только свойства упругости паров и можно оставить без внимания все прочие.

Деятельные способности человека, т. е. коренные стремления его духа и тела, приводящие в движение все существо его, называет Фурье страстями, давая следовательно этому слову не то значение, в котором его обыкновенно принимают. Под именем страстей разумеют Фурье и все последователи его причины человеческой деятельности, а вовсе не те воспламенения, те разрушительные порывы чувства, которые, затемняя рассудок, побуждают человека употреблять все средства к [2] их удовлетворению, — на языке Фурье это не страсти, а злоупотребление страстей (récurrences passionnelles).

Как причины деятельности, т. е. как силы, страсти сами по себе ни добры, ни злы, а безразличны, но могут привести и к добру, и к злу, смотря по тому, как будут направлены и какова та середина, в которой должны они проявляться. Вся задача общественная, следовательно, будет состоять в том, чтобы так устроить междучеловеческие отношения, чтобы страсти одних людей не сталкивались враждебно со страстями других; чтобы удовлетворение стремлений одного человека не влекло за собою нарушения интересов другого; другими словами: заменить борьбу частных интересов между собою и интереса частного с интересом общим — всегдашним совпадением этих интересов. Сделать так, чтобы то, что служит к удовлетворению моих стремлений, не только не вредило бы никому другому, но было бы согласно с выгодами всех, и наоборот.

Какие же это коренные стремления человека, коренные страсти (passions cardinales), как их называет Фурье? Он насчитывает их двенадцать.

1. Пять страстей материальных. Страсти: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Фурье называет эти пять страстей или, правильнее, пять классов человеческих стремлений — материальными. И так как он хочет, чтобы и они имели свое удовлетворение, то противники его системы говорят, что он материализирует человека. Но вспомнив, что к числу этих страстей Фурье относит: стремление человека к изящным искусствам, склонность к путешествиям, любознательности вообще и преимущественно любовь к занятиям опытными

---

[1] *зач.*: сво/его [2] *зач.*: своем

науками, ремеслами и вообще промышленностью, легко убедиться, что это обвинение основано только на одной игре слов, т. е. в том же силлогизме дают два разные значения одному и тому же слову; говорят: «Фурье хочет, чтобы материальные страсти были удовлетворяемы, — следовательно Фурье проповедует материализм», не разбирая, что понимает Фурье под своими материальными страстями. Правда, Фурье находит законным стремление человека носить тонкое белье вместо замашной[1] холстины, одеваться в красивые ткани вместо дерюги, жить в удобных, хорошо убранных комнатах, а не в землянках или мазанках; питаться вкусною пищею, а не черствым хлебом; но только с тем, чтобы для достижения этого он не обижал других, не забывал о высших потребностях своих; и этою-то целью[2] открыл на такое экономическое устройство обществ, в котором бы это не только было бы всегда возможно, но чтобы иначе, т. е. дурными путями, это было бы невозможно — дабы избавить человека от самого искушения делать зло. Может быть предлагаемые им средства, столь же безвредные, как и самая его цель, недостаточны для достижения этой цели, может быть он ошибался, но во всяком случае что же преступного в его намерении?

2. Четыре страсти, названные Фурье общественными, потому что они служат связью между людьми, соединяя их в группы разных свойств, это суть: 1) д р у ж б а или правильнее по смыслу, который придает Фурье этому слову, приязнь — товарищество, 2) ч е с т о л ю б и е, 3) л ю б о в ь и 4) р о д с т в е н н о с т ь (familisme).

3. Кроме этих 9 страстей, Фурье принимает еще три, которые называет распределяющими (passions distributives ou méchanisantes). Он дает им довольно странные, впрочем, весьма верно выражающие их свойства, названия: 1) composite ou exaltante, 2) cabaliste ou rivalisante, 3) papilone ou engrenante.[3] Их легче описать, чем определить.

Первая — c o m p o s i t e побуждает человека одновременно удовлетворять нескольким потребностям, заставляет его любить впечатления сложные, которые, действуя разом на душу, приводят ее в приятное состояние и при большей силе этих впечатлений в восторг. Требование этой страсти выражается бессознательно желанием, чтобы во всем одно другому соответствовало, чтобы вкусный обед был и великолепно подан, чтобы и общество и разговор были при этом приятные, хорошая музыка и т. п.

Вторая — c a b a l i s t e заставляет человека[4] находить удовольствие в контрастах,[5] искать везде какого-нибудь рода

---

[1] *т. е. пеньковой, посконной* [2] *зач.:* при [3] сложная или возбуждающая, заговорщическая или соперничающая, ветреная или зацепляющая [4] *зач.:* искать [5] *зач.:* в интриге

интриги — она есть причина любви к игре, к пари, к лотереям, она же производит соревнование и соперничество.

Третья — papillone требует для своего удовольствия перемены занятий, производит непостоянство во вкусах и вообще есть причина, заставляющая нас любить разнообразие.

Из анализа свойств этих трех распределяющих страстей вывел Фурье предлагаемый им способ производства работ — и вообще основал всю свою систему, ибо этот анализ прямо ведет к сериарному закону — условие sine qua non всякой гармонии. В чем состоит роль этих страстей — легче всего увидеть из примера. Для того чтобы дать сражение, нужно, во-первых, чтобы были организованы боевые единицы — эскадроны, батальоны и т. п., во-вторых, эти единицы — эти группы, выражаясь языком Фурье, расположить и привести в действие по известному плану. Так точно и при организации индустриальной [1] должны быть составлены индустриальные единицы — группы, которые образуются какою-нибудь из 5 материальных страстей при помощи одной или нескольких общественных; эти последние придают отличительные характеры [2] тем отношениям, которые [3] существуют между членами одной и той же группы. Так, например, характер группы, основанной на честолюбии, совершенно другой, чем в группе, основанной на дружбе: в первой господствует дисциплина и подчиненность, во второй — совершенная бесцеремонность и равенство отношений. Таким образом составленные группы для успешного действия должны войти во взаимную связь и расположиться по известному плану. Это-то распределение групп и приведение их в действие, так сказать, индустриальная тактика, основывается на свойствах и на требованиях 3-х распределяющих — движущих страстей, — почему они так и названы. Ежели прочие страсти действуют не в подчинении этим 3-м страстям, они по большей части производят беспорядок — не могут сами быть удовлетворены и причиняют своим столкновением с страстями других людей зло и вред; напротив того, проявляясь под руководством этих 3-х страстей, они производят гармонию.

Цель, к которой стремятся 5 материальных страстей, есть роскошь, — понимая под этим словом сообразно толкованию Фурье не только собственно так называемую материальную роскошь, но еще здоровье (которое Фурье называет внутреннею роскошью), образование и утончение нравов. Цель, к которой стремятся 4 общественные страсти, есть образование групп или, другими словами, составление общественных

---

[1] Слово индустрия и производные от него принимает Фурье в самом обширном значении, включая под это понятие не только собственно промышленную деятельность, но и научную, и художественную. *Примеч. подлинника.* [2] *зач.:* разн [3] *зач.:* обра

связей. Наконец, цель, к которой стремятся 3 распределяющие страсти, есть составление серий, т. е. гармоническое расположение всех групп — приведение[1] всего в естественную систему.

Все эти 12 страстей, сливаясь в одно, производят новую страсть — унитеизм, высшее из стремлений человеческих, подобно тому, как 7 цветов радуги, сливаясь, образуют белый цвет. Унитеизм есть стремление ко всякому единству и в разных своих степенях является как патриотизм, как любовь к человечеству и, наконец, как чувство религиозное.

После этого слишком недостаточного очерка идей Фурье о страстях, да позволено мне будет обратить внимание на то, как несправедливо обвинение, делаемое против его учения, что оно *провозглашает свободу страстей.[2]. Во-первых, слову страсть, как было замечено выше, Фурье придает значение совершенно отличное от обыкновенного. Так, например, мщение, зависть он не признает за нормальные страсти, потому что они не суть основные — постоянные двигатели человека. Страсть, по его понятию, есть всегда присущая человеческому организму сила, приводящая его в деятельность, есть основание его потребностей. Так, человек имеет стремление возвышаться — каждый на избранном им поприще, — следовательно *честолюбие есть коренная сила души,[3] есть страсть по понятию Фурье. Человек чувствует постоянно потребность дружбы, любви, родственности — даже и тогда, когда не имеет предметов, к которым бы относились эти чувства. Но имеет ли человек постоянную или хотя периодическую потребность к мщению, ищет ли кто-нибудь непременно мстить за что бы то ни было для того только, чтоб мстить, завидовать чему бы то ни было для того только, чтобы завидовать, — как любят для того только, чтобы любить. Напротив того, каждый рад, когда ему не за что мстить и нечему завидовать. Эти дурные чувства являются в человеке или от действительного нарушения его интересов материальных или нравственных, или от чрезмерного развития одной из страстей в ущерб другим. Причину таких явлений, называемых Фурье recurences passionelles, находит он в негармоническом развитии человеческих стремлений. Во-первых, и тем страстям, которые принимает он за нормальные, не думает он давать безусловной свободы, а хочет, чтобы они уравновешивали и умеряли друг друга действия в такой середине, где бы всегда служили к пользе и добру, — чего думает достигнуть применением сериарного закона к деятельности человека и особливою системою воспитания, основанной на этом же законе.

---

[1] *зач.:* междучелов [2, 3] *подчеркнуто*

Для достижения предположенной цели, т. е. для отыскания такой общественной середины, в которой бы не существовало противуположности интересов, и в которой бы человек мог удовлетворять всем своим законным стремлениям, не мешая этим удовлетворению потребностей других, нужно, чтобы все 12 коренных страстей могли быть удовлетворяемы. Из них 5 материальных имеют своею целью роскошь. Следовательно необходимо, чтобы количество материальных богатств было для этого достаточно. Если посмотрим на теперешнее [1] экономическое состояние обществ, то легко убедимся, что этого необходимого условия еще не существует. Весь годовой доход Франции, статистика которой хорошо известна, не превышает 7 000 000 000 франков. Ежели его разделить поровну между всеми, то на каждого придется [2] немногим менее, чем по 200 франков (около 170 руб. ассигн.), — доход, который, очевидно, не только не может доставить роскоши, но и довольства. Отсюда уже прямо следует нелепость, не говоря уже о несправедливости, всех теорий, думающих улучшить положение одних, отнимая у других.

Но возможно ли вообще доставить всем не только довольство, но даже роскошь, как того желает Фурье? Есть ли возможность в такой степени увеличить производство? Многие решают этот вопрос отрицательно. Мальтус утверждает даже, что средства к жизни или, что все равно, количество производства увеличивается в пропорции арифметической, между тем как народонаселение увеличивается в пропорции геометрической, и что, следовательно, всеобщее обеднение есть конечная судьба человеческого рода. Дабы решить, кто прав, Фурье, или Мальтус, посмотрим, от чего зависит количество производства материальных богатств? От следующих трех условий: 1) от количества материала, могущего быть доставленным природою, 2) от средств науки обращать этот материал в формы, примененные к потребностям человека, 3) от экономического устройства обществ, от чего зависит возможность пользоваться данными природы и средствами науки.

Мне кажется нечего доказывать, что первые два условия решают вопрос в пользу Фурье, т. е. что и материалу в природе достаточно и что наука уже и в теперешнем ее состоянии, не говоря о будущих ее открытиях, дает все нужные средства, чтобы увеличить производство богатств до безграничного. (В [3] черновом доказательства эти приведены — но по краткости времени не переписаны). Следовательно, все дело за экономическим устройством обществ. Как бы велика ни

---

[1] *исправлено из:* настоящее [2] *зач.:* менее [3] (В... переписаны) *вставлено на полях*

была масса производимых богатств, оно всегда может оказаться недостаточным при неэкономическом потреблении этих богатств. При теперешнем же разделении хозяйств по семействам — способ потребления есть самый неэкономический, какой только можно придумать. Давно известный факт, что, ежели один человек употребляет 1000 р. на прожиток в год, то двое, согласясь иметь общее хозяйство, будут жить точно так же, употребляя не 2000 р., а меньшую сумму, напр. 1700 р., и что эта экономия увеличивается с увеличением числа соединяющихся хозяйств. Какова же должна быть экономия, когда 300 или 400 семейств согласятся соединить свои хозяйства в одно общее большое хозяйство. Такое соединение отдельных хозяйств в одно общее и есть то, что Фурье и последователи его называют ассосиациею.

В каждом хозяйстве готовилось прежде кушанье на отдельной кухне; очевидно, что количество дров, употребленных на это, могло бы сварить и втрое большее количество кушанья — при том же устройстве печей. Ежели же 300 или 400 таких кухонь заменить одною, где все могло бы быть устроено по правилам науки, то это количество горючего материала уменьшилось бы не втрое, а по крайней мере вдесятеро. При этом сколько рук и сколько времени было бы выиграно, и к тому же стол был бы лучше, ибо был бы приготовлен людьми, знающими дело, чего, конечно, нельзя ожидать от всех 300 или 400 прежних поваров или кухарок. Сверх этого стол был бы разнообразнее и лучше применен к разным вкусам, ибо готовился бы, как в гостинице, в больших размерах. Каждое семейство имело прежде свой амбар, свою кладовую, свой погреб, всегда дурно устроенные. Вместо этого может быть устроен один амбар, одна кладовая, где опять-таки все будет соображено с данными науки, приняты все меры к предохранению от порчи и пропажи сохраняемых в них продуктов. Такие примеры можно бы увеличить до бесконечности.[1] Но выгоды такого соединения хозяйств оказываются не[2] при одном сохранении и потреблении. При самом[3] производстве в большом размере все усовершенствованные открытия наук могут быть вполне применяемы, всякая часть может быть вверена знающему дело человеку, тогда как при отдельном хозяйстве каждый должен смотреть за всем, что знает и в чем никакого толку не понимает, и где по скудости средств нет возможности делать улучшений, требующих или долгого времени для своей оплаты, или значительных издержек, или специальных познаний. Таким образом ассосиация, позволяя применение всех средств науки к производству и сохранению материальных богатств, позволяя более

---

[1] *зач.:* При [2] *в подлиннике:* ни [3] *исправлено из:* Самое

экономический способ потребления их, позволяет через это достигнуть довольства и роскоши и таким образом соответствует цели 5 материальных страстей. Вместе с этим ассоциация также[1] соответствует и стремлениям 4-х общественных страстей, ибо приводит людей в более близкие отношения между собою, удовлетворяет человеческой склонности к общежитию. Затруднение только в том, как предупредить ссоры, долженствующие, повидимому, возникнуть в столь значительном обществе людей, живущих в столь близких отношениях. Самая многочисленность его дает для этого средства.

Если пять человек, вообще довольно сходных в своих наклонностях,[2] но противуположных друг другу в двух или трех каких-нибудь отношениях, живут вместе, то так как нельзя удовлетворить каждого — они должны делать взаимные уступки и, если они не очень уступчивого характера, они будут тяготиться друг другом. И это потому, что они составляют искусственную группу, — по сходству их в некоторых отношениях соединили мы их и в тех, в которых они не сходны. Но если бы жило вместе[3] 1000 человек — эту неестественность в группах было бы гораздо легче устранить. Конечно не найдется ни одного предмета вкуса или занятий, по которому бы все 1000 человек разнствовали между собою; вероятно таких различий не отыщется более 50 или 60, и так как средства 1000 человек значительнее, чем средства пяти, то всем этим различиям можно удовлетворить, ибо тут вместо того, чтобы удовлетворять каждого члена общества нужно удовлетворить только каждую группу из 17 или 20 человек, сходных между собою в каком-нибудь отношении. Таким образом,[4] члены общества, соединяясь между собою в одну[5] группу в тех отношениях, по которым они сходятся, будут находиться[6] в разных группах по тем отношениям, в которых они не сходны между собою. Таким образом будет устранена между ними всякая причина к столкновению, к неудовольствию; ибо каждый по всякому проявлению своей деятельности будет сходиться — входить в сношения только с теми, которые симпатизируют с ним в этом отношении. Таким образом, введением естественной системы в ассосиацию устраняются причины к вражде. Так как каждый человек в одно и тоже время проявляет один род деятельности, то это всегда возможно с тем условием, чтобы при перемене рода деятельности переменялся и состав групп.

Если, следовательно, каждый будет иметь в изобилии все ему нужное и будет притом совершенно обеспечен в том,

---

[1] *вставлено* [2] *зач.:* живут вместе [3] *вставлено вместо зачеркнутого:* между собою [4] *зач.:* все [5] *вставлено* [6] *в подлиннике:* находятся

что всегда будет его иметь как для себя, так и для всех близких ему, то через это устраняется причина к вражде за обладание материальными предметами; если при этом каждый будет находиться по каждому роду деятельности в столкновении только с лицами, с ним симпатизирующими, то и другие причины ко вражде будут устранены.

Но как бы велики ни были выгоды, доставляемые ассоциацией посредством экономии и усовершенствования способов производства, — для доставления общего довольства необходимо не только, чтобы все члены ее трудились сколько и теперь, но еще в большей степени. Ежели же труд будет казаться чем-то тягостным, то всякий будет стремиться свалить его на другого, чтобы самому избегнуть его, и таким образом противуречие человеческих интересов останется. Необходимо поэтому сделать труд привлекательным — обратить его в удовольствие, чтобы каждый не только не бегал его, но искал, как ищут теперь развлечений. Это необходимо еще и потому, что так как труд все-таки занимает большую часть нашего времени, то, ежели он останется тягостным, человек, обреченный на него, не будет считать себя довольным и счастливым. Говоря о способах сделать труд привлекательным, надо будет войти в изложение сериарного закона, которого доселе я только касался.

Можно ли сделать труд привлекательным? Заставьте человека несколько дней сряду ничего не делать, он будет готов променять свое состояние на какой угодно труд. Но ежели дать ему полную свободу и все средства, он изберет не труд, а развлечения и удовольствия. Но бóльшая часть так называемых развлечений, как например верховая езда, рыбная ловля, охота и т. п., суть также труд — почему же труды одного рода считаются приятными, а другие тягостными? Сравнение и подробный анализ нескольких сортов удовольствий и нескольких сортов труда покажет причину приятности первых и тягости последних, и тогда задача сделать труд привлекательным приведется к задаче устранить от всех полезных занятий эти причины их тягости и применить к ним причины приятности так называемых развлечений.

Из такого анализа и сравнения оказывается, что причины тягости труда суть следующие.

1. Продолжительность труда. Всякое усилие физическое или нравственное, переходящее известный срок, различный для различных организаций, делается для него неприятным. Самые приятные развлечения, например опера, продолжаясь 6 часов сряду, надоест.

2. Однообразие труда. Ежели человек всю жизнь или значительную часть оной проводит в одном и том же труде, хотя бы страстно любимом, то это занятие делается,

наконец, для него настоящим наказанием или приводит его к апатии, так что он исполняет его уже машинально.

3. Уединенность труда. Общество есть необходимая потребность души человеческой — всякий уединенный труд, лишая его этой потребности, лишая соревнования, возможности выказать свое искусство или научиться искусству другого, делает его равнодушным к своему занятию.

4. Сложность труда. Почти всякое занятие имеет множество составляющих его элементов. Например, уход за плодовитыми деревьями включает в себя — посев, садку, поливку, предостережение от стужи,[1] вредных животных и других неблагоприятных влияний, прививку, обрезку, собирание плодов и т. д. Занимающийся этим может не иметь, и обыкновенно так и случается, склонности и нужного искусства для всех этих работ, но так как без одной все дело пропадет, то для получения полезных результатов от своего труда — он должен взять их на себя, и неприятность, доставляемая ему некоторыми из этих работ, мало-помалу охлаждает его и к тем, которые ему нравились.

5. Принужденность труда. Когда человек избирает себе занятие не по склонности, а по необходимости или по случайным обстоятельствам, то такое занятие всегда считает для себя тягостным. Принужденным должно назвать труд и тогда, когда человек, вообще склонный к известному занятию, не может располагать своим временем так, чтобы приниматься за него, когда чувствует к тому охоту.

6. Непроизводительность труда. Когда человек видит, что сколько бы он ни употреблял усилий, а результаты не соответствуют этим усилиям, то он скоро охлаждается к такому труду — скучно ловить рыбу, когда она [не] идет на удочку, охотиться, когда дичь не попадается — а эти занятия сами по себе считаются приятными. Точно также становится по большей части труд тягостным, если нравственно не вознаграждается, не ведет к отличиям. Поэтому, например, охотники составляют клубы, где каждый надеется, что его искусство будет оценено по достоинству знатоками дела.

7. Недостаток интриги в труде. Удовольствие карточной игры основано главнейшим образом на желании победить противников, на неизвестности и ожидании, как расположатся карты при сдаче, и особливо на союзах между одними игроками (партнерами) против других — почему игры, как вист и преферанс, в которых бывают такие союзы, всегда имели наибольший ход. Все это составляет интригу игры, без которой ни в чем нет занимательности.

Все эти причины потому делают труд для человека не-

---

[1] *зач.:* или

приятным и тягостным, что они противуречат требованиям 3-х распределяющих страстей.

Однообразие и продолжительность находятся в прямом противуречии с требованиями страсти, называемой papillone или alternante.[1]

Уединение, сложность, принужденность и непроизводительность труда противуречат требованиям страсти, называемой composite или exaltante. Эта страсть ведет человека к энтузиазму и требует для достижения этого одновременного действия на душу человека многих приятных впечатлений. Действительно, если в каком-нибудь труде соединены свойства, противуположные этим четырем, то сколько разнообразных приятных впечатлений волнуют душу человека. a) Он занимается делом, которое само по себе ему приятно, b) и занимается им, пока эта приятность продолжается (следствия непринужденности труда); c) он занимается именно тою частью труда, которая ему более других нравится, и видит при этом, что и другие части его, необходимые для успеха целого, не упущены — напротив того, он уверен, что они будут сделаны лучше, чем ежели бы он сам ими занимался, ибо делаются людьми, имеющими к этому склонность и нужное искусство: d) он чувствует приязнь к тем лицам, которые, взяв на себя части труда, для него неприятные, позволяют ему исключительно посветить[2] себя тем, которые ему нравятся (следствия упрощения труда, раздробления его на составляющие его элементы); e) он уверен, что так как труд производится во всех его частях людьми способными к нему,[3] то он будет успешен, и что притом его личное искусство и знание будет оценено по достоинству знатоками дела[4] (следствие производительности труда); f) он чувствует удовольствие от того, что трудится в обществе людей ему приятных — столь же страстных, как он, к избранному труду. Между[5] ними рождается корпоративный дух. Известно,[6] как неприятно, если в каком-нибудь занятии, например в игре, сильно занимающей, один из игроков небрежен к ней. (Следствие общественности и также непринужденности труда). Совокупность всех этих ощущений порождает живое чувство веселья и в некоторых случаях даже восторг.

Недостаток интриги в труде противуречит требованиям страсти cabaliste или rivalisante. В большей части игр играющие разделяются на партии, которые соперничествуют между собою в искусстве. Это соперничество

---

[1] переменяющая [2] *так в подлиннике* [3] *зач.:* что [4] *в подлиннике:* делом [5] между... дух *вставлено* [6] Известно... к ней *вставлено на полях*

скрепляет корпоративный дух каждой партии и вместе порождает род пикировки с другой партией, что придает много соли забаве (следствие труда интригованного).

К числу причин, делающих труд неприятным, должно бы повидимому причислить физическое или нравственное утомление, причиняемое разного рода трудом, — но как это было бы несправедливо, легко убедиться из примера охоты, где охотник в зной, с довольно тяжелою ношею проходит 20 и 30 верст в день, бегает, входит в воду, в болота, продирается сквозь кустарники или в сырую холодную ночь подкарауливает стадо уток, одним словом, утомляет себя едва ли не более, чем любой каменщик или кузнец; и во всем этом находит удовольствие. Шахматный игрок представляет доказательство, что и нравственное усилие не составляет причины неприятности труда, если прочие причины устранены. Надо только, чтобы усилие как физическое, так и нравственное не переходило известных границ.

Следовательно, дабы *сделать труд привлекательным, стоит только устранить вышепоказанные причины[1] неприятности труда и заменить их противуположными им условиями; другими словами, организировать все роды труда сообразно с требованиями трех распределяющих страстей. Ту изобретательность, которую до сих пор употреблял ум человеческий к доставлению занимательности разным забавам и играм, должно применить к доставлению занимательности полезному труду — и результаты будут приближаться к чудесному; подобно тому, как если бы гений Вокансона вместе того, чтобы выдумывать автоматы и другие механические игрушки, был направлен к изобретению полезных машин, превзошел бы все открытия, которыми обязано человечество Уату, Аркрейту и Жакару.

Занимательность и увлекательность доставляется труду посредством сериарного порядка: «pour rendre le travail attrayant, — говорит Фурье, — il faut produire et consommer par série des grouppes, libres exaltés, nuancés, contrastés, rivalisés et engrenés».[2]

Дабы показать, что понимал под этим Фурье, лучше всего представить пример такого производства работ. Из всех земледельческих работ у нас в России та, которая почитается самою приятною, которая составляет настоящий праздник для деревенского населения есть сенокос — это то же, что сбор винограда в странах, где занимаются виноделием. К этому времени приготовляют запасы — так, чтобы ни в чем не было недостат-

---

[1] *подчеркнуто* [2] Чтобы сделать труд привлекательным, надо создать и использовать по сериям свободные, восторженные, различные по оттенкам, контрастирующие, соперничающие и связанные друг с другом по результатам работы (зацепляющиеся) группы

ка.[1] Косцы на лугу эшелонами, лучшие находятся спереди и сзади для того, чтобы не столь искусные, находящиеся в середине, возбуждаемые примером первых и подстрекаемые последними, не отставали. Между тем как мущины косят, женщины разметывают скошенную траву, чтобы она скорее высохла, сопровождая это песнями. К вечеру сгребают сено в небольшие стоги, дабы оно не измокло в случае дождя. Возвращаются домой с песнями и плясками. В чем же заключается удовольствие сенокоса, физический труд тут никак не менее, чем в других полевых работах, и для косьбы требуется много ловкости и сноровки. Но тут есть зародыш, конечно еще весьма несовершенный, сериарной организации: 1) косьба производится обществом, 2) от труда отнята сложность — мущины косят, женщины разметывают сено, 3) положение косцов эшелонами производит между ними соревнование. Кроме того, мущины не хотят отстать от женщин в своей работе, а женщины от мущин, мущины стыдятся выказаться неловкими или ленивыми перед женщинами. Но как многого тут еще недостает: труд однообразен и продолжителен, многие из косцов вовсе не имеют склонности к этому труду, и никто не располагает своим временем. Дурное состояние лугов делает труд не столь производительным, как он мог бы быть, искусство и ловкость не ждет себе никакой награды, интрига весьма слаба. А между тем ничего не стоит применить все условия[2] привлекательности труда к этому занятию. Вот как бы это делалось по методе Фурье. За несколько дней начальник серии косьбы — на основании[3] наблюдений своих над ростом и спелостью трав и[4] на основании метеорологических соображений — объявляет[5] день, в который назначается косьба такого-то луга. Таким образом, каждый из членов серии наперед может распорядиться своим временем. Ежели луга столь обширны, [что] все косцы фаланги могут скосить их' не менее, как в 12 часов, то в избежание этого приглашаются косцы соседних фаланг, чтобы исполнить эту работу в 3 часа, обязуясь в свою очередь им помочь, ибо гораздо приятнее 4 дня заниматься одною работою по 3 часа в день, нежели целый день без всякой перемены труда. Прийдя на место, все косцы разделяются на три отделения — два крыла и центр; стараются сделать так, чтобы действия каждого отделения были скрыты от других — леском, ал[л]еею, линией плодовитых деревьев или другим чем. Ежели таких препятствий нет, их нарочно будут стараться создать, ибо знают, что все, увеличивающее приятность труда, увеличивает и призводительность его. Каждое отде-

---

[1] *зач.:* их [2] *зач.:* занима [3] *зач.:* соображений [4] и... соображений *вставлено* [5] *зач.:* что та

ление в свою очередь разделяется на столько рядов, сколько позволяет местность,[1] которые становятся один позади другого, например, на расстоянии десятины. Ряд состоит из мущин, которые косят, и женщин, которые разметывают траву. Каждый ряд имеет или особою[2] методу косьбы, которой преимущество перед другими хочет доказать, или особые роды кос. Ряд опять делится на группы, размещающиеся на ровные расстояния друг от друга. Положим, что каждой группе, состоящей примерно из 5 человек, нужно пройдти свою десятину вдоль 4 раза, чтобы в поперечном направлении достичь того места, откуда начала свою работу соседняя группа одного с нею ряда. Каждая[3] группа располагает своих косцов эшелонами, как это и теперь делается. По данному знаку все разом начинают. Подобные работы, как косьба, всегда производятся под звуки музыки, ибо размеренное движение под такт несравненно меньше утомляет. К чему же весь этот странный порядок? Для придачи интриги и занимательности труду. Каждый косец, как и теперь, не хочет отстать от других косцов своей группы. Все косцы одной группы желают и перегнать и ровнее скосить, нежели соседняя группа, следовательно, между каждою парою соседних групп рождается соревнование; крайние группы, довольно удаленные друг от друга, не имеют таких причин к соревнованию, — напротив того, они[4] соединяются против средних и стараются достичь конца десятины прежде них — средние группы оживлены тем же желанием. Группы, побежденные при одном проходе вдоль десятины, стараются победить[5] в другие раза. Между женскими группами подобные же соревнования; мужские группы соперничают с женскими, и вместе с тем каждая мужская группа желает, чтобы помогающая ей женская одержала верх в своей работе, так как сами желают одержать в своей. Все эти соревнования и соперничества сливаются в общий корпоративный интерес целого ряда. Каждый желает, чтобы ряд, к которому он принадлежит, одержал верх над своими, и, ежели лично[6] претерпел неудачу, утешается победою своего ряда, в которой и он участник. Таким же образом соперничество рядов умолкает перед общим интересом целого крыла, стремящегося достигнуть прежде других отделений конца луга, или по крайней мере поспеть на соединение с союзным крылом прежде, нежели успеет, вышед из-за леса, разделить их соперничествующий с обоими центр, где самые опытные косцы. Стремление это усиливается неизвестностью об успехах других отделений, скрытых от глаз. По окончании косьбы все собираются к строению, где хранятся инструменты

---

[1] *зач.:* между ря [2] *в подлиннике:* особою [3] каждая... делается *вставлено* [4] *вставлено на полях* [5] *зач.:* при [6] *зач.:* им

серии. Всякая серия на месте производства своих работ имеет, смотря по богатству своих членов, более или менее великолепно устроенное здание для этой цели. В это строение привозится из фаланстера завтрак или полдник, смотря по времени дня. Тут же отличившиеся косцы получают знаки своей победы — [1] так, как это делалось на играх древней Греции. Этот знак дает право участвовать в косьбе огромного заливного луга, принадлежащего нескольким соседним с ним фалангам. Может быть скажут, что такое отличие породит зависть между другими — нет, потому что личное тщеславие умолкает, [2] когда дело идет о чести всей фаланги, которая была бы непременно побеждена при косьбе заливного лута, если бы избрала не самых лучших косцов своих в свои представители. [3] А это очень важно, потому что победители при этой косьбе делаются членами вспомогательной индустриальной армии, ежегодно посылаемой из всех стран света в льяносы и пампасы Южной Америки, где заготовляется огромное количество сена на сухое время года, для прокормления огромных стад пасущихся там одичавших лошадей и быков, как это делается теперь у нас для зубров в Беловежской пустоши. К этому времени собираются туда лучшие артисты со всего земного шара и даются роскошные праздники. Столько разнообразия — жизни, даже поэзии, столько [4] пищи честолюбию придает сериарная организация труда простой механической работе, какова косьба, — не больше ли тут занимательности, чем в самых затейливых наших забавах? [5] Ту же систему можно применить и к жатве, и к посеву, и к пашне, одним словом, ко всякому роду работ. Что же будет в тех занятиях, которые требуют значительной умственной деятельности, как например уход за плодовитыми деревьями. Одна обрезка (la taille) требует глубоких знаний в растительной физиологии и не меньших соображений, чем в шахматной игре, ибо здесь один удар садового ножа оказывает свои вредные или полезные действия через десять лет. Какую увлекательность можно придать этого рода занятиям, применив к ним сериарную методу, когда она дает уже столь чудные результаты, будучи применена к косьбе, о которой еще нужно сказать несколько слов, дабы выказать все свойства сериарного труда. Все результаты, доселе описанные, зависели от применения к способу производства косьбы требований двух страстей composite и cabaliste — надо [6] ввести в дело и третью страсть — papillone. Ежели бы косьба продолжилась [7] несколько дней сряду, как это теперь делается, то, во-первых, утомление уничтожило все

---

[1] *зач.:* подоб [2] *зач:* перед [3] *зач.:* Такое соперничество [4] столько.. честолюбию *вставлено* [5] *зач.:* что же [6] *зач.:* вме [7] *зач.:* целый день или

очарование, во-вторых, и это главное,[1] постоянно повторяющееся чувство соперничества между группами могло бы обратиться в некоторого рода вражду между ними. Но[2] побуждения третьей, распределяющей страсти до этого не допускают[3] — через два, много три часа начинает чувствоваться утомление, желание перейти к другим занятиям; группы расходятся, и каждый идет на новый труд (которые всегда распределены заранее). При такой перемене занятий в течение немногих дней, даже в течение того же дня придется некоторым[4] из тех лиц, которые были в соперничествующих между собою группах, участвовать в одной группе, — так что тех, которых разделила cabaliste, будет соединять composite, порождающая корпоративный дух, и наоборот. Из этого выходит тот результат, что соперничают только группы, а не отдельные лица, и, следовательно, всякая причина ко вражде между членами общества устраняется. Это разнообразие занятий, этот переход из одних групп в другие производит еще то полезное влияние, что удовлетворяет честолюбию каждого и не позволяет зарождаться зависти. Каждый член фаланги, будучи участником в 40 или более группах, занимая последнее место в одних, будет почти непременно занимать если не первое, то одно из первых мест в других, ибо каждый человек непременно имеет к чему-нибудь хорошие способности, и так как люди имеют счастливую слабость считать именно то[5] чрезвычайно важным, в чем они имеют перевес над другими, то честолюбие каждого будет удовлетворено.

Сериарное устройство имеет еще то удивительное свойство, что труды одной серии,[6] успехи и неудачи ее групп имеют интерес не для одних ее членов, а и для членов других серий. Так, успех косьбы как в целом, так и преимущества, одержанные некоторыми из ее групп, сильно интересуют серию, занимающуюся расчисткою, орошением и вообще присмотром за лугами. Ежели луга были хорошо очищены, сравнены, поросли хорошею мягкою травою, то косьба могла гораздо удобнее производиться, и поэтому серия луговодства и[7] составляющие ее[8] группы видит в успехах серии косцов и успехах составляющих ее групп оценку своих трудов. С другой стороны, серия косцов ждет оценки своим трудам от серии, занимающейся уходом за лошадьми и скотом, ибо время, избранное для косьбы, — время уборки сена, способа его высушки — имеет огромное влияние на доброту его. Это есть то, что Фурье называет engrénage des séries.[9]

При составлении серий весьма важно, чтобы группы их

---

[1] *зач.:* бе [2] *зач.:* тре [3] *зач.:* Раза [?] [4] некоторым из *вставлено* [5] *вставлено* [6] *зач.:* связы [7] *зач.:* отде [8] *вставлено* [9] зацепление серий

были расположены по тончайшим оттенкам, чтобы для каждого сорта известного продукта, составляющего предмет занятия серии, для каждой методы производства была назначена особенная группа, — без этого не может быть соревнования, ибо не может быть сравнения, которое может быть делаемо только над [1] близкими между собою предметами.

В этой сериарной организации работ заключается вся сущность учения Фурье, — потому-то я так распространился об ней. Право собственности, право наследства, право капитала, семейство — все это, уничтожаемое или изменяемое в самой сущности своей другими учениями, оставляет Фурье неприкосновенным. Все изменения, делаемые им в экономическом устройстве обществ (до политического устройства он и вовсе не касается), состоят в заменении отдельных хозяйств (des ménages morcelés) — одним большим хозяйством и в введении вместо тягостной и монотонной системы производства работ — сериарной организации труда. La série distribue les harmonies, [2] говорит он, это вторая окончательная теорема его, первая — начальная — была: les attractions sont proportionelles aux destinées. [3] Это может показаться несбыточным, неосновательным, [4] странным, но никак не разрушительным и вредным.

Через соделание труда привлекательным производство богатств еще в гораздо большей мере усиливается, нежели через экономию и возможность применения данных науки к разного рода занятиям — следствия ассоциации.

Эти средства, взятые в совокупности, суть следующие:

1. [5] Обращение к производительному труду, обратившемуся в удовольствие, всех лиц непроизводительных, коих число гораздо больше, нежели может показаться с первого взгляда. Сюда относятся:

a) женщины, которые или ничего не делают теперь, или совершенно поглощены домашними хозяйственными работами, чрезвычайно сложными по причине раздробления хозяйств;

b) дети, которые или ничего не делают, или портят и уничтожают сделанное, между тем как существует множество работ, которые бы они могли исполнять не только не хуже, но даже лучше взрослых, если эти работы обратить для них в удовольствие;

c) люди, собственно так называемые, праздные и все, прислуживающие им;

d) все торговое сословие, необходимое и полезное теперь, но которое с упрощением торговых сношений, т. е.

---

[1] *исправлено из:* между [2] серия придает труду гармоническую соразмерность [3] стремление соответствует назначению [4] *вставлено* [5] *зач.:* Возвр

при непосредственном переходе продуктов от производителя к потребителю — окажется совершенно ненужным;

e) фабриканты продуктов дурного свойства ибо в то же время, но с большим старанием или при лучшей методе они могут сделать[1] товар лучшей доброты, который, будучи прочней, может долее служить;

f) все люди, которые через применение машин ко всякого рода[2] работам, особливо к работам домашним (стирка белья, рубка[3] дров, ношение воды, чистка сапог, пряжа ниток и т. п.), к которым такого применения до сих пор не делалось, — сделаются свободными;

g) люди, занимающиеся теперь работами полезными и по временным обстоятельствам необходимыми, но в сущности не производительными, как например: деланием оград, заборов, постройкою крепостей и т. п.;

h) войско, таможенная стража, сборщики акцизов и податей, которые тогда будут уплачиваться без малейшего затруднения из общего дохода фаланг — прежде распределения его между[4] отдельными лицами;

i) все, занимающиеся прямо производительным трудом, во время отдыха, превышающего время, необходимое для восстановления физических сил;

k) тунеядцы, контробандисты и разного рода преступники и бродяги, которых тогда существовать не может.

2. Введение труда страстного и энергического вместо вялого и равнодушного.

3. Уничтожение замедлений и потерь, происходящих от неспособности и неискусства работников.

4. Управление каждого рода работами людьми теоретически и практически сведущими.

5. Применение всех средств науки к производству и сохранению богатств.

6. Введение рациональной экономии в потребление богатств.

7. Постоянность и правильность хода работ, которые теперь теряются от смерти хозяина. Серии же, группы, как существа собирательные, не умирают, а только незаметно изменяются в своем составе.

8. Улучшение земель через правильную — научную обработку их.

9. Улучшение самого климата через сообразное с данными науки распределение лесов,[5] болот по поверхности земного шара.

---

[1] *зач.:* про [2] *зач.:* занят [3] рубка дров *вставлено* [4] *зач.:* частными [5] *зач.:* и

10. Уменьшение в огромной степени всякого рода несчастий — пожаров, наводнений и т. п.

11. Уменьшение болезней и увеличение физических сил человека — через правильный образ жизни и применение всех начал гигиены.

Совокупность всех этих причин должна увеличить в неимоверной степени количество производства богатств. Как же распределяются эти богатства между отдельными лицами?

Всякий, вступающий в ассоциацию, сохраняет всю собственность, которую имел, и сообразно оценки внесенной им доли получает акцию, которую может продать, подарить. Цена акции падает и возвышается вместе с уменьшением или увеличением цены той недвижимой собственности, которой она есть движимый представитель. Доход, получаемый обществом, следующим образом распределяется между его членами. Каждый получает из него долю, сообразно внесенному им капиталу, сообразно своему труду и таланту. Поэтому сначала весь доход делится на три части: часть капитала, часть труда и часть таланта. Фурье предлагает для этого следующие приблизительные пропорции: $^4/_{12}$ на капитал, $^5/_{12}$ на труд и $^3/_{12}$ на талант, или $^5/_{12}$ на капитал, $^5/_{12}$ на труд и $^2/_{12}$ на талант. Эти пропорции не имеют в себе существенно обязательного и могут быть изменяемы сообразно временным обстоятельствам.

Распределение $^4/_{12}$ или $^5/_{12}$, приходящихся на капитал, между обладателями акций не представляет никаких затруднений — это простое тройное правило. Но как оценить труд и талант? И это затруднение, как и все прочие, падают перед сериарным устройством, которое есть как бы талисман, разрешающий все общественные задачи.

Каждою отраслию труда занимается отдельная серия, поэтому сначала должно разделить всю долю — все $^5/_{12}$, приходящихся на труд, между отдельными сериями. Для этого разделяют серии на 3 разряда: 1) серии труда необходимого, т. е. такие, без которых не могла бы существовать фаланга, сюда поэтому причисляют все те серии, труд которых вообще необходим для существования человека, но и все те, без которых не могло бы существовать фаланстерийское, гармоническое устройство; 2) серию труда полезного и 3) серию труда приятного (séries d'agrément). Принимая, что число серий каждого разряда одинаково и что каждая серия состоит из одинакового числа групп, а группы из одинакового числа лиц, на разряд серий необходимого труда полагается большая доля; а на разряд серий приятного труда — меньшая. Это Фурье выражает так: доход распределяется между се-

риями в прямом содержании[1] необходимости и в обратном[1] привлекательности их труда. Но очевидно, что предположение, что число серий каждого разряда одинаково и что серии равновелики, невозможно, и потому эти условия численного[2] неравенства серий также должны быть приняты в расчет. Таким образом каждая серия получает приходящуюся ей долю за труд. Она на тех же основаниях распределяет ее между своими группами, а те между своими членами. Но как распределить долю каждой группы между ее членами, когда труд одного не равен труду другого? Для этого рассмотрим условия, делающие труд[3] производительным[4] при сериарной организации.

1) [5] Время, употребленное на известный труд, которое зависит от того, сколько раз участвовал кто в трудах своей группы, и от продолжительности сеансов ее, — обстоятельства, которые каждый раз отмечаются особливым членом группы, принявшим на себя эту обязанность. 2) От физической силы трудящегося. Но это условие в сериарном устройстве едва ли может иметь какое-нибудь влияние на производительность труда, потому что при свободном выборе занятий никто не будет браться за труд, не соответствующий его физическим силам; и так как работы групп не должны быть слишком продолжительны, не должны доводиться до утомления, то перевес, который дала бы физическая сила при более продолжительном труде, не может еще оказаться. 3) От рвения к труду. Но мы видим, что труд сделан привлекательным, что каждый притом может оставить свою группу, когда ему угодно, и всегда найти тысячу других занятий в других группах, следовательно, рвение каждого есть наивозможно большее. 4) От искусства, происходящего как от природной склонности к известному труду, так и от приобретенного навыка, — но это уже подходит под понятие таланта, под которым Фурье разумеет ни что другое, как искусство, ловкость, приобретенные или природные, в каждом роде занятий. Таким образом, существенное различие в производительности труда каждого члена группы обусловливается только[6] временем, на него употребленным, — элементом, который подлежа численному изменению, не может представить никаких затруднений при распределении дохода.

Долю, приходящуюся на талант, разделяют между сериями и группами на том же основании, как и долю труда. Но на участие в этой доле не каждый имеет право, а только на-

---

[1] *зач.:* их [2] *вставлено* [3] *вставлено и зач.:* более или менее [4] *зач.:* в сериарном [5] *зач.:* Прод [6] *зач.:* прод

чальники групп разной степени (les différents officiers des grouppes), которые[1] избираются в такие начальники именно на основании прирожденного или приобретенного таланта. Устройство сериарного порядка не[2] допускает при этом избрании малейшей несправедливости, ибо дурной выбор сейчас уронил бы группу — она не была бы в состоянии выдержать соперничества с соседними группами, нравственные и материальные интересы ее были бы нарушены. Хотя на долю таланта определяет Фурье только $^3/_{12}$ или даже $^2/_{12}$, доля каждого участника будет тем не менее значительна, ибо не все имеют на нее право.

Все это распределение делается следующим порядком: администрация фаланги, составленная из начальников всех серий, делает предварительную смету, основанную на вышеизложенных правилах, и подвергает это общей болотировке. Посмотрим, как при этом результат не может быть несправедлив. Возьмем самый худший случай, предположим, что подающий голос есть в полном смысле эгоист, который не в состоянии пожертвовать малейшею из своих выгод справедливости или любви к ближнему. Поэтому он желал бы назначить большую долю тем сериям, в которых он участник. Но каждый — есть непременно член множества групп, имеющих своим предметом занятия промышленные, ученые, художественные, и эти занятия избирает он по своим склонностям, ибо в противном случае он бы мучил себя непривлекательным трудом и не был бы принят другими членами группы, как дурной помочник в общем деле, могущий только уронить честь и интересы группы. Поэтому, по всем вероятностям, прийдется ему[3] участвовать во всех трех разрядах серий, следовательно, если бы он желал увеличить долю, приходящуюся на разряд серий необходимого труда, то это принесло бы ущерб сериям труда полезного и приятного — следовательно, ущерб и ему самому, ибо он и в них участник. Но положим, что он решился бы на это, потому что участвует в большем числе серий необходимого труда, чем в двух других разрядах серий; но зато во многих из серий необходимых он простой работник, а в некоторых из серий приятного или полезного труда занимает степени, дающие ему право на дивидент из доли, предоставленной таланту. Так что опять, выиграв несправедливостию на одном, он проиграл бы на другом. Если, наконец, даже предположить, что нашлись бы такие корыстолюбцы, которые бы скомбинировали свое участие в различных группах и время своего труда в каждой из них так, чтобы несправедливость могла бы быть для них выгодною, то этим самым нарушили бы

---

[1] *зач.:* дела [2] *зач.:* позволяет [3] *зач.:* быть

они все другие свои интересы — честолюбие, любовь к удовольствиям, чувство товарищества. Во всяком случае число таких исключений может быть чрезвычайно ничтожно и поэтому не может иметь влияния на справедливость распределения дохода. Таким образом различные страсти уравновешивают друг друга — эгоизм личный поглощается эгоизмом групп и наоборот. На этом основании можно сказать, что если бы даже человек был хуже, чем он есть, то и тогда бы сериарное устройство привело бы его даже путем эгоизма и личной выгоды к справедливости.

Сообразно с получаемым доходом расчитывает каждый и издержки свои. Записывается на стол, квартиру, пользование экипажами и лошадьми той степени, на которую имеет возможность по своим средствам и которой желает по своим вкусам. Издерживать больше, чем получать, невозможно, ибо администрация фаланги, у которой записываются, знает, сколько кто получает, и на такую только сумму и доверяет — даже денег тут вовсе не нужно.

Способ распределения доходов, предлагаемый Фурье, имеет еще ту выгоду, что он вместо того, чтобы [1] производить несогласие между членами общества, как обыкновенно бывает при всяком дележе, связывает их еще новыми узами. Теперь два ремесленника, живущие в одном городе и занимающиеся одним и тем же ремеслом, суть, так сказать, естественные враги между собою — выгоды одного суть убыток другого и наоборот; совершенно другое видим мы в фаланге. Чем кто больше производит, тем увеличивается общая масса доходов фаланги, и как каждый получает из этой общей массы долю, пропорциональную его капиталу, труду и таланту, то с увеличением общей массы дохода увеличивается и его частный доход, следовательно, каждому выгодно, чтобы другой больше производил, и каждый готов ему в этом содействовать, — тогда как теперь каждому выгодно, чтобы другие производили меньше, а он больше, следовательно, теперь частные интересы между собою противуположны, — а в фаланге они совпадают.

С другой стороны, так как каждый получает по мере своего капитала, труда и таланта, то, не говоря уже о привлекательности труда, никто не может лениться и по интересу, ибо с уменьшением деятельности [2] всякого члена общества уменьшается его доход, хотя бы общая масса дохода и увеличивалась деятельностью других.

Не входя в дальнейшие частности распределения доходов, как например, в изложение способа платы за ученые открытия, художественные произведения, способ платы врачам,

---

[1] *зач.:* разделять членов общества [2] *зач.:* ка

ибо мое дело не излагать систему Фурье, а доказать безвредность ее — я перехожу к передаче наследства.

Признавая право собственности, Фурье понимает под ним как право пользоваться имуществом, так и право отчуждать его и поэтому признает и право передачи собственности по наследству, уничтожение которого считает нарушением законной свободы человека — угнетением одного из коренных стремлений души человеческой — страсти родственности (familisme). Фурье [1] полагал только, что в обществе, устроенном по его плану, наследство будет дробиться на большее число долей, нежели теперь. При необеспеченности, которой подвержены теперь даже самые богатые люди, умирая каждый желает доставить детям своим как можно более, дабы по возможности оградить их от этой необеспеченности. Тут любовь к детям, обыкновенно далеко превышающая все другие привязанности, заставляет на время их умолкать и отдает детям все из страха могущих случиться с ними бедствий. Однако и теперь видим мы, что очень богатые люди всегда почти оставляют часть наследства другим родственникам своим и приближенным, чего не бывает при небольших или середних состояниях, при которых существует больше опасений за будущность. Так как при экономическом устройстве обществ по плану Фурье — для всех существует полная обеспеченность, то каждый, отказывая свое имущество, может принимать в расчет все свои привязанности. Поэтому Фурье говорит, что наследство будет распределяться пропорционально числу и степеням привязанности умирающего. Через что достигается тот результат, что каждый, находясь в родственных или дружественных связях со множеством лиц, получает в течение жизни своей значительное число наследств, которые, приходя мало-помалу, не позволяют рождаться тому отвратительному чувству, которому, однако, к несчастию мы видим примеры, чувству, заставляющему желать смерти родственников, от которых надеются разбогатеть. Такое раздробление наследств усиливает и расширяет [2] родственные связи.

При этом полагаю я должным заметить, что здесь, как и везде, все свои предположения Фурье вовсе не считает обязательными для обществ, устроенных на основании сериарной организации работ; Фурье выдает их только за следствия, которые, по его мнению, должны необходимо произойдти при общественном устройстве, в котором все наклонности и способности человеческие примут правильное и гармоническое развитие. Ежели бы, например, кому вздумалось отдать все свое наследство своему единственному сыну, то он точно

---

[1] *зач.:* дума [2] *зач.:* обществ

так же мог бы это сделать, как теперь всякий может отдать свое благоприобретенное имущество кому ему угодно.

В этом кратком очерке представил я все главные основания экономического устройства обществ, предлагаемого Фурье. Главным, можно сказать, единственным основанием ему служит так называемая сериарная организация всех проявлений человеческой деятельности. Как прямое следствие, из нее вытекает привлекательность труда, которая, увеличивая в необыкновенных размерах производство богатств, чему еще способствует экономия при потреблении, происходящая от ассоциации, позволяет дать много ничего неимеющим или имеющим мало, — не только не отнимая ничего у имеющих, но еще прибавляя и им. Это же, с распределения всей деятельности человека по группам и сериям уничтожая борьбу интересов и столкновение страстей, уничтожает самый источник и корень раздоров, пороков и преступлений. При всем этом Фурье не уничтожает ни одной из основ государственной и частной жизни, ныне существующих, вовсе не касается политического устройства государств, признает вредным всякое насильственное изменение этого устройства; оставляет неприкосновенным право собственности, права капитала на следующую ему часть из вновь произведенного богатства и право наследства как материального — относительно имущества, так и нравственного — относительно титулов и других достоинств, могущих переходить к потомкам. Преследует идею равенства, не только как несбыточную мечту, но как мысль вредную и несообразную ни с природою человеческою, ни с требованиями сериарного закона, для осуществления которого необходимы неравенства во всех отношениях.

Прежде, нежели окончу эту часть моего ответа, я должен упомянуть еще об двух обвинениях, взводимых на учение Фурье противниками его, — что он уничтожает семейство и проповедует безнравственность в междуполовых отношениях.

1. Фурье уничтожает семейство. Семейственные связи основаны на двух коренных стремлениях души человеческой: любви супружеской и любви родителей к детям и детей к родителям. Фурье принимает оба эти чувства в число коренных страстей человека. Этого одного было бы уже достаточно для опровержения взводимых на него обвинений. Разве в общественном устройстве Фурье родители не так же будут заботиться о своих детях, как и теперь, — утешать их в их маленьких неудачах, радоваться их успехам, избирать для них методу воспитания, пока они сами еще не могут обнаружить своих склонностей. Правда, Фурье предлагает общественную методу воспитания. Но разве и теперь не отдают детей в общественные заведения, что ни-

сколько не нарушает семейных уз? Но при общественной методе воспитания Фурье отцы и матери будут жить тут же, вместе с своими детьми. И ежели бы кто пожелал воспитывать детей домашним образом, то имел на то полное право. Что же изменяет Фурье в семейственных отношениях — из чего могли бы взять, что он уничтожает семейство? Он соединяет отдельные хозяйства каждого семейства — в одно общее большое хозяйство по чисто экономическим причинам. Но разве семейные связи зависят от того, где готовится кушанье — на домашней, или на общей кухне, где моется белье, где хранятся запасы и т. п.? Итак, действительно Фурье соединяет отдельные семейные хозяйства в одно общее хозяйство, но не думает разрушать семейных уз, имеющих гораздо высшее основание.

2. Фурье проповедует безнравственность в междуполовых отношениях.

Действительно Фурье говорит, что, по его мнению, отношения между полами должны измениться и сделаться свободнее, нежели они теперь, не на деле, а по праву. Но[1] Фурье выдает это как за свое предположение, которое во всяком случае должно осуществиться не ранее, как через 5 поколений после всеобщего принятия предлагаемого им общественного устройства, т. е. не ранее, как лет через 300. Вообще об междуполовых отношениях Фурье говорит только в первом сочинении своем: «Théorie des quatres mouvements», написанном им в 1808 году, прежде нежели им были сделаны все части его открытия, и которое позволил он вторично напечатать по усиленной просьбе своих учеников, смотрящих на это произведение, как на исторический памятник. Сам Фурье считал его недостойным себя и по слогу, и по методе изложения. Во всех других сочинениях своих он прямо говорит, что в первых фалангах — по крайней мере в течение 300 лет, пока новое общественное устройство не совершенно очистит нравы, отношения между полами должны остаться неизменеными. Все последователи Фурье также держатся этого мнения, лучшим доказательством искренности которого служит то, что Консидеран, во время прошлогодних прений во французской палате о допущении разводов, говорил и подал голос против этой меры. Когда мне случалось говорить о теории Фурье, я говорил, что * в начале все должно остаться, как и теперь.[2] Об изменениях, могущих произойти впоследствии, я никогда не упоминал, во-первых, потому, что не имею привычки говорить о том, что мне не положительно известно (Фурье нигде ясно об этом предмете не высказывается); во-вторых, потому, что не верил, чтобы такие изменения

---

[1] *зач.:* во-первых [2] *подчеркнуто*

были нужны, не думая, чтобы непостоянство в любви было бы требованием человеческой природы. Я приписываю ее случайным обстоятельствам, из которых главнейшие суть следующие: 1) возбуждение воображения прежде действительного появления физической и нравственной потребности любви; 2) обычай, по которому мущины женятся обыкновенно не ранее 30 лет; 3) то, что браки по большей части основаны не на любви, а на различных расчетах; 4) что браки, основанные и на любви, редко составляют естественную группу, ибо заставляют два лица,[1] симпатизирующих в одном или нескольких отношениях, уживаться и во всех остальных, от этого рождаются несогласия, мало-помалу уничтожают и чувство любви, которое без них продолжало бы существовать; 5) праздный образ жизни значительной части молодых людей. Так как все эти причины уничтожатся с введением системы Фурье и как, сверх того, образ жизни[2] в фалангах[3] делает, что всякий поступок на виду, то смело можно утверждать, что междуполовые отношения[4] в обществе, устроенном по плану Фурье, будут несравненно чище, нежели теперь, и что и впоследствии времени не скажется нужды в введении других отношений, кроме неразрывных браков. Одним словом, я никогда не принимал тех темных указаний о будущем устройстве отношений полов, которые находятся в его «Théorie des quatres mouvements», как не принимал его космогонии.

*Принимая основания учения Фурье за[5] совершенно истинные[6] — может быть я и ошибаюсь, хотя до сих пор они еще никем опровергнуты не были. Но так как верность заключений ума человеческого зависит не от одной последовательности и логической строгости выводов, но и от того, все ли данные были взяты во внимание при делании этих выводов, то ошибка всегда может вкрасться и долго не быть замечена. Но, во всяком случае, в теории Фурье нет ничего разрушительного, ничего вредного, ничего противуречащего существующим политическим и нравственным принципам, служащим основанием государственной и частной жизни в наше время.

Этот мирный и безвредный характер учения Фурье, однако, мало говорил бы в мою пользу, если бы для осуществления его нужно было прибегать к насильственным и противузаконным средствам. Сам Фурье и последователи его не только ни в одном из своих сочинений никогда не возбуждали к таким средствам, но всегда говорили против них. По своему совершенно мирному и научному характеру учение это даже и не может быть иначе осуществлено, т. е. подтверждено

---

[1] *зач.:* схо [2] *зачеркнуто неразобранное слово* [3] *зач.:* где [4] *зач.:* что [5] *зач.:* непоср. [6] *подчеркнуто*

опытом, как совершенно мирными же и научными путями. Одним из главных достоинств учения своего всегда считал Фурье — возможность убедиться в истинности его опытом в малом виде. Что сказали бы мы о химике, говорит он, который бы, делая опыты над взрывным веществом, употреблял для этого тысячи[1] фунтов этого вещества; а не то ли делали те, которые хотели приложить свои политические идеи к целым государствам и народам, чему мы видели пример в Французской революции. Все чего добивался Фурье в течение своей страдальческой жизни, чего добиваются и теперь все последователи его, это чтобы собрать 4 или 5 миллионов, приобрести 3 или 4000 десятин земли и найти 1500 или 2000 человек обоего пола, всех возрастов, различных по состоянию, по образованию, по способностям и занятиям, и с дозволения правительства той страны, где бы находилась эта земля, и с этими средствами устроить общину по плану, изложенному выше в его главных очертаниях. Самая неудача опыта не повела бы даже за собою потери употребленного на него капитала и имела бы между тем полезное нравственное влияние,[2] доказав невозможность другого лучшего экономического устройства человеческих обществ, чем то, которое теперь существует.

Итак, основываясь как на том, что главное из сочинений Фурье и многие из сочинений его последователей не были запрещены правительством нашим, так и на мирном характере этого учения, не противуречащего ни одной из основ государственной и частной жизни в России, и совершенно законных способах его осуществления, — я был бы в надежде на справедливость и человеколюбие моих судей совершенно спокоен насчет своего положения, если бы иногда, увлекаемый желанием содействовать по мере сил моих успехам этого учения, я не переходил бы пределов строгой законности. Перехожу к рассказу действий моих, находящихся в связи с моими убеждениями в истинности учения Фурье.

История моих действий

Вышед из императорского Царскосельского лицея, я чувствовал себя совершенно неудовлетворенным изучением наук политических, не видя в них ни той методы изысканий, ни того обилия результатов, которые представляли мне немногие из естественных наук, преподаваемых в этом заведении, поэтому * решился я посвятить себя изучению сих по-

---

[1] *зач.:* пудов [2] *зач.:* не

следних.[1] Занимаясь ими, совершенно случайно напал я на изложение Gabet системы Фурье, найдя в ней все[2] признаки науки положительной, обещающей богатые результаты. Я с жаром предался изучению ее и, убедившись в истинности ее начал, стал действовать * в пользу ее — говорить об ней многим лицам в разных местах.[3] Поступая таким образом, в разные времена имел я разные цели. До 1846 года, не зная еще хорошо истории этого учения, я думал, что оно совершенно новое и потому мало известно, что, по моему мнению, и было причиною, что до сих пор еще не сделано опытов к его осуществлению — мне казалось, что стоит только сделать его известным, чтобы оно всеми было принято. В 1846 году узнал я историю этого учения, что оно уже существует почти 40 лет; собственный опыт мой убедил меня, что по причине своего научного характера — оно быстро распространиться не может, почему и перестал заботиться об его распространении, стараясь только уяснить себе многие предметы его, мне еще неясные, и поэтому старался сойтись с человеком, который бы, имея запас разносторонних сведений и привычку к размышлению, захотел бы вместе со мною глубже вникнуть в это учение, дабы совокупными усилиями разъяснить себе некоторые его стороны — преимущественно относящиеся до его теоретической части. *У Петрошевского познакомился я с Валерианом Майковым,[4] много занимавшимся политическою экономиею. С ним имел много разговоров и споров об учении Фурье — и думал со временем убедить его совершенно в истинности его и вдвоем заняться разрешением темных сторон его. В июне 1846 г., выдержав кандидатский экзамен, уехал я из Петербурга и пробыл вне его остаток этого года и весь 1847 год до октября.[5] Узнав из журналов о смерти Майкова, а главное занявшись более глубоким изучением ботаники и приготовлением материалов для магистерской диссертации по этому предмету, я совершенно оставил свое намерение и, приехав в Петербург, не[6] говорил о теории Фурье и [не] занимался сам ее изучением, обратившись совершенно к занятию естественными науками. Октябрь, ноябрь, декабрь и почти весь генварь 1848 г.[7] не был я у Петрошевского. В конце генваря стал я снова к нему ходить, желая читать находившийся у него журнал «La phalange», где печатались посмертные сочинения Фурье,[8] и большую часть времени употреблял на чтение этого журнала. В первом № этого журнала за 1846 г.

---

[1] *подчеркнуто* [2] *зач.:* ха [3] *подчеркнуто; эта и следующая фраза отмечены на полях* [4] *подчеркнуто* [5] *от слов:* у Петрашевского *отмечено на полях* [6] *зач.:* распространял [7] 1848 г. *вставлено* [8] *отмечено на полях*

издатели его говорят о скорой надежде их привести в исполнение завещание Фурье, т. е. подвергнуть учение его практическому испытанию, выражая то убеждение, что они будут тогда считать это полезным, когда 1) соберут достаточные средства, дабы устоять и в случае неудачи опыта от[1] случайных причин, на что всегда должно расчитывать; 2) когда само правительство и общественное мнение будет на их стороне, желая противуставить их мирное и безвредное учение разрушительным теориям коммунистов. Также на обеде * 7-го апреля 1847 года[2] в день рождения Фурье Консидеран сказал в своей речи, что надеется в этот день на следующий год открыть подписку на учреждение первой фаланги.

Надежда, что скоро на практике будет доказана справедливость теории Фурье, * возбудила во мне желание содействовать этому, увеличив число приверженцев этой теории,[3] которые могли бы собрать какую-нибудь сумму в случае объявления этой подписки и, в случае успеха опыта, когда все убедятся в истинности этой теории, могли бы содействовать быстрейшему распространению и осуществлению ее. По этим причинам стал часто говорить о теории Фурье и по случаю одного спора, возникшего между мною и некоторыми из разговаривавших со мною, который мешал меня, спутывая нить моих мыслей, я предложил, чтобы позволили мне говорить, пока я окончу какой-нибудь отдельный предмет, беспрепятственно, записывая или запоминая возражения, приходящие в голову, и делая их мне, когда я кончу. Таким правильным образом * говорил я три или четыре раза.[4] Между тем, Французская революция расстроила мои надежды видеть скоро осуществленною теорию Фурье. Сначала я думал, что новое французское правительство примется за социальные опыты, но то, что оно и делало в этом отношении, совершенно было основано на других началах, чем план Фурье, и я скоро разубедился в неосновательности моих надежд и еще более убедился, что всякий политический переворот, всякая политическая деятельность[5] должна действовать неблагоприятно на развитие учения Фурье. Так точно революция 1830 года уже раз помешала произведению опыта осуществления теории Фурье одним из министров Карла X-го. * В начале мая 1848-го года прекратил я мои посещения Петрошевского и оставил[6] совершенно[7] мысль об содействии успехам теории Фурье. Причины, побудившие меня к этому, были следующие.

1. Я убедился в невозможности прояснить темные стороны учения Фурье раньше осуществления его.[8]

---

[1] от... причин *вставлено* [2] *подчеркнуто* [3] *подчеркнуто: вся фраза отмечена на полях* [4] *подчеркнуто* [5] *зач.:* может [6] *подчеркнуто и отмечено на полях* [7] *зач.:* зан [8] *зач.:* Но

2. Что во сколько это было исполнимо — это принял на себя один из последователей Фурье, Hugh Dogherty, который имел в руках все рукописи Фурье и, находясь в сношениях с лицами, знавшими его и имевшими случай от него самого слышать объяснение его теории, — мог лучше, чем кто другой, выполнить это.

3. Не воображая, чтобы первая фаланга могла учредиться в России, и видя по ходу обстоятельств, что вообще осуществление учения Фурье на долгое время отложится, я убедился, что всякое действие мое в пользу ее было бы с моей стороны пустою потерею времени и сил, которые хотел обратить на предметы, могущие дать результаты более близкие.[1]

4. Находясь в связи с людьми, которые не все были полными приверженцами учения Фурье, * но выражали и другого рода идеи, касавшиеся изменений административных и социальных, я опасался скомпрометировать и себя, и учение Фурье.[2]

5. Так как со времени моего отсутствия в 1846 и 1847 году число посещавших Петрошевского значительно увеличилось, так что большей части из них я вовсе не знал, я опасался, чтобы слова мои не были перетолкованы ложно и через это мои намерения ложно поняты.

6. Еще более утвердило меня в моем намерении оставить как распространение учения Фурье, так и посещения мои к Петрошевскому и вообще все знакомства, в которые я вошел, увлеченный желанием содействовать этому учению, покушение коммунистов насильственно утвердить свое учение во Франции. Потому что знал, как часто смешивается не только в общественном мнении, но даже многими писателями учение Фурье с коммунизмом. Я нашел, что в такое смутное время было совершенно неуместно говорить о предметах, смешиваемых, хотя и несправедливо, с стремлениями, клонящимися к насильственному нарушению общественного порядка.

С этих пор в течение целого года, из коего половина была проведена мною в Петербурге, я ни разу не изменил своему решению и, смею сказать, не изменил бы ему никогда, тем более, что деятельность моя получила[3] постоянную цель и совершенно другое направление.

Придерживаясь исключительно теории Фурье и говоря в пользу ее, я никогда не принимал полезности каких бы то ни было политических изменений. Действуя таким образом, * вошел я в сношения с разными лицами, из[4] которых некоторые были * мне известны как люди с свободным, либеральным образом мыслей.[5] Но сношения мои с ними никогда не

---

[1] *весь абзац отмечен на полях* [2] *подчеркнуто и отмечено на полях* [3] *зач.:* правильн. [4] из которых не *вставлено* [5] *подчеркнуто и отмечено на полях*

выходили из пределов частных разговоров, никогда не вступал ни в какие общества и не знал о существовании чего-либо подобного. Главная вина моя[1] заключалась в том, что я не обращал внимания на образ мыслей тех лиц, с которыми был в знакомстве, надеясь убедить их в истинности моих мнений.[2]

Из лиц, с которыми был я в таких сношениях и которых могу назвать своими знакомыми, могу я поименовать только следующих: двух братьев *Дебу, Достоевского, Кайданова, Петрошевского, Спешнева и Ханыкова.[3]

С обоими Дебу и Кайдановым никогда не имел я других разговоров, как о системе Фурье, и от них ничего другого не слыхал. Я познакомился с ними у Петрошевского.

Плещеева узнал я еще в лицее, коего родственник был моим товарищем, у него познакомился с Достоевским — разговоры наши имели предметом своим по большей части литературу, как предмет их занятий. Петрошевского и Спешнева знал несколько по лицею, но познакомился с ними после, *именно с Петрошевским в 1844 году, а с Спешневым в 1848 году.[4] Мне был известен свободный образ мыслей того и другого, знал, что главным убеждением Петрошевского была мысль о пользе введения в Россию открытого судопроизводства, относительно других его убеждений я могу сказать, *что он называл себя фурьеристом, но полагал частные улучшения и нововведения[5] другого рода, именно свою[6] пользу, и что нужно об них стараться. О Спешневе, как я сказал выше, знал я, что, как говорится, либерального образа мыслей, но основных своих убеждений он при мне никогда не высказывал. Именно такого разговора, в котором бы Петрошевский говорил о необходимости введения открытого судопроизводства в Россию, а Спешнев об освобождении крестьян, не припомню, хотя вообще мог заметить, что он считал это весьма важным. Что касается до меня, то как об этих, так и всяких других политических и административных нововведениях — всегда держался того мнения, что они ни существенной пользы принести не могут, ни достигнуты иначе быть не могут, как если бы само правительство этого захотело. Находясь долгое время внутри России: летом 1844 и 1845 годов, половину 1846 и почти весь 1847 год и[7] пять месяцев 1848-го, я имел случай вполне убедиться, что ни в одном из сословий не существует ни малейшего стремления к изменению существующего порядка вещей. Что[8] касается

---

[1] *зач.:* и смею [2] *фраза отмечена на полях* [3] *все эти имена подчеркнуты; дальше каждая фраза отмечена на полях сплошь до слов* в 1848 году [4] *подчеркнуто* [5] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен NB и знак вопроса* [6] *зач.:* выго [7] *зач.:* почти по [8] *зач.:* поэтому

специально до вопроса об освобождении крестьян, то я был всегда того мнения, что мера эта, в сущности своей справедливая, совершенно несвоевременна, ибо видел на опыте, что положение помещичьих крестьян сравнительно с тем, как нам описывают положение рабочего класса за границею, несравненно лучше, потому что большая часть помещиков обходится с ними справедливо, а многие даже заботятся[1] о их благосостоянии с потерею своего личного интереса.

* Главная причина, по которой я всегда отрицал полезность всяких политических изменений, основывалась на убеждении моем, что любое из них, имея некоторые выгоды[2] на своей стороне, имеет столь же большие невыгоды,[3] насильственное же введение их [прибавит] к сумме этих невыгод нарушения общественного покоя и благосостояния и пролитие крови соотечественников. * Сверх этого, стремиться к каким бы то ни было нововведениям, когда каждое из этих нововведений, при всей сомнительности его пользы, стоит несравненно больше труда, чем произведение опыта системы Фурье, который бы удовлетворил всем желаниям, почитал я неблагоразумием и совершенною нерасчетливостью.[4]

В числе поступков, служащих * к моему обвинению, должен я упомянуть о вечере у Плещеева, на котором были я и Спешнев и на котором мы говорили о возможности печат[ат]ь за границею. Эта мысль увлекла меня тем, что я надеялся таким образом напечатать подробное и общепонятное изложение системы Фурье на русском языке.[5] Это могу сказать единственный случай, в котором приверженность моя к теории Фурье * увлекла меня за пределы законности.[6] Благодарю бога, что это осталось одним намерением, которое я и не думал приводить в исполнение, ибо скоро понял и всю бесполезность его, и всю незаконность.

Вскоре после этого я оставил совершенно, по вышеизложенным причинам, * всякое участие в распространении учения Фурье и самое занятие им,[7] равно как и знакомства, которые были мною сделаны с этою целью.[8]

В вышеизложенном старался я объяснить все, что знаю о вине своей. Прочитав сочинения Фурье, я от всей души убедился в истинности его психологических и экономических начал. Не видя в них ничего вредного для порядка общественного, ничего противуречащего началам, на которых основано государственное устройство моего отечества; видя под-

---

[1] заботятся... благосостоянии *вставлено* [2] *исправлено из:* невыгоды [3] *фраза отмечена на полях, поставлен* №3 [4] *вся фраза отмечена на полях, поставлен* №3 [5] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен* №3 [6] *подчеркнуто* [7] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен* №; *надпись* с которого времени зачалось распространение учения Фурье [8] *зач.:* не надеясь на усп

тверждение этому в том, что основное сочинение Фурье и сочинения многих из последователей его не запрещены правительством, я в разных местах говорил в пользу этого учения как с целью распространения его, так и с целью самому глубже узнать и обсудить его. * Увлеченный этим, я иногда переходил границы законности, как это показал выше. Сознаюсь в вине своей, ибо не придерживаюсь софизма, что цель освещает[1] средства.[2]

Если вина моя такова, что заслуживает искупления тяжелым наказанием — безропотно покоряюсь ему, как воле божией и воле царской. В таком случае мне не остается ничего более говорить, потому что знаю, что где интерес общий входит в столкновение с интересом частным, последний должен быть приносим в жертву первому. Но, если во мнении судий моих вина моя принадлежит к числу тех, которые заслуживают снисхождения, то прошу позволения сказать несколько слов о самом себе.

В жизни большей части людей, особливо тех, которые не наделены от рождения богатством, есть период в жизни, который можно назвать критическим, когда от трудов и лишений, ими переносимых в надежде достигнуть цели, к которой они стремились, они переходят к осуществлению своих надежд. Таким критическим периодом моей жизни, казалось мне, был настоящий год. Выйдя из императорского Царскосельского лицея, я решился посветить[3] себя изучению естественных наук, к которым с самого детства чувствовал непреодолимую склонность, которая с новою силою возбудилась во мне, когда я начал проходить в лицее[4] немногие преподаваемые в нем естественные науки. Имея лишь малые средства как для жизни, так и для учебных пособий, необходимых при занятии этими науками, я должен был себе отказать почти во всех удобствах жизни. Теми деньгами, которые я проживал, был я обязан своим родственникам, или своему труду, потому что родители мои, находясь в стесненных обстоятельствах, не могли мне ничего присылать. Занятия мои естественными науками были успешны. В нынешнем году выдержал я магистерский экзамен и в то же время получил поручение от импер. В[ольно]-э[кономического] общества исследовать черноземное пространство Европейской России в агрономическом и естественно-историческом отношении. Я надеялся успешным исполнением этого поручения (начало этого исполнения уже представлено обществу)[5] проложить себе дорогу в жизни и доставить себе бóльшие средства к продолжению моих ученых занятий, — принести пользу оте-

---

[1] *так в подлиннике* [2] *подчеркнуто и отмечено на полях* [3] *так в подлиннике* [4] *зач.:* те из естест [5] *зач.:* принести и по

честву и честь себе. С этим соединялись и другие надежды,[1] от которых мне было бы столь же тяжело отказаться, как и от самой жизни. Кроме этого поручения, это давало мне[2] возможность увидеть мою мать, не видав ее более 7 лет, и утешить ее в разлуке с моим отцом и моим братом, которые на войне, и за всю ее[3] любовь ко мне порадовать своими успехами на избранном мною[4] поприще. Что принесу я ей теперь вместо утешения и радости — я не знаю даже, перенесет ли она известие о постигшем меня наказании, — зная ее страстную любовь ко мне и ее слабое расстроенное здоровье. На дороге к моей матери, посреди[5] моих надежд — был я арестован и узнал об своем обвинении, когда уже думал, что мое добровольное удаление от всякого участия в этом деле заслужило мне прощение. Если всем этим надеждам суждено рушиться, * я перенесу наказание с покорностью как наказание божие,[6] хотя в моем положении прощение, на которое едва смею надеяться, я считал бы даром — равным самому дару жизни, принял бы его как милость божию и как милость царскую, посланную мне от бога за усердные молитвы моей матери, а от царя за[7] верную службу моего отца. И вся жизнь моя была бы посвящена на уплату долга благодарности богу и царю.

Николай Данилевский.

57. 1849 г. июня 24. — Отношение за № 128 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 15, л. 12

Секретно

М. г., Иван Александрович!

В препровожденных при отношении вашего высокопр-ва от 25 июня, № 246, бумагах студента Николая Данилевского не оказалось ничего, относящегося к известному делу. Уведомляя о сем вас, м. г., с возвращением означенных бумаг покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

---

[1] *отмечено на полях рукою Гагарина:* влюблен! [2] *зач.:* средства [3] *исправлено из:* мою [4] *вставлено* [5] *зач.:* изло [6] *подчеркнуто, отмечено на полях* [7] *зач.:* усер

58. 1849 г. июля 15.— Допрос Н. Я. Данилевского по вопросным пунктам

Ч. 15, лл. 37—57. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросные пункты имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отечество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания, и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Николай Яковлевич Данилевский. 25 лет отроду, православного грекороссийского исповедания. Обряды, предписываемые церковью, обыкновенно исполнял, но нынешний год не говел, будучи занят приготовлением к экзамену на степень магистра, прошедший год также не говел. Данилевский.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся?

[О.] Отец мой, генерал-майор, Яков Иванович Данилевский, находится теперь в действующей армии; а мать моя, Дарья Ивановна Данилевская, в городе Вознесенске, где стояла вверенная моему отцу бригада.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет и когда окончили воспитание?

[О.] В императорском Царскосельском (ныне Александровском) лицее на свой счет. Окончил курс в декабре 1842-го года. Данилевский.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

[О.] Вышед из лицея, я записался на службу в канцелярию Военного министерства, но должности никакой не занимал, а по праву, дарованному лицею, слушал курс естественных наук в императорском С. Петербургском университете; по окончании которого в июне 1846-го года выдержал экзамен на степень кандидата; соответствующий этой степени чин коллежского секретаря я уже имел при выпуске из лицея. В генваре 1847-го года я вышел в отставку, желая исключительно заняться естественными науками и получить высшие ученые степени. В настоящем 1849 году выдержал я экзамен на магистра по предмету ботаники и подал диссертацию, которой не успел защищать, потому что должен был отправиться по поручению императорского Вольного экономического общества для ученого исследования черноземного пространства России. До сих пор ни под следствием, ни под судом никогда не был. Данилевский.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Ни [не]движимого имения, ни собственных капиталов не имею. Содержал же себя вспомоществованиями, которые делали мне мои родственники, и статьями ученого содержания, помещаемыми в журналы. Данилевский.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] В полном смысле близкое и короткое знакомство имел я только с моим товарищем по занятиям естественными науками, Семеновым, с которым мы вместе жили. О моем знакомстве и сношениях, в которые я вошел по случаю учения Фурье (Петрошевским, Спешневым и другими) объяснено мною в подробности в написанном мною ответе. Эти сношения и знакомства я совершенно прекратил с мая месяца 1848-го года.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границею?

[О.] Внутри государства, кроме обыкновенных сношений с своими родителями и близкими родственниками, сношений по моим занятиям естественными науками и изложенных мною сношений в прежде данном ответе, касающихся учения Фурье, никаких не имел. За границею сам никогда не был и письменных сношений[1] или другого рода как[их] бы тони был[о] сношений никогда не имел. Данилевский.

[В.] С которого времени знакомы вы с Петрашевским, часто ли бывали у него на собраниях и когда именно?

[О.] С Петрошевским знаком я с 1844-го года, бывал у него прежде и в обыкновенные дни, и в положенные для вечеров. Особливо часто посещал его зимою 1846-го года и в последней половине генваря, в феврале, марте и апреле 1848-го года, с этих же пор прекратил мои к нему посещения. Данилевский.

[В.] Кто еще посещал эти собрания?

[О.] Из лиц, бывавших у Петрошевского, могу припомнить следующих: братьев Дебу, Кайданова, Дурова, Спешнева, Достоевского, Плещеева, Кузьмина, Балас-Оглу, Мадерского, Ястржембского, Чирикова, Пальма, Деева, Барановского, Михайлова (в 1848 году не видал), Есакова (очень редко),[2] бывало и несколько других, которых фамилий не знаю. Данилевский.

[В.] Какая цель была этих собраний и что особенно замечательного вы там слышали в разговорах относительно правительства и изменения существующего порядка?

---

[1] *зач.:* никаких не [2] Есакова... редко) *вставлено*

[О.] Явной признанной цели эти собрания не имели; но, сколько мне известно, желания приходивших на них состояли в мене, в сообщении друг другу идей, касавшихся различных так называемых современных[1] социальных вопросов. Собрания эти состояли из разговоров и споров об этих предметах, чтений и изустных изложений мыслей об них. Когда я бывал, то *всегда говорил об теории Фурье,[2] опровергал делаемые мне возражения, старался объяснить то,[3] что казалось мне не так понятным. Сколько я знаю, разговоры были всегда содержания теоретического. Из касающегося до правительства и существующего порядка вещей могу с достоверностию припомнить чтение проекта Петрошевского о допущении купеческого сословия в участии в дворянских выборах. Кроме того, не могу указать именно ни на одно лицо и ни на один предмет, хотя * не отрицаю, что в разные времена не критиковались различные учреждения, как например, судопроизводство, крепостное состояние, цензура.[4] Это объясняется тем, что, когда я не говорил об учении Фурье, то по большей части читал книги или журналы, касавшиеся этого учения. Данилевский.

[В.] В предварительных ответах ваших на расспросы комиссии вы показали, что прекратили посещение Петрашевского и оставили мысль о содействии к распространению теории Фурье, между прочим и потому, что находились в связи с людьми, которые, кроме учения Фурье, выражали и другого рода идеи, касавшиеся изменений административных и социальных. Объясните, какие были эти идеи и кем именно выражались?

[О.] Я знал, что Петрошевский очень привержен к мысли об пользе открытого судопроизводства, что он и другим, и мне неоднократно выражал, Спешнев считал несправедливым существование крепостного состояния. По большей же части выражаемы были несогласные с моими убеждениями социальные идеи; так, неоднократно возражали мне на учение Фурье об правах капитала, об наследстве. Между прочим, могу припомнить, что Плещеев считал формулу распределения богатств à chacun selon ses besoins[5] Луи Блана справедливее формулы Фурье à chacun selon son capital, ons travail et son talent.[6] Многим казалось несбыточною мысль, чтобы опыт в малом виде мог привести к цели распространения всеобщего благоденствия, — мне показалось, что после одного из моих изложений учений Фурье именно находил это несообразным Кузьмин. Я говорю — показалось, потому что заключаю

---

[1] *вставлено* [2] *зач.:* делал [3] *подчеркнуто* [4] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен знак вопроса* [5] каждому по его потребностям [6] каждому по его капиталу, труду и таланту

об этом из нескольких долетевших до меня отрывочных фраз — не будучи со мною знакомым, Кузьмин говорил это не в моем присутствии, а когда я был в другой комнате. Данилевский.

[В.] В ответах ваших вы показали, что вы, желая содействовать распространению учения Фурье увеличением числа приверженцев оного, три или четыре раза читали у Петрашевского об ученьи Фурье. Объясните, в какой мере вы успели увеличить приверженцев этого ученья?

[О.] Мне это совершенно неизвестно — потому что после этих чтений делали мне разные возражения, но никто не говорил мне, что мои слова его вполне убедили. Притом же я чтений моих не окончил — и, во всяком случае, не столь самолюбив, чтобы приписать себе чье-либо убеждение в истинности этого учения, тогда как [есть] множество книг, в которых учение это изложено гораздо лучше, нежели я мог это сделать.

Я должен здесь упомянуть, что в учении Фурье должно различать две существенно различные части. Одна часть и самим Фурье и известными последователями считается положительною. Другая же, состоящая из идей Фурье о космогонии, психологии, будущей жизни и т. п., таковою не признается. Это последняя часть, по моему мнению, чисто фантастическая, не основанная ни[1] на положительных данных, ни на строгом выводе одной мысли из другой. Эта часть[2] учения Фурье, * несогласная в некоторых частях своих с нашими религиозными верованиями и притом противуречащая истинам положительных наук, никогда мною признаваема не была.[3] Я об ней никогда ничего не говорил. Когда же меня спрашивали мое мнение об ней, я отвечал, что так как вопросы, которыми она занимается, решительно не достойны для человеческой науки — то я, как человек, занимающийся науками положительными, не могу принимать ее иначе, как за фантазию — за одну игру воображения. Я всегда полагал, что эта фантастическая часть учения Фурье много вредит его положительной части. Меня даже удивляло, как мог человек, показавший столько наблюдательности и здравого смысла, как Фурье, увлечься подобными мечтами — я объяснял себе это свойством человеческого ума, который иногда доходит до гениальных результатов в одной отрасли знания и, между тем, является совершенно безрассудным в других отношениях. Ньютон открыл закон всемирного тяготения и в то же время писал сумасбродные толкования на апокалипсис. Данилевский.

[В.] Вы показали, что, убедившись в истине начал си-

---

[1] *вставлено* [2] *зач.:* во м [3] *отмечено на полях*

стемы Фурье, вы стали действовать в пользу ее и говорить об ней многим лицам и в разных местах. Объясните, когда и в каких именно местах вы говорили об учении Фурье?

[О.] Я говорил об этом учении у Петрошевского, у Спешнева, у Плещеева в различные времена, преимущественно зимою 1846-го и 1848-го годов, говорил об нем Беклемишеву. В первое время после того, как я познакомился с этим учением, * я говорил об нем товарищам моим одного со мною выпуска из лицея, но они меня не стали слушать,[1] считая это фантазией и не имея охоты заниматься предметом, требующим сильного внимания. Данилевский.

[В.] Известно, что вас ждали к обеду, данному у Европеуса 7 апреля сего года в честь Фурье. Объясните, по чьему предложению дан был этот обед и кто вас приглашал на оный?

[О.] Мне неизвестно, по чьему предложению дан был обед в день рождения Фурье. Приглашал же меня на оный Петрошевский. Хотя я отказался * от всякого участия в распространении учения Фурье — я, однако, должен сознаться, что не переставал считать это учение справедливым. И теперь, когда имел много времени думать и обсуживать в моем заключении это учение,[2] я горько сожалел, что не остановился ранее в моем стремлении к его распространению, — но, не солгав, не могу сказать, чтоб и теперь не считал его справедливым.[3] Будучи таких понятий об учении Фурье, я не мог не считать этого человека одним из благодетелей человечества и потому весьма естественно, что я желал участвовать на обеде, даваемом в честь его. Поэтому я отвечал Петрошевскому, что постараюсь быть. Предложение было мне сделано на страстной неделе. До 7-го числа оставалось более недели, и я имел время раздумать, и двоякого рода * опасения удержали меня принять в нем участие.[4] 1) Во-первых я боялся, что[5] кроме идей фурьеристских не стали бы * выражать и другого рода идей социальных или идей политических,[6] особливо после многочисленных тостов. 2) Во-вторых, что[7] хотя и сочинения Фурье не запрещены, и идеи, в них выражаемые, миролюбивы и не противуречат существующему порядку вещей, тем не менее такое официальное[8] собрание могло считаться противузаконным. Идеи о свободной торговле и промышленности, составляющие сущность учения теперешней политико-экономической школы, и преподаются во всех учебных заведениях, сочинения Сея,

---

[1] *отмечено на полях* [2] *исправлено из:* об этом учении [3] от всякого участия... справедливым *подчеркнуто, на полях поставлен* NB [4] *подчеркнуто; от слов:* до 7-го числа *до* я боялся *отмечено на полях* [5] *исправлено из:* чтобы [6] *подчеркнуто* [7] *вставлено* [8] *подчеркнуто*

Рикардо и других у нас не запрещены, тем не менее обед или другого рода официальное собрание, данное в честь этого учения, могло бы [быть] в некотором смысле противузаконным. Эти соображения заставили меня решиться не быть на этом обеде, и потому 7-го апреля я с утра вышел со двора и целый день не был дома, дабы избежать[1] искушения, если бы меня стали уговаривать. Данилевский.

[В.] Из предварительных ответов ваших видно, что вы были на вечерах у Плещеева. Объясните, когда были эти вечера, часто ли вы бывали на оных и какие особенно замечательные рассуждения там происходили.

[О.] У Плещеева, сколько мне известно, постоянных дней для вечеров не было — и к нему сходились или случайно, или по собственному его приглашению; ни чтений, ни изустных изложений каких-нибудь социальных или политических учений на этих вечерах не бывало, большею частию говорили о литературе. Приблизительно бывал я у Плещеева раз в месяц, иногда чаще, иногда реже этого. Ничего особливо замечательного происходившего на них припомнить не могу. Данилевский.

[В.] В тех же ответах вы показали, что однажды на вечере у Плещеева, где находились вы и Спешнев, говорено было о возможности печатать за границею сочинения Фурье в переводе на русском языке. Объясните, кто именно принимал участие в этом разговоре и чем разговор этот кончился?

[О.] На упоминаемом вечере говорилось не об печатании за границею изложения теорий Фурье на русском языке, а вообще об печатании за границею. Мысль же об напечатании теории Фурье была причиною, * побудившею меня принять в этом участие.[2] В этом разговоре принимали участие я, Спешнев, Плещеев и Достоевские. Разговор этот кончился тем, что положили стараться привести это в исполнение и прежде всего написать несколько статей. Я с своей стороны вскоре после этого оставил всякое участие в распространении учения Фурье — и никакой статьи не написал. Вероятно и другие подобно мне одумались. После этого я ничего более не слыхал об этом намерении. Данилевский.

[В.] В каких отношениях вы были с титулярным советником Тимковским и с помещиком Спешневым?

[О.] *Тимковского я вовсе не знаю.[3] С Спешневым познакомился у Милютина и Петрошевского. Основные убеждения его мне неизвестны. В 1848 году довольно часто бывал у него по вечерам. Так как он был за границею, то мне очень интересно было слушать его рассказы, — особливо

---

[1] *зач.:* соб [2], [3] *подчеркнуто*

старался расспрашивать его о состоянии учения Фурье[1] во Франции. Разговоры наши были по большей части повествовательного содержания, часто говорили об предметах научных. *Я с своей стороны несколько раз выражал мои фурьеристские убеждения,[2] желая вызвать его на спор, потому что мне казалось, что он не считает этих идей[3] справедливыми; считая его умным человеком, я имел желание убедить его. Но он от всякого рассуждения в этом роде уклонялся. Данилевский.

[В.] Тимковский показал, что пред отъездом своим в Ревель, он и Спешнев постановили, чтоб вместе с вами, по возвращении вашем из деревни составить втроем особый круг и действовать к распространению учения Фурье. Объясните, изъявляли ли вы согласие ваше Спешневу участвовать в этом?

[О.] Я не только не объявлял согласия моего на это, но даже ни разу не слыхал от Спешнева и предложения об этом. Нынешнею зимою Спешнев был у меня раза два, но не заставал дома. Я видел его только раз у Плещеева, но наш[4] разговор относился исключительно к моему магистерскому экзамену. В этот вечер у меня сильно болела голова и я[5] очень рано ушел и часа два или три, проведенные у Плещеева (эту зиму я один раз только у него был), сидел в отдельной комнате, где было не так душно и накурено, читая какую-то книгу. Больше я Спешнева с мая прошедшего года и не видал. Коллежский секретарь Николай Яковлев сын Данилевский.

59. 1849 г. октября 20. — Подписка Н. Я. Данилевского, данная Военно-судной комиссии

Ч. 120, „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссией над злоумышленниками". На 619 лл. Л. 369. Ответ — автограф

Г. Коллежскому секретарю Данилевскому

[В.] Высочайше учрежденная для суждения вас по полевым военным законам Военно-судная комиссия предлагает вам объяснить: не имеете ли вы, в дополнение данных уже вами при следствии показаний, еще чего-либо к оправданию своей вины представить?

[О.] Я, нижеподписавшийся, подтверждаю истину всего мною прежде показанного и кроме прежнего в оправдание себе вновь ничего не имею объявить.

20 октября 1849 г. Николай Данилевский.

---

[1] *зач.:* за [2] *подчеркнуто* [3] *зач.:* сов [4] *исправлено из:* нам [5] *вставлено*

60. 1849 г. ноября 10.— Отношение за № 755 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Военной-судной комиссии В. А. Перовскому

Ч. 120, лл. 583—582 об.

Секретно

М. г., Василий Алексеевич!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему отношения вашего высокопр-ва, от 4 ноября, высочайше повелеть соизволил:

1. Освободить коллежского секретаря Данилевского из-под ареста, согласно мнению Военно-судной комиссии, под председательством вашим высочайше учрежденной.

2. По освобождении из крепости, определить его на службу в г. Вологду, учредив как над ним, так и над надворным советником Баласогло, о коем я имел честь сообщить вам, м. г., 8 сего ноября за № 748, строгий секретный надзор.

О сей монаршей воле, уведомив г. шефа жандармов, коменданта С. Петербургской крепости и министра внутренних дел, честь имею уведомить и ваше высокопр-во для надлежащих распоряжений.

Примите, ваше высокопр-во, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. А. Чернышев.

61. 1849 г. ноября 10.— Отношение за № 447 коменданта С. Петербургской крепости И. А. Набокова к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому

Ч. 120, л. 589

Секретно

М. г., Василий Алексеевич!

Во исполнение высочайшего повеления, объявленного мне в предписании г-на военного министра от 10 ноября № 755, содержавшийся в С. Петербургской крепости коллежский секретарь Данилевский сего числа от ареста освобожден. О чем уведомляя ваше высокопр-во, имею честь препроводить при сем отобранную при освобождении от г-на Данилевского подписку.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Иван Набоков.

62. 1849 г. ноября 10.— Подписка Н. Я. Данилевского при освобождении из-под ареста

Ч. 120, л. 590

1849 года ноября 10 дня я, нижеподписавшийся, при освобождении меня из-под ареста из С. Петербургской крепости, дал сию подписку в том, что все распросы, сделанные мне в высочайше учрежденных Секретной следственной и Военно-судной комиссии, буду содержать в строгой тайне и обязуюсь впредь ни к какому тайному обществу не принадлежать, в противном же случае подвергаю себя ответственности по всей строгости законов.

К сей подписке коллежский секретарь Николай Яковлев сын Данилевский руку приложил.

ДЕЛО

А. П. БЕКЛЕМИШЕВА

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ А. П. БЕКЛЕМИШЕВА

63. 1849 г. мая 18. — Отношение за № 64 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 31 „Следственное дело о надворном советнике Беклемишеве", на 85 лл. ЛЛ. 1 — 1 об. Копия

Секретно

М. г., Иван Александрович!

При рассмотрении бумаг Дебу 1-го, найдены между оными три рукописи: 1) о выгодах сообщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда; 2) о страстях и о возможности сделать труд привлекательным и 3) теория всемирного единства К. Фурье. Кроме того, найдены: тетрадь с оглавлением «счет библиотечным деньгам», со списком лиц; несколько запрещенных книг, в духе социализма; сочинения Фурье и Габета и записка Европеуса о сделанных им приглашениях на обед в честь Фурье. Первые две рукописи, составляющие, по сделанной на них неизвестным сочинителем надписи, извлечение из переписки двух помещиков, суть применение теорий социализма к общественному быту в России, с критикою настоящего в ней порядка разделения трудов.

Все вышепомянутые бумаги и книги, числом пятнадцать томов, имею честь препроводить при сем к вашему высокопр-ву, покорнейше прося вас, м. г., принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал кн. Александр Голицын

64. 1849 г. мая 18. — Бумаги А. П. Беклемишева, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных [а]

I. 1848 г. октября 17. — А. П. Беклемишев. „О выгодах сообщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда" [б]

Ч. 31, лл. 2—9 об. Копия. Поправки на копии, сделанные рукою Беклемишева, не оговариваются. Напечатано в кн. Л. Г. Райского „Социальные воззрения петрашевцев" Л., „Прибой", 1927, стр. 125—134

Чернигов, 17-го октября, 1848 г.

О выгодах сообщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда

(Из переписки двух помещиков)

Продолжаю письмо мое от 13-го числа; сколько помнится, я в нем показал, что первое условие устройства труда, а следовательно и всего общества, заключается в увеличении общественного богатства.

Такое увеличение, само собою разумеется, может быть достигнуто единственно чрез улучшение способов производства труда, т. е. всякого рода промышленности. Такие способы двух родов, а именно специальные или технические и общие или систематические. К специальным способам производства труда должно отнести те, которые касаются отдельного ремесла, отдельной науки и т. п., следовательно, в этом отношении новые машины, новые орудия, новые методы и открытия могут увеличить общественное богатство; опыт достаточно доказал это.

*Общие способы производства труда суть ничто иное, как различные системы устройства труда в рабочих обществах, т. е. в общинах! [1]

От улучшения общих [2] способов производства труда зависит и улучшение специальных, потому что, если, например, труд научный не организирован как следует, то всякого рода открытия, способствующие увеличению общественного богатства, не могут быть произведены так быстро и полно. Поэто-

---

[а] *Авторство Беклемишева было обнаружено в тот же день при допросе К. М. Дебу и подтвердилось в заседании 20 мая доставленными в бумагах Спешнева письмами Тимковского, в которых указывалось, что Беклемишев написал ряд писем к помещику. Оба „письма к помещику" написаны, повидимому, в Ревеле, и проставленные на них места написания вымышлены.*

[б] *Помета:* Найдены в бумагах Десбута.

[1] *подчеркнуто красным карандашом.* [2] *в тексте:* обоих

му прежде всего нужно открыть самую лучшую и удобную систему устройства труда. В письме моем от 17-го сентября я уже показал вам некоторые выгоды собщения; здесь я намерен ближе рассмотреть их, относительно разных отраслей труда.

Итак, вообразите себе, что с о б щ е с т в о существует что грязные * жалкие избы наших крестьян исчезли,[1] хотя в одном селе; что к ним присоединилось несколько семейств ремесленников, дабы члены собщества не были принуждены за каждой мелочью ездить в город, и что * все они, положим 200 семейств,[2] живут в одном здании, имея для каждого отдельное помещение. Не торопитесь возражать, не говорите уже теперь, что они перессорятся, передерутся, разойдутся чрез несколько дней, верьте на слово, пока я вам не изложу нравственного устройства, теперь же я буду говорить только о материальных выгодах.

И прежде всего заметьте, сколько выгод представит собщение относительно помещения. * Дом будет положим трехэтажный; — внизу поместим детей и стариков, которым трудно или опасно было бы ходить по лестницам. Дряхлые люди имели бы или каждый свою маленькую комнату, или по желанию могли бы помещаться несколько вместе. Дети жили бы конечно все вместе[3] в больших светлых комнатах, в одной — грудные, в другой — двух- и трехлетние, в третьей — от 3 до 6 и так далее, отделяя мальчиков и девочек. Разочтите теперь, как уменьшится число лиц, всегда даже между бедными крестьянами теряющих время для надзора за детьми. Внизу также поместить кухню, которая жаром своим посредством труб могла бы нагревать верхние этажи. Во втором этаже будут расположены различной величины квартиры отдельных лиц или семейств; в третьем, наконец, мастерские.

По ту сторону дороги, проходящей пред домом собщества, построится конюшня, хлевы, скотный двор, сараи для хранения разного рода орудий, телег, сена, хлебные амбары и другие хозяйственные строения. Конечно их не нужно строить одно возле другого, но разбросать живописно, смотря по местоположению и с соблюдением всех условий удобства и безопасности, в окрестностях колонии.

Итак, вместо 200 изб, одно строение, вместо 200 сараев, хлевов, амбаров и т. д., один сарай, один хлев, один амбар. Сравните теперь следствия обеих систем: * дробления и собщения[4] в этом случае. Где будет больше экономии труда, издержек, материалов? Где люди будут жить с большим

1, 2 *подчеркнуто и отмечено на полях* 3 *подчеркнуто и отмечено на полях* 4 *подчеркнуто, на полях* №

удобством? Где наконец земледелие в обширном смысле найдет более выгод, более условий процветания и улучшения? Где? Казалось бы излишним отвечать на этот вопрос, — для производства труда могут существовать только две системы: дробления и недробления, т. е. собщения; естественно и следствия их должны быть совершенно противуположны, так что достаточно было бы доказать, что дробление имеет пагубные следствия, чтобы заключить, что собщение должно иметь следствия благоприятные, но для большей полноты, для того, чтобы в уме вашем не осталось ни малейшего сомнения насчет положительного вреда дробления и положительной, не относительной пользы собщения, я при каждой отрасли труда буду сравнивать результаты обеих систем.

1. Относительно труда домашнего. Труд домашний может быть подразделен на многие отрасли, но было бы слишком пространно исчислять их все, — ограничимся рассмотрением некоторых, а именно, приготовления кушанья и мытья белья.

Вы скажете быть может, что это совершенно побочный вопрос, что стол, мытье белья и тому подобные мелочи не составляют счастья. Терпение! не опровергайте, не выслушавши меня! Во-первых, скажите по совести, довольны ли вы, а следовательно и счастливы ли вы, потому что быть довольным чем-нибудь значит относительно этого предмета быть счастливым, довольны ли вы, если ваш повар накормит вас пересоленым супом, сухим жарким и тухлыми яйцами, если прачка принесет вам дурно выглаженное, перепачканное и сырое белье, если слуга ваш по невниманию или неумению дурно вычистит ваше платье, замарает мебель, разобьет какую-нибудь хорошенькую безделку на письменном столе? И когда в конце месяца или года вы заплатите вашему повару, вашей прачке, вашему слуге, не подумаете ли невольно: я плачу деньги за дурное кушанье, которого даже не ел или ел без вкуса, тогда как за эти же деньги я мог бы иметь прекрасный стол; я плачу за мытье белья, которого не мог надеть или от которого приобрел ревматизм или насморк; я плачу, наконец, за прислугу, которая досаждала мне и вводила в убыток; жаль денег! К тому же домашний труд производится во всяком семействе, т. е. у нас в России по крайней мере в 10 или 12 миллионах семейств, между тем как другие отрасли труда не составляют занятия каждого семейства, оттого я и начал с него, так как, улучшивши этот труд, вы во сколько-нибудь улучшите положение всех семейств, т. е. всего народа! Что же выгоднее для каждого семейства, производство домашнего хозяйства в разобщении, или в соединении многих семейств? Вот в чем заключается весь вопрос.

Итак, не говорите, что домашний труд не составляет важного условиях общественного счастья, в чем вы убедитесь, сделавши сравнение дробления и собщения в этом отношении.

Двести семейств имеют 200 кухней, каждую кухню нужно, само собою разумеется, отапливать, Испытайте когда-нибудь, сколько выдет на это дров, положим в месяц, и справьтесь у какого-нибудь трактирщика, приготовляющего кушанье на 1000 человек, сколько выходит у него дров в это время, — вы увидите, что в первом случае будет израсходовано дров вдесятеро более, а дрова становятся с года на год дороже, а непроходимые леса с года на год реже. Собщение же представляет в этом отношении даже более выгод, чем приготовление кушанья в трактире, где теплота кухни теряется, между тем как в помещении собщенных 200 семейств теплота эта нагревает и верхние этажи. Для кухни нужны кострюли, котлы, квашни и разная посуда, которую каждое семейство должно необходимо иметь; тогда как при собщении достаточно будет по 4 или 5 посудины большого размера. Чтоб готовить кушанье для 200 семейств, нужно непременно 200 кухарок или поваров, — для 200 же собщенных семейств, конечно, будет довольно 5 или 6. Наконец, покупка припасов в большом количестве обходится дешевле, чем покупка по мелочи. Конечно крестьяне мало покупают припасов, но разобщение их не позволяет им даже пользоваться своими собственными произведениями, — например, крестьянин не может есть говядины, потому что невыгодно убить быка для одного семейства, даже теленка или свинью. Отчего крестьяне наши не делают сыра? Потому что отдельному бедному семейству нельзя завести всего, что нужно для этого производства, и издержки не покрылись бы доходом. Но собщите эти семейства, и они, не увеличивая расходов, будут есть и говядину, и телятину, и свинину, будут делать сыр и есть, и продавать его. При настоящих обстоятельствах крестьянин ест шесть дней в неделю черствый хлеб, — почему? Потому что он не может печь каждый день для двух, трех человек; при собщении же хлеб печется каждый день в числе, примерно, 20 короваев. Впрочем, стоит только наблюдать то, что мы видим каждый день, чтоб убедиться, как доказывает самый опыт, что приготовление кушанья в большом количестве выгоднее, чем приготовление его по мелочи. Отчего за 50 к. сер. вы можете в ресторации иметь стол, который дома, считая все издержки, обошелся бы вам втрое дороже, а между тем содержатель ресторации иногда обогащается? Отчего булочник может продавать хлеб дешевле, чем если бы его пекли у вас дома? Отчего в училищах и казармах не существует кухней для каждых 3 или 4 воспи-

танников или солдат, а для целого заведения, для целой роты? Отчего?

Оттого, что те самые люди, которые прославляют производство домашнего хозяйства в семейном быту, на деле находят в том столько невыгод, что принуждены собственным интересом отступать от своих правил.

Но довольно о кушанье, а то вы меня почтете за великого гастронома, который говорит о том, что у него болит. Перейдем теперь к мытью белья. Как моется белье в настоящее время? Взгляните на бедных крестьянок, отправляющихся иногда в дождь, иногда в мороз на р е ч к у! Посмотрите, как эти несчастные существа, подняв платье по колена, с босыми ногами в воде, согнувшись до земли, полоскают в холодной воде грязное тряпье, а потом выколачивают его на плоту! Посмотрите, как красны и грубы их ноги и руки, как трескается кожа, и потом вспомните, сколько воспалений, простуд и других болезней почти всякая прачка приносит с собою в дом. Я еще ничего не сказал вам о невыгодах материальных относительно белья, потому что, я знаю, у вас в груди бьется сердце, полное любви к ближнему, и на вас картина страданий человечества действует сильнее, чем изложение выгод, которые вы можете извлечь. Для хозяев же без сердца я скажу: чтобы мыть белье двухсот семейств, нужно иметь 200 прачек; вымоют ли они белье лучше, чем 10 хороших опытных прачек! Опять опыт доказывает противное. Представьте себе помещение собщенного села; две, три комнаты назначены для прачек, — в одной стоят большие чаны для белья тонкого, среднего и грубого; вода проводится туда насосами, и нет более никакой нужды ходить н а р е ч к у; в другой комнате белье уже вымытое развешивается и сушится, в третьей оно гладится, — роскошь, которая до сих пор неизвестна $^{9}/_{10}$ русского народа. Для прачешной в этом случае потребуется много что 10 прачек, работающих часа по 2 в неделю. Таким образом можно сберечь в этом отношении $^{19}/_{20}$ рабочих сил.

2. О т н о с и т е л ь н о т р у д а з е м л е д е л ь ч е с к о г о. О гибельных следствиях дробления для земледелия я довольно подробно говорил вам в письме моем от 27-го сентября. Здесь ограничусь сводом невыгод и противупоставлю им выгоды, проистекающие от учреждения общества. * Дробление истощает землю, умножает число работ, относительно бесполезных; препятствует улучшению пород животных и по недостатку капиталов не позволяет введения усовершенствованных способов обработки, устройства машин и приобретения разных новых, более удобных орудий.[1]

---

[1] *отмечено на полях*

Вообразите, что собщество учреждено, что все пространство земли, до тех пор раздробленное на сотню участков, соединено в одно и сделалось общим владением общины, как бы одного человека; * но не думайте, что частная собственность совершенно уничтожилась. Нисколько! Она напротив сохранена и обеспечена общим владением,[1] т. е. каждый совладелец получил, положим, хотя акцию на сумму, в которую был оценен участок земли, ему принадлежавший.

Разочтите, сколько чрез такое собщение уничтожится издержек. Не нужно, как я уже говорил выше, огромного числа строений, не нужно заборов, канав и меж для разграничения участков, не нужно сторожей у полей, засеянных картофелем и горохом, у садов и огородов, потому что воровство не может больше существовать. Как, скажут мне, вы * хотите уничтожить воровство;[2] это мечта! Позвольте! Прежде всего скажите мне, слыхали ли вы, чтоб кто-нибудь обокрал самого себя? Навряд ли. Почему члену собщества красть у самого себя, так как * он совладелец всего имущества.[3] Да и что украдет он и какую получит от того пользу? Если он украдет что-либо съедомое, то где же он съест его, не за столом, где все увидали бы, что он вор; украдкой от других! Но, во-первых, он почти никогда не захочет оставаться один, потому что ему будет приятнее быть всегда с приятелями своими, во-вторых, если бы он съел несколько яблок украденных, то не менее того нанес бы самому себе вред: эти яблоки он мог бы съесть и без воровства, а, между тем, при уменьшении общей массы дохода, уменьшится и его частный.

Захочет ли он продать украденную вещь, но кому и как? Совет общины заведывает всеми коммерческими оборотами, и потому вор и купивший у вора * будут неминуемо уличены. Да и, наконец, рождается ли желание красть в человеке, который ни в чем не нуждается? Захочет ли он приобретать ценою позора то, что он может иметь путем чести?[4] Но ленивцы? — скажут мне. Опять терпение, я взялся доказать, что труд может и должен сделаться привлекательным, приятным, и в свое время докажу это, а покуда верьте на слово. И так воровство не будет существовать: разочтите все выгоды, происходящие от уничтожения его.

* Опыт доказал и доказывает нам ежеминутно, что помещики, т. е. владельцы, лучшие и вернейшие защитники порядка и враги смут; собщите помещиков и крестьян и тогда все без исключения будут враги беспорядков. Тогда помещики не будут более, как ныне, дрожать ежеминутно за жизнь

1, 2, 3 *подчеркнуто* [4] *отмечено на полях*

свою, они будут спокойно ложиться спать. Отчего? [1] * Оттого, что не будет больше рабов, порою потрясающих самое твердое иго, не будет больше нищих, в вечной борьбе с обществом, отказывающим им в насущном хлебе, не будет пролетариев, [2] не будет отверженцев!

Скажу еще несколько слов о двух отраслях земледельческой промышленности, в настоящее время находящихся в жалком положении; я говорю о рыболовстве и об охоте. И то и другое производятся без всякого порядка и не доставляют возможных выгод. Впрочем, при дроблении иначе и быть не может. Дичь и рыба уничтожаются там, где народонаселение велико, в других же местах они доставляют мало пользы. Отчего? * Опять оттого, что интересы общества не связаны с интересами отдельных лиц. [3]

Но при собщении будет совсем иное. Рыболовство есть одна из выгоднейших отраслей промышленности, так как рыба требует мало забот и сама добывает себе пищу; дичь также плодилась бы гораздо более, если б было больше порядка при производстве охоты. При собщении выгода всех и каждого требует условиться о времени, когда рыбная ловля и охота не должны производиться, или когда можно ловить только известные породы рыб и охотиться за тою или другою породою птиц, условиться вовсе не стрелять в продолжение нескольких лет таких птиц и не ловить таких рыб, которые сделались редки и т. п.

Вообще же вы могли уже заключить из того, что я сказал до сих пор, что собщество в труде земледельческом, как и во всяком другом, употребляет 10 рук там, где при дроблении требуется 100, * а между тем эти 10 рук работают лучше, чем ныне 100. [4]

3. Относительно труда мануфактурного. Это может быть единственный труд, сделавший вообще уже много успехов; но в настоящем мире каждое усовершенствование, каждое улучшение сопряжено с вредом для некоторых членов общества. Таким образом, введение машины лишает работы сотни и тысячи работников, и часто случается, особенно в государствах, наполненных пролетариями, как Франция, что не смеют уменьшить число рук, занятых на фабрике, страшась восстания работников. Да и в самом деле, машины в государствах промышленных составляют гибель для бедных, лишая их работы. На это гениальные гг. политико-экономы ответят вам, что чрез введение машин напротив выигрывают сами бедные, потому что они могут получать дешевле мануфактурные изделия.

---

[1] *подчеркнуто, отмечено на полях двойной чертой; черным и красным карандашами поставлены* № [2] *подчеркнуто, отмечено на полях деойной чертой* [3, 4] *отмечено на полях*

Не трудно доказать, что это бессмысленный софизм. Что выиграет бедный, работавший на зеркальном заводе и замененный машиною, через понижение цен на зеркала, которые конечно никогда не украшают его бедной лачуги?

* Учреждение железных дорог без сомнения весьма полезно; паровая машина заменяет сотни лошадей, 2, 3 машиниста — сотни извощиков.[1] Но, посмотрите, даже у нас в России, государстве * малонаселенном, где поэтому недостает еще рук для работы, а не работы для рук, какой панический страх постройка Петербургско-Московской железной дороги навела на извощиков! И они правы.[2] Железная дорога уничтожит их благосостояние, лишит их средств заработка. На это опять гг. политико-экономы вероятно скажут: «Но учреждение железной дороги откроет им, с другой стороны, впоследствии другие средства заработка!» Откроет впоследствии! — прекрасно, а до тех пор что они будут делать?

* Таким образом, в нашем отвратительном обществе всякое улучшение какой бы то ни было отрасли промышленности влечет за собою обеднение какого-нибудь класса,[3] выгоды общества всегда противны выгодам частных лиц и наоборот.

Перенеситесь теперь мыслью в собщество 200 или более семейств и вообразите, что дробление более не существует в целой области; найдете ли вы и там ту же борьбу? Нет.

Изобретение и введение новой машины облегчает труд всех и каждого, увеличивая в то же время доход всех и каждого. Почему?

Потому, что никто в собществе не работает поденно, но всякий, будучи совладельцем, получает вознаграждение за капитал, труд и знание сообразно с общим доходом. Положим, что за вознаграждение труда в X году при общем доходе 100 тыс. было назначено 40 тыс. руб. и работник N получил за 2000 часов работы в год — 1000 р. Чрез введение новой машины доход возвысится в Y году до 120 тыс. и сумма вознаграждения труда до 15 тыс. р. Хотя бы работник N по причине введения машины работал положим вместо 2000 часов только 1000, однако, соображаясь с увеличением дохода, и его доход может возвыситься до 1200 р. вместо 1000 р., получаемых им в X году. Так что, чем более будет изобретено машин, тем труд становится легче, тем выше вознаграждение за легчайший труд.

4. Относительно труда торгового. Все, что производится земледельцем ли, фабрикантом ли, заводчиком ли, назначается для потребления; цель производства есть

---

[1], [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто; весь абзац отмечен на полях черным и красным карандашами и красным поставлен* №

потребление и, чем обширнее производство, тем полнее могут быть удовлетворены потребности человека. Но не все произведения потребляются на месте, не все потребности могут быть удовлетворены местными произведениями. Поэтому и рождается необходимость мены, возникает торговля. Для доставления произведений отдаленных государств или областей потребителю нужны агенты — торговцы. Но из этого уже следует, что торговые агенты нужны только в том случае, когда потребитель не может прямо получить своих потребностей от производителя, а следовательно торговец может и должен только быть агентом потребителя и производителя, но ни в коем случае самостоятельным лицом. Купец не улучшает продаваемых им товаров (а часто даже портит), не увеличивает ценности их и должен бы только иметь право получать за труд свое жалованье. Что же видим мы на деле? Купец * есть совершенно самостоятельное лицо и держит в зависимости как производителя, так и потребителя, превращая собственность производителя в свою. Располагая капиталами, торговцы достигли своей цели,[1] прекращения всяких * прямых сношений между производителями и потребителями, и, покупая товары сколь возможно дешевле, продают их сколько возможно дороже. Вы знаете положение помещиков, вы знаете, что большая часть из них принуждена стесненными обстоятельствами своими продавать произведения свои тотчас после жатвы, т. е. в ту минуту, когда цены низки, — купец же продает их, когда цены высоки, а возвысить их зависит совершенно от него самого, так как потребитель только у купца и находит нужные ему произведения.[2] Одним словом, как сказал великий человек, не признанный еще всеми, — торговля есть искусство покупать за 3 руб. то, что стоит 6, а продавать за 6 то, что стоит 3.

Как же будет производиться торговля в обществе? * Весьма просто. Все коммерческие обороты будут производимы советом его, без посредства нынешних купцов. Совет этот будет сноситься прямо с советами других обществ, городских и сельских, доставляя им те произведения, в которых они нуждаются, и покупая у них те, которыми они изобилуют.[3] Сколько тогда рук, вовсе не занятых, возвратятся к производительному труду, во сколько увеличится доход производителей и сократятся издержки потребителей!

Я до сих пор хотел только доказать, что торговля в настоящем виде, производимая даже без всякого обмана, вредна. Но что же скажете вы, если я изложу все преступления

---

[1] *отмечено на полях красным карандашом* [2] *отмечено на полях* [3] *частью подчеркнуто и отмечено на полях*

торговцев, банкрутство, порчу товаров, биржевую игру и т. п. Но это повело бы слишком далеко, об этом когда-нибудь в другой раз.

Мне следовало бы говорить еще о труде научном, художественном и воспитания; но вы понимаете, что такое изложение потребовало бы целых томов. К тому же вы сами можете дополнить сравнение двух противуположных систем, имея всегда в виду основные начала дробления и собщения.

Я не хотел вовсе говорить о труде правительственном, но не могу удержаться, чтоб не заметить мимоходом, *сколько выгод представляет собщение для правительства:[1] уничтожение на все времена беспорядков, нищеты, воровства; взимание податей без всякого затруднения, с величайшею исправностью, так как каждое собщество платило[2] бы подать за всех членов своих, перед разделением доходов.

* Не начинаете [л]и вы убеждаться, что собщение есть истинное назначение человечества, что дробление разливает вокруг себя нищету там, где собщение должно всех обогатить.[3] Конечно несколько писем, писанных наскоро, без плана, не могут дать вам настоящего *понятия о целой системе,[4] но я надеюсь, что они облегчают вам изучение науки общественного устройства.

В нашем веке время дорого для поборников новой науки, нам некогда останавливаться, какой-то внутренний голос беспрестанно *твердит: вперед, вперед.[5] Кто способен понять, тот поймет и по нескольким словам; нет времени убеждать всех и каждого, общество со всех сторон грозит разрушением, несколько слабых подпорок едва поддерживают ветхое, сгнившее строение; когда тут доказывать всем светским умникам, что подпорки ни к чему не годятся, что нужно строить скорее новое здание,[6] чтоб было где человеку приютиться и согреться. Коли долго толковать, дом обрушится, и останемся мы без покрова, под снегом и дождем, под зноем и ветром; повторяю, некогда долго рассуждать, кто способен понять, тот поймет, а остальные не откажутся перейти в новый дом, когда он будет готов. *К делу же, к делу![7] Великий архитектор дал нам план; к делу, смелые, понятливые строители, рубите деревья, жгите кирпич, куйте железо, складывайте твердый фундамент, срубайте высокий дом, пока не обвалилось ветхое здание и не погребло вас под своими развалинами.

---

[1] *подчеркнуто* [2] *от слов:* сравнение двух *отмечено на полях* [3] *отмечено на полях* [4] *подчеркнуто* [5] *подчеркнуто; вся фраза отмечена на полях* [6] *от начала абзаца отмечено на полях красным карандашом* [7] *подчеркнуто красным карандашом*

Пора *теперь приступить к самому трудному вопросу, без разрешения которого наше собщество не могло бы существовать и неминуемо бы разрушилось; вопрос этот заключается в гармонии людских страстей и в обращении труда в удовольствие.[1]

Об этом в следующем письме.

P. S. Также и о том, каким образом в собществе возможно справедливое распределение богатства, то есть каким образом при выделе из общего дохода причитающейся для каждого части, соответственно его капиталу, труду или знанию, не будет между соучастниками ни ссор, ни споров.[2]

II. 1848 г. октября 24. — А. П. Беклемишев. „О страстях и возможности сделать труд привлекательным"

Ч. 31, лл. 10—19. Копия. Поправки на копии, сделанные рукою Беклемишева, не оговариваются. Напечатано в кн. Л. Г. Райского „Социальные воззрения петрашевцев" Л., „Прибой", 1927, стр. 135—146

О страстях и о возможности сделать труд привлекательным

(Из переписки двух помещиков)

...Я еще не исчислил самых богатых источников производительности в благоустроенной общине, но соображая все, что было мною сказано до сих пор, вы уже могли убедиться, что собщение разливает богатство там, где раздробление производит только нищету. И в том нет ничего странного, ничего непонятного: *собщение, а не раздробление есть истинное назначение человека. В средине раздробления человек не на своем месте, страсти сталкиваются и борются, люди друг друга обманывают, терзают, обкрадывают и убивают... — справедливо.[3] Но разве это доказывает, что бог непремудр, что он создал нас дурными, что он вложил в грудь нашу гнусные или гибельные страсти, — как утверждают гг. философы моралисты и вся их честная компания? Все это доказывает только, *что человечество еще не подчинилось закону человечества,[4] что оно еще не находится в той средине, для которой созданы богом страсти и в которой они произведут вдесятеро более добра, чем сколько производят зла в настоящем обществе. Всякая форма общественная открывает страстям различные пути, то гармонические, то ложные, гибельные, хаотические. Нужно согласить

---

[1] *большая часть подчеркнута красным карандашом* [2] *далее в абзаце стоит:* П; *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто, отмечено на полях и поставлен* №3 [4] *подчеркнуто*

форму общественную с страстями, врожденными человеку, если хотим произвести целое стройное, а не беспорядочное. Но как согласить их? Для этого естественно представляются только два средства: * или подвести страсти под известную данную форму общества, или устроить форму общественную, согласно врожденным страстям человека.[1]

Гг. философы разных родов, разных калибров, философы-моралисты, философы-политики, философы религиозные, употребляли до сих пор первое средство, и каждый из них, создав в четырех стенах своего кабинета какую-либо форму общества, политическую, нравственную или религиозную, придя в восторг от своей мечты, смело или лучше сказать дерзко проповедывал необходимость переделать страсти по его рамке, по его выкройке. Бедные философы! Не подобны ли они Дон-Кихоту Ламанчскому, в битве его с мельницей?

* Не пора ли, наконец разобрать, кто умнее: бог, вложивший в грудь человека страсти, или философы, утверждающие, что их нужно переделать, подавить. Кто из них ошибся, бог, или философы?[2] Способ проявления стастей, сказал я выше, зависит от средины общественной, в которой эти страсти движутся, следовательно, если проявление страстей вредное, * то тщетно было бы пытаться подавить их, нужно просто изменить средину, в которой они движутся, т. е. форму общественную.[3]

* Но мне скажут, может быть, что есть дурные, гибельные страсти; я отрицаю это и признаю только, что есть вредные проявления страстей, происходящие от ложного устройства общества.[4] Дурных страстей, по моему мнению, не существует, но, чтоб объяснить вам мою мысль, я должен определить, что понимаю под словом страсть, словом, которое до сих пор было часто употребляемо в совершенно превратном смысле, без всякой системы; таким образом, иногда под страстью было понимаемо какое-нибудь ощущение или состояние души, и в этом смысле страстью называли надежду, любопытство, гнев, ненависть, грусть и т. п. Иногда под этим словом понимали только сильное ощущение и говорили например: «Честолюбие сделалось в нем страстью». Иногда наконец этим выражали непременно что-то дурное, и вы часто услышите в разговоре: «Он предан всем порокам, всем страстям».

Я понимаю под страстями только врожденные наклонности человека, влекущие его ко всему, от чего он ожидает себе счастия, и отталкивающие его от всего,

---

[1] *подчеркнуто* [2] *частью подчеркнуто, отмечено на полях* [3] *подчеркнуто, отмечено красным карандашом на полях* [4] *последние три слова подчеркнуты, отмечено красным карандашом на полях*

в чем он видит неприятность. Поэтому я * никогда не назову страстями леность, гнев, пьянство, страх, скупость, месть, зависть, — я называю их проявлениями страстей,[1] изменяющимися по обстоятельствам, тогда как страсти неизменны. И * действительно насилие, рассудок, воспитание могут удержать человека[2] от исполнения желания, родившегося в душе его, но не в состоянии помешать желанию родиться. Если вы голодны и, не имея гроша в кармане, увидите в лавке лакомый кусок, в вас непременно родится желание съесть его, хотя чувство чести, порожденное воспитанием, запретит вам исполнить ваше желание.

* Так как проявления страстей в том обществе, в котором мы н ы н е находимся, действительно вредные; так как в этом отвратительном обществе честолюбие, например, производит гнев, зависть, скупость, месть, воровство, притеснения и часто убийство;[3] любовь порождает разврат, обманы, убийство и самоубийство, — то люди смешали гнусные проявления страстей с самими страстями и провозгласили, что страсти вредны, гибельны, что их нужно п о д а в л я т ь. С этой минуты началась в человеке внутренняя борьба рассудка и правил морализма (нравственных наук) с его врожденными наклонностями, * в обществе борьба интересов общества с интересами частных лиц: естественное же следствие борьбы есть подавление одного и насильственное торжество другого до тех пор, пока побежденный в свою очередь победит победителя, — одним словом, с той минуты, как люди, вместо того, чтобы дать истинное направление страстям чрез изменения формы общества, взялись их п о д а в л я т ь — общество превратилось[4] в х а о с. Но творец мира не создал х а о с а, хаос не основан на предвечном законе, без того бог не был бы богом; если бог вложил в человека страсти, так не для того, чтобы они терзали его, разрушали счастье и его, и его ближних, творец не враг своей твари, а нежный отец. Отнимем же все вековые предрассудки, страсти существуют в виде врожденных наклонностей, следовательно, нужно искать средства не подавить их, что невозможно, но употребить их на благо человека; а для этого разберем предварительно эти врожденные наклонности, страсти, определим и назовем их, одним словом — а н а л и з и р у е м ч е л о в е к а.

Человек, созданный по образу и по подобию бога, т. е. существа совершенного, отличается от животного тем, что ощущения его двоякого рода: физические и нравственные; ощущение же есть только следствие проявления страсти, а следовательно и страсти должны быть различного рода.

---

[1], [2] *подчеркнуто* [3] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен* NB
[4] *подчеркнуто, отмечено на полях, поставлен* NB

Страсть открывается только при ее проявлении, а поэтому, чтоб определить страсти, нужно наблюдать страстенное притяжение. Но что понимать под этим словом? Я называю страстенным притяжением побуждение природы человеческой, предшествующее размышлению и существующее в человеке вопреки влиянию рассудка, предрассудков и принуждения.

Всегда и повсюду страстенное притяжение человека (т. е. побуждения, произведенные врожденными наклонностями) требовало достижения трех целей, а именно: 1) роскоши внутренней и внешней, т. е. здоровья и богатства; 2) сообщества с подобными себе, т. е. образования групп и рядов групп,[1] и 3) механизма страстей и характеров, т. е. совокупного — противуположного или попеременного их действия.

Это кажется мне бесспорным, каждый человек желает быть здоровым, иметь хорошую пищу, покойную и красивую одежду и удобное помещение; каждый чувствует потребность встречаться с подобными себе, а не быть вечно одному, и постоянно сетовал бы на свою судьбу, если б обстоятельства заставляли его посвящать все свои силы, сегодня, и завтра, и целую жизнь, одной какой-нибудь отрасли труда; если б он не мог перебрасываться от одного занятия к другому и если б никогда его не подстрекало соревнование. Я определил потребности природы человеческой; рассмотрим теперь элементы (составные части) этой природы, начиная с:

1. Склонности к роскоши. Потребность роскоши в обширном смысле может быть удовлетворена только чрез удовлетворение чувственных наклонностей человека, которых пять, давно всеми признанных, а именно: вкус, обоняние, слух, осязание и зрение. Понимая под страстями все врожденные наклонности человека без исключения, я должен, однако, для отличия от других назвать их страстями чувственными. Для удовлетворения вкуса нужна возможность употреблять именно ту пищу и те напитки, которые нравятся, и в таком количестве, в каком хочется каждому человеку; для слуха — музыка, для зрения — живопись, архитектура, для осязания — покойная мебель и удобное платье и т. д. Но возможность такого удовлетворения чувственных страстей зависит от здоровья и богатства или, как я сказал выше, от роскоши. Это кажется понятно; следовательно, склонность к роскоши можно назвать

---

[1] Слово ряды заимствовано мною из математики. Вы находите часто выражение — ряд арифметический, ряд геометрический. Я думаю, что это слово очень хорошо выражает некоторую массу групп, находящихся одна к другой в известной пропорции или иерархии. *Примеч. подлинника*

(руководствуясь законами физики) фокусом притяжения чувственных страстей. Итак, мы находим в числе страстей:

5 чувственных { вкус, обоняние, осязание, слух, зрение } коих фокус притяжения есть потребность роскоши

2. Склонность к группам и рядам групп. Группы или основные способы сношений между людьми могут быть четырех родов, а именно:

группа	дружбы
»	честолюбия [1]
»	любви
»	семейственности

Наблюдайте человека и вы убедитесь, что других способов сношений между людьми не существует, или все они подойдут под один из этих четырех общих разрядов, но вы заметите также, что всякий человек находится по крайней мере в одной из этих групп, иначе он обратился бы в животное с одними чувственными страстями и инстинктом.

Возьмите какое хотите действие человека, рассмотрите его, но не поверхностно, и вы найдете, что причина его заключается в одной из четырех групп. Но не всякий одинаково ощущает склонность к каждой группе, и каждая склонность господствует не с одинаковою силой во всех периодах жизни человека; таким образом, вообще можно сказать, что:

в детстве увлекает группа дружбы,
в юности — группа любви,
в возрасте полной силы человека — группа любви и честолюбия,
в зрелом возрасте — группа честолюбия,
в старости — группа семейственности.

Но группы эти могут быть гармонические или ложные; я тогда называю группу гармоническою, когда страсть, действительно в ней преобладающая, согласна с страстью выказываемою; а ложною, когда господствующая страсть не согласна с тою, которая служит вывескою. Таким образом, если я под предлогом дружбы зову к себе знакомого, а действительно хочу занять у него денег для выгодной спекуляции, то группа, нами образуемая, есть ложная, потому что в этом

[1] Под группою честолюбия я понимаю союз людей для достижения как почестей, так и богатства. *Примеч. подлинника*

случае дружба служит маскою честолюбию. Между нами группы гармонические весьма редки, особенно же группы дружбы и группы семейственности; в этих последних дети обыкновенно принуждены скрывать господствующие страсти под маскою страстей, предписываемых им родителями.

Всякая группа сверх того составляется по влиянию двух побуждений: нравственного и материального; таким образом, группа дружбы образуется по влиянию характеров и по роду производимого труда. Группа честолюбия образуется для достижения славы или почестей и богатства. Группа любви по влечению сердец и по чувственной наклонности; и, наконец, группа семейственности, т. е. семейство, по рождению и по усыновлению.

Итак, я нахожу, кроме чувственных страстей, еще новый разряд страстей душевных, удовлетворение которых требует образования групп.

Эти душевные страсти суть { дружба, честолюбие, любовь, семейственность } коих фокус притяжения есть стремление к группам

Как ни поверхностно изложение мое страстей человека, однако, я думаю, что достаточно объясняет вам, почему в настоящем обществе страсти причиняют столько вреда: не находя средств проявления гармонического, они бросаются на ложную дорогу. В заключение скажу еще несколько слов о качествах и отличиях разных групп.

Наблюдая группу дружбы, вы заметите, что при всяком занятии, при всяком действии все члены группы увлекают друг друга за собою в беспорядке, что потребность этой группы есть смешение всех классов и что замечания и выговоры, делаемые массою, охотно выслушиваются каждым членом.

В группе честолюбия начальники увлекают за собою подчиненных, которые имеют наклонность оказывать им повиновение и руководствоваться их советами.

В группе любви женщины увлекают мущин, которые имеют наклонность быть в зависимости от первых; кроме того, в этой группе, если она гармоническая, как мужчина, так и женщина имеют наклонность во всем слепо извинять друг друга.

В группе семейственности, наконец, родители увлекаются детьми и имеют наклонность исполнять желания детей и извинять все их проступки.

Между тем, в нашем обществе различные группы не могут предаваться естественному влечению, и потому в большей части групп не существует гармонии. Таким образом, напри-

мер, в группе семейственности, т. е. в семействе, родители действуют наперекор своим наклонностям, браня и наказывая детей, дети же неохотно следуют советам родителей, потому что природа человеческая требует, чтобы замечания были делаемы в группе дружбы и честолюбия. В группе дружбы также редко существует смешение классов: степень образования, состояние и положение в обществе разрывают часто самые дружеские связи.

Займемся теперь 3-ей потребностию страстенного притяжения, а именно:

3. Стремлением к рядам групп или механизму страстей и характеров.

Продолжая исследовать врожденные наклонности, вы заметите, что в каждом человеке есть какие-то силы, которые приводят в движение выше рассмотренные нами 9 страстей, и разлагая их, вы откроете еще особый разряд страстей, которых числом три и которые я назову распределяющими, потому что они распределяют группы по-рядно, чтоб удовлетворить потребностям в соперничестве, в согласии и в разнообразии.

1. В соперничестве. Эта страсть есть потребность в интриге, в борьбе, в противуположностях; она так естественна человеку, что все его игры от детства до старости представляют борьбу партий. Одушевляясь этою страстью, мы забываем усталость, увлекаясь рвением и удовольствием. Это род восторга, но восторга сознательного, потому что при нем человек расчитывает свои действия. Этой страсти дают разные названия, смотря по обстоятельствам, в каких она проявляется. То ее называют благородным соревнованием, то духом интриги, то искусством дипломатическим, то страстию к игре, торговым расчетам, завистью и проч.

Я назову ее соревнованием.

2. В согласии. Потребность в согласии рождается из страсти совершенно противуположной. Эти союзные дружественные группы, которые на нас смотрят, это огромное собрание людей, сочувствующее нашим усилиям, порождает в нас восторг, но восторг бессознательный, затмевающий в нас рассудок, побуждающий нас к подвигам мужества, самоотвержения, которые были бы невозможны, если б мы действовали хладнокровно. Удовольствие одностороннее, несложное не в состоянии было бы возбудить в нас этот восторг; он требует удовольствия, сложенного из множества удовольствий. Такое многостороннее удовлетворение, которое одно может породить эту страсть, побуждает меня дать ей название разносложности.

3. В разнообразии. Последний вид стремления к рядам представляет эта потребность, которую ощущают все

люди, потребность менять свои занятия. Даже удовольствие прискучает и делается приторным. Эту страсть, называемую непостоянством, обыкновенно считают пороком; мы увидим, что она предназначена к достижению целей, существенно полезных. Между прочим, ей-то именно дано предупреждать излишества, чрез поддержание равновесия между различными естественными наклонностями человека. Эту страсть должно назвать переменчивостью.

Итак, соревнование, согласие и переменчивость — вот три страсти распределяющие; группы должны распределяться по рядам, согласно с их требованиями.

Эти три страсти, столь важные, при настоящем устройстве общества вредны и превращаются в пороки. * Удивляться нечему: наше общество, не умея пользоваться самыми драгоценными дарами природы, страстями, чтоб извинить свое невежество, принуждено клеветать на бога и обвинять его в том, что он наполнил сердце человека пороками. Но будущее докажет, и, надеюсь, мы будем свидетелями этого торжества, что пороки не от бога, а от людей.[1]

Следующая таблица составляет перечень всего сказанного мною о страстях:

Страсти сердца	чувственные	вкус, обоняние, зрение, слух, осязание	которым фокус притяжения	стремление к роскоши
	душевные	дружба, честолюбие, любовь, семейственность		» к группам
	распределяющие	соревнование, переменчивость, разносложность		» к механизму страстей, т. е. к рядам групп

Я согласен, что полное удовлетворение этих врожденных наклонностей человека в нашем обществе невозможно; должен также заметить, что все эти страсти ныне приносят в тысячу раз более вреда, чем пользы; но разве из этого следует, что нужно их подавлять, особенно когда опыт доказал тщету всех стараний моралистов в этом отношении? Нет! общества изменяются, страсти же неизменны. Не пытайтесь же подавлять их, а старайтесь употреблять на пользу и удовольствие человечества, т. е. на труд производительный. * При этом напомню, что под трудом я не понимаю одну работу, но все отрасли деятельности человеческой. Для

[1] *отмечено на полях, поставлен* №

этого нужно прежде всего устроить труд таким образом, чтоб он обратился в у д о в о л ь с т в и е.[1] Не говорите, что это мечта, я надеюсь доказать Вам противное. Вы не забыли, вероятно, что в предыдущих письмах я объяснял выгоды собщения; теперь же буду говорить о том, как все страсти человеческие в собществе будут свободно развиваться и находить себе удовлетворение без вреда для ближнего и каким образом все они будут привлекать к труду, который сделается таким образом приятным.

Труд есть настоящее назначение человека; только посредством труда он делается истинно царем и владыкой природы. * Я рассмотрю теперь, какие условия должны быть соблюдены для того, чтоб страсти человека, выше рассмотренные, находили полное удовлетворение при производстве труда.

Соображаясь с чувственными страстями, то-есть с потребностями р о с к о ш и, в рабочих [помещениях?] должна быть соединена чистота с удобством и изящностью. Каждое место производства какой-либо отрасли труда должно быть убрано с роскошью, совместною с трудом. Как обращение, так и одежда сотрудников должны быть таковы, чтобы они не оскорбляли ни одной из чувственных страстей. Наконец, вознаграждение за труд должно быть достаточно велико, чтоб дать возможность трудящемуся пользоваться всеми произведениями его труда.[2]

Согласно второму разряду страстей, то-есть склонности к г р у п п а м, человек во время труда должен пользоваться сообществом людей, с которыми ему приятно встречаться по какому бы то ни было отношению.

Остановимся на минуту и посмотрим, удовлетворяются ли первые 9 страстей при труде в настоящее время. Не нужно большой проницательности и многих наблюдений, чтоб * убедиться, что при настоящих обстоятельствах чувственные и душевные страсти человека беспрестанно оскорбляются. Взгляните на фабрики и заводы, взгляните на сельские работы, что увидите вы? Грязное помещение, лохмотья, излишний жар или холод, люди работают под дождем и под снегом,[3] зарабатывая обыкновенно едва необходимое на хлеб насущный и поэтому никогда не имея надежды пользоваться произведениями своего труда. Недаром говорят: сапожник всегда без сапог! Эта пословица очень хорошо выражает труд нашего общества, в котором работник почти никогда не пользуется своими собственными произведениями.

При настоящем устройстве труда люди также или уединены, или находятся с людьми не по собственному выбору, но по требованию обстоятельств или по принуждению.

---

[1] *отмечено на полях* [2, 3] *отмечено на полях*

Вспомните теперь, что́ я говорил вам о выгодах собщения, которое, созидая большую массу общественного богатства, дает средство удовлетворять чувственные страсти, а собщая несколько сот семейств, позволяет каждому избирать себе сотрудников, а поэтому и удовлетворять душевные страсти, и вы убедитесь, что только в собществе могут быть удовлетворены страсти чувственные и душевные.

Может быть вы уже обвиняете меня в многословии и с нетерпением ждете средства сделать труд привлекательным. Будьте спокойны, я сейчас изложу его, но поверьте, что я сказал вам едва тысячную часть того, что нужно бы сказать для сколько-нибудь полного изложения теории страстенного притяжения; но излагать целую теорию в письме невозможно, к тому же, я думаю, будет достаточно несколькими общими словами обратить внимание ваше на этот предмет, * чтоб породить в вас желание ближе с ним познакомиться, а для того средств довольно; в следующем письме я рекомендую вам некоторые книги.[1] Но возвращусь к труду.

Менее всего умеет общество пользоваться самыми важными из страстей, теми, которые я назвал распределяющими. Применяя их к делу, вы увидите, что для удовлетворения их труд должен быть устроен таким образом, чтоб * между трудящимися было соревнование,[2] которое совершенствует качество произведений; чтоб трудящиеся могли, когда хотят, переменять занятия и избирать такое, которое им в ту минуту нравится, и, * наконец, чтоб они могли избирать ту отрасль, тот оттенок или ту часть труда, которые доставляют им большее удовольствие[3] и могут возбудить в них некоторого рода восторг. Вы понимаете уже, не правда ли, что труд таким образом усовершенствуется; избравши сам себе род занятия, я конечно буду лучше работать, с большим прилежанием, чем когда это делается по принуждению; соревнуя другому, я сделаю более, чем если б был один, и, наконец, избравши подразделение труда, а не целую отрасль, я приобрету в нем более ловкости, и произведения мои будут несравненно совершеннее.

Сообразите теперь все это и вы убедитесь, что труд должен при таких обстоятельствах сделаться не неприятным, но напротив привлекательным. И действительно. Какое различие между увлечением и работою? Почему увлечение приятно, а работа обыкновенно неприятна? Только потому, что увлечение зависит от вашей воли, а работа производится по принуждению физическому или нравственному. Охота, например, так же утомительна, как работа косаря, сеятеля или жнеца,

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2], [3] *подчеркнуто*

но первая производится без принуждения, а вторая по необходимости. Как же, наконец, устроить труд в обществе таким образом, чтоб три распределяющие страсти были удовлетворены? Вот вопрос, который следует разрешить. Для этого припомните письмо мое от 13 октября о труде, я разделял его на классы, классы на роды и так далее. Рассмотрите различные классы, роды, разряды и т. д. и вы заметите, что всего удобнее классифицировать не произвольно, но в том порядке, как классы, роды и т. д. ближе подходят один к другому. Например, вы понимаете, что труд научный ближе подходит к труду художественному, чем к труду домашнего хозяйства; что этот последний находится в большей связи с трудом земледельческим, чем мануфактурным. Таким образом, классифицируя как следует, вы получите ряд, серию видов труда. Примените теперь этот закон к разрядам, родам, разностям и т. д.—и вы найдете везде ряд или серию разрядов, родов, разностей и т. д. И в этом-то рядном устройстве и заключается тайна привлекательного труда, потому что только труд, производимый в таких рядах, может возбуждать соревнование, энтузиазм и удовлетворять потребности к переменам.

И действительно, положим, что в какой-либо общине разводится 7 главных сортов груш, которые я по рядному закону расположу в следующем порядке:

№ 1
2
3
4
5
6
7

Здесь сорт № 1 будет составлять переход от яблок, № 7 переход к сливам, так как груша есть фрукт, который можно классифицировать между яблоком и сливою, № 4 в этом случае самый совершенный сорт, № 2 и 3 суть сорты, восходящие от № 1 к 4-му, сорты же № 5 и 6 суть нисходящие и приближающиеся к № 7. Поэтому я и называю № 4 центром, №№ 1, 2 и 3 восходящим, а №№ 5, 6 и 7 нисходящим крылом. Естественно, сорт самый совершенный будет привлекать более всего охотников, 3 и 5 менее, 2 и 6 еще менее, а 1 и 7 совершенно незначительное количество охотников или лучше сказать групп, так как я уже прежде доказал, что все работы по врожденной наклонности человека к сообществу с себе подобными будут производиться группами, отдельные члены коих будут распределять между собою занятия. Вообразите себе, что такой ряд обра-

зован по одному свободному влечению всех работников. Что должно произойти?

Если разведением каждого из 7 сортов груш будет заниматься несколько г р у п п работников, то естественно возбуждается соревнование между группами, занимающимися разведением одного сорта груш, и между членами каждой группы; но сверх того заметно будет соревнование между группами сходных сортов, т. е. между № 1 и 2, между 2 и 3 и т. д. Но никакого соревнования не может быть между группами несходных сортов, и чем менее сходства, тем менее соревнования. Это кажется понятно. Поэтому группа № 4 будет в соревновании с группами № 3 и 5; а эти последние, не имея ничего общего, соединятся против групп № 4, которые в свою очередь соединятся с группами № 2 и 6, находящимися в соревновании с группами № 3 и 5, и т. д.

Таким образом, одна из распределяющих страстей — с о р е в н о в а н и е — находит полное удовлетворение при р я д н о м устройстве труда.

Вторая из этих страстей — р а з н о с л о ж н о с т ь — также удовлетворяется, потому что каждый наслаждается несколькими удовольствиями вдруг, занимаясь трудом по влечению, в кругу людей, близких сердцу, в виду толпы друзей и соперников. Надо [не] быть человеком, чтоб и тут не увлечься безотчетным восторгом.

Но каким же образом удовлетворять третью страсть, самую важнейшую быть может, п е р е м е н ч и в о с т ь? Не забудьте, что все роды труда должны быть устроены п о р я д н о, и в этом случае и эта страсть будет вполне удовлетворяема, потому что каждый может тогда переменять свои занятия примерно каждые 2 часа.

Итак, собщество доставляет средства к удовлетворению страстей чувственных; образование групп дает пищу страстям душевным, рядное устройство труда в собществе удовлетворяет страсти распределяющие, следовательно труд делается привлекательным. Расчислите теперь, если это возможно, восколько труд привлекательный усилит производство и улучшит произведения.

Неужели гг. моралисты и тогда еще будут поносить страсти?

Опять повторяю: изложение мое очень не полно и потому, бога ради, не судите по этим письмам о достоинстве т е о р и и с о б щ е н и я. Я буду доволен, если возбужу в вас только желание ближе ознакомиться с нею, и тогда я уверен, что с *вашею горячею любовью к человечеству,[1] с вашею жаждою истины, вы не отвергнете теории науки, представ-

---

[1] *подчеркнуто*

ляющей средство сделать людей счастливыми и водворить истину во всех их действиях.

«Но есть занятия, по существу своему не могущие сделаться привлекательными, тем не менее необходимые», — вероятно возразите вы. Вам так кажется теперь, и я мог бы доказать несправедливость вашего мнения, то это повело бы нас уже слишком далеко, я должен бы излагать вам всю теорию воспитания в собществе и анализировать промышленные наклонности детей. Покуда опять верьте на слово. Когда вы будете изучать науку собщения, вы * увидите, что всякое занятие сделается привлекательным. [1]

К тому же слушайте: без сомнения, нет никакого удовольствия подставлять грудь свою под пули, под ядра и штыки; без сомнения, нет удовольствия воткнуть нож, шпагу или штык в грудь человека без всякой личной злобы, а между тем чувство чести point d'honneur заставляет воина безбоязненно лезть на баттарею, из сотни жерл изрыгающую на него смерть, бросаться на штыки, чтоб грудью проложить строй, заставляет его рубить и резать себе подобных. Отчего? Оттого что ему стыдно бежать! Отчего всегда являются во время войны охотники на самые опасные предприятия, тогда как их никто к тому не принуждает и даже нет никакого стыда не вызываться в охотники? Отчего? Потому что желание отличиться, получить награду, заставляет их пренебрегать опасностью, смертью и ранами.

Неужели же не легче было бы сделать стыдом для человека бежать от работы, не легче ли бы отличиями и наградами побудить людей вызываться в охотники на трудные и неприятные для чувственных страстей, но полезные работы? А чувство чести, чувство блага общественного неужели не подстрекнут никого? Поразмыслите.

В заключение скажу два слова; тысячелетний опыт доказал, что страсти, несмотря на все проповеди и старания моралистов, нельзя подавить; вместо того, чтоб продолжать эту неблагодарную работу, не лучше ли приняться за изыскание средства употребить их на добро и пользу, т. е. на труд производительный? А если вы с этим согласны, то не отвергайте без разбора первого до сих пор представляемого средства.

Мне следовало бы еще говорить о распределении дохода между членами собщества, согласно капиталу, труду и знаниям каждого, — но пора окончить и отложить изложение этого предмета до следующего письма.

Село Никольское, 24-го октября 1848 года.

---

[1] *подчеркнуто*

65. 1849 г. мая 20.—Отношение за № 464 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 31, л. 20

Весьма секретно

Согласно с представлением вашего выскопр-ва, от сего числа, высочайше повелено: немедленно командировать в Ревель жандармского офицера, для арестования знакомого титулярному советнику Тимковскому находящегося ныне в означенном городе Беклемишева, которого доставить со всеми бумагами, которые у него найдены будут, по опечатании оных, в ведение ваше, м. г.

Сообщив о сем для надлежащего исполнения г. начальнику штаба корпуса жандармов, честь имею уведомить ваше высокопр-во.

Военный министр ген.-адъютант кн. Чернышев.

Директор свиты его вел. ген.-майор бар. Вревский.

66. 1849 г. мая 21.—Отношение за № 1055 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 31, лл. 21—21 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Г. военный министр объявил мне высочайшее повеление: немедленно арестовать в Ревеле знакомого титулярному советнику Тимковскому бывшего воспитанника лицея Беклемишева и доставить его, со всеми бумагами, которые у него найдены будут, по опечатании оных, в С. Петербург.

Командировав для исполнения означенного высочайшего повеления в Ревель капитана корпуса жандармов Шевелева, имею честь уведомить ваше высокопр-во, что предписал сему офицеру, дабы он, по доставлении Беклемишева в столицу, тотчас представил его, со всеми бумагами, к вашему высокопр-ву.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Л. Дубельт.

67. 1849 г. мая 26. — Отношение за № 96 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 31, л. 22

Секретно

М. г., Иван Александрович!

При рассмотрении бумаг надворного советника Беклемишева, не оказалось в них ничего относящегося к настоящему делу, ниже заслуживающего внимания.

Имея честь уведомить о сем ваше высокопр-во, покорнейше прошу вас, м. г., принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

68. 1849 г. мая 26. — Показания А. П. Беклемишева

Ч. 31, лл. 23—27. Автограф

По приказанию комиссии имею честь изложить письменно показания, сделанные мною при допросе 25-го мая.

Когда 23-го числа я был арестован в Ревеле капитаном корпуса жандармов Шевелевым, то был поражен удивлением, никак не ожидая того, но не мог приписать арестования моего ничему другому, как тому обстоятельству, что в числе лиц до того времени арестованных, как было известно мне, находились трое мне знакомых, а именно гг. Петрашевский, Спешнев и помощник мой, титулярный советник Тимковский. Знакомство мое с двумя первыми произошло следующим образом.

Я имел честь получить воспитание в императорском Царскосельском лицее, в котором находились также и гг. Петрашевский и Спешнев; но в лицее я их совсем не знал, так как мы были в различных курсах. Первый вышел, сколько мне помнится, тремя, а второй 4-мя годами ранее меня. После выпуска моего в 1841 году, я в следующем же году был отправлен на ревизию в Лифляндию и не видал ни того, ни другого и даже не слыхал о них до поездки моей в Петербург в феврале 1848 года. Должен, однако, заметить, что находясь в Дерпте, студент Цихановецкий рассказывал мне, что двоюродная сестра его, бывшая замужем за Савельевым, была увезена бывшим лицеистом Спешневым.

Находясь в Петербурге по делам службы, я жил у лицейского товарища моего, Пальчикова, к которому приезжали многие старые товарищи и знакомые; в том числе видел я там и г. Плещеева, которого знавал еще бывши в лицее. Тут-

то в первый раз слышал я о Петрашевском, а именно мне говорили, что он чрезвычайный оригинал, стрижет волосы под гребенку и носит длинную бороду [1] и четыреугольную шляпу. Сверх того говорили мне, что он интриговал, чтоб быть выбранным в какую-то городскую должность, давал избирателям обеды и вечера, и что у него постоянно по пятницам собираются некоторые товарищи и знакомые, а также и многие петербургские избиратели; об этих последних, сколько помнится, говорил мне Плещеев. Все это возбудило во мне желание видеть его; но в продолжение двух или трех недель я не исполнил моего намерения и только за неделю пред моим отъездом, когда уже знал наверное, что меня посылают в Ревель, я отправился к нему вечером * часов около 9-ти. Он сам отворил мне дверь, но я не узнал его, покуда он не назвал [2] себя и сказал мне, что очень рад видеть меня. Войдя в первую комнату, я нашел в ней человек 15 или может быть и 20, вовсе мне незнакомых, за исключением Плещеева и приехавшего позже Данилевского. Некоторые сидели, другие ходили, курили и пили чай, который разливал какой[-то] мальчик лет 15 или 16, как мне показалось. Я объявил при допросе, что не помню, был ли там Спешнев, но теперь помню, что его действительно не было, но что его ждали и что Петрашевский сказал: странно, что Спешнев не едет, он обещал быть в таком-то часу.

Кто там были, не знаю, потому что, спросив кажется Петрашевского, кто эти господа, он отвечал мне: всякая молодежь. По имени назвал он мне только одного, особенно поразившего меня, некоего Босаногло, турецкого происхождения. Кроме того, заметил я там одного высокого, худощавого, * стройного офицера в серебряных эполетах. [3] Говорил я довольно долго с Петрашевским, который рассказывал мне о предложениях, сделанных им на дворянских выборах, и о том, что он жаловался Сенату на министра внутренних дел и имеет также намерение жаловаться на губернского предводителя дворянства, который не допустил предложений его до обсуждения. За несколько времени пред ужином разговор сделался почти общим. Данилевский, я думаю с полчаса, говорил о счастии и о несчастии; я из всего понял, что он хотел доказать, что как то, так и другое совершенно относительно; и что поэтому можно с одинаковым правом говорить, что человек счастлив или несчастлив. Чтений никаких не производилось. Потом подали ужин, после которого я сейчас уехал, причем Петрашевский просил меня и впредь навещать его. Выходя, встретил я г. Ханыкова, которого видел

---

[1] *Исправлено из:* длинные волосы [2], [3] *подчеркнуто*

за два года пред тем студентом в Риге у его брата; мы только поздоровались. Об нем я вообще ничего не слыхал.

Спешнева я видел только один раз у Плещеева, пивши чай. Он говорил о философской системе какого-то господина, о которой я ничего не понял. На вопрос мой, в чем же заключается вся система, он отвечал: помирить Канта с Фихте.

Что касается до Тимковского, то я не знал его до присылки его ко мне помощником в Ревель в мае месяце прошедшего года. Назначение его произошло без ведома моего. Зная, что он приехал для лечения больной жены своей и что он имеет намерение осенью возвратиться в С. Петербург, я до августа месяца вовсе почти не занимал его по ревизии и потому и очень редко видался с ним. Будучи 10 годами по крайней мере его моложе, будучи несмотря на то его начальником и не чувствуя к нему личной симпатии, я не мог подружиться с ним. Разговоры наши в это время ограничивались рассказами о путешествии его вокруг света и чрез Сибирь. При этом должен я заметить, что все лето с последних чисел июня по конец августа прожил на даче в четырех или пяти верстах от города, почему еще реже видался с ним. Осенью, так как он не возвращался в Петербург, я поручил ему некоторые занятия и стал видаться с ним чаще, а именно: он обыкновенно два раза в неделю приходил ко мне обедать, иногда же только один раз. Я ходил к нему гораздо реже, потому что он жил очень далеко на конце предместия. В это-то время в первый раз говорил я с ним о социализме, по тому случаю, что он тогда читал соч[инение] Сю «Martin l'enfanttrouvé» и говорил мне, что находит в нем много интересных и чрезвычайно важных вопросов. Я был с ним в этом согласен, но заметил ему, что у Сю есть коммунистическое направление и что потому и весь роман его есть смешение разных противуречащих идей. Затем в октябре месяце, получив отпуск, он уехал в Петербург, чтобы искать места, говоря, что может быть вовсе не возвратится. Разговоров о религии до тех пор с ним никогда не было, но говорили часто о магнетизме.

В конце декабря г. Тимковский возвратился из С. Петербурга и объявил мне, что переходит в Военное министерство. Видались мы с ним не чаще прежнего. Он говорил мне, что познакомился в Петербурге с Петрашевским и Спешневым, что ему особенно и даже, как мне показалось, исключительно понравился этот последний, что * у Петрашевского бывает от 30 до 50 человек и что он говорил, между прочим, речь, которая произвела большой эффект.[1] В числе виденных им

[1] *подчеркнуто, на полях рукою Гагарина:* спросить Тимк[овского] — если не та самая, о которой упоминается в его показаниях, что по времени можно видеть

у Петрашевского назвал он, сколько я могу припомнить, Дебу и офицера Монбели́. Бывал он также часто у Спешнева.[1] * У Петрашевского, как он мне рассказал, говорили и о социальных вопросах, но больше о философии и о религии.[2] При этом-то случае сказал он мне, что был некогда фанатически религиозен, но что уже года два, что он переменил понятия свои, но скрывал это от жены своей, но что возвратившись из С. Петербурга у него[3] не было силы лицемерить и что он этим чрезвычайно огорчил жену свою, которая совершенно в отчаянии. Я сказал ему, что, зная религиозность жены его и слабое ее здоровье, он напрасно говорил ей об происшедшей в нем перемене и что во всяком случае он должен успокоить ее. Иногда он говорил мне о своих понятиях, о религии, о священном писании, о неоплатонизме, о кабалистике. Но в религиозные диспуты я с ним никогда не вступал, во-первых, потому что очень дурно знаю церковную историю, а во-вторых, потому что, признавая каждому право иметь какие он хочет мысли о вере, я требую того же уважения и для самого себя, и не желая, чтоб могли опровергать мои убеждения, я никогда не нападаю на религиозные верования других.

О социализме мы также говорили довольно часто после возвращения его в Ревель, а именно в генваре и феврале месяцах, но не иначе, как с глазу на глаз. В последнее же время мы видались гораздо реже и о социальных вопросах почти никогда не упоминали. В генваре месяце он говорил мне, что переводит книгу «Destinée sociale»;[4] впоследствии же он мне сказал, что перестал переводить. Раз он меня спросил, чем я занимаюсь, кроме службы. Я показал ему две записки, представленные мною г. министру внутренних дел, а именно «О гипотечной системе» и «Об ограничении дробления имений» и также то, что он назвал в письме к Спешневу lettres au помещик,[5] которые я тогда писал. Я знаю, что он переписывается с Спешневым, от которого, он говорил мне, что не получает никаких известий; но довольно часто получал он письма от брата своего.

От Петрашевского он действительно получил одно предлинное письмо, которое он мне показал, но на которое, он сказал мне, что не хочет отвечать.

* Письмо это было написано так темно и вычурно, и в нем была такая пропасть иностранных слов с русским окончанием, что я не имел терпения[6] прочесть его всего и еще меньше мог понять.[7] Как я уже сказал при допросе, он, ме-

---

[1] *к этому месту сноска рукою Гагарина:* сверить с показанием Тимков[ского] Ревельского [2] *подчеркнуто* [3] *вставлено* [4] *сноска рукою Гагарина:* показано ли Тимковским [5] *сноска рукою Гагарина:* удостоверенность [6] *вставлено* [7] *отмечено на полях*

жду прочим, упрекал г. Тимковского в том, что он слишком еще держится всех религиозных поверьев, как видно было из произнесенной им речи. Кроме того, он упрекал его в страсти к пустым фразам и в самолюбии. Он также говорил в этом письме, что Тимковский должен был заметить, что речь его многим весьма * не понравилась, [1] ибо они видели, что он желал только блеснуть своим красноречием, но что во всей его речи не было собственно никакого смысла. Вот все, что я мог понять. Письмо заключалось несколькими вопросами, столь же темными, как и все письмо; я помню только один: * «Какие по вашему мнению обязанности человека к богу, к самому себе и к обществу?» [2]

Сколько я мог заметить, мнения г. Тимковского о социализме были неопределенны и, если можно так выразиться, — мистические; он смешивал социализм, религию, магнетизм и кабалистику. Политикой он вовсе не интересовался и был в ней довольно несведущ, что я мог видеть по тем вопросам, которые он мне делал иногда, спрашивая, что нового в газетах; например, он спросил однажды, почему Пруссия поддерживает Данию против Германии.

Я всегда видел в нем в высшей степени суэтного и самолюбивого человека, а [3] по тому, что́ он рассказывал о чудесах, производимых магнетизмом, и о необычайной способности его к языкам, о том, как он ребенком выучился читать и едва ли и не писать в два урока, можно было счесть его и хвастливым. Впрочем, все, которым случалось его видеть, замечали в нем эти недостатки. Вообще же он был о б ы к н о в е н н о молчалив и казалось жил в каком-то отвлеченном мире.

Недели за четыре до арестования его один знакомый сказал мне, чтоб я предварил Тимковского, чтоб он был осторожнее, а то язык его может наделать ему много вреда. Я передал ему это, но он сказал мне, что все, что он говорил, не может повредить ему.

Когда было получено известие об арестовании его брата, то он действительно сказал мне: «чего доброго? может быть и меня возьмут!» На вопрос мой: «За что?» — он ответил: «За то, что я был у Петрашевского и говорил речь». Но потом прибавил: «Да впрочем, я ничего не говорил против правительства».

* Вообще я должен сказать, что, кроме этого случая, я видел его совершенно спокойным и даже он [4] смеялся, когда жена его боялась за него. Накануне арестования, как говорила мне жена его, он еще был на пикнике. [5]

Я не встречался с ним никогда ни в о д н о м доме; об-

---

[1] *подчеркнуто* [2] *подчеркнуто, поставлен* №3 [3], [4] *вставлено* [5] *отмечено на полях*

щества наши были совершенно различны. Сколько я слышал от него, он часто бывал у генерала Баранова, у некоторых моряков и у отставного полковника фон-дер-Ховена. Ни к одному из них он меня не приглашал, но когда приехало в Ревель семейство статс-секретаря Маслова, то он говорил мне, что ходит туда каждый вторник, и предложил мне представить меня, но я отказался, как потому, что не считал приличным знакомиться с семейством в отсутствие хозяина дома, так и потому, что я вообще избегаю новых знакомств, любя более семейную жизнь.

Утром в день его арестования мне сказали, что его арестуют вовсе не за связи с Петербургом, но вольнодумные разговоры в Ревеле. Вечером я слышал от того же человека, будто бы Тимковского обвиняют в том, что он сказал: 100 человек в Петербурге взяли, а 800 осталось. Так как я на другое же утро был сам арестован, то и не мог убедиться, в какой степени справедливо это обвинение.

При допросе мне показали письмо Тимковского, который пишет, будто он основал два cercles[1] в Ревеле. Я уже сказал, что это * чистая ложь или лучше сказать хвастовство, чтобы показать свое влияние.[2] По знанию моему местных обстоятельств, я смело могу сказать, что существование тайных обществ в Ревеле невозможно; весь город знал бы об том менее чем в три дня. Называет ли он может быть cercle посещения свои к фон-дер-Ховен и к морякам — не знаю. Но что касается до меня, то повторяю, что клянусь жизнью жены и детей моих, что я ни в каком cercle или другом обществе не участвовал и даже не знал о существовании такового. Все, которые знают меня в Ревеле, все местные власти могут засвидетельствовать, что у меня никогда не было никаких собраний, за исключением лишь что на масляницe, по случаю приезда отца моего, у меня раз был завтрак, а в другой раз 5 человек играли в карты и ужинали. Все могут также засвидетельствовать, что я нигде в обществе не встречался с Тимковским и что все разговоры мои доказывают, что я человек благомыслящий.

Я считаю нужным несколько подробнее выразить мое мнение о социализме, так как лишь в этом отношении у меня было что-нибудь общее с г. Тимковским.

Существование так называемых социальных школ сделалось мне известным из соч[инения] Штейна «Der socialismus und Communismus in Frankreich, Deutschland und England». Я стал изучать его, как изучал в то же время политическую экономию и юриспруденцию. Социализм поразил меня новостью взглядов, но так как я не при-

---

[1] кружка [2] *подчеркнуто*

надлежу к числу людей, легко увлекающихся новизною, то и долго не мог составить себе об нем положительного мнения, лишь мало-помалу мысли мои получили твердое направление, и я почувствовал себя способным сделать приговор.

Я отверг, как и всегда отвергал, коммунизм, — почитая его злом, язвою; я отверг и отвергаю его во всех видах его.

В системе Сен-Симона (но не учеников его, которых ученье мне кажется еще вреднее коммунизма) я нашел о д н у справедливую мысль, а именно, что период труда военного прошел и что теперь наступает период труда мирного.

В ученье Фурье я нашел полезным предположения его о преобразовании различных отраслей промышленности, мне особенно понравилось в нем то, что он восстает против всяких политических переворотов.

Я думаю, что не совершил ничего противузаконного, изучая социализм; напротив убежден, что как верный сын отечества, как верный подданный государя моего,[1] я должен изучать все, из чего думаю извлечь какую-нибудь полезную для государства мысль.

Я никому не сообщал моих убеждений, храня их для себя и готовясь только, когда будет возможно, представить на обсуждение высшего начальства плоды моих размышлений, как я уже и сделал это вышеупомянутыми двумя записками, представленными мною г. министру внутренних дел.

В социализме я всегда отвергал нападения на собственность, на законы нравственности и религии.

Рассматривая все мои действия, я нахожу только один поступок неосновательным, а именно, что изложил мысли мои не в записке, представленной правительству, подобно предыдущим двум случаям, но * в форме письма, и что я выпустил его из рук.[2] Но да послужит мне извинением то обстоятельство, что хотя я и получил от г. министра лестный отзыв о моем предположении, но я не видел никакого последствия, и потому думал, что если кто-либо, * имеющий более меня значения в свете, согласится с моими предположениями, то от этого скорее можно ожидать пользы.[3]

Восьмилетняя усердная служба, в продолжение которой никто не мог сказать мне, чтоб я упустил что-либо из виду относительно пользы государственной в моем кругу действия или чтоб я когда-либо поступил противузаконно или бесчестно, дает мне право надеяться, что слово мое не потеряло своего значения, и поэтому в заключение уверяю именем русского и честью благородного человека, что все мною здесь показанное истинно. Надворный советник Александр Беклемишев. 26-го мая 1849 года.

---

[1] *отмечено на полях* [2], [3] *подчеркнуто*

69. 1849 г. мая 31.— Отношение за № 1157 чиновника III отделения А. Сагтынского к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 31, лл. 60—61

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Эстляндский гражданский губернатор относительно арестованного в Ревеле надворного советника Беклемишева сообщил, что чиновник сей по должности оказывал всегда усердие, а по степени образования и по знаниям своим был весьма полезным; что нравственности он безукоризненной и, находясь несколько лет в супружестве, с женою своею жил кротко и в совершенном согласии, был не только нежным отцом детям, но и младшим братьям своим, которых воспитывал у себя и которые доселе посещают в Ревеле училищные заведения; что по образованному обхождению, которое обличало в нем благовоспитанного человека, по весьма привлекательной наружности, равно и по легкости, с которою он умел выражаться на разных иностранных языках, г. Беклемишев был принят в разных кругах общества и повсюду любим; что, впрочем, он имел, кажется, некоторую наклонность к идеям социализма.

За болезнию г-на управляющего 3-м отделением собственной его имп. вел. канцелярии, уведомляя о сем ваше высокопр-во, долгом считаю удостоверить вас, м. г., в отличном моем уважении и совершенной преданности. А. Сагтынский.

70. 1849 г. июня 16.— Показание А. П. Беклемишева

Ч. 31, лл. 28 и 31. Автограф [а]

Я имел уже честь объяснить комиссии, что мною было написано всего четыре записки в форме писем о различных переменах в производстве сельской промышленности. К несчастию, первых двух, тех именно, которые должны доказать, что я человек вполне благомыслящий и враг всяких переворотов и смут, недостает. Я надеюсь, что оба или по крайней мере первое из них будет найдено отцом моим и представлено в комиссию. Тем не менее я осмеливаюсь уже теперь вкратце изложить основную мысль их и некоторые отдельные мысли и фразы, которые считаю важными для себя.

[а] *помета:* получено июня 23-го

Довольно упомянуть только, какого рода был[1] план изложения моих мыслей, чтоб убедиться, что нельзя судить о всем сочинении по тем двум письмам, которые находятся здесь. А именно: первое письмо под заглавием «Несколько мыслей о положении помещиков в России» составляет одно целое; последующие же три составляют ответы на сделанные будто бы на первое возражения и потому суть лишь дополнения[2] его.

В этом первом письме, говоря об упадке благосостояния помещиков, я приписывал его трем главным причинам: дроблению безграничному поземельной собственности, рабочих сил и капиталов, крепостному состоянию и зависимости от капиталов и спекуляторов.

Говоря о вреде крепостного состояния для самих помещиков и сказав, что, кроме того, по моему убеждению, оно стыд для русского дворянства, я прибавляю:

«Вы может быть скажете: это напыщенные восклицания либерала! О, нет, поверьте, я не либерал, не приверженец конституций, ни монархических, ни республиканских, дарованных или завоеванных. По моему мнению, можно быть свободным в монархии, рабство часто господствует в республике. Когда-нибудь я скажу вам мое мнение о свободе, и вы увидите, что моя свобода не может быть опасна ни для какой формы правления. Теперь же я говорю только о свободе личной...»

Далее, не помню в каком месте, сказано:

«Вы найдете, вероятно, в изложении моих мыслей мало последовательности и системы; но этого нельзя и требовать от простого письма, не назначенного ни для печати, ни для распубликования и имеющего одною целью сообщить вам, одному из образованных помещиков наших, несколько мыслей, порожденных во мне наблюдением и изучением, и узнать ваше мнение...»

Я привожу эти слова, чтоб показать, что письмо это не было назначено на что-либо другое, как на то, чтоб быть показанным помещику.

Из этого же письма видно, что я никогда не полагал, чтоб помещики поместились в одном здании с крестьянами, напротив я упомянул, и то только мимоходом (а именно словами: не говоря уже о том...), что помещикам близлежащих деревень было бы выгодно и удобно построить себе для двух, трех семейств один хороший барский дом, и в доказательство возможности приводил дома в городах.

Письмо это оканчивается следующими словами:

«Чувство собственности есть лучшая гарантия обществен-

---

[1] *вставлено* [2] *в подлиннике:* доподнениями

ного порядка; поэтому кто любит истинную, а не мнимую свободу, кто хочет порядка, тот не может не согласиться, как выгодно (или другое какое-либо слово) возвести всю массу народонаселения на степень в каком-либо масштабе совладельцев поземельной собственности и тем заинтересовать их в охранении общественного спокойствия (или порядка)».

Во втором письме, под заглавием «О т р у д е», рассматриваются систематически различные отрасли промышленности. Говоря о ложных взглядах разного рода философов, между прочим, сказано:

«...и они (философы) дерзнули сказать: нет бога! Но оставим философов, этих высокомерных, напыщенных болтунов; положимся лучше на сердце наше, оно нас не обманет. О дереве нужно судить по плодам его, а каковы же плоды философии? Войны, революции, нищета!..»

Исчисляя различные отрасли труда, я говорю:

«...наконец, здесь следовало бы упомянуть и о труде административном (правительственном); но я с намерением пропускаю его (или не рассматриваю его), чтобы вы не смешали меня с толпою политиков, наводняющих землю и приносящих более вреда, чем пользы своими умствованиями, потому что, нападая всегда и всюду, с толком и без толка, на правительства, они довели их до того, что они должны опасаться всякого нововведения, даже полезного самим». Потом говорится:

«Да и может ли быть какая польза от политических реформ? Правительство есть всегда более или менее верное выражение нужд и потребностей или общественных отношений (состояния) народа; следовательно, оно есть результат, которого логически нельзя изменить. Но улучшите состояние (или общественные отношения) народа и тогда правительство, если оно дурно, изменится и улучшится само собою».

Эту последнюю фразу я не помню слово в слово, но мысль выражена верно.

Так как комиссии известно, кто мог читать упомянутые письма, то ей легко будет убедиться в истине слов моих.

Смею надеяться, что факты, мною приводимые, послужат доказательством, что я занимался изучением общественных вопросов из любознания и пламенного желания приобрести знания, которые могли бы быть полезны моей родине; что я во всем оставался верным правилам честного гражданина и верноподданного, что я враг всяких смут и что я могу быть виновен в ошибках, но н и к о г д а в преступных умыслах.

16-го июня 1849. Надворный советник Александр Беклемишев.

71. 1846 г. августа 19.— Письмо М. Ленца к А. П. Беклемишеву по поручению министра вн. дел Л. А. Перовского [a]

Ч. 31, лл. 29—30. Автограф. Приложено к показанию 16 июня

М. г., Александр Петрович!

Г. министр вн. дел, рассмотрев составленную вами записку о введении гипотечной системы в России, приказал изъявить вам свое особенное удовольствие и благодарность за столь полезный труд, который заслуживает и по цели и по самому исполнению полного одобрения. Описанная вами мера, по своей важности и несомненной для общественного кредита пользе, давно уже обратила на себя внимание его высокопр-ва Льва Алексеевича, а потому записка ваша приобщена к прочим заготовленным по сему предмету материалам и в свое время будет принята в соображение.

Уведомляя вас о сем, я поставляю себе приятнейшим долгом уверить и с своей стороны, что, по ближайшей мне известности ваших трудов, я высоко ценю полезную вашу службу и впредь ожидаю от нее самых благих результатов, особенно по тому важному делу, в котором уже более 4-х лет вы принимаете столь живое и деятельное участие.

В заключение прошу вас верить чувствам истинного моего к вам уважения и доброжелательства.

М. Ленц.

19 августа 1846. С. Петербург.

72. 1849 г. около 24 июня.— Выборка из показаний по делу А. П. Беклемишева

Ч. 31, лл. 32—46. Датировано на основании того, что составлено, повидимому, позднее других выборок; служило материалом для формального допроса, произведенного 24 июня

Беклемишев
надворный советник

Донесение Антонелли

В донесениях Антонелли о Беклемишеве ничего не упоминается. Но как в числе бумаг, опечатанных у помещика Спешнева, найдены три письма находившегося в Ревеле тит. с. Тимковского, с извещением, что он там деятелен, учредив два круга, и что Беклемишев написал ряд писем к помещику; то, по сделанному распоряжению, вслед за аресто-

[a] *помета:* получено июня 23-го

ванием Тимковского арестован был также и Беклемишев и доставлен в С. Петербургскую крепость.

Показания свидетелей

В бумагах Беклемишева, как уведомил статс-секретарь кн. Голицын, ничего подозрительного не оказалось. Но в бумагах, опечатанных у кол. с. Десбута 1-го, найдены две рукописи, под названием «Переписка двух помещиков», в которых излагается применение теорий социализма к общественному быту в России, с критикою настоящего в ней порядка разделения трудов. Рукописи эти Беклемишев признал собственными своими.

Показание обвиняемого

Беклемишев объяснил, что он познакомился с Петрашевским здесь в С. Петербурге, в феврале 1848 г., и был у него один раз только, за неделю пред своим отъездом в Ревель. Когда он пришел к Петрашевскому, то последний сам отворил ему двери; тогда у него было человек 15 или 20 вовсе незнакомых ему, Беклемишеву, кроме Плещеева и Данилевского, приехавшего позже, о других же Петрашевский на вопрос его отозвался, что это всякая молодежь. Разговоров тогда никаких особенных не было, и чтений никаких не происходило; после же ужина тотчас он, Беклемишев, уехал, причем Петрашевский просил и вперед навещать его. Спешнева он, Беклемишев, видел только один раз у Плещеева; что же касается до Тимковского, то он, Беклемишев, не знал его до того времени, как он был прислан к нему помощником в Ревель в мае месяце 1848 г., но и тогда только с осени, поручив ему некоторые занятия, он стал видеться чаще и в первый раз говорил с ним о социализме потому, что Тимковский читал тогда сочинение Сю «Martin l'enfant trouvé» и говорил, что находит в нем много интересных и чрезвычайно важных вопросов. В октябре месяце Тимковский уехал в отпуск в Петербург, а в декабре, когда он возвратился, то при свиданиях с ним, Беклемишевым, говорил, что познакомился в Петербурге с Петрашевским и Спешневым, что у первого из них бывает от 30 до 50-ти человек, что он, между прочим, говорил речь, которая произвела большой эффект, что у Петрашевского говорили и о социальных вопросах, но больше о философии и о религии. При этом случае Тимковский сказал ему, Беклемишеву, что он был некогда фанатически религиозен, но уже года два, как переменил понятия свои, о чем однако ж скрывал от своей жены; по возвращении же из Петербурга он не мог более лицемерить и этим чрезвычайно огорчил жену свою, которая в отчаянии. Иногда

Тимковский говорил ему о своих понятиях о религии и священном писании, о неоплатонизме и кабалистике, но он, Беклемишев, в религиозные диспуты никогда с ним не вступал. О социализме он, Беклемишев, говорил с Тимковским довольно часто по возвращении его в Ревель и не иначе, как только наедине; в генваре месяце сего года Тимковский говорил ему, что переводит книгу «Destinée sociale», но впоследствии сказал, что бросил этот перевод; сам он, Беклемишев, показывал Тимковскому две записки, представленные им к министру внутренних дел: о гипотечной системе и об ограничении дробления имений; кроме сего, он показал ему то, что он назвал в письме к Спешневу lettres au помещик, которые он, Беклемишев, писал тогда. Между тем, Тимковский показывал ему, Беклемишеву, одно весьма длинное письмо от Петрашевского, которое было написано так темно и вычурно, что он его не понял и не мог всего прочесть, помнит однако ж, что Петрашевский, между прочим, упрекал Тимковского в том, что он слишком еще держится всех религиозных поверьев,[1] присовокупляя, что должен был заметить, что речь его многим весьма не понравилась; письмо заключалось несколькими вопросами, также темными, и он, Беклемишев, помнит только один из них, именно: «какие, по мнению его, Тимковского, обязанности человека к самому себе и к обществу». Вообще, сколько он, Беклемишев, мог заметить, мнения Тимковского о социализме были неопределенны и, если можно сказать, мистические, он смешивал социализм, религию, магнетизм и кабалистику; политикою же вовсе не интересовался и был в ней довольно несведущ. Он, Беклемишев, всегда видел в нем человека в высшей степени суетного, самолюбивого и даже хвастливого, а когда недели за четыре до арестования его, по просьбе одного знакомого, предупредил его, чтобы он был осторожнее в разговорах, то Тимковский отвечал, что все, что он говорил, не может повредить ему; когда же потом получено было известие об арестовании брата его, то он, Тимковский, изъявляя опасение, что и его возьмут, на вопрос его, Беклемишева, за что? сказал: за то, что он бывал у Петрашевского и говорил речь, но что, впрочем, он ничего не говорил против правительства. Что касается до показанного ему при допросе письма Тимковского к Спешневу, в котором Тимковский упоминал, будто им основано в Ревеле два cercles, то это чистая ложь, или лучше сказать хвастовство, чтобы показать свое влияние; ибо он, Беклемишев, по знанию местных обстоятельств, может смело сказать, что существование в Ревеле тайных обществ невозможно, и сам он не только не

[1] *надпись рукою Гагарина:* вопр[ос] Петр[ашевскому]

участвовал ни в каком обществе, но даже ничего не знает об этом.

Затем Беклемишев изъяснил, что он считает нужным выразить несколько подробнее свое мнение о социализме, так как лишь в этом отношении у него было что-нибудь общее с Тимковским. О существовании социальных школ он, Беклемишев, узнал из сочинения Штейна и стал изучать его, как изучал в то же время политическую экономию и юриспруденцию. Социализм поразил его новостью взглядов; но как он не принадлежит к числу людей, легко увлекающихся новизною, то долго не мог составить о нем положительного мнения; однако ж мало-помалу почувствовав себя способным сделать приговор, отверг и отвергает, как и всегда, коммунизм во всех его видах, почитая его злом и язвою. В системе Сен-Симона (но не учеников его, которых ученье кажется ему еще вреднее коммунизма) он, Беклемишев, нашел одну справедливую мысль, а именно, что период труда военного прошел и что теперь наступает период мирного труда; а в учении Фурье нашел полезным предположения его о преобразовании различных отраслей промышленности, особенно же ему понравилось в нем то, что он восстает против всяких политических переворотов. Он, Беклемишев, полагает, что не совершил ничего противузаконного, изучая социализм, в котором всегда отвергал нападения на собственность, на законы нравственности и религии, а напротив убежден, что как верный сын отечества, должен изучать все, из чего думает извлечь какую-нибудь полезную для государства мысль. Рассматривая все свои действия, он, Беклемишев, находит только один поступок неосновательным, а именно: что он изложил мысли свои не в записке, представленной правительству, как это сделал прежде, но в форме письма, которое выпустил из рук. Однако ж в этом случае может служить ему извинением то обстоятельство, что хотя он, Беклемишев, и получил от министра лестный отзыв о своем предположении, но не видел никакого последствия и потому думал, что если кто-либо, имеющий более его значение в свете, согласится с его предположениями, то от этого скорее можно ожидать пользы. В заключение Беклемишев присовокупил, что он уверяет именем русского и честью благородного человека, что все показанное им истинно.

73. 1849 г. около 24 июня. — Выписки из бумаг А. П. Беклемишева

Ч. 31, лл. 47—50 об. Датировано так же, как документ 70

При рассмотрении бумаг Десбута 1-го найдены, между прочим, две рукописи сочинения Беклемишева, составляющие

извлечение из переписки двух помещиков; в сих рукописях изложено применение теорий социализма (по системе Фурье) к общественному быту в России, с критикою настоящего в ней порядка разделения трудов.

В первой рукописи определена система устройства труда.

По мнению автора, для производства труда существуют только две системы: дробления и недробления. Сравнивая результаты обеих систем в отношении труда домашнего, земледельческого, мануфактурного и торгового, он выводит положительный вред системы дробления и положительную пользу системы недробления, или так называемой им системы собщения.

В противоположность к пагубным следствиям производства нынешнего домашнего хозяйства в семейном быту (система дробления), он выставляет выгоды общей жизни нескольких сот семейств (система собщения). Таким образом, вместо грязных, жалких изб наших крестьян, он предлагает выстроить, примерно для 200 семейств, один трехэтажный дом, внизу поместить детей и стариков, которым трудно или опасно ходить по лестницам. Дряхлые люди имели бы или каждый свою маленькую комнату, или по желанию могли бы помещаться несколько вместе. Дети жили бы все вместе в больших, светлых комнатах: в одной — грудные, в другой 2-х и 3-летние, в третьей — от 3-х — 6-ти лет и т. д., отделяя мальчиков от девочек; вследствие сего уменьшится число лиц, всегда даже между бедными крестьянами теряющих время для надзора за детьми. Внизу также поместилась бы кухня, которая жаром своим посредством труб могла бы нагревать верхние этажи. Во втором этаже будут расположены различной величины квартиры отдельных лиц или семейств, в третьем, наконец, мастерские.

По ту сторону дороги, проходящей пред домом общества, построится конюшня, хлевы, скотный двор, сараи для хранения разного рода орудий, телег, сена, хлебные амбары и другие хозяйственные строения.

Итак, вместо 200 изб — одно строение, вместо 200 сараев, хлевов, амбаров и т. д. — один сарай, один хлев, один амбар. Сравните теперь, прибавляет Беклемишев, следствия обеих систем: дробления и собщения в этом случае; где будет больше экономии труда, издержек, материалов? Где люди будут жить с бо́льшим удобством?

Столь же благоприятные, по его мнению, следствия проистекают от учреждения сообщества для земледелия.

Дробление истощает землю, умножает число работ, относительно бесполезных, препятствует улучшению пород животных и по недостатку капиталов не позволяет введения усовершенствованных способов обработки, устройства машин

и приобретения разных новых, более удобных орудий. При учреждении собщества, напротив того, не нужно ни заборов, ни канав, ни меж для разграничения участков, не нужно сторожей у полей, садов и огородов, потому что при превращении частной собственности в общее владение было бы нелепо предполагать, чтобы кто-нибудь решился обокрасть самого себя. Итак, при новом порядке вещей, выводит Беклемишев, воровства не может более существовать, равно как не будет и ленивцев, ибо труд будет привлекательным и приятным для всех; не будет больше рабов порою потрясающих самое твердое иго; а следовательно не будет более революций, принимая то в соображение, что помещики, т. е. владельцы, суть лучшие и вернейшие защитники порядка и враги смут, при собщении же помещиков и крестьян все без исключения будут врагами беспорядков, — тогда помещики не будут более, как ныне, дрожать за жизнь свою ежеминутно; не будет больше нищих, в вечной борьбе с обществом, отказывающим им в насущном хлебе, не будет пролетариев, не будет отверженцев.

Вообще, заключает Беклемишев, собщество в труде земледельческом, как и во всяком другом, употребляет 10 рук там, где при дроблении требуется 100, а между тем эти 10 рук работают лучше, чем ныне 100 рук.

Далее Беклемишев пишет: в нашем отвратительном обществе всякое улучшение какой бы то ни было отрасли промышленности влечет за собою обеднение какого-нибудь класса, и выгоды общества всегда противны выгодам частных лиц и наоборот. Таким образом, введение машины лишает ныне работы сотни и тысячи работников, при системе же собщества 200-ти или более семейств изобретение и введение новой машины облегчает труд всех и каждого, увеличивая в то же время доход всех и каждого, потому что никто в собществе не работает поденно, но всякий, будучи совладельцем, получает вознаграждение за капитал, труд и знание, сообразно с общим доходом.

Торговля в настоящем виде, производимая даже без всякого обмана, по мнению Беклемишева, вредна; она есть ныне ни что иное, как искусство покупать за 3 руб. то, что стоит 6, а продавать за 6 то, что стоит 3; купец или торговец есть самостоятельное лицо, которое держит в зависимости как производителя, так и потребителя, превращая собственность производителя в свою; располагая капиталами, торговцы достигли своей цели, прекращения всяких прямых сношений между производителями и потребителями, и, покупая товары сколь возможно дешевле, продают их сколь возможно дороже. Между тем, купец должен быть только агентом потребителя и производителя, но ни в каком случае самостоя-

тельным лицом, он не улучшает продаваемых им товаров (а часто даже портит), не увеличивает ценности их и должен бы только иметь право получать за труд свой жалованье.

В обществе все коммерческие обороты будут производимы советом его, без посредства нынешних купцов. Совет этот будет сноситься прямо с советами других обществ, городских и сельских, доставляя им те произведения, в которых они нуждаются, и покупая у них те, которыми они изобилуют.

Эту первую рукопись Беклемишев заключает воззванием: к делу же, к делу! Тут он пишет, что нынешнее общество со всех сторон грозит разрушением, называет оное ветхим, сгнившим строением, которое едва поддерживают несколько слабых, ни к чему не годных подпорок, что нужно по плану, данному великим архитектором, скорее строить новое здание, пока не обвалилось ветхое и не погребло всех под своими развалинами.

Во второй рукописи он излагает гармонию людских страстей и обращение труда в удовольствие.

Рукопись сия отличается более теоретическим содержанием.

74. 1849 г. июня 24. — Допрос А. П. Беклемишева по вопросным пунктам

Ч. 31, лл. 51—59. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросные пункты имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отечество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Зовут меня Александр Петров Беклемишев, отроду мне 24 года 11 месяцев, православного вероисповедания. Намереваюсь говеть в августе месяце, так как не мог сего исполнить великим постом, по случаю родов жены моей.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Мать моя умерла; отец же мой отставный подпоручик Петр Дмитриевич Беклемишев живет в имении своем, Алексинского уезда Тульской губернии.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет и когда окончили воспитание?

[О.] Воспитывался в императорском Царскосельском лицее на казенный счет, будучи представлен в числе лучших

воспитанников из Московского дворянского института. Окончил курс в 1841 году.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность и какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

[О.] Нахожусь на службе в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений, имея чин надворного советника; вступил в службу первоначально в 1841 году в Почтовый департамент, а в 1842 году был переведен по моей просьбе в Министерство внутренних дел и тотчас же отправился на ревизию в Лифляндскую губернию. Под следствием и судом никогда не был.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] После смерти матери моей, мне досталось, обще с тремя малолетными братьями и сестрою, имение с небольшим в 100 душ Тульской губернии Одоевского уезда. Женат я на дочери служащего лектором в императорском Дерптском университете коллежского советника Пезе-де-Корваля; имею двух дочерей; но сверх того воспитываю у себя двух братьев и сестру.

Живу я содержанием, получаемым от казны, и вспоможением, даваемым мне отцом моим.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] Находясь с 1842 года в Лифляндской и Эстляндской губерниях и переезжая беспрестанно из одного города в другой, я не мог в это время иметь близких знакомств. Вообще я жил чрезвычайно уединенно. Постоянно два раза в год посещал меня в Ревеле тесть мой с семейством своим, а также приезжал и отец мой. Сверх того, видался раз или два в неделю с помощником моим, г. Тимковским, с генералыпею Кальм и с местными властями, как то: с гражданским губернатором, полицмейстером.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границею?

[О.] Постоянную переписку имел лишь с отцом и тестем моим, писал раз и два в неделю. Сверх того, сколько помню, писал я раз к лицейскому товарищу моему Кальму, два или три раза по делам службы статскому советнику Ханыкову; * два раза г. Плещееву,[1] раз пять товарищу моему по службе статскому советнику Штакельбергу.

---

[1] *подчеркнуто*

За границу случилось мне писать к одному знакомому, г. Морелю, брату умершей приятельницы жены моей, который был здесь два года гувернером. Содержание письма моего видно из ответа, полученного мною от его матери; ответ этот должен находиться в числе взятых у меня бумаг.

Надворный советник Александр Беклемишев.

[В.] В каких отношениях вы были с Петрашевским и Спешневым?

[О.] Я находился в одно время с Петрашевским и Спешневым в императорском Царскосельском лицее, но в разных курсах, не видал их после их выпуска до 1848 года, когда встретил г. Спешнева один раз вечером у Плещеева за чаем. При этом я с ним почти не вступал в разговор, потому что он только рассказывал о какой-то отвлеченной философской системе, — с тех пор я его не видал.

Петрашевского я видел у него, отправившись раз вечером к нему, слышавши о том, что у него постоянно собираются по пятницам. Я пробыл часа два и, как имел уже честь показывать, говорил с ним о его проектах на выборах дворянства. Разговор из частного сделался пред ужином общим, и г. Николай [1] Данилевский говорил об относительности вопроса о счастии. Это было за несколько дней до моего отъезда. Я сам тоже говорил Петрашевскому, что занимаюсь вопросом о крестьянах. Беклемишев.

[В.] Содержание ваших сочинений под названием: «Переписка двух помещиков» составляет прямое применение системы Фурье к России. Покажите, по какому случаю письма те были вами составлены?

[О.] Написанные мною в форме писем четыре записки, заключающие в себе мысли о положении помещиков и крестьян в России, действительно заключают в себе много мыслей, заимствованных мною из системы Фурье, хотя многое было уже предлагаемо мною прежде, чем я что-либо знал о системе Фурье, а именно о гипотечной системе и об ограничении дробления имений, о чем я представлял некогда г. министру внутренних дел. При составлении их * я не имел другой цели, как, во-первых, выразить [2] для самого себя те мысли, которые были во мне порождены изучением социализма и которые я считал по совести полезными для государства, а во-вторых, узнать о них мнение человека специального и более опытного, с чем естественно соединялось и желание, чтоб мысли эти были им найдены справедливыми.

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто; весь дальнейший текст этого ответа отмечен на полях*

Говоря о человеке специальном, я не имел в виду кого-либо именно, но вообще опытного помещика. Беклемишев.

[В.] В сочинении вашем под заглавием «Переписка двух помещиков» заключаются между прочим слова: «к делу же, к делу»! Слова эти представляют вид воззвания. Дайте об этом объяснение.

[О.] Когда я писал эти слова, то не *имел намерения[1] сделать их воззванием; но чувствуя отсутствие полноты и недостаток внутреннего достоинства в изложении моем, я как бы хотел заменить его достоинством наружным, некоторого рода блестящей фразой. Впрочем, и тут ее не должно принимать в прямом смысле, но лишь в том, что нужно создать общественную науку. Беклемишев.

[В.] Почему письма эти распущены в публику и нашлись в руках у приверженцев системы Фурье, составлявших круг Петрашевского?

[О.] *Я желал, чтоб какой-нибудь человек, имеющий авторитет в деле сельской промышленности, разделил мои мнения;[2] но каким образом письма эти попали в круг Петрашевского, не знаю, так как их был только один экземпляр у меня. Беклемишев.

[В.] Кому именно переданы были вами означенные письма?

[О.] *Они были посланы мною отправлявшемуся в Москву Плещееву,[3] именно с просьбой сообщить их кому-либо из помещиков. Посланы они были мною на первой неделе поста. Беклемишев.

[В.] В каких отношениях вы были с Тимковским, и он от вас или вы от него заразились социальными идеями?

[О.] С Тимковским я познакомился лишь в Ревеле около году тому назад. *Когда он в первый раз говорил со мной о социализме, а именно по тому поводу, что он читал роман Сю, то я уже занимался социализмом,[4] т. е. читал многие сочинения социалистов. После того мы часто довольно говорили о различных вопросах социализма. Беклемишев.

[В.] Что вы можете показать о существовании социализма в Ревеле?

[О.] Сколько я знаю, в Ревеле не было никого приверженцев социализма или вольнодумных людей. *Что касается до Тимковского, то мне также неизвестно,[5] чтоб им были основаны какие-либо кружки, и по знанию моему местных обстоятельств и особенно общественного характера, я считаю невозможным, чтоб такие кружки могли существовать без того, чтоб о них не знали. Беклемишев.

---

[1] *подчеркнуто, вся фраза отмечена на полях* [2] *отмечено на полях* [3] *отмечено на полях, поставлен* № [4], [5] *отмечено на полях*

75. 1849 г. июля 15 и позже.— Бумаги, полученные Следственной комиссией от отца А. П. Беклемишева [а]

I. 1849 г. июня 28.— Письмо В. Норова П. Д. Беклемишеву. Тула

Ч. 31, лл. 62—62 об. Подпись — автограф. Доставлено 15 июля, согласно журналу Следственной комиссии

М. г., Петр Дмитриевич!

Оставленный Вами у меня проэкт о недроблении недвижимых имений я, по прочтении оного, поспешил в первых днях этого месяца возвратить в страховом конверте на имя Ваше в город Алексин, никак не ожидая, чтобы Вы уехали уже в Санкт-Петербург. На письмо же Ваше, полученное мною оттуда 8-го июня, я не отвечал Вам потому, что Вы не приложили адреса, да и это пишу наудачу, не знаю, получите ли Вы своевремянно.

Желая Вам и сыну Вашему полных успехов в Ваших предприятиях, с совершенным почтением и преданностию честь имею быть.

Ваш, м. г., покорнейший слуга Владимир Норов.
Июня 28-го дня 1849 года. Г-д Тула.

II. 1847—1848 гг.— А. П. Беклемишев. Записка об ограничении дробления имений

Ч. 31, лл. 63—74 об. Черновик. Поправки на копии и вставки сделаны рукою Беклемишева, а с л. 68 об. — автограф. Написано позже записки о гипотечной системе, которая, судя по документу 73, была подана министру в 1846 г., и раньше знакомства Беклемишева с системой Фурье, под влиянием которой написана „Переписка двух помещиков".

Доставлена 15 июля, согласно журналу Следственной комиссии [б]

Об ограничении дробления имений

На основании существующих государственных законов два юридические лица в империи имеют исключительное право владеть населенными имениями, то-есть тою частью земли, в которой сосредоточивается сельское хозяйство в обширном смысле: эти два лица суть правительство и дворянство. Даже при поверхностном лишь взгляде на эти два юридические лица, оказывается огромное различие в отно-

---

[а] *помета:* Беклемишев. Г. Председателем ком[иссии] получены от отца Беклемишева.

[б] *В выписке из дела об А. П. Беклемишеве указывается, что в доставленном позднее черновом проекте записки о недроблении недвижимых имений, представленной „некогда" министру вн. дел, не содержится „ничего преступного и общего с первыми двумя письмами"*

шении их к земле, ими владеемой, и к крестьянам, населяющим и обрабатывающим ее. Правительство, заключая в себе законодательную и распорядительную власть и владея большим пространством земли и большим числом крестьян, имеет средство сосредоточить управление оными в одном месте и таким образом имеет всегда верный и общий взгляд на все сельское хозяйство в имениях, ему принадлежащих. Через представителей своих — чиновников — оно может каждую минуту знать положение каждой отдельной части управления; основываясь на статистических сведениях и наблюдениях, доставляемых ими, оно удостоверяется в нуждах и потребностях крестьян и изыскивает средства к улучшению состояния их. Никакая издержка не может остановить его, если оно ожидает от оной пользы; располагая большими капиталами, оно может употребить миллионы на улучшение этой части, не ожидая прямой для себя выгоды. Все улучшения, сделанные в других краях в земледелии, известны ему, и оно может приспособлять их к обстоятельствам и местным потребностям; ничто не укрывается от бдительного взора его; положение крестьян при таких обстоятельствах может и должно быть цветущее, сельское хозяйство может и должно улучшиться, потому что правительство может дать ему общее направление.

Не таковы обстоятельства, в которых живут и действуют дворяне-помещики, не таковы отношения их к земле и крепостным крестьянам их. Каждый из них составляет одно отдельное целое, не состоящее в связи с другими; и хотя дворянство каждой губернии имеет представителей своих — предводителей уездных и губернских, но эти представители не [1] имеют прямого влияния на сельское хозяйство губернии, да [2] и не заботятся об оном, предоставляя каждому помещику управлять, как он хочет. Вообще, по мнению нашему, в [3] отечестве нашем лишь сословие дворян имеет представителей интересов своих, интересы же помещиков, заключающиеся в улучшении земледелия и быта крестьян, предоставлены совершенно произволу каждого отдельного лица. Далее, общая масса дворян-помещиков состоит из владельцев незначительных имений, обремененных большею частью казенными и партикулярными долгами, проценты и уплата коих требуют большую часть дохода, оставляя помещику едва средство поддерживать свое существование и [4] лишая его всякой возможности произвести необходимые улучшения в хо-

---

[1] не имеют *вставлено рукою Беклемишева вместо зачеркнутого:* не находятся в беспрестанных и тесных сношениях с помещиками, во всяком случае не могут иметь [2] да... отдельного лица *вставлено на полях; впереди зач.:* так как [3] *зач.:* имп [4] и... пользу *вставлено вместо зачеркнутого:* таким образом всякая экстраординарная издержка, какую бы пользу она ни принесла, невозможна для владельца

зяйстве, какую бы пользу впоследствии он ни ожидал от них.

Таким образом, *первый владелец — правительство [1]—дает единодушное сильное направление всему механизму управления недробимым пространством земли и числом крестьян; * второй — дворянство [1] — обладает собственностью, разделенною на бесчисленные участки, владельцы коих не имеют между собой связи и * которые обречены законом со дня на день делаться беднее, — законом, утвердившим безграничное дробление имуществ; вот зло, которое мы ближе рассмотрим в этой записке и при существовании коего все меры, [2] принимаемые к улучшению сельского хозяйства, быта крестьян и помещиков, будут ничтожны. Что [3] же касается до недостатка связи между помещиками для единодушного действия на сельское хозяйство, то об этом мы будем говорить в конце этой записки.

Дворянские имения бывают двух родов: родовые, доставшиеся по наследству, и благоприобретенные. Если помещик делает завещание на случай смерти, то может располагать благоприобретенными по произволу своему, при завещании же родовых руководствоваться постановлениями закона. Эти же самые постановления имеют силу при наследстве не по завещанию и определяют, что

1) сыновья получают каждый наравне один с другим,
2) дочери каждая $^1/_{14}$ часть,
3) мать или отец $^1/_7$ часть.

Таким образом, закон утвердил безграничное дробление имений. Полезно или вредно оно — вот вопрос, которым мы займемся. Две системы представляются нам при переходе поземельной собственности из одних рук в другие: система майоратов и система дробления. Мы попробуем теперь сравнить выгоды и невыгоды, ими представляемые. Прежде всего, однако, должны мы сказать, [4] что [5] при рассмотрении этого предмета мы не будем брать в соображение никаких частных

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *подчеркнуто, отмечено на полях и поставлен* №; *также отмечено красным карандашом* [3] Что... записки *вставлено на полях* [4] *зач.:* мнение наше о справедливости и пользе, так как всякие важные вопросы рассматриваются обыкновенно относительно этих двух понятий. Одни подчиняют [*исправлено Беклемишевым из:* рассматривают] справедливость пользе и говорят — да погибнет свет, но да исполнится закон. Другие подчиняют пользу справедливости [*исправлено из:* справедливость необходимости].

Первым мы ответим, что несправедливо и бессмысленно подчинить живую мысль мертвому слову; вторым, что правда должна торжествовать, несмотря ни на какие препятствия, мы же из этих двух понятий выводим одно, а именно: только то справедливо, что полезно для общей массы человечества, т. е. для государства [*три слова вставлены*]. Справедливо ли и поэтому и [5] что... государственных выгод *вставлено*

сословных выгод и предубеждений и руководствоваться только [1] соображением общих государственных выгод.

Полезно ли для государства [2] учреждение майоратов, как общего правила при наследстве поземельного имущества?

* Майораты, сосредоточивая в одних руках большое пространство земли, дают в о з м о ж н о с т ь заниматься сельским хозяйством в обширном [3] размере, приспособлять к нему всяческие улучшения и поэтому и усовершенствовать имение.

Несомненно, что достижение такой цели важно для каждого государства, а тем более для такого, в котором сельское хозяйство составляет главную отрасль промышленности. Мы сказали бы даже, что учреждение это полезно, если бы возможность улучшить сельское хозяйство при таких обстоятельствах превратилась в необходимость и непременную обязанность. К сожалению, опыт доказывает нам противное.

В учреждении майоратов несправедливо то обстоятельство, что старший сын наследует поземельное имущество, несправедливо как [4] оттого, что один сын имеет таким образом преимущество перед прочими братьями и сестрами своими, так и потому, что от этого может произойти вред для [5] государства. Для того, чтобы быть хорошим сельским хозяином, не достаточно образование и теоретическое изучение, необходим опыт, необходимо расположение [6] к делу и даже самоотвержение, потому что, принявши раз управление имения, нужно, чтобы улучшить его во всех отношениях, отказаться от многих наслаждений, нужно жить почти безвыездно в деревне, нужно * сделаться самому первым разумнейшим работником. [7] Недостаточно удобрить поля, осушить болота, получить обильную жатву и продать по высокой цене хлеб, нет! нужно изучить подробно все обстоятельства края, изучить потребности, нужды и средства крестьян, нужно дойти до убеждения, что каждый помещик только тогда законный владелец, когда он принесет пользу государству в своем кругу * действия, и что как скоро он не только в р е д е н, но даже б е с п о л е з е н, то он совершает преступление против отечества своего. [8]

Владелец обширного имения умирает; у него остаются два сына. Положим, что старший (что весьма часто случается) имеет мало расположения к земледелию и ищет более об-

---

[1] *зач.:* правилом [2] *исправлено из:* человечества [3] *отмечено красным карандашом на полях* [4] как... так и *вставлено* [5] для государства *вставлено* [6] расположение... и даже *вставлено* [7] *подчеркнуто красным карандашом и отмечено на полях* [8] *отмечено на полях красным карандашом*

ширного поприща своей деятельности. Положим же, что второй сын был бы рад и способен управлять имением, не есть ли это несправедливость против государства, если первый получит во владение свое имение? Приведенное же нами обстоятельство очень натурально. Родители обыкновенно основывают на старших детях все честолюбивые планы свои и поэтому сильнее возбуждают честолюбие в них, чем в прочих детях. Честолюбие же получило такое ложное истолкование, что конечно немногие будут полагать честолюбие свое удовлетворенным, улучшивши сельское хозяйство в имении своем, которое, как бы велико оно ни было, есть только бесконечная частица целого. * Все одаренные способностями и получившие образование люди желают громкой славы, власти и почестей.[1] Быть министрами, полководцами, посланниками, придворными[2] — вот единственная цель их. Управление имением, непосредственное улучшение быта крестьян они предоставляют[3] управляющим, грубым мелкопоместным дворянам да закоренелым провинциальным старожилам.

[4] Поэтому наше мнение есть то, что майораты, которые могут быть полезны в[5] политическом отношении в таком государстве, где принцип правления есть чисто аристократический, вредны везде для сельского хозяйства, так как они сосредоточивают его в руках людей, которые уже по самому богатству своему почитают[6] себя призванными к занятию высших мест в государстве и обществе и по этому самому не хотят[7] посвятить себя непосредственному занятию имениями своими.

Конечно,[8] чем обширнее имение, тем[9] хозяйство в нем может быть лучше, но нужно в таком случае, чтобы помещик лично занимался им, без того хозяйство будет пренебрежено, так как управляющие стараются только набить карман, а крестьяне не имеют никакой выгоды от увеличения доходов помещика.

Уже давно было замечено, что система майоратов, ограничивая число землевладельцев, вредно действует на земледелие, но, к несчастью, люди, увидевши вред какого-нибудь учреждения, отвергают его без разбора с дурными и хорошими сторонами его и ожидают всякого благоденствия от учреждения, радикально противоположного первому.

---

[1] *отмечено на полях красным карандашом* [2] *вставлено вместо зачеркнутого:* или по крайней мере знаменитыми художниками [3] *зач.:* это [4] *дальнейший текст написан рукою Беклемишева* [5] в политическом отношении *вставлено* [6] почитают... призванными *исправлено из:* призываются [7] *исправлено из:* могут [8] Конечно... на земледелие, но *вставлено на полях вместо зачеркнутого:* Уже многие государства постигли это, но [9] *зач.:* он д/может б

Вместо [1] того, чтоб сохранить разделение земли на большие участки, разделение, способствующее производству разумного земледелия, и изыскать средства противодействовать беспечности помещика и равнодушию крестьян, чрез подчинение частных интересов [2] общему таким образом, чтоб польза каждого зависела от пользы всех вместе, политико-экономы стали прославлять систему [3] сколь возможного дробления земли.

Но прежде чем сказать наше заключение об этом предмете, рассмотрим в подробности систему дробления имений [4] в том виде, как она существует в нашем отечестве.

Мы уже сказали выше, что владелец имения благоприобретенного имеет право располагать им совершенно по произволу своему, владелец же имения родового обязан руководствоваться законом, определяющим, что сыновья получают поровну, дочери каждая $^1/_{14}$-ую часть, мать или отец $^1/_7$ часть.

То же самое имеет место при наследстве без завещания.

Говоря прежде всего о наследстве по завещанию, мы должны сказать, что мы нисколько не имеем намерения нападать на право вообще располагать своим имением. Право завещания есть священнейшее и законнейшее право всякого человека. Какие бы несправедливости ни были делаемы [5] на основании этого права родителями в отношении к детям своим, из видов ли честолюбия, из неудовольствия и других причин, нельзя ни в коем случае лишить человека права обогатить приобретенным им самим имением того, [6] кто более пекся и заботился об нем, кто оказывал себя более достойным его привязанности, преимущественно пред тем, хотя бы и сыном или дочерью его, которые причиняли ему только неприятности или даже сделались недостойными его расположения. Но как во всяком другом случае, так и в этом, частные интересы должны быть подчинены государственной пользе. Между тем, безграничное [7] право завещания может во многих случаях способствовать дроблению имений — дроблению, переходящему за пределы благоразумия. При настоящих обстоятельствах, например, нельзя запретить помещику завещать, подарить или продать из большего даже своего имения хотя 2 души с землею одному, а другому 300, 400 или более душ. Нельзя запретить ему распродать имение примерно в 500 душ 20 лицам и таким образом создать 20 мелко-

---

[1] Вместо... дробления земли *вставлено на полях вместо зачеркнутого:* Таким образом противники майоратов сделались защитниками безграничного дробления имуществ и наоборот те, которые дошли до убеждения, что это последнее вредно, ожидают одного спасения от введения майоратов [2] *зач.:* выгод [3] *зач.:* безгранич [4] *зач.:* так [5] *зач.:* роди [6] *зач.:* кого [7] *вставлено*

поместных помещиков. Одним словом, безграничное право продажи и завещания имений может повести к тому же результату, как и закон, который дробит имения между наследниками. Поэтому[1] достаточно привести один пример, чтоб показать вред или пользу дробления имений.

Положим, что помещик 500 душ, следственно довольно богатый, так как имение в 500 душ может средним числом принести до 6000 руб. сер. доходу, имеет только двух сыновей и 3 дочерей. По смерти его из оставшегося после него имения получают: сыновья каждый по 160 душ — 320, дочери каждая по 36 — 108, вдова 72. Итого 500.

Если чистый доход с означенного имения, когда оно еще составляло одно целое, достигал 6000 руб. сер. — то при дроблении имения он понизится через увеличившиеся издержки по управлению, по содержанию большого числа служб и хозяйственных строений, хотя валовой доход может быть и увеличится. Уменьшение же доходов помещиков есть не только вред для них самих, но и для крестьян, которые, как мы уже имели случай доказывать прежде, страдают от бедности своих помещиков. Но, кроме того,[2] при этом прямо страдает сельское хозяйство от дробления земли и рабочих сил. И действительно, если разумное хозяйство может еще процветать в 160-душном имении, то уже должно быть соединено с большими затруднениями в 72-душном и почти невозможно в 36-душном. Оно невозможно, потому, что незначительность пространства, недостаток рабочих сил (около 10 тягол) останавливают всякое улучшение, всякую новую промышленность, часто возможную только в довольно большом объеме; например на[3] севере производство льна и пеньки, на юге — табаку и[4] других растений для поставки в большие города и порты невозможно, потому что перевоз этих произведений в малом количестве, при недостатке к тому же рабочих сил, не вознаграждается достаточно доходом с продажи оных. Можно ли при 30,[5] 40 и 50-душном имении основать лесопильный[6] или картофельный завод, фабрику холста или столового белья, или даже выстроить порядочную мельницу? Рабочих сил такого незначительного имения недостаточно даже, чтоб прорыть немногозначительную[7] канаву для осушения болота[8] или проложить необходимую для сообщения дорогу. Впрочем, в дроблении имений при[9] настоящих обстоятельствах есть одна выгодная для сель-

---

[1] Поэтому... имений *вставлено вместо зачеркнутого:* Поэтому достаточно будет говорить об этом безграничном дроблении имений вообще [2] *вставлено* [3] на севере *вставлено* [4] и... растений *вставлено вместо зачеркнутого:* и виноградных лоз [5] *зач.:* душ [6] *зач.:* завод [7] немногозначительную *вставлено* [8] *зач.:* обратить под землю [?] [9] при... обстоятельствах *вставлено*

ского хозяйства сторона; она заключается в том, что,[1] имея небольшие средства, помещик для увеличения их[2] конечно воспользуется всеми источниками, которые ему представляет имение,[3] как то: осушит болота, обработает[4] невозделанные пространства и т. п. Но и при этом необходимы рабочие силы, а потому и[5] известная граница[6] при дроблении. Из всего предыдущего видно, что мы находим, что как система майоратов, так и[7] безграничного дробления имений представляет более невыгод, чем выгод для сельского хозяйства, и поэтому, по нашему мнению, как та, так и другая[8] вредны для государства. Нельзя, однако же, не сознаться, что в них есть и полезные идеи,[9] а именно: в первой — сосредоточение рабочих сил, во второй — улучшение хозяйства[10] для извлечения больших доходов. На соединении этих двух идей основана предлагаемая нами новая система дробления имений, ограниченного возможностью разумного хозяйства.

Следует, прежде всего, найти, какой величины должно быть имение для того, чтобы достигнуть предполагаемой нами цели, т. е. такого дробления имений, которое, заставляя владельца[11] не пренебрегать никаким источникам дохода, в то же время, однако, представляло бы ему средство употреблять для возделывания земли и производства хозяйства достаточное число рабочих сил. Наблюдения наши, да и самые положения закона,[12] доказывают, что общим правилом можно принять, что помещик, имеющий менее ста душ, относится[13] к числу мелкопоместных. Поэтому мы и полагаем, что норма дробления помещичьих имений есть имение в сто душ. Такое имение при хорошем управлении может[14] дать до 5000 и даже 6000[15] р. ассигн. дохода, следовательно, столько, что помещик с семейством своим может жить безбедно, может дать приличное воспитание детям, не принужден[16] недостаточностью средств обременять крестьян и может заниматься хозяйством несколько[17] разумным образом. Но в то же время доход этот не столь велик, чтоб позволить ему оставить имение произволу какого-нибудь управляющего, который не дал бы ему и половины дохода и запустил бы совершенно имение, одним словом — доход[18] с такого имения позволяет помещику жить безбедно и прилично, не прибегая к другим средствам жизни, а в то же время

---

[1] *зач.:* при неб [2] *зач.:* будет [3] *зач.:* чрез что [4] *зач.:* пуст [5] *зач.:* пред [6] *исправлено из:* известный предел [7] *первоначально было:* ни майораты, ни [8] *исправлено из:* ни та, ни другая [9] *исправлено из:* основания [10] *исправлено из:* имения [11] *зач.:* по/изы [12] *зач.:* поло [?] [13] *зач.:* более или менее [14] *исправлено из:* должно [15] *первоначально было:* дать 6000 и даже 7000 [16] *зач.:* бе [17] *вставлено* [18] *зач.:* эт

заставляет заниматься самому имением, так как только при таких обстоятельствах может он получать достаточный доход. Мы думаем, что такая преграда, положенная дроблению имений, была бы благодетельна для государства, потому что это образовало бы сословие помещиков, занимающееся улучшением своих имений, а тем самым и улучшением[1] положения общей массы народонаселения — крестьян; знакомое с обстоятельствами края, ими обитаемого, и могущее в случае несчастия[2] делать большие пожертвования как для крестьян своих, так и для правительства.

Но каким образом достигнуть этой цели? Это дело законодателя.[3] Мы же изложим[4] здесь только главные[5] основания предлагаемой нами системы. Повторяем и[6] здесь, что[7] мы не имеем намерения предлагать радикального переворота в законодательстве. Мы хотим только подчинить волю частных лиц пользе государственной, не оскорбляя интересов первых.

Весь проект наш заключается в следующих пунктах.

I. Помещичьи имения впредь не могут быть дробимы на части менее 100 душ каждая или 400 десят. земли.

II. Закон этот простирается как на имения, переходящие из рук в руки по наследству, так и вследствие дарственных и купчих крепостей.

III. Одним[8] имением считаются и[9] несколько деревней, принадлежащих одному помещику, если они находятся не более 20 верст расстояния одна от другой.

IV. Имение[10] менее ста душ[11] и[12] 400 десятин земли ни в каком случае не может быть дробимо.

V.[13] Дабы имение не было подвергнуто вышеупомянутому дроблению, в случае перехода его по наследству[14] в другие руки,[15] определяется, что: а) оно может по общему согласию наследников быть продано, и вырученная сумма разделена на основании существующего законодательства относительно наследства, или б) оно может быть принято в управление одним из наследников с тем, чтобы он по оценке выплатил[16] прочим деньгами приходящуюся[17] им часть. Но при этом[18] вычитается[19] из общей оценочной суммы так называемый поместный капитал, т. е. тот, проценты с которого необхо-

---

[1] улучшением положения *вставлено* [2] *вставлено* [3] *подчеркнуто* [4] *исправлено из:* покажем [5], [6] *вставлено* [7] что мы *вставлено вместо зачеркнутого:* наши [8] *вставлено* [9] и несколько деревней *вставлено вместо зачеркнутого* каждая / и такая усадьба, части коей [10] *вставлено вместо зачеркнутого:* помещик [11] *зач.:* не может ни за [12] и 400 десятин земли *вставлено вместо зачеркнутого:* также [13] *зач.:* Если имение [14] *зач.:* (за [15] *зач.:* поло [16] *зач.:* ост [17] *зач.:* на их [18] *зач.:* в/разде [19] *зач.:* особ

димы на содержание имения и который принадлежит по этому самому тому, кто делается владельцем имения.[1]

VI. Если[2] имение[3] не может быть дробимо лишь по большому числу наследников, то оно может быть разделено на части, в каждой из которых не должно быть менее ста душ и[4] 500 десятин с тем, чтобы одни получили во владение свое[5] имения, а другие деньги, по вышеупомянутому расчету.

VII.[6] В случае, если на имении столько долгов, что за вычетом оных, а равно и поместного капитала, не остается ничего, между тем, однако, наследники не соглашаются все на продажу его, то тот из них, кто удержит за собою имение, обязан, в случае бедности прочих наследников, давать им в имении убежище.

В этом кратком изложении мы лишь указали на главные пункты. С[7] приведением в исполнение предлагаемого нами, земледелие должно будет улучшиться, потому что, во-первых, увеличится число помещиков, имеющих довольно обширное поприще, но не довольно богатых, дабы пренебрегать улучшением имения, а во-вторых, уменьшится число мелкопоместных владельцев, которые не принадлежат ни к помещикам, ни к крестьянам,[8] соединяя с невежеством[9] желание повелевать и[10] господствовать и тем сильно вредя земледелию.

Нам остается еще сказать лишь несколько слов относительно[11] мер, которые могли бы быть приняты к улучшению земледелия, и именно в отвращение недостатка связи между помещиками. Мы полагаем это средство очень простым, не представляющим никаких трудностей. Оно[12] заключалось бы в определении, чтобы дворяне после выборов представляли всегда г. министру внутренних дел подробный[13] отчет о состоянии земледелия, о положении крестьян, о замеченных недостатках и необходимых улучшениях. Такое[14] учреждение создало бы в некотором отношении центр для[15] земледелия в губернии и[16] мало-помалу получило бы влияние и на от-

---

[1] Поместный капитал должен быть определен на основании подробных исчислений. По нашему мнению, он должен составлять пятую часть всей цены имения [*зач.:* т. е. с] *Примеч. подлинника* [2] *зач.:* только [3] *зач.:* должно; *вставлено и зач.:* дробится [4] и 500 десятин *вставлено* [5] *исправлено из:* управление [6] *впереди зач.:* [*зач.:* в случае] Если не все наследники совершеннолетние; *исправлено:* между наследниками есть малолетние [7] *вставлено* [8] *исправлено из:* ни к дворянам, ни к работникам [9] *зач.:* последних [10] и господствовать *вставлено* [11] *зач.:* улуч [12] *исправлено из:* Средство [13] *вставлено* [14] *исправлено из:* Это [15] создало бы... центр для *исправлено из:* сделало бы... центром [16] и мало-помалу *вставлено вместо зачеркнутого:* и дворяне невольно

дельных помещиков,[1] главные интересы коих сделались бы таким образом важнейшим предметом рассуждений дворянства.

III. 1847—1848 гг.— А. П. Беклемишев. Письмо об обращении помещичьих крестьян в свободных землевладельцев

Ч. 31, лл. 75—77 об. Датировано по указаниям на возбуждение крестьян. В выписке из дела о Беклемишеве указывается, что было доставлено отцом Беклемишевым позднее предыдущей записки

Письмо помещика Н...ской губернии об обращении помещичьих крестьян в свободных землевладельцев.[2]

...Вопрос, который в настоящее время занимает всю Россию, составляет предмет суждений и толков всех сколько-нибудь мыслящих людей, есть положение помещичьих крестьян. Несомненно, что в настоящих обстоятельствах вопрос этот приобрел еще большую важность, так как от решения его зависит спокойствие отечества, благоденствие крестьян, состояние и самая жизнь помещиков. До сих пор не было принято никаких радикальных мер для улучшения быта как крестьян, так и помещиков, еще менее для определения отношений первых к последним; между тем, настоящие отношения не могут долго существовать, во-первых, потому, что они положительно не определены и потому зависят от произвола, а во-вторых, потому, что они не естественны. Идея свободы, как электрическая искра, пробежала по деревням и селам, умы крестьян в брожении, страсти разгораются, всякий понимает по-своему эту ожидаемую свободу, и согласно с ожиданиями родятся несомненно в скором времени и требования. Уже распускаются самые опасные слухи в народе, толкуют даже будто вышел уже указ о свободе, который будто бы скрывается помещиками. Общий крик: «Государь хочет нас сделать свободными, а бояре ему мешают». Логическое следствие этой мысли, глубоко вкоренившейся в народе, может быть только рано или поздно — общее восстание крестьян против предполагаемых утеснителей своих; не нужно, я думаю, объяснять следствия такого восстания народа буйного, необразованного и к тому же большею частью действительно угнетаемого. От помещиков, как от класса самого образованного и непосредственно заинтересованного в этом деле, зависит принять меры, которые бы разубедили крестьян их, отвратили от отечества грозя-

---

[1] помещиков... сделались бы *вставлено вместо зачеркнутого:* дворян, а самое важное на дворянских выборах [2] *отмечено на полях*

щую ему опасность, положительно бы основали благосостояние крестьян и их собственное и, наконец, на деле доказали бы патриотизм их. Нужно быть совершенно ослепленным, чтоб не видеть, * что настоящее положение не может продолжиться,[1] что пожар вспыхнет и прежде всех истребит самих помещиков. Долг каждого благонамеренного гражданина, желающего отвратить бедствия, страдания и ужасы, заключается в открытии средств, потребных для того. Я полагаю, что время пришло, наконец, на * деле доказать,[2] что мы составляем действительно благородное сословие, всегда готовое жертвовать личными интересами пользе общественной. Впрочем, жертвы так незначительны, что не стоит и говорить о них, да и к тому же они будут только минутные и вознаградятся на следующий же год. Большая часть помещиков говорят, что они не прочь дать свободу крестьянам, с тем условием, однако, чтоб сохранить землю. Я думаю, что помещики, желающие этого, не понимают сами истинных выгод своих, а увлекаются только приятною мыслью, что освободятся от забот, сопряженных с крепостным состоянием, и от обязанностей, которые до сих пор лежат на них относительно прокормления крестьян и обсеяния полей их в случае неурожая, относительно покупки лошадей и рогатого скота в случае падежа. Если эта мысль и справедлива, хотя и нисколько не филантропическая, то, с другой стороны, не должно забыть, что отпустить крестьян на волю без земли, т. е. без всякой недвижимой собственности, значит совершенно разорить помещиков, лишив их всякой возможности, по крайней мере в первое время, иметь работников для возделывания полей. Это следствие весьма естественно: крестьяне еще не довольно развиты, чтоб удовольствоваться одним глухим словом свободы, которой они желают единственно для улучшения материального быта своего, поэтому если не сделать этого, т. е. не дать им собственности, которая есть первое основание порядка, то они неминуемо будут искать свободы в праздности, пьянстве и буйстве; за этим последуют грабительства, убийства, — хозяйство будет совершенно оставлено и 60 000 000 людей могут умереть с голоду. Но скажут мне: «большая часть помещичьих имений заложены в государственных кредитных учреждениях и, кроме того, обременены партикулярными долгами, за которые платится по 8, 10 и 12 процентов, — следовательно, правительство должно выкупить всех крестьян, заплатя помещикам ту сумму, которую они должны кредитным учреждениям или могли бы получить из них, —

---

[1], [2] *подчеркнуто*

этого правительство не в состоянии или не хочет сделать.[1] Кроме того, нужно же дать им вознаграждение за уступленную крестьянам землю, которая принадлежит в п о л н е помещикам; и, наконец, каким образом уплачивать проценты за партикулярные долги?» Все это предусмотрено мною, и я повергаю на суждение людей беспристрастных, не ослепленных страстями и имеющих довольно ума, чтоб сбросить с себя смешные, устарелые предрассудки, следующие мысли.

Прежде всего, мне кажется, что несправедливо мнение, что заложена не земля, а одни д у ш и, потому что при залоге требуется, чтоб на каждую душу приходилось известное число десятин земли, а души без земли в залог не принимаются, — следовательно, если бы оценка, сообразно которой даются взаймы деньги, была верна, т. е. равна действительной ценности и м е н и я в о о б щ е, то стоило бы только, отпуская крестьян на волю с известным количеством земли, перевести на них и приходящуюся по расчету часть долга. Но оценка и действительная ценность всегда различны, а именно первая гораздо ниже последней. Принимая в соображение все обстоятельства, я полагаю, что следовало бы:

1) *Обратить в полную собственность помещичьих крестьян[2] ту часть земли, которая ныне находится в п о л ь з о в а н и и их, обязав их принять на себя ту часть казенного долга, которая относительно количества земли придется на долю их, прибавив к тому еще различие между оценкой и действительной ценностью. Например, если имение в 600 десятин заложено в 7000 р., а стоит 15 000 р. сер., крестьянам же досталось 300 десятин, то на их долю придется долгу по следующему расчету:

	300 десят.	составляют	$\frac{1}{2}$	600 десят.
следовательно	$\frac{1}{2}$ 7000 р.	„	„	3500 р.
	$\frac{1}{2}$ 8000 р.	„	„	4000 р.

Следовательно, всего придется $\frac{1}{2}$ 15 тысяч = 7500 р. серебром.

Если имение не заложено, то всю сумму крестьяне должны своему бывшему помещику и могут по произволу своему или внести ее разом, или уплатить в 26 или 37 лет, платя 5% и, кроме того, 2% или 1% в уплату капитала. Если же имение заложено, то само собою разумеется, они будут

1, 2 *подчеркнуто и отмечено на полях*

должны 7000 р. сер. подлежащему кредитному учреждению, а 500 р. сер. бывшему помещику своему.

2) Так как такого рода выкуп крестьян само собою уничтожает всякого рода барщину, то помещик должен будет нанимать их же самих или других работников для своего хозяйства. Но так как в первое время крестьяне быть может по разным причинам не захотят наниматься к помещику своему, то при объявлении нового порядка вещей должно быть тоже определено хотя на первые т р и года, что крестьяне обязаны ставить по требованию помещика известное число работников, конных или пеших, за плату, которая должна быть назначена по каждому уезду.

* Крестьяне же должны бы получить название с в о б о д н ы х з е м л е в л а д е л ь ц е в и быть под ведомством министерства внутренних дел[1] и особенным попечительством представителей дворянства.

3) Все поборы натурою, под названием столовых и других, должны быть уничтожены, так как они вредно действуют на развитие промышленности крестьян, не составляя никакой важности для помещиков.

4) Дворовые люди делаются свободными, но обязаны в течение года прослужить у помещика, если он того требует, или платить ему оброк в течение этого года, — но помещику не должно быть предоставлено право выбирать одного человека из семейства; это подало бы повод к большим злоупотреблениям. Он должен или сохранить все семейство, или все отпустить.

5) Должны быть учреждены народные училища по крайней мере на 300 душ по одному, простое строение должно быть воздвигнуто общими силами помещиков и крестьян, — первые должны поставить материал, а вторые работников. Выбор народных учителей, преимущественно из образованных крестьян, предоставляется особым комиссиям, которые имеют быть учреждены в каждом уезде из предводителя, священника и уездного учителя. Вместо жалованья получает он землю от помещика вдвое против крестьянского тягла, а от учеников — сколь можно меньшую плату деньгами.

6) Должны быть введены гипотечные книги, чрез что проценты, платимые за партикулярные долги, понизятся вдвое и увеличится ценность имений.

Дай бог, чтоб помещики решились на эти улучшения: ныне это возможно и привяжет к ним благодарностью крестьян, быть может завтра будет поздно, и никакие жертвы не обезоружат тогда столь долго угнетенный класс народа.

---

[1] *отмечено на полях*

76. 1849 г. сентября 27.— Подписка А. П. Беклемишева при освобождении из-под ареста

Ч. 120. „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссиею над злоумышленниками". На 619 лл. Л. 317. Подпись — автограф

1849 года сентября 27 дня, я, нижеподписавшийся, при освобождении меня из-под ареста из С. Петербургской крепости, дал сию подписку в том, что все расспросы, сделанные мне в Секретной следственной комиссии, буду содержать в строгой тайне и обязуюсь впредь ни к какому тайному обществу не принадлежать; в противном же случае подвергаю себя ответственности по всей строгости законов.

К сей подписке руку приложил Александр Беклемишев.

ДЕЛО

К. И. ТИМКОВСКОГО

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ К. И. ТИМКОВСКОГО

77. 1849 мая 18. — Отношение за № 459 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Дело Аудиториатского департамента Военного министерства № 55 по описи 1849 г. Ч. 14. „Следственное дело о титулярном советнике Тимковском". На 128 лл. Лл. 1—1 об[а]

Весьма секретно

Содержание донесения вашего высокопр-ва от 18 сего мая, № 26, я доводил до сведения его и. вел. государя наследника цесаревича.

Его высочество, согласно с представлением вашим, разрешить изволил опечатать немедленно бумаги у тит. с. Константина Тимковского, а самого его арестовать и вместе с опечатанными бумагами доставить в С. Петербургскую крепость.

Сообщив о сем для надлежащего распоряжения начальнику штаба корпуса жандармов, честь имею уведомить о том и ваше высокопр-во.

Военный министр, ген.-адъютант кн. Чернышев.
Директор, свиты его и. вел. ген.-майор Вревский.

78. 1849. г. мая 19. — Отношение за № 67 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 14, лл. 15—15 об. Копия

Секретно

М. г., Иван Александрович!

При рассмотрении сего числа части бумаг Николая Спешнева, особенное внимание обратили следующие: 1) проект

[а] *Следственная комиссия узнала о Тимковском из показаний Д. Д. Ахшарумова, допрашивавшегося 16 мая*

обязательной подписки для вступающего в русское тайное общество с изъявлением готовности участвовать в бунте вооруженною рукою, 2) возмутительное сочинение под заглавием „Солдатская беседа" и 3) письма Тимковского от 21 декабря 1848 года и 11 января и 8 марта 1849 года, из Ревеля с извещением, что он там деятелен, учредив два круга, но нуждается в книгах; что Беклемишев написал ряд писем к помещику, а сам он, Тимковский, занимается переводами; также упоминает о замечательном письме к нему Петрашевского, которого содержание предполагает известным Спешневу, и просит сообщить свое мнение.

Препровождая при сем к вашему высокопр-ву помянутые бумаги, имею честь присовокупить, что из числа оных проект обязательства (с которого прилагается копия для удобнейшего прочтения) написан рукою Спешнева.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: кн. Александр Голицын.

79. 1849 г. мая 24. — Отношение за № 88 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 14, лл. 16—16 об.

Секретно

М. г., Иван Александрович!

При рассмотрении препровожденных ко мне вашим высокопр-вом, при отношении от сего числа за № 167, бумаг тит. с. Константина Тимковского, не оказалось в них ничего, относящегося к настоящему делу; но обратило, однако ж, внимание письмо к нему из Парижа от некоего Бутовского, который пишет, что «приступает к истории коммунизма и социализма»; также оказались у Тимковского две запрещенные книги «De la répartition des richesses, par Vidal» и «Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet von Strauss».

Препровождая к вашему высокопр-ву помянутые письмо и книги, имею честь присовокупить при сем и четыре другие бумаги Тимковского, в которых он, по служебным отношениям и по литературным его занятиям, может встретить надобность; остальные за тем бумаги и книги сданы мною г. плац-адъютанту капитану Майделю.

Примите, м. г., уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын.

80. 1849 г. мая 24.— Бумаги К. И. Тимковского, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных

I. 1842 г. декабря 1.— Билет за № 198, выданный СПб. Цензурным комитетом

Ч. 14, л. 32 [а]

Билет

Издание под заглавием «Испанский театр» предварительно набирать позволяется, с представлением на рассмотрение корректурных оного листов прямо к г-ну цензору, экстраординарному профессору Никитенке.

Цензор С. Куторга.

Секретарь [1] Семенов.

II. 1847 г. декабрь.— Письмо А. И. Бутовского к К. И. Тимковскому. Париж

Ч. 14, л. 17. Автограф [б]

Париж [2] декабря 1847.

Любезный друг Костя, будь, сделай милость, моею костью в Петербурге. Вот проект разбора моего сочинения на французском языке. Переложи его на свой родной со всею тебе свойственною оригинальностию — распространяй, сокращай, увеличивай или уменьшай, даже изменяй выдержки — все это вполне тебе предоставляется, сохрани только мысли

а) *Остальные три бумаги делового характера не воспроизводятся. Это — 1) договор от 31 марта 1843 г. К. И. Тимковского с книгопродавцем Анореем Ивановым о праве продажи издания: „Испанский театр" (лл. 30—30 об.); 2) договор от 30 апреля 1843 г. с владельцем типографии К. И. Жернаковым о печатании издания „Испанский театр" 12-ю выпусками в год (лл. 31 и 33); и 3) договор от марта 1849 г. на немецком языке с изоателем Краузе об издании переводов (лл. 29 и 34).*

б) *К письму приложена статья А. И. Бутовского на французском языке (лл. 18—28), преоставляющая хвалебный разбор книги автора („Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии" в 3-х тт. 1847 г.). Ряд критических статей об этой книге был дан в конце 1847 г. в „Современнике" и в „Отечественных Записках" В. Милютиным. О полемике Бутовского с Милютиным, прооолжавшейся в 1848 и 1849 гг., см.: А. Нифонтов, „1848 год в России" стр. 99.*

[1] *инициалы неразборчивы* [2] *не разобрано одно слово*

и смысл — ты не тверд в науке и можешь сбиться, если начнешь о ней толковать по собственному суждению. Из последнего письма ко мне Платона вижу, что разбор «Современника» еще не кончится в ноябрьской книге — много чести — верно не так легко одолеть, что в «Отечественных Записках» появилась опять какая-то брань, но что в «Библиотеке для Чт[ения]» помещен разбор полублагоприятный, полу-хулительный. Сделайте милость, перешлите мне всю эту полемику, чего бы вам то не стоило. Когда все выскажут свое мнение и поутихнут, я отвечу всем зараз. Но разбор, мною посылаемый, постарайся поместить в «Сыне Отечества», если же там нельзя, то просто отдай Григорьеву для «Северного Вестника». Платону я поручаю выдать один экземпляр для Масальского, другой для Григорьева. Что твои дела с журналом? Здесь вышло превосходное популярное сочинение — настоящая энциклопедия всех наук — непременно перешлю тебе экземпляр — даже и без журнала, я полагаю, можно воспользоваться для издания чего-нибудь подобного на русском языке. С моей стороны приступаю к «Истории коммунизма и социализма». Выискиваются охотники перевесть мою «П[олитическую] э[коном]ию» на французский язык — может быть воспользуюсь. Прости, друг мой. Целую Елену и Ваню, будьте здоровы и веселы.

Весь ваш душой А. Бутовский.

81. 1849 г. мая 24. — Препроводительное отношение за № 1077 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову

Ч. 14, л. 35

Секретно

М. г., Иван Александрович!

Препровождая при сем записку полковника корпуса жандармов Грессера о находившемся в Ревеле по делам службы тит. с. Константине Тимковском, который полковником Назимовым сего числа уже представлен к вашему высокопр-ву для содержания в С. Петербургской крепости, имею честь удостоверить вас, м. г., в истинном моем уважении и совершенной преданности.

Л. Дубельт.

82. 1849 г. мая 18. — Записка № 106 полковника корпуса жандармов Грессера к начальнику I округа корпуса жандармов ген.-лейтенанту Полозову. Ревель [а]

Ч. 14, лл. 36 и 39

Секретно

О чиновнике Министерства вн. дел тит. с. Тимковском, навлекающем на себя подозрение вредных замыслов[1] для правительства.

Узнав от верного человека, просившего меня оставить его в неизвестности, что чиновник Министерства вн. дел тит. с. Константин Иванов Тимковский, находящийся здесь в г. Ревеле в помощь ревизующему городские присутственные места, г. надв. с. Беклемишеву.[2]

Тимковский как родственник того человека весьма часто бывает у него в гостях и неоднократно просил от него взаймы денег, несколько раз ездил в С. Петербург и всегда казался подозрительным по его разговорам. Ныне 14 числа сего маия, пришед домой, застал он по обыкновению у себя в доме Тимковского, который показался ему еще угрюмее и рассеяннее обыкновенного и на спрос его, не получил ли он письма из С. Петербурга от родственников или брата, — Тимковский отвечал: «Нет», а потом вполголоса сказал: «Брат мой взят». На вопрос, почему и за что? он говорил: «Как за что? и я ожидаю ежеминутно, что и меня возмут туда же». «За что же?» — повторил он, на что Тимковский отвечал: «У нас были там, то-есть, вероятно, в Петербурге, собрания, сходились от 200 до 300 человек, и мы речи говорили — и расходились». На ответ того человека, что у нас собрания, правительством не позволенные, существовать не могут, и потому верно накажут; Тимковский же отвечал на это: «Так что ж? Ну взяли 100 человек, а их, что я знаю, 800-т человек, осталось 700-т, и все же будет то же».

О чем долгом поставляю довести до сведения вашего пр-ва, причем честь имею присовокупить, что об этом я говорил его пр-ву эстляндскому г-ну гражданскому губернатору; а равно имею честь приложить при сем в подлиннике записку, поданную мне тем человеком.

Полк. Грессер.

а) *Помета рукою Л. Дубельта:* Сейчас препроводить к г. ген.-адъютанту Набокову.

[1] *в тексте:* замыслей [2] *так в тексте*

83. 1849 г. мая 17. — Записки — доносы родственника К. И. Тимковского

I

Ч. 14, лл. 37—37 об. Автограф. Датировано по помете о получении

На спрос 14-го числа сего мая чиновника Министерства внутр. дел тит. советника Констант[ина] Иван[овича] Тимковскому (находящегося здесь в г. Ревеле в помощь таковому же ревизующему городские присутственные места г. Беклемишеву), не получил ли он письма от родственников из С. П. Бурга, таковой отвечал: «Нет»; а потом сказал вполголос: «Брат мой взят». Спрося почему и за что? Он говорит: «Как за что? и я ожидаю ежеминутно, что и меня возьмут туда». «За что же?» повторил я; на что он отвечал: «У нас были там собрания, сходились от 200 до 300 человек, и мы речи говорили — и расходились». Ответ мой был, что у нас собрания, правительством непозволенные, существовать не могут, и потому верно накажет. Он же продолжал на это: «Так что ж — ну взяли 100 человек, а их, что я знаю, 800-т, остались 700, и все же будет то же, и лучше было бы».

II

Ч. 14, лл. 38 и 44, автограф. Датировано по аналогии с первой запиской

Er fragte sich um, wird er in St. Petersburg von seinen genomenerr mittrinkenden Freuden angegeben werden und von hier gehalt. Und wenn dies auch der Fall ist, so kann die von ihm genannte Zahl der Mittrinkenden doch unendekt bleiben, welche in Gegenteil die Regierung haben muss — wenn er sie nicht übertreiben, oder sollte er etwas anders dabei im Schilde führen; es kann nun sein wie er wolle — aber er ist sehr verdachtig in seinen ganzen Wesen und Benehmen — und kann hier viel unheil anstiften.[1]

---

[1] *Перевод:* Он беспокоился, будет ли он выдан в С. Петербурге своими арестованными друзьями-сообщниками и отсюда взят. Если это случится, то часть из названного им числа сообщников может остаться неоткрытыми, которых в противном случае правительство может захватить — если только он не преувеличивает их числа, а может быть он при этом замышляет что-то другое. Как бы то ни было, но он очень подозрителен по всему своему направлению и поведению и может причинить здесь много вреда.

84. 1849 г. мая 27.— Показание К. И. Тимковского

Ч. 14, лл. 2—14 об. Автограф [a]

Беру перо с твердой решимостью высказать всю истину как пред лицом совести, как пред судом божиим, потому что я верую в бога, вопреки посторонним внушениям и минутным заблуждениям, привившимся к моему уму извне, но в которых никогда не участвовало мое сердце.

* Я никогда не принадлежал, не принадлежу и не буду принадлежать никакому обществу политическому, имеющему целию насильственное ниспровержение существующего порядка, ценою крови и убийства, путем бунтов и революций.[1] Не говоря уже о том, что такие действия противны долгу и присяге, они были бы противны моей совести, моим личным убеждениям и правилам. Ни с гг.[2] Петрошевским, ни Спешневым и ни с кем из людей, составлявших их круг, я не только не имел никаких сношений и не был знаком, но даже не знал о их существовании, никогда не слыхал их имен — до конца октября 1848-го года. По случаю смерти моей матери и для устройства моих дел по службе я приехал в Петербург 18-го или 20-го октября; через неделю после того был в первый раз у г. Петрошевского (в пятницу,[3] день когда у него собирались) и уехал обратно в Ревель 7-го декабря. Так как я бывал у Петрошевского только по пятницам и ни разу в другие дни, то в эти 40 дней я был у него только 6 раз, у Спешнева два раза и 2 же раза у Плещеева. Никто из этих господ не был у меня ни разу, и я ни к кому из них не ходил в обыкновенные дни, кроме Спешнева,[4] которого посещал во все время не более 5-ти или 6-ти раз и оставался с ним вдвоем. В такое короткое время и встречаясь каждый раз почти все с новыми лицами, я не имел возможности ни узнать коротко людей, ни разгадать не только самую цель этих собраний, но даже есть ли у них какая-нибудь цель. Эти господа * говорили то о философии, то о религии, то о политике, то о правительстве, то о социализме, и более[5] всего о социализме, но мнения их были так разнообразны, так несходны между собой, что мне казалось несомненным, * и до сих пор я убежден, что в то в р е м я они не составляли еще никакого устроенного о б щ е с т в а с какой-либо определенной целию, тем менее с целию политической или революционной.[6] Если впоследствии они приняли такое направление[7] и устроились в тай-

---

a) *Написано после допроса 27 мая (журнал Следственной комиссии)*
1 *отмечено на полях* 2 *исправлено из:* г-ном 3 *зач.:* его прием 4 *зач.:* у 5 *подчеркнуто и отмечено на полях* 6, 7 *отмечено на полях*

ное[1] общество, так это уже случилось в мое отсутствие, когда я уже опять не имел с ними никаких сношений и не знал, что они затевают, — потому что нельзя назвать сношениями письма мои к Спешневу, который ни разу не ответил мне ни одной строчкой. К тому же в этих письмах я говорил о том, что делаю собственно я сам, а не они, и просил уведомить меня о том, что у них делается.

Возвращаюсь опять к кратковременному пребыванию моему в Петербурге. Повторяю, я не хотел, я не мог, по моим правилам и убеждениям, быть причастным ни к какому делу противу-правительственному, я не допустил бы — сколько от меня зависело бы, — чтоб и другие бросались в замыслы революционные. Если б я заметил в этих господах подобное направление, я прервал бы с ними всякое сношение с той же минуты. Я говорил * это не раз Спешневу, говорил и в наших собраниях, но мне не отвечали ничего положительного.[2] Чувствуя, однако, что такое неопределенное положение не может продолжаться вечно и что сборище людей, тревожимых жаждой какой-то деятельности, которой цели они еще сами не сознают, должно будет со временем, по естественному ходу * вещей, образоваться в какое-нибудь общество;[3] понимая вместе с тем, что если цель такого общества будет ложна и вредна, то при удаче они погубят отечество, а при неудаче — самих себя, я решился откровенно высказать им[4] мои убеждения и потребовать и от них такого же откровенного изложения их мнений, и тогда, если увижу, что цели наши несходны, то разойтись с ними навсегда. Для этого, в одну из последних пятниц, до отъезда из Петербурга, у Петрошевского я сказал, что так как я скоро уезжаю в Ревель, то * должен знать, какие будут наши дальнейшие взаимные[5] отношения друг к другу; что отношения эти будут зависеть от цели, какую они себе предположили, и потому я прошу всех присутствующих сказать мне, есть ли у них какая-нибудь цель и, если есть, то какая?[6] Мне отвечали, что цель их — осуществление реформ социяльных, а для этого первое и важнейшее средство — пропаганда, которую они намерены устроить в большом размере.[7]

Да позволено мне будет сделать здесь небольшое отступление и изложить вкратце мои тогдашние социяльные убеждения, которые во многом поколебались впоследствии.

Социялизм разделяется на множество систем. Есть систе-

---

[1] *вставлено* [2] *подчеркнуто и отмечено на полях* [3] *подчеркнуто и отмечено на полях* [4] *зач.:* свои [5] *вставлено* [6] *отмечено на полях. слова:* цель и, если есть, то какая? *подчеркнуты* [7] *отмечено на полях двойной чертой*

ма[1] Луи-Блана, система Сен-Симона, Роберта Овена, Кабе, Прудона,[2] коммунистов и другие. Все эти системы более или мене[е] неполны, мечтательны, неудобрименимы и даже гибельны, потому что уничтожают собственность, семейственность, даже личность людей, требуют невозможного равенства между всеми членами общества и готовы вводить свои преобразования хотя бы ценою крови и революций. Поэтому многие смешивают понятие о социялизме с понятием о республиканизме. Может быть они и правы, когда дело идет о поименованных мною системах. Но есть еще одна система социяльная, которой я еще не назвал, — система Шарля Фурье, не заслуживающая этих упреков. Она свято сохраняет собственность каждого, не только не допускает всеобщего равенства между людьми, но напротив основывает всю гармонию общественного устройства на неравенствах состояний,[3] сословий, иерархии способностей, заслуг. Фурье предлагает особые, открытые им способы устроить труд таким образом, чтоб он был привлекателен и прибылен. Он подробно излагает эти способы в своих обширных сочинениях и доказывает, что если б они были осуществлены в каком-либо государстве, то там все члены общества трудились бы охотно, с наслажденьем; не было бы тунеядцев и праздных; масса богатства народного постоянно бы[4] увеличивалась и, распределяясь по самой строгой справедливости между всеми сословиями и отдельными лицами, не поровну, но соразмерно труду, таланту и капиталу, вносимому каждым в общество, разливала бы повсеместное изобилие и довольство. Нынешние неимущие получали бы много, а имущие еще увеличили бы свое достояние. Не было бы недовольных, каждый дорожил бы спокойствием общественным, следовательно, пресеклись бы все причины к смутам и революциям, и правительство утвердилось бы крепче и незыблемее, чем когда-либо. Эта система представляет собою целую науку, обширную и полную. Изучение ее тем более заманчиво для человека с сердцем, что[5] предлагая реформы не в правительстве, но в обществе, в тех элементах общественных, которые по законам всех государств предоставлены произволу граждан, она достигает своих целей путем мира, без смут, без насильственных потрясений, при какой бы то ни было форме правления, даже требуя непременным условием, чтоб правительство стояло твердо и хорошо на своем основании. Другая особенность учения Фурье есть та, что ни он сам и никто из его последователей не желал, чтоб его система, даже с содействием[6] правительства, была применена где-либо

---

[1] *зач.:* Louis Blanc [2] *зач.:* и [3] *зач.:* спо [4] *вставлено* [5] *зач.:* осу [6] *исправлено из:* разрешения

к целому государству вдруг; несмотря на личную полную уверенность в истине этой системы, как теории, еще не испытанной на практике, никто из них не решился бы взять на свою совесть такую огромную ответственность в случае неудачи. Фурьеристы желают, чтоб их система была предварительно испытана на деле в малом размере, то есть, чтоб им позволено было составить[1] мануфактурно-земледельческое общество или товарищество в 1800 человек, которое жило бы все вместе, владея[2] пространством земли в 8 квадратных верст, и заведывало бы само, по известным положениям науки, своим внутренним домашним управлением, не освобождаясь, однако, от подчиненности общим государственным законам. Если б такое общество состоялось, и правительство увидело бы на[3] деле от него пользу и исполнение обещанных им целей, то есть достижение общего благосостояния всех его * членов, то оно без сомнения поощрило бы учреждение других подобных же обществ, и таким образом чрез более или менее продолжительное время преобразовалось[4] бы целое государство. В случае же неудачи первого опыта, пробное общество разошлось бы, и фурьеристы[5] первые сознались бы в ошибочности своего учения.

Удивительно ли, мудрено ли, и неужели мне будет вменено в преступление неизгладимое, что я увлекся подобным учением, предался ему со всем пылом, со всем энтузиазмом, * готов был проповедывать его на крышах и на перекрестках? Я считал это дело благим; я мог заблуждаться, но без злого умысла.[6] Ни один фурьерист не был заговорщиком или революционером, даже во Франции, этом отечестве и гнезде смут и революций: никто из них не участвовал в февральском перевороте, ни в баррикадах июньских, хотя школа Фурье насчитывает в одном Париже до 30-ти тысяч своих последователей.

Итак, когда мне отвечали у Петрошевского, что цель их есть осуществление реформ социяльных, а ближайшее[7] средство — пропаганда, я * ухватился за эту мысль, надеясь, что пропаганда будет распространяема в духе учения Фурье,[8] как самого добросовестного и благонамеренного из всех[9] основателей социяльных школ, единственного истинного социялиста. В тот вечер я много говорил по этому поводу; не помню всего мною сказанного, но вот приблизительно сущность моих слов: «Так, господа,

---

[1] *зач.:* земл [2] *вставлено вместо зачеркнутого:* на [3] на деле *вставлено* [4] преобразовалось бы *вставлено* [5] *подчеркнуто и отмечено на полях* [6] *отмечено на полях* [7] *вставлено* [8] *подчеркнуто, весь абзац до сих пор отмечен на полях* [9] *зач.:* соци

может быть я и буду согласен с вами в этой главной цели, но прежде нам надо еще согласиться и в подробностях, иначе мы опять разойдемся. Простите мою откровенность; но, чтоб учить других, надо сперва самим научиться; а признаюсь, я не вижу между вами знания: очень немногие из вас знакомы с социялизмом, а большая часть говорит и судит только понаслышке, не изучав добросовестно предмета. Положим, что и я принадлежу к числу последних. Что ж из этого выйдет? В состоянии ли мы вести пропаганду как следует? Те, кто будут нас слушать, могут сбивать нас на каждому шагу. По-моему, надо начать с того, что самим нам изучить основательно все системы, сличить их, выбрать из них лучшую (то есть систему Фурье) и тогда *распространять ее (faire la propagande) сознательно.[1] Этого изучения станет нам надолго; а как я через две недели уезжаю, в надежде скоро возвратиться совсем, то мог бы и ограничиться этим предложением, оставя дальнейшие объяснения на будущее время. Но так как я не хочу, чтоб вы ошибались на счет моих мнений и убеждений, и сам не хочу ошибаться на ваш счет, то и изложу вам мою мысль до конца; следствием этого будет то, что мы согласимся или разойдемся.

«Когда таким образом мы сами научимся, тогда *только примемся за пропаганду. Тогда будем проповедывать нашу *науку во всех обществах[2] (гостиных), где нам случится быть, но только в высшем кругу, а не между простым народом,[3] потому что нам нужно итти путем мира и убеждения, действовать на разум людей просвещенных, а не на страсти невежд. *Критикуйте недостатки устройства общественного, выказывайте все зло, которое от них происходит; но только те недостатки, которые не подлежат распоряжениям правительства ни в каком государстве; только то зло, которому[4] не в состоянии пособить никакое правительство, потому что оно истекает не из законов, а из укоренившихся обычаев и предрассудков. Главнее всего помните, что[5] мы не заговорщики и не религиозные сектаторы,[6] тогда ни в ваших словах, ни в вашем учении вы не затронете ни правительства, ни религии.[7] А если как-нибудь нечаянно, в беглой речи, у вас вырвется какое-нибудь слово или выражение,[8] которое могло бы ввести слушающих в заблуждение насчет наших намерений, спешите доказать, как доказывает Фурье, как доказывает наука, что наша цель — общий мир; что наша выгода — не[9] разрушать, а *поддерживать правительство;[10]

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *от слова:* только *подчеркнуто красным карандашом* [3] *от слова:* науку *подчеркнуто* [4] *подчеркнуто и отмечено на полях* [5] *зач.:* в [6, 7] *подчеркнуто* [8] *зач.:* когда [9] *зач.:* унич [10] *подчеркнуто*

что только под сенью правительства сильного может осуществиться на деле наша теория.

«Критикуя, как я сказал, недостатки общества, тут же показывайте и средства, какие предлагает наука к их искоренению. Излагайте, где можно, всю теорию: всякий, кто с нею ознакомится, сразу поймет, что ваша цель благонамеренна, что вы не имеете преступных замыслов, и пропаганда[1] пойдет тем успешнее.

*«Этого дела[2] пропаганды станет нам года на три. А потом? Потом, когда таким образом мы возбудим общественное мнение в пользу нашей науки, мы подадим правительству[3] просьбу, в которой изложим нашу цель и средства и будем просить разрешения и денежных средств на учреждение первого пробного общества в 1800 человек». Тут многие возразили мне, что правительство никогда на это не согласится. Я продолжал: «Может быть; да и трудно же правительству решиться выдать сумму в несколько мильйонов для опыта, который может оказаться неудачным. Но тогда у нас в руках другое средство. Неужели из числа убежденных нами последователей не найдутся многие, и очень многие, которые решились бы составить компанию на акциях для учреждения пробного общества, от которого, *сами они понимали бы, зависит успех всего дела. Тогда мы просили бы только р а з р е ш е н и я». (Н е к о т о р ы е: «Но никогда такое правительство, каково наше, не дало бы этого[4] разрешения»). «Позвольте, господа! Такое правительство, какое наше, всегда первое[5] начинало само всякие полезные преобразования. Таков был исторический ход нашего отечества. Вспомните, пробегите в памяти историю нашего законодательства от Петра I и до нашего времени. Как новейший пример, укажу вам на постоянную[6] мысль самого государя об уничтожении крепостного состояния.[7]

«Но положим даже, что и это было бы неудачно. Я предложу вам еще одно средство: у всех социалистов постоянно на языке слово с о л и д а р н о с т ь[8] (взаимноупрочимость). И действительно, все в природе и в обществе связано между собой, все в зависимости одно от другого, все поддерживается одно другим. Почему же этой с о л и д а р н о с т и не было бы только между нами? То-есть, вот в каком смысле я ее понимаю. Каждый из нас, занимая место в службе, надеется итти вперед; у каждого из нас есть родственники, связи и проч. *Разве мы не могли бы общими силами подвигать друг друга вперед, и тогда, в данную минуту, те из нас, ко-

---

[1] *подчеркнуто красным карандашом* [2] *исправлено из:* Этой [3] *исправлено из:* государю императору; *отмечено на полях* [4] *отмечено на полях* [5], [6] *вставлено* [7] *подчеркнуто* [8] *отмечено на полях*

торые занимали бы места более значительные,[1] не могли ли бы иметь некоторое влияние на желаемое разрешение от правительства?[2] Кроме того, почти каждый из нас мог бы в круге действия,[3] вверенном ему по службе, вводить такие частные преобразования, которые хотя и основывались бы на положениях нашей науки, но не превышали бы власти, данной ему законами? тогда эти частные преобразования послужили[4] бы правительству указанием возможности преобразований социяльных более общих, и тогда наша просьба была бы уважена, и мы получили бы разрешение. Впрочем, до этого еще далеко, не менее * трех, четырех лет;[5] значит еще успеем об этом обсудить; главное,[6] прошу вас, не теряйте из виду тот мирный законный путь, который один приведет к цели и от которого я не отступлю ни на шаг.

«Итак, господа, если вы понимаете всю святость нашей цели, то на простой мой зов: „к делу! не на бой, не в заговор, но на мирную проповедь", — отзовется не одно сердце, и не одна рука пожмет мою руку». После этих слов, которые я, конечно, произнес с жаром и увлечением, потому что сам был убежден, многие пожимали мне руку в знак совершенного согласия с моими мыслями. Я принимал, однако, эти уверения отчасти за вспышку минутного увлечения и потому в последнюю пятницу[7] перед отъездом (опять у Петрошевского) просил, чтоб каждый порознь объяснил мне, до какой степени он согласен, или нет с моим образом мыслей и[8] с предложенными мною средствами. Все молчали. Один только Спешнев и брат мой сказали, каждый порознь, — что лично за себя отвечают, что совершенно со мною согласны.

Итак, изо всех этих господ только двое со мной согласились. Какая была мысль у прочих, я не доискивался и не доспрашивался, но как мой отъезд был назначен через день, то я и решился уехать, не видавшись * более с ними,[9] и прекратить с ними всякие сношения.

На другой день утром я виделся с Спешневым на его квартире. Я сетовал перед ним на то, что так ошибся в этих людях, и оба мы сказали друг другу почти в одно время, что кажется от них нельзя ожидать ничего путного. Тогда мы положили с Спешневым, что я совершенно прекращу всякие сношения с кругом Петрошевского до возвращения моего из Ревеля, а тогда смотря по их действиям и образу мыслей увижу, должно ли с ними сближаться, или

---

[1] *зач.:* име [2] *отмечено на полях* [3] *зач.:* ему [4] *исправлено из:* служили [5] *подчеркнуто* [6] *зач.:* в [7] *зач.:* до [8] *зач.:* мо [9] *подчеркнуто; на полях рукою Гагарина:* был. О кружке показания: Петрашевского и Спешнева

нет. Тут же мы приняли с[1] ним и другое решение, которое состояло в том, что, когда я возвращусь из Ревеля, а Данилевский (которого я, впрочем, никогда не видал) из деревни, то мы втроем (Спешнев, Данилевский и я) * составим особый круг и будем действовать так,[2] как я предлагал у Петрошевского.[3] Спешнев ручался мне за Данилевского, что он такой же чистый фурьерист, как и я. * Я сказал также, что между тем в Ревеле при случае я буду проповедывать учение Фурье.[4]

Между тем, в тот же день человек 7 из общества Петрошевского пригласили меня на прощальный обед. Я согласился, потому что они мне говорили,[5] что этим хотят доказать мне, что мысли наши сходны. После обеда (за которым мы нарочно не пили вина) не помню, что именно они говорили мне, но должно быть * что-то не совершенно в моем духе, потому что я им отвечал: «Господа, теперь оставимте все это; я уезжаю завтра, мы более не увидимся, писать я к вам не буду; делайте, что хотите и как знаете, это не мое дело. По возвращении моем из Ревеля, если я увижу, что вы действовали так, как я предлагал[6] у Петрошевского, то может быть мы и сойдемся; а если нет, так нет». После этого мы разошлись по домам. Петрошевского не приглашали на этот обед.

На другой день я заезжал к Спешневу проститься. Ново мы ничего не говорили, кроме того, что я просил его давать книги моему брату, чтоб брат мог учиться. На другой день, то-есть 7-го декабря я уехал из Петербурга.

Вот все мои сношения с кругом Петрошевского и другими во время сорокадневного пребывания моего в Петербурге. Я не утаил из них ничего, разве забыл кое-какие мелочные обстоятельства и оставил одно, самое важное лично для меня, о чем скажу в своем месте.

Теперь буду говорить о действиях моих в Ревеле, по возвращении из Петербурга.

Я пытался в разные времена, в разных домах, более всего в * обществах флотских офицеров,[7] между которыми есть много моих прежних товарищей по флотской службе, говорить о фурьеризме; но все это было отрывочно, с первых слов завязывался спор, и мне никогда, нигде не удавалось изложить полной теории. Это меня огорчало и утомляло. Легко понять мою радость, когда после этого вдруг в один день в двух домах меня слушали со вниманием, не прерывая,

---

[1] с ним *вставлено* [2] *вставлено* [3] *подчеркнуто и отмечено на полях* [4] *отмечено на полях* [5] *на полях рукою Гагарина:* Кто? [6] *отмечено на полях* [7] *подчеркнуто*

до тех пор пока разговор должен был сам собой перемениться при входе новых лиц. Возвратясь домой, я был вне себя от радости; я невольно замечтался,[1] мне казалось, что тут успех несомненен, завтра меня будут слушать еще, потом в тех домах соберется целый кружок слушателей и наука приобретет новых последователей. Вот в какую минуту я писал к Спешневу:

«J'ai organisé ici deux cercles, ou l'etude prospérera».[2] * В более хладнокровном состоянии я написал бы: «Je suis en train» или «J'éspère organiser deux noyaux de cercles»,[3] слово «étude» я подчеркнул, чтобы означить чрез то l'étude du Fourierisme.[4]

Но и тут моя надежда не сбылась. В обоих этих домах слушали меня со вниманием для того только, чтобы потом лучше меня оспоривать и даже смеяться над моей фурьеристской проповедью, как оказалось впоследствии. Но таково было мое ослепление в то время, что я все надеялся выйти победителем из этого спора и убедить моих противников.

Слова того же письма «sur qui compter»[5] и проч. объясняются тем, что я рассчитывал только на Спешнева, а когда и он мне не пишет ни слова, то я начинаю сомневаться и в нем. Слова «vous me manquez tous»[6] написаны собственно для того, чтоб не оскорбить гг. посещавших круг Петрошевского, если б Спешнев почему-нибудь вздумал показать им мое письмо. Хотя я и прервал с ними сношения, но не хотел с ними ссориться, думая, что может быть по возвращении моем в Петербург мне опять придется с ними сблизиться, если они действовали в моих правилах. Что же касается до моих сетований на необходимость переписываться по почте, я рассуждал так: «если письмо мое распечатают на почте, правительство найдет в нем многое непонятным; оно должно будет потребовать от меня объяснений, для этого за мной пришлют в Ревель, напугают тем жену, увезут меня[7] в Петербург и, пока будут продолжаться допросы, продержат под арестом. Положим, я оправдаюсь, потому что у меня нет злого умысла, но все-же лучше этого избежать».

Между тем, постоянная неудача моей пропаганды, * холодность, с которою ее везде встречали, все эти беспрерывные насмешки, которыми осыпали любимую мою науку, все это вместе[8] охладило мой первый жар; к тому же упорное молчание Спешнева, для меня непонятное, заставляло меня сомневаться в нем, а чтоб продолжать одному дело пропа-

---

[1] *отмечено на полях* [2] Я организовал здесь два кружка, где изучение будет преуспевать [3] я на пути к тому или я надеюсь организовать два зародыша кружков [4] *отмечено на полях* [5] на кого рассчитывать [6] мне вас всех недостает [*перевезено чиновниками Следственной комиссии:* все меня оставляют] [7] *вставлено* [8] *подчеркнуто*

ганды, я не чувствовал в себе ни довольно сил, ни довольно терпения. Да и на самый социализм, не исключая и теории Фурье, я стал как-то смотреть иными глазами и решился все * бросить, все оставить. Я прекратил начатый мною перевод книг[1] «Le Fou du Palais Royal» (par Cantagrelle) и «Destinée sociale» (par V. Considerant) и написал последнее мое письмо к Спешневу, намереваясь в следующем объявить ему, что я довольно дурачился и решился[2] все оставить. Между тем, на вечере у одного из адмиралов мне сказал кто-то из флотских офицеров, что у военного губернатора графа Гейдена говорили об открытии в Петербурге какого-то тайного общества, об арестах, называли несколько имен, в том числе брата моего и Петрошевского. Я не знал еще причин этих арестов и думал: если правительство преследует социализм во всех его видах, то и меня потребуют в Петербург. Мысленно я рассчитывал сколько должны погибнуть при этом случае. * Я вспомнил, как говорили однажды у Петрошевского, что социялистов в Петербурге есть человек до двух сот, да в Москве, да в других городах, так что всего наберется человек до 7 или 8 сот.[3] Потом мне сказали, что их взято до 100; тут же я получил письмо не знаю от кого, потому что подписи не мог разобрать,[4] но, впрочем, от незнакомого мне, потому что письмо начинается извинением в том, что мне пишет человек незнакомый, но что он счел нужным уведомить меня, что Спешнев взят. Это меня огорчило и расстроило до высшей степени. Брат, которого я сам ввел к Петрошевскому, впал через меня в беду; Спешнев, которого я любил, как честного, благородного человека, также взят. Что ожидает меня самого? А бедная моя жена, едва оправившаяся после продолжительной, тяжкой болезни! Она в таком положении, которое требует особенного спокойствия духа... и как я ей скажу, что может быть на-днях приедут взять меня? Это ее убьет. И потом, оставить ее одну, в чужом городе, без родных, без денег... Обращаюсь ко всем, у кого есть сердце, и спрашиваю: мог ли я не упасть духом в такое время, мог ли не растеряться умом, владеть каждую минуту мыслью и словом? Положение мое было тем горчее в это тяжкое для меня время, что я долго не решался открыть его жене, должен был притворяться перед ней спокойным и облегчать свое сердце перед чужими. В таком болезненном состоянии я мог говорить многое, чего не думал; и зачем было доносчику (из донесения которого при первом моем допросе высочайше учрежденною Следственной комиссией прочитаны

---

[1] *подчеркнуто* [2] *исправлено из:* намерен [3] *подчеркнуто и отмечено на полях* [4] *в скобках графическое изображение подписи, начинающейся на* М [Мордвинов?]

мне следующие слова, будто сказанные мною: «Мой брат взят — так что ж? Я жду, что и меня возмут; взяли сто, а осталось семьсот;[1] будет еще хуже») хватать мои слова на лету и искажать их смысл? Если это точные мои слова,— чего я не помню, — то мысль тут выражена так лаконически, что ее можно объяснять как угодно, и зачем придавать ей именно тот смысл, которого я не держал в голове? И почему тот же доносчик не потрудился передать ту же мысль в таком виде, в каком я выражал[2] ее в других домах? Не везде же я говорил ее одними словами. Я не говорил по доверенности какому-то другу, — потому[3] что в Ревеле у меня были только знакомые, но не было друзей, — а говорил многим, кто меня спрашивали. * Должно не забывать, что я гораздо позже уже узнал, что взятые лица были не социялисты, а заговорщики, а до тех пор думал, что взяты только социялисты,[4] что они взяты по подозрению и, следовательно, будут оправданы, по крайней мере большая часть из них. Но при моем тогдашнем душевном расстройстве мне грезились иногда самые несбыточные вещи; я жалел, что взяты только сто, а не все, как я думал, и * боялся за тех, которые остались свободными, чтоб они, из страха быть взятыми в свою очередь, не наделали глупостей, не вздумали бы спасать себя каким-нибудь отчаянным средством и тем не погубили бы себя вконец;[5] тогда конечно им было бы еще хуже, хуже и потому еще, что может быть их арестование не обошлось бы без пролития крови хотя одного солдата.[6] Я надеялся, что брат мой будет оправдан, надеялся, что и сам я буду оправдан, и потому мне позволительно было сказать: «Так что ж»? Если я иногда и говорил «вполголоса», так это было для того только, чтоб не слышали женщины и не разболтали бы преждевременно моей жене, пока я ее не предупредил осторожно.

[7] Здесь не лишним считаю сделать следующее замечание. Если всем известно, что в жарком споре человек иногда до того увлекается, что говорит своему лучшему другу такие резкие и оскорбительные вещи, какие никогда не вспали бы ему на ум в хладнокровном состоянии, то неужели я один должен составлять собою исключение? Неужели от меня одного можно было требовать, чтоб я никогда не забылся? Часто, во время моей фуриеристской проповеди, мне приходилось выдерживать самые жаркие споры и одному против многих; это приводило меня в раздражительное, нервное со-

---

[1] *исправлено из:* восемьсот [2] *исправлено из:* говорил [3] *вставлено вместо зачеркнутого:* но говорил [4] *отмечено на полях* [5] *вставлено* [6] *подчеркнуто и отмечено на полях* [7] *этот абзац первоначально следовал после абзаца:* Во все время... Спешневу, *но они были переставлены Тимковским в обратном порядке*

стояние, я выходил из себя и решительно не помнил, что говорил. Кто испытал подобное состояние на себе или на людях коротко ему знакомых, тот не раз замечал, что в таком состоянии часто человек говорит совершенно противное тому, что думает; потому что в такие минуты всякий вырвавшийся у нас парадокс, — если только нам удается заметить, что он задел противника за живое, — становится для нас дорогим, и мы всеми силами стараемся поддерживать его даже против собственного своего убеждения, потому именно, что тем оскорбляем убеждения противника. Таково свойство природы человеческой. Слово сказано, и когда пыл простыл, мы готовы бы непомерной ценою воротить его назад, но уже поздно. А между тем, кто-нибудь подхватил его на лету, передал другим за что-то злоумышленное, и вот обвинение падает на человека, часто совершенно невинного. Если все подобные слова, которые вероятно иногда вырывались у меня в подобные минуты, были собраны и выставлены в доносе на меня, то по справедливости я не могу за них отвечать и немилосердно было бы ставить мне их в вину. К тому же не должно выхватывать из разговора отдельные слова, без связи с целой речью, которая одна придает им настоящий смысл. Мне остается жалеть только о том, почему доноситель не приводит всего, что мне случалось говорить в Ревеле, как например о республике и республиканцах (то-

есть желающих республики), которых я постоянно поражал беспощадно, как людей безумных и злоумышленных, ищущих личной пользы в смутах народных? Почему он не передал моих мнений, моих * душевных убеждений о самодержавии, как о [1] наилучшей форме правления. [2] Все это послужило бы к моему оправданию, а видно г. доноситель выискивал только то, что могло служить к моему обвинению.

Во все время пребывания моего в Ревеле я не получал ни одного письма ни от кого из общества Петрашевского (кроме, в последнее время, письма от неизвестного, о котором я говорил выше) и сам никому не писал, кроме Спешнева, от которого не получил ни строки в ответ. Только вначале, то есть вскоре по возвращении моем из Петербурга получил одно письмо от Петрашевского, но оно было написано так непонятно (хотел сказать, б е с т о л к о в о), что я не мог добиться в нем смысла; он делал мне какие-то упреки насчет моей речи (говоренной мною у него и прописанной в настоящем моем показании в конце 2-го и на 3-м листе); требовал, чтоб я объяснил ему положительно мои понятия о социализме и какие мои цели; предлагал мне несколько вопросов, по пунктам, приглашая меня отвечать на них. Я тотчас же

---

[1] *зач.:* ед [2] *подчеркнуто*

разорвал его письмо и бросил,[1] не считая нужным повторять опять то, что я уже сказал положительно и решительно у него же на вечере (лист 2 и 3), и не желая возобновлять с ним сношений до возвращения моего в Петербург, да и тогда даже только при тех же условиях (лист 2 и 3). Впрочем, я писал об этом Спешневу.

Когда я узнал, что арестованные лица были злоумышленные заговорщики, я сделался спокойнее духом, потому что считал брата и Спешнева столько социялистами и был уверен, что они взяты по подозрению только для объяснений, чего ожидал и себе. Меня беспокоило только положение моей жены.

* Что же касается до формы присяги, писанной заговорщиками и прочитанной мне при допросе высочайше учрежденной комиссии, то изо всего моего показания явствует, — и теперь повторяю торжественно пред богом и совестию, что я узнал о ее существовании только в ту минуту, когда мне ее читали в комиссии.[2]

Теперь остается мне только сказать о том обстоятельстве, о котором я упомянул в первых строках 2-й страницы 4-го листа.

Это последнее признание есть для меня * самое важное и самое тяжкое:[3] чувствую, что при изложении его я перестрадаю по воспоминанию все то, что перестрадал в действительности. Прошу снисхождения и терпения комиссии на выслушание моей длинной исповеди, я должен начать издалека.

Отец мой был истинный христианин, человек благочестивой и святой жизни; мать моя также. Все, кто их знали, подтвердят мои слова. Все мои братья и сестры (их было 22) воспитаны в правилах самой чистой нравственности, самого христианского благочестия. Пример отца и матери и всего моего семейства сильно действовал на мое младенческое сердце; первою книгою, которую я начал понимать, было Евангелие. Еще ребенком познакомился я[4] в семействе моей нынешней жены; все это семейство отличалось также благочестием и набожностию. Вращаясь постоянно в этом круге, я все более и более усвоивал себе чувство религиозное, сроднялся с ним, оно росло во мне с летами, и страх божий был моим первым путеводителем в жизни. Много я прошел горестей и испытаний, но чувство веры хранило меня и поддерживало мои силы. Четыре года тому назад я женился. Редкое даже в женщине благочестие жены моей, ее искренняя, пламенная, верующая любовь к богу, вместе с ее беседами под-

---

[1] *на полях поставлен* № [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто* [4] *вставлено*

держивали и питали мою собственную веру. Любимым нашим чтением были книги св. писания; любимым отдыхом — молитва вдвоем. Так мы продолжали жить до октября 1848-го, то есть до отъезда моего в Петербург. * Тут, когда я вступил в круг Петрошевского, я услышал такие речи о религии, которые сначала приводили меня в ужас; я хотел бежать из этого круга,[1] я должен был бы бежать, но самонадеянность меня подстрекнула, я остался. Я не ребенок, думал я; неужели то, чему я привык свято веровать с детства, что срослось с моей душой, разлетится в прах от каких-нибудь безумных речей. Я буду слушать и спорить, убеждать их и может быть еще и их обращу на путь.

Первое время я действительно заводил с ними религиозные прения. * Помню даже, как однажды, выведенный из себя их неверием, я взялся доказать им, в одну из будущих пятниц, и доказать путем чисто научным божественность Иисуса Христа, необходимость пришествия его в мир на дело спасения, рождение его от девы, и т. п.[2] Но пока я собирал матерьялы и приготовлял эту богословскую речь, споры наши продолжались. Они приводили в опровержение меня такие доводы, которые тогда, оглушая меня своею дерзостью, затмевали мой рассудок и казались мне неотразимыми. * Вера моя поколебалась, и вскоре я дошел до совершенного[3] отрицания веры христианской, сомневался даже в существовании самого бога.[4] И теперь еще для меня чудно и непонятно, как в такое короткое время (в сорок дней) я мог пасть так глубоко. Принимаю это испытание, как кару божию за мою самонадеянность, за то, что я полагался на собственные силы, на свой разум, а не на его помощь. Как бы то ни было, но я пал не вдруг, я боролся с самим собой, с зарождающимся во мне безверием, и тягостна была мне эта борьба. Ужасны, невыносимы муки[5] перехода от веры пламенной к безверию, когда приходится одно за одним отрывать от сердца каждое убеждение, каждое верование, которое пустило в нем глубокие корни и[6] крепко связано с самыми лучшими, с самыми святыми воспоминаниями детства и юности, с памятью об умерших отце и матери. И что ж я вынес из этой борьбы, из этой груды развалин? Страшную мысль — что не верить, а знать должен человек; что все должно поверяться разумом, и чего разум не может доказать, то недостойно занимать мышление.

В таком состоянии души возвратился я в Ревель. Это было в рожественском посту. Жена ждала меня с нетер-

---

[1] *подчеркнуто и отмечено на полях* [2] *отмечено на полях* [3] *зач.:* безверия [4] *отмечено на полях и подчеркнуто* [5] *вставлено* [6] *зач.:* те

пеньем, мечтая только о том, чтобы я[1] не опоздал возвратиться во время, чтобы успеть еще с нею отговеть и причаститься вместе.[2] В первую же минуту, в радости, она сообщила мне это свое желание, мечту, которою она так утешалась без меня.* И я имел жестокость в ту же минуту отвечать ей: «Зачем говеть? К чему говеть? Не требуй от меня, пожалуйста, этих глупостей».[3] Она не вдруг меня поняла и, конечно, приняла меня за сумасшедшего. Да и поистине я и сам думаю, что в то время был действительно сумасшедшим: человек с здравым смыслом не поступал бы по-моему. Когда она опомнилась и просила у меня объяснения, я объяснил ей, что ничему не верю. Бедная женщина! чем и когда буду я в состоянии искупить перед ней все горе, все муки, все страдания, которыми я так безжалостно переполнил ее нежное сердце? Долго не могла она мне отвечать, наконец сказала, что в одну минуту я разбил все ее счастье. И много дней еще после того продолжал я ее мучить таким образом. По какому-то ложному стыду, по какому-то непостижимому малодушию,[4] которого никогда себе не прощу, я не хотел открыть ей всю правду; мне стыдно было признаться, что до такого состояния довело меня постороннее влияние; что мою веру успели во[5] мне разрушить люди мне чужие, почти незнакомые и в такое короткое время. Я обманывал ее, уверял, что первые сомнения зародились во мне еще за два года до того и что уже более года, как я ничему не верю.[6] Но она как будто угадывала истину, не убеждалась моими словами, напоминала мне, как еще до отъезда (в октябре) в последний день мы ходили в церковь отслужить молебен, как постоянно каждое утро и вечер молились вместе, и спрашивала, неужели я[7] сумел бы так искусно и так долго притворствовать, когда напротив она столько раз радовалась, видя, как я усердно, от души молился.

Я стоял на своем, обманывал ее тем же, обманывал и Спешнева в письме, в котором говорю ему об этом, потому что и ему сказать правду удерживал меня тот же ложный стыд.

К счастию еще я сохранил столько ума, что не хотел разрушать веру в сердце жены, напротив радовался, видя, что она продолжает молиться и ходить в церковь попрежнему; не хотел также проповедывать безверие другим, испытав на себе, как это тяжело. Только изредка, когда при мне говорили о предметах религиозных, вырывалось у меня какое-

---

[1] *зач.:* возвра [2] *исправлено из:* во время [3] *отмечено на полях* [4] *зач.:* я [5] во мне *вставлено* [6] *отмечено на полях* [7] *зач.:* мог

нибудь короткое слово скептицизма, но я никогда не продолжал этого разговора ни с кем, кроме двух лиц, с которыми часто беседовал об этом предмете.

Не боюсь назвать здесь эти два лица, этих двух человек, из которых каждый делает честь своему званию и человечеству вообще.

Один из них протоиерей военного госпиталя отец Иоанн, другой — директор Балтийских маяков генерал-майор Баранов. Оба они знали меня хорошо и любили более может быть, чем я заслуживал. Я ходил к ним по влечению сердца, как будто предчувствуя, что эти люди вырвут меня из бездны, в которую я упал. Я бывал у них часто, тем более что это утешало мою жену, которая была уверена, что беседа с ними принесет мне пользу. Они часто говорили ей с убеждением и уверенностью, что сердце у меня доброе и намерения добрые, но ум болен от какого-то постороннего наплыва; что этот наплыв сбежит очень скоро и я возвращусь на путь истины. Я слушал сначала их слова, не совсем ясно понимая, каким образом это случится. * Положение мое становилось день ото дня тягостнее, душа моя страдала, ум страдал. Как часто, после беседы с генералом Барановым, от которой пробуждались во мне все добрые чувства и проходил предо мной целый ряд воспоминаний моего светлого детства, слова отца, напутствовавшие мою юность, мне до того делалось жаль моих утраченных верований,[1] что, приходя домой, я бросался перед образом и молил бога со слезами возвратить мне прежнюю веру, раскрыть мне истину. Мало-помалу беседы генерала Баранова и отца Иоанна, нежные увещания жены и моя молитва произвели во мне благодетельную перемену. Наступил великий пост; мне хотелось говеть с женой. Это желание мое исполнилось; тот же священник меня исповедывал, и после причащения св. тайн я успокоился духом. Хотя и теперь еще изредка испытующий[2] ум колеблется сомненьем,[3] но вера одолевает его, и молитва примиряет меня с богом. Теперь я благодарю бога за все эти тяжкие испытания, за все, за все, даже за мое нынешнее заключение: принимаю его с любовью, как крест, наложенный на меня за прошедшее неверие, но окончательно наводящий меня на путь истины и долга христианского, как на знамение милосердия и прощения.

Я все сказал. Да судят меня бог и государь! Если во мне был злой умысел, да казнят меня за злой умысел.

[4]Если я только заблуждался, да простится мне мое заблуждение, с[5] которым я уже давно расстался навсегда.

---

[1] *отмечено на полях* [2] *зач.:* ино [3] *отмечено на полях* [4] *зач.:* но [5] с которым... навсегда *вставлено*

Предаю себя милосердию царя земного, как предавал себя милосердию царя небесного, который помиловал кающегося и приблизил к себе. Уповаю на господа: милость моя в руках царя моего, а сердце царевов руце божией.

Титул. советник Константин Тимковской.

Мая 27-го дня 1849-го.

85. 1849 г. июня 25.— Допрос К. И. Тимковского по вопросным пунктам

Ч. 14, лл. 60—85. Ответы — автограф. Датировано по журналу Следственной комиссии

На предлагаемые здесь высочайше учрежденною Следственною комиссиею предварительные вопросные пункты имеете объяснить по сущей справедливости, коротко и ясно:

[В.] 1. Как ваше имя, отечество и прозвание, сколько вам отроду лет, какого вероисповедания и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

[О.] Константин Иванович Тимковской; отроду имею 34 года; вероисповедания православного; всегда исполнял в надлежащее время предписанные религиею обряды; говел и приобщался св. тайн ежегодно, иногда по два раза в год.

[В.] 2. Кто ваши родители и где они находятся, если живы?

[О.] Отец действительный статский советник Иван Осипович Тимковской, служивший цензором и директором училищ С. Петербургской губернии, а в последнее время председателем Комитета для печатания Полного Собрания и Свода законов. Скончался в апреле 1837-го. Мать Катерина Григорьевна Тимковская,[1] урожденная Шелехова, — дочь известного мореплавателя, покорившего России Алеутские острова и часть Северо-Западного берега Америки. Скончалась в октябре 1848-го года.

[В.] 3. Где вы воспитывались, на чей счет и когда окончили воспитание?

[О.] Воспитывался на счет родителей в Петербурге, сначала в частном пансионе г. Курнанда, потом в императорском Университете и в Институте восточной словесности при Министерстве иностранных дел. Кончил воспитание в 1833-м году.

[В.] 4. Состоите ли на службе, когда вступили в оную, какую занимали должность, какой имеете чин; также не находились ли прежде сего под следствием или судом и, если были, то за что именно?

---

[1] *вставлено*

[О.] Поступил на службу в октябре 1833-го года во флот юнкером; произведен в мичмана по экзамену в октябре 1835; в лейтенанты в марте 1841; уволен по прошению от службы 1-го июля 1845-го. Поступил опять на службу в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений в марте 1846-го и переименован в титулярные советники, в котором чине и поныне состою. В июне 1848-го откомандирован в г. Ревель для производства ревизии тамошнего магистрата и городского хозяйства, в помощь командированному на тот же предмет надворному советнику Беклемишеву. Под следствием, судом и в штрафах не бывал. Оставался в Ревеле при настоящей должности до дня ареста.

[В.] 5. Имеете ли недвижимое имение или собственные капиталы, а если нет, то какие имели вы средства к пропитанию и содержанию себя и своего семейства, если его имеете?

[О.] Ни имения недвижимого, ни собственных капиталов не имею. До поступления на службу жил в родительском доме; а по поступлении на службу содержал себя жалованьем и пособием от родителей, отчасти работою в журналах. Теми же[1] средствами и помощию других родственников (дяди моего, покойного тайного советника Якова Александровича Дружинина, и двоюродного брата моего, правителя дел Комитета раненых, камергера Александра Гавриловича Политковского) в продолжение кратковременной моей отставки. В настоящее время для содержания себя и семейства не имею никаких средств, кроме получаемого по службе содержания и пособия родственников.

[В.] 6. С кем имели близкое и короткое знакомство и частые сношения?

[О.] В Петербурге ни с кем, кроме некоторых из старых моих товарищей по воспитанию[2] и ближайшими родственниками. С Петрошевским и его кругом познакомился только во время моего сорокадневного отпуска в Петербург (с последних чисел октября до первых декабря) в 1848-м году; но и тогда виделся с ними только по одному разу в неделю (6 недель) у Петрошевского, 2 раза во все время у Плещеева и 2 раза во все же время у Спешнева. Никто из них меня не посещал, и я не бывал ни у кого наедине, кроме Спешнева, но и у него не более 6 раз. О сношениях моих с этими господами, совершенно, впрочем, прекратившихся со дня отъезда моего в Ревель из отпуска, подробно изложено в показании моем, представленном комиссии от 27-го сего мая.

В Ревеле — с директором Балтийских маяков генерал-майором Павлом Мироновичем Барановым; с супругою

---

[1] *вставлено* к [2] *исправлено из:* службе

г. статс-секретаря Марией Дмитриевной Масловой; с протоиереем военного госпиталя отцом Иоанном и с надворным советником Александром Петровичем Беклемишевым, как моим ближайшим начальником.

[В.] 7. Какие были ваши сношения внутри государства и за границей?

[О.] Ни внутри государства, ни за границею ни с кем сношений не имел, хотя имею в Париже близкого родственника (родного брата моей жены), коллежского советника Александра Ивановича Бутовского,[1] служащего там агентом Министерства финансов. Но с ним не состою в переписке. К. Тимковской.

[В.] Давно ли вы знакомы с Петрашевским и часто ли посещали вечера его?

[О.] С конца октября (сколько помню с 26-го или 27-го) 1848-го года. С тех пор был у него 6 пятниц сряду до обратного отъезда моего в Ревель 7-го декабря. Конст. Тимковской.

[В.] Что особенно замечательного и кем именно говорено было на этих собраниях о правительстве и правительственных лицах?

[О.] Случалось слышать иногда различные мнения о некоторых действиях правительства, но какие именно, не могу теперь вспомнить, а прошу дать мне на это время, и что вспомню, то сообщу Комиссии. Более же всего говорили о социялизме, что и было главным предметом разговоров. Костант. Тимковской.

Так как * моя цель была собственно социялизм и распространение учения социяльного[2] (собственно фуриеризма), то я и не обращал, по краткости времени моего пребывания в Петербурге, большого внимания на[3] разговоры посторонние моему предмету, когда эти разговоры не затрогивали мою душу за живое, как например споры о религии. А потому, не входя сам в разбирательство действий правительства, я не вникал и в то, что говорили об этом предмете другие, и[4] смутно припоминая давно вышедшее из моей головы, не ручаюсь за безошибочность моего показания по удовлетворению на этот вопрос. Впрочем, сколько помню, во все 6[5] собраний, при которых я присутствовал, суждения о правительстве и правительственных лицах никогда не были предметом общего разговора или общего внимания, а ограничивались каким-нибудь беглым замечанием со стороны разных лиц, вмешивавших свое словцо в разговор. Так, например, кто-то однажды заметил (не помню кто), что если правительство

---

[1] *подчеркнуто, на полях знак вопроса* [2] *подчеркнуто* [3] *зач.:* предметы [4] *зач.:* не [5] *в подлиннике* [6] *подчеркнуто*

* освободит крестьян,[1] не дав им земли в собственность, то это необходимо тотчас же образует у нас огромный класс пролетариев, более многочисленный, чем в государствах Западной Европы. Иные (также не помню кто, но кажется и Петрошевский) желали * свободы книгопечатания;[2] но все это говорилось вскользь, мимоходом. Один только раз Петрошевский говорил в продолжение получаса или более (или лучше,[3] хотел что-то сказать) о недостаточности или несовершенстве * форм судопроизводства в России;[4] но как он имеет особый дар говорить весьма непонятно, когда хочет быть красноречивым (что, надеюсь, подтвердят все посещавшие его вечера), то я, не смотря на все мое старание, не мог ни понять смысла его речи, ни добиться, к чему она ведет. Помню, что он, между прочим, делал какое-то сравнение с с у д о м п р и с я ж н ы х и, кажется, отдавал последнему преимущество.

О правительственных лицах также не помню, чтоб было говорено что-нибудь важное, кроме некоторых * смешных анекдотов о некоторых из гг. министров,[5] и если они остались у меня в памяти, то потому только, что были смешны.

Однажды также мне было возражено кем-то (несколькими голосами по поводу моей речи), что никогда правительство такое, каково наше, не позволит сделать первого опыта (в малом виде над 1800 человек) устройства фаланстерии по учению Фурье. На это я отвечал, что правительство такое, каково наше, всегда первое начинало само всякое полезное преобразование и что, если мы успеем доказать, что наша цель полезна, то получим от правительства разрешение; но что для этого нужно, чтоб учение Фурье было распространено и известно мнению общественному, так чтоб те правительственные лица, от которых будет некоторым образом зависеть это решение, разделяли сами то же мнение. Конст. Тимковской.

[В.] В ответах ваших по расспросам в Комиссии вы показали, что по вступлении в круг Петрашевского вы услышали такие речи о религии, которые сначала приводили вас в ужас, а потом совершенно поколебали вашу веру, так что вы стали сомневаться в существовании бога. Объясните, какие речи произвели на вас показанное вами влияние и кто их говорил?

[О.] Такие речи о религии я слышал более всего от Петрошевского, Толя, Болосогло, Ястржембского, Спешнева. Ч т о и м е н н о говорил каждый из них, теперь не могу вспомнить, но общий смысл всего слышанного мною в разное время клонился к тому, чтоб доказать недостоверность всех книг свящ. писания Ветхого и Нового Завета, их неподлин-

---

[1, 2] *подчеркнуто* [3] *зач.:* ска [4, 5] *подчеркнуто*

ность и позднейшее происхождение (апокрифность). Тяжело мне вспоминать это время! Беру смелость покорнейше просить высочайше учрежденную комиссию, из уважения и скорби душевной, которую возбуждает во мне это воспоминание, дозволить мне не входить в большие подробности, а ограничиться общими чертами; тем более, что с того времени, как беседы добродетельного отца Иоанна (протоирея воен. госпиталя в Ревеле) и генерала Баранова, вместе с увещаниями моей жены, расшевелили мою совесть, и особенно в последнее время, в этот месяц моего заключения * в крепости, я не переставал и не перестаю почти по целым дням молить бога о прощении мне моего тогдашнего, хотя и кратковременного, но страшного отступничества [1] и об изглажении из памяти моей всех речей, меня смутивших. Может быть напряженным усилием воли я и успел бы припомнить себе все подробности, но и к нечистоте прикосновение смутило бы ясность моей души и надолго опять поколебало бы спокойствие совести, приобретенное мною за дорогую цену. Для сущности дела не думаю, чтоб это было необходимо, и уверен, что высочайше учрежденная комиссия не заставит меня повторять слова нечестия и богохульства.

Они доказывали, что все наши четыре евангелия писаны не апостолами, ходившими во след Иисуса Христа и слушавшими его учение, но позднейшими мыслителями, [2] принадлежавшими к касте духовенства, жаждавшего забрать в свои руки власть; что все апостолы перемерли давно до того времени, как стали ходить по рукам первые евангелия, которые, наконец, расплодились в числе до 70, и что Никейский собор, видя, что большая часть из них заключают явные нелепости, соблазняющие народ, решился истребить их, оставив из них только 18 и признав каноническими только 4, которые совершенно произвольно, без всякого основания, приписал св. апостолам, Матфею, Марку, Луке и Иоанну; что, * наконец, сам господь и спаситель наш Иисус Христос был такой же человек, как и мы, но гениальный и посвященный в таинства наук нововводитель, умевший воспользоваться своим положением; [3] что весь Ветхий Завет и пророки — также писания апокрифные; что все здание христианской религии искусно нагромождено и подобрано духовенством. Все это подкрепляли эти господа доводами историческими, хронологическими, филологическими, которыми забрасывали меня и приводили в тупик. Хотя я и был тогда человеком религиозным, но религия моя основывалась не на учености, а на привычке, приобретенной с детства, на чувстве; она была в сердце моем,

---

[1] *отмечено на полях* [2] *отмечено на полях* [3] *подчеркнуто и отмечено на полях*

а не в уме, и я никогда дотоле не рассматривал ее со стороны исторической... Мудрено ли, что их доказательства и опровержения, мнимо-ученые, сбили с толку мое невежество по этой части, и мне даже как-будто стало стыдно, что я не так же учен, как они, и увлекаюсь чувством, верою, когда должно все поверять разумом и допускать только то, что разум положительно доказал. Незаметно для меня самого все эти нечестивые мысли привились ко мне и заразили мой ум.

О боге они также доказывали, что путем разума, путем научным нельзя доказать положительно * ни его бытие, ни небытие;[1] что и то, и другое останется только гипотезой. До такого ужасного результата они доводили всеми тонкостями самой хитрой и лукавой диалектики, и мой бедный ум, однажды уже пошатнувшийся, совсем растерялся. Вот каким образом я впал в бездну неверия и злочестия, из которой одно только непостижимое милосердие божие могло меня вывести и[2] вывело, подвигнутое к тому теплыми молитвами моей жены и отца Иоанна. Благодарю моего творца! Благославляю мое нынешнее заключение, потому что этот месяц содержания моего в крепости не был потерян для моей души; чувствую, что я вымолил себе у бога прощение, он укрепил меня в вере своей и любви, по обещанию евангельскому: и грядущего ко мне не изжену вон (Иоан. VI. 37) Конст. Тимковской.

[В.] В тех же ответах вы показали, что на собрании у Петрашевского пред вашим отъездом в Ревель вы спрашивали у присутствовавших, есть ли у них какая-нибудь цель и, если есть, то какая? Вам отвечали, что цель их есть осуществление реформ социальных. Объясните, кто именно так отвечал вам?

[О.] Петрошевский, Спешнев, Ханыков; прочих лиц теперь не припомню. Конст. Тимковской.

[В.] Вы показали, что однажды у Петрашевского было говорено, что социалистов в С. Петербурге, Москве и других городах наберется от 700 до 800. Объясните, по какому случаю говорено было об этом, кем именно и на чем основывали заключение о существовании показанного вами числа социалистов?

[О.] Старались разъяснить себе, в каком положении находится социялизм в России и какое число социялистов. Некоторые говорили 400, другие 500 и более, и так доходило до 700. На чем они основывали свои заключения, я не знаю; кто именно это говорили, не помню всех, могу назвать только Петрошевского и, кажется, Спешнева.

---

[1] *подчеркнуто* [2] и вывело *вставлено*

Старались разъяснить с тою целию, чтоб знать, как вести социяльную пропаганду. Конст. Тимковской.

[В.] Вы показали, что услышав, что из социалистов взяты только 100 человек, а не все, вы боялись за оставшихся на свободе, чтобы они из страха быть взятыми не вздумали спасать себя каким-нибудь отчаянным средством. Объясните, на чем вы основывали эти опасения и что вы подразумевали под словами: «отчаянными средствами».

[О.] Не основывал своих опасений ни на чем; под словами «отчаянные средства» подразумевал я то, что иной мог вздумать бежать за границу, другой может быть лишил бы[1] себя жизни; иные может быть с отчаяния вздумали бы защищаться силой и тем произвели бы только смуты и себя погубили. Конст. Тимковской.

[В.] Из дела видно и вы сами показали, что на собрании у Петрашевского вы читали речь о системе Фурье в смысле возможности постепенного преобразования целого государства по этой системе путем мирным, при содействии самого правительства. Напротив, из показаний присутствовавших на означенном собрании лиц видно, что в речи этой вы говорили не об одной системе Фурье, но и о других коммунистских и социальных системах в применении к нашему общественному быту; из чего выведено было заключение, что вы желаете возмущения, так что вообще чтением своим вы поселили страх в слушателях и раскаяние в приезде на вечер, что отчасти подтверждается и тем, что сами вы по приезде в Ревель рассказывали Беклемишеву, что речь ваша произвела большой эффект. Сделайте об этом объяснение.

[О.] По поводу этого вопроса, равно как и следующих 8-го и 9-го и всех вообще, какие могут мне быть сделаны впоследствии, касательно моей речи, да позволено мне будет обратить внимание комиссии на следующее обстоятельство:

Речь моя не оставалась на письме в руках присутствовавших при ее чтении. Собравшись у Петрошевского не ранее как через[2] две недели после того (потому что в следующую после речи пятницу я еще сам был у него),[3] они очень легко могли забыть и конечно забыли подлинные мои выражения, даже потеряли нить речи, связь идей и стали припоминать при помощи друг друга. Иной может быть и помнил мое подлинное выражение такой-то мысли, но ставя ее не на своем месте, не в той последовательности, давал ей неумышленно иное значение; другой, полагая, что сущность дела не в выражении, а в идее, забывал мои слова и передавал своими, но худо ли поняв мою мысль, или передавая ее под влиянием собственной точки зрения, опять искажал смысл мною

---

[1] *вставлено* [2] *зач.:* нед . [3] *зач.:* весь

сказанного. Изо всего этого, перемолотого и перекроеннного каждым по-своему, вышло наконец что-то целое, в котором было кое-что моего и кое-что чужого. Эту речь, таким образом ими пересозданную, они сохранили в своей памяти. Ясно, что показания их могут быть[1] совершенно сходны между собою, а между тем, хотя и без всякого злого умыслу с их стороны, * речь моя искажена, и дело[2] представляется совсем в ином виде. Я и сам не помню моей речи от слова до слова, помню только ее сущность; тем менее они могут помнить.[3] Но если б комиссии угодно было прочитать каждому из них порознь тот перечень моей речи, который я прописал в общем моем «показании от 27-го сего мая», то я полагаю, что каждый из них признал бы те слова мои подлинными. Может иной припомнил бы, что я[4] говорил (кроме прописанного мною) еще то-то и то-то, но все сказали бы, что я действительно говорил все, что там прописываю. Тогда комиссия ясно увидела бы, возможно ли какою бы то ни было логикой согласить то, что я там говорю, с заключением, будто я желаю возмущения, когда напротив я везде и беспрестанно повторяю и подтверждаю: «идите путем мира и убеждения;[5] вы должны действовать на разум просвещенных, а не на страсти невежд; помните, что вы не заговорщики и не религиозные сектаторы; критикуйте недостатки общественные, но только те, которые не подлежат распоряжению правительства, а во всех государствах предоставлены произволу общества»; и на простой мой зов: «К делу! не на[6] бой, не в заговор, но на мирную проповедь...» и проч., и множество подобных выражений? Неужели из этих слов можно было вывести заключение, * что я желаю возмущения?[7] И зачем же они не сказали мне этого тогда же? Вероятно потому, что последние мои слова к ним были: «господа, я более с вами не увижусь до отъезда, я уезжаю послезавтра, но скоро возвращусь; если вы будете действовать без[8] меня, как я вам предлагал, станете учиться сами и учить других потом, — чего вам станет года на два или на три, то по возвращении я буду с вами, если вы будете оставаться в пределах законности, а иначе мы разойдемся». Кажется эти слова были довольно положительны и ясны и не обличали во мне желания возмущения.

Я сказал Беклемишеву, что речь моя произвела большой эффект? Это правда. Я и считал, что она произвела большой эффект, именно почти тот, какого я ожидал. Я хотел узнать,

---

[1] *вставлено* [2], [3] *подчеркнуто* [4] *вставлено* [5] *отмечено на полях* [6] *зач.:* за [7] *подчеркнуто* [8] без меня *вставлено*

что это за люди и на кого из них можно рассчитывать в деле пропаганды фурьеризма; кто из них захочет сериозно заняться наукой? И когда я предложил им и ставил непременным условием прежде самим учиться, то действительно этим поселил во многих страх и раскаянье в приезде на вечер, потому что учиться-то им и не хотелось. Изо всех этих людей один только Спешнев соглашался со мной.

Наконец, зная, что я фурьерист, полагать, что я могу хотеть возмущения, простительно было бы той молодежи, которая слышала что-то о фурьеризме, но не изучала его. А как же Петрошевский мог это думать? Он должен был знать очень хорошо [1]

1-е, что фурьеризм может быть применяем к какому бы то ни было государству не иначе, как постепенно;

2-е, что прежде решительного его введения должен быть сначала сделан опыт основанием пробной фаланстерии в 1800 человек;

3-е, что пробная фаланстерия может быть основана только при правительстве твердом и прочном;

4-е, что фурьеризм никогда и нигде не может быть введен насилием;

5-е, что фурьеристы твердо убеждены, что никакие преобразования в форме правительственной не приведут человечество к благоденствию, следовательно, всякая революция есть преступное и бесполезное пролитие крови, потому что преобразования должны быть сделаны не в форме правительственной, а в тех элементах общества, которые ни в одном государстве не подчинены законам, а предоставлены произволу граждан.

Все это очень ясно и беспрестанно доказывается как в сочинениях самого Фурье, так и его последователей. Не привожу здесь доказательств на все эти 5 [2] пунктов, чтоб не слишком растягивать мое показание; да и может быть они были бы здесь неуместны. Но Петрошевский должен бы их знать.

Что же касается до того, что будто я говорил и о других системах социяльных и коммунистских, так [3] как этот вопрос совпадает с вопросом 8-м, то отвечая на последний, я возвращусь к тому пункту. Конст. Тимковской.

[В.] Из отобранных показаний видно, что в речи вашей, читанной у Петрашевского, вы предлагали разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую коммунистам, при том изъявляли ваше мнение, что всем должно действовать, что хотя считаете систему Фурье самою пол-

---

[1] *зач.:* что [2] *в подлиннике* 5 *подчеркнуто* [3] *исправлено из:* то

ною, но что и другие системы составляют концентрические круги, и тут же выразились так: «сильные не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь». Сделайте об этом объяснение.

[О.] Никак не мог я предложить такого раздела между коммунистами и фурьеристами, во-первых, потому что я не всемирный властелин, — значит такое предложение с моей стороны даже смешно; а во-вторых, потому, что фурьеристы не взяли бы не только полмира, но даже пол самого маленького из европейских государств на опыт, если б им и предлагали. Причиной этой приведенные мною (на последней странице ответа на 7-й вопрос) пункты 1-й и 2-й.

1-е. Фурьеризм может быть применен к какому бы то ни было государству не иначе, как постепенно.

Это, во-первых, потому что вся система Фурье основана на непринуждении. Люди должны добровольно сходиться и составлять общества, которые он называет фаланстериями,[1] в 1800 человек каждая. А они станут сходиться в такого рода общества не прежде, как когда увидят на деле возможность осуществления в них общего благоденствия; следовательно, тут нужна постепенность. Она нужна еще и потому, что, по расчислению Фурье, для устройства каждой фаланстерии потребуется на наши деньги до 3 000 000 рублей серебром. Следовательно, если б в полгосударстве было только 1 800 000 жителей, то для обращения его вдруг в фаланстерии понадобилось бы вдруг употребить 3 000 000 000 руб. серебром. А где же взять эту сумму, даже большому государству?

2-е. Что прежде должен быть сделан опыт основанием пробной фаланстерии, для того, чтобы убедить людей в возможности осуществления общего благоденствия в фаланстерии и тем побудить других соединяться в подобные же общества; а в случае же ошибочности теории лучше ошибиться на малом опыте, потому что тогда вред и потеря не так велики.

Я привел этот расчет для того, чтоб доказать и этим, что я не мог сделать такого нелепого предложения; надо мной расхохотались бы все, понимающие сколько-нибудь теорию. Между тем, это может также доказать, до какой степени в их памяти перемешались искаженные ими же мои идеи.

Я не предлагал также полмира отдать коммунистам; потому что все знали, что я не был коммунистом и не признавал их учения истинным. Но вот с чего они, вероятно, все это взяли, перемешав и перепутав мои идеи по-своему.

Я не говорил о других коммунистских и со-

---

[1] *исправлено:* фалангами, *исправление зачеркнуто*

цияльных системах в применении их к нашему быту, — как сказано в 7-м вопросе; то-есть, я не развивал их, а [1] коснулся до них слегка по следующему поводу. Приглашая присутствующих начать с того, чтоб сначала самим учиться, а потом уж учить других, я сказал: «Может быть некоторые из нас, [2] хотя и не знают фурьеризма, но тем не менее изучали какую-нибудь другую систему социяльную или коммунистскую? Они не должны на этом останавливаться. Каждому социялисту надо ознакомиться со всеми системами; тогда только он в состоянии будет избрать из них лучшую; а пока он знает только какую-нибудь одну, на каком основании будет он говорить, что его система есть лучшая? Мог ли он сравнить ее с другими, которых вовсе не знает? Да и как он будет отстаивать ее в спорах? Бой его будет неровен, если противник лучше вооружен, то-есть знает более его систем. Я с своей стороны, рассуждая обо всех этих системах, сравниваю их с [3] множеством одноцентренных кругов, таким образом расположенных, что система самая узкая, самая недостаточная изображается наименьшим внутренним кругом, а самая широкая и самая полная наибольшим кругом внешним. Если изучающий [4] их начнет с системы самой узкой, значит он идет от центра; дойдя до ближайшей окружности, он увидит, что эта система слишком ограничена или неудобоприменима, и пойдет далее, до следующей окружности, и таким образом далее и далее до последней, самой полной, которая по моему мнению (NB тогдашнему), есть система Фурье: только одно это ученье удовлетворит его вполне; [5] и он удовлетворится им тем более, что удовлетворение это будет сознательное, по сравнению с другими. Итак, по-моему, надо изучать все системы, во-первых, для того, чтоб убедиться самому, что система Фурье есть лучшая и убедить и других; а во-вторых, чтоб в споре с посторонними лицами быть всегда хорошо вооруженными и готовыми к отпору». Тут же я сказал (но мимоходом, заметив даже им, что я говорю это так, как мне [6] вдруг пришло на мысль, но [7] что я еще не обсудил этого предмета), что мне кажется, что если б где-нибудь на земном шаре устроились вдруг рядом фаланстерия и община (communauté) коммунистская, то коммунисты сами переняли бы очень многое от фаланстерии, а фаланстерия может быть кое-что от них, и таким образом [8] вместо фаланстерии и общины устроились бы [9] две фаланстерии смешанные (mixtes).

Вот из этих-то слов, которые если им прочитать, особенно Спешневу, то они вспомнят их и подтвердят, из этих-то слов вероятно и составили они что-то несвязное, ни с чем

---

[1] *зач.:* говор [2] *зач.:* не [3] *зач.:* одн [4] *зач.:* в [5] *зач.:* тем [6] *зач.:* кажется [7] но *зач. и вновь вставлено* [8] *зач.:* и таким образом [9] *вставлено*

несообразное, чего я никак не мог сказать по здравому смыслу.

Что же касается до слов: «сильные, не торопитесь; а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь», — я решительно не могу придумать, к чему б я мог их сказать, если только сказал; они как-то не клеятся к речи, к общему ее тону. Не перепутано ли и тут что-нибудь? Не перемешали ли они как-нибудь ту мысль, где я говорю; «и на простой мой зов: к делу!, не на бой, не в заговор, но на мирную проповедь» и проч. Готов вполне сознаваться во всем, и льщу себя надеждой, что высочайше учрежденная комиссия не упрекнет меня в противном; но чего не помню, того не помню. Мне кажется, я не говорил этих слов, а тут что-нибудь переиначено. Впрочем, даже гг., приводящие на меня эти слова в своих показаниях, сами же говорят, что я не вызывал их на площадь. Конст. Тимковской.

[В.] В той же речи вы советовали устроить кружки, на которых бы занимались исключительно вопросами фурьеризма, и чтобы хозяева тех кружков собирались в свой кружок, на котором бы рассуждали о вопросах спорных и труднее решаемых. Дайте по всему этому полное объяснение.

[О.] Я смотрел на учение Фурье, как на науку положительную и весьма сериозную, которую и изучать следовало и разрабатывать, как науку. Каждый, вновь приступающий к ее изучению, по мере приобретения им новых познаний в ней, мог бы в своем кружке [1] посредством разговора и споров утверждаться в познаниях, почерпнутых им из книг, и поправлять в своем понятии то, что он может быть понял превратно. Кроме того, хотя сочинения Фурье довольно обширны, но многие вопросы у него не вполне развиты: дальнейшие на них пояснения остались после [2] него в рукописях, из которых некоторые напечатаны, другие постоянно печатаются в журнале «La Phalange», издаваемом от (общества) школы фурьеристов в Париже. Таковы, например, вопрос о характерах. Медицина считает их только 4 (лимфатический, сангвинический и проч.), а Фурье насчитывает их до 810; потом закон (математически выведенный) групп (la loi des grouppes) и рядов групп (la loi sériaire ou la formation des séries de grouppes).

Все эти вопросы важны для науки, но полное их развитие осталось в рукописях. Так как из этих рукописей одно могло попасть в руки одного из нас, другое в руки другого, то опять в этих кружках каждый передавал бы [3] друг другу то,

---

[1] *подчеркнуто черным карандашом и по нему еще красным* [2] *исправлено из:* у [3] *вставлено*

что ему удалось прочитать. Так как эти кружки собирались бы у тех из нас, кто глубже изучили науку, чем вновь начинающие, то хозяева этих кружков, как люди более сведущие, составляли бы свой особый круг, который руководствовал бы прочих в деле их собственного изучения, разъяснял бы вопросы темные или спорные и распоряжался бы пропагандой, когда она началась бы.[1] Наконец, сюда же приходили бы за советами те из нас, которые, излагая где-нибудь в обществе (то-есть в гостиных) теорию Фурье, встретили бы со стороны слушающих такие возражения, которых сами не сумели бы опровергнуть. Вот для чего, я думал тогда, полезны были бы эти кружки.[2] Конст. Тимковской.

[В.] В генваре месяце сего года в Ревеле вы переводили книгу «Destineé sociale». Объясните, с какой целию вы это делали?

[О.] Для пропаганды. Конст. Тимковской.

[В.] В письме к Спешневу вы, жалуясь, что он не пишет к вам, присовокупили: «на кого ж полагаться, если мы не можем положиться на нас троих позднее, а теперь на двух». Объясните об этом.

[О.] Между мной и Спешневым положено было, что мы втроем с ним и Данилевским будем распространять ученье Фурье, * оставив круг Петрошевского.[3] Когда на последнем (перед моим отъездом) вечере у Петрошевского (кажется, это было 3-го или 4-го декабря) я[4] настаивал, чтоб все, кто со мною согласны, сказались, и когда один только Спешнев сказал, что он отвечает лично за себя одного, что во всем со мною соглашается, я сказал, что в таком случае они могут делать, что хотят, а что по возвращении моем из Ревеля я увижу, должно ли нам опять сойтись или разойтись. Возвратясь домой, я рассуждал с[5] самим собой: Неужели в самом деле все эти господа так боятся учиться? Очень может быть. Значит на них ничего и рассчитывать. Но сам Петрошевский, впрочем, не должен бы этого бояться. Отчего же он не сказал мне, что со мной соглашается? Вероятно у него что-нибудь другое на уме; хоть я и не знаю, что это именно, но все же значит мы с ним не сходимся в мнениях, следовательно, незачем мне его и держаться.

На другой день, приехав к Спешневу, я сказал ему, что не ожидаю ничего путного от этих людей. Он совершенно со мной соглашался в этом, и предложил мне составить особый кружок из нас троих, его (Спешнева), меня и Данилевского, для распространения учения Фурье. Данилевский тогда был в отлучке; я никогда с ним не был знаком и никогда

1, 2 *подчеркнуто красным карандашом* [3] *подчеркнуто; рукою Гагарина:* почему? [4] *зач.:* требовал [5] *зач.:* со

его не видел; но Спешнев ручался за него, что он истинный фуриерист и лучше всех знает теорию. Как мой отъезд был назначен на следующий день, то мы и решили, что я уеду в Ревель, не видавшись более с Петрошевским (как я и сделал) и его кругом; что из Ревеля я к ним писать не буду и прекращу с ним всякие сношения, а по возвращении моем в Петербург увижу, нужно ли с ними опять сходиться, или нет. Спешнев между тем будет проповедывать ученье Фурье в Петербурге, а я в Ревеле. Когда же и Данилевский, и я возвратимся в Петербург, тогда мы сойдемся все трое и обсудим, как успешнее вести фурьеристскую пропаганду.

Находясь в Ревеле, я не знал, приехал ли Данилевский в Петербург или нет; вот почему и писал Спешневу приведенные в вопросном пункте слова: «На кого ж полагаться, если мы не можем положиться на нас троих позднее, а теперь на двух», то-есть, позднее на Спешнева, Данилевского и меня, а теперь на Спешнева и меня. Конст. Тимковской.

[В.] В бумагах ваших найдено письмо к вам из Парижа от Бутовского, который пишет, что приступает к истории коммунизма и социализма. Объясните, кто этот Бутовский, в каких вы были сношениях с ним и по какому случаю он извещал вас о том, что пишет историю коммунизма и социализма?

[О.] Александр Иванович Бутовский, коллежский советник, агент Министерства финансов в Париже. Мы с ним дружны с детства, вместе воспитывались в пансионе г. Курнанда и потом в С. Петербургском университете. Родной брат моей жены. Будучи вызван в 1847-м году своим министерством по делам службы на время в Петербург, он воспользовался этим случаем, чтоб напечатать написанную им в Париже книгу на русском языке о политической экономии под заглавием «О п ы т о н а р о д н о м б о г а т с т в е, и л и о н а ч а л а х п о л и т и ч е с к о й э к о н о м и и». Книга эта в трех толстых томах, по рассмотрении ее в Ученом комитете Министерства финансов, напечатана на счет министерства. Как все вообще политико-экономисты находятся в постоянной вражде с социялистами, так и Бутовский, *заклятый враг социялизма,[1] во многих местах своей книги[2] беспощадно на них нападает. Еще более раздражило его против социялизма то обстоятельство, что некоторые русские журналы, разбирая его книгу, ставят ему в вину, что он смотрит на свой предмет с точки зрения экономической, а не социяльной.[3] Не знаю, что это за книга, которую он пишет или уж написал (потому что с тех пор не получал от него писем), что это за «И с т о р и я к о м м у н и з м а и с о ц и я л и з м а»,

---

[1] *подчеркнуто* [2] *зач.:* злобно [3] *отмечено на полях*

но полагаю, что это должно быть злая критика, которая не порадует ни[1] социялистов, ни коммунистов. Извещает он меня об этом, вероятно, потому, что так как он несколько забыл чистоту русского языка, живя давно в Париже, и поручал мне просмотреть и исправить слог его книги о политической экономии, то хотел приготовить меня, чтоб я не удивился, когда он пришлет мне и другую книгу для исправления. Впрочем, в то время, когда он писал мне это письмо, в 1847-м году (кажется, в декабре или ноябре), я еще ничего не знал о социялизме, которым стал заниматься в первый раз уже бывши в Ревеле в сентябре 1848-го. Конст. Тимковской.

[В.] При разговоре с одним лицом в Ревеле вы сказали, что ожидали, что вас арестуют, потому что в Петербурге вы были на собраниях, куда сходилось от 200 до 300 человек и где говорили речи. Это не может относиться к собраниям Петрашевского, у которого, по отзыву вашему при разговоре с Беклемишевым, бывало только от 30 до 50 человек. Имеете показать, где именно были те собрания, на которые собирались до 300 человек, и какие там говорили речи?

[О.] Лицо, о котором здесь говорится (не знаю, впрочем, кто оно), вероятно не доносило обо мне в ту же самую минуту, как я говорил, а через несколько времени спустя, может быть и через долгое время; и потому, когда ему понадобилось припомнить мои слова, оно очень легко могло ошибиться и соединить в одно то, что я говорил в разные времена. Я мог говорить, что бывал в Петербурге на собраниях, где говорились речи; в другой раз я мог сказать, что в Петербурге есть до 200 или 300 социялистов. Доносившее лицо смешало это в одно, и вышло не то, что я говорил. Этого говорить *я не мог,[2] потому что не бывал ни на каких собраниях, кроме как у Петрошевского (6 раз), у Спешнева (2 раза) и у Плещеева (2 раза). Если б я бывал на каких-нибудь других собранях, то верно сказал бы об этом кому-нибудь, хоть Петрошевскому или Спешневу, и постарался бы, чтоб и они там бывали. Конст. Тимковской.

[В.] На замечание говорившего с вами, что у нас непозволенные собрания существовать не могут, вы сказали: «Так что ж? взяли 100 человек, а их я знаю 800, — осталось 700, и все же будет то же». Число это совпадает с числом, о котором вы слышали в разговорах у Петрашевского. Объясните, на чем вы основываете это исчисление социалистов?

[О.] Это исчисление *социялистов я основывал на словах, слышанных мною у Петрошевского.[3] Там иногда рассчитывали, где и в каких городах России есть социялисты

---

[1] *вставлено* [2, 3] *подчеркнуто*

и сколько их всего. Разные лица показывали разные числа; кто говорил 500, кто 600 и даже до 800. Кто именно называл какое число, не помню. Но в числе вычислявших таким образом были Петрошевский и Спешнев, и Ханыков, сколько я помню. На чем они основывали свои выкладки, не знаю. Конст. Тимковской.

[В.] Объясните, какие были ваши отношения к Беклемишеву и от вас ли он, или вы от него заразились социальными идеями; покажите также, показывал ли он вам свое сочинение под названием «Переписка двух помещиков», когда именно и, сколько вам известно, в какое время сочинение это написано?

[О.] Отношения мои к Беклемишеву начались по службе; я был командирован в Ревель в помощь к нему по ревизии тамошнего городского управления. Он знал социализм прежде меня, следовательно не от меня. Я стал заниматься социализмом только с сентября 1848-го. Сочинение под названием «Переписка двух помещиков» я читал, сколько помню, в феврале 1849-го, если не ошибаюсь. Кажется, оно было кончено около того же времени. Конст. Тимковской.

[В.] Что вы можете объяснить о существовании социализма в Ревеле?

[О.] *Я не знал в Ревеле ни одного социялиста и ни об одном не слыхал.[1] Конст. Тимковской.

Не упоминаю о Беклемишеве, потому что он находился в Ревеле только временно.

В доказательство того, что я действительно не знал там ни одного социялиста, ссылаюсь на предварительное мое показание, в котором говорю, что старался в Ревеле распространять фурьеризм преимущественно[2] между флотскими офицерами, моими старыми товарищами. Но это всегда делалось отрывочно, при случайных встречах с ними. *Но разговор обыкновенно тотчас переходил на другие предметы, не встречая между ними сочувствия.[3] Но никогда и нигде не собирались собственно с этой целью. Конст. Тимковской.

[В.] Известно, что вы посещали вечера Плещеева, на которых была читана юмористическая статья, под заглавием «Петербург и Москва», сочиненная Герцем.[4] Объясните, часто ли вы бывали на вечерах этих и какое имели они направление?

[О.] С Плещеевым я познакомился только по приезде моем в отпуск из Ревеля в Петербург в конце октября прошлого 1848-го года. Во все сорокадневное пребывание мое[5] в Петербурге был у него на вечерах только д в а раза.

---

[1] *отмечено на полях* [2] *зач.:* в об [3] *отмечено на полях* [4] *так в тексте, вместо* Герценом [5] *зач.:* у

В первый раз встретил там только человек 5 (Спешнева, двух Достоевских, еще одного, которого имени не знаю и которого более нигде не встречал), из которых ни с одним я еще не был тогда знаком. Это было в конце октября, прежде чем я познакомился у Петрошевского. Разговор переливался из пустого в порожнее, касаясь иногда литературы, политики, социялизма, но ничего в нем не было определенного, *и никакой статьи не читали.[1] Направления я не заметил никакого, да и оставался у него не более 3-х часов. Во второй раз я был у него на вечере недели через три, сколько помню. Тогда застал у него человек до 15-ти, но опять разговора общего не было и ничего не читалось. Более всего, однако, говорили о социялизме. После того я более у Плещеева не бывал и вскоре уехал в Ревель. Переписки с ним не имел. Константин Тимковской.

2-го августа 1849.

[В.] Из показаний Спешнева и Данилевского видно, что на вечерах Плещеева рассуждалось о возможности печатать за границею запрещенные книги. Дайте об этом объяснение.

[О.] Ни на котором из двух вечеров у Плещеева (на которых я был) не рассуждалось об этом предмете. Осмеливаюсь обратить внимание комиссии на то обстоятельство, что с Данилевским я не был вовсе знаком и никогда не видался даже до сих пор. Следовательно, если он присутствовал на этих вечерах, то значит, что это было без меня, то-есть, когда меня не было в Петербурге. Константин Тимковской.

2 августа 1849-го.

Беру смелость всепокорнейше просить высочайше учрежденную комиссию приложить этот лист в дополнение к поданному мною от 27-го мая моему общему показанию.

Да позволено мне будет сказать еще несколько слов, если не в оправдание, то в облегчение своей виновности.

Из моего показания, из моих ответов на предложенные мне вопросные пункты, равно как (надеюсь) и из показаний прочих арестованных лиц комиссия может усмотреть, что *я не был заговорщиком.[2] Если общества социялистов, которые я посещал в Петербурге в продолжение только сорока дней, изменили потом свое направление и превратились в злоумышленные скопища заговорщиков,[3] я ничего не знал об этом, не имея с ними никакой переписки из Ревеля, и по совести не могу отвечать за их действия. Долг присяги был для меня всегда свят; по чувству и по убеждению я считал всегда лучшею формою правления форму монархическую самодержавную; я высказывал эти убеждения не в одном обществе, хотя не нашлось добрых людей, которые бы донесли

1, 2 *подчеркнуто* [3] *отмечено на полях*

об этом комиссии, как доносили только то, что могло только служить к моему обвинению. В подтверждение моих слов я мог бы указать на докладную записку, которую имел счастие представить в апреле 1848-го его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу, испрашивая ходатайства его высочества пред его императорским величеством на дозволение мне издавать журнал для простонародного чтения,[1] на статью, приложенную в виде образца при этой же записке; но у меня потерян черновой подлинник, а переписанная набело копия находится у его императорского высочества. Я мог бы указать также на письмо, писанное мною по тому же делу к ее превосходительству Татьяне Борисовне Потемкиной на французском языке, но не[2] помню, находится ли черновое в отобранных у меня бумагах. Во всех этих бумагах ясно выражаются мои убеждения насчет правительства, и я уверен, что комиссия приняла бы их в некоторое уважение.

Что же касается до социализма, я начал[3] заниматься им случайно, в Ревеле, в сентябре 1848-го (что известно и Беклемишеву) и, к несчастию, попал прямо на Фурье. Всякая другая система не могла бы меня завлечь. Но в его учении, совершенно новом, не похожем ни на какое другое, есть много такого, что способно обаять душу человека. Так со мной и было: он возбудил во мне какой-то энтузиазм именно потому, что обещает счастие и благоденствие всему роду человеческому, посредством труда, но труда приятного, увлекательного, и достигает своих целей путем мирным, без потрясений, без кровопролития, при всякой форме правительственной и с содействием самих правительств. Под влиянием этого энтузиазма, тогда еще совершенно во мне нового, свежего (весь сентябрь и часть октября я учился; потому что не пробежал, а изучал науку сериозную, изложенную в 5-ти толстых томах), в конце октября я приехал в Петербург, попал в круг Петрошевского и, когда там сказали мне, что их цель — пропаганда фуриеризма, мой энтузиазм удвоился, я ухватился за эту мысль и произнес мою речь, известную комиссии.

По возвращении в Ревель *я сначала принялся ревностно проповедывать фурьеризм в разных домах;[4] но постоянная неуспешность моей проповеди, упорное молчание Спешнева,[5] не отвечавшего ни на одно из моих писем, скоро охладили мой первый пыл; разбирая делаемые мне со всех сторон[6] возражения, я[7] пришел в раздумье и, рассматривая хладнокровнее любимую мою теорию, начал находить в ней много

---

[1] *отмечено на полях* [2] не помню *вставлено* [3] *зач.:* изу [4] *подчеркнуто и отмечено на полях* [5] *зач.:* на мо [6] *зач.:* сторон [7] *зач.:* стал

недостатков, которых прежде не замечал. Мало-помалу созданный мною кумир стал распадаться; наконец я дошел до того, что смотрел уже на теорию Фурье (лучшую, впрочем, из всех социяльных систем), как на утопию, имеющую некоторые прекрасные стороны, но неосуществимую на деле. Какой-то ложный стыд удерживал меня написать об этом Спешневу, тем более, что я считал себя связанным с ним. Впрочем, последнее мое письмо [1] к нему было от половины марта (если не ошибаюсь); с тех пор я не писал к нему, кроме маленькой записки о деньгах. Да и во все время я написал ему только 4 или 5 писем во все 5½ месяцев, — что не доказывает с моей стороны большого усердия к делу фурьеризма. По мере того как беседы отца Иоанна о [2] религии приносили плод, я все яснее и яснее видел лживость учения Фурье и, наконец, убедился, что оно (а тем более весь остальной социялизм) не только не прекрасная утопия, но учение вредное, потому что прямым путем ведет ум к безбожию. Тогда я горько раскаявался, что вдался как слепой, как ребенок, в это дело распространения фурьеризма и мог увлечь и других, но, к счастию, не успел. Раскаяние это росло с каждым днем и растет до сих пор, оно мучило меня и продолжает мучить невыносимо. Знаю, что раскаяньем выкупаются вины только перед богом, [3] и никогда оно [4] не бывает поздним только перед его судом; а на суде земном позднее раскаянье не приносит плода, даже часто встречается насмешкой, и вина выкупается только наказаньем. Но мне легче будет перенести наказанье, какое бы оно ни было, чем постоянно мучиться совестию. Я перенесу все без ропота, как заслуженное мною, все что богу и [5] государю угодно будет наложить на меня. Константин Тимковской.

86. 1849 г. не ранее 29 июля. — Выписка из дела о К. И. Тимковском

Ч. 14, лл. 86—105 об. 29 июля Следственная комиссия начала просматривать выписки из дел, заготовленные для составления кратких обвинительных выводов а)

Выписка из дела о титулярном советнике Константине Тимковском

Чиновник особых поручений Министерства вн. дел, тит. с. Тимковский, до арестования его находился на службе, помощником ревизора в Лифляндской губернии.

---

[1] *зач.:* мое [2] о религии *вставлено* [3] *зач.:* а на зе [4] *вставлено* [5] *зач.:* царю

а) *В отступление от принятого нами порядка — печатать выборку из показаний и опускать более позднюю выписку из дела, содержащую почти всегда тот же самый материал, в деле Тимковского мы печа-*

В донесениях агента о Тимковском не упоминалось, но как из ответов одного из обвиняемых, именно Ахшарумова, оказалось, что Тимковский в один вечер на собрании у Петрашевского говорил речь о социализме, а в другой вечер говорил о средствах действия и о влиянии на общество, предлагая именно солидарность между всеми знакомыми Петрашевского, т. е. взаимное вспоможение и протекцию по службе для занятия высших мест, и еще чтобы каждый давал отчет о том, что он сделал в известное время, — то по важности таковых обвинений Тимковский был арестован, а бумаги его опечатаны.

В бумагах Тимковского не оказалось ничего, относящегося к настоящему делу, но обратило, однако же, внимание письмо к нему из Парижа от агента Министерства финансов в Париже коллежского советника Бутковского, который пишет, что приступает к истории коммунизма и социализма; также оказались у Тимковского две запрещенные книги. Сверх того, в бумагах Спешнева найдены три письма к нему Тимковского на французском языке, от 21 декабря 1848 г., 11 января и 8 марта 1849 г. из Ревеля.

В первом письме Тимковский, между прочим, писал к Спешневу, что по возвращении его из Петербурга, на предложение его жены вместе говеть в великом посту, он отвечал ей отрывисто, что он не понимает, зачем ему говеть, когда он не видит в том никакой необходимости. Это ее очень оби-

дело, и так как она требовала на то объяснения, то он, Тимковский, откровенно рассказал ей свои религиозные мнения и тем чрезвычайно огорчил ее. Описывая свои страдания вследствие уничтожения семейного своего счастия, Тимковский прибавляет, что все это может служить для Спешнева мерилом относительно доверия, которое он может оказывать ему, Тимковскому, имевшему варварскую решимость пожертвовать столь драгоценным для него сердцем дикой любви своей к истине. В заключении этого письма Тимковский присовокупил, что он занимается, много работает и не теряет своего времени, равно как и Беклемишев, который был очень рад тому, что Тимковский рассказал ему про Петербург.

Во втором письме Тимковский по поводу того, что он не получал ответа от Спешнева на предыдущее письмо, изъявляет сомнение, не прочли ли и не задержали ли оное на почте. Вследствие сего он принимает свои меры предосторожности и пишет на этот раз под адресом своего брата, который передаст это письмо Спешневу. Засим Тимковский уведо-

---

таем именно выписку из дела, включающую более подробные сведения о несохранившихся письмах Тимковского к Спешневу и дающую сводку не попавших в выборку показаний о Тимковском других обвиняемых.

мляет, что он в Ревеле работает и изучает, хотя эта работа очень тяжелая и изучение трудно при недостатке книг, которые он просит приготовить, как было ему обещано. «Мне было бы желательно узнать, — продолжает Тимковский, — знаете ли вы что-нибудь про знаменитое письмо (одно и единственное), которое мне написал Петрашевский. Жаль, что я не могу ни вам его сообщить, ни ему отвечать по почте. В следующем письме, однако же, я поговорю с вами об нем побольше. Я думаю, впрочем, что вы об нем вовсе ничего не знаете; или в случае, если вам было известно его содержание, то вы допустили к тому этих господ с тою целию, чтобы показать мне, как мало можно на них полагаться, но что вы не разделяете их мнений».

В третьем письме Тимковский пишет: «Я удивляюсь и весьма сожалею о том, что не получаю от вас ни одного слова в ответ на мои к вам письма. Если вы не имеете ничего хорошего сообщить мне относительно моей службы, то не имеем ли мы другого предмета для переписки, равно для нас интересного? Что у вас делается? Не уменьшается ли апатия? Приехал ли Данилевский? В ожидании, ни я, ни-Беклемишев не теряем нашего времени. Он написал ряд писем к помещику; я же с своей стороны оканчиваю перевод «Fou» и первый том «Destinée sociale». Сверх того, я устроил здесь два кружка, в которых надеюсь, что изучение также процветет. Из сего вы можете усмотреть, что я здесь не нахожусь в бездействии; я изучаю сам сверх всего этого. Я у вас спрашивал когда-то, не известно ли вам об огромном и малопонятном письме, полученном мною от Петрашевского. Вы не сказали мне об оном вашего мнения, а мне было бы очень интересно знать его. Поистине я не могу объяснить себе вашего молчания. Да напишите же мне несколько строк, — на кого ж полагаться, если мы не можем положиться на нас троих позднее, а теперь на двух. Во всяком случае в начале лета я приеду на несколько дней в Петербург. Все меня оставляют, а вы в особенности. О! проклятая почта! Всегда опасно вверяться бумаге».

В тот самый день, как арестован был Тимковский, ген.-лейтенант Дубельт доставил в комиссию записку находящегося в Эстляндской губернии штаб-офицера корпуса жандармов полковника Грессера, с изъяснением некоторых сведений относительно Тимковского по пребыванию его в Ревеле. В записке этой полковник Грессер писал, что он узнал от верного человека (просившего оставить имя его в неизвестности), что Тимковский, как родственник того лица, бывая у него весьма часто, всегда казался подозрительным по его разговорам, а 14 мая сего года Тимковский при разговоре с тем лицом, между прочим, сказал, что он ожидает еже-

минутно, что и его арестуют, как арестовали его брата, потому что в Петербурге они бывали на собраниях, куда сходилось от 200 до 300 человек и где говорили речи. На замечание же того лица, что у нас непозволенные собрания существовать не могут, Тимковский сказал: «Так что ж, — ну, взяли 100 человек, а их я знаю 800, — осталось 700, и все будет то же».

Из числа арестованных лиц помещик Спешнев, в бумагах которого, как выше значится, оказались письма к нему Тимковского, показал, что Тимковский человек очень горячий, восторженный, с расстроенными нервами, совершенно откровенный и религиозный. По мнению его, Спешнева, он был уже однажды очень близок к сумасшествию; он верит сильно в магнетизм, а по тем фактам, которые он ему рассказывал о том, что с ним было, когда одна из сестер его пошла в монастырь, какие он видел видения, — он, Спешнев, заключает, что он тогда временно был помешанным. Средств у него, кроме своего языка и пера, нет никаких. Он очень добросовестный фурьерист — никакого политического переворота, ни реформы и близко не замышляет. Желает распространения фурьеризма и надеялся, что он, Спешнев, один способен распространить социализм. О составлении какого-нибудь тайного общества пропагаторов у него, Спешнева, с Тимковским и разговора не было. Тимковский не только был совершенно убежден в непредосудительности мыслей Фурье, но считал, что они совпадают с законным направлением, что они полезны потому, что отвлекают от либеральных затей. Его убеждения в этом простирались до того, что он собирался перевести Консидерана или Фурье и представить их в Цензурный комитет, уверяя, «что всякий, кто прочтет Фурье — непременно убедится в его непредосудительности». Тимковский говорил, что ему приходила мысль поехать просто к какому-нибудь банкиру, например к Штиглицу, рассчитать ему всю выгоду, которую он получит, если обратит часть своих капиталов на эту спекуляцию, что зовется у фурьеристов «фалангой». Он восставал против всяких бунтов и революций, называл просто «подлецами» тех из социалистов, которые в июне месяце прошлого года участвовали в парижском восстании, — говорил, что они отступились от своих убеждений, считал, что для всякого, кто социалист, или того, кто знает социальные теории, есть обязанность стараться разрушить предубеждение, которое в глазах многих накинуто на разнородные социальные теории, потому что в Париже толпа вздумала бунтовать и грабить. Тимковский читал однажды у него, Спешнева, свой перевод «Le Fou du Palais Royal», сочинение Кантагреля, в присутствии двух братьев Дебу, Петрашевского, Ханыкова, Кайданова и его, Спешнева, — тут спорили, как

переводить разные термины фурьеристов. У Петрашевского говорил или читал он речь, форма которой несколько горяча, но где он положительно и добросовестно отклонял от всякого политического переворота и уговаривал каждого словесно распространять свои мысли и убеждения. Еще прежде сего, без него, Спешнева, он разругал философию, французскую революцию и взялся математически доказать, «что Христос воплотился от девы»; но вместо того произнес свою речь о необходимости проповедывать. Все это многим не нравилось и казалось подозрительным. Петрашевский в одно время считал Тимковского за агента секретной полиции. Тимковский же, с своей стороны, совсем не знаком с обществом Петрашевского и считал, что это все ученые социалисты разных школ, которые сходятся туда, чтобы спорить каждый о своей системе, — думал, что тут что-то вроде ученого конгресса. Сам же Тимковский, кроме Фурье, не знал других социальных теорий, и Спешнев в спорах своих с ним об фурьеризме успел несколько поколебать в нем безусловную веру в Фурье, так что он, Тимковский, просил его, Спешнева, приготовить ему книг к его приезду в Петербург, куда он скоро надеялся быть переведенным на службу. В случае прибытия Данилевского он, Спешнев, и Тимковский сговорились собираться втроем и рассмотреть этот предмет окончательно. Вообще Тимковский немного самонадеянно думал, что в России только он, Спешнев и Данилевский знают социализм. О действиях Тимковского в Ревеле он, Спешнев, знает только из его писем; из сказанного им в этих письмах про кружки и изучение — он понял, что Тимковский посещает два общества, в которых говорит о фурьеризме; впрочем он, Спешнев, по лености ни на одно из его писем не отвечал.

Из других арестованных лиц Беклемишев, служивший вместе с Тимковским в Ревеле, показал, что в конце декабря 1848 года Тимковский, возвратясь из отпуска, говорил ему, Беклемишеву, что познакомился в Петербурге с Петрашевским и Спешневым, из коих у первого бывает от 30-ти до 50-ти человек, и что он, Тимковский, говорил речь, которая произвела большой эффект; что у Петрашевского рассуждали и о социальных вопросах, но больше о философии и религии. При этом случае Тимковский прибавил, что он был некогда фанатически религиозен, но уже года два, как переменил понятия свои, скрывая это от жены своей; по возвращении же из Петербурга не мог более лицемерить и этим чрезвычайно огорчил жену. В январе месяце Тимковский говорил, что переводит книгу «Destinée sociale», но впоследствии сказал ему, что перестал переводить. От Петрашевского же он получил одно предлинное письмо, которое показывал ему, Беклe-

мишеву, сказав, что не хочет отвечать Петрашевскому. В письме этом, написанном весьма темно и вычурно, Петрашевский, между прочим, упрекал Тимковского в том, что он слишком еще держится всех религиозных поверьев, как видно было из произнесенной им речи. Кроме того, он упрекал его в страсти к пустым фразам и в самолюбии; говорил, что Тимковский должен был заметить, что речь его многим весьма не понравилась, ибо они видели, что он желал только блеснуть своим красноречием, но что во всей речи не было собственно никакого смысла. Мнения Тимковского о социализме, — сколько он, Беклемишев, мог заметить, — были неопределенны и были мистические; он смешивал социализм, религию, магнетизм и кабалистику. Политикой вовсе не интересовался и был в ней довольно несведущ; он, Беклемишев, всегда видел в Тимковском в высшей степени суетного и самолюбивого человека, а по тому, что он рассказывал о чудесах, производимых магнетизмом, и о необычайной способности его к языкам, о том, как он ребенком выучился читать и едва ли и не писать в два урока, можно было счесть его и хвастливым. Вообще же он был обыкновенно молчалив и казалось жил в каком-то отвлеченном мире. Когда было получено известие об арестовании брата его, Тимковского, то он действительно сказал ему, Беклемишеву: «Чего доброго,— может быть и меня возьмут!» На вопрос его: «За что?», он сказал: «За то, что я был у Петрашевского и говорил речь», но потом прибавил: «Да, впрочем, я ничего не говорил против правительства». В день арестования Тимковского ему, Беклемишеву, сказали, что Тимковского арестуют вовсе не за связи с Петербургом, но за вольнодумные разговоры в Ревеле, и в тот же день он, Беклемишев, слышал от того же человека, будто бы Тимковского обвиняют в том, что он сказал: «100 человек в Петербурге взяли, а 800 осталось». На показанное ему, Беклемишеву, при допросе письмо Тимковского, в котором, между прочим, сказано, будто он, Тимковский, основал два кружка в Ревеле, Беклемишев объяснил, что это чистая ложь или хвастовство, чтоб показать свое влияние. По знанию его местных обстоятельств, он смело может сказать, что существование тайных обществ в Ревеле невозможно; весь город знал бы об этом менее чем в три дня.

Собственно в отношении речи, говоренной Тимковским на собраниях у Петрашевского, некоторые из арестованных лиц показали:

Десбут 1-й и Десбут 2-й, что Тимковский в речи своей, развивая систему Фурье, приводил надобность размножения кружков для того, как присовокупляет Десбут 2-й, чтобы распространять известное направление.

Момбелли, что пред отъездом из Петербурга Тимковский явился на вечер к Петрашевскому с тетрадью в руках и объявил, что намерен открыто высказать мысли, его занимающие. После чаю Тимковский начал чтение изложением рассуждения о прогрессе, о фурьеризме, коммунизме и пропаганде, потом предлагал разделить мир на две части, отдав одну часть на опыт фурьеристам, а другую коммунистам и т. п., и в заключение советовал устроить кружки, на которых занимались бы исключительно вопросами фурьеризма и коммунизма, и чтобы хозяева тех кружков собирались в свой кружок, на котором бы рассуждали о вопросах спорных и труднее решаемых. Наконец, Тимковский сравнивал себя с Самсоном. Впечатление, произведенное чтением Тимковского, было самое грустное: многие побледнели, раскаяние в приезде на вечер и страх изобразились на лицах. Впечатление это произвело, по мнению его, Момбелли, не либерализм речи Тимковского, а то, что он предлагал действовать.

Львов, что речь Тимковского на собрании у Петрашевского, по мнению его, Львова, есть самая замечательная из всего, что было там говорено. Тимковский говорил, что он полагает, что все они должны действовать, что хотя он считает самою полною систему Фурье, но что и другие суть только концентрические круги и пусть всякий действует по своим убеждениям; при этом Тимковский сказал: «Сильные, не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь».

Ханыков, что речь Тимковского, читанная у Петрашевского, была возбудительная в духе коммунизма; в ней советовалось слушателям образовать кружки и заниматься пропагандою.[1]

Достоевский, что читанная Тимковским на собраниях у Петрашевского речь занимала два или три вечера. Тимковский говорил в ней с большим уважением о Фурье; коснулся выгод его системы и желал ее успеха, убеждаясь, впрочем, в невозможности применения оной немедленно, увещевал быть согласными в идеях, кто бы какой социальной системы ни держался, и в то же время оговаривал, что зовет не на бунт и не желает тайного общества.

Петрашевский показал, что он не помнит того, что речь Тимковского была в возмутительном духе, равно как не помнит в точности и ее содержания. Его неприятно поразил ее эмфаз и то, что сказано было о кружках и о солидарности, ибо могло дать повод к превратным толкованиям.

---

[1] *на полях вставлено карандашом:* „Толль, что Тимковский говорил [*вставлено и зачеркнуто:* две речи] в самом нелепом духе о необходимости какого-то переворота и высказывал желание возмущения".

Сам Тимковский показал, что он начал заниматься социализмом случайно, в Ревеле в сентябре 1848 г., и к несчастию напал прямо на Фурье. Теория Фурье возбудила в нем какой-то энтузиазм, именно потому, что обещает счастие и благоденствие всему роду человеческому, посредством приятного и увлекательного труда, и достигает своих целей путем мирным, без потрясений, без кровопролития, при всякой форме правительственной и с содействием самих правительств. Под влиянием этого энтузиазма, тогда еще совершенно в нем нового, свежего, в конце октября он приехал в Петербург и попал в круг Петрашевского. На собраниях у Петрашевского, на которых он был 6 пятниц сряду, до обратного отъезда своего в Ревель 7 декабря 1848 г., он слышал преимущественно от самого Петрашевского, Толя, Баласогло, Ястржембского и Спешнева такие речи о религии, которые сначала приводили его в ужас, а потом совершенно поколебали его веру, так что он вскоре дошел до положительного отрицания веры христианской, даже сомневался в существовании самого бога. Сверх того, предметами разговоров на сих собраниях, между прочим, были: философия, толки об освобождении крестьян, свободе тиснения, несовершенство форм судопроизводства в России. Когда же ему там сказали, что их цель пропаганда фурьеризма, то энтузиазм его, Тимковского, удвоился, он ухватился за эту мысль и произнес речь о системе Фурье в смысле возможности постепенного преобразования целого государства по этой системе путем мирным, при содействии самого правительства. Речи своей от слова до слова он не помнит, в сущности же говорил в ней, что надо начать с того, чтобы самим изучить основательно все системы социалистов, так как большая часть из присутствовавших говорили и судили об оных только понаслышке, — сличить их, выбрать из них лучшую (т. е. систему Фурье) и тогда распространять ее сознательно во всех обществах высшего круга, а не между простым народом, потому что нужно идти путем мира и убеждения, действовать на разум людей просвещенных, а не на страсти невежд. По возбуждении таким образом общественного мнения в пользу этой системы, можно подать просьбу правительству о разрешении и выдаче денежных средств на учреждение первого пробного общества в 1800 человек. В случае отказа со стороны правительства, он, Тимковский, полагал составить компанию на акциях для учреждения пробного общества и не думал, чтобы правительство наше воспретило учреждение оной, потому что оно первое начинало само всякие полезные преобразования; доказательством сему служит исторический ход нашего отечественного законодательства от Петра I до нашего времени, а новейшим примером постоянная мысль государя

императора об уничтожении крепостного состояния. Предполагая же, что и это было бы неудачно, он, Тимковский, предлагал солидарность для того, чтобы подвигать на службе друг друга вперед общими силами и, достигнув мест более значительных, иметь некоторое влияние на желаемое разрешение от правительства, не теряя из виду тот мирный и законный путь, который один приведет к цели и от которого он не думал отступить ни на шаг.

Что ж касается до показаний других обвиняемых, что будто речь его была возмутительного содержания, то он, Тимковский, объясняет, что речь его не оставалась на письме в руках присутствовавших по окончании ее чтения. Собравшись у Петрашевского не ранее, как чрез две недели после того (потому что в следующую после речи пятницу Тимковский еще сам был у него), они очень легко могли забыть и конечно забыли подлинные его выражения, даже потеряли нить речи, связь идей и стали припоминать при помощи друг друга. Иной может быть и помнил его подлинное выражение такой-то мысли, но ставя ее не на своем месте, не в той последовательности, давал ей неумышленно иное значение; другой, полагая, что сущность дела не в выражении, а в идее, забывал его слова и передавал своими, но худо ли поняв его мысль, или передавая ее под влиянием собственной точки зрения, опять искажал смысл им сказанного. Изо всего этого, перемолотого и перекроенного каждым по-своему, вышло наконец что-то целое, в котором было кое-что его, Тимковского, и кое-что чужого.

Эту речь, таким образом ими пересозданную, они сохранили в своей памяти. Ясно, что показания их могут быть совершенно сходны между собой, а между тем, хотя и без всякого злого умысла с их стороны, речь его искажена, и дело представляется совсем в ином виде. Он и сам не помнит своей речи от слова до слова, помнит только ее сущность; тем менее они могут помнить. Согласить же того, что он говорил в этой речи, с замечанием, будто бы он желает возмущения, невозможно потому, что он везде и беспрестанно повторял и подтверждал: «Идите путем мира и убеждения, вы должны действовать на разум просвещенных, а не на страсти невежд; помните, что вы не заговорщики и не религиозные сектаторы, критикуйте недостатки общественные, но только те, которые не подлежат распоряжению правительства, а во всех государствах предоставлены произволу общества; к делу! не на бой, не в заговор, но на мирную проповедь». О других коммунистских и социальных системах, в применении их к нашему быту, он, Тимковский, коснулся слегка, приглашая присутствующих начать с того, чтобы сначала самим учиться, а потом уже учить других. Советуя изучать

все социальные системы как для того, чтобы убедиться, что система Фурье есть лучшая и убедить других, так и для того, чтобы в споре с посторонними лицами быть всегда хорошо вооруженными и готовыми к отпору, он сказал, что ему кажется, если бы где-нибудь на земном шаре устроились вдруг рядом фаланстерия и община (communauté) коммунистская, то коммунисты сами переняли бы очень многое от фаланстерии, а фаланстерия может быть кое-что от них, и таким образом вместо фаланстерии и общины устроились бы две фаланстерии смешанные (mixtes). Из этих-то слов, вероятно, и составили некоторые из присутствовавших что-то несвязное, ни с чем несообразное, чего он, Тимковский, не мог сказать по здравому смыслу, а именно будто бы он предлагал разделить мир на две части, между коммунистами и фурьеристами. Такого раздела не мог он предложить, во-первых, потому, что он, Тимковский, не всемирный властелин; а во-вторых, потому что фурьеристы не взяли бы не только полмира, но даже пол самого маленького из европейских государств на опыт, хотя бы им и предлагали. Если б он сделал такое нелепое предложение, то над ним расхохотались бы все, понимающие сколько-нибудь теорию Фурье; между тем, это может также доказать, до какой степени в памяти присутствовавших перемешались искаженные ими же его, Тимковского, идеи.

Он не предлагал также полмира отдать коммунистам, потому что все знали, что он не был коммунистом и не признавал их учения истинным. Что же касается до слов: «Сильные, не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь, я вас не вызываю на площадь», — ему, Тимковскому, кажется, что этих слов он не говорил, а тут что-нибудь переиначено. Впрочем, даже приводящие на него эти слова сами же говорят, что он не вызывал их на площадь.

Устройство кружков он считал полезным для изучения системы Фурье, и так как эти кружки собирались бы у тех, которые глубже изучали науку, чем вновь начинающие, то хозяева этих кружков, как люди более сведущие, составляли бы особый круг, который руководствовал бы прочих в деле их собственного изучения, разъяснял бы вопросы темные или спорные и распоряжался бы пропагандой, когда она началась бы. Наконец, сюда же приходили бы за советами те, которые, излагая где-нибудь в обществе (т. е. в гостиных) теорию Фурье, встретили бы со стороны слушающих такие возражения, которых сами не сумели бы опровергнуть.

Беклемишеву он, Тимковский, действительно сказал, что речь его у Петрашевского произвела большой эффект. Он и считал, что она произвела большой эффект, именно такой, какого он ожидал. Он хотел узнать, что это за люди и на кого из них можно рассчитывать в деле пропаганды фурьериз-

ма, кто из них захочет сериезно заняться наукою. И когда он предложил им и ставил непременным условием прежде самим учиться, то действительно этим поселил во многих страх и раскаяние в приезде на вечер, потому что учиться-то им не хотелось. Из всех этих людей один только Спешнев соглашался с ним.

На другой день по произнесении этой речи, утром он увиделся с Спешневым на его квартире и по обоюдному согласию положили, что он, Тимковский, прекратит всякие сношения с кругом Петрашевского до возвращения своего из Ревеля, а тогда, смотря по их действиям и образу мыслей, увидит, должно ли с ними сблизиться, или нет. Вместе с тем тут же они решились, по возвращении его, Тимковского, из Ревеля, а Данилевского (которого он, впрочем, никогда не видал), из деревни, они втроем (Тимковский, Спешнев и Данилевский) составят особый круг и будут действовать так, как предлагал он, Тимковский, у Петрашевского. Причем он же, Тимковский, сказал, что между тем в Ревеле, при случае, он будет проповедывать учение Фурье. Таковы были сношения его с кругом Петрашевского и другими во время 40-дневного пребывания его в Петербурге.

По возвращении в Ревель, он пытался в разные времена, в разных домах, более всего в обществе флотских офицеров, между которыми было много прежних его товарищей по флотской службе, говорить с фурьеризме; но с первых его слов завязывался спор, и ему никогда нигде не удавалось изложить полной теории. Это его огорчало и утомляло. Легко понять его радость, когда после этого вдруг в один день в двух домах[1] его слушали со вниманием, не прерывая; возвратясь домой, он уже мечтал приобрести новых последователей для науки. Вот в какую минуту он писал к Спешневу; «Я составил здесь два круга, в которых изучение будет процветать». В более хладнокровном состоянии он написал бы: «Я пытаюсь или надеюсь составить здесь два зародыша кругов»; слово «изучение» он подчеркнул, чтоб означить чрез то изучение фурьеризма. Но и тут надежда его не сбылась. Слова того же письма: «На кого положиться» и проч. объясняются тем, что он рассчитывал только на Спешнева, а когда и сей последний ему не писал ни слова, то он начинал сомневаться и в нем. Слова «Вы меня все оставляете», написаны собственно для того, чтобы не оскорбить посещавших круг Петрашевского, если бы Спешнев почему-нибудь вздy-

[1] *к этому месту в выборке из показания (л. 53) сделано примечание:* В чьих именно — Тимковский в письменном своем показании не упоминает, но при словесных расспросах объяснил, что таковые разговоры о фурьеризме он имел у начальника балтийских маяков ген.-майора Баранова и жены статс-секретаря Маслова.

мал показать им его письмо. Хотя он и прервал с ними сношения, но не хотел ссориться, думая, что может быть, по возвращении его в Петербург, ему опять придется с ними сблизиться, если они действовали в его правилах.

Между тем, постоянная неудача его пропаганды, упорное молчание Спешнева, да и самый социализм, на который он стал смотреть иными глазами, побуждали его все оставить, на что он и решился. Он прекратил начатый им с целью пропаганды перевод книг: «Le Fou du Palais Royal» (сочинение Кантагреля) и «Destinée sociale» (сочинение В. Консидерана) и написал последнее письмо к Спешневу, намереваясь в следующем объяснить ему, что он довольно дурачился и решился все оставить. Разбирая делаемые ему со всех сторон возражения, он пришел в раздумье и, рассматривая хладнокровнее любимую свою теорию, он начал находить в ней много недостатков, которых прежде не замечал. Мало-помалу созданный им кумир стал распадаться; наконец, он дошел до того, что смотрел уж на теорию Фурье, как на утопию, имеющую некоторые прекрасные стороны, но неосуществимую на деле. По мере же того, как религиозные верования в нем возобновлялись, он яснее видел лживость учения Фурье и, наконец, убедился, что оно не только не прекрасная теория, но учение вредное, потому что прямым путем ведет ум к безбожию. Тогда он горько раскаялся, что вдался, как слепой, как ребенок, в это дело распространения фурьеризма и мог увлечь и других, но, к счастию, не успел.

Во все время пребывания своего в Ревеле, он не имел переписки ни с кем из общества Петрашевского, исключая Спешнева, от которого не получал ни строчки в ответ. Только в начале, т. е. вскоре по возвращении своем из Петербурга, он получил одно весьма бестолковое письмо от Петрашевского, в котором сей последний делал ему некоторые вопросы о социализме и на которое он, Тимковский, не сделал ответа.

Относительно слов, приводимых безыменным на него доносителем, произнесенных будто бы им при вести об арестовании его брата, Спешнева и других, как то: «Мой брат взят; — так что ж? я жду, что и меня возьмут; взяли сто, а осталось семьсот; будет еще хуже», — Тимковский объяснил, что если это точные его слова, чего он не помнит, то мысль тут выражена так лаконически, что ее можно объяснить как угодно. И зачем придавать ей именно тот смысл, которого он не держал в голове? В то время он не знал еще причин этих арестов и думал: если правительство преследует социализм во всех его видах (он узнал уже гораздо позже, что взятые лица были не социалисты, а заговорщики), то и его потребуют в Петербург. Мысленно он рассчитывал, сколько должны погибнуть при том случае. Он вспомнил, как говорили однажды

у Петрашевского, что социалистов в С. Петербурге, Москве и других городах наберется до 700—800 человек.[1] Услышав же, что взяты только сто, а не все, он, Тимковский, боялся за тех, которые остались свободными, чтобы они из страха быть взятыми в свою очередь не вздумали спасать себя каким-нибудь отчаянным средством и тем не погубили бы себя вконец; тогда, конечно, им было бы еще хуже потому, что может быть их арестование не обошлось бы без пролития крови хотя одного солдата. Он надеялся, что брат его и сам он будут оправданы, и потому ему позволительно было сказать: «Так что ж».

Относительно своих политических убеждений Тимковский объяснил, что лучшею формою правления он всегда считал монархическую самодержавную; убеждения эти он высказывал не в одном обществе, хотя не нашлось людей, которые донесли бы об этом, как доносили только то, что могло служить к его обвинению. В подтверждение своих слов он указал на докладную записку, представленную в апреле 1848 года государю наследнику с испрашиванием ходатайства его высочества на дозволение ему издавать журнал для простонародного чтения; на статью, приложенную в виде образца при той же записке; также на письмо, писанное им на французском языке к Потемкиной по тому же делу.[2]

Титулярный советник Тимковский, 34-лет, воспитывался в С. Петербургском университете и в Институте восточной словесности при Министерстве ин. дел. Кончил воспитание в 1833 г. Поступил на службу в октябре того же года во флот юнкером и служил во флоте до 1845 г., а в том году вышел в отставку и в 1846 г. поступил опять на службу в Министерство вн. дел чиновником особых поручений, с переименованием в титулярные советники. В июне 1848 г. откомандирован в город Ревель для производства ревизии тамошнего магистрата и городского хозяйства, в помощь командированному на тот же предмет надворному советнику Беклемишеву.

87. 1849 г. октября 20.—Подписка, данная К. И. Тимковским Военно-судной комиссии

Ч. 120. „Дело, произведенное выс. учрежденной Военно-судною комиссией над злоумышленниками". На 619 лл. Л. 419. Ответ — автограф

Г. титулярному советнику Тимковскому.

[В.] Высочайше учрежденная для суждения вас по полевым военным законам Военно-судная комиссия предлага-

[1] Петрашевский показывает, что у него на собраниях никогда не было говорено о числе социалистов. *Примеч. подлинника.* [2] Этих бумаг, в коих по словам Тимковского, выражаются его убеждения насчет правительства, при деле нет. *Примеч. подлинника*

ет вам объяснить: не имеете ли вы, в дополнение данных уже вами при следствии показаний, еще чего-либо к оправданию своей вины представить.

[О.] Прежние мои показания подтверждаю и более ничего к ним прибавить не имею. Титул. советник кандидат Тимковский.

20 октября 1849 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ А. П. БАЛАСОГЛО

1. 1849 г. мая 12. — Препроводительное отношение за № 31 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . 15
2. 1849 г. мая 12. — Опись бумаг А. П. Баласогло . . . . . —
3. 1849 г. мая 12. — Бумаги А. П. Баласогло, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных 16

I. Не позднее 1845 г. — А. П. Баласогло. Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией . . . . . —
II. 1845—1846 гг. — Записка А. Н. Майкова к А. П. Баласогло . 48
III. 1845—1846 гг. — Записка Ф. Г. Толя к А. П. Баласогло . . . —
IV. До 1848 г. Статья неизвестного автора о рабстве . . . . . —
V. 1847 г. — Записка Г. И. Невельского к А. П. Баласогло . . . 50
VI. 1847 г. декабря 22. — Записка П. А. Кузьмина к А. П. Баласогло . . . . . —
VII. 1848 г. июля 8. — Письмо П. А. Кузьмина к А. П. Баласогло. 51
VIII. 1848 г. августа 23. — Письмо П. А. Кузьмина к А. П. Баласогло 52
IX. 1849 г. февраля 25. — Письмо Б. А. Милютина к А. П. Баласогло 53

4. 1849 г. мая 12. — Отношение за № 32 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
5. 1849 г. мая 14 — Показание А. П. Баласогло 54
6. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу А. П. Баласогло 98
7. 1849 г. июня 10. — Отношение за № 124 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 111
8. 1849 г. июня 22 и 23. — Допрос А. П. Баласогло по вопросным пунктам . . . . . —
9. 1849 г. 20 июля. — Допросы А. П. Баласогло о разных лицах . . 141

Стр.

10. 1849 г. августа 8. — Отношение за № 53 управляющего Министерством иностранных дел Л. Г. Сенявина к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 150
11. 1849 г. октября 21. — Подписка, данная А. П. Баласогло Военно-судной комиссии 151
12. 1849 г. ноября 3. — Протокол за № 12 Военно-судной комиссии. —
13 1849 г. ноября 8. — Отношение за № 748 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому 153
14. 1849 г. ноября 9. — Отношение за № 442 коменданта С. Петербургской крепости И. А. Набокова к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому . . . . . —
15. 1849 г. ноября 9. — Подписка А. П. Баласогло при освобождении из-под ареста 154

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ Ф. Г. ТОЛЯ

16. 1849 г. мая 4. — Препроводительное отношение председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 157
17. 1849 г. мая 4. — Опись бумаг Ф. Г. Толя . . . . . —
18. 1849 г. мая 4. — Бумаги Ф. Г. Толя, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных 158
I. 1849 г. не позднее 11 марта. — Ф. Г. Толь. Набросок речи о происхождении религии . . . . . —
19. 1849 г. не ранее 6 мая. — Показание Ф. Г. Толя 161
20. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу Ф. Г. Толя. 169
21. 1849 г. июня 21 и 23. — Допрос Ф. Г. Толя по вопросным пунктам. 178
22. 1849 г. июля 15. — Допрос Ф. Г. Толя о разных лицах 190
23. 1849 г. между 20 августа и 7 сентября. — Допрос Ф. Г. Толя по вопросным пунктам 193
24. 1849 г. октября 20. — Подписка Ф. Г. Толя, данная Военно-судной комиссии 195
25. 1849 г. октября 28. — Показание Ф. Г. Толя . . . . . —

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ И. Л. ЯСТРЖЕМБСКОГО

26. 1849 г. мая 2. — Отношение за № 843 начальника III отделения гр. А. Ф. Орлова к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 199
27. 1849 г. мая 4. — Отношение за № 12 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
28. 1849 г. мая 4. — Опись бумаг И. Л. Ястржембского 200

Стр.

29. 1849 г. мая 4. — Бумаги И. Л. Ястржембского, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных 200
I. 1849 г. марта 16. — Записка М. В. Петрашевского к И. Л. Ястржембскому . . . . . —
II. Около 1847—1848 гг. — Записка А.И. Пальма к И. Л. Ястржембскому . . . . . —
30. 1849 г. мая 9. — Показание И. Л. Ястржембского 201
31. 1849 г. не ранее 9 мая. — Показание И. Л. Ястржембского . . . —
32. 1849 г. не позже [?] 11 июня. — Изложение социалистических систем, сделанное Ястржембским по требованию Следственной комиссии 205
33. 1849 г. начало июня. — Выборка из показаний по делу И. Л. Ястржембского 211
34. 1849 г. июня 11. — Допрос И. Л. Ястржембского по вопросным пунктам 217
35. 1849 г. до 20 июля. — Допросы И. Л. Ястржембского о разных лицах 223
36. 1849 г. октября 20. — Подписка И. Л. Ястржембского, данная Военно-судной комиссии 225
37. 1849 г., ноября 10. — Показание И. Л. Ястржембского . . . . . —

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ П. А. КУЗЬМИНА

38. 1849 г. мая 2. — Сообщение И. П. Липранди Следственной комиссии. 231
39. 1849 г. мая 6. — Отношение за № 17 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
40. 1849 г. мая 7. — Показание П. А. Кузьмина 232
41. 1849 г. мая 19. — Показание П. А. Кузьмина 236
42. 1849 г. мая 26. — Отношение за № 95 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 240
43. 1849 г. мая 26. — Бумаги П. А. Кузьмина, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных 241
I. 1848 г. июля 8 — сентября 10. — Дневник П. А. Кузьмина . . . —
II. 1848 г.—Заметка П. А. Кузьмина „Дворянские выборы“ 257
III. 1848 г. ноября 27. — Письмо М. В. Петрашевского к П. А. Кузьмину 258
IV. 1848 г. марта 12. — Письмо А. Михайлова к П. А. Кузьмину . 260
44. 1849 г. начало июня. — Выборки из показаний по делу П. А. Кузьмина 261
45. 1849 г. начало июня. — Выписки из бумаг П. А. Кузьмина 266
46. 1849 г. июня 20, 21 и 22. — Допрос П. А. Кузьмина по вопросным пунктам 272
47. 1849 г. до 20 июля. — Допрос П. А. Кузьмина о разных лицах . . 281
48. 1849 г. августа 8. — Отношение за № 144 члена Комиссии по

Стр.
разбору бумаг арестованных А. Сагтынского к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 281
49. 1849 г. сентября 26. — Подписка П. А. Кузьмина при его освобождении из-под ареста 282

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

50. 1849 г. мая 25. — Отношение за № 472 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 285
51. 1849 г. мая 27. — Отношение за № 1120 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
52. 1849 г. июня 4. — Отношение за № 1205 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 286
53. 1849 г. июня 6. — Отношение за № 1228 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
54. 1849 г. не позднее 24 июня. — Выборка из показаний по делу Н. Я. Данилевского 287
55. 1849 г. июня 23. — Отношение за № 1393 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 289
56. 1849 г. не ранее 24 июня. — Показание Н. Я. Данилевского . . . —
57. 1849 г. июня 24. — Отношение за № 128 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 326
58. 1849 г. июня 15. — Допрос Н. Я. Данилевского по вопросным пунктам 327
59. 1849 г. октября 20. — Подписка Н. Я. Данилевского, данная Военно-судной комиссии 333
60. 1849 г. ноября 10. — Отношение за № 755 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому 334
61. 1849 г. ноября 10. — Отношение за № 447 коменданта С. Петербургской крепости И. А. Набокова к председателю Военно-судной комиссии В. А. Перовскому . . . . . —
62. 1849 г. ноября 10. — Подписка Н. Я. Данилевского при освобождении из-под ареста 335

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ А. П. БЕКЛЕМИШЕВА

63. 1849 г. мая 18. — Отношение за № 64 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 339
64. 1849 г. мая 18. — Бумаги А. П. Беклемишева, отобранные Комис-

Стр.
сией по разбору бумаг арестованных 340
I. 1848 г. октября 17. — А. П. Беклемишев. „О выгодах собщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда“ . . . . —
II. 1848 г. октября 24. — А. П. Беклемишев. „О страстях и о возможности сделать труд привлекательным“ 350
65. 1849 г. мая 20. — Отношение за № 464 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 363
66. 1849 г. мая 21. — Отношение за № 1055 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
67. 1849 г. мая 26. — Отношение за № 96 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 364
68. 1849 г. мая 26. — Показания А. П. Беклемишева . . . . . —
69. 1849 г. мая 31. — Отношение за № 1157 чиновника III отделения А. Сагтынского к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 371
70. 1849 г. июня 16. — Показание А. П. Беклемишева . . . . . —
71. 1846 г. августа 19. — Письмо М. Ленца к А. П. Беклемишеву по поручению министра вн. дел Л. А. Перовского 374
72. 1849 г. около 24 июня. — Выборка из показаний по делу А. П. Беклемишева . . . . . —
73. 1849 г. около 24 июня. — Выписка из бумаг А. П. Беклемишева . —
74. 1849 г. июня 24. — Допрос А. П. Беклемишева по вопросным пунктам 380
75. 1849 г. июля 15 и позже. — Бумаги, полученные Следственной комиссией от отца А. П. Беклемишева 384
I. 1849 г. июня 28. — Письмо В. Норова П. Д. Беклемишеву . . . —
II. 1847—1848 гг. — А. П. Беклемишев. Записка об ограничении дробления имений . . . . . —
III. 1847—1848 гг. — А. П. Беклемишев. Письмо об обращении помещичьих крестьян в свободных землевладельцев 394
76. 1849 г. сентября 27. — Подписка А. П. Беклемишева при освобождении из-под ареста 398

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ К. И. ТИМКОВСКОГО

77. 1849 г. мая 18. — Отношение за № 459 военного министра кн. А. И. Чернышева к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 401
78. 1849 г. мая 19. — Отношение за № 67 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову . . . . . —
79. 1849 г. мая 24. — Отношение за № 88 председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных кн. А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 402

Стр.

80. 1849 г. мая 24. — Бумаги К. И. Тимковского, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных 403
I. 1842 г. декабря 1. — Билет за № 198, выданный СПб. Цензурным комитетом . . . . . —
II. 1847 г. декабрь. — Письмо А. И. Бутовского к К. И. Тимковскому —
81. 1849 г. мая 24. — Препроводительное отношение за № 1077 управляющего III отделением Л. В. Дубельта к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову 404
82. 1849 г. мая 18. — Записка № 106 полковника корпуса жандармов Грессера к начальнику I округа корпуса жандармов ген.-лейтенанту Полозову 405
83. 1849 г. мая 17. — Записки-доносы родственника К. И. Тимковского 406
84. 1849 г. мая 27. — Показание К. И. Тимковского 407
85. 1849 г. июня 25. — Допрос К. И. Тимковского по вопросным пунктам 423
86. 1849 г. не ранее 29 июля. — Выписка из дела о К. И. Тимковском 441
87. 1849 г. октября 20. — Подписка, данная К. И. Тимковским Военно-судной комиссии 453

Редактор Десницкий Подписано к печати 19/IV 1941 г.
Заказ № 70 М 39599. Объем 28,75 печ. л. Тираж 8.000 экз.

Типография № 1 им. Володарского Управление издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, Фонтанка, 57.

23382

ЦЕНА 13 р. 50 к.

Ак Р